

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

КУРСАНТСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных статей обучающихся

Основан в 2016 г.

Выпуск 5

Минск
Академия МВД
2020

Содержит научные статьи, в которых отражены результаты исследований курсантов, студентов и магистрантов Академии МВД по актуальным проблемам юридических и социально-гуманитарных наук, а также тезисы докладов, представленных на конференциях (чтениях, круглых столах), проведенных Академией МВД.

Предназначен для курсантов, слушателей, студентов и магистрантов учреждений образования юридического профиля.

Редакционная коллегия:

- В. Ч. Родевич*, заместитель начальника академии по научной работе, кандидат юридических наук, доцент (отв. ред.);
А.А. Вишневский, начальник кафедры экономической безопасности, кандидат юридических наук, доцент;
С.В. Добрян, начальник кафедры административной деятельности факультета милиции, кандидат юридических наук, доцент;
Е.М. Ефременко, заведующий кафедрой гражданского и трудового права, кандидат юридических наук, доцент;
И.В. Козелецкий, начальник кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров, кандидат юридических наук, доцент;
А.И. Мурашко, заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, доцент;
Р.А. Середа, заместитель начальника кафедры конституционного и международного права, кандидат юридических наук, доцент;
А.Н. Тукало, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции, кандидат юридических наук, доцент;
Т.М. Фишук, начальник научно-исследовательского отдела;
А.В. Яскевич, профессор кафедры экономической безопасности, кандидат юридических наук, доцент;
Н.С. Демьянец, научный сотрудник научно-исследовательского отдела

© УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2020

УДК 343.985

И.И. Андреева, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Толочко*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К УЯСНЕНИЮ СУЩНОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В данной статье рассматривается сущность оперативно-розыскных правоотношений, приводится анализ мнений ученых-правоведов, разъясняются положения междисциплинарного подхода в оперативно-розыскных правоотношениях.

В процессе жизни и деятельности каждый человек, обеспечивая свои потребности, контактирует с другими людьми, устанавливая тем самым различные по своему содержанию отношения: родственные, семейные, производственные, деловые и т. д. Те общественные отношения, которые регулируются нормами права, являются правовыми.

Их главная особенность заключается в том, что воля их участников подчиняется воле государства, выраженной в соответствующих нормах права. Наряду с этим правовые отношения отличаются от иных общественных отношений и по целому ряду других признаков. Исследование междисциплинарных связей теории оперативно-розыскной деятельности в системе юридических наук криминального цикла позволяет по-новому взглянуть на проблему оперативно-розыскных отношений, представляющих собой особый структурный элемент общей системы общественных отношений, возникающих при решении задач борьбы с преступностью. С учетом предмета нашего исследования представляется интересным проследить за возникновением и развитием оперативно-розыскных отношений сквозь призму их взаимосвязи и соотношения с уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными отношениями, также неизбежно возникающими в связи с совершением преступления и возникновением необходимости его раскрытия и расследования. Проблема правоотношений – одна из самых сложных как в общей теории права, так и в юриспруденции, что подтверждается прежде всего остро-

той научных дискуссий и большим количеством противоречий и неясностей в указанных сферах.

В общем виде правовые отношения – юридическая форма общественных отношений, представляющая собой возникающие на основе правовых норм и определенных жизненных обстоятельств связи конкретных субъектов права, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями, гарантированными государством [1, с. 330]. Р.О. Халфина отмечает, что правоотношение «выражает...особый вид связи права с регулируемыми им общественными отношениями, в которой диалектически сочетается абстрактность нормы с конкретностью данного жизненного отношения. Именно поэтому проблема правоотношения широко привлекает к себе внимание как теории государства и права, так и теории ряда отраслей». С.Ф. Кечекьян, обосновывая важность исследования различного рода правоотношений, пишет, что «именно в правоотношениях, в их возникновении и прекращении и их изменении, в тех правах и обязанностях, которые возникают, отпадают, меняют свое содержание, обнаруживается подлинная жизнь норм права» [2, с. 185]. Проблема правовых отношений, складывающихся в оперативно-розыскной работе, относится к числу наименее разработанных в теории оперативно-розыскной деятельности. Эта проблема в специальной литературе рассматривалась отдельными авторами в основном как вытекающая из исследования других проблем. Некоторые авторы вообще отрицают наличие в оперативно-розыскной деятельности правовых отношений, полагая, что отношения, складывающиеся в ней, являются отношениями искусства, поскольку оперативно-розыскная работа в целом – не что иное, как искусство. Обоснованная критика таких суждений дана А.Г. Лекарем. Практическая значимость и научная ценность оперативно-розыскных правоотношений заключаются в том, что они показывают возможности реального воплощения юридических норм в субъективные права и обязанности конкретных лиц, участвующих в оперативно-розыскной деятельности [3, с. 191]. Чтобы правильно определить характер оперативно-розыскных отношений, необходимо прежде всего обратиться к понятию уголовно-правовых отношений. Напомним, что оперативно-розыскная и уголовно-процессуальная деятельность осуществляются в связи с нарушением норм уголовного права и представляют собой две формы реализации уголовного закона, являющегося объединяющим для них элементом. Одни ученые связывают возникновение уголовно-правовых отношений с осуждением лица, совершившего преступление. По их мнению, только с этого момента возникают и начинают реализовываться конкретные права и обязанности сторон [4, с. 96]. Другие, например, Я.М. Брайнин и А.Л. Ривлин,

считают субъектом уголовно-правового отношения как осужденного, так и обвиняемого, т. е. связывают возникновение уголовно-правового отношения с фактом предъявления обвинения [5, с. 17–18; 77, с. 109]. Большинство авторов считают, что юридическим фактом, с которым связано возникновение уголовно-правового отношения, является совершение лицом преступного деяния, т. е. деяния, содержащего все признаки состава преступления [6, с. 14; 70, с. 13; 71, с. 89; 90, с. 49]. По нашему мнению, следует согласиться с последней точкой зрения, ибо она полнее отражает принципы уголовной политики. Как правильно отмечает М.Д. Шаргородский, суд не создает уголовно-правовых отношений, а лишь констатирует их наличие. Если невиновный привлечен к уголовной ответственности или осужден, то уголовно-правового отношения в рамках данного дела вообще не было (оно – фикция, результат ошибки), а возникли лишь уголовно-процессуальные отношения. Факты привлечения виновного в качестве обвиняемого, его осуждение связаны с определенными этапами развития уголовно-процессуальных отношений, но не с возникновением уголовно-правовых. Уместно провести аналогию с гражданским правом, где правоотношения также возникают не с момента вынесения судом решения, например, о взыскании причиненного ущерба, а значительно раньше – со времени причинения ущерба. Субъектами уголовно-правового отношения являются преступник и государство.

Некоторые авторы находят выход из затруднительного положения, складывающегося при рассмотрении вопроса о правах и обязанностях участников уголовно-правовых отношений, в том, что признают за одной стороной этого отношения только права, за другой – только обязанности. Так, М.А. Чельцов высказал мнение, что уголовно-правовые нормы «устанавливают одностороннюю правовую обязанность не нарушать запрета уголовного закона; этой обязанности не соответствуют права какого-либо субъекта» [7, с. 16]. Этому обоснованно возражает М.Д. Шаргородский, утверждающий, что обязанности гражданина не нарушать запреты уголовного закона, а в случае их нарушения – подчиниться наказанию соответствуют обязанности государства не применять мер наказания к лицу, не нарушившему запрет уголовного закона, а при наказании виновного – ограничиться пределами, установленными законом. Праву государства применять наказание соответствует право гражданина требовать, чтобы мера наказания применялась лишь при установлении факта совершения общественно опасного деяния, предусмотренного в Уголовном кодексе, и не превышала установленного в законе предела [6, с. 14]. Реализация уголовно-правового отношения и назначение наказания лицу, совершившему преступление, либо иных

мер уголовно-правового характера возможно только в рамках уголовно-процессуальных отношений.

Практическую значимость и научную ценность проблемы правоотношений составляет раскрытие важнейшего аспекта фактической обоснованности правового регулирования, показывающей возможность реально воплотить юридические нормы в правах и обязанностях конкретных лиц, которые участвуют в оперативно-розыскной деятельности. Мы поддерживаем точку зрения ученых о важности значения норм уголовного права в характеристике оперативно-розыскных правоотношений. Однако решающее значение в их возникновении, изменении и прекращении у правовых норм, регулирующих оперативно-розыскную деятельность.

Оперативно-розыскные правоотношения возникают на основе юридических фактов, которые свидетельствуют о реальной опасности возникновения или наличия противоправных деяний [3, с. 196]. Такие отношения в своем развитии отличаются сложным характером и в разрешении стоящих перед субъектами задач, часто переплетаются с правоотношениями других отраслей права – уголовно-процессуальным, трудовым, финансовым и др. При осуществлении оперативно-розыскной деятельности важно определить конкретные предписания соответствующих норм. Однако они не растворяются в иных отраслях права и не могут быть сведены ни к одному из известных видов правовых отношений, а отражают собственную специфику. Они реализуются путем осуществления прав и обязанностей их участников. Наиболее наглядно это проявляется в правовом статусе субъектов, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность и обладают правосубъектностью, выражающейся в их компетенции. Правовыми нормами определяется объем правоспособности субъектов. Нормативные акты, которыми регламентированы организация и тактика проведения ОРМ, конкретизируют и детализируют правовые отношения с другими участниками. Данный управомоченный субъект правоотношений обладает специфическим субъективным правом. Оно обеспечено законом в виде конкретных гарантий, к которым относятся правовая и социальная защита субъектов, хотя, как отмечалось, и с определенными недостатками. Необходимое, должное поведение данного субъекта правоотношения выражается его юридической обязанностью, указанной в законе, которая так же, как и субъективное право, имеет ограничение определенными правовыми предписаниями, отступление от которых может привести к нарушению законности. Между субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и лицами, замысливающими, подготавливающими, совершающими или совершившими преступления,

возникают отношения на основании нормативных предписаний закона и подзаконных актов при наличии юридических фактов без волеизъявления противной стороны и уведомлении ее об этом. Специфичность в поведении проверяемых и разрабатываемых лиц, которая выражается в глубокой скрытности, замаскированности действий, вызывает объективную необходимость в проведении в соответствии с правовыми нормами специальных оперативно-розыскных мероприятий, и прежде всего негласных.

Негласность не только не снимает данного правоотношения, а напротив, является необходимым условием его реального существования. Следует согласиться с точкой зрения ученых (Г.О. Петрова, М.С. Строгович, А.А. Пиантковский, М.Д. Шаргородский и др.) о том, что уголовно-правовые отношения наступают одновременно с юридическим фактом преступления. Совершенно очевидно, что в такой ситуации вступают в силу и оперативно-розыскные правоотношения. Они не утрачивают своей специфики, когда существуют параллельно с уголовно-процессуальными, способствуют развитию последних. Наряду с правами и обязанностями субъектов, управомоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность, законодательно закреплены условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, что оказывает существенное влияние на возникновение и развитие правоотношений [8, с. 74].

Актуальной для теории и практики является и другая группа отношений – между оперативным подразделением (должностными лицами) и конфидентами. Сам факт сотрудничества должен рассматриваться как объективная необходимость в борьбе с преступностью, который государство официально признает и поддерживает, законодательно регламентируя. Отношения между ними имеют государственно-правовой характер, строятся на основе обоюдного волеизъявления, обладают юридическими признаками правовых отношений. Вместе с тем конфидентов нельзя рассматривать как субъектов, управомоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность с присущим им правовым статусом. Они оказывают лишь содействие данным субъектам, являются участниками в подготовке или проведении ОРМ. Подобные правоотношения возникают, развиваются и прекращаются путем реализации их прав и обязанностей, закрепленных в законодательстве. Их правоотношения детализируются и конкретизируются соответствующими подзаконными нормативными правовыми актами, которые обеспечивают необходимую устойчивость и определенность сотрудничества.

Анализируемые правоотношения возникают на основе юридических фактов. В оперативно-розыскной деятельности под ними понима-

ют закрепленные правовой нормой основания проведения оперативно-розыскных мероприятий. Они в основе своей указывают на наличие сведений, которые отражают неправомерные действия. Между тем совершенно очевидно, что для оперативно-розыскной деятельности получение фактических данных для установления правоотношений связано с их розысканием. Именно здесь кроется существенный изъян в законе, из-за которого имеется правовое препятствие для оперативной работы в среде, представляющей оперативный интерес, в целях получения первичной информации и для ее использования.

Разрешение этой сложной юридической проблемы видится в признании (прежде всего в законодательстве) и правильном применении такой специфической разновидности юридических фактов, как факты-состояния (В.Б. Исаков, Н.Т. Судариков и др.). Юридические факты-состояния должны особенно привлекать внимание ученых и практиков в области оперативно-розыскной деятельности, поскольку они охарактеризованы большим разнообразием, относительной стабильностью и длительным периодом существования, в течение которого могут вызывать наступление правовых последствий.

Насчет отраслевой принадлежности оперативно-розыскных правоотношений ученые в сфере оперативно-розыскной деятельности расходятся во мнении.

Результаты правового анализа позволяют сделать вывод, что это особый самостоятельный вид оперативно-розыскных правоотношений. Целесообразно также заключить, что оперативно-розыскную деятельность можно представить в виде юридически самостоятельной правовой отрасли, которая состоит из системы взаимосвязанных, разграниченных по институтам правовых мер, имеющих регулирование специфического вида правовых отношений, которые характеризуют юридически цельная общность норм, внутренняя организация, тесное взаимодействие с нормами других отраслей права, специфическое своеобразие и другие типичные отраслевые признаки.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время происходит активный процесс по формированию новой отрасли – оперативно-розыскное право. Этот процесс довольно сложный и длительный, поэтому требуется дополнительная глубокая научная разработка данной темы.

Список использованных источников

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под ред. В.А. Кучинского. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 479 с.

2. Кечекьян, С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян. – М. : АН СССР, 1958. – 185 с.

3. Правоотношения: теоретические и практические проблемы / В.И. Берестень [и др.] ; под ред. В.А. Кучинского ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2016. – 316 с.

4. Смирнов, В.Г. Правоотношения в уголовном праве / В.Г. Смирнов // Правоведение. – 1961. – № 3. – С. 86–98.

5. Брайнин, Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве / Я.М. Брайнин. – М. : Юрид. лит., 1963. – 275 с.

6. Курс советского уголовного права : в 5 т. / отв. ред. Н.А. Беляев (т. 1–5), М.Д. Шаргородский (т. 1–3). – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – Т. 1. Часть общая. – 648 с.

7. Чельцов, М.А. Советский уголовный процесс : учебник / М.А. Чельцов. – 4-е изд. – М. : Госюриздат, 1962. – 503 с.

8. Азаров, В.А. Содержание и форма оперативно-розыскных правоотношений / В.А. Азаров // Государство и право. – 1998. – № 10. – С. 71–75.

УДК 347.457

Ю.В. Антонова, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Паращенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Чигилейчик*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРЕДИТНОГО ДОГОВОРА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются отдельные вопросы правового регулирования кредитного договора, разрешение которых позволит найти оптимальные пути совершенствования норм законодательства и в конечном итоге способствовать защите интересов банка в новых экономических условиях, придать им стабильность.

В современных реалиях *кредитование считается одной из самых распространенных банковских услуг*. Кредит на машину, квартиру, телефон – сегодня деньги можно взять абсолютно для любой покупки как физическим, так юридическим лицам.

Одним из важных институтов гражданского права и средством регулирования поведения сторон в кредитных отношениях является кредитный договор. Как регулятор гражданских правоотношений, он устанавливает, изменяет и прекращает взаимные права и обязанности сторон и,

таким образом, выступает главным правовым документом, регулирующим отношения кредитополучателя и банка, защищает экономические интересы сторон, определяет их права и обязанности, степень имущественной ответственности за нарушение его условий.

Несмотря на достаточно широкое использование данного вида договора в теории и практике кредитных отношений, еще имеются открытые вопросы. Так, однозначно не решен вопрос исчерпывающего юридического определения «кредит», которое бы смогло отразить все его существенные характеристики. Данная проблема обусловлена тем, что в настоящее время актуальным вопросом являются соотношения кредита как экономической и правовой категории: в экономическом смысле понятие кредита употребляется в более широком значении, чем в правовом, и обозначает систему именно экономических отношений, а не гражданско-правовых. Закрепленное в Инструкции о порядке предоставления денежных средств в форме кредита и их возврата (погашения) определение кредита рассматривается в качестве экономической категории: кредит – денежные средства, предоставленные кредитодателем кредитополучателю в размере и на условиях, предусмотренных кредитным договором [1]. Р.Р. Томкович определяет кредит как «сделку, по которой одно лицо передает другому лицу определенную сумму денег под определенный процент с условием возврата» [2].

В силу того что как экономическая сущность, так и правовая природа кредитного договора близки к природе договора займа, но вместе с тем у данных договоров достаточно много различий, в юридической литературе по-разному решается вопрос о правовой природе кредитного договора.

По нашему мнению, вопрос соотношения понятий «кредитный договор» и «договор займа» должен быть однозначно разрешен следующим образом: кредитный договор – разновидность договора займа, так как п. 2 ст. 771 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) прямо указывает на необходимость применения к кредитному договору правил, предусмотренных ГК, о договоре займа с учетом особенностей, установленных законодательством [3]. Кроме того, все правила, касающиеся процентов, обязанностей заемщика по возврату суммы долга, последствий нарушения договора займа и некоторые другие, будут также являться непосредственно применимыми к кредитному договору.

Для подтверждения данной позиции проведем сравнительный анализ кредитного договора и договора займа:

отношения по договору займа регулируются исключительно гражданским законодательством (ст. 760 ГК). Кредитный договор с регулируется гражданским (ст. 771 ГК) и банковским (ст. 137 Банковского кодекса Республики Беларусь) (БК) законодательством [4];

договор займа реальный, т. е. считается заключенным с момента передачи денег. Кредитный договор – консенсуальный – считается заключенным с момента достижения сторонами соглашения по всем существенным условиям;

договор займа односторонний договор, кредитный договор – двусторонний (взаимный);

по субъектному составу в кредитном договоре одной из сторон всегда является банк или небанковская кредитно-финансовая организация, по договору займа – любые субъекты гражданских прав;

предметом кредитного договора могут быть только деньги, а договора займа – как деньги, так и вещи, определенные родовыми признаками;

кредитный договор всегда является возмездным в силу прямого указания закона, поскольку проценты за пользование кредитом являются существенным условием данного вида договора, договор займа может быть как возмездным, так и безвозмездным;

по форме: кредитный договор заключается только в письменной форме, а для договора займа предусмотрена как письменная, так и устная форма.

Таким образом, отношения, регулируемые кредитным договором, являются несколько уже, чем регулируемые договором займа, поэтому он и является разновидностью договора займа.

В качестве признаков кредитного договора выделяют: а) консенсуальность – договор считается заключенным с момента достижения соглашения между сторонами по всем существенным условиям; б) срочность – денежные средства передаются кредитополучателю на определенный срок, оговоренный в договоре; в) возмездность – законодательством предусматривается плата за пользование кредитом, которая выражается в процентах; г) возвратность – по истечении срока договора денежные средства необходимо вернуть.

Кроме указанных признаков, считаем целесообразным выделить и признак дифференцированности и определить его как индивидуальный подход к кредитополучателям в зависимости от их предшествующего поведения в кредитных отношениях и реальных возможностей погасить новое денежное обязательство перед кредитором.

Данный признак обосновывается положением о том, что кредитный договор не имеет такой особенности публичного договора, как обязанность кредитодателя оказывать кредитные услуги в отношении каждого, кто к нему обратится, на одинаковых с другими условиях. Как правило, банк или небанковская кредитно-финансовая организация разработывает собственные требования к лицам – потенциальным кредитополучателям и на основе анализа их финансового состояния и кредитной истории решает вопрос о предоставлении кредита, в индивидуальном

порядке может определять условия кредитования каждого конкретного кредитополучателя.

Ранее в банковском законодательстве выделялась в качестве существенного условия кредитного договора его цель. Действующая редакция ст. 144 БК предусматривает, что кредитный договор может быть заключен с условием целевого использования и указывает случаи, при которых это условие является существенным: если кредит предоставлен под гарантию Правительства Республики Беларусь; если кредит предоставлен под гарантию (поручительство) местного исполнительного и распорядительного органа.

Если кредитный договор заключен с условием о целевом использовании, то в соответствии со ст. 144 БК кредитополучатель обязан обеспечить возможность осуществления кредитодателем контроля за целевым использованием кредита.

С практической точки зрения, на наш взгляд, проблемным полем является отсутствие в национальном законодательстве определение «нецелевое использование кредита». Несмотря на то что ст. 144 БК содержит меры ответственности за нецелевое использование кредита и говорит о том, что эти меры применяются при неисполнении кредитополучателем условий кредитного договора о целевом использовании кредита, считаем целесообразным дополнить БК определением «нецелевое использование кредита», а также перечнем условий, которые могут квалифицироваться как нецелевое использование. Ведь в самом кредитном договоре не всегда возможно предусмотреть все внештатные ситуации, возникающие на практике. Так, например, кредитополучателю кредит предоставляется на осуществление предварительных платежей, но затем при наступлении сроков, предусмотренных договором между кредитополучателем и продавцом, поставка не осуществляется. Тогда возникает вопрос: возникла ситуация нецелевого использования кредита при непоставке товара, приобретаемого за счет кредита или возникла ситуация невозможности целевого использования кредита.

В этой связи представляет интерес точка зрения В. Никончик, который считает, что «под нецелевым использованием кредита понимается умышленные деяния кредитополучателя, направленные на использование предоставленных кредитодателем денежных средств на цели, не предусмотренные кредитным договором» [5, с. 12], что позволит, на наш взгляд, более точно квалифицировать ситуации, когда денежные средства не используются по установленному в кредитном договоре назначению.

Несмотря на достаточно полную правовую регламентацию процедуры выдачи кредитов, это не является гарантией надлежащего исполнения кредитополучателем своей обязанности по своевременному погашению задолженности. Проблема с возвратом кредитов является акту-

альной, особенно сейчас, когда на фоне нестабильной экономической ситуации происходит снижение платежеспособности граждан, становятся неплатежеспособными субъекты хозяйствования, т. е. кредитополучатели становятся неспособными самостоятельно рассчитываться по своим долгам. В результате у банков растет проблемная задолженность по кредитам, а следовательно, актуальным является вопрос об ответственности сторон в кредитных отношениях.

Проблема ответственности по кредитному договору регулируется нормами гражданского и банковского законодательства. Кроме того, некоторые нарушения, возникающие в сфере кредитования, могут представлять серьезную общественную опасность, поэтому за их совершение законодательством предусматривается административная и уголовная ответственность.

Проводя анализ ст. 237 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) [6] нами отмечено, что на современном этапе кардинально изменилось экономическое положение страны, и банковская система в настоящее время обладает значительными кредитными ресурсами. Сегодня в большей степени проблема стоит не в выманивании кредитных ресурсов недобросовестными кредитополучателями, а скорее наоборот – в поиске клиентов для выделения кредитов. Целевое выделение кредита уже не так актуально, более актуальным является вопрос по его возврату. Следовательно, конструкция ст. 237 УК в том виде, в котором она присутствует в законе в настоящее время, несколько утратила актуальность.

Полагаем, что к применению данной нормы следует прибегать лишь по отношению к кредитам, приобретенным на льготных условиях или имеющих обеспечение за счет государства.

Поскольку на получение льготных кредитов претендуют не только юридические, но и физические лица, считаем необходимым указать их в диспозиции данной статьи, предложив ее в следующей редакции: «предоставление физическим лицом, индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица в целях получения кредита на льготных условиях либо имеющих обеспечение за счет государства, либо льготных условий выделения субсидии заведомо ложных документов и сведений об обстоятельствах, имеющих существенное значение для получения кредита или субсидии, либо умышленное несообщение физическим лицом, индивидуальным предпринимателем или должностным лицом юридического лица кредитору или органу, выделившему субсидию, информации о возникновении обстоятельств, влекущих приостановление кредитования или субсидирования, –

наказываются штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или аре-

стом, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок».

Кроме того, анализ ст. 242 УК показал, что субъектами преступления, предусмотренного данной статьей, являются индивидуальный предприниматель либо должностное лицо юридического лица. Следовательно, физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и уклоняющиеся от погашения кредиторской задолженности, административную и уголовную ответственность по законодательству не несут.

В отличие от белорусского законодательства ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности и гражданина, т. е. физического лица [7].

Принимая во внимание тот факт, что предоставление кредита связано для банка с повышенным риском его невозврата, а нормы законодательства должны защищать интересы банков и придавать стабильность кредитно-финансовым отношениям, позволяя им успешно развиваться, мы считаем необходимым включить в ст. 242 УК в качестве субъекта ответственности и физическое лицо. Кроме того, предлагаем исключить из диспозиции данной статьи условие «при наличии возможности выполнить обязанность», поскольку оно создает предпосылку для рассуждений о том, что если у физического или юридического лица нет возможности возратить кредит, то и ответственность для него не наступит и банку придется списать задолженность. В таком случае нарушается принцип неотвратимости наказания.

Данная статья, по нашему мнению, может быть изложена в следующей редакции: «уклонение гражданина – физического лица, индивидуального предпринимателя или должностного лица юридического лица от погашения по вступившему в законную силу судебному постановлению кредиторской задолженности в крупном размере, –

наказывается штрафом, или лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или ограничением свободы на срок до двух лет, или лишением свободы на тот же срок».

Таким образом, указанные пути совершенствования норм гражданского и уголовного законодательства, регулирующего кредитные отношения, позволят защитить интересы банка в новых экономических условиях и придать им стабильность.

Список использованных источников

1. Об утверждении Инструкции о порядке предоставления денежных средств в форме кредита и их возврата (погашения) [Электронный ресурс] : постанов-

ление Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 29 марта 2018 г., № 149 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Томкович, Р.Р. Кредитное обслуживание клиентов с учетом обновленного законодательства [Электронный ресурс] / Р.Р. Томкович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : текст кодекса по сост. на 18 дек. 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 окт. 2000 г., № 441-3 : принят Палатой представителей 3 окт. 2000 г. : одобр. Советом Респ. 12 окт. 2000 г. : текст кодекса по сост. на 17 июля 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. Никончик, В. Нецелевое использование кредита / В. Никончик // Гл. бухгалтер. Банк. деятельность. – 2005. – № 3. – С. 11–13.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст кодекса по сост. на 18 июля 2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой Рос. Федерации 24.05.2006 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.

УДК 347

Е.А. Артюх, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Паращенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Чиглейчик*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОКАЗАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

В статье рассматриваются основания возникновения прав и обязанностей участников туристической деятельности, анализируются особенности ответственности сторон договора за неисполнение либо ненадлежащее испол-

нение его условий, а также порядок защиты своих прав потребителями туристических услуг.

В настоящее время отдых за границей стал очень популярным. В 2018 г. за территорию Республики Беларусь было осуществлено 9325,9 тыс. поездок. Это на 899,2 тыс. больше по сравнению с 2012 г.¹ Поскольку число желающих отдохнуть за границей растет, появляется все больше организаций, осуществляющих туристическую деятельность. По итогам 2018 г. их насчитывается порядка 1 482².

Из-за недостаточного количества информации у участников туристической деятельности нередко возникают вопросы, ответы на которые они не могут получить самостоятельно, а туристические фирмы хоть и обязаны, но не всегда надлежащим образом информируют туристов. Для защиты их прав гражданам необходимо обратиться к ряду законодательных актов.

В Республике Беларусь права туристов (как потребителей туристических услуг) и ответственность за исполнение турфирмами этих услуг надлежащего качества определены целым рядом законов и положений: Закон Республики Беларусь «О туризме» (далее – Закон «О туризме») [1], Закон «О защите прав потребителей», Закон «О рекламе», а также стандарты: ГОСТ 28681.1-95 «Туристско-экскурсионное обслуживание. Проектирование туристских услуг», ГОСТ 28681.2-95 «Туристско-экскурсионное обслуживание. Туристские услуги. Общие требования», ГОСТ 28681.3-95 «Туристско-экскурсионное обслуживание. Требования по обеспечению безопасности туристов и экскурсантов», СТБ 1352-2005 «Услуги туристские. Общие положения». Сюда также относится и Гражданский кодекс Республики Беларусь (ГК) [2], имея в виду нормы о возмездном оказании услуг.

Согласно ст. 24 Закона «О туризме» под безопасностью в сфере туризма понимаются сохранность жизни, здоровья, имущества туристов, экскурсантов, нанесение вреда окружающей среде при совершении туристических путешествий. Одновременно на Министерство спорта и туризма Республики Беларусь возложена обязанность информировать субъектов и участников туристической деятельности о странах (местах), посещение которых в данное время представляет угрозу безопасности туристов, экскурсантов, посредством размещения соответствующих сведений в республиканских средствах массовой информации.

¹ Данные приведены по сведениям Государственного пограничного комитета Республики Беларусь без учета прибывших и выехавших на постоянное место жительства.

² Туризм и туристические ресурсы в Республике Беларусь : стат. сб. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2018.

Ответственность в туристической деятельности наступает по определенным в законодательстве основаниям, однако часто установить пределы ответственности субъектов данной деятельности непросто. Согласно ГОСТу 32611-2014 «Туристские услуги. Требования по обеспечению безопасности туристов» к субъектам, обеспечивающим безопасность туристов, относят Правительство, МИД, МЧС, туроператоров, авиаперевозчиков, страховые компании и другие органы исполнительной власти в пределах их компетенции.

Ответственность, которая может наступить в случае несоблюдения положений законов и договоров, прежде всего со стороны субъекта туристической деятельности, по своей сути многогранна. Происходит это прежде всего потому, что туристическая деятельность регулируется различными отраслями как частного, так и публичного права: законодательство о туризме содержит нормы гражданского, административного, предпринимательского, финансового и других отраслей права.

Гражданское законодательство Республики Беларусь, а также Закон «О туризме», которые являются основными источниками правового регулирования туристической деятельности, не в полной мере регламентируют возникающие общественные отношения в рассматриваемой плоскости. В вышеуказанных нормативных правовых актах, как указывает в своей диссертации И.Н. Яхновец, «не определены виды въездного и внутреннего туризма; не полностью урегулированы вопросы содержания и разграничения ответственности субъектов туристической деятельности при нарушении условий договора оказания туристических услуг; не в полной мере обеспечена защита прав и законных интересов участников туристической деятельности, что свидетельствует о необходимости проведения научных исследований с разработкой и внесением предложений по совершенствованию действующего законодательства» [3, с. 14].

Отношения между потребителем и туристическим агентством строятся на основании договора оказания туристических услуг, который заключается в письменной форме и должен содержать следующие существенные условия:

- стоимость туристических услуг, сроки и порядок их оплаты;
- сведения об исполнителе, его месте нахождения (месте жительства индивидуального предпринимателя) и банковские реквизиты;
- сведения о заказчике в объеме, необходимом для оказания туристических услуг;
- программу туристического путешествия;
- права, обязанности и ответственность сторон;

условия изменения и расторжения договора оказания туристических услуг, порядок урегулирования возникших споров и возмещения причиненных убытков (вреда);

иные условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (ст. 17 Закона «О туризме»).

Участники туристической деятельности имеют определенные права и обязанности. В ст. 14 Закона «О туризме» конкретно описаны правомочия субъектов, которыми являются туристические агентства и тур-операторы, и информация, которую они должны предоставить участникам туристической деятельности. Кроме этого, туристическая фирма обязана провести инструктаж о соблюдении правил личной безопасности туриста. Такой порядок определяет Инструкция о порядке проведения инструктажа о соблюдении правил личной безопасности туриста, экскурсанта, утвержденная постановлением Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 17 [4]. В свою очередь, участники, согласно ст. 13 Закона «О туризме», должны нести ряд обязанностей: соблюдать законодательство страны (места) временного пребывания, уважать ее политическое и социальное устройство, обычаи, традиции, религии населения; бережно относиться к окружающей среде, материальным историко-культурным ценностям; соблюдать правила въезда и выезда страны (места) временного пребывания (стран транзитного проезда); соблюдать правила личной безопасности; исполнять условия договора оказания туристических услуг.

Несоблюдение законодательства о туризме влечет ответственность, предусмотренную законодательными актами.

Опираясь на ст. 31 Закона «О защите прав потребителей» [5], нужно иметь в виду, что при обнаружении отступлений от условий договора или иных недостатков оказанной услуги потребитель вправе по своему выбору потребовать: безвозмездного устранения недостатков оказанной услуги; соразмерного уменьшения установленной цены оказанной услуги; безвозмездного повторного оказания услуги, если это возможно; возмещения понесенных им расходов по устранению недостатков оказанной услуги своими силами или третьими лицами.

Согласно п. 52 Правил оказания туристических услуг, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 ноября 2014 г. № 1064, в случае нарушения сроков оказания туристических услуг, определенных в договоре, исполнитель уплачивает заказчику (туристу) неустойку в порядке, предусмотренном законодательством о защите прав потребителей [6]. В свою очередь, п. 53 этих правил предусматривает, что при нарушении сроков оплаты туристических услуг,

определенных в договоре, заказчик уплачивает исполнителю неустойку (пеню, штраф) в порядке, предусмотренном в таком договоре.

Потребитель также вправе потребовать материальную компенсацию морального вреда (испытываемые лицом физические и нравственные страдания), причиненного ему из-за нарушения исполнителем прав потребителя, предусмотренных законодательством. Компенсация морального вреда осуществляется причинителем вреда при наличии его вины (ст. 18 Закона «О защите прав потребителей»).

Для защиты своих прав потребитель туристических услуг может использовать один из следующих способов: досудебный и судебный порядок разрешения споров.

Досудебный порядок разрешения споров понимает под собой отстаивание потребителем своих прав путем предъявления претензии туристическому агентству. Следует отметить, что в претензии необходимо указать на те обстоятельства, которые были нарушены туристической компанией (пункты договора, конкретные нормы законодательства).

Второй способ разрешения споров – судебный. Данный способ приводится в исполнение в случае, если туристическая компания игнорирует претензию потребителя и последним не получен на нее ответ, а также если ответ туристической компании не удовлетворяет потребителя. При указанных выше обстоятельствах он вправе обратиться за защитой нарушенных прав в суд, но здесь нужно учитывать срок исковой давности. Следует отметить, что общий срок исковой давности – три года. Дела о защите прав потребителей рассматриваются в общем суде.

В настоящее время представляется актуальной проблема защиты прав субъектов туристической деятельности при чрезвычайных ситуациях, так как в последнее время за границей участились несчастные случаи, вызванные природными катаклизмами.

В соответствии со ст. 25 Закона «О туризме» в случае возникновения чрезвычайных ситуаций за пределами территории Республики Беларусь при международном выездном туризме государство принимает меры по охране жизни, здоровья и имущества туристов, экскурсантов, в том числе меры по их эвакуации из страны (места) временного пребывания.

Нельзя также оставить без внимания тот факт, что права и интересы граждан Республики Беларусь за границей защищают консульские учреждения Республики Беларусь. Каждый турист должен иметь информацию о телефонах и адресах дипломатических представительств или консульских учреждений Республики Беларусь в стране временного пребывания либо иных организациях, в которые можно обратиться для защиты своих прав и законных интересов. Консул обязан принимать меры по обеспечению в полном объеме прав юридических лиц

и граждан Республики Беларусь, предоставленными им законодательством страны нахождения, международными договорами Республики Беларусь и страны нахождения. В случае утраты или кражи документов, денег и т. д. можно обратиться в ближайшее отделение местных правоохранительных органов для составления соответствующего протокола о происшедшем. В случае ареста, задержания, депортации или каких-либо противозаконных действий, необходимо настаивать на том, чтобы данная информация была доведена местными властями до сведения консула Республики Беларусь.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что правовое регулирование туристической деятельности в Республике Беларусь в целом учитывает основные тенденции развития мирового туризма. Основными факторами, определяющими темп развития туризма на территории Беларуси, являются выгодное географическое положение, наличие транспортных магистралей европейского значения и туристической инфраструктуры, реализация государственных программ по развитию туризма и инвестпроектов республиканского и регионального проектов.

В гражданском законодательстве права и обязанности участников туристической деятельности урегулированы достаточно полно. Однако имеется ряд проблем. В большинстве законодательных актов нечетко определено взаимодействие субъектов туристической деятельности. На практике иногда возникают отношения, которые не урегулированы нормами гражданского права. Кроме того, возникают новые отношения, которые в гражданском законодательстве трудно предусмотреть заранее. Для решения этой проблемы необходимо применять аналогию закона и аналогию права. Аналогия закона применяется в случаях, если гражданско-правовые отношения, по поводу которых возникает спор, имеют юридическое значение, не урегулированы конкретными нормами права, а также соглашением сторон, имеются нормы, регулирующие сходные отношения, которые могут быть применены к сходному случаю. Аналогия права применяется при отсутствии нормы и соглашения сторон, регулирующая не только спорные, но и сходные отношения. Она заключается в восполнении пробелов путем применения к данным отношениям общих начал и смысла гражданского законодательства [7, с. 40].

Еще одна проблема – ответственность туристических фирм. Недобросовестное исполнение своих обязанностей, недостаточное информирование потребителей туристических услуг приводит к нарушению прав и интересов граждан. Потребитель туристических услуг, если его права были нарушены, вправе обратиться в суд, а также потребовать материальную компенсацию вреда. Но это не устранил саму проблему в

законодательстве. С целью обеспечения надлежащей защиты прав и интересов потребителей туристических услуг целесообразно более четко определить случаи, в которых ответственность возложена исключительно на туристические агентства.

Считаю целесообразным внести в ст. 14 Закона «О туризме» изменение, которое установит составление ведомости о проведении инструктажа туристическими фирмами с туристами «О соблюдении правил личной безопасности туриста» с обязательными подписями сторон. Данный документ будет служить гарантией для защиты прав как потребителей, так и исполнителей туристической деятельности.

Список использованных источников

1. О туризме [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 25 нояб. 1999 г., № 326-3 : принят Палатой представителей 10 нояб. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 18 нояб. 1999 г. : в ред. Законов Респ. Беларусь от 09.01.2007 г. № 206-3, от 16.06.2010 г. № 139-3, от 22.12.2011 г. № 139-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.10.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Яхновец, И.Н. Гражданско-правовое регулирование въездного и внутреннего туризма в Республике Беларусь [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / И.Н. Яхновец ; Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – 28 с.
4. Об утверждении Инструкции о порядке проведения инструктажа о соблюдении правил личной безопасности туриста, экскурсанта [Электронный ресурс] : постановление М-ва спорта и туризма Респ. Беларусь, 10 июля 2007 г. № 17 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 30.12.2019.
5. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2002 г., № 90-3 : принят Палатой представителей 5 дек. 2001 г. : одобр. Советом Респ. 20 дек. 2001 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Правила оказания туристических услуг [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 нояб. 2014 г., № 1064 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 23.12.2019.
7. Колбасин, Д.А. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / Д.А. Колбасин ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2016. – 496 с.

М.А. Асадчук, курсант факультэта міліцыі

Навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук,
дацэнт *С.Ф. Лапановіч*

Рэцэнзент – кандыдат гістарычных навук, дацэнт *В.А. Данілаў*

АДНАЎЛЕННЕ ДЗЕЙНАСЦІ ОРГАНАЎ УНУТРАНЫХ СПРАЎ НА ТЭРЫТОРЫІ БССР У ПЕРШЫЯ ПАСЛЯВАЕННЫЯ ГАДЫ (1943–1946 гг.)

У дадзеным артыкуле разглядаецца гісторыя Народнага камісарыята ўнутраных спраў (НКУС) БССР, пачынаючы з пераломнага ў Вялікай Айчыннай вайне 1943 г. і да моманту перайменавання НКУС у МУС СССР. Асноўная ўвага будзе нададзена вывучэнню тых значных арганізацыйных працэсаў, якія адбываліся ўнутры міліцэйскага ведамства БССР з пачатку вызвалення беларускай зямлі ад нямецкіх акупантаў.

Уклад супрацоўнікаў органаў унутраных спраў БССР ва ўсенароднае змаганне з нацысцкімі захопнікамі ў гады Вялікай Айчыннай вайны меў разнастайны і шырокі характар. Перш за ўсё былыя супрацоўнікі савецкай міліцыі ў радах Чырвонай Арміі непасрэдна прымалі актыўны ўдзел у барацьбе з гітлераўцамі. Потым на акупіраванай тэрыторыі сумесна з партызанамі і ў падполлі, дзякуючы іх найцяжэйшай працы, былі сарваны шматлікія аперацыі праціўніка, падарвана функцыянаванне нямецкага тылу. У ходзе дзеянняў у тыле ворага супрацоўнікі Народнага камісарыята ўнутраных спраў (НКУС) таксама здабывалі важныя разведаныя дадзеныя, якія тым ці іншым чынам дапамагалі Чырвонай Арміі змагацца з войскамі вермахта.

Пачаткам аднаўлення дзейнасці міліцыі ў БССР можна лічыць восень 1943 г., калі былі вызвалены ад нацыстаў Хоцімскі, Касцюковіцкі, Мсціслаўскі, Слаўгарадскі і Клічаўскі раёны. Гэтай жа восенню ў г. Кондрава Смаленскай вобласці створаны першыя аператыўна-чэкісцкія групы, задача якіх – непасрэдная падрыхтоўка да аднаўлення працы органаў міліцыі на вызваленай тэрыторыі рэспублікі [1, с. 102].

Аператыўна-чэкісцкая група Упраўлення НКУС па Магілёўскай вобласці, якую ўзначальваў палкоўнік міліцыі У.І. Сырамолатаў, накіроўвала ў вызваленыя раёны сваіх супрацоўнікаў, якія паспяхова выконвалі задачы па аднаўленні мірнага жыцця і падтрыманню грамадскага парадку ў райцэнтрах і іншых населеных пунктах. Такая група Упраўлення НКУС па Віцебскай вобласці, створаная крыху пазней пад кіраваннем П.Е. Крысанава, у першы час аказвала вялікую дапамогу

партызанам, якія дзейнічалі на тэрыторыі вобласці, яшчэ занятай ворагам [1, с. 102–103].

2 ліпеня 1944 г. была вызвалена Вілейка, 5 ліпеня 1944 г. – Маладзечна, 20 верасня 1944 г. Вілейская вобласць была перайменавана ў Маладзечанскую. Начальнікам УНКУС па Маладзечанскай вобласці быў прызначаны Л.С. Сямёнаў [2, с. 171].

8 ліпеня 1944 г. былі вызвалены Баранавічы (у снежні 1944 г. начальнікам УНКУС па Баранавіцкай вобласці стаў А.П. Свірыдаў); 14 ліпеня 1944 г. вызвалілі Пінск (з 20 ліпеня 1945 г. начальнік УНКУС па Пінскай вобласці М.І. Адзінцоў); 16 ліпеня 1944 г. – Гродна (з 12 кастрычніка 1944 г. начальнік УНКУС па Гродзенскай вобласці І.І. Горлаў); 28 ліпеня 1944 г. – Брэст (з 20 ліпеня 1945 г. начальнік УНКУС па Брэсцкай вобласці В.В. Радчанка).

7 кастрычніка 1944 г. Л.П. Берыя падпісаў загад НКУС СССР аб арганізацыі УНКУС Бабруйскай, Гродзенскай, Полацкай абласцей і аб перайменаванні УНКУС па Вілейскай вобласці ў УНКУС па Маладзечанскай вобласці.

Загадам НКУС СССР ад 19 кастрычніка 1944 г. былі зацверджаны штаты зноў арганізаваных упраўленняў НКУС. Структура апошніх, на прыкладзе УНКУС па Гродзенскай вобласці, была наступнай: кіраўніцтва – начальнік УНКУС, намеснік начальніка ўпраўлення, намеснік начальніка ўпраўлення па міліцыі (ён жа начальнік упраўлення міліцыі), намеснік начальніка ўпраўлення па кадрах; сакратарыят УНКУС (6 чалавек), Упраўленне міліцыі (131); аддзел пажарнай аховы (11); турэмнае аддзяленне (6); аддзел па барацьбе з бандытызмам (25); кіраўніцтва – начальнік аддзела, намеснік начальніка аддзела (сакратарыят АББ (3), група аператыўнага ўліку (2), 1-е аддзяленне (агентурна-аператыўнае) (7), 2-е аддзяленне (па барацьбе з дэзерцірствам) (4), 3-е аддзяленне (следчае) (7); аддзяленне контрвыведкі НКУС «СМЕРШ» (8); аператыўнае аддзяленне (4); аддзяленне па барацьбе з дзіцячай беспрытульнасцю і безнагляднасцю (3); штаб знішчальных батальёнаў (4); штаб МСПА (па аб'ектах УНКУС) (1); група па шыфррабоце (2); 1-ы спецаддзел (улікова-архіўны) (15); аддзел кадраў (13); фінансавы аддзел (11); гаспадарчы аддзел (67). Усяго па апарату УНКУС налічвалася 311 чалавек, а па органах НКУС па Гродзенскай вобласці – 1 673.

Па меры адступлення нямецка-фашысцкіх захопнікаў НКУС БССР ствараў новыя аператыўныя групы, якія накіроўваліся ў раёны ў першыя гадзіны іх вызвалення. Некаторыя аператыўна-чэкісцкія групы адначасова падпарадкоўваліся ўжо створаным УНКУС. Так, аператыўна-чэкісцкая група УНКУС па Вілейскай вобласці была перададзена УНКУС Віцебскай вобласці. У яе задачу ўваходзіла арганізацыя дзейнасці міліцыі

ў вызваленыя часткамі Чырвонай Арміі раёнах Вілейскай вобласці. Такія задачы вырашалі і аператыўнікі УНКУС па Мінскай вобласці. У гэтай групе налічвалася 52 супрацоўнікі, на якіх ускладаўся абавязак па аднаўленні органаў міліцыі на тэрыторыі вобласці. 3 ліпеня 1944 г. група пад кіраўніцтвам намесніка наркама ўнутраных спраў палкоўніка С.Д. Красненкова ўвайшла ў г. Мінск. У цяжкіх баях за прыгарады Мінска прымалі ўдзел і супрацоўнікі міліцыі. Калі ў ноч з 5 на 6 ліпеня нямецкія войскі прабіліся на вуліцу Абуўную, на іх шляху ўсталі партызаны і мінская міліцыя. А ў ноч на 7 ліпеня пры спробе гітлераўцаў зноў захапіць г. Мінск і злучыцца з асноўнай масай нямецкіх войскаў, якія знаходзіліся на ўсходзе ад сталіцы, у бой з ворагамі ўступілі партызаны, войскі НКУС і супрацоўнікі міліцыі пад камандаваннем Г.І. Вінаградава [2, с. 211].

Ствараліся і іншыя аператыўна-чэкісцкія групы, якія адначасова з перадавымі часткамі Чырвонай Арміі прыбывалі ў вызваленныя ад гітлераўскіх войскаў раёны. Іх задача – прымаць самыя неадкладныя меры па аднаўленні разбуранай гаспадаркі, аказваць дапамогу войскам Чырвонай Арміі, забяспечваць грамадскі парадак, браць на ўлік калабарацыйністаў, праводзіць збор трафейнай зброі і г. д. [2, с. 103].

28 кастрычніка 1943 г. кіраўніцтва НКУС БССР пераехала ў вызвалены г. Гомель і пачало выконваць свае функцыі ўжо на тэрыторыі рэспублікі. Адна з асноўных задач складалася ў аднаўленні органаў міліцыі на месцах. Хуткімі тэмпамі ішло камплектаванне абласных упраўленняў НКУС, гарадскіх і раённых аддзелаў міліцыі [5, с. 211].

Дзейнасць міліцыі прыняла арганізаваны, скаардынаваны характар пасля аднаўлення НКУС БССР. У другой палове 1943 г. народнымі камісарам унутраных спраў рэспублікі прызначылі камісара дзяржбяспекі С.С. Бельчанку (у званні – з 17 жніўня 1943 г.), далей ён – камісар дзяржбяспекі 3-га рангу (з чэрвеня 1945 г.), генерал-лейтэнант (з ліпеня 1945 г.), генерал-палкоўнік (з лютага 1958 г.). У канцы 1943 г. Прэзідыум Вярхоўнага Савета БССР выдаў Указ аб падзеле НКУС БССР на два народныя камісарыяты – унутраных спраў і дзяржаўнай бяспекі [2, с. 103].

Самай вострай у органах міліцыі пасля аднаўлення іх дзейнасці была кадравая праблема. Вырашалася яна наступным чынам. З тылавых раёнаў краіны, часцей Чырвонай Арміі адклікаліся супрацоўнікі міліцыі, якія раней працавалі ў Беларусі. Кадры для працы ў міліцыі рыхтаваліся на розных курсах. На сталую працу ў рэспубліку накіроўваліся супрацоўнікі і з іншых рэгіёнаў СССР. Структура органаў міліцыі пасля іх аднаўлення ў рэспубліцы змянілася нязначна ў параўнанні з да-

ваенным перыядам. НКУС БССР складаўся з некалькіх упраўленняў і аддзелаў, якія ведалі рознымі службамі [2, с. 104].

Да 15 лютага 1944 г. у асноўным завяршылася камплектаванне кіравання НКУС Магілёўскай вобласці. Тут было сфарміравана 13 аператыўных груп, якія налічвалі ў сваіх шэрагах больш за 160 чалавек і па рашэнню абласнога камітэта партыі накіроўваліся ва ўсе раёны вобласці. Пасля аператыўных групы цалкам уліліся ў органы міліцыі і склалі іх асноўнае ядро. Падобным чынам умацоўваліся адпаведнымі кадрамі гарадскія і раённыя аддзелы Гомельскай, Палескай і іншых абласцей. Так, у Гомельскую вобласць з НКУС БССР было накіравана 340 чалавек аператыўнага складу. 318 з іх увайшлі ў аператыўныя групы – у асноўным па 25 чалавек кожная.

Аднак, нягледзячы на ажыццяўленне гэтых і іншых мерапрыемстваў, недахоп у аператыўных работнікаў застаўся. Таму кіраўніцтва рэспублікі ў складаных умовах ваеннага часу прымала ўсе меры па пошуку людскіх рэзерваў і накіраванні іх на працу ў органы міліцыі рэспублікі. У ліпені 1944 г. у распараджэнне наркамата штаб накіраваў 10 участковых упаўнаважаных і 30 радавых міліцыянераў. З былых партызан была створана і пазаведамасная міліцыя. Толькі ў 1944 г. у міліцыю прыбыло з ліку партызан: у Баранавіцкую вобласць – 45 чалавек, Вілейскую – 31, Пінскую – 26, Полацкую – 40 і Бабруйскую – 15. Вялікае папаўненне атрымаў НКУС Віцебскай вобласці. Сюды прыбылі 550 чалавек з ліку былых партызан. 250 з іх увайшлі ў ізноў створаныя аператыўныя групы. У склад кавалерыйскага эскадрона мінскай міліцыі таксама ўваходзілі партызаны. У ім налічвалася 85 чалавек [2, с. 213].

Кіраўніцтва рэспублікі накіроўвала ў органы міліцыі не толькі былых партызан, але і дэмабілізаваных воінаў. Толькі ў чэрвені 1944 г. 720 салдат Чырвонай Арміі атрымалі міліцэйскую форму.

Вялікую дапамогу ў камплектаванні вопытнымі кадрамі органаў міліцыі рэспублікі аказваў ЦК ВКП(б). На сталую працу ў БССР былі накіраваны супрацоўнікі міліцыі з Валгаградскай, Кемераўскай, Чкалаўскай, Маскоўскай, Горкаўскай, Тульскай, Мурманскай, Іркуцкай, Свядлоўскай, Ленінградскай абласцей, Краснаярскага, Алтайскага, Прыморскага і Хабараўскага краёў. 1 ліпеня 1944 г. для папаўнення органаў міліцыі БССР прыбылі курсанты Маскоўскай гарадской школы міліцыі, якія былі накіраваны ў Вілейскую, Брэсцкую, Мінскую і Баранавіцкую вобласці. У органы міліцыі БССР цалкам уліўся таксама ўвесь радавы склад Маскоўскага знішчальнага батальёна.

Такім чынам, уся краіна дапамагла ўмацоўваць органы міліцыі БССР. Па дадзеных за снежань 1944 г., у яе шэрагах працавалі 59,4 адсотка

беларусаў, 24,2 – рускіх, 5,6 – украінцаў і 10,8 адсотка прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей.

У сувязі з хуткім ростам крымінальнай злачыннасці ў Палескай вобласці Наркамат унутраных спраў БССР у тэрміновым парадку накіраваў туды аператыўных работнікаў на чале з начальнікам крымінальнага вышуку ўпраўлення міліцыі НКУС БССР С.В. Кажамякіным [2, с. 214].

Такая мабільнасць і манеўранасць давала партыйным і савецкім органам магчымасць у пэўнай ступені кампенсаваць недахоп кадраў аператыўных работнікаў міліцыі і паспяхова весці барацьбу з бандытызмам і парушальнікамі сацыялістычнага правапарадку.

31 кастрычніка 1944 г. быў выдадзены загад НКУС БССР «Аб фарміраванні аператыўнай школы НКУС БССР», у якім гаварылася аб тым, каб сфарміраваць Мінскую апершколу НКУС БССР для падрыхтоўкі і перападрыхтоўкі начальнікага складу НКУС і міліцыі БССР на 300 слухачоў з двух курсаў. Тэрмін навучання ўсталявалі для зноў прынятых адзін год, на перападрыхтоўку – ад трох да пяці месяцаў. За фарміраванне адказваў начальнік апершколы падпалкоўнік міліцыі М.А. Сядлоўскі. Заняткі павінны былі пачацца з 1 снежня 1944 г. [2, с. 121].

Структурныя падраздзяленні НКУС змагаліся з бандытызмам і антысавецкімі выступленнямі, крымінальнай злачыннасцю і крадзяжом сацыялістычнай уласнасці, ахоўвалі дзяржмяжу, грамадскі парадак і асабістую бяспеку грамадзян, займаліся арганізацыяй правядзення пашпартнай сістэмы. Яны таксама забяспечвалі ізаляцыю злачынцаў і іх працоўнае выкарыстанне, утрыманне, ахову і працоўнае выкарыстанне ваеннапалонных і інтэрніраваных, ахову чыгуначных збудаванняў і асабліва важных прадпрыемстваў прамысловасці, арганізацыю пажарнай аховы і мясцовай супрацьпаветранай абароны, змагаліся з дзіцячай беспрытульнасцю і безнагляднасцю, адказвалі за выкананне абаронных, народнагаспадарчых і спецыяльных заданняў урада [1, с. 103–104].

Галоўная роля ў сістэме НКУС належала па-ранейшаму Галоўнаму ўпраўленню міліцыі (ГУМ) як па задачах, ускладзеных на органы міліцыі, так і па колькасным складзе. Менавіта ў Галоўным упраўленні міліцыі вызначаліся і распрацоўваліся асноўныя напрамкі барацьбы са злачыннасцю, аховы грамадскага парадку, абароны правоў і інтарэсаў грамадзян.

Шматгранную дзейнасць міліцыі накіроўвалі і ажыццяўлялі аддзелы ГУМ: палітычны, крымінальнага вышуку, па барацьбе з крадзяжамі сацыялістычнай уласнасці, службы і баявой падрыхтоўкі, дзяржаўнай аўтамабільнай інспекцыі, аператыўны, віз, рэгістрацый і загс, пашпартны стол, а таксама аддзяленне навукова-тэхнічных сродкаў. Акрамя таго,

у ГУМ уваходзілі аддзяленні прапаганды і агітацыі, камсамольскай і культурна-асветніцкай працы, а таксама рэдакцыя газеты «На страже Октября». Сярод мноства функцый органаў міліцыі па-ранейшаму галоўнае месца займала барацьба са злачыннасцю і ахова грамадскага парадку, а таксама папярэджанне і раскрыццё злачынстваў, забеспячэнне недатыкальнасці маёмасці савецкіх грамадзян, іх гонару годнасці, барацьба з дзіцячай беспрытульнасцю і безнагляднасцю, ахова грамадскай маёмасці, кантроль за арганізацыяй аховы кантор і аддзяленняў сувязі і іншых устаноў, забеспячэнне бяспекі руху, транспарту і пешаходаў.

Арганізацыйная структура абласных упраўленняў адпавядала структуры Наркамата ўнутраных спраў БССР. Гарадскія і раённыя аддзелы міліцыі ўключалі ў сябе аддзяленні: крымінальнага вышуку, па барацьбе з крадзяжамі сацыялістычнай уласнасці, баявой падрыхтоўкі і аператыўнае. Замест пашпартных сталоў у раёнах працавалі ваеннаўліковыя сталы, а таксама адрасныя бюро. На чале гарадскога і раённага аддзяленняў НКУС стаяў начальнік, а яго намеснік адначасова быў начальнікам аддзела міліцыі [1, с. 103].

У ліку аддзелаў, якія ўваходзілі ў НКУС рэспублікі ў якасці самастойных адзінак, варта назваць аддзелы прафілактыкі злачынстваў, перавозак, тэхнічнага абслугоўвання, барацьбы з дзіцячай беспрытульнасцю і безнагляднасцю. Вялікую працу выконваў аддзел кадраў, які кіраваў пытаннямі падбору і расстаноўкі кадраў працаўнікоў міліцыі. У НКУС БССР меўся і такі аддзел, як контрвыведка «Смерць шпіёнам» (СМЕРШ), створаны ў гады Вялікай Айчыннай вайны для барацьбы з дыверсантамі, шпіёнамі, варажай агентурай.

Буйным падраздзяленнем НКУС БССР з'яўлялася Упраўленне пажарнай аховы (УПА). Пажарныя Беларусі праявілі смеласць і мужнасць у гады вайны [1, с. 211]. 21 верасня 1944 г. у БССР была арганізавана школа малодшага камандзірскага складу пажарнай аховы НКУС БССР. У гэтай школе атрымалі падрыхтоўку 50 чалавек, якія пасля сталі арганізатарамі пажарнай аховы ў рэспубліцы.

У верасні ЦК КП(б)Б зацвердзіў склады абкамаў і аблвыканкамаў, у тым ліку і начальнікаў упраўленняў НКУС Бабруйскай, Гродзенскай, Вілейскай, Мінскай абласцей, а ў снежні 1944 г. – Гомельскай, Палескай, Брэсцкай і Магілёўскай абласцей [1, с. 212].

В сесія Вярхоўнага Савета СССР 18 сакавіка 1946 г. прыняла Закон аб пераўтварэнні СНК СССР у Савет Міністраў СССР, а народных камісарыятаў – у міністэрствы. НКУС СССР ператвораны ў Міністэрства ўнутраных спраў (МУС) СССР. Міністрам унутраных спраў СССР зацверджаны С.Н. Круглоў, а міністрам дзяржаўнай бяспекі СССР –

В.М. Меркулаў. У структуры МУС СССР па-ранейшаму асноўную ролю ў забеспячэнні аховы грамадскага парадку адыгрывала Галоўнае ўпраўленне міліцыі [2, с. 109].

26 сакавіка 1946 г. НКУС БССР перайменаваны ў Міністэрства ўнутраных спраў БССР. У склад яго ўваходзілі наступныя ўпраўленні: міліцыя, па барацьбе з бандытызмам, пажарная аховы, шасэйных дарог, па справах ваеннапалонных і інтэрніраваных, папраўча-працоўных лагераў і калоній, турэмнага, гаспадарчага, архіўнай, пагранвойскаў, а таксама аддзелы кадраў, контрвыведкі, фінансавы, сакрэтнага справаводства, па барацьбе з дзіцячай беспрытульнасцю і безнагляднасцю, «Дынама» і інш. [2, с. 109–110].

Найважнейшым структурным органам МУС БССР было Упраўленне міліцыі (УМ). Яно вызначала асноўныя напрамкі, формы, метады і сродкі барацьбы са злчыннасцю, аховы правапарадку, абароны правоў і інтарэсаў грамадзян. Ажыццяўляла агульнае кіраўніцтва дзейнасцю ўсіх службаў міліцыі рэспублікі, кантралявала працу перыферычных органаў, распрацоўвала статуты, палажэнні, загады і інструкцыі па пытаннях працы, вывучала і распаўсюджвала перадавы вопыт, кіравала службовай падрыхтоўкай супрацоўнікаў [2, с. 110].

УМ МУС БССР складалася з аддзелаў: палітычнага, крымінальнага вышуку, па барацьбе з крадзяжамі сацыялістычнай уласнасці, вонкавай службы, ДАІ, аператыўнага, віз і рэгістрацыі, загса, пашпартнага, а таксама з аддзяленняў навукова-тэхнічных сродкаў, прапаганды і агітацыі, камсамольскай і культурна-выхаваўчай работы і рэдакцыі газеты «На страже Октября» [2, с. 110].

Такім чынам, у пасляваенны перыяд адбылося структурнае рэфармаванне органаў унутраных спраў, з'явіліся новыя службы, аддзелы, якія вырашалі найважнейшыя задачы на вызваленых тэрыторыях, напрыклад, аднаўленне разбуранай вайной народнай гаспадаркі, барацьба з антысавецкім падполлем на тэрыторыі БССР, барацьба з дзіцячай беспрытульнасцю і безнагляднасцю, барацьба са шпіянажам. У сакавіку 1946 г. Савет Народных Камісараў СССР быў ператвораны ў Савет Міністраў СССР, а народныя камісарыяты – у міністэрствы. Аналагічны працэс адбыўся ва ўсіх Саюзных рэспубліках. НКУС БССР быў перайменаваны ў Міністэрства ўнутраных спраў БССР.

Дадзеныя працэсы адкрылі новую главу ў гісторыі беларускай міліцыі, дапамаглі засвоіць памылкі мінулага, атрымаць новы вопыт у барацьбе з бандытызмам, вырашаць кадравыя пытанні і знайсці свежы погляд на ўдасканаленне міліцэйскага ведамства.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987 / В.Н. Савичев, А.Ф. Вишневский, Г.И. Балашова [и др.] ; под ред. В.А. Пискарева. – Минск : Беларусь, 1987. – 535 с.

2. Шарков, А.В. НКВД Беларуси в вооруженной борьбе с нацистским агрессором и националистическим подпольем в годы Великой Отечественной войны : [монография] / А.В. Шарков ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 279 с.

УДК 342.9

Д.С. Барсуک, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.В. Гиммельрейх*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.В. Козелецкий*

ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ И РОЛЬ МОНИТОРИНГА КАК ОБЩЕЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье исследуются сущностное содержание, назначение, характерные черты и роль мониторинга в управленческом процессе, показано его значение для организационно-управленческой деятельности руководителя. Исходя из проведенного анализа научно-теоретической литературы, национального законодательства и правоприменительной практики определены цель и задачи управленческого мониторинга, рассмотрены его отличительные особенности, на основании которых сформулировано определение понятия «мониторинг» как общей функции управления.

Несмотря на то что мониторинг давно востребован и применяется в различных сферах государственного управления¹, а также менеджмента социальными организациями, единого подхода к этому понятию в науке управления до сих пор не выработано. Несмотря на развитость прикладного мониторинга, общетеоретические вопросы рассмотрения его как общей функции управления разработаны недостаточно; четко не определены его цели и задачи, место в управленческом процессе и среди других функций управления; не рассмотрены его характерные признаки; не имеется единого подхода к понятию указателей (критери-

¹ В законодательстве Республики Беларусь выделяют демографический, экологический, правовой мониторинг, мониторинг чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, мониторинг общественной безопасности и др., обусловленные предметной сферой их применения.

ев). Наиболее характерные недостатки, проявляющиеся при создании управленческого мониторинга, перечисляет в своем монографическом исследовании Э.Н. Рычихина: «поверхностный, отрывочный, формальный подход к сбору мониторинговой информации, неумение применить приобретенные данные в управлении и разработке стратегий, недостаточные умения в обобщении, сравнении, анализе данных руководителями на всех уровнях» [1, с. 5]. Разделяя мнение указанного автора, отметим, что методологическая сложность создания функционирующей системы управленческого мониторинга состоит в том, что невозможно подходить к нему догматически, посредством использования старых схем, без надлежащего осознания и переосмысления его сути и целевого назначения, без учета особенностей конкретной социальной организации. Данные недостатки ведут к тому, что до настоящего времени не имеется разработанных типовых методик применения данных мониторинга, что создает определенные трудности в управленческой деятельности руководителей. Для решения имеющихся прикладных проблем применения исследуемого понятия следует прежде всего определиться с объемом сущностного содержания управленческого мониторинга.

Формирование данного понятия нужно также и с научно-теоретической точки зрения для более глубокого изучения такого сложного социально-управленческого феномена, каким является мониторинг. Исследуемое понятие включает в себя две взаимосвязанные составляющие: управление и мониторинг.

Управление представляет собой процесс, состоящий из совокупности действий руководящего звена, нацеленных на определенные изменения существующего состояния организации или ее подразделения в направлении достижения целей, а также достижения ее баланса с внешней средой.

Управление в той или иной сфере объективной действительности определяется как «элемент, функция организованных систем различной природы (биологических, общественных, технических), обеспечивающая сбережение их конкретной структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программ, цели деятельности» [2, с. 704]. Функция призвана обеспечивать достижение стоящих перед субъектами управления задач. Кроме того, любая функция подчинена цели.

Мы разделяем точку зрения И.Л. Бачило, которая определяет функцию органа как комплекс взаимосвязанных и основанных на непрерывном обмене информацией организовано-правовых воздействий государственного органа, его структурных подразделений. Она выделяет следующие ее основные признаки: 1) функция ориентирует субъект

и объект на достижение единой цели для системы управления; 2) она раскрывает содержание деятельности субъекта; 3) отражает динамичность и оперативность управления; 4) вводит действия по управлению в организационно-правовые формы, установленные в статутарном порядке [3, с. 43–44]. В функции находит выражение назначение органа, т. е. то, что «делает государственный орган». В этой связи организация предметно-практической деятельности субъекта управления проявляется в ряде конкретных функций, раскрывающих его содержание. Если функции органа управления предполагают собой главные направленности его работы, производные от установленных целей, то формы и способы управленческой деятельности считаются внешним проявлением определенных управленческих действий по достижению данных целей.

Повышение эффективности управленческой деятельности в значительной степени находится от верного осознания функций управления. Выделение и исследование функций управления также содействует совершенствованию управленческой деятельности, помогает освоению и обучению руководителей основам управления. Определенные функции управления отличаются в процессе приложения общих управленческих функций (планирование, организация, мотивация, контроль, координация) на особенности объектов управления. Вследствие список данных функций зависит от всей совокупности элементов и подсистем организации и детализации самих функций.

Согласимся с мнением В.И. Франчука, считающего, что функции управления не являются универсальными и находятся в зависимости от облика рассматриваемой организации. Отличие функций управления вытекает из различия управляемых объектов [4, с. 70]. Впрочем, это состояние, на наш взгляд, может быть приемлемо только к определенным функциям управления. Общие функции характеризуются как раз вероятностью их использования как ко всякому объекту управления, так и к любому виду управленческой деятельности.

Для реализации любой определенной функции управления необходима совокупность общих функций управления. Под общими (или основными) понимают такие функции, которые считаются составными частями любого процесса управления вне зависимости от индивидуальностей той или иной организации [5, с. 70].

Отнесение мониторинга к общим функциям управления вызвано также следующим рядом обстоятельств:

мониторинг является процессом, который нужен для всех уровней управления организацией (высшем, среднем и низшем), во всех подразделениях организации и во всех звеньях хозяйствования;

в основе мониторинга лежат единые методологические причины, вследствие этого возможно выработать общие подходы как для его проведения и организации, так и для использования его результатов для сравнения и прогнозирования деятельности, делать аналитические обобщения; мониторинг позволяет организации приспосабливаться к меняющимся условиям; как и другие функции управления, он формируется и выполняется управляющей подсистемой для реализации управленческого влияния на управляемую подсистему.

В качестве отличительных свойств мониторинга как функции управления можно выделить следующие характеристики:

в основе сущности мониторинга лежит повторяемость отслеживания показателей;

мониторинг охватывает все уровни и все подсистемы организации, нужен на всех стадиях ее развития и управленческой деятельности;

необходим для улучшения управленческой деятельности;

наряду с управленческими решениями и коммуникацией выступает связующим элементом процесса управления, объединяет все функции управления;

содействует эффективному выполнению конкретных функций;

анализ функции мониторинга лежит в основе развития других общих функций управления.

Таким образом, мониторинг отвечает чертам именно общих функций управления, потому что он содержит в себе свойственные для них признаки.

Эти черты проявляются своеобразно, с учетом специфичности мониторинга как особенной функции управления. Отталкиваясь от рассмотренного выше определения управления и выделения отличительных свойств мониторинга, сформулируем понятие «управленческий мониторинг», которое привлекает внимание исследователей советского периода.

На рубеже 1970-х – 1980-х гг. в литературе ученые обсуждали вопрос о роли мониторинга в управлении.

В основу предложенной концепции была положена точка зрения Ю.А. Израэля, который под мониторингом понимал «систему наблюдений, позволяющую отметить изменения состояния биосферы под влиянием человеческой деятельности. Мониторинг включает в себя надзор, оценку и прогноз состояния природной среды и не включает управление качеством окружающей среды и деятельностью человека» [6, с. 10–25].

На наш взгляд, более точной является точка зрения И.П. Герасимова, который еще в 1985 г. отмечал, что «мониторинг – это система

контроля, оценивания и управления окружающей средой, которые обязаны быть целеустремлены, взаимосвязаны и эффективны» [7, с. 9]. Он считал, что эффективность не нацеленного на управление наукой мониторинга приводит к целому ряду недостатков, основными из которых считаются избыточность информации или ее недостаточность, вероятность ее не востребоваемости. Данный подход позволяет учитывать воздействие управленческого фактора на организацию и проведение мониторинга.

Основной целью мониторинга в организации является определение наметившихся перемен и управленческое влияние для направления их в необходимое для системы управления русло. Мониторинг создается для формирования информационной базы для руководства организацией и становится одним из инструментов, способствующим работе развивающейся организации. Выделяют *общие особенности мониторинговой деятельности*:

объекты мониторинга динамичны, подвержены влиянию внешних воздействий, которые могут вызвать различные изменения в состоянии объекта;

реализация мониторинга предполагает организацию постоянного слежения за объектом, исследование и оценку его состояния;

организация слежения предусматривает отбор обоснованных критериев и характеристик, по которым ведется измерение и описание параметров объекта;

каждая определенная система мониторинга ориентирована на конкретного потребителя, которым может быть как отдельное учреждение, так и государство в целом.

Роль мониторинга проявляется в следующем:

он позволяет установить трансформацию состояния объекта управления за определенный интервал времени и на этой основе установить динамику и направление становления исследуемого объекта;

при проведении мониторинга выявляются причинно-следственные связи изучаемого объекта или между наблюдаемыми проявлениями, а также образующихся в ходе их развития противоречий;

помогает информационно обеспечить руководство учреждения (государственного органа) для постановки оперативных задач и принятия упреждающих и адекватных управленческих решений;

полученная в процессе мониторинга информация способствует организации прогнозирования развития исследуемых социально-правовых состояний, явлений, объектов, процессов;

проведение мониторинга дает возможность осуществлять диагностику текущего состояния управляемого объекта и обнаружить его предпосылки;

в ходе проведения мониторинга реализуется систематический контроль хода протекания процессов и их соответствия желаемым перспективам и тенденциям развития для управляющей системы.

Кроме того, мониторинг способствует демократизации управления в организациях, которое выражается в привлечении к выработке управленческих решений сотрудников, развитию самоуправления, оптимальному сочетанию централизации и децентрализации в процессе реализации управленческих функций. Разработанная система мониторинга предоставляет возможность наладить обратную связь между субъектом управления (управленческим аппаратом) и управляемой подсистемой социальной организации.

Таким образом, проведенное исследование относительно понимания, назначения и роли мониторинга как общей функции управления позволяет сделать следующие выводы и обобщения.

1. Мониторинг – общая функция управления, представляющая собой непрерывный процесс постоянного отслеживания и сбора информационных данных об объекте управления как системе и динамике внешних факторов, влияющих на него, обобщении, уяснении и переработке полученных результатов, их сохранение, применение и распространение для эффективного воздействия субъекта управленческого воздействия на управляемый объект.

2. Мониторинг, как и другие базовые (общие) функции управления, выступает универсальной функцией, важной и применимой для всякого объекта управления. Отнесение мониторинга к общим функциям управления не понижает значимость других общих функций, таких как, например, координация или коммуникация, учет или обратная связь, которые выделяют отдельные авторы. Выделение данных функций считается детализацией основных общих функций управления, они выступают в качестве технологии реализации управленческой деятельности и содействуют увязыванию управленческих процессов. Мониторинг может взять на себя многие аспекты реализации этих управленческих действий.

3. Важной характеристикой мониторинга служит его непрерывность, наличие стабильных индикаторов. Управленческий мониторинг обязан представлять собой систему и охватывать всю совокупность изучаемого объекта или проявления. Системный подход позволяет анализировать

объект не только в единстве всех его элементов, но и учитывать его взаимосвязи и взаимозависимости. Проведение мониторинга позволяет осуществлять диагностику текущего состояния объекта управления и выявлять его причины; мониторинг применяется для обратной связи и получения информации, которая необходима для эффективного функционирования системы управления.

Значимость взаимосвязи мониторинга и управления состоит в том, что эффективность не нацеленного на управление мониторинга весьма низка и приводит к ряду недостатков, основными из которых являются избыточность, недостаточность или невостребованность информации.

4. Рассмотренная тема создает определенные предпосылки для проведения дальнейших научных изысканий таких аспектов управленческого мониторинга, как создание системы коммуникации при организации постоянного отслеживания и сбора данных о динамике объекта управления; разработка методик для реализации исследования различных параметров управленческой системы в организациях и детерминации критериев и показателей, способствующих измерению состояния объектов управления.

Список использованных источников

1. Рычихина, Э.Н. Мониторинг как общая функция управления : монография / Э.Н. Рычихина. – Ухта : УГТУ, 2008. – 140 с.
2. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Совет. энцикл., 1983. – 840 с.
3. Бачило, И.Л. Функции органов управления: правовые проблемы оформления и реализации / И.Л. Бачило. – М. : Юрид. лит., 1976. – 200 с.
4. Франчук, В.И. Основы общей теории социального управления / В.И. Франчук. – М. : Ин-т организац. систем, 2000. – 180 с.
5. Управление организацией : учебник / под ред. А.Г. Поршнева, З.П. Румянцевой, Н.А. Соломатина. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 669 с.
6. Израэль, Ю.А. Концепция мониторинга состояния биосферы / Ю.А. Израэль // Мониторинг состояния окружающей природной среды : сб. науч. тр. – Л. : Наука, 1977. – 126 с.
7. Герасимов, И.П. Структура научного исследования (Философский анализ познавательной деятельности в науке) [Текст] / И.П. Герасимов. – М. : Мысль, 1985. – 20 с.

В.В. Бачинский, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *Н.Н. Хмель*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.М. Веремеенко*

**ВОЗМОЖНОСТИ ПРОВЕРКИ ИНФОРМАЦИИ
О ПЕРВИЧНЫХ УЧЕТНЫХ ДОКУМЕНТАХ
ПРИ ПОМОЩИ ИНФОРМАЦИОННЫХ СЕРВИСОВ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В статье рассматриваются возможности сотрудников правоохранительных органов Республики Беларусь по проверке информации о первичных учетных документах при помощи различных информационных сервисов Республики Беларусь при выявлении и раскрытии преступлений в сфере экономики.

Оперативные сотрудники правоохранительных органов, занимающиеся выявлением преступлений в экономической сфере, в своей повседневной практической деятельности часто сталкиваются с бухгалтерскими документами. Иногда у оперативников возникает необходимость в проверке данных документов на подлинность. Факт подлинности некоторых документов (например, первичных учетных документов) можно проверить, используя информационные сервисы Республики Беларусь.

Бухгалтерский учет строго документален. Записи в бухгалтерском учете осуществляются только на основании первичных учетных документов, имеющих юридическую силу. Что представляют из себя первичные учетные документы (ПУД)?

ПУД – документы, на основании которых хозяйственная операция отражается на счетах бухгалтерского учета.

Обязательность оформления хозяйственной операции в ПУД отражена в ст. 10 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 57-З «О бухгалтерском учете и отчетности» [1].

Первичные учетные документы создаются, как правило, в момент совершения хозяйственной операции (если это не представляется возможным – непосредственно после совершения хозяйственной операции) и специалисты фиксируют факт ее совершения. Своевременное документальное оформление хозяйственных операций является неотъемлемым атрибутом обеспечения эффективного контроля за сохранностью материальных и денежных средств, основой для дальнейшего наблюдения за деятельностью лиц, наделенных правом распоряжаться имуществом предприятия.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 марта 2011 г. № 360 «Об утверждении перечня первичных документов» установлен перечень ПУД и перечень государственных органов, утверждающих их формы.

К данному перечню постановление относит акт о приеме-передаче нематериальных активов; приходный кассовый ордер; товарно-транспортную накладную (ТТН); акт о передаче затрат, произведенных при создании объекта инженерной и (или) транспортной инфраструктуры; товарную накладную; акт о приеме-передаче основных средств; расходный кассовый ордер; акт сдачи-приемки выполненных строительных и иных специальных монтажных работ; акт о передаче не завершенного строительством объекта [2].

Однако перечень ПУД в строительной сфере установлен другим документом – постановлением Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 29 апреля 2011 г. № 13 «Об установлении форм первичных учетных документов». Данным постановлением установлен следующий перечень ПУД:

«Акт о передаче затрат, произведенных при создании объекта инженерной и (или) транспортной инфраструктуры»;

«Акт о передаче незавершенного строительством объекта»;

«Акт сдачи-приемки выполненных строительных и иных специальных монтажных работ» [3].

Кроме того, Национальным банком Республики Беларусь дополнительно к формам ПУД, включенным в перечень, разработаны и утверждены специальные формы для банковских организаций.

Все остальные формы ПУД организации могут разрабатывать самостоятельно.

Подпунктом 1.16 п. 1 ст. 22 Налогового кодекса Республики Беларусь (НК) на плательщиков возложена обязанность проверки первичных учетных документов на предмет их соответствия требованиям законодательства, а в случае их оформления от имени белорусской организации или белорусского индивидуального предпринимателя – проверять принадлежность их отправителю товара и действительность бланка такого документа, информация о котором размещается в электронном банке данных бланков документов и документов с определенной степенью защиты и печатной продукции [4].

Данная норма направлена на предупреждение и профилактику негативных последствий, которые связаны с неполной и (или) несвоевременной уплатой платежей в бюджет либо отсутствием у плательщика соответствующих действительности документов, которые подтвержда-

ют легальность приобретения товара, и ее выполнение является одной из мер должной осмотрительности плательщика [4].

Электронный банк данных – электронный банк данных бланков документов и документов с определенной степенью защиты и печатной продукции. Автоматизированная система ведения данного банка данных (АС БДБ) размещена в сети Интернет по адресу: www.blank.bisc.by [5].

Подключение к банку данных осуществляется открытым акционерным обществом «Белорусский межбанковский расчетный центр» по согласованию с Министерством по налогам и сборам Республики Беларусь после получения ключей защиты информации в установленном законодательством порядке.

Указанный сервис можно использовать не только субъектам хозяйствования, но и правоохранительным органам при выявлении и раскрытии преступлений. Особенно в экономической сфере, например, когда возникает необходимость проверки ПУД на подлинность. Однако даже в случае когда возникает служебная необходимость по проверке данных документов, сотрудники правоохранительных органов довольно редко прибегают к данному сервису, потому что просто не знают о его существовании. Как видится, необходимо внедрить систему знаний о сервисах данного профиля при подготовке сотрудников правоохранительных органов к выполнению их служебных обязанностей.

Какую информацию содержит АС БДБ? Вышеуказанный банк данных содержит как общедоступную, так и конфиденциальную информацию. Общедоступную информацию из банка данных можно получить посредством использования АС БДБ в сети Интернет. Конфиденциальную – посредством направления письменного запроса в открытое акционерное общество «Белорусский межбанковский расчетный центр», Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь, инспекцию Министерства по налогам и сборам.

К общедоступной информации относится информация о покупателе бланка, дате реализации бланка, адресе места нахождения книги замечаний и предложений, книги учета проверок (в части информации об этих книгах), признании бланка недействительным, за исключением контрольных знаков, предназначенных для маркировки сопроводительных документов, акцизных и специальных марок, является общедоступной информацией. Остальная информация, содержащаяся в данном банке данных, является конфиденциальной.

Если говорить о порядке работы с этим банком данных, то сначала необходимо обратиться к разделу «Документация», где находится нормативный правовой акт, регулирующий ведение этого банка данных. Это

Положение о порядке ведения электронного банка данных бланков документов и документов с определенной степенью защиты и печатной продукции, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 6 июля 2011 г. № 912 [6].

Запрос можно направить традиционным способом, оформив письменный запрос, а можно и через сайт, в разделе «Запрос документов», т. е. в данном разделе можно просмотреть перечень и запросить документы автоматизированной системы ведения электронного банка данных бланков документов и документов с определенной степенью защиты и печатной продукции, распространение которых осуществляется по разрешению оператора АС БДБ.

Чтобы получить документ из приведенного перечня, необходимо выбрать документ в списке. На открывшейся форме запроса заполнить все предложенные поля (фамилия, имя, отчество, должность, организация, e-mail, контактный телефон, цель получения документа) и отправить форму оператору АС БДБ. По указанному на форме адресу электронной почты (e-mail) в течение трех рабочих дней оператором АС БДБ будет направлена виртуальная ссылка активации запроса, по которой можно будет скачать запрошенный документ, или будет направлен отказ в получении документа. Ссылка может быть использована только один раз. Одновременно с файлом документа будет направлена ссылка на получение файла документа, которой можно воспользоваться в течение трех суток в случае неуспешного завершения процедуры получения документа по ссылке активации запроса (обрыв связи, повреждение архива и др.). По истечении срока действия ссылки можно получить документ, выполнив запрос повторно или связавшись со службой поддержки АС БДБ открытого акционерного общества «Белорусский межбанковский расчетный центр».

По адресу www.blank.bisc.by можно обратиться в раздел «Справочники», где следует просмотреть и напечатать справочники бланков документов с определенной степенью защиты, печатной продукции и контрольных (идентификационных) знаков, информация о которых предоставляется в разделе «Сведения банка данных».

В разделе «Сведения банка данных» можно получить сведения о приобретении субъектами хозяйствования Республики Беларусь и признании недействительности бланков документов с определенной степенью защиты, печатной продукции, контрольных (идентификационных) знаков.

Данную информацию можно получить путем введения информации в определенные поля: серия (для бланков ТГН она указана в виде двух заглавных букв русского алфавита, например, ОЭ); код (прямо на данной

странице можно посмотреть, какие коды соответствуют бланкам документа, печатной продукции, например, для ТТН-1 используются такие коды, как 402201, 402209 и др.). Если необходимо проверить какую-то определенную ТТН, то ее код указан в самом низу печатного бланка; номер (например, для ТТН – указан снизу штрих-кода бланка).

Если мы ставим пунсон на поле «RFID-метка», то меняются и поля, которые необходимо заполнить. Данное поле будет выглядеть так: ВУ-(код)-(серия, номер).

Аббревиатура RFID расшифровывается, как Radio Frequency Identification. Это система хранения и передачи различной информации, которая основывается на радиоволнах. Одним контактом выступает сама точка, небольшой чип, размещаемый на объекте. Вторым, соответственно, считыватель, который не только принимает сам сигнал, как это обычно бывает. Устройство также выступает инициатором отправки. Считывание происходит мгновенно и удаленно. Допустимое расстояние зависит уже от конкретного типа. Все сведения, которые хранятся на чипе, не имеют графического выражения. Наличие RFID-метки отображается визуально на контрольном (идентификационном) знаке с надписью RFID. Перечень товаров, маркируемых контрольными (идентификационными) знаками, в том числе с RFID-метками, утверждается Советом Министров Республики Беларусь, в частности, контрольными (идентификационными) знаками с RFID-метками с 2016 г. маркируются изделия из натурального меха. При выборе режима «RFID-метка» форма ввода параметров поиска будет соответствовать идентификатору контрольного (идентификационного) знака с RFID-меткой, который состоит из кода страны; кода, серии и номера контрольного (идентификационного) знака.

Данный сервис можно использовать не только с персонального компьютера, но и с мобильного устройства, что позволяет наиболее оперативно получить информацию, если доступа к компьютеру не имеется.

АС БДБ позволяет скачивать на мобильное устройство (телефон, планшет) приложения, чтобы получить информацию о принадлежности бланков строгой отчетности (БСО) (Мобильное приложение АС БДБ) на базе операционной системы Android, а также документации, относящейся к приложению. Мобильное приложение можно скачать, перейдя на страницу «Мобильное приложение» (файл находится в формате .apk). Данное приложение позволяет получить информацию о принадлежности БСО, контрольных идентификационных знаков и печатной продукции из электронного банка данных АС БДБ.

Чтобы получить информацию о принадлежности БСО, необходимо внести в соответствующие поля код, серию, номер БСО. В мобильном

приложении есть функция сканирования штрих-кода, которая позволяет определить принадлежность бланков. Для этого необходимо нажать кнопку «Сканировать штрих-код». После этого нужно навести камеру на штрих-код бланка и просканировать. После обработки запроса на экран будет выведена информация о дате реализации бланка, имени субъекта хозяйствования, которому реализован бланк, и его УНП.

Интернет-сайт www.blank.bisc.by не является единственным сервисом, позволяющим проверить ПУД. Таким сервисом является также мобильное приложение «Проверка поставщика» разработчика Aleh Tsitou на базе операционной системы Android. В данном мобильном приложении можно проверить товарные накладные, товарно-транспортные накладные, контрольные знаки, книги замечаний и предложений и другие документы в Республике Беларусь.

Используя данные сервисы, есть вероятность получения ответа «Сведения отсутствуют». В подобной ситуации прежде всего необходимо проверить правильность заполнения форм на сайте, соответствие реквизитов проверяемого документа и реквизитов, заполненных на сайте. Если результат запроса не изменился, то можно сделать вывод о возможной фиктивности проверяемого документа.

Таким образом, опираясь на общие положения и совокупность вышеизложенных фактов, можно сделать вывод, что в Республике Беларусь существует несколько электронных сервисов по проверке ПУД, которые могут эффективно использовать сотрудники правоохранительных органов в своей деятельности. Следует отметить, что требуется популяризация данных сервисов среди оперативных сотрудников, выполняющих свои служебные обязанности при выявлении преступлений в экономической сфере.

Список использованных источников

1. О бухгалтерском учете и отчетности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 57-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Об утверждении перечня первичных документов [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 марта 2011 г., № 360 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Об установлении форм первичных учетных документов [Электронный ресурс] : постановление М-ва архитектуры и строительства Респ. Беларусь, 29 апр. 2011 г., № 13 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г., № 166-З : принят Палатой представителей 15 нояб. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 дек. 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.12.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Автоматизированная система ведения электронного банка данных бланков документов и документов с определенной степенью защиты и печатной продукции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.blank.bisc.by>. – Дата доступа: 19.12.2019.

6. Положение о порядке ведения электронного банка данных бланков документов и документов с определенной степенью защиты и печатной продукции [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 6 июля 2011 г., № 912 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 343

П.С. Белакапыцкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *С.В. Кузьменкова*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.Г. Мухин*

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В настоящее время наблюдается значительный рост киберпреступлений, которые объективно можно считать наиболее опасными преступлениями. В статье рассматриваются некоторые проблемы борьбы с киберпреступностью, определяются перспективы дальнейшего развития способов и методов борьбы с такими преступлениями.

Сегодня общество живет и трудится в мире глобальных возможностей взаимодействия. Мы можем вести простую беседу или совершать многомиллионные валютные операции и сделки с людьми в разных точках мира быстро и дешево. Стремительное увеличение количества персональных компьютеров, свободный доступ к сети Интернет и быстро развивающийся рынок устройств коммуникации скорректировали методы проведения досуга и способы ведения бизнеса.

Доступность цифровых технологий дает новые возможности злоумышленникам. Методы совершения преступлений стремительно развиваются. Стоит обозначить, что бизнесмены и потребители лишились миллионов и миллиардов долларов «благодаря» преступникам, использующим информационные технологии в преступных целях. Известно,

что компьютеры и сеть Интернет имеют все шансы использоваться для того, чтобы вызвать тревогу, посеять панику и даже для координации и осуществления террористических действий. К сожалению, в большинстве случаев правоохранительным органам приходится сталкиваться с определенными трудностями, ощущая дефицит квалифицированного персонала и технологий для отражения быстро растущей угрозы, названной киберпреступностью. Любой пользователь, который имеет персональный компьютер или мобильное устройство, также должен думать о защищенности собственного устройства. Хакерские атаки происходят каждый день. Устройство могут атаковать несколько хакеров, находящихся в разных городах мира, даже если оно просто подключено к сети. Становится очевидно, что они атакуют не конкретное устройство, а как правило, целый комплекс устройств, которые подключены к конкретной сети. В случае, если на устройстве не предусмотрено необходимых мер защищенности в виде антивирусных программ или других, способных его защитить, то его защита будет пробита.

В последнее время сложилась общемировая тенденция миграции криминальной активности в киберпространство. Наша страна также не осталась здесь в стороне.

Причины тому просты. Ключевая из них – прибыльность. Суммы, которые возможно похитить с помощью различных IT-средств, те же, что и при традиционной преступности, а иногда и больше. Кроме того, осуществлять это значительно проще и с технической, и с моральной точки зрения. Вооруженное нападение требует значительных затрат финансов, времени и кропотливой подготовки, а малейший сбой ставит под угрозу всю операцию. В случае кибермошенничества, оно может быть успешным и тогда, когда все пошло не совсем так, как задумывалось. В конце концов, можно просто выбрать другую цель. Тем более, что для преступных посягательств используются довольно простые и дешевые инструменты. Для работы с центром управления бот-сетью (зомби-сеть, botnet) не нужно ничего, не считая простого персонального компьютера с доступом в сеть Интернет. При этом применение данного рода инструментов с Web-интерфейсом ненамного сложнее настройки маршрутизатора.

Однако уровень риска, связанный с экстерриториальностью сети, значимо выше. Несложно ограбить того, кто находится в другой стране, и тем самым просто оказаться вне юрисдикции ее правоохранительных органов. Это усугубляется тем, что в законодательстве многих стран не отражена уголовная ответственность за такого рода преступные деяния, так что некоторые деяния вполне могут оказаться за рамками Уголовного кодекса. К тому же эти правонарушения не связаны с насилием, что

часто вводит в заблуждение судей и прокуроров, даже если речь идет о хищении больших сумм. В Китае и США к киберпреступникам на законодательном уровне предусмотрена ответственность за киберпреступления.

Для совершения преступлений рассматриваемого вида требуются глубокие знания в компьютерной сфере. Людей, владеющих такими умениями и познаниями, называют хакерами (нем. hacken – подцеплять, подсекать) – компьютерщик-любитель, проникающий в чужие базы данных с целью развлечения или для получения секретных сведений (кода, номера, размеров денежных счетов и т. п.) [1, с. 312]. Сегодня можно выделить несколько самых распространенных типов хакеров:

крекер (англ. Cracker – шелкунчик) – любитель «замочных скважин» и нелегального проникновения в чужие базы данных, сети и накопители информации [1, с. 231]. Занимается взломом программного обеспечения, обычно для того, чтобы получить из shareware-программ (программ с ограниченной функциональностью, предназначенных в основном для демонстрации пользователю возможностей полной версии) полноценные коммерческие версии. Креркер является программистом достаточно высокого уровня;

фрикер – компьютерный «пират», орудующий в телефонных сетях (бесплатно подключающийся к пользователям и т. д.) [1, с. 278]. Исследует телефонные сети с целью найти возможность совершать звонки бесплатно. Исторически фрикерство – самый первый вид хакерской деятельности, возникший еще в 60-70-е гг. XX в. В последние годы фриеры также стали заниматься исследованием сетей для мобильных телефонов;

кардер – занимается нелегальным получением номеров кредитных карт и сведений об их владельцах [2, с. 176]. Часто эта деятельность сочетается с хакерской. Кардерство считается наиболее серьезным преступлением и является самым опасным видом хакерской деятельности;

вирусописатель. Сам факт того, относится ли написание вирусов к хакерской деятельности, весьма спорен. Тем не менее в последнее время широкое распространение получают не только почтовые вирусы, которые распространяются за счет ошибок в почтовой программе Outlook, а поиск таких ошибок и можно считать хакерской деятельностью.

Надо отметить, что в Республике Беларусь уделяется большое внимание защите цифровой информации. В 2014 г. был издан Указ Президента Республики Беларусь № 46 «Об использовании государственными органами и иными государственными организациями телекоммуникационных технологий», который гласит о том, что госорганы должны перевести цифровые базы на облачные серверы [3]. В борьбе с киберпреступностью участвуют три стороны: государство, которое законодательно

регулирует пользование цифровыми технологиями, IT-компании, работающие на основе этих правил, и непосредственно сами пользователи, которые не должны оставаться в стороне от технологических угроз.

Следует отметить, что огромное количество киберпреступлений происходит из-за беспечности владельцев банковских платежных карточек. Но главными жертвами преступников становится молодежь, которая уже не представляет себе существования без социальных сетей и цифровых технологий.

Немалое значение имеет информационный терроризм. Призывы к насилию, воздействие на умы, тем более на неокрепшие, еще не способные разобраться, где зло, а где добро. В настоящее время не пользователь управляет интернетом, а напротив, интернет указывает ему, что посмотреть, послушать, почитать, причем с учетом его интересов. Иначе на экранах не появилась бы навязчивая реклама о продаже смартфонов после того, как в поисковике был сделан всего один запрос на эту тему.

Бесспорно, борьба с киберпреступностью будет продолжаться. Полагаем, что нужно сделать акцент на компьютерную грамотность детей и подростков, которые осваивают смартфоны и планшеты с малых лет. Сегодня в школе учащимся нужно объяснять, как вести себя в сети Интернет, защищать свою информацию и что нужно делать, чтобы не стать жертвой злоумышленников.

Общество стремительно движется к интернету вещей, уже возможно говорить не только лишь об «умных» веб-камерах, но и о холодильниках и др. Человеку будет гораздо практичнее не самому производить анализ того, что необходимо купить в хозяйство, а если это подскажет ему техника. В связи с этим каждый должен заботиться о своей безопасности в сети Интернет, учитывая развитие технологий.

Обезопасить пользователя – совместная задача правоохранителей и частного сектора, представленного компаниями-провайдерами, которые пользуются комплексными средствами защиты. В случае если на компьютере стоит антивирус, то он отразит атаку, но еще лучше, если ее отразит провайдер, тот, кто предоставляет интернет-услуги.

Считается, что если произойдет какой-либо инцидент с информационной безопасностью, то операторы будут нести ответственность – от материальной до лишения лицензии. В связи с этим они устанавливают мощные специализированные системы защиты. Атаки, которые доходят до пользователя, – наименьшая часть из общей массы, остальное отражает провайдер. Существенное место занимают международные компании, такие как Google, Facebook и т. д. Они обеспечивают еще более комплексный подход к защите информации, так как у них гораздо больше материальных ресурсов для ее обеспечения.

Например, если обнаружится спам-рассылка с вредоносными программами, Google сможет их убрать без вмешательства правоохранительных органов, что в настоящее время и происходит. Если говорить о террористических угрозах на Западе и Востоке, то нужно сказать, что правоохранители не всегда успевают удалить призывы к развитию противостояния. В этом случае провайдеры создают определенный алгоритм, благодаря которому удаляют всю эту информацию. Часто пользователь даже не понимает, что он атакован. В Республике Беларусь просматривается ряд случаев, в которых фигурировали бот-сети. По сути, компьютеры пользователей являлись частью большой системы, а злоумышленники использовали эти бот-сети в своих целях. Так, развитие цифрового общества ведет к тому, что появляется необходимость в изменении законодательства.

Исходя из изложенного с целью предотвращения киберпреступности необходимо выделить следующие правила:

нужно тщательно контролировать поведение в социальных сетях;
ограничить доступ к внутреннему кругу друзей для сохранности учетных записей;

избегать провокационных сообщений;

быть более бдительным при выборе Wi-Fi сети;

повысить контроль над корректностью URL-адресов;

установить на компьютер антивирусное программное обеспечение;

установить неодинаковые пароли на всевозможные веб-сайты и сервисы. Лишь ответственное и вдумчивое отношение к защите собственных личных данных, защитит пользователя от вторжения в размеренную жизнь компьютерных мошенников. Следование этим простым правилам поможет избежать серьезных проблем.

Информационные технологии используют в любом месте и в любое время, и многие пользователи уже не могут представить свою жизнь без них: социальные сети, интернет-магазины, мессенджеры, онлайн-банкинг – эти средства используют и применяют, и точки доступа потенциально уязвимы для интернет-мошенников. Именно поэтому информационная безопасность и профилактика киберпреступности играет особо важную роль в обществе.

Таким образом, в настоящее время киберпреступность – стремительно нарастающая, глобальная проблема для всего мира. Правоохранительные органы пытаются активно бороться с преступлениями в данной сфере. Законодатели своевременно принимают новые законы, формируются специальные подразделения по борьбе с киберпреступностью. Киберпреступление, как и любое другое преступление, представляет собой не только правовую, но и социальную проблему. Киберпреступность, для которой виртуальное пространство – благоприятная среда,

требует пристального внимания со стороны правоохранительных органов. Для успешной борьбы с киберпреступлениями активно должны привлекаться не только IT-специалисты, но и общество в целом.

Список использованных источников

1. Комлев, Н.Г. Словарь иностранных слов : [более 4500 слов и выражений] / Н.Г. Комлев. – М. : Эксмо, 2006. – 672 с.

2. Елистратов, В.С. Словарь русского арго / В.С. Елистратов. – М. : Рус. слово, 2002. – 694 с.

3. Об использовании государственными органами и иными государственными организациями телекоммуникационных технологий [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 янв. 2014 г., № 46 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 342.9

Н.Г. Букица, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.В. Гиммельрейх*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.В. Коляго*

ВИДЫ ДЕФЕКТНЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ: ХАРАКТЕРИСТИКА И КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ

В статье исследуются виды дефектных административно-правовых актов и критерии их классификации. Исходя из проведенного анализа научно-теоретической литературы, национального законодательства и правоприменительной практики предложена авторская классификация дефектных актов по критерию их влияния на юридическую силу: существенные дефектные акты и несущественные дефектные акты.

Административно-правовые акты являются важнейшей формой деятельности публичной администрации. Подзаконные нормативные административно-правовые акты, наряду с законами, определяются основными источниками системы права. Административно-правовые акты ненормативного характера гарантируют появление и дальнейшую реализацию субъективных прав и обязанностей граждан и организаций во всех областях общественной жизни, опосредуют вовлечение граждан и организаций к юридической ответственности, а также использование к ним других мер государственного принуждения.

Административно-правовые акты обязаны отвечать тем требованиям законности, которые к ним предъявляются. Нарушение этих требований приводит к тому, что акты становятся дефектными. Дефектные административно-правовые акты предполагают собой правовые аномалии, сбои в деятельности публичной администрации, которые негативно сказываются на реализации института законности в государстве. Принятием дефектных административно-правовых актов нарушаются права граждан и организаций, образуются преграды к исполнению и реализации этих прав, на граждан и организации неправомерно возлагаются те или иные функции, они противозаконно привлекаются к ответственности, им или их имуществу наносится ущерб. Вследствие принятия дефектных административно-правовых актов существенно снижается результативность работы органов государственного управления и уровень доверия к ней со стороны граждан и организаций. В конечном итоге это закладывает в общественном сознании посылы для становления и развития правового нигилизма, уменьшения единого уровня правовой культуры нынешнего общества.

В согласовании с тем, *какие требования законности* были нарушены при принятии актов [1, с. 73], все дефектные административно-правовые акты можно подразделить на соответствующие виды:

дефектные акты, принятые с нарушением требований законности к *компетенции* субъектов, принимающих акты;

дефектные акты, принятые с нарушением требований законности к *содержанию* актов;

дефектные акты, принятые с нарушением требований законности к *цели* принятия актов;

дефектные акты, принятые с нарушением требований законности к *порядку (процедуре)* принятия актов;

дефектные акты, принятые с нарушением требований законности к *оформлению (форме)* актов.

Последовательно рассмотрим характерные особенности каждого из проявлений нарушенных требований к актам.

1. *Дефектные административно-правовые акты, принятые с нарушением требований законности к компетенции субъектов, принимающих акты.* Административно-правовой акт считается главным орудием осуществления компетенции субъектов административного права из числа государственных органов. Одно из необходимых условий законности – наличие у органа (должностного лица) полномочий на принятие акта. Нарушение этого условия создает акты дефектными. В самом совокупном виде компетенцию устанавливают как систему полномочий, т. е. субъективных прав и обязанностей особого рода, по исполнению госу-

дарственной власти [2, с. 51–52, 101–102]. Управленческая деятельность постоянно реализуется в конкретной предметной области, как правило, имеет пространственные и временные границы, которые представляют собой три многоцелевых параметра, с помощью которых описываются границы в зоне ответственности любого субъекта государственного управления. Все вышеописанное дает возможность определить дефектный административно-правовой акт, созданный с нарушением компетенции, как источник права, который принят субъектом публичной администрации с нарушением пределов (границ) данных властных полномочий. В зависимости от того, которая из границ властных полномочий нарушена при принятии акта, дефектные административно-правовые акты могут подразделяться на акты, принятые с дефектами компетенции по предмету, по территории и по времени.

Дефектные административно-правовые акты, принятые с нарушением компетенции по предмету. Этот вид дефектов, в первую очередь, сопряжен с нарушением единых основ разделения полномочий по исполнению публичной власти в государстве. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь главными правилами организации и реализации государственной власти считается разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. В соответствии с этим дефектными считаются административно-правовые акты, установленные по предметам, вступающим в зону ответственности судебной или законодательной власти. По общему правилу орган исполнительной власти принимает административные правовые акты самостоятельно. Безусловно, бывают ситуации, когда предмет, в отношении которого должен быть принят акт, считается комплексным, в то же время одновременно касается компетенции нескольких органов исполнительной власти. В таком случае вводится положение о том, что административно-правовой акт принимается вместе некоторыми органами или одним органом по согласованию с иными [3, ст. 22]. В науке административного права подобные акты называются, соответственно, совместными актами и актами, принятыми по согласованию. В соответствии с этим компетенцией на принятие совместного акта одарены все органы. Ни у одного из них, взятого в отдельности, такой компетенции нет. В случае с актами по согласованию обстановка несколько другая. Здесь утверждение самого акта входит в компетенцию только лишь одного органа (того, который обязан утвердить проект акта с иными). Все другие не уполномочены принимать акт по данному предмету, они могут только его согласовать или не согласовать. По этой причине при принятии органом акта без согласования с другими органами нет нарушения компетенции по предмету (акт утверждается по тому предмету, в соответствии с которым орган компетентен), а есть

нарушение процедуры его принятия (согласование проекта акта – стадия процедуры принятия акта). На основе вышеперечисленного возможно выразить последующее общее заключение: совместный акт, принятый без участия какого-нибудь органа или органов, включает в себе дефект компетенции по предмету; акт, принятый без согласования с другим органом или органами, содержит в себе процедурный дефект.

Дефектные административно-правовые акты, принятые с нарушением территориальных пределов компетенции. Любой субъект публичной администрации, как правило, имеет свой территориальный или зрительный масштаб деятельности [4, с. 212–221]. Нарушение этого масштаба при принятии административно-правовых актов делает их дефектными. Как правило, дефекты компетенции по территории появляются в случае, когда акты принимаются органами, обладающими разным пространственным масштабом деятельности.

Анализ практики оспаривания административно-правовых актов с дефектами компетенции по территории демонстрирует, что уполномоченные органы не всегда довольно отчетливо устанавливают правовую природу надлежащего дефекта. Это проявляет значительное воздействие на результат таких дел.

Такой дефект, в отличие от дефекта процедуры, обязан обуславливать за собой принятие надлежащего постановления недействительным вне зависимости от того, было ли само дело рассмотрено всесторонне, полно и объективно.

Дефектные административно-правовые акты, принятые с нарушением компетенции по времени. Представляется, что применительно к проблеме дефектных административно-правовых актов значимым является акцентирование двух видов сроков: во-первых, сроков, которые *определяют временные (темпоральные) пределы компетенции субъектов публичной администрации;* во-вторых, *организационно-процедурных сроков.*

Характерным показателем сроков первого вида считается то, что по их истечении субъект публичной администрации теряет полномочие на принятие надлежащего административно-правового акта.

Необходимо сосредоточить особый взгляд на фундаментальное различие таких дефектов в аспекте их вероятного воздействия на действительность административно-правовых актов. Нарушение сроков, характеризующих границы зоны ответственности, считается причиной для признания уполномоченным органом административно-правового акта недействительным. Напротив, нарушение организационно-процедурных сроков может стать такой причиной только при наличии специальных условий – в случае если оно считается существенным или сопутствова-

ло (могло привести) к принятию незаконного акта с точки зрения его содержания. Неверное определение уполномоченными правовой природы срока, нарушенного субъектом публичной администрации при принятии административно-правового акта, приводит к ошибочному установлению разрешенного при этом дефекта, а в результате – к значительным ошибкам в ходе вынесения окончательных заключений.

2. Дефектные административно-правовые акты, принятые с нарушением требований законности к содержанию актов.

Последующим общим условием законности считается требование, предъявляемое к содержанию актов, – административно-правовые акты считаются законными только тогда, когда они по своему содержанию отвечают и (или) не противоречат законам, а также обладающие большей юридической силой к подзаконным правовым актам. Нарушение этого условия приводит к содержательной дефектности соответствующих актов. Содержательные дефекты нормативных и ненормативных административно-правовых актов обладают существенной спецификой, что объясняет потребность проанализировать их в отдельности.

Дефектные нормативные административно-правовые акты, принятые с нарушением требований законности к содержанию актов. Главное различие содержательных дефектов нормативных и ненормативных административно-правовых актов состоит в характере связи содержания акта и фактических обстоятельств. При принятии нормативных актов нет непосредственной юридической связи между содержанием акта и фактическими обстоятельствами, которые оказывают влияние на сущность нормативного акта лишь косвенно, как социальные предпосылки для определения того или иного вида правового регулирования. При принятии нормативных актов условия, сопряженные с верным учетом фактических обстоятельств, принадлежат к числу организационно-технических условий, не сопряженных с законностью юридического содержания данных актов. По этой причине нормативные акты, принятые с нарушением таких требований, возможно считать дефектными только в самом широком смысле этого слова. С учетом требований законности, предъявляемых к содержанию нормативных актов, такие акты дефектными не являются. На основе этого следует, что содержательная дефектность нормативных административно-правовых актов сопряжена только с несоответствием по содержанию одним нормативным установлениям другим нормативным установлениям.

Дефектные ненормативные административно-правовые акты, принятые с нарушением требований законности к содержанию актов.

Эти акты принимаются в процессе реализации правоприменительной деятельности. С закономерной точки зрения, процесс правоприме-

нения заключается в трех основных стадиях: установление фактических обстоятельств (формирование фактической основы дела), выбор и анализ норм права (формирование юридической основы дела) и утверждения решения по делу, которое проявляется в акте применения права [6, с. 536].

Перед принятием правоприменительного акта следует определить и установить все имеющие значение для этого дела фактические условия. Формирование фактических обстоятельств совершается в процессе доказывания. Главную роль здесь играют доказательства. Они должны соответствовать требованиям относимости и допустимости. В процессе доказывания правоприменитель должен осуществить всестороннюю, абсолютную и объективную оценку всех подобранных в рамках дела подтверждений. При установлении юридической основы дела выбираются доступные использованию юридические нормы (эти действия неразделимо объединены с установлением фактических обстоятельств дела), исследуется их достоверность и юридическое действие (во времени, в пространстве, по лицам) и происходит их толкование. С логической стороны утверждения решения по делу предполагает собой умозаключение, в котором фактические обстоятельства подводятся под нормы права. На этой стадии правоприменительного процесса совершается окончательная юридическая квалификация определенных вследствие доказывания обстоятельств, объединяются в одно целое фактическая и юридическая основы дела [6, с. 535–551].

На основе этого устанавливается, что ненормативные административно-правовые акты с содержательными дефектами могут быть подразделены на три группы: акты с дефектами, сопряженными с ненадлежащим установлением фактической основы дела; акты с дефектами, соединенные с ненадлежащим установлением юридической основы дела (неприменение норм права, подлежащих применению, применение норм права, не подлежащих применению, а также неправильное толкование применяемых правовых норм); акты с дефектами, сопряженные с ненадлежащим принятием решения по делу (выводы правоприменителя, описанные в решении по делу, не отвечают причинам самого дела или не мотивированы).

3. Дефектные административно-правовые акты, принятые с нарушением требований законности к цели принятия актов.

Юридическое совершенство административно-правового акта, кроме остального, подразумевает законность целей его принятия. Это одно из единых условий законности, предъявляемых ко всем административно-правовым актам. Несоблюдение данного условия делает акты дефектными.

Подход к легитимной цели, как к общему условию законности, в отечественной правовой науке считается разноплановым. С одной стороны, это условие отмечалось еще представителями дореволюционной административно-правовой доктрины. Легитимная цель в количестве общих условий законности, предъявляемых к правовым актам государственного управления, отличалась также многими советскими учеными-административистами. Но некоторые авторы данное мнение не разделяли.

В результате в науке советского административного права приоритетное место заняло суждение, согласно которому законность правовых актов государственного управления обозначает, что такие акты, кроме прочего, не должны быть в противоречии законным целям их издания [5, с. 92–93].

Предполагается, что административно-правовые акты, принятые с нарушением требований законности к цели принятия актов, считаются самостоятельным видом дефектных актов. Цель – это то, что устанавливает смысл и предназначение осуществления субъектом публичной администрации его компетенции. В этом плане утверждение административно-правового акта с противоречащей закону целью – это не что иное, как применение субъектом публичной администрации властных полномочий, несмотря на установленные законом цели. Характерной чертой дефектных административно-правовых актов данного вида представляется то, что субъект права формально постоянно остается в содержательных рамках, границах своей компетенции. В определенном смысле можно отметить, что, принимая административно-правовой акт с нарушением целей использования компетенции, орган государственного управления злоупотребляет собственными властными полномочиями, применяя их в противоречии с целями, определенными законом. В этой связи необходимо отметить, что в литературе описывается достаточно мало примеров дефектных административно-правовых актов, принятых с противоречащей закону целью. Предполагается, что причина этого состоит в том, что подобные дефекты весьма трудно выявить. С одной стороны, тут субъект публичной администрации постоянно формально основывается на свою законную компетенцию. С другой стороны, цели реализации властных полномочий, как правило, не очевидны. Они довольно редко прямо указываются в нормативных актах, нередко их можно обнаружить и определить, только применив весь запас разных методов и приемов толкования определенных правовых норм. Все это приводит к тому, что дефектные административно-правовые акты этого типа владеют весьма значительной степенью латентности. Они спрятаны за наружным слоем их представляющей законности.

4. *Дефектные административно-правовые акты, принятые с нарушением требований законности к порядку (процедуре) принятия актов.*

Принятие акта в согласовании с определенной процедурой считается одним из общих условий законности, предъявляемых к административно-правовым актам. Нарушение данного условия приводит к тому, что такие акты признаются дефектными.

Под процедурой (от латинского *procedo* – иду вперед) подразумевается порядок исполнения, ряд поочередных действий, требуемых для осуществления чего-нибудь. Многие ученые, специализирующиеся на изучении административных процедур, фиксируют, что сущность процедуры состоит в нормативном установлении очередности, порядка совершения определенных действий [6, с. 5]. Иными словами, административная процедура – это выделяемая в рамках исполнения государственной функции или предоставления государственной услуги логически обособленная последовательность административных действий, имеющая конечный результат. В связи с этим под процедурой принятия административно-правового акта можно подразумевать нормативно определенный порядок, очередность совершения субъектом публичной администрации действий, требуемых для принятия надлежащего акта. С этих позиций, дефектный административно-правовой акт, утвержденный с нарушением процедуры, – это такой акт, который установлен субъектом публичной администрации, с нарушением нормативно установленного порядка, последовательности его принятия.

5. *Дефектные административно-правовые акты, принятые с нарушением требований законности к оформлению (форме) актов.*

В юридической литературе заявлены разнообразные взгляды относительно того, что собой предполагает форма административно-правового акта. Для целей настоящего исследования под формой административно-правового акта мы будем понимать средство внешнего выражения его содержания. Условия к оформлению актов непосредственно объединены с процессом документирования данных, поэтому они фиксируются не только в нормативных актах, посвященных исполнению государственного управления деятельностью в той или иной области общественной жизни, но и в нормативных актах об информации и делопроизводстве.

Формирование письменных административно-правовых актов касается юрико-технической стороны процесса их принятия. Как мы знаем, технико-юридические средства и приемы подразделяются на две различные группы:

средства и приемы юридического выражения воли субъекта, принимающего правовой акт;

средства и приемы словесно-документального изложения содержания правового акта.

Первая группа технико-юридических средств и приемов принадлежит к содержанию правовых актов, вторая – к их внешнему документальному оформлению. Поскольку форма письменного административно-правового акта – это средство внешнего выражения его содержания, постольку условие надлежащего оформления письменных административно-правовых актов связано со средствами и приемами словесно-документального изложения их содержания.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что классификация дефектных административно-правовых актов в зависимости от характера нарушений условий законности, допущенных при принятии актов, и их влияния на юридическую силу актов не исчерпывается выделением ничтожных и оспоримых актов. Во-первых, в нее не совсем укладываются незарегистрированные и (или) неопубликованные нормативные административно-правовые акты. Во-вторых, есть административно-правовые акты с несущественными дефектами процедуры и формы.

Выделение актов с такими дефектами имеет большое значение. В связи с этим нельзя согласиться с авторами, которые полагают, что незначительные дефекты, не вызывающие особых юридических последствий, не могут выделяться в науке в качестве самостоятельного типа дефектных юридических фактов, так как подобное выделение не имеет должной научно-практической ценности для типологии. Согласно такой позиции, если отклонение от нормы незначительно, то нельзя говорить и о дефектном юридическом факте, как таковом, от таких дефектов юридическая практика абстрагируется, что собственно надлежит сделать и теории [7, с. 23–24].

Как показал проведенный выше анализ дефектных административно-правовых актов, принятых с нарушением требований законности к порядку (процедуре) принятия актов, конструкция существенных и несущественных дефектов выработана именно практикой. Таким образом, говорить о том, что юридическая практика абстрагируется от таких дефектов не совсем корректно. Дело заключается в том, что выделение существенных и несущественных дефектов имеет решающее значение для лишения административно-правовых актов их юридической силы. Для типологии дефектных актов это обстоятельство является более чем релевантным. В связи с этим представляется, что выделение административно-правовых актов с несущественными дефектами имеет несомненную научно-практическую ценность, а классификация дефектных актов, проведенная без учета данной их разновидности, будет неполной.

Список использованных источников

1. Недействительный административный акт / N.N. // Совет. государство и право. – 1946. – № 5–6. – С. 73–75.
2. Лазарев, Б.М. Компетенция органов управления / Б.М. Лазарев. – М. : Юрид. лит., 1972. – 280 с.
3. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 июля 2018 г., № 130-3 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Бахрах, Д.Н. Очерки теории российского права / Д.Н. Бахрах. – М. : Норма, 2008. – 288 с.
5. Салищева, Н.Г. Требования социалистической законности, предъявляемые к актам государственного управления / Н.Г. Салищева // Советское административное право. Методы и формы государственного управления / С.Г. Березовская, Р.Ф. Васильев, М.И. Еропкин, В.Т. Квиткин [и др.] ; редкол.: Ю.М. Козлов, Б.М. Лазарев, А.Е. Лунев, М.И. Пискотин. – М. : Юрид. лит., 1977. – С. 92–93.
6. Управленческие процедуры / И.Л. Бачило, А.С. Васильев, Н.Ф. Воробьев, И.Л. Давитнидзе [и др.] ; отв. ред.: Б.М. Лазарев. – М. : Наука, 1988. – 272 с.
7. Муругина, В.В. Дефектность юридических фактов как негативная черта правовой системы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.В. Муругина ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов : Саратов. гос. акад. права, 2010. – 22 с.

УДК 351.74

А.С. Бурак, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.И. Бородич*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Е.Н. Мазаник*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье представлен взгляд автора на проблемные моменты в деятельности органов внутренних дел по обеспечению экономической безопасности Республики Беларусь, предложены пути их решения.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З (с изменениями и дополнениями от 9 января 2019 г. № 169-З) «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» органы внутренних дел (ОВД) – государственные правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и

обеспечивающие общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них законом и иными законодательными актами Республики Беларусь. Органы внутренних дел являются составной частью системы обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь [1].

Специфику деятельности ОВД в системе обеспечения экономической безопасности обуславливают: широкий перечень правоохранительных функций; осуществление правоохранительной деятельности, как особого вида деятельности государства; основательный анализ, изучение, оценка явлений, формирующих уголовную преступность; широкие кадровые, организационно-управленческие возможности; наличие вооружения, специальных средств и техники, а также иных средств для выполнения возложенных задач; значительный объем специфических полномочий сотрудников (в том числе применение оружия, специальных средств, физической силы); особый порядок прохождения службы. Вышеуказанное позволяет утверждать, что ОВД занимают центральное место среди субъектов обеспечения экономической безопасности. Однако большое количество факторов оказывают влияние на качество обеспечения экономической безопасности. К таким факторам можно отнести: быстро развивающиеся общественные отношения, несоответствие законодательства современным реалиям, проблемы кадрового обеспечения и социальной защищенности сотрудников, проблемы взаимодействия с другими органами при решении задач по обеспечению экономической безопасности, несовершенство механизмов противодействия угрозам и др. Эти факторы обуславливают необходимость совершенствования деятельности ОВД в сфере обеспечения экономической безопасности.

По мнению автора, необходимо обратить внимание на следующий ряд проблем: кадровое обеспечение, подготовка, переподготовка кадров для ОВД; взаимодействие с государственными и правоохранительными органами по вопросам служебной деятельности; взаимодействие со средствами массовой информации и общественностью; неполная защищенность сотрудников при выполнении служебных задач; несовершенство законодательства; техническая оснащенность сотрудников органов внутренних дел; распространение информации, порочащей честь сотрудника органов внутренних дел и системы в целом.

Роль кадрового обеспечения, подготовки, переподготовки кадров является актуальной для любого ведомства, и ОВД не исключение. Вместе с тем подбор кадров проявляется не только в обеспечении нужного количества сотрудников, обладающих определенным набором качеств и прошедших в установленном порядке проверочные мероприятия. Подбор кадров проявляется также в грамотном распределении сотрудников на руководящие должности, практическом обучении молодых сотруд-

ников, правильном влиянии на климат в коллективе; справедливом распределении нагрузки между всеми сотрудниками и т. д. Отметим, что является весьма актуальным роль молодого сотрудника. На практике молодой специалист, поступивший на службу в ОВД после профильного вуза или прошедший переподготовку, сталкивается со множеством трудностей и заканчивает службу, не окончив первый контракт или после него. По мнению автора, возникает проблема правильной организации работы для такого сотрудника. Отсутствие механизмов, способствующих переориентации знаний из теоретической области в практическую, и использование административных методов управления отбивают желание дальнейшего продолжения службы. Такого рода проблемы не являются исчерпывающими.

Проблема подготовки кадров для правоохранительных органов активизируется в связи с тем, что у абитуриентов все чаще отмечается недостаток базовых знаний. Это приводит к тому, что многие лица, принимаемые на службу, не отвечают предъявляемым требованиям [2, с. 40]. Таким образом, необходимо усовершенствовать процесс деятельности молодых сотрудников, проводить контроль за их деятельностью и последующей возможностью работы над ошибками, пересмотреть возможность применения разного рода взысканий за совершаемые им проступки. При подборе кандидатов на службу следует обращать внимание на уровень базовых знаний, ориентировать молодых специалистов на самообразование с предоставлением необходимой помощи по тем или иным вопросам.

Рассматривая вопрос взаимодействия с государственными и правоохранительными органами по вопросам служебной деятельности, необходимо обратить внимание на несовершенство системы взаимодействия. Чаще всего такого рода проблемы возникают у сотрудников оперативных подразделений при передаче материалов сотрудникам подразделений Следственного комитета Республики Беларусь (СК) для возбуждения уголовного дела по экономическим преступлениям. Особенностью экономических преступлений выступает их неочевидность, латентность, хорошая подготовленность преступников. Эти и иные факторы вносят свои особенности в деятельность по раскрытию и расследованию преступлений. Необходимо отметить то, что сотрудники органов внутренних дел и Следственного комитета, действуя в рамках принципа законности, реализуют свои функции в интересах государства и делают одно дело. Однако в процессе взаимодействия возникают разного рода вопросы, связанные с тем, что сотрудник органов внутренних дел, осуществлявший работу по материалу, считает ее законченной и четко видит состав уголовно наказуемого деяния. В то же время у со-

трудника следственного подразделения возникают сомнения по вопросам правильной квалификации совершенного деяния, наличия достаточного количества доказательств и т. д. Это приводит к возникновению конфликтных ситуаций, и дальнейшая работа превращается в «перепутывание» материалов от одного ведомства другому.

По мнению автора, для решения данной проблемы необходимо совместно разработать и регламентировать порядок действий сотрудников органов внутренних дел и Следственного комитета при передаче материалов. Определить объем необходимого количества работы по материалам, который удовлетворит требования обеих сторон для дальнейшего разбирательства по факту совершенного преступления.

Взаимодействие со СМИ и общественностью является весьма актуальным вопросом. Гласность деятельности ОВД имеет многостороннее значение, потому что она несет в себе профилактический, предупредительный, воспитательный характер. Именно эта деятельность формирует имидж и мнение о компетенции сотрудников органов внутренних дел и о системе в целом. К сожалению, специфика деятельности ОВД не всегда носит положительный характер. И те отрицательные моменты, которые становятся объектом всеобщего обозрения в дальнейшем, создают препятствия для деятельности сотрудников органов внутренних дел. Это может выражаться в нежелании сотрудничать с сотрудниками органов внутренних дел, создании всевозможных препятствий для них, желании отомстить за принятое сотрудником решение и т. д.

Для противодействия и устранения данного рода проблемы необходимо создать и реализовать комплекс мер, направленных на повышение имиджа сотрудников органов внутренних дел, разработать политику в области воспитания молодежи в духе доверия сотрудникам органов внутренних дел, осуществить комплекс мероприятий, направленных на укрепление положительного мнения об ОВД.

Проблема несовершенства законодательства не является новшеством в настоящее время. Быстро развивающиеся общественные отношения требуют кропотливой работы со стороны законодателя с целью их совершенствования. При этом теоретически новое законодательство не всегда способствует упорядочению общественных отношений, а может и усложнять их, создавать дополнительные проблемы правоприменителю. Важно отметить, что сотрудникам органов внутренних дел, работающим в сфере экономических отношений, становится весьма проблематично разобраться в той или иной ситуации по причине большого количества противоречащих друг другу или «мертвых» норм. Это затрудняет разбирательство, отнимает много времени и способствует возможности найти преступнику необходимые «лазейки» для того, чтобы уклонить-

ся от заслуженного наказания. Так, для решения данного вопроса необходимо при разработке тех или иных нормативных правовых актов реально оценивать их с точки зрения правоприменителя, учитывать их реальную возможность влиять и упорядочивать общественные отношения, учитывать мнение правоприменителя об эффективности действия того или иного нормативного правового акта.

Автор полагает, что проблема незащищенности сотрудников при выполнении служебных задач выражается в том, что в деятельность сотрудника органов внутренних дел могут вмешиваться со стороны как заинтересованные, так и не имеющие интереса лица и повлиять на результат его деятельности. Например, это может быть выражено действиями «жалобщиков» на правомерные действия сотрудников органов внутренних дел, иных недобросовестных сотрудников или должностных лиц, которые хотят получить необходимую информацию для оказания помощи заинтересованному лицу; фиксацией с помощью средств фото-, видеокamer действий сотрудника органов внутренних дел и др. Конечно, существуют механизмы, которые противодействуют тем или иным действиям, направленным на вмешательство в деятельность сотрудника, однако в большинстве случаев такие лица не осознают вред своих действий для сотрудника и остаются безнаказанными.

Для устранения такого рода проблемы необходимо укрепить положение сотрудников с законодательной стороны мерами, направленными на запрет вмешательства в их деятельность, усилить меры по обеспечению конфиденциальности сотрудников там, где это необходимо.

Потребность в технических средствах является очень важным вопросом с учетом специфики задач, решаемых ОВД. Необходимость замены технического оборудования обусловлена появлением все большего количества новых и изощренных способов совершения преступления, улучшением технической оснащённости преступников, потребностью в повышении эффективности деятельности по противодействию преступлениям. К сожалению, имеющееся оборудование не всегда есть в нужном количестве и требования, которые предъявляются к решению задач, возложенных на ОВД, трудно выполнить с учетом характеристик и возможностей имеющихся технических средств. Наличие данной проблемы вызывает трудности в проведении оперативно-розыскных, следственных и иных мероприятий; в обеспечении правопорядка; в обеспечении общественной безопасности при проведении массовых мероприятий и решения иных задач.

По этой причине необходимо установить критерии оценки технических средств с точки зрения их физического и морального износа, а также актуальность этих средств и их возможностей; пересмотреть

имеющуюся техническую базу; принять меры по замене старого оборудования.

Информационные технологии с огромной скоростью проникают во все сферы деятельности человека. Автоматизация, появление новых мессенджеров и гаджетов, с одной стороны, во многом упрощают жизнь человека, а с другой – создают новые проблемы, с которыми он не сталкивался. Одной из таких проблем является проблема распространения информации, порочащей честь сотрудника органов внутренних дел и системы в целом. Это проявляется в распространении в мессенджерах и сети Интернет в целом различного рода негативной информации о тех или иных действиях сотрудников органов внутренних дел. При этом автор таких сообщений трактует происшедшее не в сторону сотрудника, пытаясь различного рода методами привнести отрицательный оттенок в картину случившегося. По мнению автора, отсутствие реальной информации о случившемся, субъективное суждение этого лица, негативное отношение к ОВД в целом, желание разного рода способами спровоцировать систему и иные факторы способствуют созданию такого рода источников и появлению все большего количества подобных новостей. Вышеизложенное приводит к формированию отрицательного мнения о деятельности сотрудников и ОВД в целом, нежелании оказывать помощь сотрудникам в тех или иных ситуациях и т. д.

Таким образом, необходимо проводить мониторинг ситуации в мессенджерах и сети Интернет, устанавливая лиц, распространяющих такого рода информацию, и воздействовать на них, принимать контрмеры для противодействия данным явлениям.

Автор полагает, что перечень приведенных проблем не является исчерпывающим. Однако решение данного круга проблем повысит эффективность деятельности ОВД в целом и будет способствовать развитию деятельности ОВД в сфере эффективности обеспечения экономической безопасности.

Список использованных источников

1. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-З : текст по состоянию на 01.12.2015 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Вишневский, А.А. Совершенствование подготовки сотрудников правоохранительных органов Республики Беларусь по обеспечению экономической безопасности государства / А.А. Вишневский // Актуальные проблемы юридического образования : Междунар. науч.-метод. конф., (Минск, 23 окт. 2015 г.) : тез. докл. – Минск, 2015. – С. 39–41.

В.Л. Гнилякевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *А.М. Шинкевич*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются правовые основания и условия проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», сходство и отличие оперативно-розыскного эксперимента от следственного, предложения по внесению изменений в ст. 16 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», недопустимость провокации при проведении оперативно-розыскного эксперимента.

Оперативный эксперимент является одним из видов оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), закрепленных в ст. 18 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон). В ст. 34 Закона содержится определение понятия «оперативный эксперимент», где последний представляет собой вовлечение под контролем должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность (ОРД), гражданина, в отношении которого имеются сведения о его преступной деятельности, в созданную на основе этих сведений обстановку, максимально приближенную к предполагаемой преступной деятельности этого гражданина, в целях вызывания определенного события, а также получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД [1].

Выделяют общие и дополнительные условия для проведения оперативно-розыскного эксперимента. Общие условия закреплены в ст. 19 Закона. К ним относятся вынесение постановления о проведении оперативно-розыскного эксперимента и получение санкции прокурора или его заместителя. Дополнительные – содержатся в ст. 34 Закона:

наличие заявления, сообщения гражданина о подготавливаемом, совершаемом или совершенном в отношении его или его близких менее тяжком, тяжком или особо тяжком преступлении – при условии участия в оперативно-розыскном эксперименте гражданина, в отношении которого готовится, совершается или совершено преступление;

наличие предварительно проверенных органом, осуществляющим ОРД, сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного гражданином либо группой граждан тяжкого или особо тяжкого преступления – при условии, что не имеется достаточных све-

дений для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и выполнении задачи ОРД невозможно или затруднительно без проведения оперативно-розыскного эксперимента [1].

На наш взгляд, в ст. 34 Закона имеются противоречия. Проанализировав абз. 2 и 3 данной статьи, можно сделать вывод, что дополнительные условия для проведения оперативно-розыскного эксперимента являются препятствиями для проведения ОРМ при наличии оснований, перечисленных в ст. 16 Закона, т. е. при наличии сведений о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении (основания для проведения ОРМ) провести оперативно-розыскный эксперимент невозможно без наличия заявления, сообщения гражданина о менее тяжком, тяжком или особо тяжком преступлении в отношении его или его близкого и участия его в оперативно-розыскном эксперименте, либо поступившие в оперативно-розыскное подразделение сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении должны быть предварительно проверены другими оперативно-розыскными и иными мероприятиями. Исходя из этого можно сделать вывод, что указанные дополнительные условия для проведения ОРМ по своей сути являются правовыми основаниями для проведения этого мероприятия. Эти дополнительные условия фактически включают сведения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении.

С учетом изложенного считаем, что для оперативно-розыскного эксперимента дополнительные условия, изложенные в ст. 34 Закона, должны быть закреплены в ст. 16 Закона в качестве отдельных оснований для его проведения.

В своих работах Р.Х. Пардилов, В.С. Овчинский, Г.К. Синилов к характерным признакам оперативно-розыскного эксперимента, в отличие от других ОРМ, закрепленных в ст. 18 Закона, относят следующие:

наличие четко сформулированных предположений о действиях проверяемого лица и других обстоятельствах предполагаемого преступного деяния;

совершение необходимых действий, направленных на создание, воспроизведение и использование искусственных условий, которые должны восприниматься изучаемым или проверяемым лицом как вполне естественные;

воспроизведение действий, обстановки и иных обстоятельств противоправного события;

негласный контроль, а также оперативное сопровождение действий проверяемого с целью пресечь его преступные действия, а также установить причастных к ним лиц [2, с. 69].

Н.В. Румянцев, в зависимости от оперативно-тактической задачи (цели) проведения, выделяет три вида оперативно-розыскного эксперимента:

выявление неизвестных преступников, совершающих преступления, в том числе, многоэпизодные. Особенностью данного вида оперативного эксперимента является использование специально подготовленных контролируемых объектов (предметов), аналогичных тем, на которые обычно покушаются преступники. В местах наиболее частого совершения преступлений создаются так называемые ловушки, приманки. Например, по делам о кражах автотранспорта применяются «автомшины-ловушки» на автостоянках и в иных местах возможного совершения преступления. Оперативно-тактические задачи, решаемые проведением этого вида оперативного эксперимента, могут заключаться в следующем: выявление и установление неизвестных лиц, которые подготавливают или совершают преступления; выявление преступных намерений указанных лиц; задержание с поличным при приготовлении к преступлению, а также в случае покушения на преступление;

документирование и задержание с поличным известных лиц, в отношении которых уже есть обоснованные подозрения по приготовлению или совершению преступлений. Как правило, этот вид оперативного эксперимента встречается по делам, связанным со взяточничеством, коммерческим подкупом, а также по преступлениям, связанным с незаконным изготовлением огнестрельного оружия и прочими предметами, оборот которых ограничен или запрещен. Проведение этого вида оперативного эксперимента направлено: на проверку выдвигаемых оперативных версий на причастность определенного лица к конкретным преступным деяниям; установление обстоятельств совершаемых преступлений; задержание подозреваемого лица с поличным в момент покушения на преступление, а также изъятие предметов, орудий и средств совершения преступления;

опосредованный (или модельный) оперативный эксперимент. Необходимость его проведения можно объяснить различными обстоятельствами. Оперативно-тактические задачи, решаемые проведением этого вида оперативного эксперимента, могут заключаться: в возможности воспринимать конкретное событие при соответствующих условиях, о которых было сообщено ранее в полученной информации; установлении, надежны ли источники получения такой информации; возможности фиксации тех или иных действий в этих условиях; установлении возможной дезинформации, которая может поступить от источников получения таких сведений [3, с. 42].

Однако в Республике Беларусь проведение оперативного эксперимента не может иметь своей целью выявление неизвестных преступников, совершающих многоэпизодные преступления. Это объясняется тем, что в ст. 34 Закона закреплены дополнительные условия для проведения

данного вида ОРМ, согласно которым для проведения оперативного эксперимента должно быть известно конкретное лицо, в отношении которого планируется провести ОРМ.

Оперативный эксперимент следует отличать от следственного эксперимента, который в соответствии со ст. 207 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь следователь вправе произвести в целях проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, путем воспроизведения действий, обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяются возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов [4].

Проанализировав оперативный и следственный эксперименты, можно выделить как общие, так и отличительные черты.

Общее между ними заключается в том, что и оперативный, и следственный эксперименты предполагают искусственно вызванное явление в целях его изучения, последовательную фиксацию и контроль за состоянием наблюдаемого (вызванного) явления, изменяющегося под воздействием факторов, вводимых и управляемых лицом, производящим эксперимент.

Однако очевидны и существенные отличия между оперативным и следственным экспериментами:

оперативный эксперимент проводится исключительно негласно, при этом соблюдается принцип конспирации, а следственный эксперимент всегда проводится гласно, а принцип конспирации на него не распространяется;

одним из основных условий проведения следственного эксперимента является наличие возбужденного уголовного дела, а для проведения оперативного эксперимента возбужденного уголовного дела может и не быть;

цель проведения оперативного эксперимента – вызывание определенного события для получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД, а следственного эксперимента – проверка и уточнение данных, имеющих значение для уголовного дела по ранее совершенному преступлению;

следственный эксперимент проводится только в отношении уже происшедшего события, а оперативный эксперимент – как в отношении уже происшедшего события, так и в отношении события, которое может наступить при создании определенных условий;

протоколы следственного эксперимента являются источниками доказательств, а протоколы оперативного эксперимента могут быть признаны источником доказательств.

Таким образом, оперативный эксперимент, несмотря на некоторое сходство со следственным экспериментом, существенно отличается от него целями, принципами, условиями проведения, степенью доказательности их использования в уголовном процессе.

Следует учесть, что в отдельных случаях при проведении оперативного эксперимента санкцию у прокурора получать не нужно. К таким случаям относятся случаи, указанные в ст. 35 Закона, требующие незамедлительного принятия мер по обеспечению безопасности общества и государства и не терпящие отлагательства, для предупреждения, выявления, пресечения тяжкого или особо тяжкого преступления, розыска и задержания гражданина, его совершившего, а также при наличии сведений о событиях и действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Беларусь.

В.А. Нетреба, В.С. Овчинский и А.Ю. Шумилов считают, что санкционирование постановления о проведении оперативного эксперимента у прокурора необходимо только в том случае, если опытные действия предполагают активную форму поведения объекта ОРМ и их направленность на совершение преступления, а также проведение этого ОРМ с использованием предметов, средств и веществ, свободная реализация которых запрещена либо гражданский оборот которых ограничен [5, с. 205].

На наш взгляд, научный подход по данному вопросу ученых В.А. Нетребы, В.С. Овчинского и А.Ю. Шумилова является спорным и необоснованным, так как санкция прокурора является дополнительной гарантией соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан и исключение процедуры получения санкции прокурора для проведения оперативного эксперимента может иметь негативные последствия в виде нарушения прав и законных интересов лица, в отношении которого проводится ОРМ.

Одной из важнейших проблем, которую обсуждают ученые и практики Российской Федерации, является проблема разграничения правомерного поведения оперативных сотрудников и провокации к совершению преступления в процессе проведения оперативного эксперимента. Можно согласиться с В.Н. Курченко, который, отграничивая провокацию от действий при пресечении преступлений, отмечает: «Главный вопрос здесь – от кого исходит инициатива. Например, если заподозренное лицо само требует, тем более само вымогает взятку без какого-либо провоцируемого вмешательства, совершает действия, направленные на ее получение, то последующая деятельность оперативных сотрудников правомерна. Совсем другое дело, когда в ходе оперативного эксперимента лицу, подозреваемому в преступной деятельности, различными способами предлагают либо даже навязывают взятку, создают условия,

способствующие ее вручению, даже если лицо само никаких действий, направленных на получение взятки, не совершает» [6, с. 126].

Того же мнения придерживаются П.С. Дмитриев, Р.Х. Пардилов, М.А. Трухину, М.А. Селезнев. Они считают, что оперативный эксперимент – это прежде всего наблюдение за действиями разрабатываемого лица в целях установления его противоправных намерений, обоснованно подозреваемого в подготовке или совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Критерием отграничения правомерных действий сотрудников оперативных подразделений от провокационного поведения в процессе выявления преступных намерений являются инициативные действия со стороны последних [7, с. 53].

Стоит отметить, что в Уголовном кодексе Российской Федерации в ст. 304 предусмотрена уголовная ответственность за провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Что касается Республики Беларусь, то в Уголовном кодексе не закреплена ответственность за провокацию взятки, однако в ст. 16 закреплена ответственность за провокацию в преступлении, включающий подстрекательство – склонение лица к совершению преступления.

Следует также иметь в виду, что в некоторых случаях коррупционер может не совершать инициативных действий для получения взятки, а ожидать ее дачи, после чего начинает реализовывать свой преступный умысел. В таких случаях инициативные действия со стороны оперативного сотрудника не будут являться провокацией, так как инициативное поведение будет являться частью созданной на основе ранее полученных сведений о преступной деятельности гражданина обстановки, максимально приближенной к предполагаемой преступной деятельности этого гражданина.

Таким образом, при проведении оперативного эксперимента со стороны оперативного сотрудника могут осуществляться инициативные действия по созданию благоприятной обстановки, способствующей совершению преступления разрабатываемым. При этом такие действия допустимо проводить лишь в случае, когда у оперативного сотрудника имеются предварительно проверенные сведения органом, осуществляющим ОРД, о пассивном поведении разрабатываемого лица при совершении им аналогичных преступлений с целью маскировки способа совершения преступления и невозможности изобличения его в преступной деятельности. При провокации предварительно проверенные сведения о пассивном поведении разрабатываемого лица отсутствуют и оперативный сотрудник, осуществляя инициативные действия, нацелен на искусственное создание доказательств.

Список использованных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Винтерколлер, Н.В. Некоторые проблемы оперативного эксперимента при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / Н.В. Винтерколлер // Вестн. Барнаул. юрид. ин-та МВД России. – 2012. – № 2 (23). – С. 68–72.
3. Румянцев, Н.В. Оперативный эксперимент как оперативно-розыскное мероприятие / Н.В. Румянцев // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26 (1–4), № 1. – С. 39–42.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : с изм. от 09.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Оперативно-розыскная деятельность : учебник. – 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 848 с.
6. Курченко, В.Н. Отграничение провокации от действий при пресечении преступлений / В.Н. Курченко // Законность. – 2004. – № 1. – С. 10–12.
7. Селезнев, М.А. Эксперимент или провокация? / М.А. Селезнев // Рос. юстиция. – 1996. – № 5. – С. 51–54.

УДК 343.985

В.Л. Гнилякевич, В.Э. Дятлов, курсанты факультета милиции

Научный руководитель – *А.М. Шинкевич*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются правовые и организационные проблемы, возникающие у оперативных сотрудников органов внутренних дел при проведении ОРМ «оперативный эксперимент» по взяточничеству, предлагаются пути их решения.

Виды оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) закреплены в ст. 18 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон). Одним из видов ОРМ является оперативный эксперимент. Оперативный эксперимент – вовлечение под контролем должностного лица органа, осуществ-

ляющего оперативно-розыскную деятельность (ОРД), гражданина, в отношении которого имеются сведения о его преступной деятельности, в созданную на основе этих сведений обстановку, максимально приближенную к предполагаемой преступной деятельности этого гражданина, в целях вызывания определенного события, а также получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД [1].

Как правило, оперативный эксперимент проводится с целью выявления и пресечения фактов взяточничества. Взяточничество является одним из наиболее опасных коррупционных преступлений, так как оно наносит значительный ущерб системе управления государством, дискредитирует власть в глазах общественности, дезорганизует экономику. Таким образом, основные усилия подразделений по противодействию коррупции направлены на борьбу с данным преступлением. Наиболее эффективным средством для этого является проведение ОРМ «оперативный эксперимент» [2, с. 116].

В.М. Хомич отмечает, что существует следующая проблема, связанная с проведением оперативного эксперимента: «Что касается оценки соответствующей практики деятельности оперативных подразделений, то здесь больше нравственного в том смысле, следует ли практиковать такие способы борьбы с преступными проявлениями, которые основаны на заведомых инстинктивных изъянах далеко несовершенной человеческой природы. Зачем пробуждать эти «спящие» несовершенства человека, когда предостаточно не спящих, тайно замышляющих и, при удобной ситуации, скрытно совершающих преступления, для выявления которых требуется и необходима оперативно-розыскная деятельность. Поэтому и с нравственной, и с правовой позиции использование агентурной провокации в борьбе с преступностью должно быть ограничено социально-оправданными выгодами» [3, с. 298].

На наш взгляд, данная точка зрения является спорной. Действительно, оперативный эксперимент как способ борьбы со взяточничеством частично основан на инстинктивном желании человека принять предложенные ему денежные средства за совершение определенных действий. При совершении коррупционных преступлений лицо, его совершающее, руководствуется корыстными мотивами, которые также основаны на заведомо инстинктивных изъянах человека. Но данное обстоятельство, очевидно, не отменяет факт совершенного противоправного деяния и не освобождает от уголовной ответственности за его совершение. К тому же оперативный эксперимент проводится только при наличии оснований и условий для его проведения (заявления, сообщения гражданина о подготавливаемом, совершаемом или совершенном в отношении его или его близких преступлении либо предварительно проверенных орга-

ном, осуществляющим ОРД, сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления). В данном случае, несмотря на то что при проведении оперативного эксперимента используются средства и методы, основанные на инстинктах человека, проведение данного вида ОРМ в полной мере оправдано.

По мнению российских ученых А.В. Шахматова, С.И. Захарцева и П.Е. Спиридонова, существует проблема привлечения представителей общественности при проведении оперативного эксперимента. Подобная практика приводит к нарушению законодательства о государственной тайне, так как в ходе проведения подобных ОРМ с участием представителей общественности происходит рассекречивание фигурантов, в отношении которых проводятся эти мероприятия, методов и способов проведения мероприятий, раскрываются данные об участниках ОРМ, которые во многих случаях также являются секретными. Это приводит к негативным последствиям, вызванным утечкой информации: фигуранты временно прекращают осуществлять преступную деятельность, трансформируют схемы ее осуществления, принимают дополнительные меры конспирации (меняют адреса, номера телефонов и т. д.).

По их мнению, необходимо привлекать участников ОРМ, которые бы не разгласили факт подготовки и проведения оперативного эксперимента. Им сообщается необходимая информация о задачах, требующих решения с их участием, содержание предстоящего ОРМ, время и место его проведения, точная координация действий и связь с оперативными сотрудниками. Проводится тщательный инструктаж по выполнению каждым участником конкретных действий при условии обеспечения их безопасности. Полнота и пределы информирования зависят от специфики преступления, причастных к нему лиц и конкретной помощи, ожидаемой от граждан. Оперативный сотрудник несет ответственность за обоснованность и целесообразность привлечения граждан к ОРМ. Он должен строго соизмерять предстоящие действия всех участников в конкретных ситуациях с требованиями законности. При этом следует отметить, что категорически запрещается привлекать граждан к участию в мероприятиях по предупреждению и раскрытию преступлений, в ходе проведения которых их жизни и здоровью может угрожать опасность [4, с. 241].

В Республике Беларусь ситуация совершенно иная. При проведении оперативного эксперимента часто привлекаются граждане, однако утечки информации, нарушения принципа конспирации и других нарушений законодательства в процессе осуществления оперативными подразделениями своей деятельности не наблюдается. Это объясняется тем, что граждане, задействованные в проведении оперативного экспери-

мента, предупреждаются об уголовной ответственности за разглашение данных, ставших им известными в процессе проведения данного вида ОРМ. Данный вид ответственности закреплен в ст. 373 и 374 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК).

Одна из проблем оперативно-розыскного законодательства обусловлена существующей практикой проведения оперативного эксперимента для раскрытия взяточничества различной категории тяжести. Согласно ст. 34 Закона одним из условий проведения оперативного эксперимента является наличие предварительно проверенных органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведений о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного гражданином либо группой граждан тяжкого или особо тяжкого преступления – при условии, что не имеется достаточных сведений для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и выполнение задачи ОРД невозможно или затруднительно без проведения оперативного эксперимента [1].

Однако данный вид ОРМ проводится не только для раскрытия преступлений, предусмотренных ст. 430 УК, но и преступлений, предусмотренных ст. 431–432 УК. В то же время в соответствии со ст. 12 УК преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 431, ч. 1, 2 ст. 432, не относятся к категории тяжких. Следовательно, проведение оперативного эксперимента по данной категории дел недопустимо, поэтому перед проведением данного вида ОРМ, согласно Закону, необходимо определить категорию тяжести взяточничества. Однако оперативные сотрудники, не располагающие исчерпывающей информацией о преступной деятельности взяточников, перед проведением оперативного эксперимента не всегда могут точно определить окончательную квалификацию совершенного преступления, которая может свидетельствовать о неправомерности уже проведенного оперативного эксперимента. Кроме того, при проведении данного вида ОРМ, направленного на установление взяточников, совершивших тяжкие преступления, могут быть выявлены лица, совершившие менее тяжкие преступления. В то же время высокая латентность взяточничества не всегда позволяет эффективно бороться с ним с помощью иных видов ОРМ. Однако осуществление оперативного эксперимента для выявления лиц, подозреваемых в даче или посредничестве во взяточничестве, разрешается только при совершении тяжких преступлений. Следовательно, большая часть данных преступлений остается либо невыявленной, либо выявленной в нарушение установленного законодательством порядка [5, с. 148].

На наш взгляд, данную проблему можно решить, законодательно закрепив в условиях для проведения оперативного эксперимента не только сведения о признаках совершения лицом тяжкого или особо тяжкого преступления, но и менее тяжкого.

В.Н. Крюков в своих научных трудах отмечает, что данное условие проведения оперативного эксперимента соблюдается не всегда. Проблема заключается в том, что иногда данный вид ОРМ проводится без соблюдения установленных законодательством условий. Необоснованность решения о проведении оперативного эксперимента выражается в том, что такое решение нередко выносится на основании неполной либо непроверенной информации. Иными словами, оперативный эксперимент проводится с целью не столько изобличения взяточников, сколько для проверки первичной информации о злоупотреблениях конкретного должностного лица либо в конкретной организации. В таких ситуациях при проведении оперативного эксперимента без должной проверки достоверности первичной информации о причастности лица к преступной деятельности высока степень риска провокации преступления. Если первичная информация о совершении взяточничества конкретного должностного лица недостоверна, проведение оперативного эксперимента «вовлекает» законопослушного человека в искусственно созданную криминогенную ситуацию, в которой ему предстоит принять решение: принять взятку либо отказаться от нее [6, с. 48].

Таким образом, факт проведения оперативного эксперимента в отношении законопослушного гражданина уже сам по себе можно рассматривать как провокацию преступления вне зависимости от конкретных обстоятельств его осуществления. Принятие решения о проведении оперативного эксперимента на основании неполной или непроверенной информации приводит к тому, что виновное лицо привлекается к уголовной ответственности лишь по одному эпизоду, установленному путем проведения такого эксперимента. При этом предыдущая преступная деятельность лиц в большинстве случаев не находит своего подтверждения, а приговор приходится выносить лишь на основании одного факта задержания. Следовательно, к уголовной ответственности чаще всего привлекаются лица, которые нередко сами были спровоцированы на совершение преступления. При этом взяточники, занимающиеся ею на протяжении длительного периода, остаются невыявленными.

Следующее типичное нарушение при проведении оперативного эксперимента, которое выделяет В.Н. Крюков, связано с его санкционированием. Условием проведения данного вида ОРМ, закрепленного в ст. 19 Закона, является вынесение постановления и получение санкции прокурора или его заместителя. В случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, допускается проведение оперативного эксперимента на основании мотивированного постановления органа, осуществляющего ОРД, с обязательным письменным уведомлением соответствующего

прокурора или его заместителя в течение 24 часов. В течение 48 часов с момента начала проведения оперативного эксперимента орган, его осуществляющий, обязан получить санкцию прокурора или его заместителя на проведение оперативного эксперимента либо прекратить его проведение [1].

В данном случае сущность проблемы заключается в том, что некоторые оперативные сотрудники, ссылаясь на данное положение, осуществляют оперативный эксперимент без получения санкции прокурора, хотя в условиях складывающейся оперативно-розыскной ситуации могли и должны были обратиться за ее получением. Оперативные сотрудники в указанных случаях рассчитывают на благоприятное для них стечение обстоятельств, т. е. задержание проверяемого с поличным после получения взятки в ходе этого ОРМ. В соответствующем постановлении на проведение оперативного эксперимента указывается на необходимость безотлагательного его проведения с последующим уведомлением прокурора и получением санкции.

В результате проведения оперативного эксперимента, который закончился задержанием взяточников, в установленный законом срок уведомляют прокурора и получают санкцию. В ситуации проведенного оперативного эксперимента, когда первичная информация не подтвердилась, прокурор вообще не уведомляется о том, что был проведен данный вид ОРМ.

Стоит отметить, что для изобличения взяточников требуется довольно продолжительное время, что обусловлено максимальной маскировкой их преступной деятельности. В связи с этим оперативный эксперимент может проводиться в течение нескольких месяцев. Получив один раз санкцию на проведение такого эксперимента, оперативные сотрудники забывают обращаться к прокурору за продлением срока ее действия. Следовательно, оперативный эксперимент продолжает проводиться на основании постановления с просроченной санкцией. Результаты такого оперативного эксперимента не могут быть положены в основу обвинения лица, задержанного с поличным при получении взятки.

На наш взгляд, вышеупомянутые проблемы возникают вследствие санкционирования проведения оперативного эксперимента без наличия необходимых условий для его проведения. Следовательно, данную проблему можно решить путем более тщательного осуществления прокурором надзора за точным соблюдением законодательства при осуществлении оперативными подразделениями своей деятельности. Прокурор должен в полной мере изучать цель проведения оперативного эксперимента и только при наличии оснований и условий его проведения санкционировать данный вид ОРМ.

Таким образом, оперативный эксперимент является сложным мероприятием, при проведении которого могут возникнуть некоторые проблемы. Однако, несмотря на разногласия ученых о его проведении, оперативный эксперимент является достаточно эффективным способом борьбы с преступностью.

Список использованных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Федоренко, Д.Н. Оперативный эксперимент как основное средство выявления и пресечения фактов взяточничества в таможенных органах России / Д.Н. Федоренко // Вестн. Рос. тамож. акад. – 2013. – № 2. – С. 116–121.
3. Хомич, В.М. Оперативный эксперимент без провокации взятки / В.М. Хомич // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2009. – № 2. – С. 297–317.
4. Тугаринов, Н.В. Некоторые проблемы, возникающие при проведении оперативно-розыскных мероприятий «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент» в сфере незаконного оборота наркотиков / Н.В. Тугаринов // Novum. – 2018. – № 14. – С. 240–244.
5. Шиенок, В.П. Типичные нарушения законности проведения оперативно-эксперимента при раскрытии взяточничества / В.П. Шиенок // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2007. – № 1(14). – С. 144–149.
6. Крюков, В.Н. Совершенствование правового регулирования проведения оперативно-эксперимента при раскрытии взяточничества / В.Н. Крюков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2009. – № 1 (17). – С. 47–51.

УДК 347.23

О.А. Дементей, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Е.Н. Мазаник*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Р.А. Серета*

ПРИНЦИП НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ СОБСТВЕННОСТИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

В статье рассматриваются сущность и содержание принципа неприкосновенности собственности. Приводится анализ отраслевого законодательства Республики Беларусь, регулирующего общественные отношения по рассматриваемой проблематике. Уделено внимание международно-правовому регулированию исследуемой категории. Определены правовые средства и гарантии обес-

печения права собственности, а также нормативно-закрепленные пределы вмешательства в указанное право.

Вопросы экономики являются ключевыми для любого современного государства, так как экономическая состоятельность позволяет, в первую очередь, сохранить независимость от других субъектов международного права, а также следовать собственным путем развития. Право на собственность составляет основу обеспечения нормального функционирования экономических отношений, что прямо пропорционально влияет на материальное благополучие как отдельного человека, так и всего общества в целом. Таким образом, встает вопрос о защите данного права и обеспечение его нерушимости, что во многом обеспечивается законодательно закрепленным принципом неприкосновенности собственности.

Ввиду важности и значимости указанного принципа, установление нормативных предписаний осуществляется на уровне Основного Закона Республики Беларусь.

Актуальным является вопрос определения сферы действия данного принципа, оснований и условий ограничения его действия, что непосредственно влияет на обеспечение экономических прав и свобод человека.

Помимо Конституции Республики Беларусь необходимо также рассмотреть и некоторые другие нормативные правовые акты, в том числе кодифицированные (Гражданский кодекс Республики Беларусь, Уголовный кодекс Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и др.), в которых принцип неприкосновенности собственности раскрывается более детально, а также устанавливаются способы и меры защиты собственности.

Описание данного принципа также содержится в трудах ученых-правоведов, где рассматриваются подходы к пониманию принципа неприкосновенности собственности, проблематика его закрепления и реализации.

В этой связи принцип неприкосновенности собственности подлежит всестороннему рассмотрению во всех возможных аспектах ввиду своей важности и значимости в деятельности по обеспечению прав и свобод человека.

Однако прежде чем анализировать законодательство в этой сфере, необходимо уяснить сущность принципа неприкосновенности собственности. Изучению данного принципа уделяется большое внимание как в конституционно-правовой науке, так и в других отраслях права, посредством чего рассматриваются различные подходы к пониманию принципа неприкосновенности собственности. Юридическая доктрина

позволяет рассмотреть то или иное правовое явление в более широком спектре и обозначить конкретные направления совершенствования законодательства.

Так, интерпретируя слово «неприкосновенность» в качестве невозможности самовольного воздействия, вмешательства, создания помех и т. п., А.Я. Рыженков пишет о возможном рассмотрении выражения «неприкосновенность собственности» в различных смыслах:

запрет нарушать особую связь лица с принадлежащим ему имуществом, выражающуюся, разумеется, в наборе совершаемых с этим имуществом операций – владения, пользования, распоряжения;

запрет отнимать у собственника его юридически признанный статус («титул собственника») в целом или его отдельные части;

запрет каким-либо образом посягать на вещи, находящиеся в собственности [1, с. 310].

Каждый из этих смыслов аспективно раскрывает сущность принципа неприкосновенности собственности, что является важным дополнением к нормативным установкам законодательства и оказывает помощь в осознании приоритетных направлений обеспечения данного принципа посредством правоохранительной деятельности, а также деятельности суда по разрешению гражданско-правовых споров.

Между тем обеспечение принципа неприкосновенности собственности согласно международным правовым актам и законодательству конкретного государства имеет различие в диапазоне реализации. Это обуславливает наличие определенной структуры данного принципа, которую можно выстроить, выделяя три уровня:

общая идея неприкосновенности как полной невозможности нарушать отношения собственности;

конституционные и международно-правовые нормы, дающие относительно широкий диапазон возможностей по принудительному изъятию имущества у собственника;

положения гражданского законодательства, которые еще более расширяют рамки возможного вмешательства в собственнические отношения даже по сравнению с международным правом и Конституцией Республики Беларусь [1, с. 310].

При этом прослеживается тенденция конкретизации положений принципа неприкосновенности собственности на каждом последующем уровне, вплоть до детального его рассмотрения с позиции нормативных правовых актов каждого отдельного государства, в частности в Республике Беларусь – Гражданского кодекса, а также других актов законодательства.

Являясь одним из основополагающих принципов, обеспечивающих соблюдение экономических прав и свобод человека, принцип непри-

косновенности собственности базируется прежде всего на положениях Конституции Республики Беларусь. Согласно ст. 13 которой государство предоставляет всем равные права для осуществления хозяйственной и иной деятельности, кроме запрещенной законом, и гарантирует равную защиту и равные условия для развития всех форм собственности [2]. К тому же в ст. 44 Конституции Республики Беларусь закреплено, что собственность, приобретенная законным способом, защищается государством [2].

Осуществление охраны права собственности, принимая за основу ее неприкосновенность, имеющей место быть в качестве законодательно закрепленного «основополагающего начала», представляется необходимым с позиции общей концепции защиты прав человека на основании того, что собственность представляет собой материальную составляющую благополучия человека, его базовую потребность.

Таким образом, отражение данного принципа в Конституции Республики Беларусь во многом свидетельствует о важности его реализации в отечественном законодательстве, чем обусловлена правовая защита права человека на собственность и ее неприкосновенность, выражающаяся в недопущении стороннего неправомерного воздействия на эту собственность других лиц.

Так, защита осуществляется уголовно-правовым воздействием нормативных правовых актов, в частности нормами уголовного законодательства. В Уголовном кодексе Республики Беларусь содержится гл. 24 «Преступления против собственности», содержащая указанные нормы, устанавливающие ответственность за посягание на общественные отношения, складывающиеся по поводу собственности, например ст. 205 «Кража», ст. 206 «Грабеж» и др. [3].

Отсюда следует вывод, что для обеспечения защиты права собственности от противоправных и иных преступных посягательств необходима реализация компетентными государственными органами ряда мер правоохранительного характера. В частности, речь идет об установлении уголовно-правовой защиты с целью общего и частного профилактического воздействия на лиц, совершивших преступления против собственности, а также лиц, склонных к совершению таких преступлений.

Законодательством также предусмотрена административно-правовая ответственность за совершение правонарушений в данной сфере, прописанных в гл. 10 «Административные правонарушения против собственности» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (нарушение права государственной собственности на недра; на воды; на леса; на животный мир (соответственно ст. 10.1–10.4); мелкое хищение (ст. 10.5) и др.) [4].

О мерах правовой защиты собственности в отечественном законодательстве упоминает также И.И. Бранчель, который отмечает, что цель защиты собственности от преступных посягательств вытекает из частей второй-третьей ст. 44 Конституции Республики Беларусь, в которых закреплено, что «собственность, приобретенная законным способом, защищается государством», а ее «неприкосновенность, право ее наследования охраняются законом», а также из норм уголовного и гражданского, уголовно-процессуального и гражданско-процессуального законодательства [5].

По мнению указанного ученого, собственность также является объектом защиты в оперативно-розыскной деятельности: «В частности, в соответствии со ст. 1 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» объектами защиты в ОРД являются: граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства (их жизнь, здоровье, права, свободы и законные интересы); организации (их права и законные интересы); собственность; общество; государство» [5].

Между тем в Гражданском кодексе Республики Беларусь принцип неприкосновенности раскрывается наиболее полно, что обусловлено позицией законодателя относить его и к числу гражданско-правовых. Так, в ст. 2 указанного кодекса закреплено, что право собственности, приобретенной законным способом, охраняется законом и защищается государством, ее неприкосновенность гарантируется, а принудительное отчуждение допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества либо согласно постановлению суда [6].

По мнению Н.Л. Бондаренко, в нормативных предписаниях гражданского законодательства действие указанного принципа находит свое проявление в наиболее полном объеме, а также наблюдается обнаружение его функциональной роли в нормотворческой деятельности и на практике [7, с. 90].

Представляется возможным согласиться с мнением вышеуказанного ученого в той части, что вне зависимости от позиционирования данного принципа (в качестве общеправового и гражданско-правового), видится необходимым его безукоризненное соблюдение [7, с. 90].

Таким образом, нормы Конституции Республики Беларусь, содержащие принцип неприкосновенности собственности, имеют первостепенное значение при обеспечении защиты такой собственности от неправомерного стороннего воздействия.

В настоящее время наличие международных связей между государствами во многом способствует становлению единого подхода к пониманию и реализации прав человека, и, в частности, права собствен-

сти. Как известно, правовые основы обеспечения прав человека берут свои истоки в международных актах.

Так, в соответствии со ст. 17 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими, а также никто не должен быть произвольно лишен своего имущества.

В Европейском регионе, в качестве примера можно привести дополнительный протокол № 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В ст. 1 «Защита собственности» указанного акта излагается следующее: «Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права. Предыдущие положения не умаляют права Государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов» [8].

На международно-правовом пространстве существует множество международных договоров, касающихся права человека на неприкосновенность собственности как гарантии обеспечения его прав и свобод. Участницей некоторых из них является и Республика Беларусь.

Принцип неприкосновенности собственности находит свое отражение во многих Конституциях зарубежья, где он закрепляется с некоторыми особенностями. Ввиду этого анализ зарубежного законодательства и практики его применения также представляет определенный научный интерес.

В то же время в ст. 44 Конституции Республики Беларусь предусмотрено правомерное воздействие со стороны компетентных органов на собственность другого лица, однако в строго оговоренных пределах: «Принудительное отчуждение имущества допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества, а также согласно постановлению суда» [2].

В то же время в ст. 236 Гражданского кодекса Республики Беларусь ведется речь о допущении согласно постановлению суда изъятия у собственника в принудительном порядке его имущества в законодательно прописанных случаях ввиду оснований, отраженных в исчерпывающем перечне данной статьи.

Исходя из этого принцип неприкосновенности собственности не может считаться абсолютным, а соответственно, подлежит ограничению в

случае противопоставления прав одного субъекта правам другого (-их) субъекта (-ов) и общества в целом, что означает ключевой «интерес остальных» [9, с. 13].

Однако с установлением данной нормы возникла необходимость регламентировать определенное жизненно необходимое имущество, которое не может подлежать изъятию либо аресту. Так, например, в приложении к Процессуально-исполнительному кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях закреплена «перечень имущества, на которое не может быть наложен арест в целях обеспечения административного взыскания» [10]; в приложении к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь содержится «Перечень имущества, на которое не может быть наложен арест в целях обеспечения возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением, взыскания дохода, полученного преступным путем, гражданского иска, других имущественных взысканий» [11].

Таким образом, в законодательстве закреплены пределы вмешательства специальных компетентных органов в отношении собственности, которое выражается в ограничении права собственности, а также отчуждении и аресте имущества конкретного лица. Следует отметить то, что осуществление ограничения неприкосновенности собственности неуполномоченными на то лицами противоречит закону и является неправомерным, а следовательно, такие лица подлежат ответственности в общем порядке.

В связи с вышеизложенным считаем важным обозначить необходимость подробного изучения данной проблематики, а также необходимость расширения масштаба научных исследований по данному вопросу, ввиду того, что его рассмотрение и последующее принятие юридически значимых решений напрямую связано с деятельностью по обеспечению основных прав и свобод человека, их защитой и практической реализацией жизнедеятельности как всего общества в целом, так и каждого конкретного человека.

Безусловно, значение и важность принципа неприкосновенности собственности в обеспечении прав и свобод человека не оставляет сомнений. Данное положение подтверждается закрепленными в Конституции Республики Беларусь [2] и других актах законодательства, правовых норм, регламентирующих сущность принципа неприкосновенности собственности. Немаловажное значение также имеют международные нормативные правовые акты, регулирующие отношения собственности [8].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что принцип неприкосновенности собственности играет важную роль в обеспечении экономических прав и свобод граждан, в частности, является неотъем-

лемой частью права собственности, важнейшей гарантией нормального развития экономики, а следовательно, принцип неприкосновенности собственности находит свое широкое применение в законодательстве и судебной практике, обеспечивая защиту собственника от неправомерных посягательств в контексте общей концепции обеспечения прав и свобод человека.

Список использованных источников

1. Рыженков, А.Я. Неприкосновенность собственности в философско-правовом видении [Электронный ресурс] / А.Я. Рыженков // Учен. зап. Казан. ун-та. Серия «Гуманит. науки». – 2018. – № 2. – С. 309–317. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neprikosnovennost-sobstvennosti-v-filosofsko-pravovom-videnii> – Дата доступа: 09.03.2019.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. № 171-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобрен Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. № 232-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Бранчель, И.И. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (по состоянию на 04.04.2016) / И.И. Бранчель, А.В. Солтанович // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2018 г. № 151-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
7. Бондаренко, Н.Л. Особенности реализации принципа неприкосновенности собственности в гражданском законодательстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Н.Л. Бондаренко // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2013. – № 1 (19). – С. 89–94. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-printsipa-neprikosnovennosti-sobstvennosti-v-grazhdanskom-zakonodatelstve-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 07.05.2019.
8. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс] : Европейская конвенция по правам человека : [заключена в г. Рим

04.11.1950 г.] : с изм. Протокола № 14 (СДСЕ № 194), вступ. в силу 1 июня 2010 г. // «Европейский суд по правам человека». – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf. – Дата доступа: 01.05.2019.

9. Несмеянова, С.Э. Конституционное ограничение основных прав и свобод человека [Электронный ресурс] / С.Э. Несмеянова, Н.Е. Колобаева // Рос. право: Образование. Практика. Наука. – 2018. – № 3. – С. 9–16. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-ogranichenie-osnovnyh-prav-i-svobod-cheloveka>. – Дата доступа: 06.05.2019.

10. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 20 дек. 2006 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 9 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Респ. 1 дек. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. № 232-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. № 171-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 347.23

О.А. Дементей, курсант факультета милиции;

К.А. Борисенок, выпускник магистратуры

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Е.Н. Мазаник*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Р.А. Середя*

СТАНОВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ СОБСТВЕННОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

В статье рассматривается становление принципа неприкосновенности собственности в правовой науке и его закрепление в законодательстве в различные периоды развития государства и общества. Показана его трансформация с Позднего Средневековья до нашего времени. Исследуются мнения ученых относительно проблемных аспектов содержания рассматриваемого принципа на современном этапе.

На любом этапе развития общества материальная составляющая жизнедеятельности человека имела ключевое значение, являясь основой для обеспечения основных жизненно важных потребностей. В связи с этим собственность является одним из основных объектов защиты

от посягательств посторонних лиц, что стало отражаться в правовых источниках в виде норм, ограничивающих вмешательство во владение, пользование, распоряжение законного собственника своим имуществом. Одним из средств обеспечения права собственности является принцип неприкосновенности собственности, который ранее существовал в виде правового обычая, а на более современных исторических этапах стал закрепляться в нормативных правовых актах.

Исследование процесса формирования и развития данного принципа, анализ источников, содержащих рассматриваемый принцип, а также позиций ученых-правоведов и историков будут способствовать уяснению значения и содержания этого основополагающего начала, а также развитию правовой науки в области права собственности.

Так, несмотря на то, что интерпретация принципа неприкосновенности права собственности на различных исторических этапах имеет свои особенности, своей сути и актуальности он не терял, поскольку является значимым на протяжении всей жизни человека. А.Я. Рыженков пишет: «Представление о собственности формируется у человека еще в детстве, основываясь на исходных образах «свой – чужой» и закрепленных в языке противопоставленных друг другу местоимениях «мое – твое». Таким образом, любой человек, даже не будучи непосредственно вовлеченным в сферу юриспруденции, понимает, что такое собственность, и стремится всячески защищать ее от посягательств со стороны посторонних» [1, с. 29].

Ввиду недостаточного отражения принципа неприкосновенности собственности в древних правовых источниках, конкретные этапы его развития выделить затруднительно (формулирование в качестве самостоятельного принципа имело место начиная с периода Позднего Средневековья). Рассмотрим закономерности становления принципа неприкосновенности собственности в хронологической последовательности.

Так, например, в древнеиндийских Законах Ману о неприкосновенности собственности прямо не говорится, а некоторые нормы напротив допускают возможность утраты такой собственности ввиду попустительского отношения собственника:

«147. Если собственник поблизости молча наблюдает, как что-либо используется другими в течение десяти лет, он не имеет права получить это [обратно].

148. Если [собственность] того, [кто] не слабоумен и совершеннолетен, использовалась с [его] ведома, она согласно обычаю потеряна для него; пользователь имеет право на это имущество» [2, с. 56].

Э.Ф. Ашурова отмечает: «На протяжении всей истории развития человечества идея о собственности и ее неприкосновенности присутствовала в общественном сознании. Еще Аристотель указывал на необхо-

димось закрепления государством частной собственности, поскольку видел в этом большую выгоду: „...каждый будет с усердием относиться к тому, что ему принадлежит“» [3, с. 38].

Определенная проблематика с описанием данного принципа в законодательстве также присутствовала и у древнеримских правоведов: «Ни в Институциях Гая, ни в Дигестах Юстиниана, как и в других источниках римского права, мы не найдем такого понятия, как «принцип неприкосновенности собственности», которое бы рассматривалось в качестве чего-то основополагающего, лежащего в основе системы права», так как римское право формировалось чисто практически, в самой жизни, по поводу отдельных правоотношений» [4, с. 38]. В римском праве уже имело место и осознание границ так называемой «неприкосновенности собственности»: «Несмотря на признание за собственником полного и юридического господства над вещью, римское право содержало случаи ограничения либо лишения такого права в целях обеспечения публично-либо частного интереса» [5, с. 37].

Принципу неприкосновенности собственности в древности не придавали существенного значения ввиду недостаточной разработанности правовых норм, что также было обусловлено востребованностью их практического применения, а не создания каких-либо абстракций. Однако можно вести речь о том, что понимание «принципа неприкосновенности собственности» сформировалось очень давно, а многие, в частности, древние римские источники оказали большое влияние на современное право и фактически лежат в его основе.

Что касается отечественных древних источников, то в одном из первых исторических памятников русского права Русская Правда также не существовало не то что бы понятия «неприкосновенность собственности», а понятия «собственности» как таковой. «Тем не менее в Русской Правде находятся нормы, которые защищают право собственности как на движимые вещи, так и на недвижимые» [6, с. 28].

В последующем мыслители Позднего Средневековья и Эпохи Возрождения осуществляли попытки описания принципа неприкосновенности собственности в правовой науке. Так, например, Джон Локк (1632–1704) в своей работе «Свобода и собственность» сформулировал новый принцип, согласно которому право собственности человека предполагает «для него состояние свободы». Им была выдвинута идея защиты права собственности от произвола судей и чиновников [7, с. 44].

Важное место принципу свободы и неприкосновенности собственности уделялось также и в революционный период. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. содержала принцип свободы и неприкосновенности собственности. В своем труде «Имущество и видоизменение

собственности в гражданском праве Франции в XIX веке» Н.А. Какоурова ссылается на слова известного политика того времени Наполеона, который говорил следующее: «...собственность есть священное право народов: законодатель должен обеспечить ее неприкосновенность, правительство – воздерживаться от всяких на нее посягательств». Данная позиция напрямую воплощалась как в правлении Наполеона, так и в его обыденном понимании мира и вещей: «О себе он говорил, что во время военных походов со своей многочисленной армией никогда не смел захватить и чужого поля, поскольку это могло бы нарушить право собственности в лице одного. По его мнению, это значило нарушить право собственности в лице всех и каждого» [8, с. 9].

В то же время В.А. Юшкевич, исследуя деятельность Наполеона в гражданском правоповедении и его участие в законодательной деятельности, пишет, что Наполеон наказывал подчиненным ему органам администрации уважать и блюсти частную собственность, так как был убежден, что гражданская свобода зависит от обеспеченности собственности [8, с. 9].

Таким образом, «право, свободу, неприкосновенность частной собственности в борьбе с феодализмом и королевским абсолютизмом (в США – заморским) отстаивала и воплотила в конституционных актах молодая революционная буржуазия» [9, с. 29].

Применительно к Новейшему времени, Н.Л. Бондаренко пишет следующее: «Если классическая римская юриспруденция рассматривала собственность как неограниченное и исключительное господство лица над вещью, как право, свободное от ограничений и абсолютное по своей защите, то в начале XX века неприкосновенность собственности рассматривается уже не как полная невозможность для кого бы то ни было оказывать влияние на право собственности помимо собственника, а скорее как способ наиболее разумного сочетания интересов каждого конкретного собственника и всего общества в целом, то есть признается возможность принудительного ограничения или прекращения права собственности» [10, с. 89].

Как отмечает В.Е. Чиркин, «Положение о неприкосновенности частной собственности было поколеблено после Второй мировой войны конституционным признанием (например, ст. 35 Основного закона ФРГ) законности «массовой» национализации (с компенсацией и в установленных правовых формах). Ранее конституции допускали национализацию отдельных объектов для государственных (затем и общественных) нужд. Теперь она понимается не как изъятие государством отдельных объектов, а как обращение в собственность государства определенных отраслей (частей отрасли) [9, с. 33].

Следует отметить, что «такие права во многом появились в капиталистических конституциях под влиянием норм социалистических основных законов начиная с 1918 г., теперь они признаны Международным пактом 1966 г. об экономических, социальных и культурных правах, но до сих пор социальные права как конституционные отрицаются англосаксонской доктриной и особенно судебной практикой таких стран как «ненастоящие» права, которые нельзя защитить исками в суд. «Добиваться социальных целей непосредственно через суд нельзя», – гласит ч. 2 ст. 59 Конституции Албании 1998 г. Аналогичные положения есть в конституциях Индии, Филиппин и других стран. Они имеют важное значение для общества (в частности, в отношении железных дорог, угольных копей в Великобритании, электротехнической промышленности в Италии, некоторых крупнейших банков во Франции и др.) [9, с. 33].

Таким образом, рассматривая историю возникновения и развития принципа неприкосновенности собственности, следует отметить, что некоторые предпосылки имели место в древних источниках права, однако такие нормы базировались прежде всего на практической необходимости. Древние правоведы руководствовались лишь в некоторой степени пониманием данного «принципа», поэтому его обособленное рассмотрение в качестве некой абстракции не предусматривалось. Между тем в постсредневековый период, ввиду ослабления влияния церкви, где собственность рассматривалась как «данная свыше», появлялись идеи выделения «неприкосновенности собственности» в своеобразный «закон», который в современном правопонимании рассматривается как самостоятельный основополагающий принцип наряду с такими краеугольными камнями правовой доктрины, как «право на жизнь», «право на свободу слова и вероисповедания», «право на свободу корреспонденции» и др.

В настоящее время данный принцип нормативно закреплен в Основном Законе, а именно в ст. 44 Конституции Республики Беларусь, где отражаются следующие положения:

«Собственник имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом как единолично, так и совместно с другими лицами. Неприкосновенность собственности, право ее наследования охраняются законом».

«Собственность, приобретенная законным способом, защищается государством».

«Принудительное отчуждение имущества допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества, а также согласно постановлению суда» [11].

Принцип неприкосновенности собственности наиболее полно раскрыт в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь: «право собственности, приобретенной законным способом, охраняется законом и защищается государством, ее неприкосновенность гарантируется, а принудительное отчуждение допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом, со своевременным и полным компенсированием стоимости отчужденного имущества либо согласно постановлению суда» [12].

Нельзя также не отметить то, что рассматриваемый нами принцип активно исследуется в рамках правовой доктрины и является объектом научного интереса многих ученых, занимающихся изучением ряда правовых проблем в различных спектрах: неоднозначности в интерпретации, коллизии в нормативном закреплении, неясности при отнесении принципа неприкосновенности собственности к числу конституционных или отраслевых принципов и др.

Так, например, А.Я. Рыженков, ведя речь о способах интерпретации «неприкосновенности собственности», выделяет следующие: «Во-первых, как свойство права собственности, предполагающее невозможность для кого-либо оказывать воздействие на объект собственности помимо воли собственника. Во-вторых, как свойство права собственности, вменяющее в обязанность другим лицам не чинить собственнику препятствий в реализации своего права собственности, выражающегося в осуществлении правомочий по владению, пользованию и распоряжению принадлежащим ему имуществом. В-третьих, как один из принципов государственного строя, при котором право собственности внесено в список базовых прав человека, и защита этого права гарантируется законом, что закреплено в Конституции» [1, с. 28–29].

Ученые продолжают вести дискуссии по поводу содержания данного принципа. Одним из наиболее приемлемых определений содержания неприкосновенности собственности является определение А.И. Василянкой, которая рассматривает данный принцип через призму следующих элементов:

невмешательство кого бы то ни было в осуществление права частной собственности;

охрана и защита права частной собственности и ее объектов;

недопустимость произвольного лишения имущества либо несоразмерного ограничения права собственности [3, с. 39–40].

Эти и многие другие исследования подчеркивают актуальность и значимость данного принципа, что приводит к мысли о необходимости установления определенной приоритетности изучения данного принципа

па, находящегося на грани конституционного и отраслевого правового поля, а также содержащегося в различных правовых актах международного характера.

В заключение можно сделать вывод, что осуществление историко-правового анализа является значимым не только с теоретической точки зрения, но и подразумевает практическую направленность данных знаний. Так, сведения об исторических попытках и способах реализации изложенных в нормах тех или иных научных мыслей ученых того времени, а также результат такой реализации может способствовать совершенствованию современного законодательства.

Список использованных источников

1. Рыженков, А.Я. Неприкосновенность права собственности как принцип гражданского права [Электронный ресурс] / А.Я. Рыженков // Вестн. ВолГУ. Серия 5, Юриспруденция. – 2013. – № 1. – С. 28–34. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neprikosnovennost-sobstvennosti-kak-printsip-grazhdanskogo-prava> – Дата доступа: 09.03.2019.
2. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Т. 1 / Краснояр. гос. ун-т ; сост. С.А. Бердникова. – Изд. 2-е. – Красноярск, 2001. – Гл. 10. – 155 с.
3. Ашурова, Э.Ф. Принцип неприкосновенности собственности как одно из фундаментальных начал гражданско-правового регулирования общественных отношений [Электронный ресурс] / Э.Ф. Ашурова // Тавр. науч. обозреватель. – 2017. – № 4-2. – С. 38–41. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-neprikosnovennosti-sobstvennosti-kak-odno-iz-fundamentalnyh-nachal-grazhdansko-pravovogo-regulirovaniya-obschestvennyh>. – Дата доступа: 07.05.2019.
4. Кауракова, М.В. Основы ограничения прав собственности в Японии [Электронный ресурс] / М.В. Кауракова // Евраз. адвокатура. – 2017. – № 6. – С. 44–50. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovy-ogranicheniya-prav-sobstvennosti-v-yaaponii>. – Дата доступа: 10.03.2019.
5. Александров, Ю.А. К вопросу о неприкосновенности собственности в римском праве [Электронный ресурс] / Ю.А. Александров // Сиб. юрид. вестн. – 2013. – № 4. – С. 35–39. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-neprikosnovennosti-sobstvennosti-v-rimskom-prave/>. – Дата доступа: 12.03.2019.
6. Быков, А.С. Становление и развитие института права собственности [Электронный ресурс] / А.С. Быков // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – № 27. – С. 26–29. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-razvitiie-instituta-prava-sobstvennosti>. – Дата доступа: 12.03.2019.
7. Медведев, С.Н. Формирование понятия права собственности [Электронный ресурс] / С.Н. Медведев // Северо-Кавказ. юрид. вестн. – 2009. – № 4. – С. 43–45. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-ponyatiya-prava-sobstvennosti>. – Дата доступа: 10.03.2019.

8. Какоурова, Н.А. Имущество и видоизменения собственности в гражданском праве Франции в XIX веке [Электронный ресурс] / Н.А. Какоурова // Сиб. юрид. вестн. – 2010. – № 2. – С. 8–14. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/imuschestvo-i-vidoizmeneniya-sobstvennosti-v-grazhdanskom-prave-frantsii-v-hih-veke>. – Дата доступа: 09.04.2019.

9. Чиркин, В.Е. Право частной собственности: конституционная эволюция [Электронный ресурс] / В.Е. Чиркин // Журнал рос. права. – 2015. – № 4. – С. 25–36. – Дата доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-chastnoy-sobstvennosti-konstitutsionnaya-evolyutsiya>. – Дата доступа: 09.05.2019.

10. Бондаренко, Н.Л. Особенности реализации принципа неприкосновенности собственности в гражданском законодательстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Н.Л. Бондаренко // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2013. – № 1 (19). – С. 89–94. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-realizatsii-printsipa-neprikosnovennosti-sobstvennosti-v-grazhdanskom-zakonodatelstve-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 07.05.2019.

11. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.

12. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 135-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 343.985

Н.А. Демьянов, Н.А. Соха, выпускники факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

И.А. Шаматкульский

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.Н. Толочко*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРАВООХРАНЯЕМЫМ ИНТЕРЕСАМ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНОЕ ВНЕДРЕНИЕ»

В данной статье рассматриваются вопросы причинения вреда правоохраняемым интересам граждан, иностранных граждан, лиц без гражданства и организаций в рамках проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативное внедрение», исследуются проблемы, существующие в рассматриваемой сфере, а также предлагаются пути их разрешения.

Порядок, тактические особенности проведения и правила документального оформления оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ) «оперативное внедрение», регламентированы ведомственными инструкциями органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД), имеющих, по понятным причинам, гриф секретности. В свою очередь, определение данного мероприятия закреплено в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД»).

Согласно ст. 33 Закона «Об ОРД» оперативное внедрение – проникновение должностного лица органа, осуществляющего ОРД, или гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, в окружение гражданина или в среду граждан в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач ОРД [1].

На практике основными объектами, в отношении которых проводится ОРМ «оперативное внедрение», выступают банды и организованные преступные группы, занимающиеся общеуголовной преступностью, незаконным оборотом оружия и наркотических средств, а также преступлениями в экономической сфере. Однако вне зависимости от вида противоправной деятельности, осуществляемой криминальным сообществом, попавшим в поле зрения правоохранительных органов, главной целью ОРМ «оперативное внедрение» является разведывательный сбор информации о преступной деятельности лиц, распределении криминальных ролей между ними, местах хранения и сбыта ценностей, приемах противодействия правоохранительным органам [2, с. 217].

Если говорить о субъектах проведения рассматриваемого нами ОРМ, то исходя из положений части третьей ст. 33 Закона «Об ОРД», в которой закреплен перечень должностных лиц, предоставляющих разрешение на проведение ОРМ, в случае внедрения сотрудника соответствующего подразделения, таковыми являются следующие государственные органы Республики Беларусь: Министерство внутренних дел, Комитет государственной безопасности, Государственный пограничный комитет, Служба безопасности Президента, Оперативно-аналитический центр при Президенте, Министерство обороны, а также Департамент финансовых расследований Комитета государственного контроля.

В свою очередь, лицом, проникающим в преступную группу, исходя из определения ОРМ «оперативное внедрение», может быть либо оперативный сотрудник органа, осуществляющего ОРД, либо гражданин, оказывающий содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД. Однако необходимо обратить внимание на то, что вне зависимости от того, кто является непосредственным исполнителем,

оперативник или конфидент, данное лицо, в силу специфических черт, присущих ОРМ «оперативное внедрение», кроме знания особенностей сферы деятельности объекта внедрения, также должно обладать определенными личностными качествами, позволяющими быстро вживаться в различные социальные роли, и в какой-то степени актерским мастерством, для успешного решения задач противодействия преступлениям и изобличения лиц, их совершающих. Однако, учитывая одну из главных особенностей рассматриваемого ОРМ, внедренное лицо должно быть готово к возникновению ситуаций, содержание которых идет вразрез задачам, поставленным перед ОРД, а именно к совершению противоправного деяния.

При удачном проведении первоначального этапа ОРМ «оперативное внедрение», который заключается в проникновении лица в группу, занимающуюся преступной деятельностью, данное лицо становится ее частью и, естественно, для исключения риска своей расшифровки, должно вместе со своими «коллегами» по нелегальному делу совершать противоправные деяния, поскольку отказ от их совершения может привести не только к провалу операции, но и поставить под угрозу жизнь внедренного лица. Однако, как отмечает А.Ю. Шумилов, в данной ситуации сознанием внедренного лица охватывается то, что он только играет роль соучастника преступления, а на самом деле действует для защиты человека, общества, государства от преступного посягательства [3, с. 89]. Данной точки зрения придерживается и В.В. Бачила, который отмечает, что при совершении противоправного деяния в рамках проведения ОРМ «оперативное внедрение», воля внедренного лица должна быть направлена на совершение общественно полезного действия, а не на совершение противоправного деяния. Внедренное лицо не должно превышать пределы правомерности действий в случаях вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам, что, в свою очередь, способствует освобождению данного лица от уголовной ответственности [4, с. 70].

Правовое разрешение на вынужденное совершение противоправного деяния, преследующего цели противодействия преступности, закреплено в части восьмой ст. 19 Закона «Об ОРД», которая гласит, что должностным лицом органа, осуществляющего ОРД, гражданином, оказывающим или оказывавшим содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, гражданином, привлеченным органом, осуществляющим ОРД, к подготовке проведения ОРМ и (или) участвующим в нем, при проведении ОРМ может быть вынужденно причинен вред правоохраняемым интересам в случаях и порядке, предусмотренных актами законодательства об ОРД. Причиненный вред должен быть

менее значительным, чем предотвращаемый [1]. Одним из наглядных примеров реализации данной нормы является проведение рассматриваемого нами мероприятия. Однако указанное в Законе «Об ОРД» разрешение вынужденного совершения противоправного деяния в рамках осуществления ОРД, не может освободить лицо, совершившее данное деяние от установленной законом ответственности. В связи с этим в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК) была закреплена норма, способная гарантировать защиту лицам, совершившим преступление в рамках проведения ОРМ «оперативное внедрение».

В ч. 1 ст. 38 «Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию» УК указано, что не подлежит уголовной ответственности лицо, которое, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления и действуя с другими его участниками, вынужденно совершит преступление [5]. В ч. 2 изложено, что правила ч. 1 не применяются к лицу, совершившему особо тяжкое или тяжкое преступление, связанное с посягательством на жизнь или здоровье человека [5].

Связующим элементом оперативно-розыскного и уголовного законодательства по рассматриваемым нами вопросам является упоминание в Законе «Об ОРД» и УК такого оперативно-служебного документа, как специальное задание. Согласно части десятой ст. 19 Закона «Об ОРД» наличие специального задания обязательно при проведении ОРМ, имеющих в теории ОРД статус особых, а именно: проверочной закупки, контролируемой поставки, оперативного эксперимента и оперативного внедрения. Однако из-за того, что данные мероприятия проводятся по специальному заданию и их проведение подразумевает совершение противоправного деяния в целях решения задач ОРД, упоминание в ст. 38 УК специального задания, как одного из оснований освобождения от уголовной ответственности, создает у большинства сотрудников практических подразделений ложную уверенность в том, что данная статья является универсальным механизмом освобождения от уголовной ответственности за деяния, совершенные в рамках проведения всех особых ОРМ. Считать так в корне неверно в связи с упоминанием в ст. 38 УК, наряду с такими обязательными признаками, как вынужденность совершения преступления и наличие специального задания, такого признака, как соучастие. Данное обстоятельство говорит о работоспособности поощрительного механизма освобождения от уголовной ответственности только при проведении ОРМ «оперативное внедрение» и в некоторых случаях ОРМ «контролируемая поставка», а также о необходимости более детального рассмотрения данных проблем с целью их дальнейшей ликвидации.

Вернемся к ОРМ «оперативное внедрение». В части восьмой ст. 19 Закона «Об ОРД» содержится формулировка «причинение вреда правоохраняемым интересам», под которой, на наш взгляд, законодатель подразумевает совершение лицом деяния, нарушающего установленные государством правовые нормы, т. е. правонарушения, высшая степень опасности которого выражена в преступлении. Однако, если рассматривать правонарушение в общем, необходимо отметить, что белорусские ученые подразделяют его на преступление и правовые проступки. В свою очередь, в понятие правовых проступков входит административное правонарушение, гражданско-правовой проступок (деликт), дисциплинарный проступок, а также материальный в области трудовых отношений [6, с. 283–285]. При этом административное правонарушение видится выбивающимся из перечня проступков, так как после его совершения лицо может быть подвергнуто мерам ответственности, связанным с изоляцией от общества.

Исходя из этого мы можем говорить о том, что в понятие вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам, наряду с преступлением, входит также и совершение административного правонарушения. При этом в практике проведения ОРМ «оперативное внедрение» внедренное лицо в процессе сбора информации о преступном сообществе может и не совершать преступлений, совершая при этом административные правонарушения. Особенно данное предположение актуально в ситуациях внедрения в преступные группы, осуществляющие свою деятельность в экономической сфере. В данном случае внедренным лицом могут быть совершены административные правонарушения, предусмотренные следующими главами Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП): гл. 11 «Административные правонарушения в области финансов, рынка ценных бумаг и банковской деятельности», гл. 12 «Административные правонарушения в области предпринимательской деятельности», гл. 13 «Административные правонарушения против порядка налогообложения».

Принимая во внимание то, что неотвратимость административной ответственности за совершение административного правонарушения вытекает из принципов, изложенных в ст. 4.2 КоАП, а также положения о том, что привлечение и освобождение от административной ответственности осуществляются не иначе как по постановлению (решению) компетентного органа (должностного лица) и, что самое главное, на основании КоАП [7], в административно-деликтном законодательстве должен быть предусмотрен механизм освобождения лица, совершившего административное правонарушение по специальному заданию в рамках проведения ОРМ «оперативное внедрение», от администра-

тивной ответственности. Однако на данный момент, проанализировав КоАП, мы можем обнаружить, что такой нормы нет ни в гл. 5 КоАП, именуемой «Обстоятельства, исключающие признание деяния административным правонарушением», ни в гл. 8 «Основания освобождения от административной ответственности» КоАП.

Подводя итог вышесказанному, не обходимо отметить, что оперативное внедрение является одним из самых эффективных, но, в свою очередь, одним из самых сложно проводимых ОРМ. В процессе осуществления рассматриваемого ОРМ лицу, внедренному в преступное сообщество, часто приходится совершать противоправные деяния для того, чтобы не быть расшифрованным и продолжить сбор информации о криминальной деятельности данного сообщества. При этом правовое разрешение на совершение правонарушения закреплено в части восьмой ст. 19 Закона «Об ОРД». Учитывая, что в процессе проведения оперативного внедрения могут возникать ситуации, когда внедренное лицо должно будет вынужденно совершить административное правонарушение, в КоАП необходимо закрепить норму, аналогичную ст. 38 УК, которая установит условия освобождения внедренного лица, вынужденно совершившего по специальному заданию в рамках проведения ОРМ «оперативное внедрение» административное правонарушение, от административной ответственности, что, в свою очередь, будет соответствовать принципу справедливости, а также гарантировать полную защиту лиц, участвующих в ОРД.

Список использованных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 289-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Оперативно-розыскная деятельность : учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [И.А. Климов и др.] ; под ред. И.А. Климова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 383 с.
3. Шумилов, А.Ю. Оперативно-розыскная деятельность : вопросы и ответы : в 2-х кн. Кн. II: Оперативно-розыскные мероприятия и меры : учеб.-практ. пособие / А.Ю. Шумилов. – 3-е изд., пересмотр. и испр. – М. : Изд. дом Шумиловой И.И., 2008. – 144 с.
4. Бачила, В.В. Оперативно-розыскное мероприятие «оперативное внедрение»: теория и практика / В.В. Бачила // Суд. весн. – 2010. – № 2. – С. 68–71.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 г. № 253-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Общая теория государства и права : курс лекций / А.Ф. Вишнеvский. – 5-е изд., уточ. и доп. – Минск : Тесей, 2011. – 366 с.

7. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. № 276-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 343

Р.В. Дяков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *С.В. Кузьменкова*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *П.Л. Боровик*

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НАРКОТОРГОВЛЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье рассматриваются вопросы активного использования сети Интернет для незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, описываются различные способы наркоторговли с помощью интернета, а также формулируются пути решения данной проблемы.

В настоящее время многомиллиардный криминальный наркобизнес представлен в виде наркоторговли – противозаконной торговлей запрещенными наркотическими средствами. Доходы данного бизнеса ни в коем разе не способствовали и не будут способствовать ни экономическому росту, ни развитию государств.

Деятельность интернет-пользователей не всегда является законной: в настоящее время правоохранительные органы столкнулись с такой проблемой, как распространение наркотических средств, психотропов и их аналогов с использованием глобальной компьютерной сети Интернет как внутри государств, так и на межгосударственном уровне. Как считают ученые, одной из главных причин популяризации незаконного оборота наркотических веществ стала волна поступления данных веществ из-за границы, в большинстве своем из Средней Азии и Закавказья. Значительно вырос интерес к получению наркотиков со стороны наркобаронов Латинской Америки, а также «Золотого полумесяца» и «Золотого треугольника» как к крупным рынкам сбыта [1, с. 268]. «Золотой полумесяц» – территория сопредельных районов трех стран Среднего Востока – Афганистана, Ирана и Пакистана, – где расположены крупные плантации опиумного мака, находятся незаконные мануфактуры по производству героина и опиатов. «Золотой треугольник» – географическая

зона, расположенная в горных районах Таиланда, Мьянмы и Лаоса, где в середине XX в. возникла система производства и торговли опиумом.

Современный период – век, развития информационных технологий, которому свойственно распространение через интернет и путем закладок наркотиков и иных психотропных веществ. Для этого злоумышленники часто используют DarkNet [с англ. – темный интернет] – скрытую сеть интернет-соединений, при работе которой используются нестандартные протоколы передачи данных, следовательно, информация передается в зашифрованном виде [2]. Известно, что сквозное шифрование – это способ передачи данных, при котором только участники беседы имеют доступ к сообщениям.

Сеть Интернет также используется и для найма распространителей. При этом дилеры обещают будущим работникам максимальную конфиденциальность, которая является лишь вопросом времени.

Деятельность подразделений Интернет-разведки в Министерстве внутренних дел Республики Беларусь (МВД) берет свое начало с 2014 г. В его состав входят высококвалифицированные и подготовленные специалисты, обладающие профессиональными навыками программирования. С недавних времен на базе Академии МВД началась подготовка сотрудников по направлению «Противодействие киберпреступности и компьютерная разведка». Будущие сотрудники изучают правовые аспекты кибербезопасности и защиты информации, программное обеспечение, методы преступников.

В настоящее время Интернет-разведка действует как в центральном аппарате МВД, так и в столичном управлении, а также во всех областных центрах нашей страны. Основная задача рассматриваемых подразделений заключается в том, чтобы осуществить поиск информации, ее обработку и проведение соответствующих оперативно-розыскных мероприятий в определенном направлении.

Кроме того, службы Интернет-разведки проводят и аналитику, ведь анализ позволяет выявить интернет-магазины, в которых осуществляется продажа наркотиков. Так, веб-ресурс Hydra – лишь площадка, на которой предложен товар, а интернет-магазином запрещенных веществ может быть обычная группа в социальной сети, в которой общается неограниченное количество участников. Организатором поставок психотропных веществ из интернет-магазина может являться абсолютно любой человек.

Ярким примером крупного интернет-портала, предназначенного для торговли наркотиками, также является сайт SilkRoad, администратором которого считается Росс Ульбрихт, прикрывающийся под псевдонимом «Ужасный Пират Робертс». Данный портал работал по принципу обыч-

ного интернет-магазина: пользователь выбирал товар, оплачивал при помощи электронной платежной системы Tor (криптовалюта сервиса – биткоины) и получал свои психотропные вещества в вакуумной упаковке по обычной почте [3]. С целью втянуть молодежь в свой наркобизнес руководители преступных групп пользуются электронными ресурсами (сомнительные сайты, мессенджеры). Подростки соглашаются на сотрудничество с неизвестными для них лицами в сети Интернет. Делают несколько закладок, а далее, в силу своего непонимания, получают соответствующее наказание. Так, юноши и девушки становятся соучастниками сбыта и потребления наркотиков.

Полагаем, что принцип неотвратимости наказания должен работать в первую очередь против руководителей организованных групп наркографика. В таких случаях задачей правоохранительных органов является уничтожение всей структуры наркобизнеса, состоящей из множества организованных групп.

Последствия деятельности преступных сообществ в области наркоторговли весьма строго наказываются законом. Уголовные дела о контрабанде при наличии достаточных данных о совершенном преступлении возбуждаются сразу после ознакомления с исходными материалами, что обеспечивает принятие всех предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Если исходной информации недостаточно, проводится проверка первичных материалов с целью установления законных оснований для возбуждения уголовного дела [4, с. 36].

Согласно ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь в случаях незаконного распространения наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов без цели сбыта, преступнику грозит от двух до пяти лет лишения свободы со штрафом или без штрафа. В случаях наличия в вышеуказанных действиях цели сбыта наказание составит от трех до восьми лет лишения свободы. Если организаторов несколько и их действия сопряжены с изготовлением либо переработкой наркотических средств, то наказание от десяти до двадцати лет лишения свободы со штрафом или без штрафа становится неизбежно. Больше всего караются такие группы от рассматриваемых действий, повлекших по неосторожности смерть человека в результате потребления им наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Ответственность в данном случае – лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати пяти лет лишения свободы со штрафом или без штрафа [5].

В последние годы на территории Республики Беларусь наблюдался рост учетных потребителей наркотиков и ненаркотических психоак-

тивных веществ. В связи с этим возникает вопрос: «Откуда эти вещества берутся?» Он имеет существенное значение, поскольку конкретное направление наркоугрозы можно узнать лишь примерно, так как наркотики следуют транзитом через нашу страну.

Относительно выбора наркотиков в Республике Беларусь, то необходимо отметить, что он немалый, но ведется активная работа в борьбе с данной проблемой. В настоящее время под запретом находится около 98 % известных психоактивных веществ. Учитывая географическое расположение Беларуси, наркодилеры стремятся воспользоваться логистикой республики, поэтому ослаблять давление на поставщиков наркотиков ни в коем случае не допускается.

В настоящее время ситуация по данному вопросу в какой-то степени стабилизировалась. Об этом Президент Республики Беларусь заявил 29 октября 2019 г. на совещании по вопросам противодействия распространению наркотиков. Глава государства отметил, что тема борьбы с наркотиками и профилактики их употребления за последние годы неоднократно обсуждалась на государственном уровне. Принятые в Беларуси в 2014 г. системные меры позволили переломить ситуацию и правоохранительным органам удалось поставить заслон на пути распространения синтетических препаратов, так называемых спайсов, основными потребителями которых была молодежь [2].

В сфере противодействия наркоугрозе МВД наладило сотрудничество с главным управлением по контролю за оборотом наркотиков в Российской Федерации. Очевидно, что успешная борьба с наркодилерами без эффективного международного сотрудничества просто невозможна. Кроме того, ранее был подписан документ о взаимодействии с Национальным агентством по борьбе с наркотиками США и налажено активное сотрудничество с латвийскими, польскими, литовскими, украинскими, испанскими коллегами.

Следует отметить, что проблема борьбы с наркотиками существует не только в нашей стране, но и в других странах. В Германии, например, распространение психотропных веществ также является важной проблемой. В Берлине, несмотря на запрет употребления марихуаны, гашиша и кокаина, найти эти вещества не так и трудно. В большинстве стран мира потребители наркотиков и другие маргинальные группы населения неоднородно распределяются внутри страны. Очевидным является концентрирование этого контингента в городской местности, имеет значение доступность наркотических веществ и компактное проживание социальных групп населения, наиболее склонных к отклоняющемуся поведению [6, с. 19]. Не исключение в плане борьбы с наркодилерами составляет и Австрия. В феврале 2014 г. был закрыт портал Utopia и

Black Market, на которых торговали оружием и героином. В Италии данной проблемой занимается Департамент по антинаркотической политике (Дра), который входит в Совет министров. У Дра есть свои страницы в Facebook, Twitter и канал на YouTube. В указанном подразделении открыто более 20 веб-сайтов о вреде наркотиков и пропаганде здорового образа жизни. Проверку посещаемости сайтов, на которых содержится пропаганда или реклама наркосодержащих средств, осуществляет Национальная система раннего предупреждения, которая была создана в рамках Дра. С помощью данной прослеживающей системы определяются многие направления в производстве, поставке и употреблении наркотиков.

Представляется, что весьма полезно было бы реализовать подобную систему и на территории нашего государства. Ведь повсеместная пропаганда здорового образа жизни, являющаяся одним из направлений деятельности Дра, – это самый верный путь к предотвращению увеличения численности наркозависимых.

В Российской Федерации в настоящее время также проводится непрерывная работа по мониторингу интернет-ресурсов с целью обнаружения сайтов, распространяющих наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры или аналоги. Очевидно, что оперативное развитие интернет-технологий и их использование в рамках противодействия наркоторговле в сети Интернет влечет за собой соответствующие корректировки законодательства.

Необходимо отметить, что доля популярности печатных средств массовой информации и телевидения на территории Республики Беларусь ежегодно снижается примерно на 10 %, но при этом растет популярность интернета. Исходя из того, что средний возраст потребителей наркотиков – 20–30 лет, очевидно, что методы эффективного выявления, пресечения и профилактики распространения и использования психоактивных веществ тоже должны акцентироваться на сети Интернет. В интернет-пространстве Республики Беларусь на данный момент реализован электронный ресурс romogut.by для профилактики и помощи наркозависимым. Относительно недавно был запущен его раздел «Для детей», который за пару месяцев посетили 25 тыс. раз, что может показаться не такой уж и большой цифрой, но учитывая узкую направленность данного ресурса, это уже о многом говорит. Естественно, такие ресурсы следовало бы продвигать во всех направлениях, в том числе и в системе образования, ведь при его создании специально были задействованы психологи, наркологи, учителя и др.

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о том, что использование сети Интернет для противозаконного оборота наркотиков и пси-

хотропных веществ – реальная проблема в современном обществе, для решения которой необходимо много времени и усилий. Полагается, что следовало бы улучшить техническое и программное обеспечение правоохранительных органов, а также разработать инновационные способы расследования преступлений в интернете для решения исследуемой проблемы современного общества. Важно также обратить внимание на реализацию в Республике Беларусь аналогов зарубежных методик наркоконтроля и профилактики наркомании в сети Интернет.

Список использованных источников

1. Ищенко, Е.П. Криминалистика : учебник / Е.П. Ищенко. – М. : Проспект, 2015. – 504 с.
2. БЕЛТА – Новости Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by>. – Дата доступа: 25.03.2020.
3. Гринберг, Э. Короли наркотрафика: как устроена онлайн-торговля наркотиками [Электронный ресурс] / Э. Гринберг // Forbes. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/tehnologii/internet-i-svyaz/24397>. – Дата доступа: 27.03.2020.
4. Белкин, Р.С. Курс криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : Норма : Инфра-М, 2001. – 240 с.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 г. // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
6. Региональные особенности наркологической ситуации в Республике Беларусь / В.В. Лелевич [и др.]. – Гродно : ГрГМУ, 2012. – 168 с.

УДК 343.985

В.Э. Дятлов, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *А.М. Шинкевич*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

АНОНИМНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статье рассматриваются понятие, содержание и проблемные вопросы анонимного содействия граждан в решении задач оперативно-розыскной деятельности, мотивы и цели анонимного содействия, предлагаются способы решения проблем, связанных с анонимным содействием.

В нормативных правовых актах и литературе упоминаются такие термины, как «анонимное представление соответствующей информа-

ции», «анонимное оказание информационного содействия», «анонимная помощь» и т. п. Все эти термины сводятся к передаче информации лицом, которое желает сохранить в тайне сведения о себе.

В ОРД под анонимом понимают лицо, которое скрытно, без личного представления оказывает помощь оперативным сотрудникам. Анонимная помощь определяется как вид содействия оперативным подразделениям ОВД в борьбе с преступностью, которое осуществляется путем анонимного представления информации, когда лицо, ее представляющее, не желает раскрывать свои персональные данные и участвовать в дальнейшем в уголовном процессе. Представляется, что такое содействие должно способствовать подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) по предупреждению и раскрытию преступлений, розыску скрывающихся преступников и без вести пропавших, установлению личности неопознанных трупов [1].

Значимость использования анонимного содействия для успешной борьбы с преступностью в настоящее время не вызывает сомнений. Анонимное содействие граждан оперативным подразделениям органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (ОРД), в сфере предупреждения, раскрытия преступлений и розыска различных категорий граждан всегда было, есть и, вероятно, еще долго будет иметь место ввиду специфики правоотношений в ОРД. На оперативные подразделения органов, осуществляющих ОРД, возлагается широкий перечень задач, для решения которых преимущественно используются негласные методы работы, предполагающие частые контакты с различными гражданами, которые не всегда заинтересованы указывать свои персональные данные и (или) вступать в непосредственные взаимоотношения с оперативным сотрудником.

В ст. 9 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») выделены три категории участников ОРД:

граждане, привлеченные органами, осуществляющими ОРД, к подготовке проведения ОРМ и (или) участию в них;

граждане, оказывающие или оказывавшие содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД;

граждане, обладающие специальными знаниями, привлекаемые к участию в ОРМ в качестве специалиста.

Вышеперечисленные лица могут принимать участие в ОРД при условии предоставления своих персональных данных. Это вытекает из обязанностей, закрепленных в ст. 10 Закона «Об ОРД».

В ст. 15 Закона «Об ОРД» закреплено, что органы, осуществляющие ОРД, имеют право привлекать граждан с их согласия к подготовке про-

ведения ОРМ и (или) участию в них; устанавливать на безвозмездной или возмездной основе сотрудничество с гражданами, изъявившими согласие оказывать содействие на конфиденциальной основе [2]. При этом законодатель не указывает на необходимость установления или предоставления персональных данных этих граждан. Несмотря на то что вышеперечисленные категории граждан желают сохранить в тайне сведения о своей помощи правоохранительным органам, сотрудники оперативных подразделений вынуждены собирать такие сведения, о чем свидетельствует п. 8 ч. 1 ст. 8, абз. 14 ч. 1 ст. 16 и ч. 1 ст. 39 Закона «Об ОРД». При этом, чем больше и достовернее будут сведений о гражданине, оказывающем помощь оперативному сотруднику, тем более качественно оперативный сотрудник может использовать его возможности. К анонимной информации (независимо от форм ее получения) сотрудники оперативных подразделений ОВД относятся скептически, рассматривают ее именно как попытку оказать разовую помощь для решения собственных потребностей, а не потребностей оперативных работников. Именно поэтому в профессиональном сознании оперативных сотрудников возникают пробелы, свидетельствующие о недооценке того факта, что анонимная помощь может носить многократный, длящийся характер, способствовать решению задач ОРД [3, с. 221].

Как правило, анонимная информация в оперативные подразделения ОВД поступает в устной – по телефону или в письменной форме в виде письма без указания обратного адреса, реже – в процессе непосредственной встречи с сотрудником органа, осуществляющего ОРД, или через посредника. Несомненно, могут иметь место и другие способы передачи анонимной информации, например, передача SMS-сообщения, подбрасывание либо почтовое отправление носителя информации (диск, флеш-накопитель и т. п.) с необходимыми сведениями, подбрасыванием вещей, предметов и документов, имеющих значение для оперативного сотрудника, которые впоследствии могут стать вещественными доказательствами по уголовному делу.

Анонимная помощь органам, осуществляющим ОРД, имеет правовые ограничения. В частности, отсутствие персональных данных лица, оказывающего конфиденциальное содействие, не позволяет оперативному сотруднику урегулировать эти правоотношения в виде письменного соглашения (контракта), в котором бы были закреплены права, обязанности и гарантии взаимодействующих сторон. Отсутствие закрепленных прав и обязанностей ставит под угрозу соблюдение принципа конспирации.

На практике в ситуации, когда гражданин желает оказать помощь и не хочет раскрывать свои персональные данные перед оперативным со-

трудником ОВД, между сторонами заключается устная договоренность о неразглашении сведений о такой помощи, при этом, как таковые правовые письменные гарантии у обеих сторон отсутствуют. По нашему мнению, устная договоренность должна применяться как исключение из правил в случае, если другие формы в конкретной обстановке невозможны или неуместны. Считаем, что только письменный контракт, заключенный между сторонами, является наиболее приемлемой формой обеспечения взаимных гарантии и ответственности сторон. Контракт позволяет более полно, детально закрепить взаимоотношения сторон, условия и виды оказания содействия. Контракты о сотрудничестве органы, осуществляющие ОРД, заключают с совершеннолетними дееспособными лицами независимо от их гражданства, национальности, пола, имущественного, должностного и социального положения, образования, принадлежности к общественным объединениям, отношения к религии и политическим убеждениям.

Конфиденциальное сотрудничество граждан с органами, осуществляющими ОРД, по контракту означает, что эти лица ведут по заданиям уполномоченных органов активную разведывательно-поисковую деятельность, причем получение за это вознаграждений и других выплат является для них одним из источников существования. Главная отличительная черта конфиденциального сотрудничества на контрактной основе – длительность и устойчивость отношений между гражданином и органом, осуществляющим ОРД.

Изучение научной литературы по анонимному содействию граждан органам, осуществляющим ОРД, показало, что в Республике Беларусь эта проблема недостаточно изучена. Состояние регулирования правоотношений анонимного содействия не отвечает современным тенденциям обеспечения информацией органов, осуществляющих ОРД.

В ст. 23 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» закреплено, что к анонимным относятся обращения, в которых не указаны фамилия, собственное имя, отчество либо инициалы гражданина или адрес его места жительства (пребывания), либо наименование юридического лица или его место нахождения, либо указанные данные не соответствуют действительности. Такие обращения не подлежат рассмотрению, если они не содержат сведений о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении. В то же время анонимные заявления не могут служить поводом к возбуждению уголовного дела, поэтому они не подлежат рассмотрению в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. Из этого следует, что порядок рассмотрения анонимных сообщений о готовящихся, совершаемых или совершенных преступлениях законодатель не определил.

В каком виде может быть представлена информация, в правовых актах не разъясняется. Каким образом следует оформить информацию, представленную анонимно, правовыми актами не регламентируется. Следует учесть, что информация от анонима может быть представлена в виде аудио-, видеоматериалов, фотоснимков, копий различных документов, почтовой и телеграфной корреспонденции, а также иных материалов и предметов, которые могут в последующем стать источниками доказательств в уголовном процессе.

Анонимная информация может содержать сведения о соучастниках и очевидцах преступлений, о совершенных, готовящихся или совершаемых преступлениях и иных обстоятельствах, имеющих важное значение для организации и тактики проведения ОРМ и следственных действий.

Для оперативного сотрудника важно выяснить, чем руководствовался гражданин при предоставлении анонимной информации для органов, осуществляющих ОРД. При поступлении достоверной информации, имеющей отношение к преступлению, оперативный сотрудник будет предпринимать меры по установлению лица, ее направившего. Зная мотив предоставления информации сотруднику органов, осуществляющих ОРД, проще оценивать достоверность этой информации, планировать ее проверку и рассматривать варианты дальнейшего использования анонима для решений задач ОРД. Многие граждане, обладающие информацией о преступлении, зная о том, что их будут устанавливать или пытаться использовать, не желают обращаться в правоохранительные органы, им не хочется участвовать в уголовном процессе, тратить свое время и силы на преступников, судей и прокуроров, оперативных работников и адвокатов. Граждане понимают, что в случае предоставления ими информации их могут признать свидетелями по уголовному делу и им придется давать показания правоохранительным органам, суду, иначе их могут привлечь к уголовной ответственности за отказ либо уклонение от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний по ст. 401 и ст. 402 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Кроме того, у общества неоднозначное отношение к оказанию помощи правоохранительным органам. Большинство граждан, располагающих информацией о преступлении, готовы предоставлять ее органам, осуществляющим ОРД, а также оказывать помощь в раскрытии, выявлении или расследовании преступления взамен на гарантию их анонимности и неучастия в уголовном процессе.

Мотивы оказания анонимного содействия могут быть различными: личная неприязнь к конкретному лицу; желание помочь знакомым; желание устранить конкурента; желание оказать помощь в борьбе с пре-

ступностью, боязнь мести руководства при гласном обращении; опасение за свою безопасность, близких, имущества (страх); месть; зависть; неприязнь к кому-либо; интерес к оперативной работе и др. Материальная заинтересованность также побуждает граждан к содействию ОВД путем анонимного предоставления информации [4]. Граждане более эффективно оказывают помощь тогда, когда уверены в материальном вознаграждении со стороны правоохранительных органов. Но в Республике Беларусь анонимный механизм материального поощрения лица, желающего сохранить о себе сведения в тайне, за предоставленную им помощь в борьбе с преступностью, отсутствует.

Исходя из изложенного можно заключить, что в Республике Беларусь не созданы благоприятные условия для развития анонимного содействия органам, осуществляющим ОРД.

Ввиду специфики правоотношений, динамичности жизни, развития информационных технологий, считаем, что механизм поощрения граждан, нетерпимых к нарушению уголовного закона, должен быть закреплен в законодательстве Республики Беларусь и реализован с бесконтактным способом через сеть Интернет. В процессе разработки такого механизма особое внимание следует уделить порядку поощрения анонима за оказанную правоохранительным органам помощь. Сумма вознаграждения должна быть соизмерима с объемом оказанной помощи и общественной опасностью выявленного, раскрытого или расследуемого противоправного деяния с помощью анонима.

Для решения задач ОРД не важно от кого исходит инициатива о оказании анонимной помощи. Главное, чтобы привлекаемое лицо осознавало значимость принимаемого решения и предвидело возможность наступления правовых последствий в результате выражения согласия на оказание анонимной помощи. На анонима не должно оказываться физическое и (или) психологическое насилие для получения согласия о сотрудничестве. Выражение согласия на оказание анонимной помощи будет являться гарантом соблюдения принципов добровольности и конспирации при предоставлении информации органам, осуществляющим ОРД.

Оперативно-розыскная практика свидетельствует о потребности использования анонимного содействия граждан в решении задач органов, осуществляющих ОРД. В частности, с развитием технологий многие граждане, в том числе и преступники, для получения, анализа, передачи, хранения и распространения информации активно используют защищенные мессенджеры (WhatsApp, Viber, Vipole, Telegram и др.), а также специальные ресурсы сети Интернет, не позволяющие удаленно установить содержание передаваемой информации, а также персональ-

ные данные лиц, с ней работающих. В этой связи оперативным подразделениям органов, осуществляющих ОРД, целесообразно использовать эти ресурсы в решении задач ОРД путем обезличенного удаленного общения и передачей информации через защищенный мессенджер между оперативным сотрудником и гражданином, изъявившим желание оказывать помощь.

В целях укрепления и развития отношений, связанных с анонимным содействием гражданам органам, осуществляющим ОРД, необходимо совершенствовать и активизировать институт «анонимного содействия» оперативным подразделениям путем внесения дополнений и изменений в законодательство об ОРД. Закон «Об ОРД» предлагаем дополнить статьей, регламентирующей возмездное и безвозмездное анонимное содействие органам, осуществляющим ОРД, предусмотрев сохранение гарантий анонимности лица, желающего в целях решения задач ОРД предоставлять информацию органам без указания сведений о лице, ее предоставляющем.

По нашему мнению, в средствах массовой информации, а также сети Интернет следует активно рекламировать возможность гарантированного анонимного содействия правоохранительным органам на возмездной основе с указанием способа установления контакта. Это приведет к налаживанию устойчивых каналов поступления оперативной информации, развитию института анонимного содействия граждан.

Список использованных источников

1. Волынкин, Е.Н. Некоторые проблемы использования анонимной информации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / Е.Н. Волынкин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы 6-й Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2008. – С. 28–29.
2. Об оперативно-розыскной деятельности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 г. № 307-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 832 с.
4. Хазов, Е.Н. Анонимное содействие граждан в решении задач ОРД (проблемы, суждения, пути решения) / Е.Н. Хазов, А.В. Богданов // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2009. – № 5. – С. 180–183.

УДК 378.1

М.А. Жук, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Г.Б. Дергай*

Рецензент – кандидат юридических наук *В.И. Елётнов*

ОСОБЕННОСТИ СОБИРАНИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ СЛЕДОВ БИОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В статье рассматриваются основные виды биологических следов, оставляемых на месте совершения преступления, анализируются способы их обнаружения, фиксации и изъятия. Рассматриваются возможности исследования биологических следов, описывается метод иммуногистохимического исследования.

«Расследование», «следователь», «экспертное исследование» – в основе всех этих юридических терминов лежит понятие «след», которое широко используется в научной литературе. Расследование преступлений требует профессионального подхода к изучению и использованию следов биологического происхождения. Большое значение в этом процессе играет интеграция смежных научных отраслей знания – криминалистики, биологии и судебной медицины, что способствует объективизации процесса расследования. Уровень качества работы со следами определяет уровень эффективности расследования. Техника работы со следами должна быть специально приспособлена к особенностям и процессуальной фиксации деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Следы биологического происхождения, как вещественные доказательства, могут быть как самостоятельными (вырванный волос, зуб), так и расположенными на предметах-носителях в виде следов-наложений и следов-отображений. Например, кровь как самостоятельный объект, изъятая путем соскабливания с места происшествия, или кровь как след-наложение на нож, являющимся орудием убийства или других предметах; кровь как след-отображение – кровавый отпечаток руки преступника на одежде жертвы. Могут быть также разного рода следы-наложения не биологического происхождения, но так как они расположены на теле, органах и тканях человека, то подлежат криминалистическому исследованию, например следы-отображения в виде повреждений на теле человека, которые отображают внешнее строение ранящего предмета (ножа, топора и пр.).

Очевидно, что следы биологического происхождения имеют важное значение для расследования преступлений, так как содержат уникаль-

ную генетическую информацию о своем носителе. Судебная генетическая экспертиза позволит не только определить групповую принадлежность следа, установить наличие у лица заболевания или других личностных особенностей, но и идентифицировать преступника.

Из всего круга следов наиболее часто встречающимися следами биологического происхождения являются кровь, слюна, сперма, волосы. При обнаружении следов биологического происхождения на месте происшествия, на теле и одежде, различных предметах, изымаемых в ходе следственных действий осуществляется их предварительная оценка по механизму образования, при необходимости с участием специалиста. Криминалистическое значение имеют форма, размер и расположение следов, на основании чего может быть установлен механизм их возникновения (растекание, соприкосновение, перемещения людей с кровоточением или выделением иных веществ биологического происхождения). На основании их предварительного исследования могут быть сделаны значимые для выдвижения следственных версий предположения, которые помогут реконструировать преступное событие и его отдельные эпизоды [1]. Однако решать вопросы идентификации личности с наибольшей степенью вероятности установления тождества может лишь генотипоскопическая (геномная, молекулярно-генетическая) или, как ее с недавних пор называют в белорусских экспертно-криминалистических подразделениях, судебная генетическая экспертиза.

Предметом судебной генетической экспертизы являются фактические данные (факты) об индивидуально-конкретном тождестве человека или биологической общности происхождения (биологическом родстве), устанавливаемые на основе специальных биологических и криминалистических познаний.

Необходимость обращения к генетикам для установления биологического родства возникает чаще всего при решении вопросов взыскания алиментов, оспаривании отцовства, регистрации детей, рожденных вне стен роддома или за пределами страны, оформлении пенсии по потере кормильца (умершего отца), разделе имущества умершего родителя и др.

В Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь установление родства проводится методом анализа генетических маркеров ядерной ДНК, являющихся стандартными маркерами для анализа ДНК на определение отцовства во всех ведущих лабораториях мира.

Генетическая экспертиза проводится:

для установления индивидуально-конкретного тождества биологических следов и объектов;

установления биологического родства (отцовства, материнства и др.) и диагностики генетического пола человека с помощью исследования объектов биологического происхождения методом генотипоскопии;

установления генотипа неизвестных биологических объектов.

Стоимость проведения экспертизы определяется с учетом количества проверяемых лиц, поставленных для разрешения вопросов, гражданства заявителя (при обращении физических и юридических лиц), необходимостью применения специальных методик и реагентов.

В центральном аппарате Государственного комитета по состоянию на ноябрь 2018 г. стоимость экспертизы в отношении трех лиц (мать, ребенок, предполагаемый отец) по определению суда составляет 296,52 р., по личным обращениям граждан Республики Беларусь – 303,40 р., для иностранных граждан – 399,69 р.

Стоимость экспертизы в отношении двух лиц (ребенок, предполагаемый родитель) составляет 247,03 р. [2].

Сложные экспертизы биологического родства, при производстве которых необходимо исследовать гистологические препараты умерших, образцы родственников, в том числе с использованием маркеров X- и Y-хромосомной, митохондриальной ДНК, как правило, проводятся в центральном аппарате Государственного комитета. Стоимость таких экспертиз рассчитывается индивидуально для каждого случая и может составить от 300 до 700 р.

Самым важным в значении следов биологического происхождения является то, что при непосредственном их исследовании, при условии наличия сравнительных образцов в виде слюны (буккального эпителия), полученной у подозреваемого, они позволяют с помощью указанной экспертизы, идентифицировать объект со степенью достоверности до 99,9999 %. Такой высокий показатель достоверности в настоящее время не может предоставить ни один другой из известных методов исследований. Ограничения в применении данного метода связаны лишь с его большой трудоемкостью, а также с необходимостью применения дорогостоящих химических реактивов и оборудования. Впечатляет тот факт, что идентифицировать личность можно практически по любым объектам биологического происхождения, но обязательным условием, обеспечивающим такую возможность, является наличие клеток с ядрами и заключенными в них молекулами ДНК, даже в виде микроскопического количества вещества. В данном случае является необходимым наличие: в сперме – клеток с ядрами (сперматозоидов), в слюне – клеток (буккального эпителия) с ядрами, в волосах – жизнеспособных волосных луковиц (влагалищных оболочек), содержащих ядра.

Ввиду малых размеров следов, различного агрегатного состояния и затруднительности их визуального исследования описание в протоколе осмотра места происшествия представляет собой проблему. Процессуально фиксируется сам предмет, на котором обнаружены визуально или могут быть обнаружены следы уже в ходе лабораторных исследований. Если следы представляют собой многочисленные мельчайшие пятна, то возникает проблема их привязки в тексте протокола к двум точкам на объекте и между собой.

Представляется, что выходом из положения может служить обязательное применение технической фиксации с помощью цифровой видеозаписи. Ведь современная видеотехника позволяет производить масштабную макросъемку с высокой степенью разрешения, что позволит получить высокого уровня качества и в крупном масштабе фотоснимки биологических следов, объективность процессуальной фиксации взаиморасположения которых не будет вызывать никаких сомнений.

Для повышения результативности работы правоохранительных органов по расследованию преступлений следует развивать генетические учеты, которые с 2005 г. уже формируются в Республике Беларусь. Ведение такого рода учетов важно скоординировать на международном уровне. В этой связи необходимо принятие специального закона о геномной регистрации, подобного закону о дактилоскопической регистрации. Можно предположить, что возможно очень скоро с развитием генетики и молекулярной биологии методы исследования и идентификации личности с помощью следов биоматериала выйдут на совершенно новый качественный уровень и криминалистические учеты в этом плане снова сыграют важную роль в борьбе с преступностью [3].

Таким образом, следы биологического происхождения – специфические объекты, для работы с которыми требуются специальные знания из области криминалистики, биологии, судебной медицины, химии, физики и других наук. Для обеспечения грамотного осмотра места происшествия, с целью недопущения утраты ценных биологических следов, его необходимо производить с обязательным участием судебного эксперта и с применением видеозаписи. Правильно и полноценно собранные с места происшествия вещественные доказательства могут повысить достоверность выводов, проведенного экспертного исследования.

В настоящее время перспективным методом для судебно-медицинской экспертизы является метод иммуногистохимического исследования (ИГХ-метод), который является хорошим дополнением, хотя и дорогостоящим, к уже используемому судебно-гистологическому исследованию. ИГХ-исследование – метод идентификации и определения локализации в клетке и тканях различных антигенов, основанный на ре-

акции антиген-антитело. С помощью молекулярной биологии изучено более 100 белков и их кодирующих генов, имеющих отношение к росту злокачественных опухолей (онкогены) – они получили название молекулярных маркеров опухоли. Основной областью практического применения ИГХ-метода в настоящее время является онкология и поэтому данные исследования в Республике Беларусь проводятся только на базе крупных патологоанатомических учреждений и в отделениях онкоморфологии. С целью выявления в клетках и тканях антигенов, имеющих отношение к росту злокачественных опухолей, в ходе использования ИГХ-метода, высокоспецифичные антитела снабжают меткой (флуоресцентным красителем), которая была бы видима под микроскопом и в случае наличия таких антигенов в клетке, тканях образуется комплекс антиген-антитело (меченное). Такие современные системы визуализации позволяют проводить ИГХ-исследование даже в лабораториях, не оснащенных специальным оборудованием, а только при наличии светового микроскопа. Такие специфические данные делают возможным использования ИГХ-методов в практике судебной медицинской экспертизы. Однако создание ИГХ-лаборатории на базе ГКСЭ в настоящее время не является срочно необходимым ввиду высокой стоимости реактивов для данного исследования, отсутствия квалифицированных специалистов и, самое главное, отсутствия широкого применения [4].

Завершаются научные разработки по организации таких новых экспертиз, как экспертиза ДНК животных по делам о незаконной охоте; исследований по установлению принадлежности ствола дерева пню – по делам о незаконной порубке леса [5].

В настоящее время разрабатываются новые методы, основанные на выявлении в следах крови примесей в виде ферментов и на измерении их ферментативной активности [6].

Список использованных источников

1. Фесенко, Е.Т. Возможности методов исследования объектов биологического происхождения в расследовании преступлений, совершенных против жизни и здоровья человека / Е.Т. Фесенко // Судеб. экспертиза Беларуси. – 2016. – Вып. 1. – С. 47–49.
2. Проведение экспертного исследования при установлении биологического родства (отцовства, материнства) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudexpert.gov.by/ru/relationship-tips.html>. – Дата доступа: 26.09.2019.
3. Швед, А.И. Формирование единого экспертного ведомства: результаты и перспективы / А.И. Швед // Судеб. экспертиза Беларуси. – 2015. – Вып. 1. – С. 8–11.
4. Судебная медицина в вопросах и ответах : справ.-пособие для юристов и врачей. – Ростов н/Д : Изд-во «Феникс», 1998. – 448 с.

5. Порубов, Н.И. Криминалистика : учебник / Н.И. Порубов [и др.]. – Минск : Выш. шк., 2011. – 639 с.

6. Крылов, Ю.В. Перспективы использования иммуногистохимических исследований в судебно-медицинской экспертизе в Республике Беларусь / Ю.В. Крылов // Судеб. экспертиза Беларуси. – 2015. – Вып. 1. – С. 41–45.

УДК 366.542

В.В. Иванов, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.Н. Яхновец*

Рецензент – кандидат юридических наук, профессор *Д.А. Колбасин*

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ВОЗВРАТЕ ТОВАРА ПРОДАВЦУ

В данной статье рассматриваются порядок и особенности возврата товара продавцу, проблемы его правового регулирования в договоре розничной купли-продажи, а также пути совершенствования законодательства в сфере защиты прав потребителей.

В гражданском законодательстве предусмотрено, что обязательства, принятые на себя сторонами, должны исполняться надлежащим образом. Данное положение закреплено в ст. 290 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК). Законодательство предусматривает правовые средства защиты, которые обеспечивают реализацию прав участников гражданских правоотношений. Под правовыми средствами защиты гражданских прав следует понимать комплекс мер, включающий в себя конституционно-правовые, уголовно-правовые, гражданско-правовые, административно-правовые, процессуальные и иные средства защиты субъективных гражданских прав [1].

Следует отметить, что одним из наиболее актуальных вопросов в правотворчестве является правовая защита законных прав и интересов потребителей. Значение данного правового института состоит в том, что он с правовой точки зрения опосредует «общественный обмен вещью», динамику общественных отношений. Обязательства непосредственной передачи вещи из рук в руки в собственность, в пользование, по поводу выполнения работ и оказания услуг [2, с. 18].

Актуальность данных отношений складывается в самых различных сферах: при осуществлении правоприменительной деятельности,

удовлетворении бытовых потребностей граждан, также в них участвуют юридические лица. Участники обязательств вступают в публично-правовые обязательства.

Особое внимание следует уделить правам и обязанностям сторон договора купли-продажи в тех случаях, когда происходит возврат товара продавцу.

Конституция Республики Беларусь закрепляет основополагающие начала, а именно ст. 34 удостоверяет право на информацию. Это означает, что государственные органы, общественные объединения, должностные лица обязаны предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы [3, с. 180]. Важнейшая часть отношений в данной сфере регулируются ГК, который закрепляет принципы гражданского права, способы их защиты, общие положения об ответственном праве, сделках, договорах, а также специальные нормы, регулирующие отдельные виды договоров.

Принципы гражданского права закреплены в ст. 2 ГК. Остановимся на абз. 8 ст. 2, которая закрепляет свободу договора. Этим принципом предусматривается свобода стороны как в заключении договора и выборе контрагента (партнера), так и в выборе вида условий, на которые он может быть заключен. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена законодательством или добровольно принятым обязательством [4]. Так, не допускается отказ коммерческой организации от заключения публичного договора при наличии возможности предложить потребителю соответствующие товары [5].

Институт возврата товара продавцу входит в систему защиты прав потребителей. Из этого следует, что законодательное закрепление этих институтов сходно. Отношения в области защиты прав потребителей регулируются ГК, Жилищным кодексом Республики Беларусь, законами Республики Беларусь от 9 января 2002 г. «О защите прав потребителей» и от 16 июля 2008 г. «О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг», иными нормативными правовыми актами.

Под способами защиты гражданских прав понимаются предусмотренные законом средства, с помощью которых могут быть достигнуты пресечение, предотвращение, устранение нарушенных прав, его восстановление и (или) компенсация потерь, вызванная нарушением права [6]. Для защиты права собственности и других вещных прав могут применяться как общие способы защиты, предусмотренные ст. 11 ГК, так и специальные, применяемые только для защиты вещных прав [7]. Они связаны с непосредственным нарушением правомочий собственника

лицами, которые не связаны с ним обязательственными правоотношениями [7]. Согласно ст. 11 ГК защита гражданских прав может осуществляться путем возмещения убытков. На основании ст. 14 ГК лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения, причиненного ему убытков. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждения имущества (реальный ущерб). В соответствии со ст. 364 ГК должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств. Убытки определены в соответствии с правилами, установленными ст. 14 ГК.

Возникающие правоотношения между субъектами гражданского права могут быть договорными и внедоговорными. Для защиты нарушенных прав потребителя играет огромную роль вид заключенной между сторонами сделки. Согласно ст. 154 ГК сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленных на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей [8, с. 208]. В науке гражданского права принято выделять четыре основных признака сделки: юридический факт, волевое действие, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, правомерное юридическое действие [9].

Качественный некачественный товар

Следует отметить, что возврату товара в большинстве случаев предшествуют договоры купли-продажи, правовое регулирование которых прослеживается в Конституции Республики Беларусь, ГК, других законов, постановлений Совета Министров Республики Беларусь. В соответствии с ГК возврат товара происходит по договору купли-продажи, в котором одна сторона (продавец) обязуется передать имущество (вещь, товар) в собственность, хозяйственное ведение, оперативное управление другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять это имущество и уплатить за него определенную денежную сумму (цену). Наиболее часто возврат товара происходит по договору розничной купли-продажи, в котором продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность по продаже товаров в розницу, либо лицо, осуществляющее ремесленную деятельность или реализацию товаров на рынках или в иных установленных местными исполнительными и распорядительными органами местах, в том числе разовую реализацию, обязуется передать покупателю товар, предназначенный для личного, семейного, домашнего или иного использования, не связанного с предпринимательской деятельностью.

Следует отметить, что в силу развития предпринимательской деятельности все более популярной становится купля-продажа с использованием электронной сети Интернет. С точки зрения закона торговля через интернет-магазин является частным случаем розничной торговли – продажи товаров по образцам. Это метод розничной продажи товаров, основанный на выборе товаров покупателем по образцам, выставленным в торговом зале магазина или ином помещении, а также путем ознакомления с их описанием, содержанием в различном информационном материале, в рекламе объявление о продаже товаров [10, с. 73]. Деятельность интернет-магазинов должна соответствовать действующему законодательству о защите прав потребителя [10, с. 74].

Следует отметить, что законодательством предусмотрена возможность возврата качественной продукции. Такой возврат предусматривает собой расторжение или изменение договора купли-продажи в одностороннем порядке на основании закона. Однако не во всех случаях потребитель возвращает качественный товар. Это возможно при предъявлении в первые четырнадцать дней со дня приобретения товара [11]. После предъявления такого товара обязательства должны быть исполнены продавцом незамедлительно, максимальный срок не может превышать семь дней [11].

Говоря об общих нормах, закрепленных в ГК, то в п. 2 ст. 445 предусмотрено, что в случае наличия существенного недостатка, на выбор покупателя, он вправе:

отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар денежной суммы;

потребовать замены товара ненадлежащего качества на товар, соответствующий договору.

Существенный недостаток товара (работы, услуги) – неустранимый недостаток, либо недостаток, который не может быть устранен без несоразмерных расходов (в размере 30 и более процентов от стоимости товара (работы, услуги), определяемой на момент устранения недостатка) либо несоразмерных затрат времени (превышающих максимально допустимые затраты времени, установленные техническими нормативными правовыми актами на устранение аналогичного недостатка), или выявляется неоднократно, или проявляется вновь после его устранения, либо другие подобные недостатки [12].

Говоря о специальных нормах, то покупатель, которому передан товар ненадлежащего качества, вправе по своему выбору потребовать (ст. 473 ГК):

замены ненадлежащего качества товара товаром надлежащего качества;

соразмерного уменьшения цены товара;
немедлительное безвозмездное устранение недостатков товара;
возмещение расходов по устранению недостатков товара [4].

Однако в исключение из этого правила, покупатель вправе требовать замены технически сложного или дорогостоящего товара только в случае существенного нарушения качества товара. Аналогично перечню недостатков, изложенных нами в общих положениях о купле-продаже, существенными нарушениями признается обнаружение:

неустраняемых недостатков;

недостатков, которые не могут быть устранены без несоразмерных расходов или затрат времени, либо выявляются неоднократно;

недостатков, которые проявляются вновь после их устранения;

других подобных недостатков.

Все другие последствия передачи недоброкачественного товара могут быть использованы покупателем независимо от того, имеют ли место нарушения требований к качеству товара существенный характер или не имеют.

Если в товаре обнаружены недостатки, но свойства товара не позволяют их устранить (например, продовольственные товары, бытовая химия и т. п.), то покупатель может по своему выбору потребовать замены некачественного товара товаром надлежащего качества, либо соразмерного уменьшения покупной цены. Кроме того, вместо вышеназванных требований, покупатель вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возврата уплаченной за товар денежной суммы.

Возврат недоброкачественного товара производится за счет продавца. При этом продавец не вправе удерживать из возвращаемой суммы ту часть, на которую понизилась стоимость товара из-за полного или частичного использования товара, потери им товарного вида или других подобных причин. Статья 474 ГК разъясняет порядок возмещения разницы в цене при замене товара, уменьшении покупной цены и возврате товара ненадлежащего качества:

при замене недоброкачественного товара на товар надлежащего качества продавец не вправе требовать возмещения разницы между установленной в договоре ценой товара и ценой, существующей на момент замены товара (или вынесения судом решения о замене товара);

при замене некачественного товара на аналогичный, но иной по размеру, фасону, сорту или другим признакам товар надлежащего качества подлежит возмещению разницы между ценой заменяемого товара в момент замены и ценой товара, передаваемого взамен ненадлежащего товара; если продавец не удовлетворил требование покупателя о замене

добровольно, то цена заменяемого товара и цена товара, передаваемого взамен его, определяются на момент вынесения решения о замене;

при предъявлении требования о соразмерном уменьшении покупной цены в расчет принимается цена товара на момент предъявления такого требования, а если оно не удовлетворено продавцом добровольно, то на момент вынесения решения суда об уценке;

при возврате товара ненадлежащего качества покупатель вправе потребовать возмещения разницы между установленной договором ценой товара и ценой соответствующего товара на момент удовлетворения продавцом такого требования покупателя (а если требование добровольно не удовлетворено – на момент вынесения решения суда) [13].

Для защиты прав и законных интересов граждан законодательством установлены сроки для надлежащего исполнения обязанностей сторон.

В силу ст. 192 ГК течение срока, определенного периодом времени, начинается на следующий день после календарной даты или наступления события, которыми определено его начало [11].

В Законе «О защите прав потребителей» говорится, что потребитель вправе предъявить предусмотренные ст. 20 данного закона требования продавцу (изготовителю, поставщику, представителю, ремонтной организации) в отношении недостатков товара в течение **гарантийного срока или срока годности** товара [12].

По общему правилу **гарантийный срок** начинает течь с момента передачи товара потребителю. Исходя из п. 3 и 4 ст. 21 Закона «О защите прав потребителей» исключением служат сезонные товары, нуждающиеся в установке или сборке, для которых служат специальные сроки, а также случаи, когда невозможно определить момент передачи товара либо его установки. В течение этого срока продавец обеспечивает возможность технического обслуживания и ремонта.

Срок годности – срок, по истечении которого (результаты работы) считаются непригодными для использования по назначению [12]. Срок годности определяется периодом времени, исчисляемым со дня (времени) изготовления товара, в течение которого он пригоден к использованию, либо датой, до наступления которой товар пригоден к использованию [4].

Срок годности товара исчисляется с момента изготовления товара. **Срок службы** товара исчисляется с момента передачи товара потребителю, если иное не установлено законодательством, техническими регламентами Таможенного союза, техническими регламентами Евразийского экономического союза. Если момент передачи товара установить невозможно, срок службы товара исчисляется с момента изготовления товара [12].

Особое внимание следует уделить порядку и особенностям возврата товара надлежащего качества. Требование потребителя об обмене или возврате качественного товара подлежит удовлетворению только в том случае, если:

- товар не был в употреблении;
- товар сохранил свои потребительские свойства;
- имеются доказательства приобретения товара у данного продавца.

Исключения в соответствии со ст. 28 Закона «О защите прав потребителей» не подлежат обмену и возврату:

товары, которые входят в перечень непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену и возврату, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 июня 2002 г. № 778 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей». За исключением товаров, упакованных в герметичную (вакуумную) потребительскую упаковку, а также в потребительскую упаковку, обеспечивающую возможность установить, что товар не был в употреблении [14];

пищевые продукты надлежащего качества;

товары, приобретенные у продавца физического лица, осуществляющего реализацию товаров в рамках ремесленной деятельности или разовую реализацию товаров на рынке [12].

В случае предъявления потребителем требования о возврате качественного товара и уплате за товар денежной суммы, такое требование подлежит удовлетворению продавцом незамедлительно. Максимальный срок для удовлетворения не может превышать семи дней. За нарушение указанных сроков устанавливается ответственность в размере одного процента от цены за каждый день просрочки [15].

Следует обратить внимание на постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 июня 2010 г. № 4 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей» (далее – постановление Пленума), которое закрепляет, что судам необходимо иметь в виду, что потребителю принадлежит право выбора вида требований, перечисленных в ст. 473 ГК и ст. 20 Закона «О защите прав потребителей», которые могут быть предъявлены продавцу при продаже товара ненадлежащего качества, и требований, перечисленных в ст. 662, 676, 692 ГК и ст. 30, 31 Закона «О защите прав потребителей», которые могут быть предъявлены исполнителю при нарушении сроков выполнения работ (оказания услуг), обнаружении недостатков выполненной работы (оказанной услуги) [16].

Для возврата товара продавцу, а также реализации иных способов защиты прав потребителя необходимо соблюсти документальное оформ-

ление, которое имеет свою специфику. Оно позволит создать юридический факт, на основе которого будет осуществляться дальнейшая защита прав потребителя. Для этого необходимо написать заявление продавцу с требованиями расторжения договора купли-продажи (в случае возврата товара). Допускается также написание требований и в книгу жалоб. Затем продавец должен принять у вас товар (товар должен быть в упаковке при возврате). При возврате некачественного товара в заявлении необходимо указывать на недостаток товара. В случае когда товар некачественный, Законом «О защите прав потребителей» предусмотрены также заявления с требованиями о замене товара, незамедлительном устранении недостатков, снижении цены товара, возмещении расходов по устранению недостатков товара, возврате уплаченной суммы. При обращении покупателя с заявлением к продавцу, тот должен принять товар и провести проверку качества. Сначала продавец проводит ее собственными силами, обращается к товароведу либо сторонним специалистам. После этого он определяет, есть брак или нет. Если потребитель не согласен с проверкой качества, он вправе настаивать на проведении экспертизы у независимого эксперта. Если в итоге окажется, что товар был с производственным браком, то стоимость экспертизы оплатит продавец. Если в споре окажется прав продавец, то за экспертизу заплатит покупатель.

Закон предусматривает возврат товара продавцу, в том числе и товара надлежащего качества. Исключения из этого правила прописаны в законодательстве. Чтобы иметь такую возможность, стоит сохранять чеки, бирки, упаковки, особенно если товар дорогостоящий. Возврат товара – официальная процедура, которая потребует соблюдения юридических формальностей не только продавцом, но и покупателем. И занять это может от недели до месяца – в зависимости от обстоятельств и намерений покупателя. Если товар изначально был некачественный, то через суд можно требовать моральной компенсации. Если вы купили некачественный товар в зарубежных онлайн-магазинах, пишите продавцу напрямую и через администрацию сайта, прикрепляйте фото, чтобы подтвердить свою правоту. Возврат денег в этом случае происходит после того, как вы отошлете обратно продавцу товар, хотя заставить продавца осуществить возврат, в некоторых случаях, проблематично.

Исходя из вышесказанного следует, что законодательство, регулирующее защиту прав потребителей, имеет пробелы, а также недочеты, ставящие потребителя в невыгодное положение. К пробелам можно отнести институт торговли через интернет-магазин, который на данный момент, с точки зрения законодательства, является частным случаем розничной купли-продажи по образцам, что не обеспечивает должную защиту потребителя. Для решения этой проблемы необходимо принять

закон, вносящий изменения в ГК, добавив к нему статьи, которые регулировали бы интернет-торговлю и закрепляли правовые средства защиты сторон данного договора. К недочетам, ставящим потребителя в невыгодное положение, стоит отнести обязательства потребителя при возврате некачественного товара вернуть его в упаковке. В законе не указано, какой именно упаковке, фирменной от производителя или той, в которой ее выдал продавец, или упаковать товар самостоятельно в любую упаковку, также не указаны требования к ее целостности. В данном случае для защиты прав потребителя следовало бы внести соответствующие изменения в Закон «О защите прав потребителей».

Необходимо также отметить, что в настоящее время существует множество неразрешенных проблем в процессе формирования правовой культуры. В первую очередь это правовая безграмотность населения в сфере защиты прав потребителей, дублирование правовых норм различных нормативных правовых актов. Так, Закон «О защите прав потребителей» дублирует положения, закрепленные в ГК, например, ст. 20 Закона «О защите прав потребителей» перечисляет требования, которые могут быть предъявлены продавцу при продаже товара ненадлежащего качества, такие же требования установлены ст. 473 ГК. Полагаем, что данные нормы следует исключить из Закона «О защите прав потребителей» либо из ГК, это сделает законодательство проще и доступнее. Несмотря на деятельность государственных и общественных организаций, одной из ключевых проблем в сфере защиты прав потребителей остается незнание гражданами своих прав и обязанностей в данных правоотношениях. Полагаем, что если обязать продавца размещать порядок возврата товара, как пошаговую инструкцию, утверждаемую государственными и общественными организациями в местах, где он осуществляет торговлю, то покупатель сможет ознакомиться с актуальными нормами права и возможностями обращения в государственные и общественные организации для защиты своих прав.

Список использованных источников

1. Шершень, Т.В. Гражданско-правовые средства защиты прав и интересов потребителей / Т.В. Шершень // Вестн. Перм. ун-та. – 2012. – 3-й вып., серия 17. – 198 с.
2. Гражданское право : учебник : в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. – Минск : Статут, 2015. – Т. 2. – 451 с.
3. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г.А. Василевич. – Минск : Выш. шк., 2016. – 399 с.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Со-

ветом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.11.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. Принципы и функции и задачи гражданского права [Электронный ресурс] // учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Режим доступа: http://www.amia.by/book/umk/fzo/graj_pravo/p40aa1.html/. – Дата доступа: 03.02.2019.

6. Принципы и функции и задачи гражданского права [Электронный ресурс] // Большая онлайн-библиотека. – Режим доступа: https://www.e-reading.mobi/chapter.php/7800/76/Braginskiii%2C_Vitryanskiii_Dogovornoe_pravo._Kniga_pervaya._Obschie_polozheniya.html/. – Дата доступа: 03.02.2019.

7. Понятие и система гражданско-правовых способов защиты права собственности и других вещных прав [Электронный ресурс] // учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Режим доступа: http://www.amia.by/book/umk/fzo/graj_pravo/p51aa1.html/. – Дата доступа: 03.02.2019.

8. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / Д.А. Колбасин ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2016.

9. Понятие и виды сделок [Электронный ресурс] // учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Режим доступа: http://www.amia.by/book/umk/fzo/graj_pravo/p129aa1.html/. – Дата доступа: 03.02.2019.

10. Некоторые правовые аспекты электронной торговли в Республике Беларусь / О.С. Кисель // Юрист. – 2009. – № 4. – С. 73–75.

11. Сроки удовлетворения требований потребителей [Электронный ресурс] // Минский городской исполнительный комитет. – Режим доступа: http://www.minsk.gov.by/ru/org/8728/attach/811ee48/vopros_otvet.shtml/. – Дата доступа: 03.02.2019.

12. О защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2002 г., № 90-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.06.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

13. Договор розничной купли-продажи [Электронный ресурс] // учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Режим доступа: http://www.amia.by/book/umk/fzo/graj_pravo/p55aa1.html/. – Дата доступа: 03.02.2019.

14. О мерах по реализации Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 июня 2002 г., № 778 : в ред. от 22.12.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

15. Войцеховская, С.В. Право потребителя на обмен качественного товара либо его возврат продавцу / С.В. Войцеховская // Юрист. – 2009. – № 4. – С. 18–20.

16. О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 24 июня 2010 г., № 4 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

К.В. Карницкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.М. Якубель*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Г.А. Павловец*

ГЕНЕЗИС БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УЧАСТИИ ПОНЯТЫХ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается институт понятых в уголовном процессе: его зарождение от единичных упоминаний в белорусских исторических памятниках права до современного нормативного закрепления, а также его становление и современное состояние.

В современном законодательстве понятым отводится весомая роль, но для того, чтобы исследовать содержание и значение данного института, следует рассмотреть историю его возникновения.

Впервые требование об участии понятых, применительно к отечественному законодательству, закреплено в Статуте Великого княжества Литовского 1529 г. Так, в ст. 35 разд. 6 данного статута содержалось требование о том, что «виж маеть при собе сторону мети» (виж – должностное лицо в Великом Княжестве Литовском, судебный чиновник низшего ранга), а в ст. 2 разд. 6 также изложено, что воеводы, старосты и державцы наши должны в своем повете выбрать двух земян, людей достойных, заслуживающих доверия [1, с. 190].

Таким образом, первые упоминания о понятых, а также об их участии в производстве процессуальных действий нашли свое отражение в Статуте Великого княжества Литовского 1529 г.

Следует отметить, что в Статуте Великого княжества Литовского 1566 г. упоминания о понятых не содержалось.

Статут Великого княжества Литовского 1588 г. действовал на территории Беларуси, Литвы и Украины около 250 лет и являлся основой всей правовой системы ВКЛ [2]. Он предусматривал участие понятых, при этом именовал их «стороной при нем (возном) будучай» (арт. 11 разд. 4). В разд. 6 данного статута сказано, что возный (исполнял обязанности следователя, судебного исполнителя и пристава) обязан был осматривать место происшествия о разбоях и насилиях без поручения, при этом всегда должен был иметь при себе двух шляхтичей для подтверждения своего заявления и свидетельства. В случае если возный умирал, то шляхтичи, которые при нем были понятыми, делали соответствующую запись в книге и давали показания [3].

Артикул 11 вышеназванного статута предусматривал меры безопасности для понятых, в том числе ответственность за вред, причиненный им при исполнении процессуальных обязанностей. Так, если кто-либо избил возного, понятых либо «...позвы, листы есть заставил либо дал пощечину, волосы или бороду рвал и тем выказывал неуважение вряду, тогда таковой должен быть позван на окончательный срок к земскому или городскому... А за вину перед нами в замке или дворе поветовом двенадцать недель сидеть в верхней башне, а понятого, который был при возном, избил или, как выше описано, опозорили, должен также при достаточных доказательствах удовлетворить вдвойне согласно его сословию, какого будет, и вред возному и понятому, если им что в то время случится, вдвойне уплатить» [3].

Кроме того, Статут Великого княжества Литовского 1588 г. предусматривал участие понятых в допросе обвиняемого на предварительном следствии [3].

Таким образом, в Статуте Великого княжества Литовского 1588 г. стало гораздо больше норм, регламентирующих порядок участия понятых в уголовном процессе, закрепивших соответствующие права и обязанности, а также предусматривавших меры безопасности. Следует отметить, что в данном законодательном акте впервые были названы следственные действия, при проведении которых следовало обязательно привлекать двух понятых.

Следующим значимым этапом процессуального закрепления анализируемого института стала судебная реформа XIX в. В 1864 г. были приняты Учреждение судебных установлений, Устав гражданского судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, а также Устав уголовного судопроизводства [4, с. 377]. Последний из перечисленных правовых актов регламентировал сферу уголовно-процессуальных отношений. В нем не было закреплено понятие «понятой», однако в ст. 320 было изложено, что ««понятыми к осмотру или освидетельствованию приглашаются из ближайших жителей: в городах – хозяева домов, лавок, промышленных и торговых заведений, а также их управляющие и поверенные; в местечках и селениях кроме вышеупомянутых лиц – землевладельцы, волостные и сельские должностные лица и церковные старосты. В случаях, не терпящих отлагательства, судебный следователь может пригласить и другие лица, пользующиеся общественным доверием» [5, с. 236]. Статья 108 Устава уголовного судопроизводства закрепляла требования о том, что осмотры, освидетельствования и обыски по делам, подсудным мировым судьям, производились самими судьями либо по их поручению полицией в присутствии не менее двух понятых. Данный устав также предусматривал

и ответственность за неявку к следствию без уважительной причины. Понятые могли быть подвергнуты судебным следователем денежному взысканию не свыше 25 рублей (ст. 323 Устава уголовного судопроизводства) [5, с. 237].

Таким образом, во второй половине 1860-х гг. в законодательстве, действовавшем на белорусских землях, уже содержалась достаточно конкретная регламентация института понятых, состоявшая в перечислении категорий граждан, которые могли выступать в качестве таких участников уголовного процесса и закреплении случаев, когда они должны были привлекаться для проведения процессуальных действий. Законодательно также была предусмотрена возможность судебного следователя в случаях, не терпящих отлагательства, пригласить и других лиц, пользующихся общественным доверием. Это означает, что уже в то время законодатель понимал, что не всегда есть возможность привлечь лиц, которые указаны в ст. 320 Устава уголовного судопроизводства, поэтому наделить судебного следователя правом в отдельных ситуациях самостоятельно избрать понятых.

После революции 1917 г. на белорусских землях последовательно действовали УПК БССР 1922, 1923, 1927 и 1960 гг. Следует отметить, что УПК БССР 1922 и 1923 гг. не содержали определения понятого и требования о его участии при производстве следственных действий.

С.В. Дубина отмечает, что в 50–60-е гг. XX в. в связи с недоверием к органам предварительного расследования, вызванным репрессиями 30–40-х гг., понятые присутствовали при допросе обвиняемого. Эти «меры» способны были убедить общество и суд в правомерности и законности действий следователя [6, с. 47].

Следующим существенным нормативным правовым актом на территории Беларуси, регламентировавшим порядок уголовно-процессуальной деятельности, был УПК 1960 г. В период его действия институт понятых получил достаточно обширное нормативное закрепление. Статья 132 УПК 1960 г. содержала положения, согласно которым в качестве понятых могли быть вызваны незаинтересованные в деле граждане. Понятые были обязаны удостоверить факт, содержание и результаты действий, при производстве которых они присутствовали [7, с. 89].

В УПК 1960 г. получили отражение и следственные действия, производство которых осуществлялось с обязательным участием понятых. К ним были отнесены осмотр (ст. 132), предъявление для опознания (ст. 164), обыск и выемка (ст. 168), наложение ареста на имущество (ст. 174), освидетельствование (ст. 180) и следственный эксперимент (ст. 182) [7, с. 89, 106, 107, 111, 115, 116].

Таким образом, УПК 1960 г. не просто содержал определение понятого, а также в данном понятии появилось первое требование к нему, которое нашло отражение и в ныне действующем УПК. Этим существенным признаком, которым должно было обладать совершенно любое лицо, привлекаемое в качестве понятого при производстве следственного действия, являлась незаинтересованность. Даже в настоящее время существуют разногласия по поводу того, как определить, заинтересовано ли лицо каким-либо образом. В УПК 1960 г. также содержалось гораздо больше норм по сравнению со Статутом Великого княжества Литовского 1588 г., где были указаны следственные действия, при производстве которых участие понятых было обязательно.

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь расширил нормативную регламентацию института понятых [8]. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 64 УПК понятым является незаинтересованное в исходе уголовного дела совершеннолетнее лицо, участвующее в производстве следственного действия, для удостоверения его факта, хода и результатов в случаях, предусмотренных УПК. Стоит также отметить, что ст. 64 УПК предусматривает права и обязанности понятых. Например, понятой имеет право знать, в каком следственном действии он участвует, делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол. В данной статье содержится и гарантия за потраченное время и средства: понятой имеет право получать возмещение понесенных им расходов, связанных с участием в производстве следственных действий. Из круга обязанностей необходимо отметить, что данные лица обязаны являться по вызовам органа уголовного преследования, подчиняться его законным распоряжениям, не разглашать сведения об обстоятельствах дела и др. Таким образом, действующий УПК наделил понятых довольно широким спектром прав и обязанностей. УПК также содержит нормы, в которых непосредственно указано на участие понятых в ряде следственных действий: порядок проведения осмотра (ст. 204), освидетельствование (ст. 206), следственный эксперимент (ст. 207), порядок проведения обыска и выемки (ст. 210), личный обыск (ст. 211) и т. д.

Имевшие место в последние годы изменения уголовно-процессуального законодательства коснулись, в том числе, и института понятых. Так в ч. 1 ст. 202 УПК изложено, что «...в случаях, не терпящих отлагательства, либо при отсутствии реальной возможности обеспечить участие понятых следственное действие производится с применением звуко- и видеозаписи в случаях и порядке, предусмотренных настоящим Кодексом. Невозможность применения звуко- и видеозаписи по техническим либо иным причинам не исключает продолжения производства

следственного действия с участием понятых. По усмотрению органа уголовного преследования понятые могут участвовать в производстве следственных действий и в случаях, не предусмотренных настоящим Кодексом».

Таким образом, современное уголовно-процессуальное законодательство закрепляет достаточно конкретные требования, предъявляемые к лицам, привлекаемым в качестве понятых, их права и обязанности, перечисляет следственные действия, при производстве которых следует привлекать двух лиц, которые должны удостоверить его факта, ход и результат. Законодательно также закреплена возможность в отдельных случаях отказаться от использования института понятых, заменив его применением технических средств фиксации информации.

Завершая исследование законодательной регламентации института понятых, целесообразно сделать вывод о том, что на протяжении всего периода становления и развития белорусской государственности отечественный законодатель последовательно расширял регламентацию института понятого. Однако в последние годы наметилась тенденция снижения роли понятых в уголовном процессе путем использования альтернативного института: применения средств звуко-, видеозаписи при производстве следственных действий.

Список использованных источников

1. Pirmasis Lietuvos Statutas = Первый Литовский Статут : Tekstaisenajabalt., lot. Irsenajalenku k. / VU, Lietuvos MA Lietuvosistorijos ins. – V. : Mintis, 1983. – 428 с.
2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Давед. Камент. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 573 с.
3. Статут Великого княжества Литовского 1588 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.grodno.by/grodno/history/statut_vkl_1588.html. – Дата доступа: 10.03.2020.
4. Юрыдычны энцыклапедычны слоўнік. – Мінск : БелЭн, 1992. – 636 с.
5. Устав уголовного судопроизводства 1864 года // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 8. Судебная реформа. – М. : Юрид. лит., 1991. – С. 117–251.
6. Дубина, С.В. Участие понятых в процессе проведения некоторых следственных действий с участием несовершеннолетних / С.В. Дубина // Законность. – 2012. – № 4. – С. 47–49.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 29 дек. 1960 г. – Минск : Амалфея, 1998. – 272 с.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З (с послед. изм. и доп.) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 343.985

А.С. Карпук, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

И.А. Шаматувский

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.М. Веремеенко*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются основные структурные элементы оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с коррупцией.

В настоящее время проблемные вопросы, связанные с противодействием коррупции, находятся в центре внимания всего общества. Можно с уверенностью сказать, что данное явление не только тормозит социально-экономическое развитие нашей страны, но также мешает реализовывать национальные проекты. Коррупция подрывает доверие населения власти.

Как вид преступности коррупция очень тесно переплетается с иными антиобщественными проявлениями и особенно такими, как организованная преступность. Это вызывает необходимость рассматривать данное явление не в виде совокупности отдельных фактов воздействия на принимаемое управленческое решение подкупом чиновников, а как складывающуюся и определенным образом развивающуюся систему, которая представляет собой серьезный вызов современности, реальную угрозу как национальной, так и экономической безопасности стран. Коррупция влияет на снижение темпов экономического роста, нарушение прав человека, оказывает иные негативные последствия на правовую систему.

Коррупция находит свое проявление во всех сферах жизнедеятельности общества, в связи с чем необходим грамотный и четкий выбор возможности решить данную проблему, поэтому особое значение приобретают элементы оперативно-розыскной характеристики (ОРХ) взяточничества, знание которых помогает выбору оптимальных путей противодействия данным преступлениям. ОРХ относится к одному из понятий, составляющих категоричный аппарат теории оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Знание элементов ОРХ позволяет эффективно использовать методы ОРД, планировать проведение оперативно-розыскных мероприятий и в целом решать задачи по выявлению и пресечению коррупционных преступлений.

Так, по мнению Ю.М. Худякова, ОРХ включает в себя такие элементы, как характеристика преступления и его общественной опасности, характеристика способа совершения преступления, характеристика личности преступника, характеристика способа приготовления к преступлению, характеристика поведения преступника после совершения преступления [1, с. 46].

С.Н. Иванов, раскрывая содержание ОРХ, предлагает включать в нее следующие элементы:

личность преступников, которые входят в состав преступной группы (пол, возраст, национальность);

уголовно-правовые признаки;

фазы развития преступления: создание условий для реализации преступного замысла, непосредственно реализация преступного замысла, воспроизводство и расширение преступной деятельности, закономерности преступной деятельности и другие позиции, раскрывающие механизм групповой преступной деятельности [2, л. 62].

В.М. Аتماжитов, анализируя ОРХ экономических преступлений, условно выделяет в ней две взаимосвязанные группы:

сведения о преступности, получаемые из официальных статистических данных по результатам социологических исследований;

информация о преступности, получаемая из оперативных источников [3, с. 47–48].

В.Н. Кнайкин предлагает выделять следующие элементы ОРХ:

уголовно-правовые признаки конкретного преступления;

личность правонарушителя;

способ совершения преступления;

организованные формы совершения преступления;

мотивация криминального поведения;

взаимосвязь места совершения преступления и места жительства [4, л. 121].

На наш взгляд, целесообразно рассмотреть следующие элементы ОРХ:

личность преступника;

динамика и структура преступности;

уголовно-правовая характеристика;

предмет преступного посягательства;

способ совершения преступлений.

Под *динамикой и структурой преступлений* в теории ОРД понимается совокупность сведений, характеризующих количественные и качественные показатели состояния преступности конкретного вида, а также результаты деятельности органов внутренних дел по раскрытию

данных преступлений, розыску скрывшихся преступников, использованию имеющихся сил, средств и методов [5, с. 98].

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что в первом полугодии 2018 г. за совершение коррупционных преступлений было осуждено 488 лиц, что на 61,1 % больше, чем было в аналогичном периоде 2017 г. (303 лица). Из числа указанных лиц 217 приговоренных к различным срокам лишения свободы. В виде дополнительной меры наказания конфискация имущества применялась к 197 лицам. В качестве основной меры наказания лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью назначалось 23 лицам, а 306 лицам назначалось в качестве дополнительной меры наказания. 40 человек лишались воинского или специального звания. Наказание в виде штрафа избиралось в отношении 123 осужденных (при этом в отношении 32 лиц в качестве основного наказания, в отношении 91 – в качестве дополнительного).

За анализируемый период больше всего осужденных за совершение следующих коррупционных преступлений:

165 – за получение взятки (ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь);

147 – за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 УК);

122 – за дачу взятки (ст. 431 УК).

Кроме того, за злоупотребление властью или служебными полномочиями по ст. 424 УК осуждались 25 человек; за превышение власти или служебных полномочий по ст. 426 УК – 16 человек; за злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти по ст. 455 УК – 12 человек; за бездействие должностного лица по ст. 425 УК – 1 лицо [6].

Стоит отметить, что тема коррупции стоит на жестком контроле у Президента Республики Беларусь. В связи с этим в 2015 г. был принят Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией». 26 июня 2018 г., принимая кадровые решения, Президент нашей страны отметил: «Вы знаете, чем заниматься и как. Принципиальность, честность, искренность. И недопустимость разного рода противоправных действий. Не дай бог коррупция или еще что-то. На злобу дня – вы видите, что происходит в стране. Пощады в этом отношении никому не будет. Это касается всего руководящего состава» [7].

Из *уголовно-правовой характеристики ОРХ* заимствует юридическую квалификацию содеянного. В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» под коррупцией понимается «умышленное использование государственным должностным или

приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей, сопряженное с противоправным получением имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей» [8].

К коррупционным относятся преступления, предусмотренные следующими статьями УК:

хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210);

легализация («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2, 3 ст. 235);

злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2, 3 ст. 424);

бездействие должностного лица из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2, 3 ст. 425);

превышение власти или служебных полномочий, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2, 3 ст. 426);

незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429);

получение взятки (ст. 430);

дача взятки (ст. 431);

посредничество во взяточничестве (ст. 432);

злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 1 ст. 455) [9].

Дача взятки, получение взятки и посредничество во взяточничестве признаются оконченными преступлениями с момента принятия должностным лицом материального вознаграждения. При этом ответственность за взяточничество наступает независимо от того, когда была передача взятки: до или после совершения действия (бездействия) в интересах взяткодателя или представляемых им лиц. Если предмет взятки передается членам семьи или близким с вedomо или по указанию должностного лица, то за использование указанным должностным ли-

цом своих полномочий в пользу взяткодателя содеянное должно быть квалифицировано как взяточничество [10].

Под *предметом преступного посягательства* следует понимать:

ценные бумаги;

деньги;

иное имущество;

оказание услуг имущественного характера;

предоставление имущественных прав.

Под ценными бумагами в соответствии со ст. 143 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) понимаются документы, удостоверяющие с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление и передача которых возможны только при его предъявлении. Передачей ценной бумаги переходят все удостоверяемые ею права в совокупности. К ценным бумагам в соответствии со ст. 144 ГК относятся государственная облигация, облигация, вексель, чек, депозитный и сберегательный сертификаты, банковская сберегательная книжка на предъявителя, коносамент, акция, приватизационные ценные бумаги и другие документы, которые законодательством о ценных бумагах или в установленном им порядке отнесены к числу ценных бумаг [11].

Под деньгами или валютой Республики Беларусь понимаются денежные знаки в виде банкнот и монет Национального банка Республики Беларусь, которые находятся в обращении в качестве законного средства наличного платежа на территории страны, а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки; средства на банковских счетах и в банковских вкладах. Под иностранной валютой – денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, которые находятся в обращении и являются законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств), а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки; средства на банковских счетах и в банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах [12].

К драгоценным металлам относятся золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий), находящиеся в любом состоянии, виде, в том числе в самородном и аффинированном виде, а также в сырье, сплавах, полуфабрикатах, промышленных продуктах, химических соединениях, ювелирных и иных изделиях, монетах, ломе и отходах производства и потребления. Под драгоценными камнями подразумеваются природные алмазы, изумру-

ды, рубины, сапфиры и александриты, природный жемчуг в сыром (естественном) и обработанном виде, а также уникальные янтарные образования [13].

Успешному решению задач ОРД способствует и изучение такого элемента ОРХ, как *личность преступника*.

Так, чаще всего коррупционные преступления совершают мужчины, однако в числе лиц, совершающих коррупционные преступления, показатель удельного веса женщин выше почти в три раза, чем доля женщин среди других категорий преступников. Примерно 25 % коррупционных преступлений совершили женщины.

Стоит отметить, что коррупционные преступники в основном старше по возрасту других осужденных. Лица в возрасте от 30 до 40 лет наиболее часто совершают должностные преступные деяния.

Указанные преступники с достаточно высоким уровнем образования. Так, среди рассматриваемых преступлений доля субъектов с высшим образованием составляет в настоящее время около 70 %, у остальных преступников неполное высшее или средне-специальное образование, т. е. окончание техникумов или колледжей. В образовательной сфере коррупционные преступления могут совершать и лица, имеющие ученые степени и звания.

Основным элементом *способа коррупционного преступления* является совершение служебного или должностного действия. Может быть также получена незаконная материальная выгода для себя или близких, либо могут быть удовлетворены иные личные интересы.

Служебные и должностные действия могут выполняться субъектами как с нарушением правил, установленных нормами права, так и без такового. Однако они все сопровождаются определенным документооборотом: предоставлением требуемых документов заинтересованными лицами, визирование, составление, утверждение, регистрация документов, отражающих контакты участников коррупционного преступления.

При совершении должностных хищений коррупционные преступника могут составлять документы, свидетельствующие о том, что конкретные субъекты присвоили товароматериальные средства.

Таким образом, противодействие коррупции относят к приоритетным направлениям в деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь. В настоящее время акцент должен быть сделан, в первую очередь, на профилактику и выявление данных преступлений в стране, установление и привлечение к уголовной ответственности лиц, нарушающих уголовное законодательство в сфере коррупции. Знание элементов ОРХ коррупционных преступлений имеет огромное значение, поскольку позволит оперативным сотрудникам качественно и эф-

фективно проводить ОРМ по предупреждению, выявлению и пресечению данного вида преступлений, а также выявлять граждан, которые их подготавливают, совершают или совершали.

Список использованных источников

1. Худяков, Ю.М. Значение и содержание оперативно-тактической характеристики для раскрытия преступлений отдельных видов / Ю.М. Худяков // Проблемы совершенствования деятельности аппаратов милиции и криминалистических подразделений. – 1979. – Вып. 2. – С. 44–48.

2. Иванов, С.Н. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования групповых преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / С.Н. Иванов. – М., 2001. – 332 л.

3. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть : учебник / под ред. В.М. Асможикова. – М., 1991. – 156 с.

4. Кнайкин, В.Н. Оперативно-розыскные меры борьбы с незаконным предпринимательством : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.Н. Кнайкин. – М., 1999. – 186 л.

5. Абрамов, А.М. Теоретические и прикладные проблемы раскрытия и расследования мошенничества : монография / А.М. Абрамов. – М. : Моск. ун-т МВД России, 2002. – 222 с.

6. Сведения за первое полугодие 2018 года о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания по уголовным делам о коррупционных преступлениях [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://court.gov.by/ru/statistika1/80acde26b8e74a44.html>. – Дата доступа: 10.10.2018.

7. Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко 26 июня принял ряд кадровых решений [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2018/june/29414/>. – Дата доступа: 10.10.2018.

8. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 июля 2015 г., № 2/2303 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

9. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

10. О судебной практике по делам о взяточничестве [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 6 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 24.09.2009 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

11. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

12. Об утверждении Инструкции о порядке осуществления валютно-обменных операций с участием физических лиц и организации работы обменных пунктов, касс при проведении таких операций [Электронный ресурс] : постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 1 февр. 2011 г., № 35 : в ред. постановления Правления Нац. банка от 21.03.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

13. О драгоценных металлах и драгоценных камнях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 июня 2002 г., № 110-З : принят Палатой представителей 16 мая 2002 г. : одобр. Советом Респ. 6 июня 2002 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.12.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.985

Д.В. Ковалевич, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *С.И. Бординович*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статье рассматриваются отдельные проблемные аспекты, связанные с вопросами защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность в процессе применения мер по обеспечению безопасности данной категории граждан. Автор предлагает некоторые предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования вопросов обеспечения безопасности отдельных категорий защищаемых лиц в уголовном процессе.

Применение новейших достижений науки и техники по праву считается одним из приоритетных направлений повышения эффективности борьбы с преступностью. Вместе с тем следует учитывать, что на основе этих достижений преступный мир с не меньшей активностью

и творческим подходом разрабатывает новые формы и способы совершения и сокрытия своих деяний. В этой связи не вызывает сомнения, что успешное решение задач, стоящих перед органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ОРД), как в прошлом, так в настоящем и будущем невозможно без участия граждан, оказывающих этим органам содействие на конфиденциальной основе.

Граждане, конфиденциально сотрудничающие с правоохранительными органами, оказывая помощь в борьбе с преступностью, участвуя в ОРД, подвергаются риску либо реальной угрозе посягательства на свою жизнь, здоровье и имущество, а значит нуждаются в тщательно продуманном и эффективном механизме защиты со стороны государства.

Вопросы, связанные с регулированием правоотношений, возникающих в процессе деятельности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД, нашли отражение в действующем законодательстве. Однако как и в любой сфере правоотношений, не всегда на этапе разработки законопроекта удается учесть и урегулировать абсолютно все возможные аспекты. Необходимо также учитывать, что при применении норм законодательства на практике постоянно возникают проблемные вопросы, требующие юридически грамотных и тщательно продуманных решений. Такие авторы, как И.И. Басецкий, В.Ч. Родевич, В.П. Шиенок и др. неоднократно обращали внимание на имеющиеся пробелы законодательства в данной сфере и вносили предложения по их устранению. Тем не менее в настоящее время по-прежнему остается ряд неразрешенных проблемных вопросов, на которые обращаем внимание в данной статье.

Одним из основных направлений использования материалов, полученных в результате ОРД, является доказывание в рамках уголовного процесса. Вместе с тем решение о предоставлении либо представлении материалов ОРД для использования в уголовном процессе не должно создавать предпосылок и условий для возникновения угрозы жизни, здоровью и сохранности имущества граждан, которые оказывают или оказывали содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, а впоследствии стали участниками уголовного процесса. Эти моменты напрямую будут зависеть от особенностей отражения в материалах ОРД соответствующих обстоятельств и фактов, имеющих значение для уголовного дела. В связи с этим Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) возлагает на органы, осуществляющие ОРД, обязанность обеспечивать защиту должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, а также граждан, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе этим органам, и их близких

от преступных посягательств [1]. Помимо этого, Закон Республики Беларусь от 13 декабря 1999 г. № 340-З «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны» (далее – Закон о госзащите) устанавливает систему мер государственной защиты жизни, здоровья и имущества судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны, осуществляющих служебную деятельность, выполнение которой может быть сопряжено с посягательством на безопасность указанных лиц и их близких [2]. Исходя из положения ст. 67 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) орган, ведущий уголовный процесс, при наличии достаточных данных, указывающих на то, что имеется реальная угроза убийства, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, осуществления других противоправных действий в отношении участника уголовного процесса, а также членов его семьи и близких в связи с его участием в уголовном процессе, обязан принять предусмотренные законом меры по обеспечению безопасности этих лиц и их имущества [3]. Так, перечень процессуальных и иных мер безопасности, применяемых в отношении участников уголовного процесса, закреплен в ст. 66 УПК.

Согласно требованиям УПК применение мер безопасности в отношении участников уголовного процесса осуществляется на основании мотивированного постановления (определения) органа, ведущего уголовный процесс, и обеспечивается органом внутренних дел (ОВД) или органом государственной безопасности по месту жительства, работы или учебы, защищаемого лица.

В Республике Беларусь установлен единый порядок применения мер безопасности и мер по обеспечению безопасности в отношении всех вышеперечисленных категорий защищаемых лиц, который закреплен в соответствующем Положении, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 21 января 2016 г. № 44 (далее – Положение) [4]. Тем не менее действующее нормативно-правовое регулирование в указанной сфере содержит существенный законодательный пробел в части применения мер безопасности либо продолжения их применения на этапе уголовного процесса в отношении лиц, защита которых уже осуществляется согласно Закону об ОРД или Закону о госзащите.

В частности, согласно п. 24 Положения, если защищаемое в соответствии с Законом об ОРД лицо впоследствии становится участником уголовного процесса, орган, обеспечивающий безопасность, незамедлительно уведомляет о реализуемых мерах безопасности орган, ведущий

уголовный процесс. Применительно к такому случаю, законодательство предоставляет органу, ведущему уголовный процесс, всего лишь возможность при необходимости принять решение о применении процессуальных мер безопасности, предусмотренных в ч. 1 ст. 66 УПК, а также обеспечить выполнение требований, определенных в ч. 5 ст. 192, ч. 6 ст. 216, ч. 3 ст. 262 и ч. 5 ст. 281 УПК. Таким образом, не исключается, что подобная необходимость на текущем этапе развития ситуации, а также по причине законодательных ограничений на предоставление (представление) материалов ОРД для использования в уголовном процессе, ввиду недопущения раскрытия конфиденциальных сведений, составляющих государственную тайну, для соблюдения одного из ключевых принципов ОРД: принципа конспирации, не будет усмотрена, и, руководствуясь ст. 18, 19 и 73 УПК, орган, ведущий уголовный процесс, примет решение об отказе в применении даже элементарных процессуальных мер безопасности в отношении уже защищаемого в соответствии с Законом об ОРД лица.

Дополнительным и не менее проблемным аспектом в указанной ситуации является наличие нормы Закона об ОРД, согласно которой из восьми государственных органов Республики Беларусь, наделенных правом осуществления ОРД и принятия решения о применении мер по обеспечению безопасности граждан, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, только двум – территориальным органам внутренних дел (ОВД) и органам государственной безопасности (ОГБ) предоставлены полномочия непосредственного применения этих мер.

На наш взгляд, подобный подход не в полной мере соответствует содержанию принципа конспирации, закрепленному в ст. 8 Закона об ОРД и предписывающему осуществление ОРД с сохранением в тайне сведений об оказании гражданами содействия органам, осуществляющим ОРД, и непосредственно о гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД.

Так, согласно п. 19 Положения, одновременно с постановлением о применении мер безопасности орган, осуществляющий ОРД, направляет в орган, обеспечивающий безопасность (территориальный ОВД или ОГБ), материалы, содержащие сведения о подлинных персональных данных защищаемого лица, его родственных и иных связях, а также об угрозоносителях и характере существующей угрозы защищаемому лицу.

В части второй ст. 55 Закона об ОРД особо оговаривается, что меры по обеспечению безопасности граждан, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим

ОРД, и их близких применяются с их согласия в письменной форме, что в целом соответствует установленным законодательно требованиям по защите сведений об ОРД. Однако следует учитывать, что направляемые в орган, обеспечивающий безопасность, материалы будут отражать не только персональные данные нуждающегося в применении мер безопасности гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД. Для определения и применения мер безопасности органу, обеспечивающему безопасность, потребуется информация о характере, формах и результатах участия в ОРД защищаемого гражданина, которая, в свою очередь, неизбежно будет содержать сведения о применяемых методах, организации и тактике осуществления ОРД органом, принявшим решение о применении мер безопасности.

Таким образом, одним из условий применения мер по обеспечению безопасности в отношении граждан, оказывающих или оказывавших им содействие на конфиденциальной основе, является необходимость передачи органу, обеспечивающему безопасность, сведений, составляющих государственные секреты, что может быть реализовано исключительно с соблюдением целого ряда процедур, определенных в Законе Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-З «О государственных секретах» [5].

В ситуации, когда возникает необходимость применения мер по обеспечению безопасности граждан, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органу, не имеющему полномочий на обеспечение безопасности, реализация соответствующих норм законодательства на практике крайне затруднительна. И еще более затруднительным в подобной ситуации станет обоснование необходимости продолжения применения мер безопасности в отношении указанной категории граждан на стадии уголовного процесса.

Из вышеизложенного следует, что соблюдение принципа конспирации в строгом соответствии с Законом об ОРД одновременно допускает невозможность соблюдения принципа всестороннего полного и объективного исследования обстоятельств дела, установленного уголовно-процессуальным законодательством.

Таким образом, для преодоления выявленных пробелов в законодательстве, на наш взгляд, требуется внесение глубоко проработанных изменений в нормативные правовые акты по вопросам принятия решения о применении мер безопасности.

В связи с тем, что в настоящее время данная ситуация не разрешена, то это, в свою очередь, подвергает риску жизнь и здоровье лица, оказывающего содействие правоохранительным органам. Для решения вышеуказанных проблемных аспектов, на наш взгляд, требуется уре-

гулировать данный вопрос на законодательном уровне путем возложения на орган уголовного преследования обязанности принятия на этапе уголовного процесса процессуальных и иных мер безопасности в отношении граждан, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД, если до этого (на этапе ОРД) такие меры к указанной категории лиц уже применялись. Для обеспечения соблюдения принципа конспирации, а также выработки более действенного механизма применения мер безопасности в отношении граждан, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, необходимо законодательно наделить полномочиями для исполнения мер по обеспечению безопасности все органы, осуществляющие ОРД.

Из вышеизложенного следует, что, несмотря на наличие широкого спектра актов законодательства, регулирующих правоотношения в данной сфере, в настоящее время остается неразрешенным целый ряд проблемных вопросов, которые, в свою очередь, создают значительные трудности практического применения и крайне отрицательно влияют на эффективность выполнения задач компетентными государственными органами в сфере борьбы с преступностью. Для разрешения существующих проблемных аспектов необходима глубокая проработка и корректировка действующего законодательства с учетом сформулированных в настоящей статье предложений.

Список использованных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих (надзорных) органов, сотрудников органа государственной охраны [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 1999 г., № 340-3 (ред. от 04.01.2014) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп., внес. Законом Респ. Беларусь от 18 июля 2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Об утверждении Положения о порядке применения мер безопасности в отношении защищаемых лиц [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 янв. 2016 г., № 44 (ред. от 05.09.2017) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. О государственных секретах [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 19 июля 2010 г., № 170-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 343.985

Д.В. Ковалевич, выпускник факультета милиции;
Д.А. Диковицкий, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук
И.А. Шаматувский

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.М. Веремеенко*

СТАТУС, РОЛЬ И МЕСТО СЛЕДОВАТЕЛЯ И ПРОКУРОРА КАК УЧАСТНИКОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются отдельные аспекты участия следователя и прокурора при осуществлении оперативно-розыскной деятельности в рамках реализации указанными должностными лицами своих полномочий в соответствии с нормами действующего законодательства. Рассматривается статус, роль, место и участие следователя и прокурора в оперативно-розыскной деятельности.

Анализ действующего законодательства Республики Беларусь побуждает к более глубокому переосмыслению, оценке места и роли прокурора и следователя, осуществляющих в пределах своей компетенции уголовное преследование, в оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

В частности, согласно части первой абзаца четвертого ст. 16 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) одним из оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) является поручение, указание, постановление органа уголовного преследования по уголовному делу, рассматриваемому заявлению или сообщению о преступлении [1]. В случае когда прокурор сам вынес постановление о возбуждении уголовного дела и принял его к своему производству, он также обладает правом давать поручения и указания для проведения тех или иных ОРМ по расследуемому уголовному делу органам, наделенным правом осуществлять ОРД. В таком случае прокурор действует в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь.

Исходя из анализа указанной нормы закона следует, что прокурор и следователь наделены правом инициировать проведение без ограничений

по количеству и видам ОРМ, предусмотренных Законом об ОРД, а также истребовать у органов, осуществляющих ОРД, их результаты. Кроме того, Законом об ОРД в части девятой ст. 19 установлено, что при наличии поручения, указания либо постановления органа уголовного преследования может отсутствовать обязательное для большинства ОРМ условие их проведения исключительно в рамках дела оперативного учета.

Помимо вышеизложенного, в случаях, установленных законодательством, исключительно постановление органа уголовного преследования является основанием для заведения либо прекращения определенного вида дела оперативного учета органами, осуществляющими ОРД. В отдельных случаях такое постановление может служить основанием для продления срока ведения о категории дел оперативного учета.

Согласно нормам ст. 49 и 50 Закона об ОРД материалы ОРД могут быть представлены либо предоставлены в орган уголовного преследования для их изучения в целях оценки достаточности содержащихся в них сведений и принятия определенных решений:

принятия процессуального решения о подготовке и проведении следственных и иных процессуальных действий, доказывания в уголовном процессе;

принятия решения о возбуждении уголовного дела в соответствии с законодательными актами;

принятия решения о применении мер безопасности и мер по обеспечению безопасности в отношении лиц, которые оказывали конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД, а в дальнейшем стали участниками уголовного процесса.

В свою очередь, согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) материалы, полученные в ходе ОРД, могут являться и быть признаны источником доказательств при условии, если они получены и предоставлены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, проверены и оценены в порядке, установленном УПК [2].

Таким образом, следователь в ходе осуществления уголовного преследования опосредованно наделяется полномочиями контроля исполнения законодательства об ОРД в части изучения и проверки материалов ОРД на предмет наличия в них сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также указания на то, где и каким образом в ходе ОРД были получены эти сведения или предметы, которые могут быть признаны источником доказательств [3].

Допустимы ситуации, когда на основе изучения и анализа материалов ОРД, следователь во взаимодействии с органом, осуществляющим

ОРД, принимает решение о целесообразности и тактических особенностях проведения дальнейших ОРМ в интересах надлежащей правовой процедуры осуществления уголовного процесса, обеспечение законных прав и интересов физических и юридических лиц, которым преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, а также уголовного преследования и защиты лиц, которые подозреваются, обвиняются в совершении предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний. Соответственно, следователь, наряду с соблюдением норм УПК, обязан в процессе реализации функций уголовного преследования учитывать закрепленные в Законе об ОРД принципы.

Так, руководствуясь специальным принципом уголовного процесса о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела, в процессе осуществления своих должностных полномочий, следователь не должен нарушать один из ключевых принципов ОРД – принцип конспирации, тогда как в практической деятельности в ряде случаев сделать это весьма затруднительно.

Большинство научных исследований не относит следователя к участникам ОРД. Однако вопреки этой позиции хочется отметить, что это вовсе не означает того, что следователь не может быть привлечен к ответственности в случае нарушения норм Закона об ОРД. Так, например, если следователь разгласит ставшие ему известными в процессе реализации функций уголовного преследования сведения об организации и осуществлении ОРД, а также сведения о гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, либо должностных лицах органов, осуществляющих ОРД, которые участвуют или участвовали в оперативном внедрении, штатных негласных сотрудниках, в таком случае он должен быть привлечен к ответственности в соответствии с действующим законодательством.

В свою очередь, роль и участие прокурора в ОРД гораздо шире, чем у следователя. Так, согласно ст. 4 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее – Закон «О прокуратуре») и ст. 69 Закона об ОРД прокуратура осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности [4].

В гл. 9 Закона «О прокуратуре» определяется порядок дачи санкции прокурором и его полномочия на дачу санкции. Так, своим решением прокурор либо разрешает проведение отдельных ОРМ, либо может отказать в их проведении, если посчитает проведение ОРМ необоснован-

ным. В отдельных случаях Законом об ОРД предусмотрено, что ОРМ, требующие получения санкции прокурора или его заместителя, могут проводиться без соответствующей санкции. Однако применительно к такому случаю должностное лицо органа, осуществляющего ОРД, которое проводит ОРМ, в течение 24 часов обязано письменно уведомить прокурора о проведении такого ОРМ и в течение 48 часов с момента начала проведения ОРМ получить санкцию на проведение данного ОРМ либо прекратить его проведение. Если санкция не будет получена, то в таком случае полученные материалы ОРД будут считаться полученными незаконно, так как проведение ОРМ будет признано прокурором необоснованным, что повлечет соответствующие негативные последствия: невозможность использования полученных материалов в целях решения задач ОРД (ст. 37 Закона об ОРД).

В гл. 10 данного закона отражены акты прокурорского надзора, которые прокурор вправе вынести при выявлении нарушений требований законодательства в процессе осуществления ОРД. Данные акты прокурорского реагирования есть не что иное, как механизм реализации надзора за точным и единообразным исполнением законодательства при осуществлении ОРД, так как в случае выявления нарушения требований действующего законодательства данными актами реагирования прокурор вправе вмешаться в ОРД и прекратить любое ОРМ.

Помимо вышеуказанного, на этапе подготовки уголовного дела для последующей его передачи в суд, прокурор в полном объеме знакомится и изучает все материалы уголовного дела, в том числе и материалы ОРД, имеющиеся в уголовном деле. В части, где прокурор может сомневаться в законности и обоснованности проведения ОРД, он вправе самостоятельно провести дополнительную проверку по материалам дела. В рамках такой проверки прокурор вправе запросить предоставление материалов ОРД для их изучения и оценки.

В отдельных случаях деятельность следователя и прокурора в части, касающейся ОРД, урегулирована ведомственными нормативными правовыми актами, которые имеют ограничительный гриф секретности, поэтому круг полномочий прокурора и следователя в ОРД весьма широк. Исполняя требования законодательства в рамках надзора и контроля за ОРД, в случае наличия соответствующего предписания прокурор вправе знакомиться с делами оперативного учета в определенной части, установленной законодательными актами; вправе прекращать проведение ОРД; вправе привлечь виновных должностных лиц, осуществляющих ОРД, к дисциплинарной, а также инициировать вопрос о привлечении указанных лиц к уголовной ответственности.

Из вышеизложенного следует, что полномочия прокурора и следователя позволяют напрямую оказывать весьма значительное влияние на ход, результаты и направление ОРД. В связи с этим очевидно, что в некоторой части как следователь, так и прокурор осведомлены об отдельных методах, организации, тактике, силах и средствах ОРД.

Таким образом, исходя из своих должностных полномочий и норм действующего законодательства как прокурор, так и следователь, не являясь напрямую субъектами ОРД, в то же время играют достаточно важную роль в ходе осуществления ОРД. Соответственно, при этом указанные лица помимо требований уголовно-процессуального законодательства и отдельных положений Закона «О прокуратуре» обязаны соблюдать требования и принципы, установленные Законом об ОРД.

На наш взгляд, вопросы, касающиеся статуса, роли и места следователя и прокурора при осуществлении ОРД, подлежат более глубокому анализу и переосмыслению, а также целесообразности придания им особого правового статуса не только в рамках уголовно-процессуального законодательства, но и в рамках Закона об ОРД.

Список использованных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия органов прокуратуры, предварительного следствия, дознания и Государственного комитета судебных экспертиз в ходе досудебного производства : постановление Генер. прокуратуры Респ. Беларусь, Следств. ком. Респ. Беларусь, М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, М-ва по чрезвычайч. ситуациям Респ. Беларусь, М-ва обороны Респ. Беларусь, Ком. гос. контроля Респ. Беларусь, Гос. погранич. ком. Респ. Беларусь, Гос. тамож. ком. Респ. Беларусь, Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь, 26 дек. 2016 г., № 36/278/338/77/42/7/32/17/28/24. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.12.2019 г. № 281-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 347.5(476)

Е.С. Ковалевский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
профессор *Д.А. Колбасин*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *М.А. Пашкеев*

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ И ЕГО ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ

Неосновательное обогащение возникает при присвоении или использовании без надлежащих правовых оснований чужого имущества, работ, услуг, иных благ. Таким образом, обязательства вследствие неосновательного обогащения относят к внедоговорным обязательствам, их целевое назначение – охранять имущественные интересы субъектов гражданских правоотношений.

На государстве лежит обязанность, включающая в себя контроль, мониторинг за перемещение материальных ценностей от одного человека к другому, основными целями которых является не допустить завладения этими благами без достаточных на то оснований. Основным инструментом решения данной задачи являются обязательства вследствие неосновательного обогащения. Цивилисты относят данные обязательства к охранительным либо кондикционным. В практике сложилось, что вышеназванные обязательства являются основными подходами восстановления первоначального положения потерпевшего путем возврата приобретенного неосновательно. Благодаря этим обязательствам определяется действительность неосновательно приобретенного предмета обогащения. При выявлении действительности неосновательного обогащения требуется учитывать п. 4 ст. 9 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) о том, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются. Обязанность доказывания лежит на заинтересованной стороне, согласно вышеназванному принципу. Неотъемлемой частью по данным спорам является предмет доказывания. Он включает в себя следующие элементы: отсутствие данных законом оснований для обогащения, размер данного обогащения, факт приобретения или сбережения имущества, по которому возник спор. Обязательным условием принятия правильного решения по делу является то, что доказательства представляются в совокупности, отсутствие хотя бы одного из них либо недоказанность ведет к отказу в защите права.

Кроме мер защиты, направленных на восстановление имущественного положения потерпевшего, в законодательстве предусмотрено для участников кондикционного обязательства обязанность возместить убытки, связанные с неосновательным обогащением (мера гражданско-правовой ответственности). Особенности возмещения убытков при неосновательном обогащении посвящены статьи гл. 59 ГК: ст. 976 ГК о возмещении потерпевшему неполученных доходов и ст. 977 ГК о возмещении приобретателю затрат на имущество, подлежащее возврату.

Необходимо отметить, что законодатель не оставил без внимания и тот момент, что возможны ухудшение или недостача индивидуально-определенных вещей за время нахождения в чужом обладании (п. 2 ст. 973 ГК). В таких случаях приобретатель возмещает реальный ущерб в части утраты или ухудшения такого имущества. Такая обязанность возникает у приобретателя с момента, когда он узнал или должен был узнать о своем неосновательном обогащении (критерий вины приобретателя). С этого момента все риски, связанные с чужим имуществом, лежат на приобретателе. До этого момента приобретатель возмещает ущерб, причиненный имуществу, только если он возник вследствие его умысла или грубой неосторожности.

Существует мнение некоторых авторов, что, используя в п. 1 ст. 976 ГК термин «доход», законодатель не отождествляет его с категорией убытков [1, с. 54]. Право на истребование доходов, полученных приобретателем, должно быть признано кондикционным правом требования, не предусмотренным ст. 11 ГК, а неполученные потерпевшим доходы, как считают сторонники этой точки зрения, представляют собой самостоятельный вид неосновательного денежного обогащения. Следует учитывать, что при возврате в натуре неосновательного обогащения в виде родовых вещей передаются аналогичные качественные родовые вещи, что делает безосновательной постановку вопроса о возмещении ущерба от порчи или недостачи родовых вещей, находившихся у приобретателя.

Анализ гл. 59 ГК дает право говорить, что ответчик проявил грубую неосторожность, и в силу п. 2 ст. 973 ГК влечет его ответственность перед собственником за любую недостачу его имущества. Согласно данной норме не имеет правового значения ссылка ответчика на то, что о принадлежности имущества истцу ему не было известно и что в дальнейшем данным имуществом воспользовалось другое лицо [2, с. 42]. Вместе с тем ряд ученых обоснованно отмечают, что приобретатель считается добросовестно заблуждающимся до момента «узнавания» о неосновательном обогащении и его вина исключена его добросовестностью, поэтому они предлагают исключить второе предложение из п. 2

ст. 973 ГК, а именно «до этого момента он отвечает лишь за умысел и грубую неосторожность».

Согласно п. 1 ст. 976 ГК приобретатель неосновательно полученного или сбереженного имущества обязан возвратить или возместить потерпевшему все доходы, которые он извлек или должен был извлечь из этого имущества. Доходы возвращаются в натуре или возмещаются в денежной форме с момента, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательном обогащении. При возмещении доходов, которые он не получил, но должен был получить, неосновательно владея чужим имуществом, приобретатель отдает часть законно принадлежащего ему имущества. Таким образом, и в первом, и во втором случае закон лишает приобретателя права собственности на денежные средства или натуральные доходы, применяя к нему меру ответственности. Ряд ученых считают, что есть определенное противоречие между п. 1 ст. 971 ГК (приобретатель должен передать потерпевшему все то, что он неосновательно приобрел) и п. 1 ст. 976 ГК (приобретатель вправе оставить у себя часть выгоды, полученной в виде доходов до момента, когда он узнал или должен был узнать о неосновательности приобретения) [3, с. 651]. Здесь, представляется, следует говорить о соотношении специальной нормы о судьбе доходов (п. 1 ст. 976 ГК) и общей нормы о судьбе неосновательного обогащения в целом (п. 1 ст. 971 ГК). Бремя доказывания получения или возможности получения дохода лежит на истце (потерпевшем). В предмет доказывания получения или возможности получения дохода при неосновательном обогащении входят следующие обстоятельства: период пользования доходом от использования неосновательно приобретенного имущества, факт наличия имущественной выгоды и ее размер, факт получения спорного имущества; факт пользования ответчиком этим имуществом.

В нормах гл. 59 ГК законодатель строго придерживается правила о недопустимости получения имущественной выгоды без надлежащего правового основания и в ст. 977 ГК учитывает ситуацию, когда неосновательное обогащение возникло на стороне потерпевшего. Такое возможно в случае произведенных приобретателем за счет собственного имущества необходимых затрат на содержание и сохранение имущества, подлежащего возврату как неосновательно приобретенное. Затраты приобретателя становятся для него убытком, а для потерпевшего – приращением имущества. Требование приобретателя о возмещении убытка, связанного с произведенными затратами, подлежит удовлетворению при доказанности определенных обстоятельств: возмещению подлежат только затраты, понесенные с момента, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения, т. е. узнал (должен

был узнать) о существовании истинного собственника имущества, который обязан нести бремя содержания имущества (отсылка в ст. 977 ГК к ст. 976 ГК); затраты возмещаются при условии возврата потерпевшему имущества (отсылка в ст. 977 ГК к ст. 973 и 974 ГК); затраты возмещаются, если приобретатель умышленно не удерживал имущество, подлежащее возврату. У добросовестного приобретателя, имеющего право на возмещение затрат, есть право удержания подлежащей возврату неосновательно полученной вещи (п. 1 ст. 340 ГК), если потерпевший эти затраты не возмещает.

Статья 366 ГК предусмотрена имущественная ответственность должника за каждый день просрочки возврата денежных средств. Думается, нет никаких препятствий для применения положений ст. 366 ГК к приобретателю неосновательного обогащения в денежной форме, который знал или должен был знать, что неосновательно получил или сберег чужие денежные средства. В судебной практике встречаются иски о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами по ст. 366 ГК, когда ответчик не исполнил решение суда о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами и неосновательно пользуется этими денежными средствами. В данном случае требование о начислении процентов на незаконно сбереженные средства не подлежит удовлетворению [3, с. 215].

Необходимо отметить, что кондикционные требования могут предъявляться как самостоятельно, так и субсидиарно к другим гражданско-правовым требованиям о возврате имущества, что следует из смысла ст. 972 ГК. Правило о субсидиарном предъявлении кондикционных требований является диспозитивным, так как в ст. 972 ГК сделана оговорка, что иной порядок может быть установлен действующим законодательством.

Ученые-правоведы неоднократно сравнивали кондикционные требования и виндикационные требования и отметили, что они исключают друг друга [4, с.143]. Виндикационное требование связано с истребованием вещи ее собственником из незаконного владения неоснователя. Виндикация используется как вещно-правовой способ защиты действительным собственником. В тех случаях, когда собственник вещи лишился статуса собственника, у него нет права на виндикационное требование. Бывший собственник может использовать только такой способ защиты – кондикционное требование, вытекающее из обязательства вследствие неосновательного обогащения [5, с. 247].

Основное различие между кондикционным требованием и деликтным заключается в их правовой сущности. Кондикционное требование направлено на восстановление имущественного положения потерпев-

шего, а деликтное требование – на имущественную компенсацию вреда. Ученые справедливо отмечают то, что, хотя кондикционный иск не может быть применен вместо деликтного иска, но в случае образования у лица, причинившего вред, имущественной выгоды помимо реального ущерба возникает и неосновательное обогащение и, как следствие, право на субсидиарное предъявление кондикционного требования [3, с. 161].

Соотношение кондикционного требования и реституционного рассматривается как соотношение рода и вида: реституционное требование – правильно считать частным случаем требования из неосновательного обогащения. Вместе с тем реституционные правоотношения регламентируются нормами ГК о последствиях недействительности сделок, т. е. специальными нормами. Реституционное требование может быть реализовано только в судебном (исковом) порядке, так как основанием его возникновения является признание недействительности сделки. Кондикционное требование может быть удовлетворено приобретателем добровольно. Еще одной особенностью реституционных требований является общее правило применения двухсторонней реституции как последствия недействительности сделки (п. 2 ст. 168 ГК). Исключением из правила о возможности взыскания неосновательного обогащения, полученного при исполнении недействительной сделки, является правило ст. 170 ГК, когда нарушаются публичные интересы: в случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход государства, а не потерпевшего, все полученное по недействительной сделке сторонами, действовавшими умышленно. К такому правоотношению нормы п. 1 ст. 972 ГК неприменимы. При наличии специального регулирования реституционных требований кондикционные требования могут предъявляться по недействительным сделкам только субсидиарно.

Регрессные требования, как и реституционные, следует рассматривать как один из видов кондикционных требований, выделенный по основанию возникновения и содержанию. Регрессные правоотношения возникают из факта такого исполнения обязанности, которое прекращает не только исполненную, но и какую-либо другую обязанность или даже несколько обязанностей других лиц. В результате у этих последних лиц, обязанности которых также оказались прекращенными, возникает неосновательное сбережение, происшедшее за счет расходования средств лицом, исполнившим обязанность. Регрессное требование направлено на восстановление положения, существовавшего до неосновательного сбережения, посредством изъятия неосновательного сбережения у обогатившегося лица и передачи лицу, за чей счет это сбережение произошло. В ГК регрессные требования регулируются рядом специ-

альных норм. Относительно регрессных требований, регулируемых специальным законодательством, нормы о кондикционных требованиях применяются subsidiarily.

Необходимо отметить, что обязательства вследствие неосновательного обогащения, закрепленные в гл. 59 ГК, не в полной мере выполняют функцию противодействия обогащению за счет общества и государства [5, с. 67]. Нормы ГК о неосновательном обогащении рассчитаны к применению в том случае, когда есть конкретный потерпевший, чье имущество без законных оснований перешло к другому лицу. Мы должны понимать, что источником доходов от преступной деятельности может быть как имущество государственное, так и частное. Установить всех частных лиц, за счет которых получены подобные доходы, невозможно (например, в случае со взяткой). В подобных случаях можно говорить о доходах, которые обезличены, когда потерпевший неизвестен. Многие цивилисты, исходя из защиты государственных интересов, обоснованно предлагают признать государство и общество единой потерпевшей стороной от неосновательного обогащения лиц, уличенных в коррупционных действиях, и включить дополнительный пункт в ст. 971 ГК, касающийся круга лиц, которые могут рассматриваться в качестве потерпевшей стороны. В качестве таковой следует признать Республику Беларусь, если невозможно установить, за чей счет произошло обогащение лица. Предъявление таких исков может быть отнесено к ведению прокуратуры.

Таким образом, обязательством, вытекающим из неосновательного обогащения, является такое гражданско-правовое обязательство, когда лицо, которое без установленных законодательством или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество за счет другого лица, обязано возвратить неосновательно приобретенное или сбереженное имущество, кроме случаев, установленных законом. Целью данного обязательства является восстановление первоначального имущественного положения потерпевшего за счет приобретателя. Неосновательно приобретенное имущество должно быть возвращено в натуре, а если это невозможно, должна быть возвращена его действительная стоимость, а также убытки, вызванные последующим изменением стоимости имущества. Исходя из вышеназванного определения, представляется, приведенные исследования могут помочь на практике более обстоятельно решать споры вследствие неосновательного обогащения.

Список использованных источников

1. Клинова, Г., Цыганова, Е. Ответственность по обязательствам, вытекающим из неосновательного обогащения / Г. Клинова, Е. Цыганова // Закон. – 2003. – № 2. – 92 с.

2. Подгруша, В.В. Неосновательное обогащение. Понятие обязательств, возникающих вследствие неосновательного обогащения / В.В. Подгруша // Юрист. – 2008. – № 2. – С. 65–68.

3. Суханов, Е.А. Гражданское право : учебник : в 4 т. / Е.А. Суханов. – 3-е изд. – Т. 4 : Обязательственное право. – 730 с.

4. Новак, Д.В. Кауза имущественного предоставления и ее значение в обязательствах из неосновательного обогащения / Д.В. Новак // Вестн. Высш. Арбитраж. суда Рос. Федерации. – 2003. – № 3. – 195 с.

5. Цвайгерт, К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2-х т. ; пер. с нем. – Т. 2 : Договор. Неосновательное обогащение. Деликт / К. Цвайгерт, Х. Кётц. – М. : Междунар. отношения, 2000. – 512 с.

УДК 343.985

С.Е. Козырь, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Н. Лахтиков*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

В данной статье рассматриваются проблема торговли людьми, действия сотрудников уголовного розыска по противодействию торговле людьми, причины, обуславливающие возникновение этой проблемы. Приведена статистика, показывающая ситуацию, связанную с торговлей людьми.

Глобализация, научно-технический прогресс, развитие экономики и общества в целом неизбежно порождают возникновение новых видов общественных отношений, которые, в ряде случаев трансформируясь, приобретают общественно опасный характер. В этой связи, закономерно попадая в рамки уголовно-правового поля, такие – уже незаконные – общественные отношения подлежат пресечению со стороны компетентных органов, эффективность которого напрямую зависит от наличия необходимой научной базы.

На рубеже XX–XXI вв. одним из новых видов криминальных деяний для Республики Беларусь и государств мира в целом стала транснациональная торговля людьми, получившая на международном уровне значительный резонанс. Являясь современной формой рабства, торговля людьми осуществляется с различными целями: для сексуальной эксплуатации, эксплуатации труда, трансплантации органов и тканей, незаконного усыновления и т. д. По своей прибыльности это направление

криминальной активности организованной преступности соперничает с такими «традиционными» видами противозаконного бизнеса, как торговля оружием и наркотиками. Ежегодный долларовый оборот в сфере торговли людьми исчисляется миллиардами. Преступления данного вида не только превращают людей в рабов, но и посягают на личную свободу, честь, достоинство, половую неприкосновенность и половую свободу. Огромный вред причиняется не только личности, но и обществу и государству – разрушаются морально-нравственные ценности, уничтожается генофонд нации, подрывается престиж страны на международной арене [1].

В настоящее время рабство во всем цивилизованном мире признано аморальным, общественно опасным, несущим огромный вред, недопустимым явлением. Вместе с тем, несмотря на принятие мировым сообществом множества различных международных документов, устанавливающих такой подход, оно по-прежнему продолжает существовать, приобретая новые формы, но оставаясь неизменным в своей сущности.

Республика Беларусь, географически расположенная в центре Европы, обретая независимость и находясь на пути становления своей государственности и экономического развития, не могла остаться в стороне от мировых процессов, носящих как позитивный, так и негативный характер. В настоящее время приходится констатировать вовлеченность в сферу торговли людьми наряду со многими другими странами и нашей республики.

К торговле людьми и связанными с ней преступлениями Закон «О противодействии торговле людьми» относит деяния, предусмотренные следующими нормами Уголовного кодекса Республики Беларусь:

ст. 181 «Торговля людьми»;

ст. 171 «Использование занятия проституцией либо создание условий для занятия проституцией»;

ст. 171¹ «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией»;

ст. 181¹ «Использование рабского труда»;

ст. 182 «Похищение человека»;

ст. 187 «Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей»;

ст. 343¹ «Изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего».

По своему содержанию торговля людьми и использованием рабского труда представляют собой новый вид преступной деятельности – торговлю людьми и их эксплуатацию, – который ранее не был предметом криминологического исследования, хотя объективная потребность

в таком исследовании существует в связи с необходимостью разработки научных положений, которые послужат основой для реализации мер по предупреждению этой криминальной деятельности.

К *основным этапам совершения торговли людьми* можно отнести:

вербовку человека;

завладение человеком (с применением насилия или без);

перемещение и удержание человека (факт купли-продажи и дальнейшая эксплуатация).

Существуют *пять групп потерпевших*:

женщины, на момент преступления безработные и желавшие получить как можно больше денег;

лица, преследовавшие целью получить легальную работу за границей;

лица без определенного места жительства;

мужчины, похищенные в целях продажи в трудовое рабство;

иные лица, ставшие потерпевшими по стечению обстоятельств.

Выделяют также *виды свидетелей*:

свидетели вербовки потерпевшего;

свидетели захвата потерпевшего;

свидетели подготовки преступников к захвату;

родственники, знакомые, сослуживцы/коллеги потерпевшего;

свидетели освобождения потерпевшего [2, с. 3–5].

Научный интерес к торговле людьми и их эксплуатации объясняется также тем, что это явление представляет собой актуальную социально-правовую проблему для современного общества и государства.

Вследствие вышеизложенного необходимо проведение исследования феномена торговли людьми, анализа уголовно-правовых норм и законопроектных о противодействии торговле людьми, исследование законодательного опыта зарубежных стран, выработка системы мер противодействия вывозу людей за рубеж. Это позволит значительно продвинуться в понимании проблемы торговли людьми и повысить эффективность охраны прав и свобод человека.

Впервые слово «трафик» было использовано в XVI в. как синоним торговли и «передвижения туда-сюда». Слово «трафик», как таковое, не содержало в себе негативного оттенка. Однако в XVII в. трафик стал приравниваться к продаже незаконных и (или) рискованных товаров. Таким образом к концу XIX в. значение слова «трафик» помимо торговли оружием и наркотиками стало включать и торговлю людьми, рассматриваемыми как товар и продаваемыми в рабство. В начале XX в. имел место термин «торговля белыми рабынями», т. е. перемещение через границы женщин и детей, приводящее к их эксплуатации, включая коммерческое использование услуг сексуального характера [3].

После принятия в 2000 г. Палермского протокола ООН в сфере торговли людьми появилось определение слова «трафик» – перемещение через границу или внутри страны, часто незаконное, людей, рассматриваемых как товар, приводящее к их эксплуатации, включая коммерческое использование сексуальных услуг.

Необходимость принятия адекватных мер противодействия глобального характера продиктована масштабами торговли людьми. Установить количество жертв трудно, так как большинство перемещений являются нерегулярными и не контролируются властями.

По данным МВД Республики Беларусь в настоящее время это хорошо отлаженный транснациональный вид преступной деятельности, приносящий колоссальные доходы трафикерам и занимающий в криминальном мире лидирующие позиции по прибыльности. По данным Международной организации по миграции (МОМ), в современном мире насчитывается от 21 до 36 млн жертв торговли людьми.

Основные формы торговли людьми остаются в Беларуси практически неизменными с 2000 г. – это преступления, совершаемые в целях сексуальной или трудовой эксплуатации (в 2010 г. был выявлен единственный факт, когда торговля людьми имела место в целях изъятия органов). В настоящее время самой распространенной формой торговли людьми является сексуальная эксплуатация. Так, из 5 605 жертв торговли людьми, установленных в 2002 – первом полугодии 2018 г., сексуальной эксплуатации подверглись 4 973 человека, трудовой – 690, изъятию органов – 3. Из общего количества жертв торговли людьми 12,3 % (690 человек) – несовершеннолетние [7].

Основным вектором вывоза граждан Беларуси с целью трудовой эксплуатации является Россия, несколько случаев выявлено в Турции и Польше. С 2006 г. в республике выявляются случаи, когда Беларусь сама выступает страной назначения. За это время были установлены жертвы торговли людьми из Вьетнама (16), России (13), Украины (2) и Молдовы (1), подвергшиеся эксплуатации на территории Беларуси. Для личной безопасности трафикеры стараются принимать «живой товар», находясь в стране назначения и избегая приезда в Беларусь. Вместе с тем отдельные из них, используя местные криминальные связи, периодически продолжают приезжать в республику с целью вербовки женщин для занятия проституцией за границей. В таких случаях подразделения по противодействию торговле людьми действуют на упреждение и задерживают трафикеров при попытках вывоза наших граждан за рубеж в целях последующей эксплуатации. За первое полугодие 2018 г. перекрыты три канала вывоза людей для эксплуатации в две страны мира, из них две – в Турцию (две жертвы), один – в Грецию (четыре жертвы) [7].

Продолжает оставаться проблемой для Беларуси и внутренняя эксплуатация, когда белорусские граждане эксплуатируются на территории своей страны. Здесь сексуальная эксплуатация также превалирует над трудовой. С 2011 г. наметилась тенденция преобладания жертв внутренней эксплуатации над жертвами, подвергшимися эксплуатации за рубежом (ранее число последних преобладало в среднем в два-три раза, а в 2006 г. – в девять раз). В 2011 г. эксплуатации на территории Республики Беларусь подверглись 153 жертвы, а за рубежом были вывезены 142, в 2012 г. – 124 и 85, в 2013 г. – 90 и 59, в 2014 г. – 54 и 43, в 2015 г. – 77 и 44, в 2016 г. – 122 и 62, в 2017 г. – 88 и 43, в первом полугодии 2018 г. – 57 и 11 соответственно [7].

Отдельно рассматривая трудовую эксплуатацию, следует отметить, что с 2005 г. в Беларуси выявлено 146 связанных с ней преступлений, из них 116 сопряжены с вывозом жертв за рубеж, 30 совершены внутри страны. Пик преступлений, повлекших трудовую эксплуатацию, пришелся на 2008 г. (51 факт связан с вывозом граждан за рубеж, два факта – трудовая эксплуатация на территории Беларуси). В дальнейшем ситуация стабилизировалась и с 2010 г. ежегодно выявляется не более восьми таких преступлений (2010 г. – 4, 2011 г. – 2, 2012 г. – 1, 2013 г. – 0, 2014 г. – 1, 2015 г. – 2, 2016 г. – 1, 2017 г. – 1, первое полугодие 2018 – 8).

Согласно проведенным исследованиям ООН с 2007 по 2018 г. большинство жертв торговли людьми – женщины (55–60 %). Из них 15–20 % – девочки в возрасте до 16 лет. За этот же период количество жертв мужского пола составило 15–18 %, мальчики в возрасте до 16 лет – 8–10 % от этого числа.

Часто считается, что торговля людьми осуществляется только лишь с целью коммерческой сексуальной эксплуатации. Но, по статистике, сексуальной эксплуатации подвергаются лишь 44 % жертв, трудовой – 32 %, смешанной – 25 %. Женщины и девушки составляют 98 % тех, кого перевозят в целях сексуальной эксплуатации. Иностранцы трудящиеся мигранты представляют собой значительную долю известных жертв торговли людьми в целях трудовой эксплуатации [7].

Наиболее распространенным местом происхождения жертв трансграничной торговли являются Балканы: 30 % пострадавших являются гражданами стран этого региона. Другими районами происхождения жертв являются Западная Африка – 14 % от общего числа жертв, Восточная Азия – 7 %, США – 7 %, Центральная Европа – 7 %, Восточная Европа и Центральная Азия – 5 % [7].

Понимание криминалистических основ обнаружения и расследования преступлений, связанных с торговлей людьми, предполагает рассмотрение данного механизма преступной деятельности в контексте

общей проблемы борьбы с преступлениями против личности и преступлений в сфере экономики.

Например, похищение человека может являться частью механизма вымогательства (похищенный выступает в качестве средства давления на тех, от кого требуются определенные действия) [5].

Если речь идет об организованной деятельности по торговле людьми, то похищение человека нередко является этапом подготовки к торговле людьми.

На стадии обнаружения признаков торговли людьми и производства следственных действий, даже в ситуациях задержания подозреваемых с поличным, невозможно собрать достаточную совокупность доказательств, с помощью которых обеспечивалось бы всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела.

Методика выявления и расследования складывается из следующих элементов:

- анализа исходной следственной и оперативно-розыскной информации, относящейся к делу;
- выдвижение версий;
- определения задач и вопросов, подлежащих выяснению;
- составление плана действий;
- осуществление контроля и внесение корректив, диктуемых изменениями ситуации и новыми доказательствами.

Кроме того, стоит перечислить особенности приемов, направленных на подрыв преступной деятельности в сфере торговли людьми. К ним относятся:

реклама. Когда метод вербовки связан с размещением рекламы, особенно в отношении трудоустройства за рубежом, можно встретиться с провайдером услуги и указать ему на факты использования его бизнеса в преступных целях. Стоит указать на юридическую ответственность, изъять и проверить документы;

аренда помещений. Действия, аналогичные предпринимаемым против тех, кто делает рекламу. Это относится к помещениям, используемым для вербовки, к барам/клубам, где такая деятельность может иметь место, к «конспиративным квартирам», где содержатся жертвы перед перевозкой и т. д. Визиты представителей разных ведомств могут быть весьма продуктивными в контексте подрыва преступной деятельности;

перевозка жертв преступления. Здесь все зависит от имеющейся у оперативного работника информации. Если известен маршрут передвижения, необходимо тесное взаимодействие с пограничной службой, усиление проверок на таможне и вмешательство на различных этапах пере-

движения. Если задействованы туристические агентства, имеет смысл изъятия у них документов, относящихся к материалам проверки [4].

Практика раскрытия таких преступлений свидетельствует о том, что торговля людьми осуществляется в двух аспектах: с вывозом за пределы страны и без.

В противодействии торговле людьми важную роль играет активное использование оперативных подразделений, поскольку, как отмечалось выше, эти преступления в значительной мере латентны. В их совершении нередко участвуют преступные группы, отличающиеся высокой степенью организованности и распределением ролей. Исходя из этого факты торговли людьми практически не фиксируются. Перед оперативным работником в данном случае встает вопрос о нахождении лица, которое, вероятно, занимается торговлей людьми, а затем целенаправленно заняться поиском фактов, которые подтвердят или опровергнут данную информацию. Подобный метод работы называется «От преступника». Кроме этого, выделяют такие методы, как «От преступления» и «От потерпевшего». В первом случае необходимо найти лицо, совершившее преступление, а во втором – преступление и лицо, его совершившее [6].

Подводя итог, необходимо отметить, что современное состояние исследований по проблематике торговли людьми находится на недостаточном уровне, актуальность противодействия торговле людьми в настоящее время довольно высока. Нужно учитывать высокую латентность данного вида преступлений, принимать меры по их выявлению и устранению, разрабатывать новые способы и методики противодействия данному виду преступлений, укреплять взаимодействие оперативных сотрудников и следователей, а также иных сотрудников органов внутренних дел. Нужно также учитывать зарубежный опыт в установлении лиц, занимающихся данным видом преступной деятельности, привлекать агентурный аппарат ОВД, использовать новейшие технические средства при проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на противодействие торговле людьми. Необходимо также обратить внимание на реабилитацию жертв торговли людьми и взаимодействие с ними в поисках информации, имеющей оперативный интерес.

Список использованных источников

1. Шруб, М.П. Противодействие торговле людьми. Современное состояние и возможности взаимодействия органов предварительного следствия и негосударственных организаций / М.П. Шруб, Л.Н. Истомова. – Брест, 2013.
2. Шруб, М.П. Криминалистическая характеристика преступлений в сфере торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации / М.П. Шруб ; под ред. И.И. Басецкого. – Минск : Друк-С, 2007. – 129 с.

3. Адмиралова, И.А. Предварительная проверка и первоначальный этап расследования торговли людьми / И.А. Адмиралова, В.В. Астанин. – М. : Домодедово, 2010. – 23 с.

4. Журавлев, С.Ю. Торговля людьми / С.Ю. Журавлев, А.М. Пигаев. – М. : Юрлитинформ. – 2006. – 209 с.

5. Принимаемые в Республике Беларусь меры по противодействию торговле людьми [Электронный ресурс] // mvd.gov.by – Режим доступа: <http://mvd.gov.by>. – Дата доступа: 05.12.2018.

6. Олимпиев, А.Ю. Противодействие торговле людьми : методика расследования уголовных дел и способы проведения оперативно-розыскных мероприятий : метод. пособие / А.Ю. Олимпиев. – М. : Закон и право, 2013. – 111 с.

7. Адмиралова, И.А. Методика расследования торговли людьми : учеб. пособие / И.А. Адмиралова, С.В. Гафаров. – М. : Домодедово, 2010. – 77 с.

УДК 343.985

Н.И. Король, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Толочко*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

О СВЯЗИ НАУК ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КРИМИНАЛИСТИКА

В данной статье рассматривается связь наук оперативно-розыскная деятельность и криминалистика. Ставятся вопросы о связи данных наук по теоретическому и практическому содержанию. Приводится анализ мнений различных ученых-теоретиков о самостоятельности науки оперативно-розыскной деятельности.

Из всех юридических наук криминального цикла теория оперативно-розыскной деятельности и криминалистика, пожалуй, самые близкие по теоретическому и практическому содержанию. У них много общего: в их природе, сущности, методологии, стоящих перед ними задачами, понятийно-категориальном аппарате, а самое главное, в предлагаемом практическим работникам арсенале средств и методов раскрытия и расследования преступлений, тактике и методике проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Длительное время теория оперативно-розыскной деятельности рассматривалась как составная часть криминалистики, один из ее разделов. Как отрасль научного знания она зарождалась и развивалась в недрах криминалистики, а затем «отпочковалась» от нее. Р.С. Белкин

писал: «... процесс обособления оперативно-розыскной теории шел как бы в двух уровнях: «снизу» – путем разработки самой этой теории и «сверху» – как следствие пересмотра определения предмета криминалистики» [1, с. 97].

Зарождение теории оперативно-розыскной деятельности в недрах криминалистики подтверждается тем, что даже основатель криминалистики Ганс Гросс в своем труде, положившем начало криминалистической науке, уделяет значительное внимание рассмотрению вопросов оперативно-розыскного характера: о различных криминальных приемах преступников и способах (в том числе и негласных) их распознавания, воровском языке, чтении шифрованных писем, типовых способах совершения краж и мошенничества [2, с. 114].

Р.С. Белкин и А.С. Соколов считали оправданным в рамках курса криминалистики в учебных заведениях МВД предусмотреть изучение организации и тактики проведения личного сыска, наружного наблюдения, оперативной проверки и других действий, которые они уже тогда называли оперативно-розыскными мероприятиями.

С развитием криминалистики в работах отдельных авторов проследивалась мысль о том, что существует специальная научная дисциплина, отличная от криминалистики, которая специально разрабатывает вопросы оперативной работы учреждений внутренних дел. В 1959 г. А.И. Винберг впервые упомянул о существовании такой научной дисциплины.

Исследование процесса зарождения и формирования теории оперативно-розыскной деятельности показывает, что для него характерна общая закономерность истории науки, заключающаяся в том, что ни одна по-настоящему новая область исследования не может избежать «накопительного этапа», когда будущий предмет научного исследования четко еще не определен. Определение предмета науки является необходимым условием и исходной предпосылкой правильной организации и эффективного развития познания, выступает важным фактором упорядочения накопленных знаний [3, с. 115].

О так называемом «накопительном этапе» и становлении теории оперативно-розыскной деятельности как самостоятельной отрасли научного знания А.Н. Васильев пишет: «Существовавшая ранее точка зрения о том, что оперативно-розыскные действия, используемые в расследовании, охватываются криминалистикой, объясняется главным образом тем, что особая дисциплина, объединяющая все виды оперативно-розыскных действий, находилась в процессе становления. По мере того, как эта дисциплина заняла свое место в системе наук, вышеуказанная точка зрения изменилась» [2, с. 116].

Изменил свою точку зрения со временем и Р.С. Белкин: «Пока накапливавшийся в рамках криминалистики эмпирический материал не противоречил представлениям о криминалистике как науке лишь о средствах и методах борьбы с преступностью, зарождавшаяся теория оперативно-розыскной деятельности развивалась как часть этой науки, как элемент ее составных частей, разделов. Это был закономерный процесс, типичный для любой науки» [2, с. 117]. Позже Р.С. Белкин написал, что отношения подчиненности, в которых еще в недавнем прошлом находились криминалистика и теория оперативно-розыскной деятельности, сменились отношениями взаимодействия.

Итак, начиная с 1960-х гг. усилия ученых были направлены на разработку общей теории оперативно-розыскной деятельности, определение ее предмета и методологических основ.

Серьезное влияние на решение проблемы становления теории оперативно-розыскной деятельности оказали научные поиски С.П. Митричева, А.К. Стальгевича, И.М. Лузгина, В.К. Звирбуля, С.С. Степичева и других исследователей, которые пытались ответить на вопрос о природе, характере и области применения информации, полученной в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий. В зависимости от своих взглядов на характер и происхождение данной информации криминалисты, процессуалисты, теоретики в области оперативно-розыскной деятельности и другие специалисты определяли, какие приемы и методы оперативных сотрудников «правовые», а какие «неправовые», относится оперативно-розыскная деятельность к юридическим наукам или нет, является самостоятельной или вспомогательной наукой.

Во многом именно накопление соответствующей эмпирической информации и теоретических разработок по вопросам оперативно-розыскной деятельности, а также их успешная реализация в практической деятельности и послужили основой признания теории оперативно-розыскной деятельности самостоятельной отраслью научного знания.

В это время в союзных республиках были приняты уголовно-процессуальные кодексы, в которых впервые на законодательном уровне появился термин «оперативно-розыскные меры», осуществление которых было возложено на органы дознания.

После формулирования отдельными авторами представления о содержании оперативно-розыскной деятельности и предмете ее теории, которое уже не укладывалось в рамки криминалистики, развернулась дискуссия о характере отношений между криминалистикой и теорией оперативно-розыскной деятельности, как самостоятельными науками.

Структурированное понятие предмета теории оперативно-розыскной деятельности в специальной литературе было определено А.И. Алексеевым и Г.К. Синиловым (1973 г.) как включающего три составные части: характеристика системы мер борьбы с преступностью, осуществляемых с применением оперативно-розыскных сил, средств, методов; исследование правовой основы оперативно-розыскной деятельности;

изучение системы отношений (правовых и др.), складывающихся в этой работе.

Д.В. Гребельский в 1977 г. предложил свою классификацию закономерностей, составляющих предмет теории оперативно-розыскной деятельности и проявляющихся в преступности, организации оперативно-розыскной деятельности, познавательной и деятельности сторон оперативно-розыскной деятельности, ее правовой регламентации.

Несколько иную классификацию элементов предмета теории оперативно-розыскной деятельности предложил В.М. Аتماжитов в 1992 г., разделивший их на относящиеся:

к образованию оперативно-розыскной информации, ее обнаружению, получению, проверке и фиксации;

деятельности оперативных подразделений по использованию оперативно-розыскной информации;

организации оперативно-розыскной деятельности; правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности.

Несмотря на дискуссионность понятия предмета теории оперативно-розыскной деятельности, перечни его основных содержательных элементов, составленные различными авторами, во многом совпадают.

Методы выявления, предупреждения и раскрытия преступлений разрабатываются не только теорией оперативно-розыскной деятельности, но и уголовным процессом, криминалистикой, криминологией и некоторыми другими научными дисциплинами. Развитие и дифференциация происходили за счет не только более четкого определения той социальной практики, которую они удовлетворяют, но и формулирования тех внутренних составляющих, которые отличают их предметы [2, с. 92].

Применительно к предмету криминалистики Е.В. Смахтин на этот счет пишет: «В ходе научного исследования объектов познания юридических наук уголовно-правового цикла неточности в формулировании предмета криминалистического научного исследования являются методологическими ошибками и в последующем приводят к поверхностному изложению криминалистически значимых признаков преступной деятельности. В свою очередь, такие результаты не востребованы практикой, так как ведут к аналогичным результатам, например, при описа-

нии алгоритма деятельности следователя на уровне частной криминалистической методики» [4, с. 12].

Думается, что оптимальное определение предмета теории оперативно-розыскной деятельности должно:

в полной мере учитывать основную суть, особенности и потребности оперативно-розыскной практики;

предполагать и охватывать работу оперативных сотрудников в рамках всех существующих форм оперативно-розыскной деятельности и, как следствие, решение всех задач оперативно-розыскной деятельности;

отчетливо указывать, какой именно инструментарий (средства, методы и др.) должна разрабатывать для оперативных подразделений оперативно-розыскная теория и какие именно аспекты таких разработок представляют наибольшую практическую ценность (правовые, организационные, тактические, методические).

Однако следует признать, что решение обозначенных вопросов лежит в плоскости самостоятельного исследования.

Итак, многие исходные теоретические положения, приемы, средства и методы оперативно-розыскной деятельности сформировались в рамках криминалистики. Соответственно, многие положения и рекомендации криминалистики легли в основу оперативно-розыскной теории. В оперативно-розыскной практике нашли применение такие разделы криминалистики, как судебная фотография, учение об отождествлении человека по признакам внешности, дактилоскопия, тактические примеры осмотра, обыска, допроса и др. Рассматривая технические средства, используемые в оперативно-розыскной деятельности, следует учитывать, что изначально они происходят из криминалистической техники.

Сегодня теория оперативно-розыскной деятельности и криминалистика имеют одни объекты изучения – преступную деятельность различных видов и деятельность по ее раскрытию и расследованию. Основное различие между предметами криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности в том, что последняя по своему основному назначению призвана изучать прежде всего тайные действия преступников, типичные признаки латентных преступлений и преимущественно негласные силы, средства и методы, применяемые оперативными подразделениями для своевременного выявления преступлений, их предупреждения и раскрытия, обеспечения неотвратимости ответственности виновных в их совершении.

Наибольшее значение для развития современной теории и практики оперативно-розыскной деятельности имели, и, пожалуй, продолжают иметь криминалистические знания в области тактики, во многом влияющие на институт оперативно-розыскной тактики, который отнюдь

не лишен проблемных зон, достаточно отчетливо просматривающихся сквозь призму нашего междисциплинарного исследования, изучения взаимосвязи и соотношения теории оперативно-розыскной деятельности с криминалистикой.

Оперативно-розыскная тактика, как и остальные оперативно-розыскные вопросы, во многом начала свое формирование в рамках криминалистики.

В.П. Шиенок отмечает, что оперативно-розыскная тактика представляет собой особый вид сложных умозаключений, в ходе которых рассматриваются нестандартные ситуации, моделируются действия преступников и раскрываются их замыслы с целью оптимизации конкретных путей борьбы с преступностью и определения соответствующей им линии поведения оперативных работников [5, с. 70].

В концептуальном плане немногим отличается от приведенного и наиболее часто встречаемое определение криминалистической тактики. Так, Р.С. Белкин определяет криминалистическую тактику как систему научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и планированию предварительного и судебного следствия, определению линии поведения лиц, осуществляющих судебное исследование, и приемов проведения отдельных процессуальных действий, направленных на собирание и исследование доказательств, на установление причин и условий, способствующих совершению и сокрытию преступлений [6, с. 313–314].

Как видно, связь между рассматриваемыми видами тактики очень велика. Подтверждением этому является и анализ практики. Многие тактические особенности проведения большинства следственных (допроса, очной ставки, обыска, проверки показаний на месте, предъявления для опознания, следственного эксперимента), а также некоторых иных процессуальных (задержания) действий связаны с тем обстоятельством, что в ходе их осуществления используется информация, полученная оперативным путем [7, с. 242]. И наоборот, криминалистические знания в области тактики подготовки и проведения отдельных следственных действий находят широкое применение, скажем, в ситуациях реализации оперативно-розыскной информации при задержании преступников с личным. В подобных ситуациях требуется решить две основные задачи:

негласным путем установить факты преступной деятельности, способ совершения преступления, причастных к нему лиц и систему фактических данных, которые могут быть обнаружены при задержании;

спланировать и реализовать такую тактику задержания, при которой будут обнаружены и зафиксированы улики [8, с. 12–13].

В розыскной работе, как, впрочем, и в остальных направлениях оперативно-розыскной деятельности, активно используются криминалистические учеты и криминалистические методы идентификации личности. Например, в отдельных случаях не представляется возможным идентифицировать личность искомого преступника по мысленному образу и возникает необходимость отождествления данного человека экспертным путем, в связи с чем назначаются и проводятся различные идентификационно-личностные экспертизы (генотипоскопическая, почерковедческая, дактилоскопическая, стоматологическая, одорологическая и т. п.) [9, л. 370].

От рекомендаций криминалистической тактики в известной степени зависит успешность таких ОРМ (вне зависимости от обстоятельств и условий в которых они проводятся), как оперативный опрос, сбор образцов, исследование предметов и документов, оперативное отождествление, оперативный осмотр. Н.П. Яблоков, внесший значительный вклад в разработку вопросов соотношения криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности в контексте сравнения криминалистической и оперативно-розыскной тактики, пишет: «Оперативно-розыскная тактика... несмотря на специфичность противоборствующей стороны в виде организованной преступной среды со всеми ее многообразными проявлениями, во многом начала свое формирование в рамках криминалистики... Тактическая специфика имеется лишь в тактике проведения негласных действий без непосредственных речевых и других контактов с объектами оперативного наблюдения, оперативной проверки и разработки. Особенно специфична тактика получения информации через агентов, активно действующих в среде разрабатываемых ими лиц. В основе этой тактики в большей мере лежит сложившаяся оперативно-розыскная практика» [10, с. 56–57].

Достаточно оригинальным представляется взгляд В.П. Шиенка на соотношение оперативно-розыскных и следственных ситуаций как узловых тактических категорий. Следует согласиться с ученым в том, что названные ситуации возникают при достижении одних и тех же конечных целей (борьба с преступностью), но разными средствами, методами, приемами; общим для ситуаций того и другого вида является признак конфликтного характера течения ситуации, который обусловлен одним из их (ситуаций) общих субъектов – преступником, а также признак динамичности, повторяемости и др.

С.С. Овчинский отмечает: «... при всех различиях тактики, применяемой на разных уровнях деятельности, по разным ее направлениям, она [тактика] имеет единое содержание, поскольку реализуется в конкретных действиях и мероприятиях» [2, с. 715].

Таким образом, если обобщить приведенные точки зрения и провести детальный сравнительный теоретико-прикладной анализ элементов, образующих, соответственно, каждый из рассматриваемых видов тактики, то можно прийти к выводу о том, что основное различие между оперативно-розыскной и криминалистической тактикой состоит в субъектах, которые ее применяют (в первом случае – оперативные сотрудники, а во втором, как правило, следователи), и в реализуемых этими субъектами деяниях, на которые эта тактика направлена, чтобы повысить их эффективность. Кроме того, применение оперативно-розыскной тактики в силу ее секретности и «остроты» по отношению к воздействию объекту сопряжено с возможностью возникновения ряда проблем, относящихся к нравственно-психологической и морально-этической сферам.

Разработка тактического инструментария для правоохранительной практики является одной из наиболее сложных научных задач. Если организация отвечает на вопрос «что делать?», методика – «как делать?», то тактика, умелое использование которой позволяет быстро и эффективно получать, проверять и реализовывать информацию, дает ответ на наиболее сложный вопрос: «Как делать, чтобы дезориентировать преступника, оказывающего противодействие правоохранительным органам?».

В заключение сформулируем некоторые выводы:

1. Из всех юридических наук криминального цикла теория оперативно-розыскной деятельности и криминалистика, пожалуй, самые близкие по теоретическому и практическому содержанию научные дисциплины.
2. Теория оперативно-розыскной деятельности и криминалистика имеют одни объекты изучения – преступную деятельность различных видов и деятельность по ее раскрытию.
3. Наибольшее значение для развития современной теории и практики оперативно-розыскной деятельности имеют криминалистические знания в области тактики.
4. Основное различие между оперативно-розыскной и криминалистической тактикой состоит в субъектах, которые ее применяют и в реализуемых этими субъектами деяниях.

Список использованных источников

1. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р.С. Белкин. – М. : Юристъ, 1997. – Т. 1 : Общая теория криминалистики. – 408 с.
2. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / Ю.С. Блинов [и др.] ; под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М. : ИНФРА-М, 2009. – 831 с.

3. Шматов, М.А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук : монография / М.А. Шматов. – Волгоград : ВА МВД России, 2001. – 228 с.

4. Смахтин, Е.В. Криминалистика в системе юридических наук уголовно-правового цикла: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Е.В. Смахтин ; Тюм. гос. ун-т. – Тюмень, 2010. – 45 с.

5. Родевич, В.Ч. Розыск обвиняемых, скрывающихся от предварительного следствия / В.Ч. Родевич, А.Н. Толочко ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 122 с.

6. Криминалистика : учебник / В.В. Агафонов [и др.] ; под ред. А.Г. Филиппова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт ; Изд. дом «Юрайт», 2010. – 835 с.

7. Криминалистика : учебник / И.А. Анищенко [и др.] ; под ред. Г.Н. Мухина ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – 863 с.

8. Калининвич, В.Л. Криминалистика как научная основа теории и практики оперативно-розыскной деятельности / В.Л. Калининвич, Л.Н. Калининвич // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений : материалы науч.-практ. конф., Минск, 14 июня 2001 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Н.И. Порубов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2002. – С. 8–15.

9. Дубягин, Ю.П. Криминалистическое отождествление человека в обычных условиях расследования и чрезвычайных ситуациях : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ю.П. Дубягин. – М., 2002. – 554 л.

10. Яблоков, Н.П. Криминалистические основы оперативно-розыскной деятельности / Н.П. Яблоков // Вестн. Моск. ун-та. – 2009. – № 3. – С. 43–60.

УДК 343.985

Н.И. Король, И.И. Андреева, выпускники следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Толочко*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

О СВЯЗИ НАУК ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

В данной статье рассматривается связь наук оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс. Ставятся вопросы о связи данных наук по теоретическому и практическому содержанию. Приводится анализ мнений ученых-теоретиков о взаимосвязи данных наук.

Обращаясь к классификации юридических наук, предложенной Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь, можно отметить, что с 2012 г. оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс относятся к разным специальностям, являющимся смежными между собой.

В отличие от специальности 12.00.09, предметом исследования которой являются процессуальные аспекты расследования и проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства, предмет исследования по специальности 12.00.12 направлен на совершенствование тактических и организационно-методических основ расследования, использования достижений естественных и технических наук в процессе выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений [1].

Не глядя на разграничения специальностей и различия в предметах исследований, оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс неразрывно связаны между собой общностью решаемых задач. Особенно явно это становится заметным при тщательном изучении правовых норм и практики их применения. М.А. Шматов пишет: «Объективная связь уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности обусловлена следующими закономерностями: оперативно-розыскная деятельность и уголовно-процессуальная осуществляются только в связи с нарушением норм уголовного права и представляют собой две формы реализации уголовного закона» [2, с. 46–47].

Перед должностными лицами и органами дознания в целом в зависимости от категории и характера преступления ставятся следующие задачи: производство неотложных следственных и других процессуальных действий по уголовным делам; проведение необходимых оперативно-розыскных мероприятий и принятие иных мер в целях обнаружения преступлений и выявления лиц, их совершивших, а также предупреждение и пресечение преступлений (ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь) [4].

Отдельные из оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий носят уголовно-процессуальный характер. К ним следует отнести:

поручение, указание, постановление органа, ведущего уголовный процесс по уголовному делу, рассматриваемому сообщению или заявлению о преступлении;

постановление органа предварительного следствия, определение, постановление суда об объявлении розыска обвиняемого;

постановление должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, органа предварительного следствия, определение, постановление суда о применении мер по обеспечению

безопасности (ст. 16 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности») [3].

Ученые-правоведы А.И. Алексеев и Г.К. Синилов при изучении связи оперативно-розыскной деятельности с уголовным процессом отметили, что оперативно-розыскная деятельность, так сказать, «сопровождает» процессуальную, однако несомненно существует и обратная связь, которая обусловлена тем фактом, что процессуальная деятельность очень часто обязана своим появлением оперативно-розыскной.

Материалы оперативно-розыскной деятельности, а также информация, представляющая оперативный интерес, могут быть использованы в различных целях, а именно: подготовки и проведения следственных и иных процессуальных действий; доказывания в уголовном процессе; могут являться основанием для возбуждения уголовного дела в соответствии с законодательными актами (о чем гласит ст. 49 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности»). Материалы оперативно-розыскной деятельности предоставляются для использования в орган уголовного преследования или суд в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» и иными актами законодательства (ст. 50 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности») [3].

Предварительное следствие по уголовным делам приостанавливается, когда обвиняемый скрылся от органа уголовного преследования либо по иным причинам не установлено его местонахождение (ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь). При отсутствии сведений о месте нахождения обвиняемого следователь поручает производство розыска органу дознания (ст. 248 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь) [4]. Розыск обвиняемых, скрывшихся от органа предварительного следствия или суда и (или) местонахождение которых этим органам неизвестно, является одной из задач оперативно-розыскной деятельности. К задачам оперативно-розыскной деятельности относится также установление имущества, которое подлежит или может подлежать аресту в уголовном процессе (ст. 3 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности») [3].

Следователь по расследуемому им уголовному делу и при рассмотрении заявления или сообщения о преступлении вправе знакомиться с материалами оперативно-розыскной деятельности, относящимися к расследуемому делу, рассматриваемому заявлению или сообщению. Вправе также давать поручения органам, уполномоченным законом осуществлять дознание, оперативно-розыскную деятельность, о производстве следственных и других процессуальных действий, проведении оперативно-розыскных мероприятий и требовать от них содействия в

производстве следственных и других процессуальных действий. Такие поручения следователя даются в письменной форме и являются для вышеуказанных органов обязательными для исполнения (ст. 36 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь) [4].

С целью выявления граждан, которые совершили преступления, по горячим следам и организации расследования преступлений создаются следственно-оперативные группы. Практика борьбы с преступными элементами со временем приобрела достаточно серьезный опыт организации взаимодействия оперативных и следственных подразделений. Организационное и тактическое сотрудничество следователя и оперативного сотрудника заключается в согласованном (совместном) планировании их действий, постоянном обмене значимой информацией, проведении совместных планирований для анализа результатов работы и выработки версий [5, с. 291].

Взаимосвязь оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса не заканчивается вместе с прекращением уголовного преследования или вступлением в законную силу приговора суда. Следует отметить, что производство по уголовному делу может быть возобновлено и ввиду новых либо вновь открывшихся обстоятельств. Эти обстоятельства могут быть выявлены и установлены при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс, будучи взаимосвязаны с объективной стороны между собой, имеют общие или смежные проблемы научно-правового характера. К примеру, исследование проблем использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе не может быть проведено в одностороннем порядке.

Взаимосвязь оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной науки проявляется также в том, что положения уголовно-процессуальной науки могут играть роль начальных при определении первоначальной стратегии и разработки теоретических оперативно-розыскных концепций. Такими являются, в частности, положения теории доказывания, которые служат отправными при разработке теории оперативно-розыскного документирования, а также оперативно-розыскной версии.

Значительный научный интерес наряду с исследованием взаимосвязи оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса, определяющейся детальным изучением их взаимодействия, взаимозависимости и взаимовлияния представляет изучение их соотношения (путем сравнительного анализа и сопоставления других аспектов на стыке двух научных веяний).

Основываясь на теоретико-прикладные обобщения в системе соотношения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности можно выделить целый ряд элементов. К примеру, огромный научно-правовой интерес для исследователей представляет соотношение оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных правоотношений [5, с. 293].

Столь важным и достаточно характерным для предмета и целей настоящего исследования является сопоставление и изучение соотношения документирования и доказывания, правильное понимание которого позволит избежать нежелательных последствий, которые порождаются несовершенством отечественного и зарубежного законодательства.

Под документированием понимается процесс выявления и закрепления оперативно-розыскным путем фактических данных о событии преступления и причастных к нему лицах, другой информации, имеющей значение для его раскрытия (либо пресечения или предупреждения), а также обеспечения возможности их использования в уголовном процессе [6, с. 63].

Доказывание осуществляется в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства, регулирующими только внешнюю (т. е. практическую) сторону деятельности субъекта доказывания.

Интеллектуальная деятельность уполномоченных лиц по проверке и оценке полученной оперативной информации является формой процесса познания, которая не регламентируется уголовно-процессуальными нормами, и протекает по законам логического мышления, а никак не по нормам уголовно-процессуального закона [2, с. 80].

Следует понимать, что познание при документировании проводится не в таком нормативно урегулированном порядке, как при уголовно-процессуальном доказывании, и лицом, обладающим властными полномочиями, в отличие от участников уголовного процесса, но и применяемыми специальными силами, средствами и методами, по иному происходит фиксация и закрепление той или иной информации.

При документировании также является достаточно специфическим объект познания, т. е. исследуются обстоятельства, которые связаны не только с прошлым преступным событием, но и с подготавливаемым преступлением, а именно – с событиями, которые произойдут в будущем. В таком случае сотрудник оперативного подразделения должен суметь предвидеть действия лиц, совершающих преступления, предотвращать и пресекать их. Общим является то, что как при документировании, так и при доказывании, познание основывается на действиях человека, в том числе и противоправных, вызывает определенные изменения в окружающей среде, отражается в ней [6, с. 69].

В ходе доказывания и в ходе документирования ведется делопроизводство (уголовное дело и дело оперативного учета соответственно). Способами получения оперативной информации являются оперативно-розыскные мероприятия.

Невозможно не заметить сходства большинства из оперативно-розыскных мероприятий со следственными действиями (к примеру, оперативный осмотр и осмотр, обыск; оперативный опрос и допрос; оперативный эксперимент и следственный эксперимент; оперативное отождествление и предъявление для опознания; контроль в сетях электросвязи и прослушивание и запись переговоров; исследование предметов и документов и назначение и проведение экспертизы). Отличие состоит в гласном и негласном характере их проведения, нормативно-правовом регулировании, организационных и тактических особенностях, правилах оформления достигнутых результатов. В ходе раскрытия определенных преступлений, если не представляется возможным получить фактические данные процессуальным путем, необходимо провести оперативно-розыскные мероприятия. Человечество пока еще не выработало наиболее адекватные и эффективные методы борьбы с преступностью, чем оперативно-розыскная деятельность, предназначение которой прежде всего заключается в разведывательно-поисковой работе. Именно оперативно-розыскные мероприятия придают расследованию результативность и действенность, в частности, когда речь идет о хорошо скрываемых преступлениях.

Оперативно-розыскная информация, если соблюдать определенные процессуальные условия, может быть использована в качестве доказательства по уголовному делу. Это означает, что занимаясь документированием преступной деятельности разрабатываемых и удостоверяя результаты оперативно-розыскных мероприятий в материалах дела оперативного учета, оперативный сотрудник осуществляет познание не только «для себя», как часто считают. С объективной стороны сотрудник является составляющей познавательной системы, в которую входят и последующие адресаты доказывания: следователь, прокурор, суд. Именно данная сторона процесса познания, обращенная к будущему адресату доказывания, четко прослеживается в оперативно-розыскной деятельности. Но обоснование правильности выводов оперативного сотрудника, т. е. доказывание в процессуальном аспекте, логически завершается следователем, прокурором, судом, которые составляют итоговый процессуальный документ. Таким образом, правоприменительная деятельность оперативного сотрудника обращена к суду не непосредственно, как это имеет место при произнесении обвинительной или защитной речи, а опосредованно [2, с. 84–85].

Таким образом, проведя анализ сведений, которые были реализованы и имеются как в делах оперативного учета сотрудников оперативных подразделений органов дознания, так и возбужденных уголовных делах, находящихся в производстве у следователя, результаты проведенных оперативно-розыскных мероприятий носят в основном направляющее значение для подготовки планов и осуществления различных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Изучение и дальнейший анализ материалов оперативно-розыскной деятельности говорит о наличии в них информации, которая носит направляющее значение для собирания доказательств по уголовному делу, а именно: лицах, совершивших преступления; способе совершения преступлений; размере материального ущерба; составе организованных преступных групп и иных формирований криминальной направленности; предметах и документах, которые могут стать доказательствами по уголовному делу, и их местонахождении; лицах, которые могут выступить в качестве свидетелей; связях, проходящих по делу фигурантов; преступных планов, разработанных преступниками для сокрытия совершенных противоправных действий; выбранной подозреваемыми и (или) обвиняемыми линии поведения на стадии предварительного следствия; склонении организаторами преступных групп своих сообщников к даче ложных показаний; воздействию на свидетелей с целью их склонения к изменению показаний и др. [6, с. 27].

В процессе документирования сотрудник оперативного подразделения обеспечивает сохранность полученной им информации, представляющей оперативный интерес, и до момента востребования их сотрудником следственного подразделения должен рассмотреть их процессуальное использование, в том числе должен позаботиться о безопасности источника, предоставившего информацию и не выдать его истинную принадлежность у определенной личности.

Из вышеизложенного следует, что задача документирования на всех этапах как дознания, так и предварительного следствия, состоит в том, чтобы не только лицо, которое его производит, стало носителем информации, представляющей оперативный интерес о преступлении, но и чтобы такую информацию и результаты проведенной оперативно-розыскной деятельности могли затем получить и сотрудники следственного подразделения, а в будущем – все участники уголовного процесса. Документирование всегда коммуникативное, оно обеспечивает переход знания к третьим лицам [7, с. 22].

Информация, полученная оперативным путем обуславливает возможность не только своевременного и обоснованно-необходимого проведения следственных действий, но и скрупулезной, эффективной подготовки к ним, что во многом обеспечивает их высокую результативность.

Материалы и информация, которые были получены в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, могут использоваться для выдвижения наиболее верных версий и планирования расследования по возбужденному уголовному делу, избрания наиболее эффективной тактической работы по проведению отдельного следственного действия, а в частности, для розыска лиц, скрывшихся от органов уголовного преследования. При этом оперативно-розыскным путем выполняется одна важнейшая уголовно-процессуальная задача – неотвратимость наказания.

Полученные в ходе документирования фактические данные как и доказательства требуют точно выверенной проверки, чтобы выяснить:

их значение для решения задач борьбы с преступностью и какова их относимость к будущему предмету доказывания по уголовному делу; достоверность, т. е. соответствие этих данных действительности (реальности);

способ получения, законность источника и способ закрепления сведений уполномоченными на то лицами [2, с. 85].

Считаем, что вышеизложенное может способствовать развитию, конкретизации и в определенном смысле упорядочиванию уже существующих знаний в этой области.

Таким образом, целесообразно сформулировать некоторые выводы:

1. Взаимосвязь оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса выражается:

в общности задач оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса;

прямым указанием в уголовно-процессуальном законодательстве на обязанности органов дознания проводить необходимые оперативно-розыскные мероприятия и принимать иные меры в целях выявления преступлений и лиц, их совершивших, а также предупреждать и пресекать преступления;

направленности оперативно-розыскных мероприятий на информационное обеспечение уголовно-процессуальной деятельности;

уголовно-процессуальном характере отдельных оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий;

направленности оперативно-розыскной деятельности на обеспечение безопасности участников уголовного процесса;

закреплении в оперативно-розыском законодательстве порядка использования материалов оперативно-розыскной деятельности для подготовки и проведения следственных действий.

2. Актуальность и научно-практическая значимость изучения взаимосвязи документирования и доказывания заключается в том, что данный аспект наиболее объективно и характерно отражает соотношение

двух самостоятельных видов деятельности – оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной.

Список использованных источников

1. Краткие паспорта специальностей [Электронный ресурс] // Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.vak.org.by/index.php?go=Vox&in=cat&id=14>. – Дата доступа: 22.02.2017.
2. Шматов, М.А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук : монография / М.А. Шматов. – Волгоград : ВА МВД России, 2001. – 228 с.
3. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь / М-во внутр. дел Респ. Беларусь ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2015. – 59 с.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2016. – 343 с.
5. Криминалистика : учебник / И.А. Анищенко [и др.] ; под ред. Г.Н. Мухина ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – 863 с.
6. Тукало, А.Н. Сущность и направления использования результатов оперативно-розыскной деятельности / А.Н. Тукало, В.Ч. Родевич ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2013. – 119 с.
7. Лузгин, И.М. Расследование как процесс познания / И.М. Лузгин. – М. : Вышш. шк. МВД СССР, 1969. – 177 с.

УДК 343.985

С.В. Король, Е.М. Шоломицкий, выпускники факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Тукало*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

О ПРИВЛЕЧЕНИИ ГРАЖДАН К КОНФИДЕНЦИАЛЬНОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В данной статье рассматриваются вопросы привлечения граждан к конфиденциальному сотрудничеству с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность в целях противодействия преступности. Данные во-

просы рассмотрены с правовой и психологической позиций. Освещается тот факт, что работа в данном направлении ведется не только зарубежными правоохранительными органами, но и отечественными. Обоснован вывод о том, что в настоящее время привлечение граждан органами, осуществляющими ОРД к конфиденциальному сотрудничеству, является достаточно распространенной и узаконенной практикой.

Сегодня привлечение граждан к конфиденциальному сотрудничеству с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (ОРД), не является чем-то необычным, хотя стоит признать, что о данной практике знает далеко не каждый. Если в прошлом конфиденциальное сотрудничество граждан с оперативными подразделениями ОВД осуществлялось на основе закрытых ведомственных актов МВД, то сейчас право органов, осуществляющих ОРД, на привлечение граждан к такой форме содействия и право граждан на это официально закреплено на законодательном уровне [1, с. 44].

При этом важно отметить, что конфиденциальное сотрудничество граждан с правоохранительными органами закреплено как в белорусском, так и в зарубежном законодательстве.

В США, например, сотрудника криминальной полиции оценивают прежде всего по тому, как работают его осведомители. Каждому полицейскому внушают, что если он способен создать и сохранить работоспособность своего «конфиденциального аппарата», он лучший среди коллег, образец для подражания [1, с. 44].

В ст. 51 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» указывается:

«Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, привлекают граждан к содействию органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на конфиденциальной основе, а также к подготовке проведения оперативно-розыскных мероприятий и (или) участию в них в соответствии с настоящим Законом и иными актами законодательства...» [2].

Исходя из текста данной статьи можно отметить, что органы, осуществляющие ОРД (кроме таможенных органов), в Республике Беларусь имеют право заключать контракты с совершеннолетними гражданами о привлечении последних к сотрудничеству с органами, осуществляющими ОРД. Сотрудничество таких граждан с правоохранительными органами осуществляется на конфиденциальной основе, при этом национальность, пол, статус, образование, имущественное и семейное положение привлекаемых граждан не имеет значения и не влияет на само сотрудничество с органами, осуществляющими ОРД. Единственная оговорка, со-

держатся в Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» по поводу привлекаемых к сотрудничеству лиц, такая:

«Органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается привлекать к сотрудничеству на конфиденциальной основе по контракту депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, членов Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутатов местных Советов депутатов, судей, прокурорских работников, следователей, адвокатов, священнослужителей и полномочных представителей религиозных организаций» [2].

Стоит отметить, что привлечение граждан к сотрудничеству – достаточно сложный процесс, состоящий из ряда последовательных, связанных между собой действий оперативного сотрудника и лица, привлекаемого к сотрудничеству.

Конфиденциальное содействие граждан оперативно-розыскным органам в осуществлении их деятельности предусматривает прежде всего, что данное содействие осуществляется только с согласия лиц, а сведения о данных лицах не подлежат оглашению [3, с. 48]. Это условие обеспечивается рядом мер, предусмотренных ведомственными нормативными актами.

Лицо, привлекаемое органами, осуществляющими ОРД, к сотрудничеству, называется конфиденнтом (от лат. *confidentia* – доверие). Конфиденнты – категория физических лиц, участников ОРД, которые на основании законодательства содействуют представителю оперативно-розыскного органа – оперативному сотруднику в решении задач ОРД [4].

В качестве конфиденнтов граждане могут привлекаться органами, осуществляющими ОРД, для достижения различных целей: для подготовки оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), непосредственного участия в ОРМ и т. д.

Необходимо отметить, что отношения сотрудничества конфиденнтов с оперативно-розыскным органом обеспечиваются и охраняются государством. Законодательными актами Республики Беларусь закреплены гарантии конфиденнтов при осуществлении своей деятельности. Такие гарантии обусловлены, в первую очередь, особенностью правоотношений в сфере ОРД. Нельзя не указать также, что конфиденциальному сотрудничеству граждан с органами, осуществляющими ОРД, отводится достаточно весомое значение в правоохранительной практике многих государств, в том числе и в Республике Беларусь. В первую очередь, такое сотрудничество помогает быстро пресекать возможные преступления, во-вторых, оно позволяет оперативно раскрывать уже совершенные преступления. С помощью конфиденнтов сотрудникам органов, осуществляющих ОРД, становятся известны необходимые для раскрытия пре-

ступления сведения о лицах, хранении и нахождении орудий преступления, оружия, с помощью которого совершалось преступление и другая информация.

Отметим, что достаточно серьезное значение имеет психологический фактор в привлечении граждан к конфиденциальному сотрудничеству с органами, осуществляющими ОРД. Привлечение к конфиденциальному содействию – комплекс организационно-тактических и психологических мероприятий по подбору, изучению и установлению конфиденциальных отношений с лицами, способными налаживать психологические контакты в криминальной среде, предоставлять оперативную информацию [5].

Практика показывает, что для нормального развития отношений конфиденциального сотрудничества от оперативного работника требуется серьезная работа по нравственно-психологическому влиянию на конфиденнта [6, с. 70]. При этом отметим, что психологическая составляющая связывает оперативного сотрудника и конфиденнта на протяжении всего периода сотрудничества. Именно поэтому стоит внимательно изучить психологические аспекты привлечения граждан к конфиденциальному сотрудничеству с органами, осуществляющими ОРД.

Во-первых, нельзя не сказать о том, что сам факт включения конфиденнта в сферу борьбы с преступностью вызывает у него перестройку ряда мировоззренческих позиций, жизненных целей и ценностных установок. Каждый оперативный сотрудник должен это понимать. Отметим также, что отношения между конфиденнтом и оперативным сотрудником – специфические, очень отличающиеся от любых других отношений. Именно психологическое восприятие оперативника как личности помогает принять решение о сотрудничестве потенциальному конфиденнту. Отсюда следует, что личностные качества оперативника имеют немаловажное значение в привлечении граждан к конфиденциальному сотрудничеству. Оперативный сотрудник должен оказывать всяческую психологическую помощь конфиденнту, если она ему необходима. Здесь стоит обратить внимание на тот факт, что специфичность сотрудничества конфиденнта с органами, осуществляющими ОРД, как говорилось выше, меняет мировоззрение, ценностные ориентиры конфиденнта, формирует новые личностные качества, что, несомненно, оказывает достаточно серьезное психологическое давление на личность. В результате такой морально-психологической нагрузки у конфиденнта могут наблюдаться депрессии, подавленное эмоциональное состояние, нервное напряжение, что не может не сказаться на результатах его работы. При таком давлении важно не дать конфиденнту «слопаться», «разрушить» себя. Именно в этот момент важна помощь оперативника.

Серьезное внимание в изучении психологических аспектов привлечения граждан к конфиденциальному сотрудничеству с органами, осуществляющими ОРД, стоит уделить индивидуальному подходу оперативника к каждому кандидату в конфиденты. Индивидуальный подход – принцип, который выражает необходимость наиболее полного учета личностных особенностей каждого конфиденца, его жизненного опыта, возраста, наличия судимости, степени профессионализма и др. [7, с. 231]. Учет и оценка личностных качеств и психологических особенностей конфиденца должен начинаться еще на первоначальном этапе общения с ним оперативника и проводиться постоянно. Ориентиром психологической и личностной оценки могут служить следующие положения:

характеристика разведывательных возможностей, положение в среде лиц, представляющих оперативный интерес; доступ к предметам и документам, содержащим следы подготавливаемого или совершаемого преступления; служебное положение и т. д.;

характеристика разведывательных способностей, знание образа жизни, повадок, жаргона и языка лиц, представляющих оперативный интерес, умение входить к ним в доверие и т. д. [8];

характеристика подготовленности, объем знаний, умений и навыков, которыми должен обладать каждый конфиденц с учетом конкретного вида его содействия и ситуаций, в которых он может оказаться;

характеристика положительных (добросовестность, порядочность, осознание необходимости оказывать содействие) и отрицательных (раздражительность, недисциплинированность, неискренность, пристрастие к наркотикам, спиртным напиткам и неумение их употреблять, часто совершаемые ошибочные действия при выполнении заданий и др.) психологических и нравственных особенностей конфиденца [7, с. 231].

Отметим, что в процессе сотрудничества с конфиденцом оперативный сотрудник должен анализировать его, выявлять, какие положительные психологические качества конфиденца укрепились, а какие, наоборот, разрушились; удалось ли искоренить отрицательные качества и привычки конфиденца и т. д. Следует также учитывать такие психологические составляющие конфиденца, как убеждения, привычки, склонности, характер, темперамент и т. д. Данный анализ очень важен, так как он позволяет обеспечить более эффективное, четкое и правильное руководство конфиденцом.

Таким образом, отметим, что в настоящее время привлечение граждан органами, осуществляющими ОРД, к конфиденциальному сотрудничеству является достаточно распространенной и узаконенной практикой. Для нормального развития отношений конфиденциаль-

ного сотрудничества от оперативного работника требуется серьезная нравственно-психологическая работа, которая заключается в оказании психологической помощи, индивидуальном подходе к каждому конфиденцу, выявлении и анализе психологических качеств конфиденца и иное. Другими словами, в процессе конфиденциального сотрудничества конфиденца с сотрудником, осуществляющим ОРД, очень важное место занимает именно психологическая составляющая.

Повышение эффективности работы с лицами, оказывающими содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность на конфиденциальной основе, предусматривает не только изучение нормативно-правовой базы, организации и тактических приемов, но и активизацию человеческого фактора – психологических характеристик. Такая активизация предполагает всестороннее изучение их индивидуально-психологических особенностей, свойств и качеств, соответствующих работе с конфиденцами. Важным шагом в этом направлении является адаптация существующих и подготовка новых методик, позволяющих определить критерии и выработать модель психологической пригодности к этому специфическому виду деятельности, совершенствовать отбор лиц, ведающих конфиденцами и самих конфиденцов, на основе анализа и оценки психологических факторов.

Список использованных источников

1. Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие. – 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. А.Е. Чечетина. – Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2007. – 236 с.
2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Ильичев, В.А. Оперативно-розыскная деятельность : курс лекций / В.А. Ильичев. – М. : ЭКСМО, 2009. – 140 с.
4. Негласное (конфиденциальное) содействие граждан // Оперативно-розыскная деятельность на современном этапе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sdamzavas.net/3-20207.html>. – Дата доступа: 26.05.2018.
5. Понятие, сущность, назначение и задачи конфиденциального сотрудничества граждан с субъектами ОРД, его правовые, психологические и этические основы // Оперативно-розыскная деятельность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vuzlit.ru/1368934/ponyatie_suschnost_nazanachenie_zadachi_konfidentsialnogo_sotrudnichestva_grazhdan_subektami_pravovoye. – Дата доступа: 27.05.2018.
6. Психология оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / В.М. Шевченко [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2012. – 255 с.

7. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 832 с.

8. Организация агентурной работы по линии борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Связь с негласными сотрудниками и руководство ими [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://megalektsii.ru/s3493t1.html>. – Дата доступа: 27.05.2018.

УДК 343.985

В.П. Кулаковский, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Н. Лахтиков*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ ГРАБЕЖЕЙ, РАЗБОЕВ

В данной статье рассматриваются проблемы раскрытия грабежей, разбоев. Приведена статистика, показывающая ситуацию, связанную с совершением грабежей, разбоев и их раскрытием. Показаны положительные и отрицательные аспекты выявления (раскрытия) грабежей и разбоев, рассмотрен алгоритм действий на первоначальном этапе раскрытия грабежей, разбоев.

Одними из опасных форм хищения являются разбой и грабеж. Согласно ч. 1 ст. 207 Уголовного кодекса Республики Беларусь под разбоем понимается применение насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо угроза применения такого насилия с целью непосредственного завладения имуществом. Уровень общественной опасности разбоя высокий, его повышенная опасность состоит в том, что это сложное по своей законодательной конструкции преступление совмещает в себе посягательство не только на собственность, но и на саму личность человека, подвергшегося нападению и насилию, представляющему опасность для жизни и здоровья. Согласно ч. 1 ст. 206 Уголовного кодекса Республики Беларусь под грабежом понимается открытое похищение имущества. Исходя из определения грабеж является одной из опасных форм хищения, так как осуществляется в открытой форме, что характеризует преступника как опасную личность, способную переступить грань между угрозой применения насилия и непосредственным применением насилия к потерпевшему, что может привести к причинению тяжких телесных повреждений либо смерти пострадавшего. Нельзя забывать также про латентность данных видов преступления.

Изучение статистических данных свидетельствует о том, что с 2014 г. наметилась тенденция к уменьшению количества регистрируемых грабежей и разбоев и в целом к снижению общего количества наиболее опасных форм преступности. Снизилось число поступивших в ОВД заявлений и сообщений о преступлениях; общее количество зарегистрированных преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких; общее количество зарегистрированных преступлений по линии уголовного розыска, включая преступления особо тяжкой категории; количество учтенных фактов умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, в том числе повлекших смерть потерпевшего; изнасилований с покушениями; всех видов краж и угонов транспортных средств; вымогательств [1, с. 260]. Так, в 2014 г. число зарегистрированных грабежей составляло 2 171, разбоев – 289, то в первом полугодии 2018 г. число грабежей составляло 1 137, разбоев – 97. По уголовным делам, расследование по которым окончено, в январе – сентябре 2018 г. выявлено 34,6 тыс. лиц, совершивших преступления (на 3,8 % меньше, чем в январе – сентябре 2017 г.) [2].

Проанализировав статистику, следует отметить большой вклад в результаты работы органов внутренних дел по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию преступлений оперативных подразделений криминальной милиции. Принятые меры сотрудниками органов внутренних дел позволили не допустить осложнения обстановки в стране и обеспечить охрану правопорядка и надлежащий уровень общественной безопасности [1, с. 260].

Положительное влияние на увеличение раскрываемости грабежей, разбоев оказала правовая основа взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел с другими подразделениями правоохранительных органов. Порядок взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел с другими подразделениями правоохранительных органов регулируется обширным количеством нормативных правовых актов. К таким относятся Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» и Закон от 17 июля 2007 г. № 263-3 «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (с изменениями от 19 июля 2016 г. № 408-3). В данных законах указан широкий круг субъектов, с которыми взаимодействуют органы внутренних дел, закреплены некоторые виды взаимодействия субъектов: участие в оперативно-розыскных мероприятиях; предоставление сведений, документов, помещений, транспортных средств, средств связи, информирование других органов и т. п.

Можно также отнести уголовно-процессуальный кодекс и уголовный кодекс Республики Беларусь.

Из-за образования Следственного комитета в 2012 г. усовершенствовалась деятельность предварительного следствия, усилилась защита прав и законных интересов граждан в досудебном уголовном производстве, что сыграло положительную роль.

Несмотря на увеличение раскрываемости грабежей, разбоев, необходимо рассмотреть некоторые проблемные моменты. Проблемой повышения эффективности работы в раскрытии грабежей, разбоев является несовершенство кадрового обеспечения. Существующая обстановка дает основания для поиска и создания эффективной системы подготовки, переподготовки и других способов повышения уровня специалистов. Это связано с тем, что сотрудник должен обладать высокими знаниями, быстро реагировать на инновации в науке и технике, обладать безупречными морально-психологическими качествами, поэтому необходимо повышать как профессиональные качества сотрудников, так и интеллектуальные.

Следующей и не менее важной проблемой при реализации органами внутренних дел своих функций является низкий уровень взаимодействия между различными правоохранительными органами. Аргументировано это тем, что в правоохранительной деятельности низкий уровень координации, согласованности между различными органами. Совокупность задач, стоящих перед правоохранительными органами, объективно нуждается в координации их деятельности. Правоохранительные органы должны осуществлять свою деятельность не только в области выявления, предупреждения и раскрытия преступлений, но также и в установлении условий и причин их появления.

Недостаточное взаимодействие органов дознания со Следственным комитетом привело к тому, что следователь на первоначальном этапе расследования не в полной мере знакомится со сведениями, полученными оперативным путем [3, с. 243]. У следователя нет возможности ознакомиться со способами и источниками получения оперативно-розыскной информации. Согласно этому следователь не может дать полную оценку доказательств, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Ознакомление следователя с результатами, полученными в ходе оперативно-розыскной деятельности, является целесообразным, так как позволяет осуществить многофакторный, всесторонний анализ имеющихся оперативных материалов для выработки наиболее оптимального плана следственных действий. При этом должен соблюдаться принцип конспирации [6, с. 188].

Имеется также проблема планирования совместной работы следователей и сотрудников оперативных подразделений. Эта проблема признается как учеными, так и практическими работниками. Подготовка

совместных планов расследования уголовных дел вносит положительный эффект в повышении уровня раскрытия грабежей, разбоев. Но часто орган дознания не участвует в его составлении, «следователь самостоятельно намечает необходимые мероприятия, не привлекая к этому сотрудников органов дознания» [3, с. 243].

Необходимо также более широко использовать аналитические технологии. Обусловлена циркулированием многоуровневой разноплановой информации криминального характера, отсутствием широкого внедрения современных подходов принятия и реализации тактических решений, несоответствием содержания фактической деятельности отдельных структур заявленной технологической и функциональной нагрузке [4, с. 94]. Необходимо вовремя анализировать оперативную и иную информацию, накапливаемую различными оперативными подразделениями ОВД для установления на основе разрозненных данных взаимосвязей между интересующими ОВД лицами и фактами, представляющими оперативный интерес, получения качественно новой информации об интересующих оперативные подразделения события.

Выработан определенный алгоритм действий сотрудника оперативного подразделения на первоначальном этапе раскрытия. При обнаружении преступления в срочном порядке оперативный сотрудник выясняет все возможные обстоятельства дела: время; место; способ совершения; личность потерпевшего; количество лиц, совершивших преступление, их приметы и другие обстоятельства совершения преступления. Затем описывает похищенное имущество, а также определяет стоимость похищенного имущества. Проводится осмотр места происшествия, который целесообразно проводить с непосредственного места нападения, если грабеж или разбой совершены на открытой местности. Если совершено в помещении, то осмотр проводится от периферии к центру. При проведении осмотра рекомендуется привлекать потерпевшего, так как он последний, кто находился в контакте с преступником, и может оказать неоценимую помощь в поиске преступника и его следов. После рекомендуется расширить площадь осмотра и обследовать прилегающие участки местности. Если нападение совершено из засады, то необходимо найти это место, так как, находясь в засаде, преступники ведут себя расслабленно и оставляют множество следов.

При осмотре места происшествия в помещении необходимо искать микроследы, вещи, оставленные преступником. Зону необходимо расширить для эффективного поиска доказательств. Факультативными участками осмотра являются лестничная площадка, подъезд и т. д. Вместе с осмотром места происшествия оперативные сотрудники проводят оперативно-розыскные и поисковые мероприятия: прочесывание окру-

жающей местности, поквартирный обход и т. д. Для наилучшего проведения осмотра места происшествия и фиксации его результатов применяется фото- и видеосъемка. Таким образом, качественное и профессионально грамотное выполнение определенного алгоритма действий на первоначальном этапе раскрытия позволяет удачно решать поставленную перед оперативным сотрудником задачу, помогает раскрывать грабежи, разбои по горячим следам [5, с. 98].

Таким образом, несмотря на уменьшение зарегистрированных преступлений и увеличение раскрываемости грабежей, разбоев, проблема раскрываемости остается актуальной в настоящее время. Значима в силу того, что проблема грабежей, разбоев с целью завладения имуществом собственника находит отражение в структуре общей преступности, грабежи, разбои совершаются преимущественно группой, данные виды преступлений против собственности наиболее распространены и опасны, их раскрытие, расследование требует значительных усилий.

Список использованных источников

1. Басецкий, И.И. Оперативно-розыскная деятельность: практика, законодательство, теория / И.И. Басецкий // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 260–262.
2. Преступность в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – Минск, 2018. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/godovye-dannye_7/prestupnost-v-respublike-belarus/. – Дата доступа: 13.11.2018.
3. Кудрявцев, Д.С. Меры преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений в Республике Беларусь / Д.С. Кудрявцев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 24 янв. 2018 г.) : тез. докл. – Минск : Акад. МВД, 2018. – С. 242–243.
4. Лахтиков, Д.Н. Особенности аналитического обеспечения профилактической деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел / Д.Н. Лахтиков // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 92–96.
5. Толочко, А.Н. Алгоритм решения некоторых научных задач оперативно-тактического и тактико-криминалистического характера / А.Н. Толочко // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 96–100.
6. Пацкевич, А.П. Актуальные проблемы взаимодействия подразделений Следственного комитета Республики Беларусь и органов дознания системы МВД при расследовании преступлений / А.П. Пацкевич, И.И. Лузгин // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D : Экон. и юрид. науки : науч.-теорет. журн. – 2013. – № 14. – С.186–192.

УДК 343.985

В.П. Кулаковский, Н.М. Тарасов, выпускники факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Н. Лахтиков*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

РАСКРЫТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

В данной статье рассматривается сущность понятия «раскрытие преступления». Проанализированы мнения ученых по поводу данной дефиниции. Дана рекомендация выработки единого правильного понятия и содержания раскрытия преступлений.

Для того чтобы привести оперативно-розыскную характеристику грабежей и разбоев; разработать алгоритм организационно-тактических действий сотрудников оперативных подразделений на первоначальном этапе раскрытия; установить проблемные вопросы взаимодействия следователя с органами дознания, а также проблемные моменты повышения эффективности работы в раскрытии грабежей, разбоев необходимо сначала определить сущность понятия «раскрытие преступления».

Дефиниция «раскрытие преступления» на законодательном уровне не закреплена, но широко применяется в практической деятельности. Ученые также не могут прийти к однозначному определению.

По основному правилу преступление считается раскрытым с момента установления события преступления и лица, его совершившего. Но, к сожалению, вопросы, связанные с моментом начала раскрытия преступления и его окончания, до настоящего времени являются дискуссионными и ученые высказывают различные точки зрения по этому поводу.

Не приводя аргументации их сторонников, поскольку это многократно проводилось и подробно описывалось, ограничимся лишь перечислением позиций различных авторов.

1. Раскрытие преступления – регламентируемая уголовно-процессуальным законом деятельность, осуществляемая с момента возбуждения уголовного дела и направленная на установление события преступления, выявления лиц, его совершивших, и сбор достаточных доказательств, дающих основание для предъявления обвинения [1, с. 17].

2. Раскрытие преступления – составление обвинительного заключения и направление дела через прокурора в суд [2, с. 60].

3. Раскрытие преступления – момент установления факта совершения преступления и лица, его совершившего [3, с. 23].

4. Раскрытие преступления – установление всех обстоятельств предмета доказывания, когда возникают основания для составления обвинительного заключения [4, с. 27].

5. Раскрытие преступления представляет собой одну из конечных целей деятельности государственных органов по факту совершенного преступления, и поскольку эта цель обеспечивается (достигается) в результате различных видов деятельности (оперативно-розыскной, следственной, судебной), каждой из них соответствует свое понятие раскрытия преступления. Окончательно раскрытым можем считать лишь то преступление, когда в отношении виновных вынесен обвинительный приговор суда, вошедший в законную силу [5, с. 113].

6. Раскрытие преступлений позволяет относить к числу таковых окончанные производством уголовные дела, которые направляются прокурору для утверждения обвинительного заключения в отношении привлечаемых к уголовной ответственности лиц [6, с. 54].

Все вышеперечисленные мнения, трактуя понятие раскрытого преступления, момент раскрытия связывают с определенным процессуальным решением – от принятия следователем дела к своему производству до вступления в силу приговора суда. Однако дефиниция раскрытия преступления, момент, когда преступление может считаться раскрытым, и для криминалистики имеют существенное значение, так как необходимо ориентировать в решении вопроса о периодизации этапов процесса расследования, а значит, и в решении вопроса о структуре частной криминалистической методики и содержании ее частей. Следовательно, имеет смысл рассмотреть мнения по этому поводу не только процессуалистов, но и криминалистов, высказанных именно в криминалистическом, а не в процессуальном аспекте.

А.Н. Васильев трактовал, что «под раскрытием преступления принято понимать обнаружение преступления, установление виновных и основных обстоятельств дела» [7, с. 9].

Похожей позиции придерживаются Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин, которые считали, что раскрыть преступление – это значит установить факт события преступления и лицо, виновное в его совершении [7, с. 38]. По существу, этими и некоторыми еще подобными высказываниями и ограничивалось отношение криминалистов к понятию раскрытия преступления.

Руководствуясь процессуальными решениями вопроса, криминалисты относили к ним и свои представления о периодизации процесса расследования. Так, И.М. Лузгин проводил анализ расследования и выделил в нем два этапа: от возбуждения уголовного дела до предъявления обвинения и от предъявления обвинения до окончания расследования и

принятия окончательных решений по делу. Но позже появились и высказывания о необходимости формулирования собственно криминалистического понятия раскрытия преступления.

О раскрытии преступления можно говорить в двух аспектах: процессуальном и криминалистическом. В уголовно-процессуальном смысле – раскрытие преступления предполагает выяснение всех обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, и окончательно вопрос о раскрытии преступления решает суд при вынесении приговора.

Криминалистическое понятие раскрытия преступления, совпадающее с процессуальным с точки зрения того, что должно быть достигнуто (предмет доказывания по делу), нельзя, по мнению В.Г. Танасевича, связывать с моментом предъявления обвинения. Его мысль о том, что раскрытием преступления следует понимать выяснение всех обстоятельств события преступления, изобличающих лиц, его совершивших, и устанавливающих характер и степень их ответственности за содеянное [8, с. 57–58], а моментом раскрытия преступления является составление обвинительного заключения ввела читателей в недоумение, так как его определение криминалистического понятия раскрытия ничем не отличалось от определения тех процессуалистов, которые момент признания преступления раскрытым также связывают с составлением обвинительного заключения. В.Г. Танасевич в последующем пояснил, что криминалистическим это раскрытие является не по кругу исследованных обстоятельств, а так как оно основано на оценке следователем материалов предварительного следствия.

На взгляд Ф.Ю. Бердичевского, под раскрытием преступления понимается деятельность по расследованию преступления, осуществляемая в условиях отсутствия информации, делающей известной личность преступника, заключающаяся в отыскании такой информации и ее использовании для доказывания искомых фактов [9, с. 140].

Эта деятельность отличается от последующих этапов расследования по своим целям (она создает лишь предпосылки для достижения конечных целей расследования), по условиям (острая нехватка полезной информации и наличие большого объема информации избыточной) и по субъектам (в отличие от расследования, субъектами деятельности по раскрытию наряду со следователем являются органы дознания в пределах не зависящей друг от друга компетенции).

Ф.Ю. Бердичевский не обозначает момент, когда можно преступление считать раскрытым с криминалистической точки зрения, в аспекте его определения. Однако логически можно заключить, что, во-первых, он не связывает это с каким-то определенным процессуальным моментом, а во-вторых, связывает раскрытие с процессом перехода от незнания к знанию вероятному. Необходимо отметить И.Ф. Герасимова,

который одним из первых обратил внимание на то, что раскрытие преступлений как деятельность может охватывать деятельность определенных лиц, в частности оперативных работников, еще до возбуждения уголовного дела. Он считал, что раскрытие преступлений – одна из главных задач уголовного судопроизводства, состоящая в установлении преступного события и лица, совершившего преступление, в результате деятельности, осуществляемой, как правило, в форме предварительного расследования (дознание, предварительное следствие), но в отдельных случаях начинающейся с непроцессуальных действий до возбуждения уголовного дела. Преступление считается раскрытым, когда собраны доказательства, достаточные для привлечения лица в качестве обвиняемого [10, с. 40].

Можно отметить противоречивость И.Ф. Герасимова, т. е. он одновременно выводит деятельность по раскрытию преступления (ее начало) из разряда процессуальной и, с другой стороны, отрицает такую возможность. Он считает, что преступление не может быть раскрыто лишь с помощью оперативно-розыскных мероприятий. Тем более доказательства, которые необходимы для того, чтобы признать преступление раскрытым, должны быть получены только в ходе процессуальных действий. Таким образом, оперативно-розыскная информация в любом случае должна быть проверена в ходе следственных действий.

Свое мнение высказал один из ярчайших отечественных криминалистов А.М. Ларин: «Раскрыть преступление – это значит превратить неизвестное в известное, это значит в событии, где лишь предполагалось преступление, найти ранее скрытые черты, доказывающие, что преступление действительно совершено, и указать виновника этого преступления или доказать, что действия, принятые сначала за преступные, в действительности состава преступления не содержат» [11, с. 81].

По мнению В.А. Заряева, А.Н. Гущина, Н.А. Громова, раскрытие преступлений трактуется в рамках оперативно-розыскной деятельности как выявление и сбор фактических данных, позволяющих понять механизм совершения преступления, установить лицо, его совершившее, создать предпосылки к полному возмещению материального ущерба, причиненного преступлением [12, с. 6].

И.И. Карпец считает, что дефиниция «раскрытие преступления» относится исключительно с установлением личности преступника. Сам термин «раскрытие преступления» исключительно оперативно-розыскное, и под ним понимается деятельность по добыванию информации, дающей основание к выдвижению оперативными работниками версии о совершении преступления определенным лицом [13, с. 151].

А.И. Михайлов и Л.А. Сергеев считали, что под раскрытием следует понимать установление всех обстоятельств, характеризующих

целом состав преступления. Установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, преследует более широкие цели: оно обеспечивает еще условия для правильного разрешения дела, определения справедливого наказания виновным и выполнения других задач уголовного судопроизводства. В результате чего они делают вывод, что «под раскрытием преступления в уголовном процессе следует понимать установление путем доказывания времени, места, способа совершения преступного деяния, лица, совершившего это деяние, и его виновности, а также других обстоятельств, поскольку они относятся к составу преступления. Полное раскрытие преступления означает установление всех его эпизодов и всех лиц, виновных в его совершении» [14, с. 113].

По мнению В.А. Образцова, раскрытие преступления в процессе расследования связывается с установлением преступника и всех обстоятельств, обусловленных предметом доказывания применительно к системе преступления, на основе собранных доказательств, достаточных для принятия решения об окончании предварительного следствия [15, с. 116].

На взгляд А.Р. Белкина, раскрытие преступления может быть определено как деятельность, направленная на получение информации, дающей основание к выдвижению версии о совершении преступления определенным лицом [16, с. 98–99].

Несколько другую трактовку дает Н.П. Яблоков, он объясняет раскрытие преступления как деятельность, органически вытекающую из сути и духа уголовного судопроизводства, основной задачей которого является максимальное способствование осуществлению полного и всестороннего расследования и судебного следствия для установления истины по уголовному делу с решением всех остальных задач уголовного процесса [17, с. 192].

М.С. Строгович утверждает, что раскрыть преступление – значит установить истину, а «если истина по уголовному делу не найдена, если преступление не раскрыто, и преступник не изобличен... это значит, что следствие и суд не справились со своей задачей, допустили серьезное нарушение законности» [18, с. 703].

Проанализировав трактовку различных ученых-процессуалистов и ученых-криминалистов можно сделать вывод, что под раскрытием преступления необходимо понимать выяснение всех обстоятельств события преступления, изобличающих лиц, его совершивших, и устанавливающих характер и степень их ответственности за содеянное, составление обвинительного заключения и направление дела через прокурора в суд.

Понимание о том, что раскрытие преступления является единой задачей как для органов дознания, так и для органов предварительного

следствия явилось необходимостью закрепления на законодательном уровне термина «раскрытие преступления».

Для выработки единого правильного понятия и содержания раскрытия преступлений необходимо прислушаться к мнению ученых и практиков, так как о недопустимости непонятных терминов в научной литературе в разное время писали Р.С. Белкин, А.Г. Филиппов, Н.П. Яблоков и др. [19, с. 130]. Например, если сопоставить с требованиями, предъявляемыми к учебникам криминалистики, А.Г. Филиппов подчеркивает, что он должен быть написан хорошим языком, доступным студенту, без лишней усложненности [20, с. 17].

Таким образом, ни в УПК, ни в УК нет формулировки термина «раскрытие преступления». Первое, что необходимо сделать, – включить в ч. 2 ст. 4 УК Республики Беларусь, а также в ст. 6 УПК Республики Беларусь пункт, содержащий определение раскрытия преступлений следующего содержания: «Раскрытие преступлений – выяснение всех обстоятельств события преступления, изобличающих лиц, его совершивших, и устанавливающих характер и степень их ответственности за содеянное, составление обвинительного заключения и направление дела через прокурора в суд».

Список использованных источников

1. Якубович, Н.А. Процессуальные функции следователя / Н.А. Якубович // Проблемы предварительного следствия в уголовном судопроизводстве : сб. науч. тр. – М. : Изд-во Всесоюз. ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1980. – С. 15–32.
2. Либозаев, Д.П. К вопросу о понятии раскрытия преступления / Д.П. Либозаев // Вестн. ТвГУ. Серия «Право». – 2015. – № 4. – С. 59–64.
3. Раскрытие преступлений на предварительном следствии (правовые и организационные вопросы) / А.К. Гаврилов ; науч. ред.: С.В. Бородин. – Волгоград : НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1976. – 207 с.
4. Веселов, Ю.И. Понятие полного раскрытия преступлений / Ю.И. Веселов // сб. ст. адъюнктов и соискателей. Вып. 3. – Изд-во ВШ МВД СССР, 1971. – С. 24–30.
5. Лекарь, А.Г. Правовые и методологические основы раскрытия преступлений / А.Г. Лекарь, Р.К. Безруких. – М., 1976. – 113 с.
6. Чечетин, А. Правовая основа оперативно-розыскных мероприятий / А. Чечетин // Вестн. Барнаул. юрид. ин-та. Вып. № 7. – Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2004. – С. 54.
7. Жогин, Н.В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. – М., 1985. – 279 с.
8. Танасевич, В.Г. Криминалистическое понятие раскрытия преступления / В.Г. Танасевич // Социалист. законность. – 1975. – № 10. – С. 57–58.

9. Бердичевский, Ф.Ю. О предмете и понятийном аппарате криминалистики (в порядке обсуждения) / Ф.Ю. Бердичевский // Вопр. борьбы с преступностью. – 1976. – № 24. – С. 131–149.

10. Герасимов, И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений / И.Ф. Герасимов. – Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. – 184 с.

11. Ларин, А.М. Работа следователя с доказательствами / А.М. Ларин. – М. : Юрид. лит., 1966. – 155 с.

12. Заряев, В.А. О сущности, понятии, задачах оперативно-розыскной деятельности в свете нового уголовно-процессуального законодательства / В.А. Заряев, А.Н. Гуцин, Н.А. Громов // Следователь. – 2002. – № 7. – С. 43–47.

13. Карпец, И.И. Проблема преступности / И.И. Карпец. – М. : Юрид. лит., 1969. – 168 с.

14. Михайлов, А.И. Процессуальная сущность раскрытия преступлений / А.И. Михайлов, Л.А. Сергеев // Сов. государство и право. – 1971. – № 4. – С. 110–115.

15. Образцов, В.А. Криминалистическая классификация преступлений / В.А. Образцов. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 176 с.

16. Белкин, А.Р. Теория доказывания : науч.-метод. пособие / А.Р. Белкин. – М. : НОРМА, 1999. – С. 98–99.

17. Яблоков, Н.П. Криминалистическая методика расследования: история, современное состояние и проблемы / Н.П. Яблоков. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 192 с.

18. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович ; отв. ред.: Н.Н. Полянский. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 703 с.

19. Белкин, Р.С. Криминалистика, проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 2001. – С. 224–237.

20. Филиппов, А.Г. Заметки на полях (о статье М.К. Каминского) / А.Г. Филиппов // Вестн. криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 1(3). – М. : Спарк, 2002. – С. 15–18.

УДК 347.232.11

В.В. Куприенко, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Паращенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Чигилейчик*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАХОДКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются особенности правового режима находки в Республике Беларусь. Проводится разделение законной и незаконной находки. Вносятся предложения по корректировке законодательства Республики Беларусь,

закрепляющее основания привлечения к ответственности за незаконное приобретение находки и незаконные основания приобретения права собственности на находку.

Находка, в обычном ее понимании, рассматривается как вещь, потерянная одним лицом (собственником) и найденная другим лицом. Один из важных характерных признаков находки – волевой аспект, который заключается в случайной потере вещи одним лицом и случайном ее отыскании другим. Иными словами, находку можно считать неудачей для одного лица (потерявшего) и «подарком судьбы» для другого лица (нашедшего) по независимым обстоятельствам от воли данных лиц. В законодательстве Республики Беларусь не закреплено юридическое понятие находки, но определен перечень ее субъектов, их обязанности и права, а также правовой режим находки в ст. 228, 229, 230 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) [2].

В целом находка является бесхозной вещью, т. е. та, которая не имеет собственника или собственник которой неизвестен, либо вещь, от права собственности на которую собственник отказался (ст. 226 ГК). По общему правилу, если это не исключается нормами ГК, регулирующими приобретение права собственности на вещи, право собственности на бесхозные движимые вещи может быть приобретено в силу приобретательной давности (ст. 235 ГК).

По основаниям возникновения приобретения находку можно разделить на законную и незаконную. Незаконная находка тесно связана с незаконным присвоением найденной вещи или с кражей. Наступление административной и уголовной ответственности возможно:

если лицо, нашедшее вещь, не уведомит о находке лицо, потерявшее ее, и не возвратит найденную вещь такому лицу;

лицо, нашедшее вещь, не уведомит собственника вещи и не возвратит найденную вещь такому лицу;

лицо, нашедшее вещь, не уведомит кого-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить ее, и не возвратит найденную вещь такому лицу;

лицо и место пребывания лица, имеющее право потребовать возврата найденной вещи неизвестно, а нашедший вещь не заявил о находке в орган внутренних дел или орган местного управления и самоуправления.

К административной ответственности подлежат лица, присвоившие найденную вещь, размер которой равен менее 1 000 базовых величин, за что грозит штраф до пяти базовых величин (ст. 10.6 Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях) (КоАП) [1]. За присвоение в особо крупном размере найденного заведомо чужого

имущества или клада (стоимость свыше 1 000 базовых величин) предусматриваются общественные работы, штраф или арест до трех месяцев (ст. 215 Уголовного кодекса Республики Беларусь) (УК) [3]. Уголовная ответственность также возможна за деяния, подпадающие под кражу (ст. 205 УК), и влекут такие наказания, как общественные работы, или штраф, или исправительные работы на срок до двух лет, или арест на срок до шести месяцев, или ограничение свободы на срок до трех лет, или лишение свободы на тот же срок.

В настоящее время базовая величина в Республике Беларусь равна 27,00 белорусских рублей. Если предположить, что найденная вещь составила стоимость выше 1 000 базовых величин, то она будет равна свыше 27 000 белорусских рублей. Данная сумма для наступления ответственности является значительной. Для пресечения незаконного приобретения найденного имущества и кражи, на наш взгляд, целесообразно уменьшить значение особо крупного размера стоимости найденной вещи, установленного для наступления уголовно-правовых санкций. Лицо, незаконно приобретая найденную вещь, должно сполна понимать все последствия, а если они будут незначительные, то утерянные вещи не будут найдены собственником, а уголовно-правовая цель не будет достигнута в отношении незаконного приобретателя.

Законная находка – та находка, когда соблюдены все действия, предусмотренные ст. 228 ГК. Благодаря тому, что лицо, нашедшее вещь, сделает все по закону, а равно – по совести, оно может рассчитывать на приобретения права собственности на данную находку (ст. 229 ГК) либо вознаграждение за нее (ст. 230 ГК). Приобретательный срок права собственности на находку установлен в шесть месяцев с момента заявления о находке органу милиции или местного самоуправления и отсутствии сведений о законном владельце вещи (т. е., если находка является законной). Шестимесячный срок – это не срок исковой давности, а лишь срок хранения и возврата собственнику утраченного имущества. По мнению В.П. Грибанова, «особенность данного обязательства хранения имущества заключается в том, что оно возникает не на основании договора, а предусмотрено самим законом на случай небрежного или бесхозного отношения собственника к своему имуществу. Утрата права собственности, иного владения лицом, потерявшим имущество, может рассматриваться как санкция за неосуществление им права в надлежащем порядке в течение определенного времени, т. е. как досрочное прекращение субъективного права [4, с. 259–260].

Получается, что по указанному в законе правилу через шесть месяцев у потерянной вещи появляется новый собственник. Но как быть с предыдущим собственником вещи? Ведь в данном законе сказано, что право собственности бессрочно (п. 5 ст. 210 ГК). Полагаем, что это еще

одно разногласие в законе, которое рассмотрено различными учеными, но не взято во внимание. Например, в п. 5 ст. 210 ГК можно добавить исключения, когда право собственности не является бессрочным.

Установленный законом шестимесячный срок необходим для того, чтобы хозяин вещи был найден или объявился. Если после публичного объявления о находке в течение шести месяцев собственник явится и заявит о своих правах на потерянную им и найденную другим лицом вещь, она возвращается ему в связи с утратой признака бесхозяйности. По истечении шести месяцев с момента заявления о находке предполагается, что такое продолжительное молчание собственника говорит о соответствующем распоряжении собственника принадлежащей ему вещью и его дальнейшем отречении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество (ст. 237 ГК). Найденная вещь, продолжая оставаться бесхозяйной, подтверждает признак брошенной вещи (ст. 227 ГК) и на этих основаниях право собственности может передаваться другому лицу. Но вопрос о том, нашел бы утерянную вещь хозяин через год или два неизвестен, поэтому будет неправильно утверждать, что шесть месяцев – это оптимальный и наиболее подходящий срок.

Если вещь была утеряна собственником, то это не значит, что она пропала бесследно. Всегда есть шанс ее найти. Сегодня, благодаря высоким технологиям и их постоянному развитию, значительно упростилась система находок пропавших вещей. Стандартный порядок действий по осуществлению поисков потерянных вещей для большинства известен: если вещь утеряна в здании, необходимо идти к администратору учреждения, если в транспорте, троллейбусе, автобусе или трамвае, то позвонить в парк того маршрута, на котором ехали. Если вещь была оставлена в метро, обратиться на ближайшую станцию, а именно в пункт контроля или на пост милиции. Забытые вещи в аэропорту, на железнодорожных и автовокзалах находятся в камерах хранения. За оставленной гражданином вещью на улице, в общественном месте можно обратиться в ближайшее отделение милиции, но рассмотрение таких дел зависит от размера стоимости данной вещи. Заявление о пропаже всегда имеет место, но вполне можно обойтись и без этого. Ведь в каждой стране, каждом городе и регионе существуют свои так называемые «столы находок» или «бюро находок». Законопослушные граждане, а также сотрудники милиции после заявления нашедшего лица хранят найденные вещи именно там.

Как упоминалось выше, упрощенная система позволяет попытаться найти утерянные вещи, не выходя из дома. Для этого достаточно в любой поисковой системе ввести «Стол находок» или «Бюро находок» с привязкой о местонахождении, и на запрос сразу найдется множество

ответов. Здесь можно написать объявление о пропаже, а также посмотреть список имеющихся находок [5]. Обычно управлять такими сайтами достаточно легко и не требует от пользователей дополнительных знаний в использовании поисковиков. В Республике Беларусь создано Единое бюро находок [6].

Кроме таких специальных сайтов существует еще несколько возможных вариантов найти свои вещи. Способ аналогичен сайтам, но необходимо искать «столы находок» или «бюро находок» в сообществах социальных сетей. Обычно такие сообщества достаточно активно посещают пользователи и заявляют о своих находках или ищут свои вещи в публикациях сообщества.

Чаще всего на практике граждане теряют мелкие вещи: сим-карты, зарядку от телефона, наушники, часы, ключи и значки. По данным Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь, чаще всего забывают кошельки, зонты, игрушки, дорожные сумки, рыночные баулы и пакеты, мобильные телефоны, планшеты, украшения и транспортные карты. Часто потерей являются документы: паспорт, свидетельство, водительские права. Такие потери восстанавливаются в законном порядке в паспортном столе, местном исполнительном и распорядительном комитете, в ГАИ и в соответствующих потере службах. Конечно, на восстановление будет потрачено время, но в отличие от других вещей, документы не переходят в собственность к другим лицам через шесть месяцев, поэтому переживать о праве собственности не приходится.

Работники метрополитена уже давно привыкли к тому, что минчане забывают свои вещи на платформах, в поездах и даже на путях. Когда электричка приходит на конечную станцию, ее осматривает дежурный, часто вместе с сотрудниками органов внутренних дел по охране Минского метрополитена. После этого состав уходит в тупик. Там по вагонам проходит машинист, и если вдруг милиционеры что-то не заметили, забытую вещь найдет он [7].

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что находка – один из уникальных способов приобретения права собственности на вещь, для которого необходимо соблюсти некоторые правила, указанные в законе. Находка является законной, когда отвечает всем требованиям законодательства, а незаконной, когда нарушен или не соблюден общий порядок приобретения права собственности на находку. В настоящее время некоторые вопросы, касающиеся привлечения к ответственности за незаконное приобретение права собственности на находку, а также сроки права собственности на находку рассмотрены многими учеными, но не взяты во внимание в законодательстве. В свою очередь, найти потерянную вещь в Беларуси, благодаря различным интернет-сайтам и «столам находок», становится все легче.

Список использованных источников

1. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. 03.08.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. 04.05.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. 11.11.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав. Сроки в гражданском праве / В.П. Грибанов. – Изд. 2-е, стереотип. – М. : Статут, 2001. – 411 с.
5. PRIMPRESS. Бюро находок: как найти потерянную вещь и куда отнести находку [Электронный ресурс] / Рамблер. – 2017. – Режим доступа: <https://news.rambler.ru/other/37261881-byuro-nahodok-kak-nayti-poteryannuyu-vesch-i-kuda-otnesti-nahodku/>. – Дата доступа: 22.12.2019.
6. Бюро находок Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://buronahodok.by/>. – Дата доступа: 24.12.2019.
7. Шумицкая, П. Как найти в Минске забытую вещь [Электронный ресурс] / СБ Беларусь Сегодня. – TUT.BY, 2009. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/144998.html>. – Дата доступа: 24.12.2019.

УДК 342.72/73 + 347.91/95

Д.И. Кураш, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Пашкеев*

Рецензент – кандидат юридических наук, профессор *Д.А. Колбасин*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье анализируются организация и порядок гражданско-правовой защиты чести и достоинства, а также деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь. Выявляются причины, повлиявшие на необходимость реформирования данного института.

В правовом государстве необходимо развивать не только высшие социальные ценности общества в целом, но и создавать практический инструментарий, обеспечивающий реализацию гражданами своих прав, а также их защиту в случае нарушения. Защита прав человека на современном этапе становится одной из важных и первостепенных задач любого государства. Конституция Республики Беларусь объявила человека, его права, свободы и гарантии их реализации высшей ценностью общества и государства [1, ст. 2], а обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь – высшей целью государства [1, ст. 21].

В настоящее время конституционное признание человека, его прав и свобод высшей ценностью общества приводит к необходимости решения новых задач в соответствующей области правового регулирования, включая совершенствование гражданского законодательства, регламентирует которое не только права и свободы граждан, но и предусматривает защиту их нематериальных благ, способствуя тем самым становлению Республики Беларусь как демократического, правового государства, в котором человек – главное богатство и ценность. Важным условием реформы органов внутренних дел Республики Беларусь стало формирование модели партнерских отношений правоохранительных органов и общества, в основе которой лежат общественное доверие и поддержка со стороны граждан. Это требует повышенного внимания к формированию положительного образа как отдельных сотрудников органов внутренних дел, так и ОВД в целом.

В последнее время увеличилось количество случаев распространения сведений, несоответствующих действительности, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сотрудников органов внутренних дел. Порой, услышав информацию о работе отдельного сотрудника органов внутренних дел, его нравственно-профессиональных качествах, граждане судят о всей милиции, всех ее сотрудниках, поэтому проблема защиты чести, достоинства и профессиональной репутации сотрудников органов внутренних дел имеет большое практическое значение и является важной в государственной политике Республики Беларусь. Следовательно, должный ответ государства на любое посягательство, затрагивающее честь, достоинство и деловую репутацию сотрудника органов внутренних дел и деловую репутацию этих органов в целом, способствует прекращению процессов дестабилизации в стране и укреплению государственной власти.

Именно с помощью понятия «честь» дается оценка поступков личности с точки зрения интересов общества. Честь является объективной оценкой личности, определяющей отношение общества к гражданину, оценкой моральных и иных качеств личности обществом. Однако поня-

тие чести нельзя рассматривать в отрыве от человеческого достоинства, которое является самооценкой личности, осознанием ею своих личных качеств, выполненного долга и своего общественного значения. Определение достоинства личности строится не только на самооценке субъекта, но в совокупности с объективными качествами человека, которые характеризуют его репутацию в обществе. Следовательно, в непосредственной связи с честью и достоинством находится такое понятие, как репутация. Если репутация представляет собой общественное мнение о человеке, сложившееся в результате оценки совокупности его поступков, поведения, уровня культуры и других критериев оценки личности, то деловая репутация состоит из оценки его профессиональных качеств. Репутация человека формируется на основе его поведения и напрямую зависит от него самого.

Органы внутренних дел – государственные правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них Законом Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» и иными законодательными актами Республики Беларусь.

Люди, далекие от подлинного представления о деятельности правоохранительных органов, как правило, не задаются вопросом о нравственном содержании этой работы. С точки зрения обывателя, эти подразделения используют лишь средства устрашения и прямого насилия – правового и физического. Как они полагают, существующие в данной сфере требования – это требования к умению применять эти средства. Они не знают, что в работе сотрудников правоохранительных органов огромное значение имеют нравственные качества: честность, любовь к людям, справедливость, самоотверженность, смелость, доброжелательность и многие другие, в том числе и чувство высокой ответственности за свои действия перед обществом. Наличие этих качеств у сотрудника служит обязательным мериллом его профессионализма, и на воспитание этих качеств направлены значительные усилия руководителей, работников воспитательных и кадровых аппаратов, служебных коллективов.

Требования к этой стороне службы предъявляются как обществом, так и служебными документами, поэтому вполне естественно, что сотрудникам правоохранительных органов постоянно приходится задаваться вопросом, насколько справедливы те или иные их поступки и действия. По-настоящему профессиональным оказывается тот, кто оценивает свои действия не только с точки зрения закона, но и по чести, и по совести, тот, кто, по выражению В.Г. Белинского, «не хочет счастья и даром», если не может быть уверенным в справедливости своих

действий. Вспомним, что справедливость одна из основных категорий и нравственности, и права. Будет нелишним вспомнить, что еще в 1782 г. в Уставе Благочиния Полицейском были четко определены качества, которые выдвигались на первое место в деятельности должностных лиц:

здравый рассудок;
добрая воля в отправлении порученного;
человеколюбие;
верность службе Императорского Величества;
усердие к общему добру;
радение о должности;
честность и бескорыстие.

Следовательно, понятие нравственного облика сотрудника органов внутренних дел напрямую связано с понятиями его чести, достоинства и деловой репутации. Профессиональная честь сотрудника органов внутренних дел в то же время является и нравственным авторитетом всего кадрового состава органов внутренних дел. Учитывая то, что сотрудник органов внутренних дел является важным звеном государства и общества, то дискредитация сотрудника органов внутренних дел, как представителя власти, не может не отражаться на авторитете МВД в целом, поэтому оставление без должного реагирования любых посягательств на честь и достоинство даже одного сотрудника органов внутренних дел затрагивает честь всех, кто посвятил себя службе в рядах органов внутренних дел, а значит особой защите государством подлежат честь, достоинство и деловая репутация сотрудников органов внутренних дел.

Право на честь и достоинство является особым субъективным правом. Сущность содержится в праве каждого гражданина на неприкосновенность его чести и достоинства и в возможности требовать от всех других лиц воздержаться от нарушения этого права.

В силу предписаний ст. 53 Конституции Республики Беларусь каждый обязан уважать достоинство, права, свободы и законные интересы других лиц. Действующее законодательство обеспечивает защиту указанных прав от нарушений, предусмотрев различные способы из защиты, в частности, административно-правовые, уголовно-правовые, гражданско-правовые и др.

Правовыми основами организации защиты чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел подразделений системы Министерства внутренних дел Республики Беларусь являются Конституция Республики Беларусь, Гражданский кодекс Республики Беларусь, Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики

Беларусь», Закон Республики Беларусь «О средствах массовой информации», постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2000 г. № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда», постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации» и иные нормативные правовые акты.

В современных условиях отстаивание интересов системы МВД Республики Беларусь, активная позиция органов внутренних дел по защите своей репутации, чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел реально способствуют формированию их положительного образа.

Итак, гарантия права сотрудников органов внутренних дел на защиту чести и доброго имени закреплена в ст. 25 Конституции Республики Беларусь, согласно которой государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и порядке, установленных законом. Кроме того, положения ст. 60 Конституции Республики Беларусь гарантируют каждому гражданину судебную защиту его прав и свобод.

Основополагающими началами реализации мер гражданско-правовой защиты профессиональной репутации сотрудников органов внутренних дел являются:

необходимость реагирования на факты распространения ложной и порочащей информации при одновременном признании значимости объективного освещения в СМИ их деятельности;

адекватность реагирования;

персонификация реагирования [2, с. 21–23].

В Республике Беларусь отсутствует ведомственный нормативный правовой акт, регламентирующий защиту чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел.

Для сравнения, в Российской Федерации такой ведомственный нормативный акт принят. Характерным примером служит приказ МВД РФ от 2 октября 2012 г. № 900 «Вопросы организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации в системе МВД России», в котором утвержден алгоритм ведомственной защиты чести и достоинства, а также деловой репутации как органов в целом, так и сотрудников органов внутренних дел. Введена в действие система «горячей линии МВД России» по приему и учету сообщений граждан о преступлениях и правонарушениях, совершенных сотрудниками органов внутренних дел. Во всех территориальных органах МВД России комплексно и на посто-

янной основе изданы приказы, регламентирующие оказание правовой помощи сотрудникам органов внутренних дел и алгоритм действий по их защите.

В Республике Беларусь также действует горячая линия.

Так, согласно сложившейся практике штабы ОВД всех уровней ведут мониторинг СМИ в целях выявления негативных публикаций о деятельности органов внутренних дел. В каждом территориальном ОВД есть ответственные сотрудники за взаимодействие со СМИ.

При установлении публикаций, связанных с негативной информацией в отношении сотрудников органов внутренних дел, незамедлительно назначается и проводится служебная проверка на предмет обоснованности и объективности изложенного. Если приводимые в статье, репортаже данные соответствует действительности, то в отношении виновных сотрудников принимаются строгие меры ответственности; в противном случае, запускается механизм защиты от клеветы и необоснованных обвинений. Что касается клеветнической информации, излагаемой в различных печатных изданиях, то в этом случае иски о защите чести, достоинства, деловой репутации направляются в суды. ОВД, являясь органами исполнительной власти государства в сфере правоохранительной деятельности, обладают статусом юридических лиц и имеют право быть истцом и ответчиком в суде, поэтому защита деловой репутации сотрудников и подразделений ОВД является нормой права в соответствии с гражданским и гражданско-процессуальным законодательством Республики Беларусь [3, с. 41].

Вследствие чего сотрудники в период прохождения ими службы обладают правом на защиту чести, достоинства и деловой репутации как граждане, имеющие специальный социальный статус.

В ст. 153 ГК предусмотрено право каждого гражданина на судебную защиту его чести, достоинства и деловой репутации. Положения статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются и к порядку защиты деловой репутации юридического лица. Перед нами предстает сотрудник органов внутренних дел с закрепленными за ним властными обязанностями, которые необходимы для функционирования государства и общества. Наличие обязанностей повышает требования к сотрудникам органов внутренних дел, что обуславливает возможность и необходимость предоставления государством и реализации самими сотрудниками органов внутренних дел определенных прав и свобод. Наличие прав и свобод требует повышенного внимания к исполнению обязанностей сотрудником органов внутренних дел, которые определены в соответствии с его статусом. Например, в качестве одного из оснований расторжения контракта с сотрудником органов внутренних дел является

совершение им проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел.

Основываясь на мнении Д.А. Гавриленко и А.А. Подупейко, можно отметить, что служебная дисциплина охватывает соблюдение прав и реализацию обязанностей, соблюдение ограничений в связи с государственной службой, методы ее обеспечения, к которым относятся формирование оптимального аппарата государственных служащих, применение к нему различных мер убеждения и принуждения, включая сочетание поощрений и ответственности.

Служебная дисциплина сводится не только к исполнению обязанностей в процессе собственно служебной деятельности, но и выходит за ее рамки, т. е. включает несение обязанности по исполнению принятых на себя обязательств в соответствии с законодательством. Например, сотрудники органов внутренних дел принимают присягу, в которой содержится требование о высоком несении чести и достоинства. Следовательно, они принимают на себя обязательства не совершать проступки, в том числе административные и аморальные. Подобное правило распространяется также на военнослужащих, судей, прокурорских работников, что, однако, требует более четкой правовой регламентации.

В настоящее время результаты реформирования системы ОВД нашли отражение в преобразовании территориальных ОВД в целом и выполнении своих служебных обязанностей каждым сотрудником органов внутренних дел. В связи с этим сформирована новая законодательная база, осуществлено техническое перевооружение служб и подразделений ОВД, проведен целый ряд комплексных мер по формированию положительного образа сотрудника органов внутренних дел. Это не могло не предъявить более современные требования к качеству оказываемых услуг территориальными ОВД населению, ответственности за результаты оперативно-служебной деятельности ОВД и общественной оценке поведения сотрудников органов внутренних дел в обществе. Следствием таких перемен явилось более пристальное внимание к деятельности ОВД со стороны общества.

Таким образом, в целях устранения возникшей коллизии необходимо разработать и утвердить приказ МВД Республики Беларусь «О вопросах организации защиты чести и достоинства, а также деловой репутации сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь», в котором утвердить алгоритм ведомственной защиты чести и достоинства, а также деловой репутации как ОВД в целом, так и сотрудников органов внутренних дел, так как защищенность сотрудника органов внутренних дел становится важной задачей для ОВД в условиях роста преступности, укрепления организованной преступности, угроз терроризма и экстре-

мизма. Распространение о сотруднике сотрудника органов внутренних дел сведений, порочащих его честь, достоинство негативно отражается не только на личности конкретного сотрудника, но и подрывает авторитет всех правоохранительных органов.

В целях раскрытия совершенных преступлений, обеспечения общественного порядка и защиты интересов и прав граждан необходимо взаимодействие между ОВД и населением, доверие к сотрудникам органов внутренних дел и уверенность гражданского населения в том, что оно находится под защитой государства. С целью укрепления доверия населения Республики Беларусь к ОВД необходимо ввести жесткий отбор лиц, претендующих на службу в органах внутренних дел Республики Беларусь. К будущим сотрудникам органов внутренних дел необходимо предъявлять высокие морально-этические, нравственные и деловые качества.

Безупречная репутация и высокий профессионализм сотрудников внутренних дел позволят в дальнейшем эффективно защищать их честь, достоинство и деловую репутацию.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
2. Закрицкий, С.С. Способы защиты чести, достоинства и деловой репутации / С.С. Закрицкий // Право Беларуси. – 2016. – № 2. – С. 21–23.
3. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – М. : Статут, 2003. – 323 с.

УДК 347.2/3

А.Н. Левчук, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Е.В. Ермоленко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Чигилейчик*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В представленной статье анализируются отдельные элементы правового режима криптовалюты в Республике Беларусь. Проведен сравнительный анализ правового регулирования данного правового феномена в различных странах.

Описаны изменения, произошедшие после вступления в силу Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики».

Гражданский оборот постоянно развивается, появляются новые правовые явления, которые требуют своего правового регулирования. Таким явлением стала криптовалюта. Впервые этот термин был использован в 2009 г., после возникновения платежной системы Биткоин, разработанной человеком или группой людей под псевдонимом «Сатоши Накамото». Спустя несколько лет определение «новинки» было опубликовано в 2011 г. в журнале Forbes, где криптовалюта предстала полностью децентрализованной цифровой валютой (характеризуется отсутствием единого центра, осуществляющего ее выпуск) [1]. «Эмиссия» происходит путем работы множества компьютеров по всему миру: пользователи отсылают друг другу транзакции, которые в совокупности образуют последовательно связанные между собой блоки и таким образом подтверждаются. Пользователь, чей компьютер нашел этот блок, получает определенное количество криптомонет. Этот процесс получил название «майнинг». Подобный феномен поставил перед властями многих стран вопрос о правовом режиме виртуальной новеллы.

Такие страны, как Бангладеш, Боливия и Вьетнам решили полностью отказаться от криптовалюты и в настоящее время виртуальная валюта там полностью запрещена. Правительства этих стран считают, что биткоин существует только как инструмент для отмывания денег и осуществления преступлений [2].

Основной задачей, стоящей в настоящее время перед государственными органами многих стран мира, является законодательное урегулирование отношений в сфере цифровых валют, которое преследует строго определенную цель – предотвращение их использования для отмывания доходов, полученных преступным путем, финансирования терроризма и иной преступной деятельности. Руководители различных стран решают возникшие проблемы по своему усмотрению. Для примера можно рассмотреть США, где помимо федеральной законодательной системы существуют законы отдельных штатов, из-за этого разделения возникает ряд особенностей при работе с цифровой валютой. Так, например, в отдельных штатах требуется специальная лицензия для использования этих денег. Калифорния стала первой, где на законодательном уровне закреплён оборот цифровой валюты, но конкретных инструментов для осуществления данного вида деятельности не существует. В Нью-Йорке правовая регламентация оборота криптовалют более упорядочена. Так, летом 2015 г. там были созданы необходимые инструменты – Департа-

мент финансовых услуг ввел понятие BitLicense – специальная лицензия для ведения бизнеса с криптовалютами [3].

Приведенные выше примеры могли стать предметом изучения и отправной точкой в определении направлений проведения научных правовых изысканий, а также деятельности государственных органов нашей страны в указанной сфере. В первую очередь стоит обратить внимание на опыт правового регулирования цифровой валюты в зарубежных странах, при этом стоит учитывать существующую разницу между правовыми системами приведенных в пример государств.

Появление криптовалюты вызвало ряд проблем в Республике Беларусь. В нашей стране тема, касающаяся цифровой валюты, достаточно долго не обсуждалась на официальном уровне. Некоторое время это была прерогатива исключительно бизнесменов и искушенных айтишников. Участие белорусов в частном порядке на криптовалютном рынке являлось неоспоримым фактом. Однако в банковской среде существует мнение, что блокчейн-индустрия в стране будет развиваться как средство для осуществления международных расчетов с сохранением национальной валюты [4].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод: в Беларуси наблюдается разделение мнений по поводу будущего криптовалюты.

В Республике Беларусь первый правовой шаг в индустрии цифровой экономики был сделан 21 декабря 2017 г. с принятием Декрета Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет). Благодаря Декрету созданы благоприятные условия для внедрения в экономику Беларуси технологий блокчейна, разрешены определенные виды деятельности, связанные с оборотом криптовалюты (деятельность криптобирж и криптообменников, майнинг и др.), установлены налоговые льготы и преференции (по налогам с текущей деятельности, по выплатам дивидендов). По сути, легализация криптовалюты стала по-настоящему историческим событием. Благодаря указанному нормативному правовому акту на законодательном уровне были закреплены такие понятия, как «криптовалюта», «биткоин», «майнинг» и др. Обратимся к первоисточнику и раскроем данные понятия.

Криптовалюта – биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена.

Цифровой знак (токен) – запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой.

Реестр блоков транзакций (блокчейн) – выстроенная на основе заданных алгоритмов в распределенной децентрализованной информаци-

онной системе, использующей криптографические методы защиты информации, последовательность блоков с информацией о совершенных в таких системах операций.

Майнинг – отличная от создания собственных цифровых знаков (токенов) деятельность, направленная на обеспечение функционирования реестра блоков транзакций (блокчейна) посредством создания в таком реестре новых блоков с информацией о совершенных операциях. Лицо, осуществляющее майнинг, становится владельцем цифровых знаков (токенов), возникших (добытых) в результате его деятельности по майнингу, и может получать цифровые знаки (токены) в качестве вознаграждения за верификацию совершения операций в реестре блоков транзакций (блокчейне).

Сложность в понимании возникает при толковании некоторых терминов. Так, криптовалюта и токен соотносятся между собой как общее и частное. Токен может быть криптовалютой или удостоверить права на объекты гражданских прав. Криптовалюта, согласно принятому Декрету, должна соответствовать признакам универсального средства обмена, т. е. за нее можно приобрести товары, работы, услуги. К сожалению, универсальный характер платежеспособности криптовалют в Декрете не уточнен. Предполагается, что если криптовалюта является достаточно популярной и выполняет функцию денег в широком смысле (есть возможность что-то приобрести) в международном обороте (минимум между двумя государствами), то она будет подпадать под определение «криптовалюта» согласно белорусскому законодательству. Пока «цифровая валюта» не достигла этих критериев, она будет считаться «токеном».

Целесообразно обратить внимание на нормативные положения о криптовалюте в сфере налогообложения. Согласно подп. 3.1 Декрета до 1 января 2023 г. не признаются объектами налогообложения:

налогом на добавленную стоимость и налогом на прибыль (подходным налогом с физических лиц) – обороты, прибыль (доходы) резидентов Парка высоких технологий (ПВТ) от деятельности по майнингу, созданию, приобретению, отчуждению токенов;

подходным налогом с физических лиц – доходы физических лиц от деятельности по майнингу, приобретению (в том числе в порядке дарения), отчуждения токенов за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги и (или) обмена на иные токены;

налогом на добавленную стоимость – обороты по отчуждению токенов, в том числе обороты по их отчуждению иностранными организациями, не осуществляющими деятельность в Республике Беларусь через постоянное представительство и не состоящими на учете в налоговых органах Республики Беларусь;

налогом при упрощенной системе налогообложения – выручка от отчуждения токенов путем их обмена на иные токены;

налогом на прибыль – прибыль от отчуждения токенов путем их обмена на иные токены. Юридические лица и индивидуальные предприниматели, не являющиеся резидентами ПВТ, освобождены от налога на прибыль только при условии, что они осуществляют обмен токенов друг с другом.

Таким образом, законодатель довольно либерально подошел к урегулированию криптовалюты. Все преференции и льготы, предусмотренные Декретом, позволяют сделать вывод о том, что Беларусь крайне «мягко» подошла к решению вопроса, связанного с оборотом криптовалюты, по сравнению с другими странами. Существующее правовое регулирование цифровой валюты в нашей республике может привлечь поток иностранных инвестиций.

Безусловно, принятие Декрета открыло большие перспективы для развития цифровой экономики. Появление правового урегулирования цифровой валюты на законодательном уровне позволило дать ответы на многочисленные вопросы: закреплены определения основных понятий в указанной сфере, определены правила оборотоспособности криптовалюты между юридическими лицами. Вместе с тем были обнаружены проблемы, требующие юридического разъяснения.

В первую очередь, возникли вопросы, связанные с гражданско-правовым регулированием данного явления. В ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) предусмотрен закрытый перечень объектов гражданских прав. К таковым относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги; иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; нераскрытая информация; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; нематериальные блага. Возникает очевидный вопрос: к какому из этих объектов гражданских прав стоит отнести криптовалюту? Ответить на него попытались некоторые белорусские юристы.

Так, В.М. Дубицкий считает, что ст. 128 ГК не рассматривает криптовалюту ни в качестве вещей, ни в качестве имущественных прав. Он также акцентировал внимание на том, что криптовалюта обладает некоторыми признаками имущества, однако не имеет материальной формы и не является денежной единицей ни одного из государств, поскольку отсутствует эмитент. Указанный автор отметил, что нельзя отнести рассматриваемое явление и к ценным бумагам, поскольку последние удостоверяют (ст. 143 ГК) имущественные или неимущественные права. Относительно самой криптовалюты автор отмечает, что она не имеет

собственную номинальную стоимость. Ее приобретение связано с ней самой, а не определенными правами в обмен на нее [5, с. 55].

В.В. Хилюта, в свою очередь, считает, что методом исключения можно прийти к выводу, что токен и криптовалюта не относятся ни к работе или услуге, ни к материальным благам, ни к объектам интеллектуальной собственности. Более того, криптовалюта не имеет материальной формы, не может существовать в виде банкнот, казначейских билетов, монет. Автор считает, что существуют большие сомнения, стоит ли относить криптовалюту к имущественным правам, безналичным и электронным деньгам, бездокументарным ценным бумагам. Криптовалюты не эмитируются банками и не выпускаются в обмен на деньги [6, с. 22].

С.В. Овсейко провел интересное исследование и попытался провести параллель между криптовалютой и электронными деньгами. В своей работе он отметил, что электронные деньги, как и токены, – деньги для интернета. Но при всем своем сходстве с криптовалютами они обладают важными отличиями: во-первых, они номинированы в официальной денежной единице (рубли, доллары и т. п.); во-вторых, выпускаются банками в обмен на наличные или безналичные деньги, зачисляемые на счет покрытия; в-третьих, обладают коротким «жизненным циклом» (после однократного использования де-юре должны погашаться в банке); в-четвертых, предусматривают идентификацию владельцев электронных кошельков, т. е. не анонимны [7, с. 48].

Из вышеизложенного следует, что криптовалюта и электронные деньги – два разных понятия. Криптовалюта не подпадает под понятие электронных денежных средств, поскольку имеет иной механизм возникновения – выпуск криптовалюты осуществляется через децентрализованную эмиссию (т. е. нет единого центра, осуществляющего эмиссию криптовалюты). Законодательные акты, регулирующие оборот электронных денег, не распространяются на криптовалюту. Образно говоря, электронные деньги – «зарегулированная и государственная» валюта для интернета.

На основании всего перечисленного целесообразно сделать следующие выводы:

1. Развитие и становление правового регулирования криптовалюты как центрального элемента цифровой экономики должно стать предметом изучения и отправной точкой в определении направлений проведения научных правовых изысканий, а также деятельности государственных органов нашей страны в указанной сфере.

2. Принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» стало основой для

создания благоприятных условий внедрения в экономику Республики Беларусь блокчейн-технологий.

3. Наличие либерального подхода к правовому урегулированию криптовалюты в Республике Беларусь по сравнению с другими странами.

4. Предлагается рассматривать криптовалюту как одну из разновидностей объектов гражданских прав и отнести ее к имущественным правам.

Список использованных источников

1. Greenberg, Andy Crypto Currency / Andy Greenberg [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.forbes.com/forbes/2011/0509/technology-psilocybin-bitcoins-gavin-andersen-crypto-currency.html#6ebbf30c353e>. – Дата доступа: 05.12.2018.

2. Биткоин запрещен в России или нет? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscoins.info/articles/bitcoin-zapreshen-v-rosii-ili-net/#i-11>. – Дата доступа: 06.12.2018.

3. Криптоправо в США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://7cn.ru/law-crypto-currencies/law-crypto-currencies-usa/56-kripto-pravo-v-ssha.html>. – Дата доступа: 08.12.2018.

4. Приходько, Е.В. Криптовалюты: есть ли у них будущее в Беларуси? / Е.В. Приходько // Генер. директор. – 2017. – № 9. – С. 8–13.

5. Дубицкий, В.М. Криптовалюта: деньги или товар? / В.М. Дубицкий // Дело : Бизнес в Беларуси. – 2018. – № 7/8. – С. 51–53.

6. Хилюта, В.В. Криптовалюта и токен – новые объекты гражданских прав / В.В. Хилюта // Пром.-торг. право. – 2018. – № 3. – С. 21–23.

7. Овсейко, С.В. Операции с криптовалютами : коммент. к Декрету Президента Респ. Беларусь от 21 дек. 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» / С.В. Овсейко // Индивид. предприниматель. – 2018. – № 2. – С. 44–50.

УДК 343.985

В.В. Лемешонок, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *С.В. Шаруно*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

СУБЪЕКТЫ И УЧАСТНИКИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с правовыми основами деятельности субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности, теоретическими аспектами их функционирования, а также предлагаются правовые способы и средства защиты прав и законных интересов субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности.

Оперативно-розыскная деятельность предусматривает временное ограничение прав и свобод человека. В правовом государстве, которым является Республика Беларусь, гарантирована свободная реализация гражданами Республики Беларусь, иностранными гражданами и лицами без гражданства прав, свобод и законных интересов. Их временное ограничение является своеобразным компромиссом между интересами общества и отдельной личности. Данный компромисс обусловлен необходимостью защиты всех указанных лиц от противоправных посягательств. Взвешивая специфику оперативно-розыскной деятельности и наличие реальной угрозы нарушения прав и свобод человека в результате неконтролируемого применения специальных сил и средств, законодательством Республики Беларусь предусмотрен исключительный перечень субъектов, уполномоченных на ее осуществление.

В ст. 12 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») закреплён перечень органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Так, в соответствии с положениями указанной статьи к ним относятся:

- органы внутренних дел Республики Беларусь;
- органы государственной безопасности Республики Беларусь;
- органы пограничной службы Республики Беларусь;
- Служба безопасности Президента Республики Беларусь;
- Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь;
- органы финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь;
- таможенные органы Республики Беларусь;
- разведывательные службы Вооружённых Сил Республики Беларусь [1].

Перечень государственных органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, обусловлен необходимостью защиты прав и свобод, законных интересов граждан, интересов общества и белорусского государства, реализация которых гарантирована Конституцией Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями от 1996 г. и 2004 г.) (далее – Конституция) [2].

Как видно из анализа правовой регламентации деятельности государства по обеспечению реализации гражданами, обществом и государством закреплённых в Конституции прав, субъекты, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, чётко закреплёны. В то же время дискуссионным среди ученых-юристов был и остается вопрос относи-

тельно органов, обладающих полномочиями осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Основной проблемой в данной области является то, что при выполнении различных юридически значимых действий в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности должностные лица уполномоченных органов нередко ограничивают конституционные права тех субъектов, в отношении которых данная деятельность проводится. В связи с этим наделение полномочиями того или иного государственного органа на осуществление оперативно-розыскной деятельности – задача, требующая особого контроля государства. Для этого необходимо определить потребность того или иного государственного органа в таких полномочиях, а также чётко определить исчерпывающий перечень прав указанных органов в данной сфере, и, что не менее важно, обязанностей.

Следует отметить, что законодатель в ст. 12 Закона «Об ОРД» неспроста среди органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в первую очередь определил именно органы внутренних дел, ведь именно они борются с преступностью, причем противодействие преступности осуществляется ими всеми имеющимися правовыми способами, в том числе и посредством осуществления оперативно-розыскной деятельности.

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-3 «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» органы внутренних дел – государственные правоохранительные органы, осуществляющие борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них настоящим Законом и иными законодательными актами Республики Беларусь [3].

Формирование эффективной системы органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в том числе в рамках системы органов внутренних дел, идет безостановочно. В современных условиях государство в лице органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, обязано обладать гибкостью и готовностью быстро реагировать и приспосабливаться к любым изменениям обстановки в сфере противодействия преступности.

На основе анализа нормативных правовых актов орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, – государственный орган, уполномоченный в установленном законодательством порядке на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

В противодействии преступной деятельности посредством осуществления оперативно-розыскной деятельности, как уже было отмечено, выступают органы внутренних дел, а именно подразделения криминальной милиции [4].

Криминальная милиция решает задачи профилактики, выявления, пресечения преступлений, установления лиц, их совершивших, розыска обвиняемых, местонахождение которых неизвестно, лиц, скрывающихся от органов, ведущих уголовный процесс, лиц, уклоняющихся от отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, без вести пропавших и других лиц в случаях, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь, идентификации неопознанных трупов. В соответствии со ст. 15 Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», в состав криминальной милиции входят подразделения уголовного розыска, по борьбе с экономическими преступлениями, по наркоконтролю и противодействию торговле людьми, по борьбе с коррупцией и организованной преступностью, а также другие подразделения, необходимые для осуществления деятельности криминальной милиции [3].

Должностные лица органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, используя современные формы и методы оперативно-розыскной деятельности, криминалистики, нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, выполняют оперативно-служебные задачи, возложенные на них законодательством.

Углубляясь в вопросы функционирования субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности, анализ ее проблем ориентирует нас к человеку в указанном виде деятельности – людям, выступающим в данной сфере общественных отношений основным звеном, связывающим все происходящие процессы. Следовательно, достигнуть разрешения имеющихся сложностей в оперативно-розыскной деятельности и вывести ее на новый уровень можно в результате использования комплексного подхода к формированию межличностных связей.

Повышение эффективности оперативно-розыскной деятельности, профессионализма ее субъектов предусматривает не только совершенствование нормативно-правовой базы, организации и тактических приемов, но и активизацию «человеческого фактора» – психологических характеристик оперативников и конфиденентов. Такая активизация предполагает всестороннее изучение их индивидуально-психологических особенностей, свойств и качеств, соответствующих оперативно-розыскной деятельности. Важным шагом в этом направлении является создание психологического портрета личности участников оперативно-розыскной деятельности, адаптация существующих и подготовка новых методик, позволяющих определить критерии и выработать модель психологической пригодности к этому специфическому виду деятельности,

совершенствовать отбор субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности на основе анализа и оценки психологических факторов. В юридической психологии имеются попытки осуществления анализа структурных элементов следственной, прокурорской, судебной, юрисконсультской, пенитенциарной деятельности. Однако оперативно-розыскная деятельность является специфическим видом человеческой деятельности и имеет неповторимые особенности, влияющие на содержание ее подструктур.

Вопрос о субъектах и участниках оперативно-розыскной деятельности, их месте в решении стоящих перед ними целей и задач, исходя из функциональных обязанностей, правового статуса, закономерностей их развития и роли в процессе совершенствования оперативно-розыскной практики, является одной из центральных проблем современной оперативно-розыскной деятельности.

Количество лиц, вовлеченных в сферу общественных отношений, складывающихся в ходе оперативно-розыскной деятельности, постоянно увеличивается, а их роль в этом процессе как субъектов права остается недостаточно исследованной. Представляется необходимым установить закономерности формирования системы субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности, определить виды их классификаций, роль каждого участника в решении задач оперативно-розыскной деятельности и на этой основе предложить общую концепцию законодательного регулирования лиц, участвующих в оперативно-розыскной деятельности.

Решение данных вопросов должно быть построено на самостоятельной теоретической конструкции функционирования субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности, имеющей непосредственное воздействие на правовую основу указанного вида деятельности и оперативно-розыскную практику [5, с. 5].

Реализация этих вопросов позволит совершенствовать правовое регулирование деятельности указанных лиц, решать проблемы подбора граждан для участия в оперативно-розыскной деятельности, определять роль каждого участника при проведении оперативно-розыскных мероприятий, провести ряд исследований по организационно-тактическим аспектам деятельности конкретного субъекта и участника рассматриваемой деятельности. Данные вопросы позволят формировать правовые и развивать организационные и тактические уровни оперативно-розыскной деятельности.

Комплексное исследование указанных основ обеспечит внедрение в практическую деятельность оперативных подразделений Республики

Беларусь научно-практических рекомендаций по совершенствованию вопросов борьбы с преступностью, организации обучения, воспитания и нравственно-психологической подготовки субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности.

Что касается правовых средств и способов защиты субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности, необходимо отметить, что с момента вступления в действие Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь законодатель неоднократно вносил изменения, касающиеся участников уголовного процесса. Обрели свое место и процессуальный статус такие участники уголовного процесса, как начальник подразделения дознания, начальник следственного подразделения, дополнился и перечень государственных органов и должностных лиц, уполномоченных законом осуществлять дознание. Получили установленный в УПК перечень полномочий Министр внутренних дел Республики Беларусь, Председатель Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, заместитель Председателя Комитета государственного контроля Республики Беларусь – директор Департамента финансовых расследований или лица, исполняющие их обязанности. Однако, несмотря на многолетнюю историю действия Закона «Об ОРД», в системе субъектов и участников рассматриваемой деятельности так и не обрели свое место и процессуальный статус такие важные субъекты оперативно-розыскной деятельности, как оперативное подразделение, руководитель оперативного подразделения и оперативный сотрудник [5, с. 190].

Практическая значимость решения указанных вопросов выражается в создании благоприятных условий выполнения субъектами и участниками оперативно-розыскной деятельности возложенных на них задач.

Связано это с тем, что указанным лицам необходимо знать свои обязанности и права, а также создать определенные условия реализации своих полномочий. Данные аспекты даже при отсутствии соответствующих правовых норм не остаются без внимания правоохранителей в силу своей значимости и решаются соответствующими органами по мере сил. Но оставлять данный вопрос без внимания представляется небезопасным, так как он влияет на возможность дальнейшего правового развития субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности, защиту их прав и законных интересов и вопросы совершенствования оперативно-розыскной деятельности [5, с. 191].

Следует отметить, что включение в Закон «Об ОРД» исчерпывающего перечня обязанностей и прав оперативного подразделения пред-

ставляется невозможным ввиду многочисленности и разноплановости оперативных подразделений органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность [5, с. 192].

Возвращаясь к субъектам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и которые так и не обрели правового закрепления своего процессуального статуса в Законе «Об ОРД», отметим оперативное подразделение, которое подпадает под все признаки самостоятельного субъекта права, как структурное подразделение органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в функциональные обязанности которого входит решение задач в пределах полномочий, установленных актами законодательства и своего функционального назначения.

Принято считать, что деятельность органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в основе своей рассматривается с точки зрения работы оперативного сотрудника, а руководитель оперативного (органа) подразделения всегда оставался без рассмотрения, его правовой статус в нормативных правовых актах не закреплен, его права и обязанности полностью делегируются органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Действительно, обязанности и права в соответствии с Законом «Об ОРД» распространяются на других субъектов рассматриваемой деятельности. В данном случае руководителю оперативного (органа) подразделения отводится второстепенная роль при решении задач оперативно-розыскной деятельности, что реально не согласуется с выполняемой им работой. От деятельности руководителя зависит многое – организация работы оперативных сотрудников, непосредственное участие в проводимых оперативно-розыскных мероприятиях, контроля над деятельностью подчиненных и ответственность за их работу [5, с. 193].

Особенностью регламентации деятельности руководителя оперативного (органа) подразделения является то, что основные положения его деятельности не урегулированы, а если имеются нормы права, то только в нормативных правовых актах конкретного ведомства, в инструкциях по организации работы отдельно взятого (органа) подразделения.

Особый интерес в системе субъектов оперативно-розыскной деятельности представляет оперативный сотрудник. Полномочиями на осуществление данной деятельности наделены все оперативные сотрудники органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Различия в компетенции определяются особенностями, стоящими перед оперуполномоченными, но все они обладают одинаковым правовым статусом.

Вопросы более детальной правовой регламентации деятельности прокурора в сфере осуществления субъектами оперативно-розыскной деятельности данного вида деятельности, лиц, присутствующих при оперативно-розыском мероприятии, а также других субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности остается нерешенным, в связи с чем представляется необходимым разрешение данной проблемы на законодательном уровне.

Разработка и утверждение правового регулирования поведения субъектов оперативно-розыскной деятельности и отдельных ее участников должно сформировать формально-юридическое закрепление лиц как субъектов и участников. Правовая норма, закрепленная в актах законодательства, должна определять субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности, раскрывать их функциональные характеристики; возможность изменения правовых норм, в зависимости от меняющихся социальных связей, связанных с изменением криминогенной обстановки.

В завершение отметим, что создание эффективной системы правовых способов и средств защиты прав и законных интересов субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности, увязывающей интересы лиц, участвующих в оперативно-розыскной деятельности, с органами, осуществляющими данную деятельность, является определением их обязанностей и прав.

Список использованных источников

1. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2016. – 62 с.
3. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. № 408-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Кожух, С. В авангарде обеспечения общественной безопасности / С. Кожух // На страже. – 2017. – 4 марта. – С. 2.
5. Родевич, В.Ч. Методологические основы, теоретико-правовые и этические проблемы института субъектов и участников оперативно-розыскной деятельности / В.Ч. Родевич ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017. – 222 с.

УДК 343.985.8

И.А. Майсинович, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

И.А. Шаматульский

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Д.Н. Лахтиков*

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В СИСТЕМЕ МЕХАНИЗМОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с положением на данном этапе оперативных подразделений органов внутренних дел, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в сфере осуществления контроля и надзора за обеспечением прав и свобод граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Надзор в сфере оперативно-розыскной деятельности (ОРД) осуществляется Генеральным прокурором, уполномоченными им прокурорами в пределах их компетенции. Задачи прокурорского надзора в этой отрасли закреплены ст. 4 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь»:

защита личности, государства и юридических лиц от преступных посягательств;

соблюдение предусмотренного законом порядка выполнения оперативно-розыскных мероприятий;

строгое соблюдение прав и законных интересов граждан при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий [1].

Перечень уполномоченных на осуществление надзорной деятельности в сфере ОРД прокуроров установлен Генеральным прокурором Республики Беларусь. В Генеральной прокуратуре Республики Беларусь к таким прокурорам относятся заместители Генерального прокурора Республики Беларусь в соответствии с их функциональными обязанностями, а также прокурорские работники структурных подразделений Генеральной прокуратуры, на которых возложен надзор по данному направлению прокурорской деятельности.

Прокурор осуществляет проверку исполнения законов органами, осуществляющими ОРД, в самостоятельном надзорном производстве, где сконцентрированы поступающие в прокуратуру материалы, заявления граждан, информация, справки, жалобы, оперативно-служебные документы, представленные прокурору на основании его запросов.

В случае неисполнения законных требований прокурора, которые вытекают из его полномочий по надзору в сфере ОРД, наступает установленная законом ответственность [2, с. 12].

Согласно Закону Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») контроль за ОРД осуществляется руководителями органов, осуществляющих ОРД [3]. Несмотря на то что главным направлением данного контроля является соблюдение законности при организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), к другим его направлениям можно отнести целесообразность, эффективность проверяемой деятельности, а также предотвращение и предупреждение возможных нарушений закона.

Контроль со стороны руководителей должен осуществляться на всех стадиях подготовки и проведения как ОРМ в частности, так и ОРД в целом, начиная от установления оснований и условий для проведения ОРМ и заканчивая использованием их результатов, а также начиная с решения вопроса по добыванию информации и заканчивая такими задачами, как предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, осуществление розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от уголовного наказания, либо розыск без вести пропавших.

В механизме защиты прав человека в Республике Беларусь можно выделить следующие элементы:

- система национальных органов и лиц по защите прав человека;
- нормы Конституции Республики Беларусь, иных нормативных правовых актов о правах человека и гарантиях их реализации;
- система неправительственных правозащитных организаций Республики Беларусь.

Государство обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина через возможность обжалования действий органов, осуществляющих ОРД, в вышестоящих органах, осуществляющих ОРД, у прокурора или в суде в соответствии с законодательными актами [4, с. 224]. В первую очередь право на обжалование гражданином незаконных (по его мнению) ОРМ распространяется на случаи, когда нарушаются основные конституционные права и свободы граждан: на тайну переписки и телефонных переговоров, на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, на неприкосновенность жилища. Кроме того, возможно обжалование и в случае нарушения ряда специфических прав, которые имеются у граждан, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД. Если лицо располагает сведениями о том, что в отношении его проводились ОРМ с нарушени-

ем требований закона, при этом виновность данного лица в совершенном преступлении не была доказана в установленном законом порядке, оно имеет право получить в органе, осуществлявшем ОРД, сведения о полученной в отношении указанного гражданина информации в пределах, которые допустимы принципом конспирации и исключают возможность разглашения государственной тайны.

Если в предоставлении запрошенных сведений будет отказано или если данное лицо считает, что эти сведения предоставлены ему не в полном объеме, оно имеет право обжалования этих действий в судебном порядке. При этом в ходе рассмотрения дела по существу в суде, обязанность доказать обоснован ли отказ в предоставлении такому лицу сведений, возложен на соответствующий орган, осуществляющий ОРД [5, с. 129].

По требованию судьи орган, осуществляющий ОРД, должен предоставить оперативно-служебные документы, которые содержат информацию о сведениях, в предоставлении которых было отказано заявителю, за исключением сведений о лицах, которые внедрены в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих ОРД, а также о лицах, которые оказывают содействие на конфиденциальной основе данным органам (ст. 10 Закона «Об ОРД»). Это обеспечит полноту и всесторонность рассмотрения дела в суде.

Если органом, осуществляющим ОРД, принято решение об отказе предоставить заявителю необходимые сведения, судья может обязать указанный орган предоставить заявителю такие сведения, однако при соблюдении требований принципа конспирации и в пределах, которые исключают возможность разглашения государственной тайны.

Обеспечением прав и свобод человека и гражданина является и законодательный запрет органам, осуществляющим ОРД:

на проведение ОРМ в интересах какой-либо политической партии, общественного и религиозного объединения;

принятие негласного участия в работе органов государственной власти, в деятельности зарегистрированных в установленном порядке и не запрещенных политических партий, общественных и религиозных объединений в целях оказания влияния на характер их деятельности;

разглашение сведений, которые затрагивают неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан и ставшие известными в процессе проведения ОРМ, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных законами.

При осуществлении прокурорского надзора особое внимание стоит уделять таким правам человека и гражданина, как право на неприкос-

новенность частной жизни, жилища, личную и семейную тайны, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Нарушать эти права возможно только в определенных случаях, которые установлены законом [6, с. 88].

Стоит отметить, что согласно ст. 23 Конституции Республики Беларусь ограничивать права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных сообщений допустимо только на основании судебного решения и при наличии информации, содержащей:

признаки подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, по которому обязательно производство предварительного следствия;

сведения о лицах, которые подготавливают, совершают или совершили преступление, по которому производство предварительного следствия обязательно;

сведения о событиях и действиях, которые создают угрозу национальной безопасности Республики Беларусь [7].

Ограничивать права человека и гражданина по неприкосновенности жилища возможно только в случаях, установленных законом, или на основании судебного решения (ст. 25 Конституции Республики Беларусь).

Проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц возможно:

по возбужденному уголовному делу – если имеются достаточные основания полагать, что в жилом помещении находятся орудия преступления, предметы или ценности, добытые преступным путем, а также другие предметы или документы, могущие иметь значение для дела, и, по общему правилу, на основании санкции прокурора (ст. 210 УПК Республики Беларусь);

вне зависимости от факта возбуждения уголовного дела:

если имеется информация о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно; о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние (ст. 3, 14, 15 Закона «Об ОРД»);

беспрепятственно входить в жилые и иные помещения граждан, на принадлежащие им земельные участки, на территорию и в помещения, занимаемые организациями, и осматривать их при преследовании лиц, которые подозреваются в совершении преступлений, либо если имеются достаточные данные полагать, что там совершено или совершается преступное деяние, произошел несчастный случай, а также для обеспе-

чения личной безопасности граждан и общественной безопасности в случае стихийных бедствий, катастроф, аварий, эпидемий, эпизоотий и массовых беспорядков – во всех случаях с обязательного уведомления прокурора в течение 24 часов.

ОРД и в настоящее время остается предметом для критики, дискуссий и пристального внимания юристов, философов, политиков, правозащитников и рядовых граждан, в связи с использованием специфических средств и методов добывания информации, кроме того, ОРД имеет преимущественно негласный характер, ОРМ сопряжены с ограничениями конституционных прав и свобод, использованием содействия частных лиц, в том числе на конфиденциальной основе. Такое критическое отношение можно объяснить тем, что все тайное всегда вызывало, вызывает и будет вызывать любопытство, порождает сомнения, содержит предпосылки для злоупотреблений, становится объектом не только правовой, но и нравственной оценки. Вместе с тем ОРД исторически была и остается эффективным и необходимым средством борьбы с преступностью, обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Упорядочение общественных отношений в сфере оперативно-розыскной деятельности Законом «Об ОРД», динамика изменений в системе и структуре органов, осуществляющих ОРД, поправки, вносимые в указанный закон и другие законодательные акты, формирование международного оперативно-розыскного права, судебная оценка действий и решений должностных лиц и органов, осуществляющих ОРД, предполагают осмысление этой деятельности и толкование норм Закона «Об ОРД» во взаимосвязи с положениями Конституции Республики Беларусь, норм международного права, Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Республики Беларусь, иных законов, регулирующих правоотношения в сфере борьбы с преступностью [8].

В данном разрезе решения проблем предлагаются следующие позиции по улучшению системы обеспечения прав и свобод граждан:

обеспечить граждан информированием о предоставляемых им правах при взаимодействии с органами, осуществляющими ОРД, а также об обязательствах и полномочиях органов, проводящих ОРМ, осознания гражданами целей и возможных последствий данных мероприятий;

увеличить взаимный обмен информации между сотрудниками, осуществляющими ОРД, и гражданами;

организовать проведение информирования и иных профилактических мероприятий, направленных на прививание гражданам осознания необходимости содействия органам, осуществляющим ОРД, в ходе проведения ОРМ;

направить деятельность на выработку у граждан понятия о том, что проводимые ОРМ являются в первую очередь гарантией их безопасности, проводятся исключительно в рамках законодательных актов Республики Беларусь.

Таким образом, законодательно предусмотрен последовательный комплексный подход к реализации прав граждан как в виде их соблюдения со стороны субъектов ОРД, так и путем использования лицами права на защиту, применения (восстановления) прав вышестоящими органами, органами прокуратуры и судом, включая привлечение виновных к соответствующей ответственности.

Список использованных источников

1. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 8 мая 2007 г., № 220-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. Предов, Т.Г. Ресоциализация преступников-рецидивистов (криминологическое исследование по материалам НРБ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.Г. Предов ; Акад. МВД СССР. – М., 1978. – 24 с.
3. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
4. Миньковский, Г.М. Проблемы информационного обеспечения криминологического планирования / Г.М. Миньковский // Вопр. борьбы с преступностью. – 1977. – Вып. 26. – С. 224.
5. Басецкий, И.И. Преступность: Опыт координации противодействия / И.И. Басецкий, И.В. Капелько, Ю.Л. Сиваков. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2001. – 226 с.
6. Павличенко, Н.В. Негласность в оперативно-розыскной деятельности / Н.В. Павличенко, А.С. Самоделькин // Вестн. Волгоград. акад. МВД России. – 2012. – № 3 (22). – С. 88–93.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
8. Вагин, О.А. Комментарий к Федеральному закону от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] / О.А. Вагин, А.П. Исиченко, А.Е. Четчин // Интернет журнал «Детекция Лжи». – Режим доступа: http://rus-poligraf.ru/userfiles/file/oper_rozisk_deyatelnost.pdf. – Дата доступа: 01.03.2020.

УДК 347.121.2

М.А. Мартинкевич, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.В. Паращенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Чигилейчик*

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В данной статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с особенностью правового регулирования криптовалюты как объекта гражданских прав. На основании анализа нормативных правовых актов, позиций ученых делается вывод о необходимости отнесения криптовалюты к самостоятельному объекту гражданских прав.

В современном обществе благодаря развитию технического и научного прогресса неизбежным становится возникновение новых общественных отношений, в дальнейшем находящихся свое правовое регулирование. Появление новых объектов общественных отношений вызывает потребность в их изучении с целью последующего отражения в праве. Одним из таких объектов на данный момент является криптовалюта.

В свободной энциклопедии Википедии дается общее определение криптовалюты, под которой понимается разновидность цифровой валюты, создание и контроль за которой базируются на криптографических методах, при этом, по общему правилу, учет криптовалют децентрализован [1]. Функционирование данных систем основано на таких технологиях, как блокчейн, направленный ациклический граф, консенсусный реестр (ledger) и др. Информация о транзакциях обычно не шифруется и доступна в открытом виде. Для обеспечения неизменности базы цепочки блоков транзакций используются элементы криптографии (цифровая подпись на основе системы с открытым ключом, последовательное хеширование).

Термин закрепился после публикации статьи о системе «Биткоин» «Crypto currency» (Криптографическая валюта), опубликованной в 2011 г. в журнале Forbes. Сам автор и создатель биткоина, чья личность неизвестна, как и многие другие использовал термин «электронная наличность» (англ. electronic cash).

Преимущество криптовалюты привлекает внимание новых пользователей, так как возможность быстрого и всемирного обмена средствами открывает для них все новые возможности.

Авторы комментария к Гражданскому кодексу Республики Беларусь (ГК) обращают внимание на следующее обстоятельство: «обычно блага становятся новыми объектами гражданских прав, в частности новыми видами имущества, тогда, когда они становятся редкими, ограниченными на той или иной территории в то или иное время. На современном этапе криптовалюта используется во множестве стран, в том числе и Республике Беларусь, как средство платежа, сбережения и накопления. Благодаря своей нестабильности и изменчивости в стоимости она дала возможность как обогащения, так и потери своих накоплений в случае ее приобретения. Стоит обратить внимание, что такие отношения на всем своем протяжении будут связаны с риском и отсутствует возможность дать точный прогноз на возможность дальнейшего использования криптовалюты» [2, с. 358].

Согласно Приложению 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) под криптовалютой понимается биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена [4].

Это говорит о том, что в Республике Беларусь криптовалюты можно официально дарить, завещать, оплачивать ими товары и услуги. На сайте coinpar.org есть возможность ознакомиться в режиме реального времени с информацией, где предоставляются услуги и товары за криптовалюту как в Беларуси, так и за рубежом.

Принятие в Республике Беларусь Декрета № 8 стало отличным примером того, как можно в кратчайшие сроки обеспечить правовое регулирование вновь возникших общественных отношений. В настоящее время в стране созданы наиболее благоприятные условия для использования криптовалюты. По истечении нескольких дней с момента принятия указанного нормативного правового акта Министерство финансов Республики Беларусь утвердило бухгалтерские стандарты для учета криптовалют. Помимо прочего, документ представил категоризацию токенов. Так, «цифровые знаки», которые куплены для подтверждения тех или иных прав, например, владения, попали под категорию «Кредиторские и дебиторские расчеты» и «Другие расходы и доходы». Токены, которые перепродаются, входят в статью «Товары». Криптовалюта, полученная в результате майнинга, – «Готовая продукция».

Благодаря нормативному закреплению криптовалюты в законодательстве Республики Беларусь, стал актуален вопрос: к какому виду объектов гражданских прав стоит относить криптовалюты?

Гражданское законодательство Республики Беларусь содержит исчерпывающий перечень видов объектов гражданских прав. К таким объектам согласно ст. 128 (ГК) относятся:

вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права;

работы и услуги;

нераскрытая информация;

исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг;

нематериальные блага [3].

В п. 1 ст. 141 ГК закреплено, что белорусский рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории страны. Логично предположить, что криптовалюты можно признать иностранной валютой, так как заменить национальную валюту ввиду своей нестабильности она не может, но действует в большом количестве стран как средство платежа.

Национальное законодательство к иностранной валюте относит денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монет, которые находятся в обращении и являются законным платежным средством иностранного государства или группы государств, а также денежные знаки, изъятые или изымаемые из обращения, но подлежащие обмену. Кроме того, иностранная валюта – это находящиеся на счетах в банках и небанковских кредитно-финансовых организациях Республики Беларусь и иных стран средства в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах.

Криптовалюты не имеют материальной формы, а значит, не могут существовать в виде банкнот, казначейских билетов, монет. Ввиду отсутствия эмитента они не являются денежной единицей ни одного из иностранных государств. Более того, криптовалюты не могут находиться на банковских счетах за пределами пиринговой системы. Представляется сомнительным приравнение банковского счета, зачисление средств на который осуществляется путем записей, к криптовалютному кошельку, имеющему принципиально другой метод работы.

Эмиссию и погашение электронных денег на территории Республики Беларусь осуществляют банки. Электронные деньги необходимо номинировать в белорусских рублях или иностранной валюте. Крип-

товалюты банки не эмитируют и не выпускают в обмен на денежные средства. Не существует и обязательства по возврату денежных средств обладателям криптовалют.

Согласно словарю С.И. Ожегова валюта определяется как денежная система страны, а также денежные единицы этой системы [5]. Криптовалюта также является бесспорной единицей денежной системы Республики Беларусь и значительного количества других стран. Именно на основании этого возможно предположить, что криптовалюта может рассматриваться в качестве разновидности денег.

Следует отметить, что криптовалюты не являются ценными бумагами. Ценные бумаги должны удостоверяют какие-либо имущественные или неимущественные права. Факт владения криптовалютой не удостоверяет право на получение каких-либо ценностей. Криптовалюты имеют собственную ценность. Кредитор, принимая их в качестве оплаты, желает приобрести именно криптовалюту. В случае с ценными бумагами ценность представляет обязательство эмитента передать определенные права в обмен на ценную бумагу.

Криптовалюты также нельзя отнести к имущественным правам. Имущественные права подразумевают относительность правоотношений, когда лицо связано правами и обязанностями со строго определенным кругом лиц. Обладание криптовалютами сходно с абсолютными правоотношениями, когда лицу противостоит неограниченный круг лиц. Владелец криптовалют не предъявляет никаких требований другим субъектам системы и владеет криптовалютой по вещно-правовым титулам, например, праве собственности.

Криптовалюты не относятся к работам, услугам или нераскрытой информации в силу своей природы и роли в гражданском обороте. Несмотря на нематериальный характер, криптовалюты не относятся к нематериальным благам, которые представляют собой неотчуждаемые и непередаваемые объекты. Криптовалюты могут отчуждаться, передаваться другому субъекту и тем самым участвовать в гражданском обороте.

Гражданское, а также финансовое законодательство Республики Беларусь устанавливает, что платежи осуществляются путем наличных и безналичных расчетов. Представляется, что данная норма не отражает сознательного запрета на передачу криптовалюты.

Криптовалюты не являются товаром в том смысле, в каком его понимает налоговое законодательство: товары – имущество, которое бывает движимым или недвижимым.

По мнению У.А. Меликова, «в случае криптовалюты следует применять нормы законодательства, комплексно исходя из конкретных правоотношений, складывающейся по ее поводу» [6]. На основании этого можно предположить, что под криптовалютой следует понимать различные объекты гражданских прав и одновременно возникает необходимость разработки нового определения криптовалюты. Нахождение криптовалюты возможно только в глобальной компьютерной сети Интернет и именно это дает возможность ее использования повсеместно.

По мнению доцента Н.Ю. Рассказовой, определять криптовалюту следует как объект гражданского права с отнесения ее к иному имуществу. На наш взгляд, такая позиция не отражает суть и значение криптовалюты в общественных отношениях.

Исходя из вышеизложенного необходимо отметить, что новые объекты гражданских прав чаще всего относят к категории «иного имущества», но криптовалюта создает перспективы международного и высокотехнологического средства платежа и накопления. Большинство стран уже проводит работу по созданию и совершенствованию законодательства в области, связанной с криптовалютой, хотя в недалеком прошлом об этом мало кто мог подумать. В целях создания возможности легального использования криптовалюты в Республике Беларусь был издан Декрет № 8.

В Российской Федерации в настоящее время активно ведется работа по созданию специальных нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения, связанные с обращением криптовалюты. Известны отдельные направления, которые определяют основные цели совершенствования законодательства в этой области. Основная часть будет уделяться безопасности использования и создания возможности налогообложения криптовалюты.

Примечательно, что в отдельных государствах оценивают проблему криптовалют с совершенно разных позиций, так, например, в Германии биткоин принимается как расчетная денежная единица, что по своей сути отражает ее как валюту. В ряде стран она уже является законным платежным средством и государство получает от этого доход в виде налога. В Китае, стране которая является бесспорным лидером майнинга, при этом не разрешаются операции государственным учреждениям и банкам, но разрешены для физических лиц. В Швейцарии криптовалюта признается как иностранная валюта, благодаря чему возникают возможности ее использования с целью получения дохода и использования как средство накопления.

Таким образом, необходимо обратить внимание на дальнейшее совершенствование законодательства Республики Беларусь в области отношений, связанных с криптовалютой.

В этой связи целесообразно внести изменения и дополнения в действующее гражданское законодательство, а именно в абз. 2 ст. 128 ГК, «вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права» предлагаем дополнить фразой «вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права и криптовалюта». Такая конструкция позволит рассматривать криптовалюту в качестве самостоятельного объекта гражданских прав.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы: криптовалюта является новым объектом не только финансовых, но и гражданских правоотношений;

популяризация использования криптовалюты в гражданском обороте предполагает дальнейшее совершенствование гражданского законодательства в этой части;

теоретический и практический интерес представляет собой возможность признания криптовалют в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, находящихся свое нормативное отражение в ст. 128 ГК.

Список использованных источников

1. Свободная энциклопедия Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/>. – Дата доступа: 08.11.2019.
2. Чигир, В.Ф. Комментарий к Гражданскому кодексу Республики Беларусь с приложением актов законодательства и судебной практики (постатейный) : в 3 кн. 1. Разд. I. Общие положения. Разд. II. Право собственности и другие вещные права / В.Ф. Чигир. – Минск : Амалфея, 2005. – 1040 с.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.10.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/>валюта. – Дата доступа: 20.10.2019.
6. Криптовалюта в системе объектов гражданских прав [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/kriptovalyuta-v-sisteme-obektov-grazhdanskih-prav>. – Дата доступа: 20.10.2019.

УДК 343.98

В.А. Мискевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.В. Папуша*

Рецензент – кандидат юридических наук *А.И. Гигевич*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ХОЛОДНОГО ОРУЖИЯ

В статье рассматривается понятие исследования в целом и исследования холодного оружия в частности. Приводится алгоритм предварительного исследования холодного оружия. Описывается порядок проведения экспертного исследования холодного оружия.

С методологической точки зрения, прежде чем говорить о теоретических аспектах исследования холодного оружия, следует остановиться на том, что такое исследование в принципе.

Принято считать, что исследование – это повседневная задача научного работника.

Каждое исследование позволяет познать, какие аспекты проблемы остаются актуальными, что мешает их разрешению, каких направлений следует опасаться, а каких придерживаться.

Понимание исследования как закономерного и естественного элемента последующей практической эффективности ведет к развитию профессионализма. В этом случае исследование связывается не только с научной деятельностью, а становится элементом образования, искусства и профессиональной этики.

На основании изложенного понятие «исследование» можно определить как вид деятельности человека, состоящий:

- в установлении проблемных вопросов и ситуаций;
- уточнении их происхождения;
- установлении свойств, закономерностей происхождения и развития;
- определении места выявленных проблемных вопросов в системе накопленных знаний;
- нахождении способов, средств и методов разрешения выявленных проблем.

В объективно существующей практике указанные признаки исследования находятся в определенной соподчиненности и соотношении, характеризующей как степень профессионализма, так и конкретные сформулированные ученым цели и задачи.

Иными словами, исследование – вид деятельности с более сложным содержанием чем, например, анализ, моделирование или планирование. Исследование проблемы включает в себя более широкий спектр целей, задач, средств и методов.

В словарях имеются различные определения понятия «исследование», например, такие как:

исследование – «процесс научного изучения какого-либо объекта (предмета, явления) в целях выявления его закономерностей возникновения, развития и преобразования его в интересах общества» [1, с. 618];

исследование научное – «процесс выработки новых научных знаний, один из видов познавательной деятельности» [2, с. 343].

Характерно то, что в прошлом понятие «исследование» связывалось исключительно со специализированной научной деятельностью.

Проанализировав спорные точки зрения, касающиеся понятия «исследование» и их соотношения, можно определить, что исследование есть не что иное, как процесс познания действительности, основанный на чувственном восприятии объекта исследования с последующим осмыслением выявленных фактов, установлением и оценкой связей между ними.

Исследование холодного оружия (предметов, сходных с ним) и следов его применения, владения и пользования им может быть направлено на решение следующих задач:

выявление признаков, свидетельствующих, что данный предмет был орудием преступления и мог применяться против определенного лица;

установление некоторых обстоятельств применения орудий преступления;

установление владельца орудия преступления или лица, применившего его.

Указанные задачи тесно связаны между собой и решаются в комплексе путем следственного и экспертного исследования орудий преступления и следов его применения.

В юридической науке вопросы, касающиеся криминалистического и экспертного исследования холодного и метательного оружия, получили отражение в работах советских, российских и белорусских ученых: Ю.П. Голдованского, Ю.М. Дильдина, Н.И. Емельянова, Д.А. Корецкого, А.В. Лапина, В.М. Логвина, М.Г. Любарского, Г.Н. Мухина, В.М. Плескачевского, А.С. Подшибякина, Д.П. Расейкина, Х.М. Тахо-Годи, Е.Н. Тихонова, А.И. Устинова, а также отечественных специалистов-практиков: А.А. Артюшина, В.П. Егорова, Е.А. Лаппо и др. [3; 4].

Необходимо отметить, что исследование клинкового холодного оружия – специальное исследование, проводимое в установленной законом

процессуальной форме с составлением соответствующего документа, в котором содержатся фактические данные о признаках холодного оружия, заменяющих и напоминающих его объектов, а также закономерности образования следов от их применения, разрабатываются средства и приемы собирания и криминалистического исследования этих объектов в качестве вещественных доказательств при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений [5, с. 162].

Исследование холодного оружия может осуществляться следователем (например, в ходе осмотра, – в таком случае речь идет о так называемом предварительном исследовании) или экспертом в рамках проведения судебной экспертизы.

Предварительное исследование холодного оружия следователем преследует такие цели:

выявить признаки того, что исследуемый предмет мог быть орудием преступления и применяться против пострадавшего (о чем свидетельствуют следы биологического происхождения, микроволокна и др.);

установить некоторые обстоятельства применения орудия преступления (направление удара, угол вхождения клинка в преграду, наличие определенных препятствий и др.);

установить владельца орудия преступления или лицо, применившее его. Это достигается исследованием следов рук на поверхности рукоятки, клинка, изучением инициалов и других условных обозначений, имеющих на поверхности предмета;

предположительно отнести исследуемый предмет к холодному оружию.

При осмотре орудия преступления на месте преступления его берут в руки с соблюдением определенных мер предосторожности, чтобы не оставить свои следы на поверхности, обращают внимание на наличие всевозможных следов.

Следы действия холодного и метательного оружия на теле человека исследуются в рамках судебной медицинской экспертизы, а следы на иных объектах – при производстве трасологической [6, с. 146].

Подтверждением того, что предмет мог служить орудием преступления и применяться против определенного лица, является факт обнаружения:

следов биологического происхождения (крови, частиц кожи и внутренних органов, волос), частиц одежды на клинке или ударной части орудия;

частей самого орудия в повреждении;

соответствия размерных характеристик орудия размерным характеристикам повреждения.

Кроме самого холодного оружия и конструктивно сходных с ним изделий, следователь должен осмотреть, описать и изъять следы его применения на различных предметах окружающей обстановки.

Изымать холодное оружие следует соблюдая общие криминалистические правила, не исключая при этом возможность наличия на нем следов рук преступника, микрообъектов и иных следов.

По мнению некоторых ученых, экспертиза холодного оружия должна назначаться:

в целях исследования самодельно изготовленных предметов;

исследования предметов, изготовленных за рубежом;

исследования стандартного холодного оружия с определенными дефектами.

В настоящее время при проведении судебных экспертиз клинкового холодного оружия используется Методика экспертного решения вопроса о принадлежности предмета к клинковому холодному оружию, утвержденная 12 марта 2008 г. Межведомственным научно-методическим советом в области судебной экспертизы при Межведомственной комиссии по вопросам судебно-экспертной деятельности при Совете Безопасности Республики Беларусь.

Понятийно-категориальный аппарат, используемый в процессе исследования холодного оружия, утвержден техническим нормативным правовым актом СТБ ГОСТ Р 51215–2002 «Оружие холодное. Термины и определения». Унификация терминов и их определений повышает достоверность заключения эксперта, облегчает возможность его оценки сотрудниками органов дознания, предварительного следствия, судьями, а также иными заинтересованными лицами.

Процесс назначения судебной экспертизы (исследования) холодного оружия состоит из следующих основных этапов:

определение конечных и промежуточных целей, уточнение комплекса задач, решение которых позволит их достичь;

определение материалов, содержащих исходные данные для назначения судебной экспертизы холодного (метательного) оружия;

определение объектов исследования;

составление уполномоченным лицом постановления о назначении судебной экспертизы.

Задачи экспертного исследования определяются теми вопросами, которые будут поставлены на разрешение экспертизы. При этом вопросы не должны выходить за пределы компетенции эксперта, не могут носить правовой характер, должны быть четкими, логичными и обоснованными.

Например, могут быть поставлены следующие основные вопросы:

является ли представленное на экспертизу изделие холодным оружием?

к какому виду холодного оружия относится представленное на экспертизу изделие?

каким способом изготовлено представленное на экспертизу изделие?

Приведенные вопросы могут конкретизироваться и дополняться в зависимости от объектов исследования и обстоятельств конкретного дела.

Решение тех или иных задач экспертизы холодного оружия обусловлено целями судебно-экспертного исследования, которые в совокупности с объектом исследования определяют последовательность применения и содержание соответствующих методов и технических средств.

В случае если исследуется оружие заводского изготовления, не имеющее дефектов, следователь может сам установить факт принадлежности предмета к холодному оружию [7, с. 50].

В ходе судебной экспертизы холодного оружия также решаются вопросы, связанные с механизмом его применения [4, с. 175].

Так, изучив повреждения на теле и одежде пострадавшего, а также следы-наложения на орудии преступления, можно установить такие обстоятельства применения орудия преступления, как взаиморасположение нападавшего и жертвы, последовательность повреждений и др.

Владелец орудия преступления или лицо, применившее его, устанавливается по отпечаткам пальцев на орудии преступления.

Порядок исследования холодного оружия:

исследуемый объект сравнивается с образцами из коллекции или с изображениями оружия, прошедшего сертификационные криминалистические испытания в установленном порядке, содержащимися в регулярно издаваемых «Сборниках информационных листков холодного, метательного оружия и изделий, конструктивно сходных с таким оружием». Если находится аналогичный образец, то исследование продолжается, в противном случае объект не признается холодным оружием;

испытания на прочность, твердость и удобство удержания в руке, после успешного проведения которых объект признается холодным оружием.

Для определения вида оружия также могут быть использованы справочные альбомы, пособия.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы:

несмотря на общепризнанность существенных признаков понятий «исследование» и «исследования холодного оружия», каждый ученый интерпретирует их по-своему. Точки зрения ученых расходятся также относительно понятий «клинковое холодное оружие» и «неклинковое

холодное оружие», в том числе в части, касающейся правил их описания в протоколе осмотра;

исследование холодного оружия и следов его применения может быть направлено на решение различных задач, которые связаны между собой и решаются в комплексе путем следственного и экспертного исследования;

следственное исследование холодного оружия, называемое также предварительным, как правило, осуществляется в рамках осмотра места происшествия. При этом возможно решение целого ряда ключевых вопросов, относящихся как к самому орудию преступления, так и к обстоятельствам его применения;

экспертное исследование холодного оружия осуществляется экспертом при проведении судебной экспертизы холодного оружия, решающей вопросы классификационного и диагностического характера;

в настоящее время существует ряд теоретических и практических проблем, связанных с исследованием холодного оружия, что обуславливает необходимость дальнейшей научной разработки данного вопроса.

Список использованных источников

1. Толковый словарь русского языка / Д.В. Дмитриев [и др.] ; под ред. Д.В. Дмитриева. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – 1582 с.
2. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М. : Аделант, 2013. – 800 с.
3. Лаппо, Е.А. Судебная экспертиза холодного и метательного оружия : учеб. пособие / Е.А. Лаппо, А.С. Рубис, В.А. Чванкин / под общ. ред. Е.А. Лаппо ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2018. – 149 с.
4. Подшибякин, А.С. Криминалистическое учение о холодном оружии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Подшибякин ; Юрид. ин-т МВД России. – М., 1997. – 50 с.
5. Букаев, Н.М. Криминалистические экспертизы (спецкурс) : курс лекций / Н.М. Букаев, А.В. Втюрин. – Томск : Изд-во «Печат. мануфактура», 2002. – 163 с.
6. Ищенко, Е.П. Криминалистика : учебник / Е.П. Ищенко. – М. : Юрайт, 2014. – 146 с.
7. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. – Изд., перепеч. с изд. 1908 г. – М. : ЛексЭст, 2002. – 175 с.

УДК 343.985.8

Н.Д. Молчан, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

И.А. Шаматкульский

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.М. Веремеенко*

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ С ДРУГИМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ И СЛУЖБАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностью взаимодействия оперативных подразделений с другими подразделениями и службами органов внутренних дел при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Одним из самых эффективных средств в борьбе с преступностью является оперативно-розыскная деятельность (ОРД). При этом важными и неотъемлемыми компонентами успешной работы при решении задач субъектами ОРД является использование специфических сил, средств и методов.

На оперативные подразделения и иные службы органов внутренних дел (ОВД) возлагается функция участия в борьбе с преступностью, хотя в разном объеме и направлениях. Вместе с тем потенциал оперативных подразделений в борьбе с преступностью реализуется далеко не в полную силу.

Стоит отметить, что после вступления в силу Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») отмечается качественно новый этап в становлении и развитии правовой основы взаимодействия между оперативными подразделениями и иными службами органов внутренних дел. До этого указанное взаимодействие длительное время регулировалось в подавляющем большинстве с помощью ведомственных нормативных актов. Вышеуказанный закон в настоящее время является основным нормативным правовым актом, который регулирует вопросы взаимодействия оперативных подразделений с иными подразделениями и службами ОВД в борьбе с преступностью. При этом данный закон не раскрывает механизма взаимодействия оперативных подразделений с иными подразделениями и службами ОВД в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). В нем отсутствует понятие таких терминов, как «взаимодействие», «форма», «направления и условия взаимодействия»,

а также нет определения координации взаимодействия оперативных подразделений с иными службами ОВД.

Безусловно, взаимодействие очень тесно связано в практической деятельности с координацией согласованных действий. Но в отличие от координации при взаимодействии отсутствуют какие-либо обязанности у ее участников, направленные на распределение сил и средств, выработку и применение единых мер, установление контроля за исполнением рекомендуемых мероприятий, а главное – нет специального участника, имеющего полномочия на организацию взаимных действий [1, с. 142].

Кроме того, порядок образования и организации деятельности органа, координирующего взаимодействие оперативных подразделений с другими подразделениями и службами ОВД, не закреплен на законодательном уровне. Таких норм не содержит ни Закон «Об ОРД» [2], ни Закон Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» [3].

Основной идеей координационных мероприятий является обеспечить согласованность действий при взаимодействии оперативных подразделений с другими подразделениями и службами ОВД, сосредоточить усилия на ключевых направлениях в борьбе с преступностью, повысить эффективность в работе по предупреждению правонарушений.

К основным направлениям координации можно отнести согласованную разработку проектов нормативных правовых актов, совместную выработку единой правоприменительной практики, совместный анализ состояния преступности, ее структуры и динамики, прогнозирование тенденций развития.

В настоящее время можно выделить такой координирующий орган взаимодействия оперативных подразделений с другими подразделениями и службами ОВД при осуществлении ОРД в борьбе с преступностью как координационное совещание, которое возглавляется руководителями заинтересованных служб и подразделений.

Ведомственные нормативные правовые акты составляют правовую основу при регулировании вопросов в сфере взаимодействия, в связи с чем они играют большее значение для указанных подразделений. На данном законодательном уровне в первую очередь регламентирована деятельность оперативных подразделений ОВД, определена их система, организационные и тактические приемы применения оперативно-розыскных средств и методов борьбы с преступностью, распределены права и обязанности на этапе организации взаимной деятельности.

Основным обобщенным ведомственным нормативным правовым актом, в котором отражены общие положения, устанавливаются основные требования к организации взаимодействия подразделений ОВД в ходе

осуществления ими полномочий, направленных на раскрытие и расследование преступлений, является Инструкция об организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел при выявлении (раскрытии) преступлений.

Более детальным образом вопросам взаимодействия посвящены различные положения, наставления, рекомендации, научно-практические комментарии. К таким можно отнести «Практическое руководство по управленческой деятельности начальника милиции общественной безопасности РУ-ГО-РОВД» [4]. Как правило, последние носят рекомендательный характер в виде предписаний, в которых указаны конкретные действия (прав и обязанностей) и создаются для определенного круга субъектов [5, с. 44].

Нормативные правовые акты, которые регламентируют взаимодействие, в основном касаются лишь некоторых его аспектов или подготовлены для ограниченного числа субъектов.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что остро назрела необходимость создания в МВД Республики Беларусь единой системы нормативно-правового регулирования при комплексном использовании сил и средств оперативных подразделений ОВД для решения общих задач.

Улучшению правового регулирования взаимодействия оперативных подразделений с другими подразделениями и службами ОВД может способствовать включение в нормативные правовые акты описания средств и способов координационной деятельности, наиболее распространенных форм координации взаимодействия, способов фиксации ее результатов. Кроме того, стоит закрепить права и обязанности субъектов и участников координационного процесса и установить дисциплинарную ответственность за неисполнение координационных решений (хотя бы в общей форме).

Координация относится к важнейшим элементам организационно-управленческого воздействия на систему взаимодействующих субъектов, в связи с чем исследование проблем, связанных с координацией ОРД, объективно предполагает изучение места и роли руководителей оперативно-розыскных органов, служб и подразделений в таком процессе.

При этом значимость руководителя в координации ОРД достаточно высока, так как именно от него зависит грамотность организации функционирования как самого подразделения в целом, так и деятельности каждого сотрудника в отдельности.

Любая социальная организация имеет искусственную природу, поскольку это результат деятельности людей. При этом социальная организация в процессе своего генезиса всегда стремится к усложнению

своей структуры и технологии. Указанные обстоятельства затрудняют эффективность контроля и координацию действий членов организации на неформальном уровне или уровне самоуправления. Специальный орган в своей структуре должна иметь каждая более или менее развитая организация. Основным видом деятельности данного органа будет служить выполнение определенной совокупности функций, которые направлены на обеспечение участников организации целями, координацию их усилий [6, с. 15]. Этот вид деятельности называется управлением и является системообразующим стержнем в функционировании сложных социальных организаций.

В свою очередь, управление – функция руководителя (или уполномоченного органа), определяющая общую стратегию и политику организации, обеспечивающая направление деятельности всех ее структурных элементов, а также не допускающая критического отклонения отдельных служб и подразделений организации от решения поставленных задач и достижения установленных целей.

Каждым структурным элементом организации решаются свои частные задачи, для решения которых он и создан. Вместе с тем в процессе функционирования данных элементов их частные задачи могут начать превалировать над общими задачами всей организации. Такие деструктивные отклонения могут стать критическими и привести к разрыву внутренних системных связей и снижению эффективности деятельности организации. Осуществляя управление в социальной организации, руководитель по существу закладывает основу для согласованной деятельности ее структурных элементов и организует взаимодействие между ними.

Любую социальную организацию можно представить как определенную систему, состоящую из входа определенных ресурсов, механизма переработки поступивших ресурсов и выхода готовой продукции или услуг. При управлении организацией существует обратная технологическая цепь, которая начинается с измерения продукции или услуг, имеющихся на выходе. После измерения в орган управления поступают сведения о количестве и качестве этих товаров и услуг. Там они оцениваются и сравниваются с определенным стандартом (эталоном). На основании этого принимается управленческое решение, которое изменяет входные параметры, режим функционирования внутреннего механизма, что в конечном итоге меняет количественные и качественные характеристики производимых услуг и товаров [7, с. 215].

По аналогичной схеме функционируют и оперативно-розыскные органы. Поступившие информационные ресурсы (заявления, сообщения и т. д.) проверяют и документируют с помощью оперативно-розыскного

механизма, после чего реализовываются в правоприменительном процессе, который по существу можно отнести к предоставлению правоохранительных услуг отдельным гражданам и обществу в целом.

В то же время в процессе управления оперативно-розыскными органами имеются существенные особенности, что объективно сказывается на требованиях, предъявляемых к руководителю оперативного подразделения или ведомства, являющегося неотъемлемым звеном данной социальной системы и осуществляющего социально значимую функцию управления и организации деятельности ее структурных элементов. При этом к одному из важнейших организационных аспектов управления оперативным подразделением можно отнести организацию взаимодействия смежных подразделений и координацию ОРД подчиненных структур.

Она включает в себя комплекс управляющих воздействий на взаимодействующие службы, который направлен на организацию совместной деятельности этих служб, объединение и согласование их усилий и возможностей в целях наиболее успешного решения поставленных задач. С помощью организации взаимодействия достигается наиболее полное использование возможностей каждой из взаимодействующих сторон, располагающих различными средствами и методами решения поставленных перед ними задач. В конечном итоге это и обеспечивает успешное достижение общей цели.

Руководителем осуществляется организация взаимодействия как внутри своего подразделения (ведомства), так и вовне – с иными службами (подразделениями, ведомствами). Организацию внутреннего взаимодействия осуществляет руководитель ежедневно в процессе осуществления управленческих функций.

По существу внутреннее взаимодействие можно представить как совместную или согласованную деятельность отдельных сотрудников, отделений и отделов подразделения, направленную на достижение общей цели средствами и возможностями, которыми располагает каждый из них в пределах своей компетенции. Внутреннее взаимодействие обеспечивает упрочение связей между субъектом и объектом управления, а также между объектами одной управляемой системы. При этом, какой бы большой ни была структурно-функциональная специализация частей системы, выполнение своей специфической функции каждая часть способна не сама по себе, а в рамках данной целостной системы, в непосредственной или опосредованной связи и во взаимодействии с другими частями [8, с. 17].

Здесь следует отметить, что чем сложнее структура оперативно-розыскного органа и выше уровень руководителя, тем более высокие требования предъявляются к его профессиональным знаниям, навыкам и компетентности. Существует прямая зависимость корпоративности и сплоченно-

сти коллектива оперативного подразделения от уровня профессионализма и компетентности его начальника. Если оперативно-розыскные цели и задачи грамотно и профессионально поставлены руководством подразделения, это позитивно повлияет на эффективность их выполнения, а такие качества руководителя, как умение компетентно и оперативно разобраться в сложной тактической ситуации и дать четкие указания оперативному сотруднику, значительно повысят уровень уважения и доверия к начальнику со стороны оперативного состава подразделения.

При внешнем взаимодействии оперативного подразделения с другими подразделениями и службами ОВД могут использоваться в борьбе с преступностью не только дополнительные силы, но и специфические для каждого из этих органов средства и методы.

Таким образом, организационно-управленческое воздействие можно представить как процесс, который состоит из определенных этапов: определение руководителем таких должностных лиц и подразделений, взаимодействие которых необходимо для решения общей задачи; постановка перед каждым субъектом взаимодействия частных задач, которые согласованы по месту, целям и времени; осуществление оперативного реагирования и контроля за изменением обстановки; анализ и оценка результатов деятельности.

Таким образом, взаимодействие относится не к функции, а является основой существования любой управляемой системы, в том числе и правоохранительной. Для эффективного решения задач ОРД необходимо постоянное поддержание делового взаимодействия оперативных подразделений с другими службами ОВД. Улучшить положение дел в современных условиях позволит совершенствование правовых, методических, практических, организационных и тактических вопросов совместной деятельности, которые направлены на повышение эффективности взаимодействия в решении задач ОРД.

Руководителям органов внутренних дел отводится самая важная роль в повышении уровня взаимодействия. Специфичность проведения совместных ОРМ требует должного внимания, тщательной и постоянной их практической проработки. Обобщение положительного опыта по организации взаимодействия обязательно должно найти отражение в развернутых методических рекомендациях для практических сотрудников, где, возможно, потребуется максимально подробно раскрыть механизм, основания и отдельные тактические особенности взаимодействия оперативных подразделений ОВД.

Улучшению правового регулирования взаимодействия оперативных подразделений с другими подразделениями и службами ОВД может способствовать включение в нормативные правовые акты описания наиболее распространенных форм координации взаимодействия, спо-

собов и средств координационной деятельности, способов фиксации ее результатов.

Список использованных источников

1. Бакунчев, А.Г. Некоторые проблемы правового регулирования взаимодействия оперативных подразделений ФСИН и криминальной милиции в борьбе с преступностью / А.Г. Бакунчев // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2007. – № 300-1. – С. 142–143.
2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 (с изм. и доп.) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Практическое руководство по управленческой деятельности начальника милиции общественной безопасности РУ-ГО-РОВД / под ред. Н.А. Мельченко, И.Н. Гатальского. – Минск, 2014. – 328 с.
5. Красиков, В.С. Организационно-тактические и правовые аспекты взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел / В.С. Красиков // Вопр. криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы. – 2014. – № 1 (35). – С. 44–48.
6. Горбухов, В.А. Основы социального управления : учеб. пособие / В.А. Горбухов. – М., 2009. – 320 с.
7. Самodelкин, А.С. Место и роль руководителей оперативных подразделений в координации оперативно-розыскной деятельности / А.С. Самodelкин // Общество и право. – 2016. – № 1 (55). – С. 215–220.
8. Афанасьев, В.Г. Научное управление обществом (опыт системного исследования) / В.Г. Афанасьев. – М., 1968. – 122 с.

УДК 343.985

С.В. Олякевич, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *С.В. Пилюшин*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО РАСКРЫТИЮ КРАЖ И УГОНОВ АВТОТРАНСПОРТА

В данной статье рассматриваются вопросы деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь по предупреждению и раскрытию краж и угонов автотранспорта. Основное внимание будет уделено поиску новых форм и методов взаимодействия правоохранительных органов стран Таможенного

союза по противодействию преступлениям, связанным с криминальным автобизнесом.

Одной из основных и важнейших задач правоохранительных органов является предупреждение посягательств на личную собственность граждан и собственность организаций. На общем фоне увеличения количества автотранспорта беспокойство вызывает рост количества краж и угонов.

Исходя из Закона Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» на органы внутренних дел возложены задачи по обеспечению защиты личной и имущественной безопасности от преступных и иных противоправных посягательств, в том числе и по установлению и задержанию лиц, совершивших хищение или угон транспортных средств, водителей, скрывшихся с места дорожно-транспортных происшествий, лиц, подозреваемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений и перемещающихся на транспортных средствах, обнаружение и задержание похищенных или угнанных транспортных средств [1]. В системе органов внутренних дел на уголовный розыск возложена такая задача, как раскрытие угонов транспортных средств, а в системе Государственной автомобильной инспекции МВД Республики Беларусь – оперативного реагирования и розыска.

Основными задачами лиц, занимающихся розыском угнанного и похищенного транспорта, является непосредственно установление и задержание разыскиваемых транспортных средств, а также лиц, которые их совершили. Тенденция угона транспортных средств снижается, но, несмотря на это, их количество, остается значительным.

Проанализировав данные за 2018 г., в Беларуси зарегистрировано свыше 700 угонов и краж автомобилей. Факты неправомερных поездок фиксируются в разы чаще тайных хищений транспортных средств. Установлены подозреваемые в совершении 90 % угонов [2].

Проанализировав совершающиеся хищения транспортных средств, можно составить портрет лиц, совершающих кражи и угоны транспортных средств. Он выглядит следующим образом: это молодые люди, как правило, мужского пола в возрасте 16–25 лет. В большинстве своем – жители населенного пункта по месту совершения ими преступлений. Имеют среднее общее образование. В большинстве случаев не имеют постоянного легального источника доходов. Треть из них неоднократно судимы. 25–40 % в момент совершения преступлений находятся в состоянии алкогольного опьянения. Алкоголь в таких случаях способствует снижению у преступника чувства ответственности за свое поведение, понижает способность к самоконтролю, правильной самооценке своих поступков и способствует противоправному способу самоутверждения

[3 с. 51]. Посягательства на транспортные средства совершаются с целью полного демонтажа транспортного средства и с дальнейшей его продажей; продажи без переоборудования с документами-дубликатами и частичного демонтажа. Продажа угнанных автомобилей является транснациональной проблемой. Этому содействуют два фактора: продажа похищенных транспортных приносит быструю прибыль преступникам; похищенные транспортные средства легко перепродать, так как на них имеется большой спрос у граждан. Анализируя криминогенную ситуацию на территории Республики Беларусь и Российской Федерации, можно прийти к такому выводу: меры, предпринятые органами внутренних дел обоих государств, оказались позитивными и позволили стабилизировать оперативную обстановку в районе преступлений в автомобильном бизнесе. Но, несмотря на меры, принимаемые государствами, преступные группировки и отдельные лица, причастные к хищению и легализации транспортных средств, продолжают свою незаконную деятельность. Этим субъектам незаконной деятельности удается надежно скрыть угнанный автомобиль, минуя территорию соседнего государства. Конечно, преступники не стоят на месте и применяют большое количество различных методов, с целью замаскировать украденные автомобили и скрыть следы преступной деятельности. Похищенное транспортное средство подлежит перевозке, преступники изготавливают на него поддельные документы, подтверждающие наличие аналогичных марок (моделей), зарегистрированных легально в соседней республике. Кроме того, в похищенном автомобиле изменяют и идентификационный номер. После через посредников автомобиль проходит упрощенную процедуру таможенного оформления с выдачей легального паспорта транспортного средства. Не исключено, что указанная преступная схема может быть использована преступниками в отношении одного и того же автомобиля несколько раз. Для того чтобы так сделать, транспортное средство необходимо застраховать, после чего фиктивно заявить о его хищении с целью получения в дальнейшем страхового возмещения. Успех сотрудников органов внутренних дел по выявлению разыскиваемого транспортного средства зависит от бдительности, внимания, навыков, профессиональной подготовленности, а также организации взаимодействия с гражданами. Значительное количество разыскиваемых транспортных средств обнаруживают граждане. В связи с этим необходимо максимально использовать взаимодействие с населением и привлекать к участию в розыскных мероприятиях представителей общественных групп, занимающихся вопросами безопасности дорожного движения и общественного порядка, а также работников автотранспортных предприятий [4 с. 155].

Для эффективного взаимодействия сотрудников органов внутренних дел с гражданским населением был создан интернет-проект «Перехват». Интернет-проект «Перехват» – механизм для противостояния противоправным деяниям с помощью сети Интернет. Он основан на принципах обмена информацией между сотрудниками органов внутренних дел и гражданским населением. Сообщения пользователей, поступающие прямо на сайт «Перехват» либо посредством сканирования специальным программным обеспечением социальных сетей, подвергается премодерации [5].

В связи с образованным Таможенным союзом открылись границы государств союза, что расширило возможности для свободного перемещения транспортных средств. Открытую границу преступники начали использовать в своих преступных целях, пытаясь беспрепятственно перемещать автотранспортные средства через прозрачную границу.

Исходя из проведенного анализа только с 2013 по 2014 г. в Беларуси было выявлено 52 автомобиля, похищенных в России. На территории Российской Федерации в указанный период было найдено 18 транспортных средств, похищенных в нашей республике. В этот же период в России установлена причастность 46 граждан Беларуси к совершению преступлений в сфере автобизнеса, на их счету 32 кражи и 79 угонов. Граждане России совершили на нашей территории десять краж и угонов. Около 10 % из регистрируемых в Республике Беларусь автомобилей, приобретаемых в Российской Федерации, имеют криминальное прошлое [6, с. 216].

В связи со значительным уровнем преступности сложность ее структуры и форм проявления требуют принятия целенаправленных мер по надежной защите всех форм собственности от преступных и иных противоправных посягательств.

С целью предотвращения угонов и хищения транспортных средств, стабилизации криминогенной обстановки на территории Республики Беларусь сотрудники органов внутренних дел доводят до населения информацию, направленную на снижение данного вида преступлений. Одним из важнейших элементов профилактики краж и угонов транспортных средств является соблюдение принципа неотвратимости наказания. Для выполнения профилактики краж и угонов транспортных средств органы внутренних дел определяют основные направления служебной деятельности, изучают и анализируют оперативную обстановку, чтобы поднять на более высокий уровень используемые методы оперативно-розыскной деятельности по выявлению, изобличению и привлечению к ответственности виновных в подготовке и совершении краж и угонов транспортных средств. Для решения правовой проблемы краж и угонов автотранспортных средств необходимо осуществлять анализ и иссле-

дование в рассматриваемой области, кроме того необходимо в полном объеме использовать все возможности при решении данной проблемы, а именно возможности логического осмысления, конкретизации и систематизации проблемных вопросов, возникающих в процессе уголовно-правовой регламентации ответственности за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством.

В целях более эффективного раскрытия преступлений сотрудниками органов внутренних дел необходимо проведение совместных рабочих встреч и совещаний, на которых следует обсуждать наиболее актуальные вопросы применения новых методов предупреждения и пресечения преступлений в сфере противодействия криминальному автобизнесу, в том числе основанных на большом использовании современных технических средств. Особую роль в подготовке сотрудников органов внутренних дел целесообразно отвести отработке навыков розыска похищенных автомобилей по горячим следам. Нужно понимать, что если в результате проведенных первичных мероприятий не удалось установить местонахождение автомобиля, оперативно-розыскные мероприятия не должны прекращаться. Следующий этап подготовки сотрудника органов внутренних дел подразумевает отработку навыков проведения оперативно-розыскных мероприятий в тесном взаимодействии с сотрудниками уголовного розыска, ГАИ, охраны общественного порядка, Департамента охраны, участковыми инспекторами милиции, а также другими службами. При подготовке сотрудников органов внутренних дел также необходимо уделить особое внимание целесообразности, порядку проведения и последовательности оперативно-розыскных мероприятий. В целях совершенствования противодействия криминальному автобизнесу можно отнести разработку практического метода, выражающегося во внедрении тренинговых обучающих комплексов для обучения навыкам определения наиболее оптимальных путей решения в модулируемых ситуациях розыска похищенного автотранспорта, для разработки совместных мероприятий по профилактике, предотвращению и раскрытию краж и угонов автотранспорта правоохранительными органами Республики Беларусь и Российской Федерации. Некоторый опыт в использовании технических средств отработан в рамках организации взаимодействия по решению правоохранительных задач в области дорожного движения в приграничных районах Российской Федерации и Республики Беларусь. В рамках эффективного взаимодействия с ГАИ МОБ УВД Гомельского облисполкома и ГИБДД УМВД Российской Федерации по Брянской области ежеквартально организовываются и проводятся отработки приграничных районов областей и автодорог обеих стран. Цель проведения данной отработки заключается в следующем: предотвращение дорожно-транспортных происшествий; проверка води-

телей, которые могут перевозить незаконные товары с территории Российской Федерации в Республику Беларусь, а также пресечение краж и угонов транспортных средств. В ходе данных обработок проводится совместное профилактическое мероприятие под условным названием «СТОП» [7, с. 112].

Проблема оперативного выявления и задержания автомобилей, передвижающихся с похищенными в Беларуси регистрационными знаками, обусловлена двумя факторами: у государств отсутствует объединенная база данных зарегистрированного автотранспорта; отсутствие в МВД России сведений о похищенных в Беларуси регистрационных знаках. Кроме того, необходимо разработать механизм, в соответствии с которым при совершении регистрационных действий будет проводиться обязательная проверка транспортных средств на предмет их нахождения в розыске как на территории Республики Беларусь, так и на территории Российской Федерации. Принимаемые совместные мероприятия по предотвращению и раскрытию краж и угонов автотранспорта являются недостаточно эффективными и не позволяют в полном объеме выполнить поставленные перед органами внутренних дел задачи. Сложившаяся ситуация явилась следствием того, что между странами нет защищенного канала связи. Данный вопрос неоднократно рассматривался правоохранительными ведомствами наших стран. Для повышения эффективности борьбы с кражами и угонами автотранспорта необходимо уделить внимание углубленному изучению порядка проверки регистрационных документов, способов изменения маркировочных данных автомобилей, видов и признаков подделки документов, а также отработке тактики действий сотрудниками при выявлении фактов подделки [8, с. 139].

На наш взгляд, участникам Таможенного союза необходимо ввести новые подходы к проведению совместных мероприятий по предупреждению и раскрытию краж и угонов автотранспорта правоохранительными органами. Для пресечения легализации похищенного автотранспорта необходимо создать межгосударственную базу данных транспортных средств, которые зарегистрированы на территориях стран Таможенного союза, с возможностью удаленного доступа к ним органов внутренних дел и обеспечением информационной безопасности. Кроме того, необходимо разработать механизм, в соответствии с которым при совершении регистрационных действий будет проводиться обязательная проверка транспортных средств на предмет их нахождения в розыске.

На основании вышеизложенного материала можно сделать вывод о том, что для повышения эффективности борьбы с преступлениями в рассматриваемой сфере необходимо уделять внимание подготовке и обучению сотрудников органов внутренних дел, а также новых способов взаимодействия правоохранительных органов стран Таможенного союза.

Список использованных источников

- 1 Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2007 г., № 263-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
- 2 Количество зарегистрированных преступлений [Электронный ресурс] : Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь / На страже 2016. – Режим доступа: <http://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2018/june/29460>. – Дата доступа: 20.11.2019.
- 3 Панов, С.Л. Типологизация лиц, совершающих неправомерное завладение автотранспортом / С.Л. Панов // Психопедагогика в правоохран. органах. – 2008. – № 2 (33). – С. 51–53 с.
- 4 Федчук, И.Л. Взаимодействие органов внутренних дел с гражданами, участвующими в охране правопорядка, в Республике Беларусь / И.Л. Федчук // Юрид. наука и правоохран. практика. – 2017. – № 1 (39). – С. 154–159.
- 5 Интернет-проект «Перехват» ГУВД Мингорисполкома [Электронный ресурс] / Социально-сервисный интернет-проект «Перехват». – Режим доступа: <https://astronim.by/case-perehvat.html/>. – Дата доступа: 20.11.2019.
- 6 Моисеенко, А.Н. Средства и методы раскрытия и предупреждения краж и угонов автотранспорта / А.Н. Моисеенко // Актуал. вопр. права, образования и психологии. – 2015. – Вып. 3. – С. 215–220.
- 7 Доев, В.А. Некоторые особенности расследования краж и угона автотранспортных средств / В.А. Доев // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2015. – № 10. – С. 109–112.
- 8 Моисеенко, А.Н. Некоторые аспекты деятельности органов внутренних дел по предупреждению, раскрытию краж и угонов автотранспорта / А.Н. Моисеенко, В.М. Ковалев // Проблемы правоохран. деятельности. – 2016. – № 3. – С. 136–139.

УДК 342.9

Е.М. Петрусевич, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.И. Левшук*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.Л. Федчук*

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСПЕКЦИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Инспекции по делам несовершеннолетних, являясь структурным подразделением милиции общественной безопасности территориальных органов внутренних дел, выполняют важную роль в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, обеспечении защиты их прав и законных

интересов, организации досуга и оказывают помощь в трудоустройстве. В научной статье проанализировано современное состояние профилактической работы инспекций по делам несовершеннолетних, отражены меры общей и индивидуальной профилактики, сформулированы научно обоснованные предложения по совершенствованию данного направления деятельности.

Актуальным и тревожным остается динамика числа семей и детей, находящихся в социально опасном положении. В 2019 г. на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних (ИДН) стояло 712 родителей (в 2018 г. – 857 человек), а поставлено за отчетный период 609 человек. В связи с этим государству и обществу необходимо решить задачу – определить наиболее эффективные меры профилактики совершения правонарушений среди данного контингента. В первую очередь, такие меры реализуют ИДН, целевое назначение которых выражается через выполняемые ими функции: охранительную (выражается в защите прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних; своевременном изъятии детей, находящихся в социально опасном положении); профилактическую (предотвращение совершения несовершеннолетними противоправных деяний и в отношении их); контрольную (осуществление контроля за исполнением мер уголовной ответственности).

В 2019 г. на территории Республики Беларусь инспекциями по делам несовершеннолетних было привлечено по ч. 1–3 ст. 17.3 КоАП 8 074 несовершеннолетних, а по ч. 4–6 ст. 17.3 КоАП 138 человек. За вовлечение несовершеннолетних в антиобщественное поведение (по ст. 17.4 КоАП) привлечено 7 060 человек; за неисполнение обязанностей по сопровождению или обеспечению сопровождения несовершеннолетнего в ночное время вне жилища (по ст. 17.13 КоАП) – 7 564 родителя (лиц, их заменяющих).

На учет в инспекцию по делам несовершеннолетних взят 12 061 несовершеннолетний (в 2018 г. – 12 347 человек). Индивидуальная профилактическая работа проведена с 10 794 несовершеннолетними. Основную массу последних составили учащиеся колледжей, лицеев, училищ (5 275 человек); учащиеся школ, гимназий (5 108 человек). Среди данного контингента попадались лица, употребляющие наркотические средства и психотропные вещества (152 человека), спиртные напитки (2 947 человек).

В Республике Беларусь в прошлом году окончено предварительное расследование 1 749 преступлений, совершенных несовершеннолетними, и при их соучастии (в 2018 г. – 1 665 уголовно наказуемых деяний), 89,3 % из которых составляют менее тяжкие преступления и преступления, не представляющие большой общественной опасности.

Деятельность ИДН по профилактике правонарушений несовершеннолетних осуществляется посредством реализации мер общей и индивидуальной профилактики. Объектами пристального внимания со стороны данных подразделений милиции общественной безопасности являются безнадзорные, беспризорные, занимающиеся бродяжничеством или попрошайничеством дети, родители (лица, их заменяющие), опекуны и попечители. Безнадзорным признается несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или законных представителей либо должностных лиц; беспризорный по сути тот же безнадзорный, однако не имеющий места жительства и (или) места пребывания [1].

Общая профилактика правонарушений выражается в предотвращении и пресечении правонарушений; выявлении, анализе, устранении причин и условий, способствующих совершению противоправных деяний, а также выявлении, учете, формировании законопослушного поведения [2]. В свою очередь, общая профилактика правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, осуществляется в четырех основных сферах:

- в семье;
- в трудовом коллективе;
- в учебных учреждениях;
- по месту жительства.

К мерам общей профилактики правонарушений относятся разработка и утверждение региональных комплексных планов по профилактике правонарушений и проведение профилактических мероприятий; правовое просвещение граждан; внесение представлений, вынесение предписаний; иные меры, предусмотренные Законом № 122 и другими законодательными актами [2]. В частности, к иным мерам общей профилактики правонарушений отнесены:

информирование о проводимых и проведенных профилактических мероприятиях;

организация проведения опросов общественного мнения о деятельности субъектов профилактики правонарушений и освещения их результатов в государственных средствах массовой информации, в том числе распространяемых с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, на официальных сайтах субъектов профилактики правонарушений;

стимулирование граждан за предоставление достоверной информации о подготавливаемых или совершенных правонарушениях;

проведение криминологической экспертизы проектов правовых актов и правовых актов в порядке, установленном Президентом Республики Беларусь;

иные меры, предусмотренные законодательными актами [2].

Общая профилактика правонарушений несовершеннолетних реализуется путем проведения программ и акций профилактической направленности на республиканском уровне. Так, ежегодно (с 1 мая по 1 октября) сотрудники территориальных органов внутренних дел совместно с другими субъектами профилактики осуществляют Межведомственную специальную программу «Забота», основная цель которой заключается в **организации занятости и досуга подростков в летний период, недопущении совершения ими противоправных деяний, гибели и травматизма детей** [3].

Проводятся также следующие профилактические акции:

акция «*Нечем заняться? Обращайся к нам!*» направлена на обеспечение трудовой и учебной занятости несовершеннолетних, организацию их досуга в свободное время с активным привлечением заинтересованных государственных органов и общественности;

акция «*Мама, папа, я – счастливая семья?*» ориентирована на объединение усилий заинтересованных государственных органов и общественности в вопросах профилактики семейного неблагополучия. Целями указанной акции являются обеспечение защиты прав и законных интересов детей, находящихся в социально опасном положении; вовлечение обязанных лиц в общественно полезную деятельность, контроль за их ежедневной явкой на работу; установление местонахождения обязанных лиц, объявленных в розыск; нравственное и духовное воспитание молодежи.

Отдельное место в профилактике правонарушений среди несовершеннолетних занимают мероприятия по предупреждению формирования преступных групп. Группы несовершеннолетних правонарушителей, как правило, формируются по месту жительства (многоквартирный дом, общежитие, дворовая территория) и учебы (школа, лицей, специальное учебно-воспитательное учреждение и др.). Нередки случаи образования групп подростков по месту проведения досуга (парк, развлекательный центр, компьютерный клуб и т. д.).

Формирование преступных групп можно предупредить, если умело организовать досуг подростков, в нужном направлении использовать их энергию (спортивные и иные мероприятия, особенно по уличным видам спорта – паркур, воркаут и др.). О недопущении групповой преступности среди несовершеннолетних либо с их участием можно предупредить путем выступления на родительских собраниях и в учебных классах; про-

ведения круглых столов и тематических занятий; показа фильмов профилактической направленности; участия в спортивных соревнованиях; организации выездных заседаний ИДН и судебных заседаний по рассмотрению групповых правонарушений, совершенных подростками; работы в социальных сетях (ВКонтакте, Одноклассники, Twitter, Facebook и т. д.) для общения с подростками и их родителями; изготовления, использования и размещения наглядной профилактической информации (буклетов, листовок, социальных роликов и др.); проведения в ОВД мероприятий (например, день открытых дверей) для подростков с последующими экскурсиями в музеи, по памятным местам и др. [4, с. 6].

Основой общей профилактики наркомании среди несовершеннолетних являются подлечащие проведению на постоянной основе сотрудниками инспекции по делам несовершеннолетних выступлений в учреждениях общего среднего, профессионально-технического, среднего специального, высшего и специального образования. В ходе таких выступлений они информируют несовершеннолетних о физических и психологических последствиях, которые могут наступить даже при первом, а также регулярном потреблении наркотиков. Рекомендуется демонстрация по рассматриваемой тематике видеофильмов, использование интерактивных форм общепрофилактической работы в виде разработанных игр или компьютерных программ. Отдельное внимание должно уделяться размещению объявлений в сети Интернет о высокой оплате сомнительного рода поручений, связанных с распространением наркотиков. Часто такие предложения носят завуалированный характер, но суть их очевидна.

Кроме того, целесообразно рекомендовать родителям обращаться к руководителям учреждений образования для проведения психосоциального анкетирования и наркологического тестирования детей (с 11 лет) на предмет употребления алкоголя, наркотических веществ, психотропных веществ и их аналогов. Для этого необходимо информированное согласие в письменной форме (одного из родителей, опекуна, попечителя для детей с 11 лет), самого подростка, достигшего 14 лет [5, с. 8].

Отдельного внимания в рамках общей профилактики заслуживает размещение в учреждениях образования, трудовых коллективах, местах массового отдыха и иных объектах общественного пользования информационно-справочных материалов по рассматриваемой тематике.

От качества профилактической работы зависит жизнь потенциальных наркоманов, членов их семей и общества в целом. Именно поэтому профилактика наркомании, особенно у подростков, не должна проводиться формально, ради галочки.

Качество принимаемых управленческих решений по предупреждению подростковой преступности впоследствии напрямую влияет на со-

стояние взрослой, а также рецидивной преступности. Если подростковая преступность увеличилась по отдельному виду преступлений, либо на территории отдельных административных участков, а не на всей обслуживаемой ОВД территории, стоит рассмотреть вопрос о разработке и утверждении отдельного указания начальника органов внутренних дел о проведении ряда профилактических мероприятий или профилактической акции. В случае когда проблему необходимо разрешать с участием многих субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, то надо составлять межведомственный план мероприятий, который подлежит согласованию с различными государственными органами (например, с органами образования, здравоохранения, прокуратуры и др.), а его утверждение должно быть на уровне руководства горрайисполкома (администрации района в городах). Кроме того, решение обязано пройти внутреннее согласование в подразделениях ОВД, задействованных в реализации запланированных мероприятий.

В ходе контроля и оценки результатов необходимо учитывать качество реализации мероприятий, их эффективность, положительные примеры работы сотрудников, достигших высоких результатов, а также выявленные недостатки и возникшие проблемные вопросы.

Так, в 2019 г. за период проведения специального комплексного мероприятия «Подросток» было зарегистрировано четыре преступления с участием несовершеннолетних. Однако в ходе плановых проверок работы ИДН территориальных ОВД по реализации специального комплексного мероприятия «Подросток» (СКМ) были выявлены следующие недостатки:

на подготовительном этапе СКМ не всегда были определены наиболее криминогенные объекты и места концентрации несовершеннолетних, а также не согласована тематика выступлений в учебных заведениях с социально-педагогической и психологической службами;

списки несовершеннолетних, с которыми организовано проведение индивидуальной профилактической работы, на период СКМ не актуализировались;

недолжным образом проводились инструктажи сотрудников органов внутренних дел, задействованных в СКМ (наблюдалось незнание целей и задач согласно планам-заданиям);

выступления в отдельных учреждениях образования проводились во время школьных каникул при минимальном количестве обучающихся.

Состояние криминогенной обстановки среди несовершеннолетних зависит и от уровня организации их досуга. Вместе с тем отдельные сотрудники инспекций по делам несовершеннолетних не изучают состояние воспитательной работы в кружках, спортивных секциях. В ряде

случаев они забывают об осуществлении контроля за местами торговли алкогольной продукцией с целью предупреждения и пресечения ее продажи несовершеннолетним, профилактики подросткового пьянства в целом. В ходе проверок деятельности ИДН также выявлено, что не всегда проводится совместная работа с врачом-наркологом по выявлению подростков, нуждающихся в соответствующем лечении.

Помимо общей профилактики сотрудники инспекций по делам несовершеннолетних проводят индивидуальную профилактическую работу, представляющую собой деятельность по своевременному выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, а также по их психолого-педагогической реабилитации или предупреждению совершения несовершеннолетними правонарушений и в отношении последних. Мерами индивидуальной профилактики правонарушений являются:

профилактическая беседа;

официальное предупреждение;

профилактический учет;

защитное предписание;

иные меры, предусмотренные законодательными актами (ст. 23 Закона № 122) [2].

Очевидно, что дети, проживающие в семьях, где родители (один из родителей) потребляют наркотики и (или) ранее судимы за незаконный оборот наркотиков, а также дети, находящиеся в социально опасном положении, состоят в зоне риска. Такие факторы, как неблагополучная семья, а во многих случаях и ее отсутствие, отрицательное влияние окружения, безнадзорность и др. являются основными проблемами девиантного поведения несовершеннолетних. Именно по этой причине очень важно проводить индивидуальную профилактическую работу с такой категорией несовершеннолетних. С этой целью необходимо иметь данные о проживающих на обслуживаемом участке в соответствующих семьях.

Относительно детей, находящихся в социально опасном положении, профилактические мероприятия с ними должны планироваться и проводиться в тесном взаимодействии с учреждением образования, в котором они обучаются. Пристального внимания заслуживают семьи, в которых детей воспитывают родители, причастные к незаконному обороту наркотиков. Рекомендуется на постоянной основе посещать такие семьи, обращать внимание на внешние физические и поведенческие признаки.

Однако не всегда индивидуальная профилактическая работа помогает избежать повторности совершения новых правонарушений несовершеннолетними. В таких случаях ИДН вправе собрать материалы в отно-

шении несовершеннолетнего для решения судом вопроса о помещении несовершеннолетнего в специальное учреждение с целью предотвращения совершения противоправных деяний несовершеннолетним и его исправления (формирования законопослушного поведения).

В свою очередь, с целью совершенствования профилактической деятельности ИДН предлагается:

проводить онлайн-семинары с полицией зарубежных стран по обмену опытом в сфере профилактики правонарушений, совершаемых несовершеннолетними;

усилить контроль со стороны руководителей территориальных ОВД (в том числе начальников инспекций по делам несовершеннолетних и их заместителей) за деятельностью инспекторского состава ИДН;

ежегодно повышать квалификацию сотрудников инспекций по делам несовершеннолетних для изучения норм отечественного и международного законодательства, формирования представлений об алгоритме действий сотрудников инспекций по делам несовершеннолетних с несовершеннолетними, которые оказались в сложных жизненных ситуациях.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что ИДН проводят трудоемкую работу с несовершеннолетними и их родителями (лицами, их заменяющими, опекунами, попечителями), направленную на предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений или иных антиобщественных действий несовершеннолетних; выявляют и устраняют их причины и условия; обеспечивают защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. В тесном сотрудничестве с учреждениями образования оказывают психолого-педагогическую помощь несовершеннолетним и семьям, находящимся в социально опасном положении. Проводят также работу по выявлению и пресечению случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений или иное антиобщественное поведение.

Список использованных источников

1. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 31 мая 2003 г., № 200-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Подростки под защитой программы «Забота» / [Электронный ресурс] / Жодзінскія навіны. – Режим доступа: <https://zhodinonews.by/2017/05/03/zanyatost-podrostkov-pod-pritselom-programmy-zabota/>. – Дата доступа: 15.03.2020.

4. Организация проведения территориальными ОВД профилактических мероприятий с группами несовершеннолетних правонарушителей (с образцами документов) : метод. рекомендации / В.Н. Демидович, В.О. Янчин. – Минск, 2016. – 33 с.

5. Организация взаимодействия подразделений по наркоконтролю, инспекций по делам несовершеннолетних и участковых инспекторов милиции в вопросах выявления и профилактики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков : метод. рекомендации / А.А. Статиенко, В.О. Янчик. – Минск, 2018. – 23 с.

УДК 343.985

К.О. Пинчук, выпускница факультета права

Научный руководитель – *С.А. Войтихович*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.М. Веремеенко*

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

В данной статье рассматривается история развития законодательства, регулирующего ответственность за совершение преступлений, объединенных единым понятием «взятничество», в различные исторические эпохи белорусского государства.

Изучение исторического прошлого любого явления, события или процесса позволяет получить знания, которые способствуют лучшему пониманию предпосылок его возникновения, позволяют более объективно интерпретировать текущие тенденции и делать более точные прогнозы развития данного явления в будущем.

Взятничество на современном этапе становления белорусского государства получила признаки не прогнозируемого массового правового, социальных и политических явлений. Такое явление дестабилизирует все сферы общественной жизни: изменения в правовых и этических отношениях, искажает общественное понимание права и морали. Коррупция не только отражает серьезные направленности формирования общества, но и препятствует полноценному поступательному экономическому и политическому становлению государства [1, с. 81].

Одними из самых распространенных коррупционных преступлений являются дача, получение и посредничество во взяточничестве (ст. 430, 431, 432 Уголовного кодекса Республики Беларусь), объединенных общим понятием «взятничество». Указанное явление сегодня стало главным элементом отечественной коррупции и ее классической формой. Передача взятки обусловлена простотой совершения распростра-

ненных видов коррупционных преступлений, одной из наиболее опасных «профессиональных» форм преступного поведения должностных лиц. Наиболее типичные проявления коррупции – взяточничество государственных служащих и общественно-политических деятелей, взяточничество за законное и незаконное предоставление благ и преимуществ, протекционизм – выдвигание работников по признакам родства, братства, личной преданности и дружбе. Особая опасность взяточничества заключается в том, что это обычно связано с совершением других тяжких преступлений.

Взятка – преимущество материального характера, предоставляемое должностному лицу в силу его должностного положения, для защиты или попустительства на службе, успешного решения вопросов, входящих в его компетенцию.

Предметом взятки могут быть материальные ценности (деньги, ценные бумаги, вещи и т. п.) или выгоды имущественного характера (различного вида услуги, оказываемые безвозмездно либо на льготных основаниях, но подлежащие уплате, строительство, ремонт, другие работы и т. п.).

Взятка – оплата, посредством которой плательщик получает некоторое право, выгоду или преимущество, на которые у него нет законных оснований и которые он не мог бы получить иначе, чем заплатив деньги. Конечно, получение взятки – уголовное преступление.

Взяточничество – один из элементов коррупции. Коррупция – это более широкое понятие.

В связи с тем, что современное состояние любого явления во многом обусловлено его историческим формированием. Анализируя исторический аспект взяточничества, в истории его можно рассматривать как основу для изучения антикоррупционной политики.

Понять его суть, выявить новые, оптимальные формы реагирования на этот общественно опасный акт можно только проанализировав развитие этого социально-правового явления. Более раннее упоминание о коррупции можно найти в клинописи Древнего Вавилона. Как следует из расшифрованных писем середины III тысячелетия до н. э., уже тогда шумерский царь столкнулся с проблемой злоупотребления судей и чиновников, вымогавших незаконные вознаграждения. С аналогичными вопросами сталкивались и представители Древнего Египта. Доказательства, найденные в ходе археологических исследований, которые говорят о массовых проявлениях коррупции в Иерусалиме в период после Вавилонского пленения иудеев в 597–538 гг. до н. э. Не обошло взяточничество и цивилизацию Востока. В японском Своде законов «Тайхо

рицурё» (702–718) есть нормы уголовного права, предусматривающие ответственность за взяточничество [2, с. 143].

Разрушительное воздействие коррупции было одной из причин краха Римской империи. Более поздние этапы западноевропейской истории также сопровождались развитием коррупционных отношений.

Изучение истории борьбы со взяточничеством на Руси показывает, что коррупция появилась в органах государственной власти и управления как отклонение от существующих в обществе социальных норм и лишь позднее стала фиксироваться в нормативных актах. В X – начале XI в., когда белорусские княжества были подчинены киевским князьям, на старобелорусских землях действовали нормы Русской Правды. Однако проведенный анализ показал, что она не упоминала об обещаниях, несмотря на существование устоявшегося судопроизводства. В древних источниках русского права взяточничество как юридический термин не используется.

Этот термин отсутствовал в Статутах Великого Княжества Литовского (1529, 1566 и 1588 гг.). В русских летописях XIII в. стал употребляться термин «мздоимство». Первое упоминание об обещании как незаконном вознаграждении за осуществление служебной власти в законодательстве Руси связано с Двинской уставной грамотой 1397–1398 гг. [3, с. 8]. Запрет обещания в качестве взятки получило законодательное подтверждение в Судебниках. Так, в Судебнике 1497 г. уже стал вопрос о запрете не только принимать, но и давать взятки. Судебник, устанавливающий ответственность за взятки, имеется в виду получение судьями гостинцев, поборов, взяток, подносов. За получение обещания судья наказывался по усмотрению государя. Форма наказания в Судебнике за это деяние определена не была. Судебник Казимира 1468 г., положивший начало новому этапу в развитии правовой мысли и практики кодификации белорусского права, определил установление трех Статутов Великого Княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг. Анализ Статута Великого Княжества Литовского 1588 г. показывает, что он не содержал четкого определения преступления [2, с. 143].

Как свидетельствует история становления уголовно-правовых норм, в отдельные периоды развития нашего общества существовали различные подходы к вопросам правового регулирования уголовной ответственности за взяточничество. В отдельные периоды (периоды «устрашения») за его совершение применялось наказание вплоть до исключительной меры. В другие периоды за совершение аналогичных противоправных действий предусматривались денежные штрафы. Со временем понятие «взяточничество» под влиянием концепции уголовного права и правоприменительной практики изменялось. В то же время изменились и

нормы, устанавливающие ответственность за совершение данного преступления [2, с. 143].

К 1917 г. в Российской империи сложился развитый государственный аппарат, слой бюрократии, и закон получил определение таких понятий, которые характеризуют злоупотребление должностными лицами, как взяточничество.

Были рассмотрены также основные принципы и средства борьбы с этими неблагоприятными явлениями и установлены признаки предмета служебного преступления. Нельзя согласиться с утверждением в литературе, что одной из причин коррупции в дореволюционной России было «полное отсутствие системы предупреждения коррупции».

В советское время правительство исключило понятие «коррупция» и заменила его на понятия «попустительство», «взяточничество», «злоупотребление служебным положением». Это свидетельствовало о том, что Советская власть отрицала коррупцию как таковую и считала ее уже полностью искорененной.

Изменение государственного строя, осуществленного большевиками в октябре 1917 г., не изменило содержания правовой категории взяточничества и его причины. Первым законодательным актом Советского государства, регулирующим вопросы уголовной ответственности за взяточничество, стал Декрет СНК от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» в виде наказания, этим декретом предусматривалось не менее пяти лет лишения свободы и привлечением «к самым тяжелым и неприятным принудительным работам». Уголовный кодекс 1922 г. предусматривал расстрел за взяточничество. По-видимому, в силу тяжести наказания и понимания ответственности коррупция оставалась на среднем уровне, по крайней мере, по сравнению с нынешними показателями [2, с. 144].

После смерти Сталина уровень коррупции в СССР был за пределами. С 1960 по 1980 г. сложилась сложная и непростая конструкция коррупционных сдержек и противовесов. До середины 1960 гг. в СССР практически не было антикоррупционной системы. Существуют три этапа исторического существования коррупции в Советском государстве в постсоветский период.

Первая стадия до 60-х гг. XX в. (период Сталина и Хрущева). До середины 1960-х гг. в СССР практически не было антикоррупционной системы.

Напротив, правительство использовало коррупцию для поддержания лояльности и послушания, дефицит преобразовался в инструмент заработка, а кумовство и взяточничество – в инструмент лояльности.

Борьба с коррупцией в советское время осложнялась тем, что высшие партийные руководители были неприкосновенны, теневой рынок развивался, так как коррупция считалась естественным средством установления рыночных отношений. Борьба с коррупцией иногда являлась частью конкуренции на рынке коррупционных услуг.

Во время нэпа были согласованы меры по ужесточению правовых норм в борьбе со взяточничеством. Например, циркуляр Наркомата юстиции в 1922 г. предписывал как можно скорее закончить дознания и расследования по делам о взяточничестве и отправить виновных в отдаленные места заключения, такие как Урал, Сибирь. Дата и время рассмотрения каждого дела о взяточничестве, которое имело последствия санкционированной операции против этого действия, оказывало значительное психологическое воздействие на прессу. В 1924 г. были введены меры по контролю за доходами государственных служащих: анкета, содержащая сведения о доходах самого работника и его семьи. В тот период были введены ящики жалоб и институт информаторов в государственных учреждениях.

Теоретическое понимание коррупции сохранилось неизменным с начала советского периода: взяточничество рассматривалось как явление, порожденное ошибочным репрессивным обществом, т. е. причины коррупции в советский период, по официальному мнению, были уничтожены. Существующие факты коррупции объясняются недоработками, прежде всего в профилактической работе, частных сферах общественной жизни.

При этом попытки предпринимательской деятельности осуществлялись только путем подкупа работников государственного аппарата. Коррупция была единственным возможным средством внедрения рыночных отношений в плановую экономику.

Несмотря на то что коррупционная деятельность в СССР в послевоенный период приобрела системный характер, за ней последовали массовые разоблачения коррумпированных группировок на местах («ленинградское», «менгельское», «московское» дела на рубеже 1940–1950-х гг.). В то же время власти (в том числе и правоохранительные органы) имели достаточно полное представление об объеме коррупционных деяний, но не всегда имели полномочия возбуждать уголовные дела против высокопоставленных партийных чиновников, для этого требовался особый порядок разрешения. Несмотря на новшества, внесенные в коррупционные схемы, ранний советский период характеризуется высоким уровнем контроля правоохранительных органов за коррупционными действиями чиновников.

Проблемы и различные аспекты развития коррупции и борьбы с ней были сравнительно мало изучены в советский период. Одна из первых работ на эту тему была статья Н. Дурманова в 1937 г. Она посвящена взяточничеству в дореволюционной России и не лишена недостатков классового подхода к истории. В этой статье представлен ряд интересных документов и иных данных. Впоследствии отечественные ученые неоднократно обращались к этой теме [4, с. 76].

Вторая стадия – со второй половины 60-х – конца 80-х гг.: безопасность высших партийных чиновников предопределила активное использование теневых схем для благоприятного развития предпринимательства. Масштабы взяточничества формировались быстротечно. В 1980 г. было выявлено более 6 000 случаев, что на 50 % больше, чем в 1975 г. В этот период стало очевидным преимущественное право однопартийной системы в развитии коррупции и монопольного слияния органов власти с экономическими структурами. Появились первые организованные коррупционные группы: в частности, группа в Минрыбхозе СССР во главе с заместителем министра насчитывала более ста человек [5, с. 8].

С тех пор пребывание в кресле чиновника стало почти пожизненным, укоренилось кумовство. Определенная часть лиц у власти стала распоряжаться государственным имуществом как личным. Типичные преступления – продажа дефицитной продукции, включая оборудование и материалы, фальсификация плановых поставок, назначение на должности и сокрытие махинаций. Дела о взяточничестве часто закрываются, особенно в отношении высокопоставленных должностных лиц.

Характерной чертой борьбы со взяточничеством в данный период было применение карательных мер. В Уголовный кодекс был введен новый вид наказания – отказ в праве занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью. Под руководством Ю.А. Андропова была проведена система «чисток» коррумпированных элементов в Азербайджанской и Грузинской ССР, развернута (но не доведена до конца) всеобъемлющая борьба со взятками как в торговле, так и в промышленности.

Аналитики регионального общественного Фонда ИНДЕМ обозначили следующие причины развития коррупции в поздний советский период:

- ослабление централизованного контроля;
- распад идеологических связей;
- экономическая стагнация, падение уровня экономического развития;
- распад СССР и возникновение независимых государств;
- изменение региональной коррупции на транснациональную [6].

Отдельные ученые в этот отрезок отечественной истории видят основу для создания современной концепции теневой экономики: командно-административная система управления привела к бесхозяйственности, ослаблению контроля над экономическими процессами в стране, как следствие – дефицит товаров народного потребления и обширный рынок нелегальных товаров с его высокими ценами и неуплатой налогов [7, с. 79].

Третья стадия – с начала 1990-х гг. по настоящее время – характеризуется распространением коррупции в органах государственной власти, среди руководителей предприятий с долей собственности государства, слиянием частного бизнеса с вертикалью власти.

Таким образом, историческая практика показывает, что лица, выполняющие государственные функции, всегда были склонны к совершению коррупционных правонарушений. В связи с этим в отдельные периоды развития нашего государства существовали различные подходы к решению проблем правового регулирования ответственности за взяточничество: от денежных штрафов до исключительной меры наказания.

Список использованных источников

1. Андрианов, В.Д. Коррупция как глобальная проблема. История и современность : монография / В.Д. Андрианов. – М. : Экономика, 2013. – 304 с.
2. Клим, А.М. Исторический аспект взяточничества / А.М. Клим // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 13–14 окт. 2006 г. / редкол.: А.В. Барков (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2007. – С. 143–146.
3. Максимов, С.В. Коррупция. Закон. Ответственность / С.В. Максимов. – М. : ЮрИнфоР, 2000. – 142 с.
4. Коновалов, В.А. Коррупция в российской истории и праве / В.А. Коновалов // «Белые пятна» рос. и мировой ист. – 2014. – № 6. – 61–83 с.
5. Быстрова, А.С. Коррупция в современной России: социальное явление, инструмент политики, социальная проблема? (Основные понятия, исследовательские подходы) [Электронный ресурс] / А.С. Быстрова, М.В. Сильвестрос. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/bystrova_silvestros.pdf. – Дата доступа: 22.04.2019.
6. Левин, М.И. Россия и коррупция: кто кого? (Доклад, подготовленный Региональным общественным Фондом ИНДЕМ) [Электронный ресурс] / М.И. Левин, Г. Сагаров, М. Цирик. – Режим доступа: <http://www.indem.ru/corrupt/whoww/>. – Дата доступа: 22.04.2019.
7. Ларичев, В.Д. Преступность в сфере экономики (теоретические вопросы экономической преступности) : монография / В.Д. Ларичев. – М. : ВНИИ МВД России, 2003. – 131 с.

К.О. Пинчук, выпускница факультета права;
П.М. Винников, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *С.А. Войтихович*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

ВЗЯТКОМАНИЯ – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

В данной статье рассматривается научно-психологическая теория проблем взяточничества. Показано, что особое место среди коррупционеров занимают взяточники, имеющие психологическую зависимость, – взяточкоманы. Взятничество как характерная форма клептомании – зависимость со всеми признаками, которые встречаются при наркомании, алкоголизме, азартных играх и других разрушительных патологических пристрастиях.

Термин «психология взяточничества» можно рассматривать как в узком, так и в широком аспектах. Первый обычно рассматривался и рассматривается в рамках криминальной психологии, которая исследует личность преступника, а также пути и способы воспитательного воздействия на этого человека в психологическом аспекте. Второй представляет собой анализ теоретических и экспериментальных знаний на грани теорий мотивации, социальной и юридической психологии. В этой связи указанный термин целесообразно рассматривать как элемент криминологической характеристики, поскольку такой подход позволяет познать истоки и механизм взяточничества как социального явления в большей степени.

В настоящее время многие представители современного общества подвержены различным зависимостям: наркомания, алкоголизм, игромания, клептомания, которые часто трансформируются в структуру их личности.

Взяточничество, являясь венцом коррупции в Беларуси, как негативное социальное явление, в том числе угрожает и психологической безопасности республики. По сей день количество коррупционеров разного уровня только увеличивается. С одной стороны, существует государственная программа по борьбе с коррупцией, а с другой – наблюдается слабая эффективность этих мер.

Обычно психологический подход к личности коррупционера рассматривается очень узко и основывается только на формировании у взяточника знаний о законе, коррупции и мерах наказания за совершение преступлений, связанных с коррупционными проявлениями. Одной из

причин этого является отсутствие научно-психологических представлений о проблеме взяточничества, а следовательно – отсутствие необходимых знаний психологических характеристик личности взяточника. Особенное место среди коррупционеров занимают взяточники, имеющие психологическую зависимость, – взяточкоманы. В этой связи можно предположить, что взяточкомания как специфическая форма клептомании является заболеванием со своими признаками, которые встречаются при наркомании, алкоголизме, игромании и других патологических пристрастиях [1, с. 30].

Р.Р. Гарифуллин выделяет четыре степени взяточничества.

разовое получение вознаграждения, тогда взяточник может не думать об этом и даже забыть;

уже есть зависимость. Взятчик ждет этого события, прокручивая в голове модель ситуации получения взятки;

выявляется появление депрессивных симптомов (нарушение сна, плохое настроение утром, смена ценностей и приоритетов, многие из них перестают радовать). Приоритетом остается только одна ценность – взятка, которая превращается в своеобразный допинг, позволяющий испытать чувство комфорта. В то же время наблюдается стойкая периодичность, проявление активности в поиске взяткодателя и разработке эффективных коррупционных схем;

человек постоянно живет в потоке этих финансов, абстрагируется от реальности, теряет чувство сопереживания и уже не доволен тем, что получает. Такой человек возвращается в реальность только лишь оказавшись в местах лишения свободы [2, с. 10].

Не последнюю роль во взяточномании играет такой психический процесс как мания – тяготение к какой-то ценности, которая дается без работы воли, т. е. получение радости от приобретенной ценности без приложения труда. Если человек испытывает радость от приобретения каких-либо благ, посредством осуществления работы, то он получает чувство нормальной радости за результаты своего труда. Взяткомания предполагает получение должностными лицами незаконных благ, которые не соответствуют их официальным доходам. Если человек благополучно взял взятку, то в дальнейшем ему будет трудно отказать себе в этом удовольствии. Человеку свойственно стремление к повторению удачных случаев [3].

Взяточничество проявляется в рамках профессиональной деятельности должностного лица, т. е. является частью выполнения определенных должностных функций. Психологию взяточничества следует рассматривать совокупно, не ограничиваясь криминальной психологией. Мнения по данному вопросу основываются на результатах наблюдений

изучения материалов уголовных дел, учебной литературы по юридической психологии, а также материалов средств массовой информации.

Так, Т.В. Шутенко и Ф.П. Ходеев, исследуя психологию взяточничества с точки зрения теории мотивации, пришли к важнейшим выводам, суть которых заключается в следующем:

в некоторых случаях взятка берется без выраженной корысти;

даче взятки может способствовать особое эмоциональное состояние взяточдателя;

если взяточник удовлетворяет потребности в роскоши, престиже, богатстве и превосходстве, самостоятельно остановиться и прекратить брать взятки не в состоянии;

у человека с неудовлетворенными физиологическими потребностями (жажда, голод, отсутствие жилья) угрозы наказания не остановят и часто действуют безрезультатно;

наказания за взятки и их ужесточение не могут изменить чувства удовлетворения от их получения;

психологическая потребность о взятках изменяется с возрастом. Чем моложе человек, тем меньше вероятность того, что он взяточник;

попытки стимулировать честный труд чиновников повышением их зарплаты чреваты регрессией для организации [4, с. 57].

По мнению Ю.М. Антоняна, взяточничество порождается двумя основными мотивами: внешний – корысть, желание обеспечить себя материальными благами, непомерными материальными потребностями и амбициями; глубинный, игровой – многие коррупционеры являются «игроками», и это влечение они не осознают и действуют в бессознательной сфере психики. Тем не менее участие в игре приносит им большое психологическое удовлетворение, но не признается ими таковым [5, с. 40–41].

В. Фокс выделяет пять типов мотивов, которые могут быть применены коррупционерами для оправдания своего поведения:

отрицание ответственности (коррупционер считает себя скорее объектом, чем субъектом. Он жертва обстоятельств, вынужден быть коррупционером);

отрицание вреда (чиновник, получая взятку, считает, что в его действиях отсутствует вред. Например, взятка – своеобразная благодарность за правильное решение и принесенную пользу);

отрицание существования жертвы взятки (дающий ее – сам правонарушитель, мошенник и вор, уклоняющийся от уплаты налогов). Дающий взятку отдает часть денег, приобретенных нечестным путем, а взяв их, чиновник никому не причиняет вреда;

осуждение осуждающих (чиновник руководствуется мнением, что берут все. Этот вывод он может подтвердить ссылками на своих коллег, начальство и т. д.);

ссылка на высшие соображения, когда морально-этические нормы, царящие в обществе нейтрализуются или отрицаются. Чиновник руководствуется корпоративными суждениями. Например, отказ от взятки может быть неверно истолкован его коллегами по работе, которые принимают подношения [6, с. 381].

Многие чиновники не считают себя взяточниками, рассматривая различного рода подношения как справедливую форму доплаты к нищенской зарплате. В основном это относится к субъектам бытового взяточничества: врачей, рядовых госслужащих, учителей, уровень заработной платы которых устанавливается государством, значительно ниже, чем у других категорий специалистов. Закрепившийся в их сознании лозунг, что «взяточничество, как способ выживания», несет в себе серьезную угрозу, поскольку грань между выжить и нажиться достаточно неустойчива.

В психологии среднестатистического обывателя неправомерное поведение взяточников под различными предложениями находят свое оправдание. Такая ситуация обусловлена следующими обстоятельствами:

различные виды подарков и подношений при решении социально-личных вопросов до сих пор не изжиты. Заинтересованные в благоприятном решении своих проблем люди, обращаясь к чиновнику, сами несут ему взятки. Осуждая взяточничество, они склонны прибегать к даче взятки в критической ситуации;

затянувшийся переходный период в формировании экономической модели развития государства способствует росту взяточничества [7, с. 73–74].

В этой связи Р.Р. Гарифуллин сказал: «Я выступаю за то, чтобы взяточника вошла в медицинский классификатор болезней. Коррупция приобрела неприглядные формы, стала социальным явлением, и поэтому ее можно считать заболеванием. Взяткомания, как специфическая форма kleptomании, является болезнью со всеми признаками, которые встречаются при наркомании, алкоголизме, игромании и других разрушительных патологических зависимостях. Мозг включает в себя структуру, которая отвечает за зависимость. Нет локальных зон мозга, ответственных за зависимость, такие как курение, алкоголь, а есть один центр, который отвечает за все. Взяткомания имеет те же характерные стадии, те же психические процессы, которые имеют место при других зависимостях. Если взяточник перестает брать мзду, то часто возникает депрессивный синдром, то есть, синдром отмены, когда из-за отсутствия дозы появляется высокий уровень тревоги, состояние недоволь-

ства. С другой стороны, возникает состояние эйфории и радости, когда эта доза получена» [8, с. 2].

Должностное лицо, понимая, что время его в занимаемой должности коротко, а это является вероятной предпосылкой для его дальнейшей коррумпированности. Не исключено также, что новому чиновнику нужно подкупить своего руководителя, чтобы он беспрепятственно продолжал свою работу.

Распространению взяточничества во многом способствует моральное разложение общества, которое сопровождается проявлением в социально-политической и публичной сферах низменных чувств и инстинктов. При отсутствии полноценной воспитательной работы с человеком мерой человеческих ценностей все чаще становится богатство. Как бы оно ни было приобретено, главным принципом жизни становится обогащение любыми путями и средствами. Население привыкает к коррупции, не воспринимает ее однозначно как зло и даже принимает как норму поведения в современном обществе.

Большая часть молодежи непосредственно ориентирована на карьеру с целью занятия высокой должности в системе государственной власти, чтобы обеспечить себе стартовые условия для обогащения и комфортной жизни. При этом в массовом сознании оправдываются любые средства для достижения цели, в том числе незаконные и аморальные.

Элементы психологии коррупционера присущи почти каждому взрослому человеку. В связи с чем этот психологический фактор необходимо учитывать в борьбе со взяточничеством. Поведение коррупционера с психологической точки зрения может быть описано моделью борьбы мотивов (моделью весов), а ее осуществление позволяет сделать вывод о том, что основными средствами противодействия коррупции являются снижение уровня доходов от коррупционной деятельности и повышение интенсивности привлечения коррупционеров к юридической ответственности [9, с. 31–34].

В рамках концептуального подхода, при психокоррекции мерами по снижению рисков совершения коррупционных действий, направленных на получение взяток, будут следующие:

повышение психологической защищенности от предложения взятки (формирование жизнелюбия и навыков к творчеству, преодоление стресса и депрессии, знание психологии радости);

развитие навыков противостояния манипуляциям (со стороны взяткодателей и руководителей, которые пытаются преступным путем использовать личность в коррупционной схеме) и разрушительной зависимости;

обучение приемам распознавания личности, а также склонности к взяточничеству;

освещение примеров наступивших негативных последствий для карьеры и здоровья взяточников вследствие привлечения их к уголовной ответственности;

выявление лиц, склонных к взяточничеству, на ранних этапах в связи с их личностными, эмоциональными, поведенческими и внешними изменениями;

проведение скрытой профилактической работы в отношении лиц, склонных к взяточничеству и взяточности;

повышение уровня творческих процессов в психике с целью недопущения критического непредсказуемого состояния;

осуществление социальной профилактики и обеспечение психологической безопасности общества [2, с. 13].

Таким образом, если в результате психического воздействия каждый человек, кто берет и кто дает взятки, четко поймет, что это позорно и отвратительно, то сдвиги в общественном сознании произойдут даже в том случае, если никто вдруг не перестанет это делать.

Список использованных источников

1. Гарифуллин, Р.Р. Психологические подходы к проблеме наркомании / Р.Р. Гарифуллин // Сиб. психол. журн. – 2010. – № 35. – С. 29–32.
2. Гарифуллин, Р.Р. Взяткомания как одна из причин взяточничества: психологический анализ / Р.Р. Гарифуллин // Актуал. проблемы экономики и права. – 2012. – № 4. – С. 9–13.
3. Лукашенко, Юлия. Вор должен... лечиться? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Bankir.ru. – Дата доступа: 25.09.2019.
4. Ходеев, Ф.П. Взяткомания: болезнь или привычка? / Ф.П. Ходеев, Т.В. Шутенко // Рос. юстиция. – 2004. – № 2. – С. 56–58.
5. Антонян, Ю.М. Типология коррупции и коррупционного поведения: социология и коррупция : материалы науч.-практ. конф., Москва, 20 марта 2003 г. / Рус.-нем. о-во права и экономики ; под ред. Ю.М. Аксенова [и др.]. – М., 2003. – С. 37–41.
6. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. проф. А.М. Столярченко. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – 607 с.
7. Клим, А.М. Психология взяточничества / А.М. Клим // Вопр. криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы. – 2011. – № 2. – С. 72–78.
8. Гарифуллин, Р.В. Взяткомания – это диагноз [Электронный ресурс] / Р.В. Гарифуллин // Известия Татарстана. – Режим доступа: <http://www.tatarnews.ru/articles/6224>. – Дата доступа: 09.07.2020.
9. Максимов, С.В. Коррупция. Закон. Ответственность / С.В. Максимов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮрИнфоР, 2008. – 255 с.

Р.П. Рустаки, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматкульский*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ СМЕЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ

В статье рассматриваются некоторые аспекты разграничения смежных преступлений, связанных с торговлей людьми, а также указывается постепенный процесс внесения изменений в законодательство в отношении преступлений данного вида.

Торговля людьми представляет собой опасное посягательство на свободу человека как одно из важнейших человеческих благ, защищаемых и гарантированных цивилизованными государствами. Ее истоки находятся в самом древнем периоде, когда человеческая свобода не рассматривалась в качестве значимого объекта государственной охраны. Тем не менее постоянное изменение социальной, экономической, религиозной и иных форм жизни общества привели к тому, что данное явление криминализировалось, тем самым привело к тому, что в дальнейшем, несмотря на установление уголовной ответственности, порицание церковью данных деяний и общественное осуждение, такая проблема, как торговля людьми, ее формы и смежные деяния сохранились до настоящего времени. К тому же данная проблема имеет не просто национальный характер, т. е. внутри государства, но и проявляет себя на международном уровне.

Глава Центра ООН по борьбе с преступностью так охарактеризовал в свое время преступную деятельность, связанную с торговлей людьми: «Доходы невероятны. Накладные расходы низки – вам нет необходимости покупать машины или оружие. Наркотики вы продаете лишь один раз... Женщины же могут приносить деньги в течение долгого времени» [1, с. 14].

Новое качество международной торговле придало стремительное развитие информационных технологий. Распространение порнографии, создание интернет-сайтов с предложением интимных услуг, размещение сомнительных объявлений о трудоустройстве, брачных предложений и т. д. – одни из основных направлений деятельности преступных

организаций, специализирующихся на продаже людей для сексуальной и иной эксплуатации.

По оценкам экспертов, торговля людьми считается третьей по доходности сферой организованной преступности, особенно в части ее транснациональной составляющей, наряду с торговлей оружием и наркотиками [2, с. 193]. Борьба с данным явлением является одной из важнейших задач правоохранительных органов в борьбе с преступностью в целом. Важное ее направление – исследование ее криминологической и уголовно-правовой характеристики, позволяющей правильно выработать меры предупреждения и установить соразмерную за совершенное деяние ответственность.

Так, являясь преимущественно страной происхождения, мы теряем трудоспособных и здоровых членов общества, получая через некоторое время обратно физически и нравственно искалеченных людей. Государство предпринимает значительные усилия по предотвращению попадания своих граждан в рабство (в любой из его форм и проявлений). Кроме того, Беларусь, являясь также и страной транзита, становится своеобразным барьером на пути незаконной миграции в другие страны (как запада, так и востока, как севера, так и юга).

Понимая серьезность проблемы борьбы с транснациональной преступностью, в том числе и противодействия торговле людьми, Республика Беларусь ратифицировала все основные международные соглашения в данной области и объединяет свои усилия в этом направлении с международным сообществом. Основными нормативными правовыми актами, регламентирующими деятельность правоохранительных и судебных органов в сфере противодействия торговле людьми, являются:

Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятая резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. в г. Палермо;

Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, принятый тогда же (далее – Палермский Протокол);

другие международно-правовые акты, ратифицированные Республикой Беларусь;

Уголовный кодекс Республики Беларусь;

Декрет Президента Республики Беларусь от 9 марта 2005 г. № 3 «О некоторых мерах по противодействию торговле людьми»;

Указ Президента Республики Беларусь от 8 августа 2005 г. № 352 «О предотвращении последствий торговли людьми» и некоторые другие нормативные правовые акты [3, с. 10].

Если провести анализ, наверняка можно будет отметить, что в правоохранительной практике существуют лишь единичные случаи, когда преступная деятельность в данной сфере не носила бы организованного характера. Дело в том, что это достаточно сложный процесс, который требует совершения целого ряда определенных действий на территории нескольких государств и больших денежных затрат, наличие целого ряда преступных ролей у лиц, совершающих данное противоправное деяние.

На наш взгляд, следует провести разграничение смежных составов торговли людьми, которые практически все тем или иным образом связаны с организованной преступной деятельностью, имеют большое количество общих признаков, создают проблемы определения статуса потерпевших лиц и применения к ним комплекса мер по реабилитации, тем самым создавая большую угрозу обществу и проблемы квалификации правоохранительным органам.

Ответственность за торговлю людьми и вербовку людей для эксплуатации впервые была введена в УК в 1999 г. Казалось бы, принятые нормы способны были восполнить образовавшийся законодательный вакуум и дать правоохранительным органам реальный инструмент в сфере противодействия торговле людьми и иным формам эксплуатации человека. Однако с течением времени стало ясно, что требуется внесение многих изменений в УК Республики Беларусь в отношении статей, связанных с торговлей людьми, и правильное их разграничение.

Законодатель криминализировал незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187 УК). Впервые в законодательстве появилась норма, предусматривающая ответственность за вовлечение в занятие проституцией совершеннолетнее лицо (ст. 171¹ УК). В 2008 г. была введена ответственность за использование рабского труда и ответственность за детскую порнографию.

В настоящее время в УК предусмотрено семь составов преступлений, криминализирующих торговлю людьми и связанные с ней деяния, которые охватывают все виды и формы «современного рабства»: ст. 171 «Организация и (или) использование занятия проституцией либо создание условий занятия проституцией», ст. 171¹ «Вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией», ст. 181 «Торговля людьми», ст. 181¹ «Использование рабского труда», ст. 182 «Похищение человека», ст. 187 «Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей». В соответствии с Законом Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 350-З «О противодействии торговле людьми» в данный перечень также включено и преступление, связанное с изготовлением и распространением порногра-

фических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего (ст. 343¹ УК).

Тем не менее важным было бы разграничение торговли людьми, связанной с выездом за пределы государства и организации незаконной миграции, что имеет немаловажное практическое значение в правоохранительной деятельности.

Следует учитывать, что незаконная миграция всегда носит трансграничный характер и сопровождается пересечением границы с нарушением установленного порядка. В свою очередь, торговля людьми может осуществляться как на территории одного государства, так и с вывозом за его пределы. Помимо этого, жертва торговли людьми может ввозиться в государство назначения легально. В этой связи обнаружение среди потерпевших граждан Республики Беларусь или лиц, находящихся на ее территории на законных основаниях, в большей степени свидетельствует в пользу версии о совершении торговли людьми.

Еще одно различие будет заключаться в том, что согласие жертвы достигается применением мер воздействия со стороны преступника, в то время как незаконные мигранты очень часто по собственной воле стремятся к выезду в другое государство. Этот аспект важен с точки зрения заинтересованности жертв торговли людьми в даче показаний против торговцев людьми в отличие незаконных мигрантов, которые такую заинтересованность не проявляют. Вместе с тем организация незаконной миграции часто совершается способами, представляющими опасность для жизни или здоровья незаконных мигрантов, например, в результате жестокого или унижающего их достоинство обращения и т. д. Оказание помощи таким лицам является оправданным, а в отношении их по аналогии с торговлей людьми полагаем обоснованным использование термина «жертва незаконной миграции». Такие лица заинтересованы в том, чтобы дать показания против преступников с целью восстановления своих нарушенных прав, поэтому на их выявление должны быть направлены усилия сотрудников правоохранительных органов.

Важным признаком, отличающим торговлю людьми от организации незаконной миграции, является наличие цели эксплуатации (трудовой, сексуальной или иной), а также зависимости жертвы от торговца людьми. При организации незаконной миграции цель эксплуатации отсутствует и отношения между мигрантом и преступником прекращаются после пересечения границы либо получения последним денег; далее свобода мигранта не ограничивается, он не находится более в зависимости от организаторов незаконной миграции. Нелегальные мигранты чаще всего не подвергаются физическому или сексуальному насилию, применяемому в отношении жертв торговли людьми. Причиной суще-

ствования перечисленных особенностей является то обстоятельство, что в случаях незаконного ввоза мигрантов преступники получают доход за счет оплаты за незаконный ввоз, вносимой мигрантом, и после ее получения преступники утрачивают к нему интерес. В случае торговли людьми основным источником дохода преступников и движущим экономическим стимулом является получение дохода, извлекаемого за счет эксплуатации жертв в форме проституции, принудительного труда или иным другим путем, что возможно лишь при условии дальнейшего нахождения жертвы торговли людьми в распоряжении злоумышленника [4, с. 173–174].

Для того чтобы провести разграничение с остальными смежными составами торговли людьми, было бы правильно указать как данное понятие указано в ст. 3 Палермского Протокола в соответствии с международными подходами. Так, понятие «торговля людьми» означает:

осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов;

согласие жертвы торговли людьми на запланированную эксплуатацию, о которой говорится в подпункте (а), не принимается во внимание, если было использовано любое из средств воздействия, указанных в подпункте (а);

вербовка, транспортировка, передача, укрывательство или получение ребенка считаются «торговлей людьми» даже в том случае, если они не связаны с применением какого-либо из средств воздействия, указанных в подпункте (а);

«ребенок» означает любое лицо, не достигшее 18-летнего возраста.

Если рассматривать вербовку, то мы видим, что до внесения изменений и дополнений в уголовный закон ответственность за вербовку людей для эксплуатации была предусмотрена в самостоятельной статье – ст. 187 УК. В качестве обязательного признака объективной стороны этого преступления выступал способ его совершения – обман. Если учесть, что диспозиция ст. 181 УК (в прежней редакции) включала совершение и некоторых подготовительных действий, направленных на осуществление незаконных сделок в отношении человека, то вербовка лица путем обмана в случае, если виновный в дальнейшем имел наме-

рение совершить куплю-продажу или иную сделку, должна была рассматриваться как торговля людьми. Между тем на практике вербовка лиц, ставших жертвами торговли людьми, в одних случаях квалифицировалась по ст. 187 УК (в прежней редакции), а в других – по ст. 181 УК (в прежней редакции).

В соответствии со ст. 181 УК (в нынешней редакции) вербовка лица для эксплуатации рассматривается как признак объективной стороны единого преступления – торговли людьми, как это и предусмотрено Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющим Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности.

Однако для правоприменительной практики такой признак состава преступления не служит основным отграничивающим критерием при решении вопроса о квалификации торговли людьми.

Отграничение рассматриваемых составов следует проводить и по субъективной стороне, прежде всего по такому ее признаку, как цель. Если будет установлено, что виновный, вовлекая лицо в проституцию, преследует цель в дальнейшем использовать это лицо для сексуальной эксплуатации, его действия следует квалифицировать как торговлю людьми. При отсутствии такой цели должна применяться ст. 171¹ УК.

Сексуальная или иная эксплуатация в составах преступлений, предусмотренных ст. 181 УК (а также и ст. 182 УК), также является целью (реальное достижение этой цели необязательно) совершения иных, предусмотренных диспозициями указанных норм действий, а в ст. 187 УК наличие факта реальной сексуальной или иной эксплуатации незаконно трудоустроенного лица является необходимым элементом состава преступления.

Далее сексуальная эксплуатация – разновидность эксплуатации вообще. При решении вопроса о наличии факта или цели сексуальной эксплуатации необходимо установить, имела ли место (будет ли иметь место) собственно эксплуатация зависимого лица в виде незаконного принуждения к оказанию сексуальных услуг либо было использование добровольно осуществляемой деятельности в виде занятия проституцией. В противном случае стирается грань между рассматриваемыми составами (ст. 171 и 181 УК) [5, с. 16; 6, с. 179–182].

Наряду с указанными признаками объективной и субъективной стороны сравниваемые составы преступления различаются и по моменту их окончания. Как было отмечено, вербовка считается окончательным преступлением с момента достижения соглашения с вербуемым лицом, в то время как вовлечение в занятие проституцией является окончательным преступлением с момента совершения указанных действий независимо от того, приступило ли склоняемое лицо к занятию проституцией.

Данная позиция закреплена в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 июня 2002 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних».

Однако существует и иная точка зрения, согласно которой вовлечение считается оконченным преступлением, когда вовлекаемый фактически стал заниматься проституцией. Если, несмотря на оказанное воздействие, вовлекаемый заниматься проституцией не стал, то действия вовлекающего следует квалифицировать как покушение на вовлечение (ч. 1 ст. 14 ст. 171¹ УК). Аналогичная точка зрения имеет место и у некоторых российских ученых, которые считают состав вовлечения в занятие проституцией материальным. Вменение в вину указанного преступления, по их мнению, предполагает доказывание не только действий по склонению потерпевшего к занятию проституцией, но и наступивших общественно опасных последствий в виде непосредственного занятия проституцией. В связи с этим доказыванию подлежат как минимум два факта вступления потерпевшего в половой контакт, не основанный на личной симпатии, за вознаграждение. Тем не менее, несмотря на различные точки зрения, правильнее было бы исходить из того, что вовлечение в занятие проституцией признается оконченным преступлением независимо от того, начало ли лицо заниматься проституцией или нет [7, с. 113–114].

При решении вопроса о разграничении составов преступлений, предусмотренных ст. 171 и 171¹ УК, следует исходить из следующего.

Статья 171 УК предусматривает ответственность за использование занятия проституцией (предполагается, что лицо уже занимается проституцией добровольно и виновный только использует эту деятельность другого лица в своих целях, в том числе и корыстных). Статья 171¹ УК – вовлечение в занятие проституцией лица, ранее не занимавшегося проституцией либо прекратившего такое занятие, а равно принуждение к занятию проституцией лица, намеревающегося прекратить такое занятие.

Таким образом, одним из критериев разграничения указанных составов преступлений является отношение лица (потерпевшего – вовлекаемого или принуждаемого, а также свидетеля, чье добровольное занятие проституцией используется другими лицами) к самому виду деятельности – занятию проституцией.

Кроме того, следует иметь в виду, что вовлечение в занятие проституцией или принуждение к занятию ею не всегда с неизбежностью сопряжено с использованием этим же вовлекающим или принуждающим занятия проституцией другим лицом. Использовать могут и иные лица.

В то же время действия лица, вовлекшего кого-либо в занятие проституцией (либо принудившее к продолжению занятия ею), а затем

ставшего использовать это занятие тем же лицом в своих интересах (необязательно в корыстных), образуют совокупность преступлений, предусмотренных ст. 171¹ и 171 УК, поскольку каждое из деяний должно получить самостоятельную юридическую оценку. Причем последующие действия по использованию занятия проституцией будут являться квалифицированным составом, предусмотренным ч. 2 ст. 171 УК, по признаку ранее совершенного преступления, предусмотренного ст. 171 УК.

Подводя итог, следует сказать, что иногда при разграничении внешне сходных по характеру общественной опасности преступлений необходимо выделить не единственный критерий, а совокупность признаков, которые позволили бы найти правильное решение относительно применения той или иной уголовно-правовой нормы и исключить ошибки в правоприменительной деятельности при квалификации преступлений.

Список использованных источников

1. Торговля людьми. Социокриминологический анализ / под общ. ред. Е.В. Тюрюкановой, Л.Д. Ерохиной. – М. : Академия, 2002. – 140 с.
2. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности : монография / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Асс. высш. учеб. заведений м-в внутр. дел (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). – Минск : Акад. МВД, 2017. – 385 с.
3. Лаевский, В.А. Противодействие торговле людьми: некоторые проблемы судебной практики / В.А. Лаевский // Суд. вестн. – 2006. – № 1. – С. 9–13.
4. Харевич, Д.Л. Некоторые криминологические аспекты отграничения торговли людьми от организации незаконной миграции / Д.Л. Харевич // Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права и криминологии : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26 мая 2017 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск, 2017. – С. 171–174.
5. Лаевский, В.А. Противодействие торговле людьми: некоторые вопросы квалификации преступлений / В.А. Лаевский // Суд. вестн. – 2006. – № 3. – С. 14–18.
6. Харевич, Д.Л. О некоторых способах воздействия на потерпевшего по делам о торговле людьми // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия D. – 2018. – № 5. – С. 179–184.
7. Ретнева, Н.И. Вербовка в целях сексуальной эксплуатации и вовлечение в занятие проституцией: проблемы квалификации и отграничения / Н.И. Ретнева // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2009. – № 1. – С. 112–115.

Д.А. Серебряков, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

И.А. Шаматульский

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.Н. Толочко*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОФАЙЛИНГА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНОГО ОПРОСА

В данной статье рассматриваются перспективы внедрения профайлинга в практике работы оперативных подразделений органов внутренних дел. Выделяются такие виды профайлинга, как криминальный и оперативный. Анализируются основные подходы и техники практического применения профайлинга при проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный опрос».

Оперативно-розыскное мероприятие «оперативный опрос» является, пожалуй, самым распространенным в работе оперативных подразделений органов внутренних дел. Несмотря на его простоту, достаточную научную проработанность организационных и тактических аспектов его осуществления, у сотрудников оперативных подразделений нередко возникают затруднения, связанные с проведением и документальным оформлением результатов опроса.

Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) регулирует порядок получения оперативно-розыскной информации посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ).

В Законе об ОРД закреплено понятие ОРМ «оперативный опрос»: «оперативный опрос» представляет собой общение с гражданином в целях получения от этого гражданина непосредственно или посредством сети электросвязи сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Следовательно, опрос может проводиться путем общения оперативного сотрудника с опрашиваемым как непосредственно, так и опосредованно.

Проведение опроса предполагает императивность беседы, обусловленную должностным положением субъекта оперативного опроса. Обязательным условием проведения гласного оперативного опроса является согласие лица, владеющего определенной информацией, отвечать на вопросы должностного лица.

Правовое регулирование получения оперативно-розыскной информации посредством проведения оперативного опроса осуществляется

посредством правовых норм, закрепленных Конституцией Республики Беларусь, Законом об ОРД и иными нормативными правовыми актами.

Современный этап развития нашей страны характеризуется прогрессивными социально-экономическими преобразованиями, включая построение правового государства на основе правового регулирования различных сфер общественных отношений, а также укрепления правопорядка, включая наступательную борьбу с преступностью. В связи с этим правоохранительные органы стоят перед необходимостью, опираясь на накопленный практический опыт и научные исследования, постоянно вести поиск эффективных методов и средств раскрытия преступлений и изобличения преступников. Важнейшее значение в этом процессе принадлежит научно обоснованному совершенствованию правовых основ организации и тактики осуществления ОРД, которая является весьма сложной и креативной в связи со своей поисковой направленностью. Поисковый характер ОРД определяется ее задачами, включающими выявление лиц, имеющих отношение к подготовке или совершению преступлений, лиц, без вести пропавших, свидетелей противоправных деяний, а также на установление фактов, характеризующих объективную и субъективную стороны преступлений и выступающих доказательствами по уголовному делу. В основе ОРД лежит получение информации, необходимой для решения указанных задач [1, с. 155].

Повышению уровня эффективности ОРД постоянно уделяют внимание ученые-правоведы и практические сотрудники. Одним из аспектов такой работы является решение актуальных вопросов, связанных с проведением ОРМ [2, с. 41].

Успех решения задач ОРД определяется тем, насколько научно обоснованно, тактически грамотно, в соответствии с действующим законодательством проведены ОРМ. Среди последних в практической деятельности органов внутренних дел наиболее часто применяется оперативный опрос. Практически нет оперативно-розыскных ситуаций, в которых оперативный сотрудник не прибежал бы к оперативному опросу лиц, в том числе причастных к совершению преступлений.

Одним из факторов, который обеспечивал бы достижение более высокого уровня эффективности проведения оперативного опроса, является использование в процессе практической деятельности сотрудников органов внутренних дел профайлинга [3, с. 6].

«Профайлинг» (профилирование – от англ. profail) служит для составления поискового психологического портрета (профиля) неизвестного преступника по изменению вещной обстановки и следовой картины на месте преступления. В последнее время понятие «профайлинг» было расширено и стало включать в себя ряд прикладных пси-

хологических методик, целью которых является оценка достоверности сообщаемой информации по невербальному и вербальному поведению человека. Это то, что мы называем безинструментальной детекцией лжи. Профайлинг представляет собой совокупность методов психолого-криминалистической направленности. Профайлер – специалист, определяющий ареал обитания человека, совершившего преступление, составляющий портрет неизвестного преступника по следам на месте преступления, для скорейшего его задержания. Для оперативного сотрудника любого подразделения важную роль играет возможность быстро и точно оценивать текущее состояние и прогнозировать поведение лица (группы лиц), с которым приходится контактировать по роду своей деятельности [4, с. 32].

Приступая к беседе, в целях установления психологического контакта, целесообразно использовать ряд приемов:

выбор нейтрального материала для начала беседы, который может касаться самочувствия, маршрута движения транспорта либо вестись о биографии объекта беседы, его семейном положении, интересах и увлечениях;

избежание противоречий и несогласий со стороны собеседника в начале беседы. Для этого оперативный сотрудник на основе предварительного изучения личности опрашиваемого должен высказывать свое мнение и задавать вопросы в тех формулировках, которые неизбежно вызовут у объекта беседы согласие и ответ «да»;

создание у собеседника впечатления о совпадении интересов в отношении увлечения опрашиваемого. Так, например, разговор о музыке, спорте, литературе, коллекционировании не только создает благоприятное впечатление у объекта об оперативном сотруднике, но и снимает у него настороженность и психологические барьеры;

тактика так называемого психологического «поглаживания», проявление к опрашиваемому сочувствия, уважительное к нему отношение способствуют снятию психологического барьера и настороженности;

прием нарочитой откровенности и раскрытия содержания, целей и задач беседы перед опрашиваемым создает атмосферу доверия и способствует установлению психологического контакта;

использование черт характера и мотивации поведения опрашиваемого по отношению к конкретной ситуации. Здесь речь может идти о негативном отношении к поведению, взглядам проверяемых лиц, желании заслужить доверие у представителей органов власти, отличаться в глазах окружающих и т. д.;

снятие мотивов страха перед мстостью со стороны заинтересованных лиц может быть достигнуто как обещанием сохранить в тайне факт бе-

седы и его результаты, так и демонстрацией мер, позволяющих обеспечить тайну беседы;

учет индивидуальных особенностей предполагает обращение к статусу гражданина, его профессиональной принадлежности (например, к работнику таможни, военнослужащему, ревизору и другим лицам, обязанным бороться с нарушениями и проявлять патриотизм, личное мужество), апелляцию к положительным сторонам личности (чувству долга, смелости, принципиальности), использование отрицательных черт характера (хвастливости, болтливости, легкомыслия и т. д.) [4, с. 35].

Применение технологии профайлинга в деятельности органов внутренних дел позволит с высокой степенью вероятности выявить лиц, вынашивающих преступные замыслы, эффективно проводить мероприятия, направленные на профилактику и предупреждение преступлений, составлять психологические портреты разыскиваемых преступников, оценивать достоверность, полноту и объективность показаний подозреваемых (обвиняемых), свидетелей (очевидцев) и потерпевших [5, с. 13].

Применение профайлинга при раскрытии преступлений целесообразно было бы называть «контркриминальный» или «антикриминальный» профайлинг.

Часто опросную беседу для установления истинности или ложности высказывания путают с таким явлением, как калибровка. Термин «калибровка» является инструментарием нейролингвистического программирования (НЛП), точным узнаванием состояния и типологизацией личности другого человека по невербальным (телесным) и вербальным сигналам [6, с. 135].

Оценка достоверности и качества информации, полученной с помощью профайлинга, может быть сопоставима с инструментальными методами, основанными на использовании полиграфа, при соблюдении ряда условий (высокая квалификация специалиста; владение определенными знаниями в данной научной области; подготовка к процедуре проведения; следование правилам ведения переговоров).

Профайлинг представляет собой системный набор методов для психологической оценки человека, составления его психологического портрета и основных характеристик поведения. Метод профайлинга разработан на практической основе, что исключает внедрение в процедуру различных психофизиологических и когнитивных методик; проводится при непосредственном контакте с человеком; коммуникативный компонент является субстратом, на основе которого строятся все дальнейшие заключения экспертов. При отсутствии непосредственного контакта с респондентом возможен анализ наиболее информативных признаков

(мимика, жесты, эмоции, речь, внешний облик, поведенческие характеристики), при этом каждый компонент представляет собой динамическую или статическую модель.

Все методы и тактики профайлинга применяются в любой сфере, которая может затронуть взаимодействие людей и необходим четкий анализ их поведения. В настоящее время существуют две наиболее часто встречающиеся разновидности профайлинга: криминальный и оперативный. Криминальный профайлинг представляет собой процесс составления психологического портрета (профиля) подозреваемого лица (предполагаемого преступника, правонарушителя), в котором можно выделить два направления: статистический и качественный подходы. С помощью первого подхода (применяется в США, Западной Европе) специалисты выявляют коэффициенты корреляции между признаками преступления и преступника, установленными после его задержания и осуждения. Качественный подход (преимущественно применяется в России) рассматривает элементы криминалистической характеристики преступления и его механизм как единую систему, субъектом которой является личность правонарушителя и ее взаимодействие с другими элементами, и как результат поведения лица, реализованной в условиях свободного выбора, т. е. этот выбор преступником места, жертвы, времени, способа, средств и других элементов противоправного поведенческого акта не случаен, а обусловлен индивидуальными особенностями конкретного человека.

По сравнению с криминальным профайлингом (статистическим и качественным) чаще используется оперативный профайлинг, который осуществляется за короткое время и служит для отнесения того или иного человека к определенному типу: потенциально опасный (наличие негативных признаков), потенциально неопасный (отсутствие негативных или наличие позитивных признаков); как правило, применяется в системе обеспечения безопасности (общественной, личной и т. д.), в которой действует «оперативная триада» (предупреждение – предотвращение – пресечение). Наибольшее внимание уделяется первому компоненту, как наиболее рациональному, действенному (предупреждение противоправных действий), т. е. профилактике обеспечения безопасности [7, с. 61].

Таким образом, в современных условиях развития общественных отношений противодействие преступности возможно только на основе совершенствования и развития способов ее раннего выявления и предупреждения. Одним из таких способов является профайлинг.

Профайлинг представляет совокупность технологий, направленных на предотвращение противоправных деяний посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций при проведении мероприятий по

обеспечению безопасности с применением методов прикладной психологии.

Использование в процессе применения технологии профайлинга таких основных диагностических средств, как наблюдение и опросная беседа позволит сотрудникам органов внутренних дел с высокой степенью вероятности выявлять лиц, склонных к совершению противоправных деяний, посредством расшифровки невербальных компонентов, используемых в межличностном общении. Проведение в отношении указанной категории лиц на основании полученных характеризующих данных необходимых профилактических мероприятий, а в случае необходимости – мероприятий по их нейтрализации, обеспечат успешную реализацию основных задач, стоящих перед органами внутренних дел.

Список использованных источников

1. Соркин, Г.С. Оперативно-розыскное мероприятие «оперативный опрос»: перспективы исследования / Г.С. Соркин // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию кафедры криминалистики юрид. фак. БГУ, Минск, 12–13 окт. 2017 г. / БГУ ; редкол.: В.Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 155–157.
2. Кайбелев, П.А. Некоторые актуальные вопросы, связанные с проведением оперативного опроса / П.А. Кайбелев // Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 2 июня 2017 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2017. – 167 с.
3. Добросовестный, А.А. Использование профайлинга в деятельности органов внутренних дел по профилактике правонарушений / А.А. Добросовестный // Вестн. Могилев. ин-та МВД. – 2016. – № 1. – С. 6–9.
4. Ермолович, Д.В. Использование возможностей профайлинга при проведении оперативного опроса / Д.В. Ермолович // Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 2 июня 2017 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: А.Н. Тукало (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2017. – 167 с.
5. Бурмистрова, Н.С. Понятие и история возникновения профайлинга / Н.С. Бурмистрова // Вестн. Пятигор. гос. ун-та. – 2013. – № 1. – С. 134–139.
6. Шапочанский, В.Н. Психологические аспекты оперативно-розыскного мероприятия «опрос» / В.Н. Шапочанский // Вестн. Восточ.-Сиб. ин-та МВД России. – 2011. – № 1. – С. 32–37.
7. Кудин, В.А. Профайлинг в деятельности органов внутренних дел: от теории и методологии к практике / В.А. Кудин, В.М. Статный // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2013. – № 3. – С. 4–13.

А.В. Скоробогатый, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ КЛАССИФИКАЦИИ СПОСОБОВ СОКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассмотрена классификация способов сокрытия преступлений в контексте противодействия раскрытию и расследованию преступлений. На основе предложенной Р.С. Белкиным системы способов сокрытия раскрыто ее содержание с учетом складывающихся на практике ситуаций. Автор приходит к выводу об актуальности и релевантности рассмотренной системы способов сокрытия, вместе с тем не исключая возможности разработки и выдвигения иных классификационных моделей способов сокрытия преступлений.

В настоящее время в научной литературе продолжается исследование проблемы противодействия раскрытию и расследованию преступлений. Ученые сформулировали более двух десятков определений противодействия. С одной стороны, это говорит об актуальности исследуемой проблемы, с другой – многообразии подходов к данному понятию свидетельствует о неразрешенности данного вопроса [1, с. 51–52].

Актуальность данного вопроса определена следующими обстоятельствами. Субъектам оперативно-розыскной деятельности и лицам, ведущим уголовный процесс, приходится постоянно сталкиваться с ситуациями противодействия раскрытию и расследованию преступлений, что отрицательно сказывается на результативности данной деятельности. Наряду с постоянным совершенствованием методов, применяемых правоохранительными органами, назрела острая необходимость создания эффективной системы мер преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений, базирующихся на разработке тактико-криминалистических, психологических и конфликтологических методов и приемов осуществления оперативно-розыскных мероприятий, производства следственных и иных процессуальных действий. Особую актуальность придает то, что сам характер деятельности по противодействию преступлениям меняется достаточно динамично и связан с изменениями конкретной ситуации. Зарождение новых форм противодействия, отсутствие действенных методик, несовершенство законодательства требуют создания новых форм и методов их предупреждения и разрешения [2, с. 90–91]. Усилившееся в последнее время информационно-техническое

противодействие со стороны преступной среды ставит вопрос о совершенствовании форм и методов оперативно-розыскной деятельности по его выявлению, а также об использовании в ходе оперативно-розыскных мероприятий технических средств [3, с. 242].

Глубокое изучение форм противодействия расследованию и разработка способов и методов его преодоления невозможны без использования системного подхода к данной проблеме и криминалистических классификаций. Одной из наиболее важных нам представляется классификация противодействия по фазам развития преступной деятельности, поскольку она позволяет проследить развитие противодействия расследованию с момента возникновения преступного умысла. Авторы данной классификации выделяют четыре фазы противодействия расследованию:

информационно-поисковую (поиск и наблюдение за объектом преступного посягательства, налаживание преступных связей, создание ложного алиби и пр.);

создание условий для реализации преступного замысла (конспирация преступных связей, приготовление предметов и средств маскировки преступления, проведение экспериментов с целью проверки возможности совершения каких-либо действий в ходе совершения преступления и т. п.);

действия по реализации преступного умысла (легендирование личности, использование поддельных документов, наблюдателей и пр.);

воспроизводство преступной деятельности (временное прекращение преступной деятельности, оказание помощи привлеченным к уголовной ответственности сообщникам, подбор новых членов в группу, анализ ошибок, совершенных в прошлой преступной деятельности, изучение оперативной обстановки на предмет ее безопасности для преступной группы и т. д.) [4, с. 30–31].

Учитывая данную классификацию, все ситуации, складывающиеся в результате противодействия заинтересованных лиц правоохранительным органам, можно подразделить на четыре группы:

возникающие в латентной стадии преступной деятельности;

имеющие место в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий и предварительной проверки материалов;

возникающие в период предварительного расследования уголовного дела;

имеющие место на последующих стадиях уголовного судопроизводства [4, с. 30–31].

Противодействие расследованию может осуществляться как в активной, так и в пассивной форме. К пассивной форме можно отнести

неоказание помощи, несообщение требуемых сведений, неявка по вызову, умолчание об известных лицу фактах и т. п. К активной форме противодействия относят дачу ложных показаний, обман, сокрытие и уничтожение необходимых следствию предметов и документов, инсценировку и создание лжедоказательств, прямое сопротивление следователю, побег с места преступления и сокрытие от органов следствия и суда, склонение к даче ложных показаний, представление подложных документов и т. д. [4, с. 30–31].

Иными словами, мы видим ярко выраженную необходимость знания способов противодействия, оказываемого со стороны преступного мира, при совершении действий по приготовлению, совершению и сокрытию преступления. Наиболее ярко выраженное противодействие происходит именно на этапе сокрытия преступления.

Изучение способов сокрытия преступлений имеет важное прикладное значение, позволяя вырабатывать эффективные приемы его преодоления в ходе расследования. В научной среде ведется дискуссия о классификации данных способов.

Широко распространена точка зрения Р.С. Белкина, согласно которой сокрытие преступления представляет собой деятельность (элемент преступной деятельности), направленную на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и их носителей. Основываясь на этом выделяют сокрытие преступления путем утаивания, уничтожения, маскировки, фальсификации информации и (или) ее носителей и смешанные способы [5, с. 130–134].

Данная классификация представляется достаточно непротиворечивой. Однако ценность многих теоретических конструкций определяется тем, насколько полно они отражают действительность. В этой связи нами предпринята попытка раскрыть содержание элементов классификации способов сокрытия преступлений, предложенной Р.С. Белкиным, на примерах из практической деятельности.

Утаивание в буквальном смысле слова означает оставление в неведении относительно тех или иных обстоятельств расследуемого дела или источника требуемой для установления истины информации; может быть осуществлено как в активной, так и в пассивной формах. Примерами сокрытия преступлений путем утаивания является использование в ходе ведения переговоров терминологии, позволяющей зашифровать истинную сущность предмета беседы, а также привлечение посредников для выполнения отдельных преступных действий. При совершении преступлений в сети Интернет в целях их сокрытия используются программные средства, затрудняющие установление IP-адреса устройства

доступа в сеть Интернет и последующую идентификацию преступника (TOR, VPN, анонимайзер веб-прокси, удаленный доступ), криптостойкое программное обеспечение, затрудняющее или исключающее возможность перехвата передаваемых сообщений [5, с. 134; 6, с. 277–280; 7, с. 266].

Уничтожение можно подразделить в зависимости от того, на что оно направлено – уничтожение следов преступления и уничтожение следов преступника. При этом имеется в виду как уничтожение самой доказательственной информации, так и ее носителей. Уничтожение может быть полным и частичным. Частичное уничтожение граничит с фальсификацией, иногда служит ее способом [5, с. 134; 7, с. 266].

Уничтожение может осуществляться посредством использования интернет-сервисов, обеспечивающих автоматическое удаление сообщений после прочтения получателем. Данный способ сокрытия может быть выражен в уничтожении поличного или следов преступления при угрозе задержания; устранении членов преступной группы или свидетелей, готовых дать признательные показания [6, с. 280].

При совершении убийства сокрытие трупа и его частей может выражаться в перемещении трупа с места преступления, его расчленении в целях сокрытия или уничтожения (части трупа обнаруживаются в разных местах), закапывания трупа или его частей, сбрасывании в водоем, подбрасывании в заброшенные строения и т. п.), устранении следов и орудия убийства, одежды и обуви, в которой обвиняемый был в момент убийства, замывании пятен крови в помещении, на одежде и обуви и т. п. [6, с. 78].

При сокрытии преступлений в сфере компьютерной информации может происходить удаление оставленных следов (воссоздание обстановки, предшествующей совершению преступления, уничтожение следов рук, обуви, удаление компьютерных следов и т. д.); удаление информации о действиях преступника из протоколов работы программ; удаление файлов, создающихся или изменяющихся в процессе совершения преступления [8, с. 809–810].

Маскировка преследует цели изменения представления о способе совершения преступления, личности виновного, назначении объектов – носителей информации и их круге [5, с. 134; 7, с. 266]. Маскировка реализуется путем придания предметам преступления иного вида. Например, при совершении незаконного оборота наркотиков экстрактом опия часто заполняют бутылки из-под кока-колы, используя сходство цвета данного наркотика с известным напитком. Кокаин из Латинской Америки в США могут перевозить в виде раскрашенных фигурок религиозного содержания. Афганский героин преступники перевозят в виде так

называемой слезы Аллаха – жидкости темного цвета, представляющей из себя концентрированный раствор наркотика. Героином и ацетилированным опиумом могут пропитывать одежду (после доставки к месту назначения наркотика из нее извлекаются обратно). Часто при перевозке наркотиков используют продукты, обладающие сильным запахом (пряности, специи, сухофрукты, овощи), сбивающие со следа служебных собак: героин упаковывают в контейнеры шарообразной формы, которые заворачивают в луковую шелуху так, чтобы внешне, по форме и запаху напоминали луковицы. В ряде случаев крупные партии наркотиков перевозили под видом лекарственных препаратов, в том числе доставляемых как гуманитарная помощь. Преступление могут маскировать под какую-либо законную деятельность. Расчеты между преступниками могут проводиться под видом пополнения баланса мобильного телефона или проигрыша в онлайн-играх. Часто для сокрытия преступления совершают множество транзакций между счетами (электронными кошельками) в сочетании с дроблением крупных сумм (смурфинг) [6, с. 279, 281].

При совершении краж в качестве способов маскировки могут быть названы перемещение объектов (например, из того места, где они должны быть согласно существующим или предписанным правилам, в другое место, как это бывает при нарушении правил хранения и движения документов); изменение внешнего вида субъекта преступления (парик, грим, маски, смена одежды, изменение волосяного покрова, фальшивые коронки, искусственное создание или изменение особых примет и т. п.); создание видимости использования объекта не по действительному назначению; сокрытие параллельно совершаемыми действиями или происходящими процессами (например, звуков от действия орудий взлома – шумом проходящего транспорта) [6, с. 209].

При сокрытии преступлений в сфере компьютерной информации путем маскировки могут использовать анонимные прокси-сервера, межсетевые экраны, специализированное программное обеспечение, позволяющие подменять информацию об IP-адресе, MAC-адресе; ремейлеры и программ-анонимизаторы, позволяющие осуществлять переадресацию электронной почты, направляя ее с другого компьютера либо изменять данные об обратном адресе и службе электронной почты отправителя [8, с. 809–810].

Фальсификация представляет собой подделку, создание ложной информации и (или) ее носителей. Способами сокрытия преступлений путем фальсификации служат заведомо ложное показание; заведомо ложное сообщение, заявление, донос; создание ложных следов и иных вещественных доказательств; полная или частичная подделка документов; подмена, дублирование объектов; частичное уничтожение объекта,

его переделка с целью изменения его внешнего вида, фальсификации назначения и т. п. [5, с. 135; 7, с. 267].

Наиболее частыми способами фальсификации являются подмена товарно-транспортных накладных, приходно-расходных документов; создание ложного алиби путем сговора с мнимым очевидцем преступления; оговор свидетелей. Фальсификация в целях сокрытия преступления может состоять в распространении ложной информации о фактах коррупции со стороны лиц, ведущих расследование, либо неверной юридически значимой информации о наличии в действиях потерпевшего признаков правонарушения с целью исключить его обращение в правоохранительные органы [9, с. 181].

Воспрепятствование установлению личности потерпевшего при совершении убийства происходит путем подбрасывания документов или предметов, принадлежащих другому лицу, обезображения трупа [6, с. 78].

Сокрытие преступлений в сфере компьютерной информации происходит путем подмены следов (в том числе подмена информации в компьютерных следах), а также использования учетных записей, созданных от чужого (вымышленного) имени [8, с. 809–810].

Смешанные способы сокрытия преступления представлены различными инсценировками, которые можно определить как создание обстановки, не соответствующей фактически происшедшему на этом месте событию, что может дополняться согласуемыми с этой обстановкой поведением и ложными сообщениями как исполнителей инсценировки, так и связанных с ними лиц [5, с. 136–137]. Например, после задержания преступники могут применять такие способы сокрытия совершенного преступления, как отрицание вины и дачу ложных показаний с целью избежать уголовной ответственности; заявление о том, что запрещенный предмет был найден в общественном месте и задержанный собирался передать его в органы внутренних дел либо о том, что запрещенный предмет был подброшен сотрудниками правоохранительных органов и имела место провокация с их стороны. Возможна реализация искусственно созданной оправдывающей ситуации (например, при задержании с поличным предъявляется заранее подготовленное заявление о явке с повинной или добровольной сдаче запрещенных предметов и документов) [6, с. 280].

При сокрытии может иметь место инсценировка, направленная на маскировку мотива совершения убийства либо самого факта убийства. Так, преступники инсценируют самоубийства, дорожно-транспортные происшествия, несчастные случаи или естественную смерть потерпевшего [6, с. 78]. При совершении транснациональной торговли людьми примером рассматриваемого способа сокрытия является перемещение

жертв через границу по туристическим визам, не дающим право на трудоустройство в стране назначения [9, с. 181–182].

Таким образом, на основании изложенного можно сделать заключение о том, что классификация способов сокрытия преступлений, предложенная Р.С. Белкиным, является актуальной и отражает причинно-следственные связи, встречающиеся на практике в разных следственных ситуациях. Логическим основанием данной классификации выступает содержательная сторона деятельности по сокрытию преступлений. Рассматриваемый подход дает ориентиры для создания системы мер преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений, базирующейся на тактико-криминалистических, психологических и конфликтологических методах и приемах производства следственных и иных процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий. Вместе с тем наш вывод не исключает возможности разработки и выдвижения иных классификационных моделей способов сокрытия преступлений.

Список использованных источников

1. Карнаухова, О.Г. Понятие и сущность противодействия расследованию / О.Г. Карнаухова // Вестн. Калинингр. фил. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2014. – № 2. – С. 51–54.
2. Лебедев, Н.Ю. Противодействие как одна из основных причин возникновения конфликтов на этапе досудебного производства по уголовным делам: структура, содержание, стороны / Н.Ю. Лебедев // Закон и право. – 2014. – № 9. – С. 90–94.
3. Кудрявцев, Д.С. Меры преодоления противодействия раскрытию и расследованию преступлений в Республике Беларусь / Д.С. Кудрявцев // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 24 янв. 2018 г. : тез. докл. / учрежденные образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: А.В. Яскевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2018. – С. 242–243.
4. Куртынов, И.В. Способы преодоления противодействия на предварительном следствии [Электронный ресурс] : учеб. пособие / И.В. Куртынов ; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Волгогр. акад. – Волгоград : Волгоград. акад. МВД России, 2007. – 69 с.
5. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, А.И. Бородулин [и др.] ; под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина ; Акад. М-ва внутр. дел России. – М. : Новый Юрист, 1997. – 398 с.
6. Организация расследования отдельных видов преступлений : учеб. пособие : в 2 т. / под общ. ред. Ю.М. Юбко. – Минск : Академия МВД, 2018. – Т. 2 / Д.Л. Харевич [и др.]. – 395 с.

7. Белкин, Р.С. Курс криминалистики : учеб. пособие / Р.С. Белкин [и др.]. – М., 2001. – 837 с.

8. Криминалистика : учеб. для образов. учреждений высш. проф. образования МВД России / Т.В. Аверьянова [и др.] ; под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2008. – 943 с.

9. Харевич, Д.Л. О некоторых способах воздействия на потерпевшего по делам о торговле людьми / Д.Л. Харевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия Д. – 2018. – № 5. – С. 179–184.

УДК 343.985

Н.А. Соха, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.М. Веремеенко*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

ОПЕРАТИВНОЕ ВНЕДРЕНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются некоторые теоретические проблемы, проявляющиеся в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности, в части способов проведения оперативно-розыскного мероприятия (ОРМ) «оперативное внедрение», а также предлагаются возможные пути совершенствования оперативно-розыскного законодательства Республики Беларусь в рамках рассматриваемого вопроса.

Негативные последствия распада Советского Союза и возникновение на его бывших территориях в определенной степени капиталистических отношений спровоцировали заметный рост числа совершенных уголовно наказуемых деяний, а также возрождение такой относительно новой для образовавшихся независимых государств формы совершения противоправных деяний, как организованная преступность.

С данными проблемами столкнулась и Республика Беларусь, правительство которой, наряду с проведением мероприятий, направленных на стабилизацию политико-экономической ситуации, сосредоточило внимание на повышении качества поддержания правопорядка. Однако, как отмечал первый начальник управления по борьбе с организованной преступностью МВД Республики Беларусь генерал-майор милиции С.И. Рухлядев, на тот момент допускаемые законом методы работы правоохранительных органов имели направленность на раскрытие отдельных видов преступлений и разоблачение отдельных преступников,

но не законспирированных сообществ [1, с. 16]. Перед законодателем нашего государства определились актуальные задачи – совершенствование существующей и разработка новой нормативной правовой базы в сфере правоохранительной деятельности, а также закрепление современных и эффективных средств противодействия проявлениям преступного мира.

Первым шагом на пути достижения поставленных целей стало принятие в 1992 г. Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД»). Наряду с установленным в данном нормативном правовом акте арсеналом средств защиты граждан от преступных посягательств, особое место заняло ОРМ «внедрение сотрудников в организованные преступные группы и криминогенные объекты». Указанное мероприятие на момент своего законодательного закрепления было призвано стать одним из основных средств борьбы с таким негативным явлением, как организованная преступность.

В принятом в 1999 г. новом Законе «Об ОРД» название рассматриваемого нами ОРМ было изменено на «оперативное внедрение». При этом его сущность не поменялась. Однако со временем количество объектов, в отношении которых начали проводить данное мероприятие, расширилось. Это было связано с тем, что организованная преступность, благодаря решительным мерам государства по ее искоренению, а также слаженной работе правоохранителей, фактически перестала существовать и, приняв новую форму, проникла в экономическую сферу. В целях обеспечения экономической безопасности нашего государства применение на практике оперативного внедрения стало актуальным также для подразделений по борьбе с экономическими преступлениями МВД и Департамента финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь.

В настоящее время проведение ОРМ «оперативное внедрение» регламентируется Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об ОРД», а также специальными нормативными правовыми актами субъектов ОРД. Согласно ст. 33 вышеупомянутого закона оперативное внедрение представляет собой проникновение должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, в окружение гражданина или в среду граждан в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности [2].

Использование данного ОРМ направлено на получение сведений о составе и структуре преступного формирования (группы, банды, и т. п.),

жизненном и преступном опыте лиц, представляющих оперативный интерес, характере криминальной деятельности, способах совершения преступлений, трудностях, испытываемых членами преступного формирования при осуществлении криминальной деятельности, наличие конфликтов внутри преступного формирования и лиц, тяготеющих нахождением в нем и желающих его покинуть, наличии коррумпированных связей в правоохранительных органах и т.п. [3, с. 152–153].

Следует отметить, что оперативное внедрение является одним из самых сложных проводимых ОРМ как в плане организации, так и в плане исполнения, поэтому оно проводится лишь тогда, когда других возможностей получить или подтвердить информацию, необходимую для решения задач ОРД, нет [3, с. 153].

Исходя из анализа ст. 33 Закона «Об ОРД» и опыта правоприменительной практики можно сделать вывод о том, что лицами, непосредственно проникающими в окружение гражданина или в среду граждан при проведении оперативного внедрения, являются:

должностное лицо органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, т. е. оперативный сотрудник;

гражданин, оказывающий или оказывавший содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность.

Необходимо отметить, что в ходе проведения оперативного внедрения могут возникать ситуации, когда в целях недопущения своей расшифровки и успешного проведения мероприятия, лицо, проникнувшее в криминальное сообщество, должно принимать участие в осуществляемой данным сообществом преступной деятельности. Поскольку совершение в этом случае преступления направлено на решение задач ОРД, а именно обеспечение возможности продолжения сбора информации о криминальном объекте и дальнейшего избличения участников преступной группы, исходя из принципа справедливости, в законодательстве должен быть предусмотрен механизм защиты внедряемых лиц от уголовной ответственности.

В нашей стране такой механизм предусмотрен. Согласно ст. 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь), не подлежит уголовной ответственности лицо, которое, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления и действуя с другими его участниками, вынужденно совершит преступление [4]. Однако необходимо отметить, что правила данной дефиниции не применяются к лицу, совершившему особо тяжкое или тяжкое престу-

пление, связанное с посягательством на жизнь или здоровье человека [4]. Стоит также учитывать, что в данных ситуациях воля внедренного лица должна иметь направленность на совершение общественно полезных действий, а не на совершение противоправного деяния [5, с. 70].

В связи с всесторонним рассмотрением ОРМ «оперативное внедрение» считаем целесообразным обратить внимание на особенности правового регулирования проведения данного мероприятия в Российской Федерации.

Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») также в качестве одного из средств противодействия преступности предусматривает ОРМ «оперативное внедрение», однако в отличие от белорусского законодательства не дает его определения.

Тем не менее, несмотря на это, определение рассматриваемого нами ОРМ выработано в российской теории ОРД. Так, В.А. Горбухов считает, что оперативное внедрение – это способ получения информации путем ввода под легендой сотрудника оперативно-розыскного подразделения или конфиденанта в криминальную среду либо на представляющие интерес объекты в целях разведывательного сбора информации, для решения задач ОРД [6, с. 112]. Авторы учебника «Теория оперативно-розыскной деятельности» также указывают на то, что не образует рассматриваемого ОРМ привлечение к сотрудничеству на конфиденциальной основе лица, уже находящегося на соответствующем объекте, имеющего контакт или устойчивую связь с лицом, представляющим оперативный интерес [7, с. 323].

Однако авторы учебно-практического пособия «Оперативно-розыскные мероприятия и меры» придерживаются позиции, согласно которой оперативным внедрением, помимо ввода оперативного сотрудника или лица, оказывающего конфиденциальное содействие правоохранительным органам, в объект оперативного интереса или его окружение, также является и привлечение лица к конфиденциальному сотрудничеству из числа членов объекта оперативного интереса [8, с. 88].

Поддерживающие данную точку зрения авторы учебника «Оперативно-розыскная деятельность» предлагают следующее определение оперативного внедрения. Оперативное внедрение заключается в приобретении оперативно-розыскным органом конфиденциального источника информации внутри преступного сообщества или в его окружении для оптимального решения задач ОРД и достижения ее целей в сложившейся обстановке. Оно проводится путем ввода конфиденанта или оперативного сотрудника, а также путем привлечения лица из числа членов

объекта оперативного интереса [9, с. 362].

В ч. 4 ст. 18 ФЗ «Об ОРД» также идет речь о том, что лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации [10]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что законодатель Российской Федерации хоть и не раскрывает понятия оперативного внедрения, однако закрепляет один из способов его осуществления – приобретение негласного источника внутри объекта, в отношении которого и проводится данное ОРМ.

На наш взгляд, включение в содержание оперативного внедрения данного способа его проведения является актуальным. Ведь в практике использования рассматриваемого нами мероприятия может возникнуть ситуация, когда внедрить лицо в преступную группу будет невозможно ввиду определенных причин. Единственным выходом из сложившейся ситуации останется поиск источника информации, непосредственно находящегося в криминальном сообществе.

В свою очередь, немаловажным и актуальным остается вопрос об освобождении от уголовной ответственности лица, находящегося в криминальной среде, в случае привлечения его к конфиденциальному сотрудничеству, за совершенные им преступления. Такой подход соответствует нормам международного права. В частности, ст. 26 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности (12–15 декабря 2000 г., г. Палермо, Италия) закрепляет положения о предоставлении иммунитета от уголовного преследования лицу, которое сотрудничает в расследовании или уголовном преследовании за преступления, в соответствии с основополагающими принципами национального законодательства [7, с. 324]. Однако без внесения изменений в национальное оперативно-розыскное законодательство на данный момент это сделать невозможно.

Для того чтобы определить, что является основанием освобождения лица от уголовной ответственности, и выдвинуть предложения, касающиеся совершенствования ОРМ «оперативное внедрение», необходимо вернуться к рассмотрению положений уголовного закона.

Условия освобождения участника организованной преступной группы нашли свое отражение в ст. 20 и ст. 38 УК Республики Беларусь.

Согласно ст. 20 УК Республики Беларусь участник преступной организации или банды (кроме организатора или руководителя), добро-

вольно заявивший о существовании преступной организации или банды и способствовавший их изобличению, освобождается от уголовной ответственности за участие в преступной организации или банде и совершенные им в составе преступной организации или банды преступления, за исключением особо тяжких или тяжких преступлений, связанных с посягательством на жизнь или здоровье человека.

Однако в данном случае законодатель имеет в виду ситуацию, когда лицо, находящееся в преступном формировании, само проявит инициативу сотрудничества с правоохранительными органами. В случае привлечения гражданина к содействию на конфиденциальной основе данная инициатива исходит уже от органа, осуществляющего ОРД. Освободить участника криминального сообщества, привлеченного к конфиденциальному сотрудничеству, от уголовной ответственности за совершенные им противоправные деяния по данной статье невозможно.

Исходя из смысла ст. 38 УК Республики Беларусь одним из правовых оснований наличия обстоятельства, исключающего преступность деяния при пребывании лица среди соучастников совершения преступления, является наличие у этого лица специального задания, в рамках которого оно, для решения задач ОРД, имеет право вынужденно совершить противоправное деяние, за исключением тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни и здоровья человека.

Согласно ст. 19 Закона «Об ОРД» по специальному заданию проводятся такие ОРМ, как «оперативный эксперимент», «проверочная закупка», «контролируемая поставка» и «оперативное внедрение».

Необходимо также отметить, что специальное задание может выдаваться лицу, оказывающему содействие органам, осуществляющим ОРД, при проведении таких ОРМ, оперативный опрос, сбор образцов и оперативный осмотр. Однако проведение данных ОРМ, как правило, не предусматривает возможности совершения лицом преступления и не решает задач, поставленных перед рассматриваемым нами мероприятием.

Таким образом, именно выданное в рамках проведения ОРМ «оперативное внедрение» специальное задание будет являться юридическим основанием освобождения лица, внедренного в преступное сообщество, от уголовной ответственности за преступления, совершенные в целях решения задач ОРД. В этой связи при признании положения о возможности привлечения лица, находящегося в организованной преступной группе, к конфиденциальному сотрудничеству, как одного из способов проведения оперативного внедрения, в целях возможности выдачи данному лицу специального задания, необходимо внести изменения в ст. 33 Закона «Об ОРД», дополнив ее положением, касающимся расширения способов осуществления данного ОРМ.

Следует также учесть, что при внесении изменений в ст. 33 Закона «Об ОРД» и включении в понятие оперативного внедрения привлечение к конфиденциальному сотрудничеству лица, непосредственно находящегося в окружении граждан или в среде граждан, употребление названия ОРМ «оперативное внедрение» будет являться некорректным. Согласно «Современному толковому словарю русского языка» «внедриться» означает проникнув, прочно утвердился где-либо [11, с. 83].

На наш взгляд, поскольку основной задачей рассматриваемого ОРМ является получение внедренным лицом криминально-значимой информации, имеющей немаловажное значение для собирания доказательств совершения преступлений [3, с. 153], в процессе поиска нового названия ОРМ «оперативное внедрение» необходимо обратиться к теории военной разведки.

Военная разведка – совокупность мероприятий с целью сбора данных о действующем или вероятном противнике, местности и др. [12, с. 115]. В свою очередь, военный разведчик – военнослужащий, который проникает в расположение противника в военной форме для сбора сведений о нем [12, с. 116].

Если преломить сущность военной разведки на правоохранительную деятельность, то можно говорить о том, что противником для органов, осуществляющих ОРД, является преступное формирование, деятельность которого необходимо пресечь. Однако для этого нужно собрать достаточно информации, которая впоследствии поможет органам уголовного преследования изобличить участников преступной группы, привлечь их к установленной законом ответственности, а также возместить, причиненный обществу и государству ущерб. Можно говорить о том, что лицо, внедренное в преступную группу, либо привлеченное к сотрудничеству из состава этой группы, выступает для правоохранительных органов в роли разведчика, чья деятельность направлена на получение оперативно значимой информации.

С целью отнесения данного мероприятия к средствам борьбы с преступностью в рамках ОРД и подчеркивания его связи с правоохранительной деятельностью название ОРМ «разведка» необходимо также дополнить словосочетанием «оперативно-розыскная».

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, с целью совершенствования отечественного оперативно-розыскного законодательства считаем целесообразным:

в связи с расширением перечня способов проведения ОРМ «оперативное внедрение» внести изменение в название данного мероприятия, определив его как «оперативно-розыскная разведка»;

внести изменения в ст. 33 Закона «Об ОРД» и изложить ее в следующей редакции: *оперативно-розыскная разведка* представляет со-

бой проникновение должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или гражданина, оказывающего или оказывавшего содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, в окружение гражданина или в среду граждан, а равно привлечение к содействию на конфиденциальной основе органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, лица, непосредственно находящегося в окружении граждан или в среде граждан в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности.

Список использованных источников

1. Организованно против организованной: Воспоминания. Очерки. Публицистика : сборник / авт.-сост. В.В. Потапенко. – Минск : Бонем, 2001. – 274 с.
2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Оперативно-розыскная деятельность : пособие для студентов вузов / И.И. Бранчель [и др.] ; под ред. А.И. Шведа. – Минск : Тетралит, 2014. – 352 с.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Бачила, В.В. Оперативно-розыскное мероприятие «оперативное внедрение»: теория и практика / В.В. Бачила // Суд. вестн. – 2010. – № 2. – С. 68–71.
6. Оперативно-розыскная деятельность : конспект лекций / В.А. Горбухов. – Ростов н/Д : Феникс, 2014. – 176 с.
7. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2018. – 762 с.
8. Оперативно-розыскная деятельность: вопросы и ответы : в 2-х кн. Кн. II : Оперативно-розыскные мероприятия и меры : учеб.-практ. пособие. – 3-е изд., пересмотр. и испр. – М. : Изд. дом И.И. Шумиловой, 2008. – 144 с.
9. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, А.Ю. Шумилова. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 794 с.
10. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 12 авг. 1995 г., № 144-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
11. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2006. – 906 с.
12. Словарь оперативно-розыскной деятельности / авт.-сост. проф. А.Ю. Шумилов. – М. : Изд. дом Шумилова И.И., 2004. – 168 с.

УДК 343.63

И.П. Стосуй, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Н.И. Козелецкая*

Рецензент – кандидат юридических наук *Ю.Е. Духовник*

КЛЕВЕТА: ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

В статье дан уголовно-правовой анализ состава клеветы на основе изучения имеющейся по этой теме научной литературы и судебной практики. Автор обращает внимание как на существующие теоретические спорные моменты, так и на проблемы практики применения рассматриваемого состава преступления, которые не нашли своего однозначного решения в теории уголовного права.

Уголовно-правовая защита чести и достоинства личности в Республике Беларусь осуществляется в соответствии со ст. 188–189 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК). За последние несколько лет в национальное уголовное законодательство было внесено значительное число изменений и дополнений. Данные изменения коснулись различных аспектов уголовно-правового регулирования общественных отношений, в том числе вопросов обеспечения защиты чести и достоинства личности. Так, 9 января 2019 г. был принят Закон Республики Беларусь № 171-3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь», согласно которому клевета, предусмотренная ч. 1 ст. 188 УК, была декриминализована и перешла в разряд административных правонарушений [1].

В ныне действующей редакции ст. 188 УК ответственность предусмотрена за распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо сведений в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи, либо распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо сведений, содержащих обвинение в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Учитывая место нормы в тексте закона, следует согласиться с мнением ученых, которые объектом клеветы называют честь и достоинство другого человека [2, с. 182; 3, с. 383]. Ряд юристов считают, что клевета посягает одновременно на честь, достоинство человека и его деловую репутацию [4]. В юридической литературе изложено мнение,

что сущность объекта клеветы характеризует понятие «доброе имя», представляющее собой положительную оценку моральных, личных, деловых, профессиональных и иных качеств конкретной личности всем обществом, его частью (определенной социальной группой) или хотя бы одним лицом [5].

Потерпевшим от клеветы может выступать любое лицо вне зависимости от его способности воспринимать и осознавать смысл и значение распространяемых в отношении его сведений. Такой вывод основан на нормах международного права, которые признают, что право на честь и достоинство человека возникает с момента его рождения. Это положение нашло отражение и в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15 «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации» (далее – постановление № 15), где в п.10 сказано, что в случае распространения порочащих сведений в отношении несовершеннолетнего либо лица, признанного в установленном порядке недееспособным, иск о защите их чести и достоинства вправе предъявить законные представители (родители, усыновители или попечители).

Клевета возможна и в отношении умерших. Некоторые ученые считают, что клевета в этом случае невозможна, но возможно оскорбление живых близких лиц в форме клеветы на умерших [6, с. 611–612]. Как в свое время писал И.Я. Фойницкий, «умерший, покончив с земным обществом все счеты, и не может быть субъектом никаких прав, в том числе и права на честь; ни обида, ни клевета по отношению к нему немислимы. Но в виду единства чести лиц таких близких союзов, как семейный, оскорбление чести живого члена семьи может иметь место путем оскорбления умершего» [7, с.105].

Вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности за распространение заведомо ложных сведений об умершем лице должен решаться исходя из того, что разд. VII УК охраняет человека от преступных посягательств. Память о человеке, общественное мнение, сложившееся о нем, сохраняются и после его смерти, поэтому, если кто-либо сообщает заведомо ложные сведения об умершем, налицо клевета, которая порочит память покойного.

В литературе высказано предложение предусмотреть в уголовном законе самостоятельную норму, направленную на охрану чести умершего.

Механизмы защиты чести, достоинства умерших представляются нам достаточными и соответствующими степени общественной опасности клеветы в отношении умерших. Кроме того, защита чести, достоинства умерших лиц возможна и посредством применения гражданско-правовых норм. В соответствии со ст.153 Гражданского кодекса Респу-

блики Беларусь защита чести и достоинства гражданина допускается и после его смерти. Данная позиция косвенно поддержана Верховным Судом Республики Беларусь, который в п. 10 постановления № 15 закрепил, что защита чести, достоинства и деловой репутации гражданина допускается и после его смерти по требованию заинтересованных лиц (членов его семьи, родственников и др.).

Потерпевшим от клеветы всегда является «другое» лицо, в связи с чем распространение человеком заведомо ложных сведений о самом себе, даже если оно причиняет вред правам и законным интересам третьих лиц, не может образовывать состав клеветы. Не может квалифицироваться по ст. 188 УК и распространение заведомо ложных сведений, подрывающих деловую репутацию юридического лица, защита его репутации осуществляется в гражданско-правовом порядке.

Важным признаком объективной стороны клеветы является распространение сведений, под которым следует понимать сообщение заведомо ложной информации, порочащей честь и достоинство потерпевшего, любым способом хотя бы одному третьему лицу.

Распространяемые сведения при клевете должны быть ложными и порочащими потерпевшего. Ложными являются сведения, которые не соответствуют действительности. При этом не могут рассматриваться как не соответствующие действительности сведения, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов государственной власти, а также сведения научного характера.

Распространение самих по себе ложных сведений не образует состава клеветы. В соответствии со ст. 188 УК такие сведения должны порочить честь и достоинство другого лица. Как показывает практика, именно это и вызывает основные трудности при применении данной уголовно-правовой нормы. Учитывая это обстоятельство, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в указанном выше постановлении дает определение, какие сведения являются порочащими. Это, в частности, сведения, которые умаляют честь, достоинство или деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица в общественном мнении или мнении отдельных граждан, юридических лиц с точки зрения соблюдения законов, норм морали, обычаев (например, сведения о нечестности, невыполнении профессионального долга, недостойном поведении в трудовом коллективе, семье, сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, и т. п.) (п. 8). Однако предложенная трактовка, к сожалению, не вносит ясности на основании каких критериев те или иные сведения следует признавать порочащими честь и достоинство человека.

В качестве обязательного признака объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 188 УК, выступает либо публичный способ

распространения ложной информации (в публичном выступлении, печатном или публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации, глобальной компьютерной сети Интернет, в иной сети электросвязи общего пользования или выделенной сети электросвязи), либо наличие в содержании информации сведений, не соответствующих действительности, по обвинению лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Применительно к рассматриваемому преступлению клевета, содержащаяся в публичном выступлении, представляет собой распространение заведомо ложных сведений на митинге, концерте, лекции и т. п. При этом главный вопрос, требующий решения в данном случае, о критериях, на основании которых то или иное выступление может быть признано публичным.

Относительно количества лиц, сообщение которому можно считать выступление публичным, высказывался Ю.М. Ткачевский: «публичность выступления на митинге, общем собрании жильцов дома или подъезда и даже перед группой, состоящей из пяти-шести человек, не вызывает сомнения. Но едва ли можно считать публичным сообщение клеветнического измышления двум-трем лицам» [8, с. 69]. Большинство ученых при толковании признака публичности не конкретизируют численность аудитории, при которой данный признак может иметь место.

Статья 188 УК предусматривает ответственность также за распространение клеветнических сведений в печатном или публично демонстрирующемся произведении (книги, плакаты, газеты, компьютерные программы, стенные газеты, графические изображения, фотомонтажи и т. п.). Для квалификации деяния по указанному признаку необходимо, чтобы имел доступ к данным произведениям неограниченный круг лиц. Действия виновного образуют клевету и в случае выставления даже одного экземпляра произведения в общественном месте для публичного обозрения.

При публичном распространении ложных, порочащих другое лицо сведений, часто используются средства массовой информации (ч. 20 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-3 «О средствах массовой информации» – это форма периодического распространения массовой информации с использованием печати, вещания теле- или радиопрограммы, глобальной компьютерной сети Интернет, а также сетевое издание как форма распространения массовой информации с использованием глобальной компьютерной сети Интернет).

Распространение клеветнических сведений в средствах массовой информации через глобальную компьютерную сеть Интернет может быть самым разнообразным – о деловых качествах лица, его характере,

взаимоотношениях с членами семьи или коллегами, о взглядах на политику или религию. Последствия такого распространения – возникающий широкий резонанс в обществе и последующее обсуждение таких сведений на различных общественных уровнях, а также отрицательное психологическое влияние на человека.

В ст. 188 УК в качестве способа распространения сведений указана также сеть электросвязи общего пользования или выделенная сеть электросвязи. Согласно ст. 34 Закона Республики Беларусь от 19 июля 2005 г. № 45-3 «Об электросвязи» сеть электросвязи общего пользования – это комплекс взаимодействующих сетей электросвязи, предназначенный для оказания услуг электросвязи всем пользователям услуг электросвязи, в том числе по распространению программ телевизионного вещания и радиовещания. Выделенные сети электросвязи предназначены для возмездного оказания услуг электросвязи ограниченному кругу пользователей услуг электросвязи или группам таких пользователей, но не присоединены к сети электросвязи общего пользования (ст. 35 вышеназванного закона).

Наиболее опасным видом клеветы является клевета, соединенная с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Повышенная степень общественной опасности данного вида клеветы основана на том, что распространяются не просто сведения, порочащие другое лицо, а не соответствующие действительности сведения о причастности лица к совершению преступления, признаки которого подпадают под категории преступлений, предусмотренных ч. 4 или 5 ст. 12 УК. Уголовная ответственность исключается, если клевета касается совершения преступления иной категории.

Субъективная сторона клеветы характеризуется прямым умыслом, когда лицо сознает, что оно распространяет в средствах массовой информации либо в сети Интернет порочащую потерпевшего информацию, которая не соответствует действительности, либо сообщает указанные сведения в ходе публичного выступления, в печатном или публично демонстрирующемся произведении и желает это сделать.

Виновный также сознает, что такого рода сведения касаются обвинения лица в тяжком или особо тяжком преступлении, и тем не менее занимается их распространением и желает этого.

Такая позиция основывается на выработанном в теории уголовного права правиле, согласно которому преступления с формальным составом могут быть совершены только с прямым умыслом. Психическое отношение виновного в этом случае устанавливается лишь по его отношению к факту общественно опасного деяния и выражается в сознании степени общественной опасности деяния и желании его совершения.

Однако в науке уголовного права можно встретить и другие точки зрения на определение формы вины при клевете. Так, например, А.А. Пионтковский не исключал возможность совершения этого преступления с косвенным умыслом. По его мнению, субъект клеветы сознает, что он распространяет ложные и позорящие другое лицо сведения и желает, чтобы они были распространены, или сознательно допускает их распространение [9, с. 665]. Такой точки зрения придерживался и А.С. Горелик: «виновный предвидит, что распространяет ложные порочащие сведения, и желает, чтобы они стали известны другим людям, либо относится к этому безразлично» [9, с. 453].

Эта позиция ученых спорна, поскольку сложно представить ситуацию, когда лицо распространяет заведомо ложные сведения и при этом относится к данному факту безразлично.

Обязательным признаком клеветы является заведомость, означающая знание виновным того, что сведения изначально ложные, не соответствующие действительности. Если лицо добросовестно заблуждалось относительно характера распространяемых им сведений (считало их истинными) или хотя бы сомневалось в этом, то ответственность за клевету ввиду отсутствия признака заведомости исключается. Это положение нашло подтверждение и в правоприменительной практике.

Если сведения достоверны, но виновный считает их ложными и путем их распространения порочит другое лицо, то согласно правилам квалификации фактической ошибки содеянное должно квалифицироваться по направленности умысла как покушение на клевету.

Субъективная сторона клеветы не исчерпывается умыслом. Как и всякое волевое действие, клевета характеризуется определенными мотивами и целями. Как правило, это месть, зависть, корысть, стремление унижить человека в глазах окружающих и т. п. На квалификацию они не оказывают влияния, но учитываются при назначении наказания виновному.

Субъектом клеветы может быть лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Дела о клевете являются делами частно-публичного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению лица, пострадавшего от преступления, его законного представителя или представителя юридического лица. В исключительных случаях, если дело о рассматриваемых преступлениях затрагивает существенные интересы государства и общества или совершено в отношении лица, находящегося в служебной или иной зависимости от обвиняемого либо по иным причинам неспособного самостоятельно защищать свои права и законные интересы, прокурор вправе возбудить дело и при отсутствии жалобы потерпевшего (п. 13 ч. 1 ст. 33 УК, ч. 4, 5 ст. 26 УПК).

Список использованных источников

1. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2019 г., № 171-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / А.И. Лукашов [и др.] ; под общ. ред. А.И. Лукашова. – Минск : Изд-во Гривцова. – 2009. – 960 с.
3. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / А.В. Барков [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск : ГИУСТ БГУ. – 2007. – 1004 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] / А.А. Ашин [и др.] ; под общ. ред. А.И. Чучаева. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Россия». – 2009.
5. Омельченко, С.С. Уголовно-правовая оценка клеветы и оскорбления [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.С. Омельченко ; Моск. гос. юрид. акад. // Научная электронная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – Режим доступа: www.dissercat.com. – Дата доступа: 15.12.2019.
6. Курс советского уголовного права : [в 5 т.]. Т. 3 : Часть Особенная / Н.А. Беляев [и др.] ; отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский ; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л. : ЛГУ, 1973. – 836 с.
7. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного права. Часть Особенная. Посягательства на личность и имущество / И.Я. Фойницкий. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. – 406 с.
8. Ткачевский, Ю.М. Уголовная ответственность за клевету / Ю.М. Ткачевский // Законодательство. – 1999. – № 11. – С. 62–70.
9. Полный курс уголовного права : в 5 т. Т. 2 : Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева [А.С. Горелик и др.]. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – 680 с.

УДК 343.2

Н.Д. Стулевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Н.И. Козелецкая*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Ковальчук*

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: АНАЛИЗ АРГУМЕНТОВ «ЗА»

В статье анализируются основные аргументы сторонников введения уголовной ответственности юридических лиц. Рассматриваются вопросы ее социальной обусловленности и международных обязательств Республики Бе-

ларусь в данной сфере. Исследованы возможности установления уголовной ответственности юридических лиц, ее соотношение с административной ответственностью. Приводятся доводы за ее введение и обосновывается необходимость ее установления в отечественном уголовном законодательстве.

Проблема уголовной ответственности юридических лиц представляет собой одну из наиболее дискуссионных в отечественной науке уголовного права. Еще в 1882 г. А.Ф. Кистяковский писал: «Вопрос об ответственности так называемых юридических лиц принадлежат к разряду вопросов, вызывающих некоторое сомнение и возбуждающих вытекающие из его природы недоразумения. Хотя большинство теоретиков склоняется и не без солидных оснований к тому положению, в силу которого юридические лица совершать преступления не могут, и хотя в самой природе их содержится много данных, чтобы дать основание такому положению, но с другой стороны нельзя сказать, чтобы не существовало некоторых признаков, которые, по видимому, ослабляют силу общего положения или, по крайней мере, дают основание для исключений» [1, с. 299].

В Республике Беларусь не предусмотрена уголовная ответственность юридических лиц. Организации и компании подлежат только лишь гражданско-правовой или административной ответственности. Между тем вопрос о введении уголовной ответственности для коллективных образований все чаще обсуждается в научном сообществе. Не может быть одно и то же деяние, считает А.И. Лукашов, одновременно преступлением (применительно к должностному лицу) и административным правонарушением (применительно к юридическому лицу). Утверждение обратного противоречит принципам как административной ответственности, так и принципам уголовной ответственности. По мнению автора, потребность в привлечении к ответственности юридического лица может быть реализована только посредством введения уголовной ответственности юридических лиц [2, с. 127, 130].

Для Республики Беларусь дискуссия о необходимости установления уголовной ответственности имеет ключевое значение, поскольку наше государство интегрировано в процесс глобализации и активно взаимодействует с другими, прежде всего соседними странами в сфере экономического сотрудничества, что в перспективе приведет к увеличению объема деятельности юридических (в том числе и иностранных) лиц в нашем экономическом пространстве.

На современном этапе функционирование экономики как на национальном, так и на международном уровне происходит через юридических лиц: государственные организации, частные компании, транснациональные корпорации и т. д. Транспорт, строительство, телекомму-

никации, производство химической продукции, а также многие другие секторы контролируются крупными фирмами, которые порой осуществляют свою деятельность в нарушение действующего законодательства. Противоправная деятельность юридических лиц проникла практически во все сферы жизнедеятельности современного общества. При этом их преступная активность не просто выросла количественно, но и изменилась качественно. В настоящее время серьезно обострилась ситуация, касающаяся экономических преступлений, совершаемых юридическими лицами, а также преступлений террористической и экстремистской направленности. Транснациональные организации, используя, в том числе, и несовершенство норм национальных систем права, стали фактически выходить из-под контроля государства, появились международные преступные сообщества, занимающиеся контрабандой наркотиков и оружием, возникли международные террористические организации.

Вследствие возрастающего влияния юридических лиц в общественной жизни, а также усиления последствий совершаемых ими противоправных деяний, ответственность физического лица, даже если он является руководителем организации, не является в достаточной мере сдерживающим фактором.

В этой связи следует обратить внимание на основные доводы, которые приводят сторонники уголовной ответственности юридических лиц, объясняя необходимость существования данного института в уголовном праве.

В качестве основной причины установления корпоративной уголовной ответственности называют размер ущерба, причиняемый деятельностью юридических лиц, который значительно превосходит по общественной опасности деятельность конкретного физического лица [3, с. 43].

В результате уничтожения природных объектов, распространения опасных для окружающей среды технологий государству может быть нанесен огромный вред, возмещение которого не всегда возможно в рамках административного или гражданского законодательства. Рост экономических преступлений диктует необходимость ужесточения ответственности организаций за преступную деятельность, в том числе и посредством уголовного наказания. В качестве иллюстрирующего примера можно привести экологические преступления, ответственность за которые предусмотрена гл. 26 УК Республики Беларусь. Например, загрязнение либо засорение вод, повлекшие по неосторожности смерть человека либо заболевания людей, загрязнение или засорение источников питьевого водоснабжения (ст. 272 УК) могут причинить такой ущерб, который виновные физические лица возместить просто не в состоянии. В этой связи уголовно-правовые санкции в отношении юридического

лица будут способны сделать экономически невыгодным занятие вредной производственной деятельностью не только для руководителей и ответственных лиц, но и для всего предприятия и его работников.

Одна из значимых сфер применения института уголовной ответственности юридических лиц, по мнению ряда экспертов, является борьба с коррупцией. Положения о введении уголовной ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения содержатся в ряде международных договоров, участницей которых является Республика Беларусь. Так, согласно ст. 18 Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. каждая сторона принимает «такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности в связи с совершением уголовных правонарушений...» [4].

Коррупционные деяния, которые могут вменяться юридическим лицам, конкретизируются в Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г. Так, каждое государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в таких преступлениях, как подкуп национальных публичных должностных лиц, подкуп иностранных публичных должностных лиц и должностных лиц публичных международных организаций, хищение, неправомерное присвоение или иное нецелевое использование имущества публичным должностным лицом; злоупотребление влиянием в корыстных целях; злоупотребление служебным положением; незаконное обогащение; подкуп в частном секторе; отмывание доходов от преступления; воспрепятствование осуществлению правосудия [5].

В Республике Беларусь за совершение коррупционных преступлений к уголовной ответственности может привлекаться лишь физическое лицо (например, по ст. 424, 426, 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь). Юридические лица в случае совершения административного правонарушения подвергаются санкциям административно-правового характера.

Между тем, по мнению Е.Ю. Антоновой, развитие криминального предпринимательства фактически превратилось в форму конкурентной борьбы, при которой та корпорация, которая лучше осуществляет именно криминальные, а не легальные операции, оказывается в экономическом выигрыше и вытесняет конкурентов с рынка. Кроме того, сложная структура управления предприятием затрудняет идентификацию физических лиц, причастных к совершению преступления, что позволяет юридическим лицам использовать механизмы сокрытия таких лиц [6, с. 89].

Постановка данной проблемы имеет непосредственное отношение и к преступлениям, связанным с торговлей людьми. Как показывает прак-

тика, эти преступления часто совершаются с использованием юридических лиц – агентств по трудоустройству, модельных агентств и т. д. Следует отметить, что созданные на законных основаниях легальные структуры по обеспечению трудоустройства граждан Республики Беларусь за рубежом могут использовать свои организации и для преступного бизнеса – торговли людьми.

Деятельность, связанная с трудоустройством граждан за пределами Республики Беларусь, должна отвечать определенным требованиям, установленным законодательством. Нарушение таких требований влечет для юридического лица административную ответственность по ст. 9.23 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (КоАП) в виде штрафа с конфискацией дохода, полученного в результате такой деятельности, и лишением права заниматься определенной деятельностью.

Если результатом таких действий стала эксплуатация гражданина, трудоустроенного за границей, виновное лицо привлекается к ответственности по ст. 187 УК. При этом в отношении юридических лиц, причастных к преступлению, предусмотрена имущественная и лицензионная ответственность, которая заключается в запрете деятельности таких организаций, ликвидации самих организаций и конфискации их имущества (ст. 29 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 350-З «О противодействии торговле людьми») [7].

Фактически указанная норма представляет собой норму уголовно-правового характера, вводящую ответственность (так называемая «квазиуголовная» ответственность), что является еще одним аргументом за принятие решения о введении в Республике Беларусь института уголовной ответственности юридических лиц.

Еще одна причина, на которую ссылаются приверженцы уголовной ответственности юридических лиц, касается связи уголовного и административного права. Известно, что административное законодательство уже давно содержит нормы, предусматривающие ответственность организаций за различные правонарушения, и, на первый взгляд, может показаться, что административной ответственности юридических лиц вполне достаточно. Юридическое лицо может нести административную ответственность за административные правонарушения, прямо предусмотренные статьями Особенной части (ч. 2 ст. 4.8 КоАП). Это примерно 200 статей, где юридическое лицо выступает в качестве субъекта административной ответственности. В правоприменительной практике основную долю в структуре административных правонарушений юридических лиц ежегодно составляют правонарушения против порядка управления (гл. 23 КоАП) и здоровья населения (гл. 16 КоАП).

Фиксируется рост количества юридических лиц, привлекаемых к административной ответственности за правонарушения против здоровья, чести и достоинства человека, прав и свобод человека и гражданина (гл. 9 КоАП), в области связи и информации (гл. 22 КоАП), против порядка таможенного регулирования (гл. 14 КоАП), а также посягающие на общественный порядок и общественную нравственность (гл. 17 КоАП).

Несмотря на то что система мер административной ответственности юридических лиц в Республике Беларусь включает достаточно широкий спектр видов взыскания (предупреждение, штраф, исправительные работы, административный арест, лишение специального права, лишение права заниматься определенной деятельностью, конфискация, депортация, взыскание стоимости предмета административного правонарушения), в подавляющем большинстве случаев правоприменительная практика ограничивается применением к юридическим лицам штрафа, лишения права заниматься определенной деятельностью, конфискацией и взысканием стоимости предмета административного правонарушения.

Такой законодательный подход кажется нам не совсем правильным. Применение административных санкций не достигает в полной мере целей наказания за деяния юридических лиц. Признавая, что некоторые виды противоправной деятельности юридических лиц могут быть опасными и причинять существенный вред общественным и государственным интересам, следует признать тот факт, что такая деятельность должна рассматриваться как преступление и, следовательно, влечь уголовную ответственность.

Некоторые считают, что привлечение к уголовной ответственности руководителей или иных лиц, представляющих интересы соответствующего субъекта хозяйствования, может быть связано часто с объективным вменением в том случае, когда такие лица, хотя и знали о незаконной деятельности предприятия, но своими силами не могли ничего изменить. Порой вообще сложно установить, кто конкретно виновен в противоправной деятельности, участником которой является юридическое лицо. Как отмечает А.А. Тер-Акопов, «для государства, учреждений и организаций уголовные законы не существуют в том смысле, что они, как юридические лица, субъектами преступлений не являются. Это приводит к тому, что там, где преступную деятельность осуществляет коллектив людей, использующий для этого свои организационные возможности, за содеянное несет ответственность один человек, который этими возможностями в полной мере не владеет» [8, с. 466].

Многие эксперты убеждены, что применение уголовных санкций в отношении юридических лиц окажет эффективное сдерживающее воздействие и на организованную преступность, которая активно проникает

в различные сферы легального бизнеса с целью отмыывания доходов, полученных преступным путем. В этой связи следует обратить внимание на Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., ст. 10 которой рекомендует государствам-участникам принимать такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в серьезных преступлениях, к которым причастна организованная преступная группа, и за преступления, признанные таковыми Конвенцией (речь идет об организованной и коррупционной преступности, преступности, связанной с отмыыванием полученных доходов, и осуществлением преступной деятельности, направленной на воспрепятствование осуществлению правосудия) [9].

Противники установления уголовной ответственности высказывают сомнения в том, как будут обеспечиваться цели традиционных в уголовном праве наказаний, которые устанавливаются именно для физических лиц. В ответ их оппоненты утверждают, что коллективная уголовная ответственность может быть реализована посредством применения к ним имущественных наказаний. Институт корпоративной уголовной ответственности предоставит правоприменителю возможность применять к юридическому лицу более высокие штрафные санкции, а также ликвидировать предприятие, если будут для того основания.

Аргументация сторонников уголовной ответственности юридических лиц не заканчивается на сугубо уголовно-правовых вопросах. Целесообразность введения института уголовной ответственности юридических лиц необходимо оценивать с позиции защиты прав и свобод человека, а также экономической, экологической и иной безопасности общества и государства. Российский ученый Е.Ю. Антонова объясняет возможность применения к коллективным образованиям уголовно-правовых санкций. По ее мнению, установление коллективной уголовной ответственности обеспечит более полную реализацию принципа неотвратимости ответственности. Во-первых, институт коллективной уголовной ответственности социально обусловлен, т. е. соответствует реальным потребностям общества. Во-вторых, коллективная уголовная ответственность будет только способствовать решению задач и достижению целей, которые ставит перед собой государство в борьбе с преступностью. В-третьих, механизм реализации коллективной уголовной ответственности уже апробирован правоприменителем зарубежных государств [10, л. 198].

Таким образом, сложившаяся ситуация объективно содержит определенные предпосылки введения института уголовной ответственности юридических лиц. Несмотря на то что действующий УК остался на традиционной позиции: уголовной ответственности подлежит только

физическое лицо, а все уголовно-правовые институты, включая вину, соучастие, наказание исходят из этого постулата, нельзя считать, что проблема уголовной ответственности юридических лиц в отечественном законодательстве окончательно снята. Так, анализ аргументов сторонников и противников введения института корпоративной уголовной ответственности, а также составление прогноза развития социально-экономических отношений в Республике Беларусь являются ключевыми мерами перед принятием решения о введении уголовной ответственности юридических лиц. Если вопрос будет решен положительно, то это приведет к значительному преобразованию основных институтов уголовного права, а также потребует немалочисленных материальных и интеллектуальных затрат, и что самое главное – достаточно крупных изменений «правил игры», последствия которых могут носить непредсказуемый характер. В этой связи стоит обратить внимание на мнение ученых, которые предлагают компромиссные варианты в решении данного вопроса: признание юридического лица орудием совершения преступления [11, с. 42]; разграничение субъекта преступления и субъекта уголовной ответственности [12]; применение в отношении коллективных образований мер уголовно-правового характера [13, с. 59].

Список использованных источников

1. Кистяковский, А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть Общая / А.Ф. Кистяковский. – 2-е испр. и доп. изд. – Киев : Тип. И. и А. Давиденко, 1882. – 972 с.
2. Лукашов, А. Преступление как основание административной ответственности юридических лиц / А. Лукашов // Уголов. право. – 2012. – № 1. – С. 125–130.
3. Ситковский, И. Проблемы ответственности юридических лиц в уголовном законодательстве / И. Ситковский // Уголов. право. – 2002. – № 4. – С. 42–44.
4. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, 27.01.1999 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, 31 октября 2003 г. // Конвенции и соглашения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml. – Дата доступа: 20.09.2019.
6. Антонова, Е.Ю. Исторические и современные предпосылки законодательной регламентации института уголовной ответственности юридических лиц / Е.Ю. Антонова // «Черные дыры» в рос. законодательстве. – 2009. – № 1. – С. 87–90.
7. О противодействии торговле людьми [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г., № 350-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

8. Тер-Акопов, А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве / А.А. Тер-Акопов. – М. : Адвокат. фирма «Юстина» : Юр-книга, 2003. – 478 с.

9. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности, 15 ноября 2000 г. // Конвенции и соглашения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml. – Дата доступа: 25.09.2019.

10. Антонова, Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Е.Ю. Антонова. – Владивосток, 2011. – 395 л.

11. Курицина, Е. Юридическое лицо как орудие преступления / Е. Курицина // Рос. юстиция. – 2001. – № 2. – С. 42–43.

12. Волженкин, Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц [Электронный ресурс] / Б.В. Волженкин. – 2017. – Режим доступа: www.procurgor.spb.ru/izdaniya/1998_01_09.pdf. – Дата доступа: 21.10.2019.

13. Востоков, А.А. Уголовная ответственность юридических лиц или иные меры уголовно-правового характера в отношении организаций / А.А. Востоков, Н.В. Щедрин // Уголов. право. – 2009. – № 1. – С. 58–61.

УДК 340.130.5

Н.А. Сумарков, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.А. Воропаев*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *А.В. Григорьев*

ИСТОЧНИКИ ПРАВА В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье исследуется сущность правовой категории «источник права». Дается характеристика основных источников права, которые выделяются в существующих правовых семьях.

В настоящее время сложно переоценить роль права в регулировании общественных отношений, поэтому для более глубокого понимания процессов формирования и функционирования права следует обратить внимание на такую теоретико-правовую категорию, как «источник права». Следует отметить, что это понятие довольно неоднозначно. При этом сам термин «источник права» используется в юриспруденции уже длительное время. Так, римский историк Тит Ливий (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.) называл законы XII таблиц источником всего частного и публичного права. Само слово «источник» в данном случае употребляется в значении корня, из которого возникло римское право [1, с. 109].

Прежде всего необходимо отметить, что источники права обычно рассматриваются в формальном, материальном или идеальном смысле. Так, по мнению В.Н. Бибило, нужно различать следующие типы источников права:

биологический источник, т. е. особенности жизнедеятельности человека, влияющие на его потребности, интересы и мотивы поведения;

материальный источник, т. е. материальные условия жизни людей, обусловленные соответствующим уровнем цивилизационного развития общества;

социальный источник, т. е. общественные отношения, предусматривающие удовлетворение потребностей и наличие социальных ценностей (неприкосновенность частной жизни, честь и достоинство человека, презумпция невиновности и др.) [1, с. 110].

Здесь следует отметить, что существует мнение о необходимости различать понятия «источник права» и «форма права», поскольку источником права является система факторов, определяющих содержание права и форму его выражения, а форма раскрывает, как право выражается внешне [2, с. 329]. Однако в современной юридической теории преобладает точка зрения, что под источником права следует понимать то, из чего возникает и развивается право. В свою очередь, форма права – внешнее проявление права, т. е. то, как право закреплено и выражается правом. Нельзя не упомянуть и мнение о том, что форма права и источник права могут использоваться в качестве синонимичных выражений.

С точки зрения философии права, необходимо отметить существование различных типов правопонимания, (юридический позитивизм, юснатурализм, социологическая школа права др.), в рамках каждого из которых перечень источников права может отличаться. В то же время вопрос о понимании права этими школами незначительно влияет на понимание источника права в формально-юридическом смысле.

В указанном контексте современные ученые-правоведы предлагают различные определения понятия «источник права». Например, С.С. Алексеев определяет источник права как исходящие от государства или официально признанные им документальные способы выражения и закрепления норм права, придающих им правовой, обязательный смысл [3, с. 67]. В.С. Нерсисянц, определяя источник права, придерживается мнения, что это официально определенные формы выражения содержания права [4, с. 237]. Сходного мнения придерживаются и авторы учебника по «Общей теории государства и права» А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов и В.А. Кучинский, которые в юридическом (формальном) смысле формы (источники) права понимают как способы официального выражения, закрепления (объективации) правовых норм, придания им общеобязательной юридической силы [5, с. 250].

Отсутствует среди ученых и единая позиция по поводу видов источников права. Так, в своих исследованиях по этому вопросу Г.А. Василевич выделил следующие важнейшие источники права:

нормативные правовые акты государственных органов (сюда включаются ратифицированные международные договоры);

правовые обычаи;

судебные прецеденты [6, с. 8].

По мнению М.Н. Марченко, помимо нормативного правового акта, который рассматривается в романо-германской правовой системе как первичный источник права, существует также ряд других источников: общие принципы, доктрины, научные труды, судебные решения, которые считаются вторичными источниками [7, с. 36].

В целом в теоретико-правовой юридической науке сложилась следующая система источников права:

нормативный правовой акт;

правовой обычай;

договор с нормативным содержанием;

юридический прецедент;

юридическая доктрина;

религиозная доктрина.

Каждое государство обладает уникальной системой источников (форм) права, которая складывается под влиянием историко-политических условий. Это образование весьма динамично. Так, в один исторический период господствующим источником права в стране может выступать, например, нормативный правовой акт, а в другой – судебная практика или обычай.

Рассмотрим более подробно обозначенные выше источники права. Основным источником права в правовых системах большинства современных государств является нормативный правовой акт. Достаточно полный перечень его признаков был выделен С.В. Бошно: волевое содержание; официальный характер; вхождение в единую систему; универсальный характер (нормативность); письменный документ с внутренней структурой, соответствующей правилам законодательной техники; принятие по специальной процедуре; публикация компетентными органами и должностными лицами; регулирование общественных отношений; гарантия со стороны правительства [8, с. 99].

Ряд из перечисленных признаков можно обнаружить в определении нормативного правового акта, закрепленном в ст. 3 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» [9]. В ней под нормативным правовым актом понимается официальный документ установленной формы, принятый (изданный) нормотворческим органом (должностным

лицом) в пределах его компетенции или референдумом с соблюдением предусмотренной законодательством процедуры, который направлен на установление, изменение, официальное толкование, приостановление, возобновление, продление и прекращение действия норм права как общеобязательных правил поведения постоянного или временного характера, рассчитанных на индивидуально неопределенный круг лиц и неоднократное применение.

В.Н. Бибило отмечает, что нормативные правовые акты следует отличать от других правовых актов, разновидностями которых являются отдельные правовые акты и разъяснительные правовые акты. Правовой акт – документ, содержащий исполнительный приказ, реализация которого влечет за собой юридически значимые последствия. Индивидуальные правовые акты – акты, выражающие решение по конкретному юридическому делу. Это акты применения закона, адресованные конкретным лицам и имеющие обязательную силу. Разъяснительные правовые акты – акты, разъясняющие нормы права. В отличие от нормативных правовых актов они не содержат новых норм права, а лишь разъясняют (интерпретируют) существующие нормы права [1, с. 112].

По субъекту нормотворчества нормативные правовые акты подразделяются на следующие виды:

нормативные правовые акты законодательной власти, принятые парламентом;

нормативные правовые акты исполнительной власти, принимаемые органами исполнительной власти: правительством, министерствами, главами администраций и др.;

нормативные правовые акты органов местного самоуправления, принятые органами местного самоуправления и должностными лицами.

По юридической силе нормативные правовые акты могут быть разделены на законы и подзаконные нормативные правовые акты.

Что касается правового обычая, то под ним чаще всего понимается санкционированное государством, ранее установленное правило поведения, сложившееся в результате многократного повторения. Исторически обычай предшествует закону, т. е. до появления письменных актов (нормативных правовых актов) существовали уже повторяющиеся варианты поведения людей, которые передавались из поколения в поколение [6, с. 12].

Взгляды на правовой обычай сформулированы еще советскими учеными-правоведами и были в основном негативными. Это связано с тем, что обычай сохранял старые традиции в обществе, что не сочеталось с революционным изменением политических, социальных и экономических систем. Это вызывало соответствующую реакцию, которую

А.Ф. Шебанов сформулировал как неприемлемость правового обычая в условиях советской действительности, неопределенность и расплывчатость, содержащиеся в нем, и возможность его произвольного применения судьями и администраторами [10, с. 46]. Таким образом, правовой обычай как источник права был практически вытеснен из правовых систем постсоветских государств, но получил признание в международных правовых отношениях.

Следующим источником права, который нужно рассмотреть, является договор с нормативным содержанием (нормативное соглашение, нормативно-правовой договор). Нормативные договоры – документы, содержащие волю сторон относительно их прав и обязанностей, установление их масштабов и последовательности осуществления, а также установление добровольного соглашения об исполнении взятых на себя обязательств. Договор с нормативным содержанием в отличие от других источников права предполагает наличие нескольких независимых друг от друга субъектов права, которые на конвенциональной основе устанавливают соответствующие правила поведения для индивидуально-неопределенного круга лиц. В этом смысле нормативной договор можно определить как двухстороннее или многостороннее соглашение между различными субъектами права, в котором содержатся нормы права [5, с. 255]. Такую разновидность договора нужно отграничивать прежде всего от индивидуального юридического акта (например, договора купли-продажи в гражданском праве), который устанавливает не нормы права, а конкретные юридические права и обязанности субъектов права.

Среди признаков договора с нормативным содержанием необходимо выделить следующие: обладает конвенциональным характером (нормативный договор – это прежде всего соглашение сторон); имеет добровольный характер (для заключения нормативного договора необходимо свободное волеизъявление сторон); имеет взаимно обязательный характер (реализация договора обеспечивается в законодательном порядке); порождает правовые нормы и предписания, правила общеобязательного характера.

Выделяются различные виды нормативных договоров: международный договор; федеральный договор (заключающийся между субъектами федерации); административный договор. В зависимости от состава участников административные договоры можно разделить на договор, заключаемый между государственными органами, договор между государственными органами и организациями и договор между государственными органами и гражданами; коллективный договор.

В настоящее время важнейшее значение для правового регулирования общественных отношений в условиях глобализации приобретает

международный договор. В соответствии со ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров под таковым понимается международное соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования [11].

Далее рассмотрим основной источник права для англосаксонской правовой семьи – судебный прецедент. Суть прецедента состоит в том, что ранее принятое решение суда в связи с рассмотрением конкретного вопроса является правовой основой для последующего разрешения аналогичных дел [6, с. 12]. По сути, суды в странах с прецедентным правом занимаются правотворчеством. В отечественной литературе правовые обычаи и судебные прецеденты обычно не относят к источникам права, однако, по мнению Г.А. Василевича, в настоящих условиях Беларуси роль прецедентного права должна возрастать [6, с. 13].

Следующий источник права, подлежащий рассмотрению, является юридическая доктрина. Это компетентное суждение известных специалистов в области права по правовым вопросам. Доктрину рассматривают в разных контекстах как учение, теорию, мнение ученых-юристов, научные труды авторитетных исследований. Однако для юридической доктрины принципиальное значение имеет ее действенность, признанность, авторитетность, широта распространения и влияние на общественные отношения, позволяющие этому явлению претендовать на самодостаточность [12, с. 72].

Из истории нам известны примеры, когда работам мыслителей была наделена юридическая сила. Так, в 426 г. император Валентиниан специальным законом придал нормативность сочинениям Павла, Ульпиана, Гая и др. В английских судах трактаты известных юристов были источниками права, на которые широко ссылались.

Доктрины не имеют устойчивой тенденции влияния на законодателя. В настоящее время мнения ведущих ученых-юристов в большинстве правовых систем не образует права в собственном смысле слова. Однако законодатель учитывает те тенденции, которые фиксируются в доктрине. В романо-германской правовой системе основные принципы права были выработаны именно в университетах. Роль правовой доктрины в настоящее время очень важна в совершенствовании законодательства, создании новых правовых понятий, юридических терминов.

Существует и другой вид доктрины, а именно религиозная доктрина, которая в мусульманском праве служит его источником. В его основе лежит «шариат» – свод правил поведения правоверного мусульманина во

всех сферах жизни. В мусульманском мире эта религия устанавливает догмы и определяет, во что должен верить мусульманин, что он должен делать и что ему запрещено делать. К священным книгам относятся Коран (сборник изречений Аллаха), сунна (сборник правил, касающихся действий и высказываний пророка Мухаммеда), иджма (интерпретация Корана наиболее авторитетными толкователями), кияс (сборник решений дел по аналогии с ситуацией, описанной в Коране и сунне).

Источником религиозной доктрины еврейского права является Библия. Это сборник произведений, созданный в период с VIII в. до н. э. по II в. н. э., который включает мифы о сотворении мира, социальные, политические и правовые взгляды и др. Библия состоит из двух основных частей: Ветхого Завета, который включает в себя священные книги, написанные до пришествия Христа, и Нового Завета, состоящего из книг, появившихся после пришествия Спасителя в мир. Ветхий и Новый Заветы состоят из книг, которые делятся на главы, которые, в свою очередь, делятся на стихи. Источником еврейского закона является только Ветхий Завет, который часто называют «еврейской Библией». Одним из важнейших источников еврейского права является Талмуд, состоящий из религиозных правовых и этических текстов раввинов, комментирующих Ветхий Завет.

Подводя итоги нашей работы, следует отметить, что в теоретической юридической науке оформилась система источников права, применяющаяся в разных государствах мира. Каждый из вышеперечисленных источников действует в собственной сфере правового регулирования, но некоторые из них более распространены, например, нормативный правовой акт в романо-германской юридической семье, судебный прецедент в англосаксонской юридической семье. Однако перспективы других источников права также не остаются без внимания, особенно нормативного договора, который широко распространен в международном праве. Для религиозных государств важное значение имеет религиозная доктрина. Помимо вышеупомянутых источников права в юридической науке, некоторые ученые выделяют нетипичные источники права. Такие не обладают совокупностью характерных черт источников права в формально-юридическом смысле, поэтому отношение к ним в теоретической юридической науке неоднозначно.

Список использованных источников

1. Бибилло, В.Н. Теория государства и права / В.Н. Бибилло. – Минск : Право и экономика, 2015. – 206 с.
2. Теория государства и права : курс лекций / М.И. Байтин [и др.] ; под ред. А.В. Малько, Н.И. Матузова. – М. : Юристъ, 1997. – 672 с.

3. Алексеев, С.С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 712 с.

4. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства : учеб. для вузов / В.С. Нерсесянц. – М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 552 с.

5. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под ред. В.А. Кучинского ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел. Респ. Беларусь». – 3-е изд., пересмотр. – Минск : Академия МВД, 2019. – 478 с.

6. Василевич, Г.А. Источники белорусского права: принципы, нормативные акты, обычаи, прецеденты, доктрина / Г.А. Василевич. – Минск : Тесей, 2005. – 136 с.

7. Марченко, М.Н. Закон в системе источников романо-германского права / М.Н. Марченко // Вестн. МГУ. Серия «Право». – 2000. – № 3. – С. 33–43.

8. Бошно, С.В. Развитие признаков нормативного правового акта в современной правотворческой практике / С.В. Бошно // Журнал рос. права. – 2004. – № 2. – С. 96–106.

9. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

10. Шебанов, А.Ф. Форма советского права / А.Ф. Шебанов. – М. : Юрид. лит., 1968. – 216 с.

11. Венская конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс] : [принята в г. Вене 23.05.1969 г.] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml. – Дата доступа: 20.03.2020.

12. Бошно, С.В. Доктрина как форма и источник права / С.В. Бошно // Журнал рос. права. – 2003. – № 12. – С. 70–79.

УДК 347.1

Д.А. Тарасенко, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Пашкев*

Рецензент – кандидат юридических наук, профессор *Д.А. Колбасин*

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ ИНСТИТУТА ПРИЗНАНИЯ ГРАЖДАНИНА БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ

В данной статье рассматриваются проблемы становления и развития института признания гражданина безвестно отсутствующим в отечественном и зарубежном законодательстве. Рассмотрев историческое развитие данного института, можно совершенствовать и действующее законодательство в указанной сфере правоотношений.

В юридической литературе широко распространено мнение о том, что возникновение института безвестного отсутствия находится в средневековом праве Западной Европы. В Вавилонском государстве, являющимся военной рабовладельческой деспотией, где собственность на землю и рабов предоставлялась в пользование на условии несения государственной военной службы, воин, пропавший без вести, терял право на свое имущество, так как с его безвестным отсутствием это главное условие нарушалось. Но закон по-разному регулировал последствия безвестного отсутствия в зависимости от его причины. Так, безвестное отсутствие вследствие захвата воина в плен влекло потерю для него права на пользование имуществом, однако это право предоставлялось его сыну в случае, если он заменял отца на военной службе. Если сын по малолетству еще не был в состоянии нести службу своего отца, то матери малолетнего выделялась $\frac{1}{3}$ имущества на воспитание сына. Если безвестно отсутствующий возвращался из плена, то его права на имущество восстанавливались.

В истории права различных государств данные сроки были у каждого свои. Так, в законодательстве Франции первой границей для признания лица безвестно отсутствующим было 100 лет, затем срок был уменьшен до 70, Кодекс Наполеона 1804 г. понизил его до 30 лет. Гражданским кодексом Чехословакии 1964 г. не было предусмотрено никакого срока для признания лица умершим. Понятия безвестного отсутствия в чехословацком праве просто не существовало. Решение данного вопроса было предоставлено суду на основании свободной оценки доказательств.

Если сопоставить возможности средств и способов коммуникации времен Наполеона и в современном мире, то становится особенно явным наличие пережитка зафиксированных в законе сроков. Когда человек имел возможность сообщить о себе только лишь своей явкой, письмом либо посредством иного лица, данные сроки еще имели некоторое значение. Однако оно целиком и полностью утрачивается при современных возможностях почты, радио, телевидения и телефона. Телефона со всевозможными приложениями, которые, в частности, могут определить местоположение ее владельца при помощи спутников, опоясывающих нашу планету. Если мы полагаемся на суд в вопросе о наличии у обвиняемого умысла, т. е. определенного психического состояния на основе свободной оценки доказательств, то почему нельзя поручить суду решать вопрос о доказанности пропажи лица без вести или его смерти? В рамках гражданского производства немаловажно в делах подобных категорий не переходить черту с уголовным производством. Даже в тех случаях, когда элементы уголовно-правовой характеристики явно отсутствуют, факт безвестного отсутствия лица представляет для правоохрани-

нительных органов интерес тем, что таковое исчезновение способно иметь основанием хорошо замаскированное преступление.

Институт безвестного отсутствия в гражданском праве Российской империи регулировали нормы как материального, так и процессуального права, содержащиеся в таких источниках, как Свод законов Российской империи, где безвестное отсутствие устанавливалось в семейных правоотношениях для супругов. По Своду законов Российской империи безвестное отсутствие одного из супругов свыше 5 лет являлось основанием к разводу. Об этом говорит ст. 54 10-го тома: «Когда один из супругов, отлучившись по какому-либо случаю из места своего жительства, будет в продолжении пяти лет или более находиться в совершенно безвестном отсутствии, то оставшемуся супругу дозволяется о расторжении брака и о дозволении вступить в новое супружество просить свое епархиальное начальство». Существовавшие в тот период патриархальные ценности отразились и на законодательстве и, прежде всего защищали интересы семьи безвестно отсутствующего, так как безвестное отсутствие одного из супругов могло поставить семью в тяжелое материальное положение и законодательное закрепление безвестного отсутствия позволяло устранить неопределенности. В Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. подробно регламентировался институт безвестного отсутствия и был выделен в отдельную 5-ю главу. Согласно ст. 1451: «Каждый, у кого есть основание считать лицо, к имуществу коего, в целом или в частях, он имеет законное притязание, находящемся в безвестном отсутствии, а также и чины прокурорского надзора, могут просить окружной суд в ведении коего то имущество находится, об учинении публикации о безвестно отсутствующем и о принятии мер к охранению его имущества». Это говорит об имущественном характере взаимоотношений по поводу безвестного отсутствия лица. При этом в данных правоотношениях учитывались интересы не только заинтересованных лиц, но и самого безвестно отсутствующего, так как принимались меры по охранению его имущества. В дореволюционном российском законодательстве процедура признания гражданина безвестно отсутствующим осуществлялась в два этапа: гражданина признавали безвестно отсутствующим; объявление гражданина умершим по решению суда. После принятия нового законодательства судебная практика отказалась от двух стадий и теперь дела об объявлении гражданина умершим решаются в одном процессе. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. предусматривал, что для признания гражданина безвестно отсутствующим или умершим заинтересованным лицам и учреждениям необходимо получить свидетельство от нотариальных контор. В случае предполагаемой гибели безвестно отсутствующего, свидетельство выдавалось нотариальными конторами только при

наличии документов, подтверждающих факт гибели: протоколов, актов и т. д. При отсутствии указанных документальных данных признание тако-го лица умершим производилось только судом.

Дела о признании лица безвестно отсутствующим и объявлении его умершим в последнее время встречаются в судебной практике довольно часто. Безвестное отсутствие гражданина затрагивает интересы его ближайших родственников и других заинтересованных лиц как с имущественной, так и с неимущественной стороны.

В случае длительного отсутствия гражданина в месте его постоянного проживания и неизвестности места его нахождения, возникает юридическая неопределенность, последствиями которой может стать ущемление прав других участников правоотношений. Так, кредитор утрачивает возможность получить от безвестно отсутствующего должника причитающийся ему долг; нетрудоспособные лица, состоящие на иждивении исчезнувшего гражданина, перестают получать от него содержание и в то же время не могут обратиться за начислением им пенсий, поскольку считаются имеющими кормильца; в период отсутствия гражданина сохраняется заключенный с ним брак, что препятствует заключению оставшимся супругом нового брака и т. п. Незащищенными остаются и интересы самого длительно отсутствующего лица: в частности, может быть причинен ущерб его имуществу, оставшемуся без присмотра. Для устранения данной неопределенности существуют нормы гражданско-правового института объявления гражданина умершим (ст. 41, 42 Гражданского кодекса Республики Беларусь 1998 г. (ГК Республики Беларусь) [1].

Нельзя не отметить тот факт, что признание гражданина безвестно отсутствующим тесно связано с признанием гражданина умершим, так как обстоятельства весьма сходны, даже можно отметить что признание гражданина умершим поглощает безвестное отсутствие, если рассмотреть основания и сроки этих двух правовых явлений.

Признание гражданина умершим следует отличать от установления факта смерти гражданина (п. 7 ч. 1 ст. 364 ГПК Республики Беларусь). Как отмечает М.В. Кротов, «необходимость установления факта смерти бывает вызвана невозможностью получения медицинского заключения о смерти, что имеет место при отсутствии тела умершего» [2, с. 119]. При установлении факта смерти всегда имеются доказательства гибели гражданина и нет необходимости делать какие-либо предположения. Именно это обстоятельство отличает установление факта смерти от признания гражданина умершим. Так, если в результате крушения поезда несколько человек наблюдали гибель одного из пассажиров, то установлению пожелит факт смерти, а если после крушения поезда кто-

либо из пассажиров не был обнаружен, то можно лишь предположить его гибель в результате крушения поезда.

ГК Республики Беларусь не содержит специальных норм, посвященных последствиям объявления гражданина умершим. В целом они совпадают с теми, которые имеют место в случае смерти гражданина, а именно: в отношении имущества гражданина, объявленного умершим, открывается наследство; прекращается брак, заключенный с гражданином, объявленным умершим (ч. 1 ст. 34 Кодекс Республики Беларусь о браке и семье) [3]; прекращаются любые обязательства, носящие личный характер. Вместе с тем в литературе ученые высказывают справедливое суждение о том, что полного тождества последствий смерти гражданина и объявления его умершим нет. Так, факт объявления гражданина умершим не влечет прекращения его правоспособности, поскольку в основе такого признания «лежит только предположение о смерти гражданина» [4, с. 319]. Правоспособность прекращается только в момент фактической смерти лица, а это означает, что если гражданин умер до объявления его умершим, то правоспособность прекратилась в момент смерти, если жив, то не прекратилась вообще.

Развивая эту мысль, следует указать, что факт признания гражданина умершим не прекращает и его дееспособности. Гражданская дееспособность, по сути, представляет собой реализованную правоспособность. Это означает, что если гражданин, признанный судом умершим, не утрачивает способность иметь гражданские права и обязанности, то он не утрачивает и право своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, а также создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Следовательно, если такой гражданин, фактически находясь в живых, совершает какие-либо сделки или иные юридически значимые действия, то они считаются действительными. Объявление гражданина умершим в целом «не влияет на субъективные права гражданина, приобретаемые и осуществляемые в месте его действительного нахождения» [5].

Если гражданин пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая (землетрясение, сход лавины, ураган, крушение поезда и т. п.), то для объявления его умершим учитывается отсутствие сведений о месте его пребывания в течение шести месяцев (п. 1 ст. 41 ГК Республики Беларусь). Представляется, что началом течения шестимесячного срока целесообразно считать день несчастного случая или день, когда произошли обстоятельства, которые угрожали смертью. При этом, как отмечает В.В. Подгруша, «на практике определенную

сложность представляют вопросы, касающиеся оценки обстоятельств для применения сокращенных сроков для объявления гражданина умершим...» [6, с. 92]. Действительно, если, например, факт несчастного случая, явившегося причиной предполагаемой гибели лица, подтверждается, скажем, свидетельскими показаниями или документами, то надлежит применять 6-месячный срок. В ситуации, когда несчастный случай «пусть и с большой долей вероятности, тоже презюмируется, для объявления гражданина умершим вследствие такого несчастного случая необходим 3-летний срок» [6, с. 92].

Несколько иной подход применяет законодатель для объявления умершим военнослужащих или иных граждан, пропавших без вести в связи с военными действиями. В подобной ситуации судебное решение может быть вынесено не ранее чем по истечении двух лет со дня окончания военных действий (п. 2 ст. 41 ГК Республики Беларусь). В таком случае необходимо доказывать прежде всего факт нахождения военнослужащего или иного гражданина в месте проведения военных действий, а также время окончания этих действий [7, с. 92]. Целесообразно днем окончания военных действий считать день объявления соответствующим должностным лицом об их окончании.

Конкретный день смерти гражданина указывается судом в судебном решении, если установлены обстоятельства, угрожающие ему смертью или дающие основания предполагать его гибель от определенного несчастного случая. Если конкретная дата смерти лица не определена, то в соответствии с п. 3 ст. 41 ГК Республики Беларусь днем смерти гражданина, объявленного умершим, считается день вступления в законную силу решения суда об объявлении его умершим [1].

В соответствии с общим сроком гражданин может быть объявлен умершим, если в течение трех лет о нем нет никаких сведений (ст. 41 ГК Республики Беларусь). Представляется, что в этом виде законодательство является несовершенночным. По сути, разница между безвестным отсутствием (ст. 38 ГК Республики Беларусь) и объявлением умершим (ст. 41 ГК Республики Беларусь) заключается лишь в продолжительности срока безвестного отсутствия. Такое положение закона позволяет судам во всех случаях безвестного отсутствия свыше трех лет объявлять граждан умершими со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями.

С учетом отмеченного представляется необходимым изложить ч. 1 ст. 41 ГК Республики Беларусь так: «Гражданин может быть в судебном порядке объявлен умершим, если о нем нет сведений свыше трех лет, при наличии обстоятельств, дающих основание предположить его

смерть в течение этого срока (и далее по тексту статьи)». Конечно, высказанное предложение усложнит данную норму права, но с его принятием будет упрощена процедура рассмотрения и, что не менее важно, будет больше исключена ошибка суда и возможность злоупотребления со стороны граждан.

Если рассмотреть международное право, связанное с вопросами насильственного исчезновения лиц, то необходимо отметить, что данный вопрос в нормах международного права рассматривается в узком плане. При раскрытии содержания самого понятия «насильственное исчезновение» в нормах международного права следует его понимать либо как деятельность органов государственной власти (*при поддержке органов государственной власти*), выражающаяся в задержании, аресте, лишении свободы лица в какой-либо иной форме, если впоследствии государство отказывается признавать факт насильственного лишения свободы лица и скрывает его местонахождение, в результате чего данное лицо остается без правовой защиты. Кроме того, в Модельном законе «О лицах, пропавших без вести», который на основании постановления от 25 ноября 2008 г. № 31-17 был принят в г. Санкт-Петербурге на XXXI пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств СНГ, понятие «насильственного исчезновения» рассматривается аналогично, что указывает на засилье западной идеологии в отечественном законодательстве.

Созданная в 1980 г. рабочая группа ООН, осуществляющая свою деятельность по исследованию вопросов, связанных с «насильственным исчезновением граждан», в своем докладе в 2014 г. указала, что «с 1980 г. в 90 государствах было зарегистрировано более 51 тысячи случаев насильственных исчезновений граждан...».

Существуют иные нормативные правовые акты (конвенции) международного характера, где закреплены условия и механизм розыска безвестно исчезнувших лиц.

Так называемая «четвертая Женевская конвенция» о защите гражданского населения в военное время, которая была принята 12 августа 1949 г., выработала соглашение в результате заседания, проходившего в Женеве с 21 апреля по 12 августа 1949 г., направленное на противодействие безвестному исчезновению граждан.

Таким образом, рассмотрев историческое развитие института безвестного исчезновения граждан можно совершенствовать и действующее законодательство в данной области, что будет способствовать более эффективному розыску без вести пропавших лиц.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 356-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Гражданский процесс : учебник / под ред. А.Г. Коваленко, А.А. Мохова. – М. : ИНФРА-М, 2008. – 448 с.
3. Гражданский процесс : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. М.К. Треушников. – М. : Изд. «Спартак», Юрид. бюро «Городец», 1999. – 594 с.
4. Иванов, О. Признание граждан безвестно отсутствующими и объявление их умершими. Комментарий ГПК РСФСР / О. Иванов // Совет. юстиция. – 1970. – № 1. – С. 18–20.
5. Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 мая 1998 г., № 154-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 31.12.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Ихсанов, Р.В. Рассмотрение судами дел о признании безвестно отсутствующими или объявлении умершими сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Р.В. Ихсанов ; С.-Петерб. ун-т МВД России. – СПб. : Питер, 2005. – 124 с.
7. Портянкина, С.П. К вопросу о взаимодействии органов внутренних дел и суда по делам о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим / С.П. Портянкина // Арбитр. и гражд. процесс. – 2008. – № 9. – С. 12–19.

УДК 343.985

Н.М. Тарасов, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *С.В. Пилюшин*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

СУЩНОСТЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В данной статье рассматриваются проблемы Всемирной сети Интернет, которую используют наркопреступники для реализации своей преступной деятельности. Указан алгоритм поиска наркопреступников в сети Интернет.

Анализ взглядов некоторых ученых о понятии оперативно-розыскного обеспечения (Б.Е. Богданов, В.В. Губанов, И.А. Климов, А.М. Абрамов и др.) позволяет сделать вывод о том, что на данный момент оно является

ся одним из важных факторов повышения эффективности оперативно-розыскной деятельности. Это понятие, по нашему мнению, довольно точно изложили такие исследователи, как И.А. Климов и А.М. Абрамов, которые понимают под оперативно-розыскным обеспечением основанную на законе и ведомственных нормативных актов комплексную систему оперативно-розыскных мероприятий, осуществляемых оперативно-розыскными подразделениями органов внутренних дел и направленных на непрерывное, своевременное и полное обеспечение предварительного следствия информацией, содержащей совокупность фактических данных об обстоятельствах расследуемых преступлений [1, с. 21].

Само понятие оперативно-розыскное обеспечение можно однозначно толковать как своевременное, связанное с проведением оперативно-розыскных мероприятий, создание оптимальных условий для успешного осуществления определенной деятельности [2, с. 19].

На основе изложенного под оперативно-розыскным обеспечением наркопреступности следует понимать систему комплексных оперативно-розыскных и иных мероприятий, проводимых субъектами ОРД, для предупреждения и (или) предоставления информации для доказывания о лицах, совершивших преступление, и своевременного раскрытия преступлений.

Задачи оперативно-розыскного обеспечения:

сбор, анализ, обработка и приобщение материалов, указывающих на признаки преступления, связанных с наркопреступностью, для принятия процессуальных решений;

помощь сил, средств, способов оперативных подразделений оказывать помощь следователю по проверке доказательств;

выявление и фиксирование преступных действий лиц;

выявление и фиксирование латентных фактов и эпизодов противоправной деятельности лиц, занимающихся наркопреступностью;

осуществление контроля за поведением и образом жизни лиц, ранее судимых за аналогичные преступления.

Принципы оперативно-розыскного обеспечения:

активность в добывании информации – наступательность действий в ходе поиска и проверки сведений, необходимых на реализацию раскрытия наркопреступлений;

плановость – всесторонний анализ ситуаций, стратегия и тактика раскрытия наркопреступлений, изобличение виновных;

комплексность – использование всех правоохранительных органов, учреждений, организаций и граждан;

научность – применение методов и средств, которые уже ранее были научно обоснованными, использованы в практической деятельности;

использование максимального источника информации – использование любых источников информации, не запрещенных законом.

Непосредственно оперативно-розыскное обеспечение предупреждения наркопреступности можно рассматривать как систему мер, направленных:

на анализ оперативной обстановки;

поиск лиц, причастных к наркопреступлениям;

нейтрализацию наркопритонов, преступных формирований, каналов поставок и др.;

создание условий полного и объективного процесса доказывания;

решение организационных, тактических и иных вопросов, связанных с раскрытием наркопреступлений;

предупреждение наркопреступлений.

Для выполнения указанных целей оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и предупреждения преступлений, совершаемых в сфере незаконного оборота наркотиков, особое значение приобретает знание оперативными сотрудниками и следователями комплексной характеристики данного преступления (уголовно-правовой, криминологической, криминалистической и других характеристик) и, в частности, его поисковые, идентификационные признаки, на основе которых создаются предпосылки для определения и реализации программы действий на этапах предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, выбора наиболее эффективных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, методов их осуществления при выявлении и фиксировании таких преступлений.

Учитывая специфику преступлений, связанных в сфере наркопреступности, можно решить следующие задачи:

определение целей и задач оперативно-розыскных и иных мероприятий и следственных действий для предупреждения и (или) пресечения;

определение времени и порядка осуществления мероприятий и конкретных действий каждого участника;

разработка мер по нейтрализации наркопритонов, преступных формирований, каналов поставок и др. [3, с. 167].

Наркотик или психотропное вещество как предмет преступления представляет собой материальный объект определенного вида, имеющий объем, вес, т. е. конкретные качественно-количественные признаки. Количество наркотического средства или психотропного вещества имеет существенное значение для правовой оценки содеянного. Если нет предмета преступления – реального наркотического средства или психотропного вещества, обладающего определенным видом, объемом, весом, – состав преступления отсутствует.

В содержание признаков, связанных с наркопреступностью, стоит включать:

- данные о субъекте;
- предмет преступного посягательства;
- способ совершения преступления;
- преступную картину преступления;
- следы преступления.

Особое значение для эффективного осуществления оперативно-розыскного обеспечения имеет аспект изучения способа совершения преступления, так как именно он в первую очередь служит источником сведений, необходимых для разработки средств, приемов и методов раскрытия, предупреждения преступлений [3, с. 169].

Знание способов совершения преступления дает возможность оперативно-розыскному сотруднику определить правильное направление расследования, построение версий, способов раскрытия и проведение эффективно оперативно-розыскных и иных мероприятий.

На современном этапе наркоторговля практически уходит в интернет. Для того чтобы получить свою дозу, покупателю необязательно встречаться с продавцом, для этого существует DarkNet, который обеспечивает наркодилеру анонимность в интернете.

Актуальность исследования подтверждается все более участвующими случаями незаконного оборота наркотиков с использованием телекоммуникационной сети Интернет и различных мобильных приложений, позволяющим преступникам в несколько раз увеличить объемы незаконного оборота наркотиков и при этом оставаться вне поля зрения правоохранительных органов. Современные технологии позволяют организовывать незаконный оборот наркотиков на международном, федеральном и межрегиональном уровнях, поэтому организованный характер преступной деятельности в данной сфере осуществляется, как правило, в формах транснациональных организаций и межрегиональных преступных сообществ [4].

Уровень взаимодействия и профессионализма участников продолжает расти. Последние технологии дают возможность полностью исключить встречу с организатором, обеспечив этим бесконтактный способ распространения наркотиков. В связи с этим усложняется процесс проведения и осуществления специальных мер реагирования, которые направлены на выявление и пресечение фактов незаконного оборота наркотических средств. Как следствие, при таких схемах удается легко изобличить и привлечь к уголовной ответственности лишь простых участников, таких как курьеров и закладчиков. Выявить и привлечь к уголовной ответственности организаторов в настоящее время практически нереально, что сказывается на использовании участниками со-

временных телекоммуникационных технологий с соблюдением мер конспирации, использованием зашифрованных сетевых ресурсов, псевдонимов и кодовых слов.

Существуют сайты, содержащие большое количество текстов, инструкций, которые подробно описывают различные виды наркотиков, и тем самым призывают к их употреблению. На многих сайтах подробно указаны способы изготовления, распространения, хранения, приобретения, какие-либо формулы, пути их введения, дозировка, возможность приема различных веществ, присутствуют советы, инструкции, которые рассказывают как вести себя при задержании с сотрудниками органов внутренних дел, за употребление, хранение наркотических средств. Сеть Интернет – мощное средство воздействия людей на употребление наркотических средств или их аналогов. Особую общественную опасность представляет распространение сведений, которые способствуют вовлечению в употребление наркотических средств посредством сети Интернет. В интернете любой пользователь может легко и без каких-либо преград получить детальные инструкции, позволяющие в домашних условиях изготовить наркотические средства, в том числе из лекарственных средств, свободно продаваемых в аптеках.

Подобная пропаганда и реклама оказывают негативное воздействие, в первую очередь, на несовершеннолетних лиц, легко поддающихся влиянию путем стимулирования интереса к потреблению наркотических средств. В результате такой пропаганды в незаконный оборот наркотических средств вовлекаются все новые и новые потребители, у которых быстро формируется наркозависимость. Это способствует созданию устойчивого спроса на наркотические средства, что ведет к расширению рынка их незаконного сбыта.

Использование наркопреступниками сети Интернет, средств мобильной связи и электронных платежей делает выявление такого рода преступлений чрезвычайно затратным и трудоемким, как следствие – создает впечатление у противоборствующей стороны своей неуязвимости. Одновременно с этим имеющиеся возможности оперативных сотрудников не позволяют должным образом осуществить документирование бесконтактного способа продажи наркотических средств [5, с. 47].

Процесс выявления преступной деятельности необходимо начинать с мониторинга сетевых ресурсов, предлагающих и рекламирующих запрещенные вещества. Однако массовая доступность сети Интернет, масштабы связей, возможностей, высокая динамичность информационных процессов в интернете не позволяют отслеживать запрещенные сайты и торговые площадки, которые содержат противоправный контент для их блокировки. Постоянный мониторинг сети Интернет позволяет об-

наруживать интернет-магазины, сайты, осуществляющие незаконный оборот наркотических средств.

Следующим этапом после выявления факта сбыта, распространения наркотических средств посредством сети Интернет является обнаружение устройств, с помощью которых осуществляются противоправные действия или которые злоумышленники использовали в качестве средств коммуникации. К таким устройствам относятся мобильные телефоны, смартфоны, планшеты, компьютеры, банкоматы и др. Выявление лиц, представляющих оперативный интерес, по определенным признакам используемых последними средств коммуникации позволяет документировать сеансы его соединения и содержание передаваемой информации. Эти признаки будут положены в основу доказательства факта совершения лицом преступных действий. Такая задача может решаться, например, в рамках оперативно-розыскных мероприятий – контроль в сетях электросвязи. Однако и в этом вопросе возникают трудности [5, с. 49].

В целях противодействия сбыту наркотических средств посредством сети Интернет и мобильных приложений связи необходим комплекс мер по оптимизации законодательства с учетом современных способов осуществления организованной преступной деятельности в данной сфере. Целесообразно совершенствовать законодательство и усиливать контроль за его соблюдением в сфере телекоммуникационных сетей и мобильных приложений.

Список использованных источников

1. Абрамов, А.М. Организационно-тактические формы в оперативно-розыскной деятельности / А.М. Абрамов, И.А. Климов. – М., 1995. – 135 с.
2. Стукалов, А.Н. Особенности оперативно-розыскного обеспечения нейтрализации организованных преступных структур : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Н. Стукалов ; Юрид. ин-т МВД России. – М., 1999. – 22 с.
3. Сысенко, А.Р. Содержание оперативно-розыскного обеспечения раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и его поисковые признаки / А.Р. Сысенко, А.А. Сысенко // Вестн. Ом. ун-та. Серия «Право». – 2007. – № 3 (12). – С. 161–174.
4. Чистанов, Т.О. Незаконный сбыт наркотических средств с использованием телекоммуникационных сетей и устройств [Электронный ресурс] / Юридические науки. – Россия. – Режим доступа: <https://research-journal.org/law/nezakonnyj-sbyt-narkoticheskix-sredstv-s-ispolzovaniem-telekommunikacionnyx-setej-i-ustrojstv/>. – Дата доступа: 01.12.2019.
5. Глушко, Е.Л. Сбыт наркотических средств бесконтактным способом посредством сети Интернет: пути выявления и раскрытия / Е.Л. Глушко // Проблемы правоохран. деятельности. – 2018. – № 2. – С. 45–53.

УДК 343.985

В.О. Тютюхин, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *С.В. Пилюшин*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.А. Шаматульский*

ПОИСК ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В данной статье рассматривается проблема получения оперативно значимой информации в сети Интернет с целью ее использования для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Указан алгоритм поиска оперативно-розыскной информации в сети Интернет.

При реализации основных задач оперативно-розыскной деятельности методы оперативного получения информации и ее своевременного использования при раскрытии и расследовании преступлений остаются неизменными. Широкий доступ к информации стал в значительной степени возможным благодаря использованию компьютерных технологий. С их помощью обмен информацией происходит за короткий промежуток времени, независимо от местоположения передающей и принимающей стороны пользователей сети. Поскольку интернет является общедоступной системой, почти каждый может получить доступ к глобальной сети, используя различные технические средства связи, будь то персональный компьютер или мобильный телефон. Необходимо также понимать, что доступ к сети обеспечивается путем идентификации компьютера, а не пользователя. Поскольку нет должного контроля, это привлекает внимание злоумышленников или, как их называют в литературных источниках, киберпреступников. Киберпреступностью именуют совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью, посредством или против компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству. Киберпреступником (хотя мы и отдаем себе отчет в уязвимости этого термина) принято именовать лицо, которое совершает противоправные действия с использованием сети Интернет [1, с. 236].

Чтобы осуществить свои преступные намерения, человек дезинформирует других пользователей, используя фиктивные личные данные и адреса. Более того, он может получать, использовать и даже рассекречивать не только конфиденциальную информацию, но и информацию, представляющую государственную тайну, которая может представлять угрозу не только для конкретного человека, но и для государства и общества в целом. Для выявления информации, которая может представлять

для нас оперативный интерес в отношении выявления преступлений, а также их исполнителей, необходимы определенные навыки не только в программировании и компьютерных технологиях, но и в социальной инженерии.

А.А. Алябьев и А.В. Лагучкин правильно отметили, что современный криминальный мир с развитием компьютерных технологий также перемещается в киберпространство и совершает преступления как в самой сети Интернет, так и с ее помощью в реальном мире и указывает, что проведение оперативно-розыскных мероприятий в интернете должно стать основополагающим в борьбе с современными угрозами в нормальном функционировании государства. А.Л. Осипенко была затронута такая проблематика, как выявление таких каналов получения оперативной информации, которые могли бы работать на стабильной, постоянной основе непосредственно в сетевом пространстве, и считает, что оптимизация и упорядочивание данных каналов способствует сохранению актуальности этих информационных потоков. Для дальнейшего принятия решений в этой области он предлагает с позиции оперативно-розыскной науки системно изучать закономерности отражения оперативно-розыскной информации в сетевых ресурсах, а также особенности применения разведывательно-поисковых методов для ее обнаружения, получения, проверки и фиксации [2, с. 13–19]. На наш взгляд, для решения поставленных задач, связанных с установлением личности злоумышленника и фиксации его преступной деятельности в сети Интернет, необходимо не только получать компьютерную информацию, но и использовать те данные, доступ к которым возможен, хотя и ограничен. А.В. Мовчан предлагает использовать метод компьютерной разведки, выделяя его как необходимое оперативно-поисковое мероприятие, заключающееся в целенаправленном поиске и получении информации из компьютерных систем и сетей, доступ к которым не ограничивается их собственником, владельцем или держателем или не связан с преодолением системы логической защиты, осуществляемым работниками оперативных или оперативно-технических подразделений с целью выявления сведений криминогенного и криминального характера [3, с. 110].

При рассмотрении такого понятия, как компьютерная разведка нужно обозначить возможности современных компьютерных технологий с последующим внедрением их на этапе проведения ОРМ с целью получения оперативно значимой информации. Рассмотрим стандартную ситуацию. Чтобы оставить определенный информационный след в сети Интернет, нужно пройти регистрацию. При этом необходимо заполнить регистрационную форму, состоящую из полей, в которых пользователь

указывает свои анкетные данные, такие как фамилия, имя, отчество, страна и город проживания, контактный телефон, электронный почтовый адрес. В дальнейшем пользователь ознакомливается с пользовательским соглашением и заканчивает регистрацию. После этого все сведения, которые внесены в регистрационную форму, записываются и хранятся в базе данных сайта для последующей авторизации пользователя. С вышеуказанной информацией в базе данных сервера, где размещен сайт, записываются и хранятся:

дата регистрации пользователя на сайте;

IP-адрес компьютера, с которого производилась регистрация;

данные о версии браузера и операционной системе, при помощи которой осуществлялась регистрация.

Полученную информацию владелец сайта использует, например, как статистические данные. Эти данные фиксируются и далее могут визуализироваться при помощи специального программного обеспечения. Как правило, процесс фиксации статистических данных происходит скрытно и часто без ведома пользователя. Владелец сайта может использовать статистические данные, чтобы запретить его повторную регистрацию с IP-адреса, с которого ранее происходила регистрация, заблокировать пользователя, определить его местонахождение, предложить информацию, соответствующую его фактическим географическим данным и т. д. Полученная информация может выступать не только как статистическая, но также иметь решающее значение при поиске и фиксации лиц, осуществляющих противоправные действия в сети Интернет. Часто при регистрации на сайтах киберпреступник указывает вымышленные данные о себе и вводит в заблуждение пользователя. Из-за этого становится практически невозможным установить реальную информацию о нем и выявить его местонахождение без доступа к статистическим данным. Не принимая во внимание то обстоятельство, что компьютер также оставляет данные о себе при посещении сайта, часто лицо считает, что его противоправные действия останутся безнаказанными и уверен, что отследить его местонахождение практически невозможно из-за того, что он внес вымышленные данные в форму регистрации. В связи с этим можно предположить, что для того, чтобы выявить его, нам необходимо получить статистические данные, оставленные им при посещении сайта. Законодательное получение этих данных относится к такому оперативно-розыскному мероприятию, как наведение справок. Согласно ст. 19 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» ОРМ «наведение справок» проводится по письменному запросу органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с санкции прокурора или его

заместителя, если иное не устанавливается ст. 35–37 указанного закона и другими законодательными актами [4]. Необходимо отметить, что подобное мероприятие является длительным по времени реализации и не всегда дает положительный результат. Проведение ряда ОРМ в киберпространстве с учетом наличия в сетевом пространстве криминогенной среды можно ассоциировать с оперативным поиском.

Это подтверждается присутствием в сети Интернет криминогенных объектов, среди которых выделяются:

объекты, которые требуют постоянного оперативного прикрытия в связи с повторяющимися попытками преступных посягательств и (или) наличием условий для их совершения (сайты коммерческих структур, сетевых объектов, обрабатывающие конфиденциальную информацию, сайты социальных сетей, интернет-магазины, интернет-аукционы и т. п.);

информационные ресурсы, содержащие оперативно значимые сведения (сайты, через которые распространяется социально опасная информация, реализуются предметы, запрещенные к обороту, ведется пропаганда криминального образа жизни и т. п.);

места сетевого общения криминально настроенных лиц (открытые и закрытые форумы криминальной направленности, чаты и др.).

Интересующая нас информация для раскрытия преступлений концентрируется на сетевых криминогенных объектах в виде: следов противоправной деятельности; сообщений лиц, имеющих информацию об обстоятельствах подготовки и совершения преступлений; ссылок на сетевые адреса размещения материалов, запрещенных к распространению. Кроме того, искомая информация присутствует в коммуникационных актах лиц, представляющих оперативный интерес, реализуемых через сообщения электронной почты, сеансы прямой связи (IP-телефония, ICQ и т. п.), условные сигналы либо зашифрованные сообщения, размещаемые на общедоступных сетевых информационных ресурсах.

Одним из перспективных направлений оперативного поиска в сетевом информационном пространстве является оперативно-розыскной мониторинг (интернет-мониторинг), который представляет собой комплексную систему наблюдения за состоянием криминальных процессов в сетевой социальной среде, основанную на использовании средств и методов ОРД непосредственно в сетевом информационном пространстве и направленную на сбор, обработку и анализ информации о явлениях криминального плана. Осуществление мониторинга может основываться на применении в сетевом пространстве различных ОРМ (наведение справок, оперативный опрос, наблюдение и др.).

Объектами сетевого оперативно-розыскного мониторинга могут быть разные информационные ресурсы, отличающиеся друг от друга

по своей направленности, тематике, кругом участников и т. д. Из всего этого можно выделить несколько основных направлений интернет-мониторинга, с помощью которых можно обеспечить высокую интенсивность получения оперативно-розыскной информации:

автоматизированный поиск сетевых информационных ресурсов, содержащих запрещенную к распространению информацию;

оперативно-розыскное изучение выявленных сетевых ресурсов, связанных с деятельностью преступных сообществ;

наблюдение за закрытыми для общего доступа местами сетевого общения криминальной направленности.

Кратко рассмотрим особенности каждой из выявленных областей. Оперативные сотрудники все чаще используют поиск информационных ресурсов интернета для получения информации. Самый простой способ реализовать это – использовать обширный комплекс поисковых систем (Google, Yandex, Rambler и т. д.), которые основаны на продуктивных алгоритмах обнаружения информации по заданным деталям. Во время поиска информации, сайты, связанные с незаконной деятельностью, а также сетевые ресурсы, содержащие информацию, запрещенную для распространения (порнографических материалов, экстремистских материалов, пропаганды наркотиков и т. д.), идентифицируются. При проведении информационного поиска следует иметь в виду, что в информационном пространстве сети имеются закрытые зоны, закрытые для обычных пользователей: эти ресурсы не индексируются поисковыми серверами, доступ к ним возможен только для «инсайдеров». Анализ данных информационных ресурсов возможен с помощью более сложных алгоритмов поиска, обеспечивающих «глубокий» анализ представленной нам информации.

По результатам поиска могут быть приняты меры по блокировке интернет-сайтов с целью установления личности их организаторов. Добавим, что поисковые системы также могут быть использованы для получения дополнительной информации о пользователе или группе пользователей сети. Информацию об интересующих нас лицах можно получить в открытом доступе на их персональных страницах в социальных сетях (Одноклассники, ВКонтакте) или в личных блогах. С помощью поисковых систем можно также искать информацию о методах и приемах, которые могут использовать преступники при выполнении технически сложных действий (например, о том, как извлечь микропрограммное обеспечение микроконтроллера кредитной карты).

Рассмотрим пример алгоритма сбора информации о лице, представляющем оперативный интерес. Большинство людей оставляют свой след в интернете. С помощью ИТ-компаний для автоматизации информации

можно быстро собирать интересующую информацию о конкретных людях через открытые источники. Для того чтобы выполнять эту работу быстро и эффективно, необходимо ознакомиться с методикой разведывательной работы, а затем владеть ею и знать, где и какую информацию о человеке можно получить в интернете. Доступной моделью работы любой разведывательной службы является цикл разведки, который включает в себя следующие этапы: планирование, сбор данных, обработка данных, анализ информации, подготовка отчетов и представление результатов. Первоначально необходимо изучить и проанализировать ранее полученную информацию о его месте жительства, материальном и социальном положении в обществе, коммуникативных навыках, биографии, круге увлечений и знакомых, психологическом портрете, месте работы, номере телефона.

Первым шагом является планирование наших действий. По возможности необходимо собрать как можно больше информации, которая в настоящее время известна: имя, фотография, телефон, бизнес, друзья и т. д. После этого определяется направление поиска. Это могут быть такие сайты, как ВКонтакте, Facebook, Twitter, Instagram и др. Социальные сети (фото, методанные, друзья, интересы, контакты, психологический портрет, единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сайт Министерства юстиции Республики Беларусь, реестр задолженностей по исполнительным документам, Google с Яндексом). Сбор данных будет состоять в формировании запросов к рассматриваемым источникам и сохранении результатов для текущего и последующего сравнения и анализа. Следующим этапом будет обработка данных. Примеры обработки данных могут включать: метаданные из документов (авторство, координаты GPS), загрузку данных из социальных сетей в форму, с которой мы можем работать. Затем необходимо проанализировать полученную информацию и подготовить отчет [5].

В дальнейшем собранная информация по вышеуказанному алгоритму и дополненная из учетов МВД дает возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, представляющих оперативный интерес. Используя персональные страницы пользователей в социальных сетях (Одноклассники, ВКонтакте и др.) и имеющиеся там же биографические данные, возможно проведение такого ОРМ, как «оперативное отождествление». Правила и технология проведения ОРМ «оперативное отождествление» отличается от следственного действия «предъявление для опознания», в связи с чем возможно проведение указанного ОРМ по фотоизображениям.

В интернете имеются эффективные справочно-информационные системы, благодаря которым возможно проведение в сети такого ОРМ, как

«наведение справок» путем непосредственного изучения различных документов на сайтах сети (запросов по электронной почте в различные организации об интересующих сведениях).

Согласно закону возможно использование такого вида «оперативного опроса», как посредством сети электросвязи. Исходя из тактических соображений лучше использовать негласную форму проведения опроса, при этом оперативный сотрудник не показывает свои истинные намерения и цели, а также скрывает свою профессиональную принадлежность. Проведение указанных ОРМ позволяет выявлять лиц, владеющих оперативно значимой информацией, для дальнейшего привлечения их на конфиденциальной основе или в качестве негласного источника информации. Укрепление доверительных отношений и выход на непосредственное общение осуществляется при наличии признаков достаточной осведомленности. Конфиденциальное содействие граждан делает возможным получение оперативно значимой информации о состоянии оперативной обстановки на контролируемых сетевых объектах и дает возможность изучения новых способов совершения и сокрытия следов сетевых компьютерных преступлений.

Вышеуказанные обстоятельства указывают на то, что интернет-пространство является объемным потоком оперативно значимой информации и мощным инструментом по пресечению противоправной деятельности в работе правоохранительных органов. Это дает возможность быстрого и рационального принятия решения, комплексного планирования действий и сочетания их с оперативно-розыскными мероприятиями, а также осуществлять контроль криминогенных объектов. В связи с чем можно говорить об интернет-разведке как о самостоятельном, развивающемся направлении в деятельности правоохранительных органов по пресечению противоправной деятельности криминальных элементов как в сети Интернет, так и в реальном мире [6, с. 79–80].

Список использованных источников

1. Павлюков, В.В. Компьютерная разведка как оперативно-розыскное мероприятие / В.В. Павлюков // Вестн. Нижегород. Акад. МВД России. – 2016. – № 4 (36). – С. 236–241.
2. Осипенко, А.Л. Новые технологии получения и анализа оперативно-розыскной информации: правовые проблемы и перспективы внедрения / А.Л. Осипенко // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2015. – № 2. – С. 13–19.
3. Мовчан, А.В. Отдельные аспекты применения компьютерной разведки в оперативно-розыскной деятельности / А.В. Мовчан // Проблемы правоохран. деятельности. – 2014. – № 2. – С. 107–111.

4. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. Что в имени тебе моем: как качественно «пробить» человека в сети Интернет? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/company/echelon/blog/319334/>. – Дата доступа: 20.11.2019.

6. Середнев, В.А. Интернет как эффективное сетевое пространство для проведения оперативно-розыскных мероприятий / В.А. Середнев // Вопр. соврем. юриспруденции. – 2016. – № 60. – С. 67–80.

УДК 343.953

В.В. Храменков, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.В. Ермолович*

Рецензент – кандидат юридических наук *Ю.А. Сурженко*

О СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ПРОФАЙЛИНГА

В данной статье рассматриваются составные элементы правоохранительного профайлинга с целью повышения эффективности его применения в правоохранительной деятельности. Отдельное внимание уделено правовым основам использования технологий профилирования в Республике Беларусь.

Содержание «структуры правоохранительного профайлинга» имеет важное значение для научного познания данного направления и повышение эффективности применения технологий «профайлинга» в противодействии преступности. Для познания сущности этой категории, определяющим является анализ понятий «структура» и «элемент». Традиционно, «структура» рассматривается как совокупность внутренних связей, строение, внутреннее устройство объекта. Внутренние связи характеризуются устойчивостью и обеспечивают целостность объекта, его тождественность самому себе [1, с. 686]. «Структура» также определяется как «устойчивая картина взаимных отношений элементов целостного объекта» [2, с. 112]. Элемент, с точки зрения философского знания, представляет собой простейшее начало [3, с. 793].

На наш взгляд, к структурным элементам «правоохранительного профайлинга» целесообразно отнести определение «профайлинга», «правовые основы» применения данной технологии, «объекты» и «методы профилирования». Немаловажную роль в структуре правоохранитель-

ного профайлинга играет «базовая линия поведения», «организационно-тактическое» и «организационно-техническое» обеспечение правоохранительного профайлинга.

В настоящее время в научной литературе отсутствует единое понятие профайлинга. Однако можно установить, что данное слово является производным от английского profile – профиль и относится к профессиональной терминологии.

При определении содержания профайлинга необходимо исходить из следующих положений:

профайлинг – один из способов обеспечения безопасности, так как позволяет предотвратить противоправные действия посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций;

выявление потенциально опасных лиц и ситуаций проводится по специальным технологиям, в основе которых лежит комплексный анализ таких факторов, как внешность и поведение человека, его перевозочные документы, багаж, вещи, находящиеся при нем, и др.;

профайлинг – один из способов по предотвращению противоправных действий, может применяться на любом этапе, во всех местах и на всех мероприятиях по обеспечению безопасности;

в рамках профайлинга необходимо применение методов психологии в их прикладном аспекте, так как особый акцент делается на процессах межличностного взаимодействия, возможностях человеческого восприятия к считыванию внешней и внутренней информации, формировании и развитии таких качеств, как наблюдательность, проницательность, коммуникабельность.

С учетом указанных выше положений предлагается следующее определение: профайлинг – это технологии предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций с использованием методов прикладной психологии [4, с. 7–8].

В более узком смысле профайлинг является системой установления вероятностной причастности определенного субъекта к планируемому противоправному действию.

На наш взгляд, правоохранительный профайлинг – технология выявления лиц, представляющих оперативный интерес, и прогнозирования противоправного поведения иных лиц в ходе обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности сотрудниками правоохранительных органов и специальных служб.

К объектам исследования профайлера относятся мимика, жесты, позы, речевые особенности, движение глаз, походка, одежда (сопутствующие предметы и объекты), аксессуары, поведенческие особенности (сопутствующие лица).

Мимика – выражение лица, при котором человек выдает свои внутренние ощущения, переживания, чувства, настроение, эмоции и другие душевные качества.

Жесты – телодвижения, сопровождающие или заменяющие слова индивида, их совершающего.

Поза – положение тела.

При осуществлении профилирования важно уделять внимание каждому из названных объектов, так как о противоправных намерениях лица часто можно судить лишь оценив их в совокупности.

Под методом правоохранительного профайлинга понимается конкретный способ выявления потенциально опасных лиц и ситуаций. Традиционно выделяются два основных метода профилирования: наблюдение (сенсорная чувствительность) и собеседование (краткая опросная беседа). Прежде всего следует отметить, что в системе обеспечения общественной безопасности действует так называемая «оперативная триада»: предупреждение – предотвращение – пресечение. Сотрудники милиции особое внимание должны уделять именно первому компоненту «триады» – предупреждению (профилактике) актов незаконного вмешательства (АНВ), так как предупреждение всегда является значительно менее затратным (и в буквальном, и в переносном смысле) по сравнению с предотвращением, а тем более с пресечением правонарушений. Здесь важным моментом является то, что технология профайлинга эффективна лишь во взаимодействии с тактическими наработками сотрудников правоохранительных органов. Так, при обеспечении правопорядка и безопасности, применяя технологию профайлинга, сотрудник милиции должен действовать по определенному алгоритму. Прежде всего при наблюдении за гражданином ему следует постоянно задавать себе так называемые «вопросы профилирования»: «Тот ли это человек, за которого он себя выдает? Не скрывает ли он негативные намерения? Почему на лице страх, беспокойство, вина, печаль, отсутствие эмоций? Как соотносится его внешность и контекст (проявление неконгруэнтности)?» Далее обращают внимание на такие подозрительные признаки, как любое несоответствие (например, несоответствие одежды погодным условиям), «мешковатый» внешний вид. Здесь следует отметить, что подозрительные признаки проверяются исходя из личных убеждений сотрудника-профайлера. К критическим признакам следует отнести перекося одежды на теле, выпуклость одежды в местах ношения оружия, распахнутость (застегнутость) одежды, наличие одежды, скрывающей контуры фигуры, произвольный контроль оружия (пояса шахида) на теле, хождение по помещению, невразумительные ответы на вопросы по деталям одежды, документов.

Одним из наиболее сложных методов профайлинга является опросная беседа, так как для ее правильного проведения требуется специальная подготовка. При применении метода опросной беседы анализируется целый комплекс критериев истинности-ложности ответов опрашиваемого. Здесь сотрудник-профайлер обращает внимание и на обобщенные ответы, и на искажение информации, и на уход от ответа. Значимыми также являются признаки проявления вегетативной нервной системы, «зависания» при ответе на вопрос, отклонение от базовой линии поведения проверяемого лица и др.

Базовая линия поведения (БЛП) – обычное поведение человека, в привычной для него обстановке, во время разговора на спокойные темы, которые не вызывают у него стресс.

Выявление БЛП является подготовительной ступенью, после которой можно определить психотип человека. Исходя из полученного вывода выстроить тактику дальнейшей беседы максимально эффективно.

Для определения БЛП необходимо расслабить человека, поговорить на нейтральные темы, показать свое расположение улыбкой. Начинать определять БЛП желательно с первых минут общения с человеком.

БЛП складывается из различных элементов проявления человека, таких как комфортные позы собеседника и частота их смены, используемые жесты и их количество, тон и интонация голоса, длина пауз (обдумывания) перед ответом на вопрос, степень открытости и общительности и пр.

Необходимо учитывать и индивидуальные моменты, которые как раз и могут запутать начинающему специалисту открывающуюся перед ним картину, например, общая повышенная тревожность, привычка к избеганию глазного контакта, заикания, неуверенность, вредные привычки и т. д.

Отклонение человека от собственной БЛП во время ответа на вопрос, содержащий стимул, сообщает профайлеру: «данная тема является важной, затрагивающей интересы индивида, вызывает у него стресс, изменяющий его обычное поведение. Необходимо вернуться к этому вопросу или обстоятельству и перепроверить, что же вызвало такую бурную эмоциональную реакцию». Часто преступники во время лжи стараются вести себя как обычно, сохраняя натуральность и привычную для себя БЛП, чтобы отвести подозрения. Несмотря на это, большинство из них могут контролировать лишь один-два канала информации о своем состоянии. Все остальные каналы могут служить для профайлера признаками лжи, встревоженности, противоправности намерений и т. д.

Актуальным и важным является вопрос правомерности применения технологии профилирования. Для выполнения основных задач по обе-

спечению безопасности населения Республики Беларусь, указанных в таких нормативных правовых актах, как Чикагская конвенция о международной гражданской авиации, принятая 7 декабря 1944 г. (далее – Конвенция); Воздушный кодекс Республики Беларусь от 16 мая 2006 г. № 117-3 (далее – Воздушный кодекс); Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-3 «Об органах внутренних дел Республики Беларусь»; постановление Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 8 апреля 2009 г. № 31 «Об утверждении авиационных правил «Обучение кадров в области авиационной безопасности»; постановление Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 8 августа 2007 г. № 46 «Об утверждении авиационных правил «Контроль качества мероприятий по обеспечению защиты гражданской авиации Республики Беларусь от актов незаконного вмешательства» необходим комплекс мер по предотвращению актов незаконного вмешательства. Одной из таких мер было внедрение технологий профайлинга в деятельность объектов гражданской авиации Республики Беларусь. В частности, в Приложении 17 к вышеуказанной конвенции сказано, чтобы правила, практика и процедуры авиационной безопасности обеспечивали не только безопасность пассажиров, экипажа, наземного персонала и других граждан во всех случаях, связанных с защитой гражданской авиации от АНВ, но и оперативное реагирование на любое усиление угрозы безопасности [5].

В ст. 77 Воздушного кодекса определены основные методы обеспечения безопасности на транспорте. К таким методам, в частности, относятся предотвращение незаконного провоза на воздушном судне оружия, боеприпасов, взрывчатых, отравляющих, легковоспламеняющихся, радиоактивных веществ, а также других опасных веществ, материалов и изделий, которые могут быть использованы для совершения АНВ в деятельности авиации, и принятие особых мер предосторожности при их провозе в соответствии с законодательством; проведение досмотра пассажиров, членов экипажа воздушного судна, багажа, в том числе вещей, находящихся при пассажирах, грузов, почтовых отправок, бортовых запасов воздушного судна [6].

Так, профайлинг представляет собой особые технологии, которые видоизменяются в связи с угрозой АНВ и расцениваются как практика и процедуры обеспечения безопасности пассажиров, посетителей, экипажа, персонала, т.е. соответствуют международным стандартам по обеспечению безопасности.

Таким образом, все вышеуказанные документы подтверждают правомерность профайлинга и являются правовым обоснованием применения следующих процедур:

применение технологий профайлинга в рамках предполетного досмотра;

использование таких методов, как наблюдение, опрос, ручной досмотр багажа и личный (индивидуальный) досмотр;

применение профайлинга сотрудниками служб авиационной безопасности и правоохранительных органов в своей деятельности;

внедрения технологий профайлинга или его элементов для обеспечения безопасности воздушного судна при послеполетном досмотре пассажиров;

необходимость обучения профайлингу в рамках подготовки специалистов по обеспечению авиационной безопасности, соответствующей современным и другим возможным направлениям предотвращения АНВ.

Более конкретные ссылки на профайлинг содержатся в таком нормативном правовом документе Республики Беларусь, как постановление Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь и Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 1 марта 2017 г. № 4/54 «Об утверждении Инструкции о порядке осуществления досмотра в целях обеспечения авиационной безопасности». Так, в гл. 8 данного акта сказано, что в целях выявления в пассажиропотоке потенциально опасных граждан проводится опрос (профайлинг) пассажира [7].

Таким образом, действующее национальное законодательство Республики Беларусь и положения международных правовых актов в достаточной степени позволяют развивать данное направление как в сфере образования сотрудников органов внутренних дел, так в практической деятельности правоохранительных органов нашего государства.

Отдельно следует отметить организационно-тактическое и организационно-техническое обеспечение правоохранительного профайлинга. Данные элементы определяют порядок и содержание конкретных действий профайлеров в местах применения данной технологии. Прорабатывается организационный порядок работы, тактические приемы, применяемые сотрудниками и техническое сопровождение осуществляемых мероприятий, а именно: место и продолжительность работы профайлеров; количество и расстановка на объекте сотрудников; схема связи и алгоритмы реагирования на выявленные угрозы; специальные технические средства и технологические решения, повышающие эффективность работы профайлеров и др.

В заключение можно отметить, на наш взгляд, на современном этапе развития наиболее значимыми структурными элементами «правоохранительного профайлинга» являются: понятие правоохранительного профайлинга; объекты правоохранительного профайлинга; методы право-

охранительного профайлинга; базовая линия поведения; правовые основы правоохранительного профайлинга; организационно-тактическое и организационно-техническое обеспечение.

Список использованных источников

1. Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – Минск, 1998.
2. Овчинников, Н.Ф. Структура и симметрия / Н.Ф. Овчинников // Систем. исслед. Ежегодник. – М. : Наука, 1969.
3. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1983.
4. Профайлинг. Технологии предотвращения противоправных действий: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Правоохран. деятельность» / Ю.М. Волынский-Басманов [и др.] ; под ред. Ю.М. Волынского-Басманова, Н.Д. Эриашвили. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2012. – 223 с.
5. Конвенция о международной гражданской авиации [Электронный ресурс] : [заключена в Чикаго 07.12.1944 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
6. Воздушный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 мая 2006 г., № 117-3 : принят Палатой представителей 3 апр. 2006 г. : одобрен Советом Респ. 24 апр. 2006 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.10.2016 г. № 437-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
7. Об утверждении Инструкции о порядке осуществления досмотра в целях обеспечения авиационной безопасности [Электронный ресурс] : постановление М-ва транспорта и коммуникаций Респ. Беларусь, М-ва внутр. дел Респ. Беларусь, 1 марта 2017 г., № 4/54 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W21732041&p1=1>. – Дата доступа: 10.04.2019.

УДК 347.451.031

Д.Ю. Чечко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Войтюль*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *И.Н. Яхновец*

СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются исторические аспекты формирования системы защиты прав потребителей, источники правовой регламентации, а также

субъекты государственного и общественного контроля данной сферы общественных отношений. Выдвинуты предложения по основным направлениям дальнейшего совершенствования существующей системы правового регулирования защиты прав потребителей.

Осуществление государственного контроля в сфере защиты прав потребителей имеет глубокие исторические корни. В качестве примера можно рассмотреть выдающийся памятник феодального права – Статут Великого княжества Литовского (ВКЛ) 1588 г., который на протяжении 250 лет являлся действующим законом на территории Беларуси, Литвы и Украины и составлял основу всей правовой системы ВКЛ. В данном законе содержатся не только нормы государственного (конституционно-го), административного, брачно-семейного, гражданского, уголовного права, но и нормы, защищающие права жителей ВКЛ (феодалов, шляхты, мещан, селян, ремесленников, челяди, слуг) на рынке товаров, работ и услуг, т. е. права потребителей [1, с. 74–75].

Формирование современной национальной системы защиты прав потребителей в Республике Беларусь началось относительно недавно, что обусловлено сравнительно поздним периодом становления суверенного государства. Тем не менее в научной литературе выделяются отдельные этапы данного процесса. В бывшем СССР с 1937 г. до середины 80-х гг. действовало Положение о добровольных обществах и их союзах. Однако данный нормативный правовой акт запрещал создание общественных организаций, ставящих самостоятельной задачей защиту правовых и экономических интересов своих членов. Призыв к организованной защите потребителями своих прав и интересов квалифицировался как идеологическая ошибка и признавался противозаконным. В связи с этим начало создания национальной системы защиты прав потребителей можно определить серединой 80-х гг. Это был период формирования общественного движения потребителей, осознания того, что потребитель является главным действующим лицом на потребительском рынке, т. е. лицом, для удовлетворения запросов которого должны работать предприятия по производству товаров, розничной торговли и сферы оказания услуг. С 1991 по 1994 г. произошло разделение республик бывшего СССР на независимые государства. Общественное потребительское движение получило значимую правовую поддержку после вступления в силу 1 января 1992 г. Закона СССР «О защите прав потребителей». Данный закон действовал до вступления в силу 1 января 1994 г. аналогичного Закона Республики Беларусь, который был принят по инициативе Белорусского общества защиты прав потребителей [2].

В настоящее время в Республике Беларусь реализуется активная политика по защите прав потребителей, что обусловлено экономическим

положением нашей страны. Государство находится на этапе становления рыночной экономики, который предполагает формирование цивилизованной системы взаимоотношений продавцов, производителей и потребителей. Именно в данный период потребитель наиболее уязвим и нуждается в дополнительных формах и эффективных методах защиты со стороны государства [3, с. 14].

Одним из основных нормативных правовых актов в области регулирования защиты прав потребителей является Закон Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей), основными задачами которого выступают закрепление основных терминов, прав потребителей, круга прав и обязанностей контрагентов, установление механизма реализации данных прав и обязанностей и устранение последствий нарушений прав потребителей в рамках данных правоотношений.

Значимым законодательным актом, принятие которого обусловлено необходимостью защиты прав потребителей в процессе реализации жилищно-коммунальных услуг, является Закон Республики Беларусь от 16 июля 2008 г. № 405-З «О защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг» (далее – Закон о защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг), в котором содержатся основные термины, виды жилищно-коммунальных услуг, правовые основы оказания данных услуг, участники, их права и обязанности, а также механизм реализации данных прав и обязанностей.

В целом защита прав потребителей в Республике Беларусь регулируется не только вышеуказанными законами, но и Гражданским кодексом Республики Беларусь, Жилищным кодексом Республики Беларусь, иными нормативными правовыми актами, а также нормами международных договоров Республики Беларусь. Например, по результатам изучения и обобщения судебной практики по делам о защите прав потребителей принято постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 июня 2010 г. № 4 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей». Система нормативных правовых актов в данной сфере правового регулирования имеет четкую иерархию. Нормативные правовые акты, принимаемые государственными органами, не могут ограничивать права потребителей и снижать гарантии их защиты по сравнению с установленными Законом о защите прав потребителей, если иное не определено Конституцией Республики Беларусь или законодательными актами. В то же время правовые нормы в области защиты прав потребителей последовательно корректируются и дополняются, что связано с появлением новых услуг, развитием информационных технологий и появлением новых способов приобретения товаров.

Следует отметить, что регулирование общественных отношений в сфере защиты прав потребителей посредством создания системы нормативных правовых актов является распространенным подходом и в зарубежных странах. В качестве наглядного примера приведем опыт некоторых государств, которые прошли самостоятельный путь становления законодательства в области защиты прав потребителей. Так, в Германии принято более 80 законов, а также примерно 300 постановлений (при этом выделяются законы «прямого действия», которые непосредственно касаются молока, хлеба, рыбы и др.), в Украине разработано примерно 130 нормативных правовых актов, в Австрии – около 200 законов, в Японии – 50 одобренных парламентом общенациональных законов, десятки указов и распоряжений, принятых органами местного самоуправления, в США – около 150 законов, в Канаде в каждой провинции действует по несколько законов на местном уровне и около 100 федеральных законов в области защиты прав потребителей [4].

Что касается международного правового регулирования общественных отношений между потребителем и контрагентами, то Республика Беларусь, как и другие страны – участники ООН, руководствуется принципами для защиты интересов потребителей, принятыми 9 апреля 1985 г. резолюцией 39/248 Генеральной Ассамблеи ООН. Указанные принципы можно разделить на две группы: общие и руководящие.

Общие принципы направлены на удовлетворение следующих законных потребностей: а) защита потребителей от ущерба их здоровью и безопасности; б) содействие экономическим интересам потребителей и защита этих интересов; в) доступ потребителей к соответствующей информации, необходимой для компетентного выбора в соответствии с индивидуальными запросами и потребностями; г) просвещение потребителей; д) наличие эффективных процедур рассмотрения жалоб потребителей; е) свобода создавать потребительские и другие соответствующие группы или организации, и возможность для таких организаций высказывать свою точку зрения в процессе принятия решений, затрагивающих их интересы.

Под руководящими принципами следует понимать следующие группы принципов: а) физическая безопасность; б) содействие экономическим интересам потребителей и защита этих интересов; в) нормы безопасности и качества потребительских товаров и услуг; г) система распределения основных потребительских товаров и услуг; д) меры, позволяющие потребителям получить компенсацию; е) программы просвещения и информирования; г) меры, касающиеся конкретных областей [5].

Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им гражданского законодательства, поэтому основные положения Закона о защите прав потребителей сформулированы на основе принципов, закрепленных резолюцией 39/248 Генеральной Ассамблеи ООН.

Письменный договор также является одним из источников, закрепляющих права и обязанности потребителей. Однако положения гражданско-правового договора, заключаемого потребителем, не являются основным источником правового регулирования рассматриваемых отношений, так как они закрепляют лишь дополнительные, не противоречащие закону, условия сделки. В связи с этим и при отсутствии письменного договора суд вправе признать наличие договорных отношений между сторонами, применив правовые последствия, предусмотренные Законом о защите прав потребителей или Законом о защите прав потребителей жилищно-коммунальных услуг. В подтверждение данному факту рассмотрим следующий пример из судебной практики.

Из материалов дела по иску А. о возмещении ущерба в связи с нарушением прав потребителя усматривается, что в феврале 2002 г. в квартире, принадлежащей истцу на праве собственности, обнаружено аварийное провисание потолка. Ремонт потолка коммунальными службами сделан некачественно, А. за собственные средства произвела необходимые ремонтно-восстановительные работы, затраты на которые, а также денежную компенсацию морального вреда просила взыскать с ответчика. Как установлено судом, с истцей не был заключен договор на техническое обслуживание квартиры, отчислений на капитальный ремонт она не производила, однако вносила платежи за пользование жилым помещением и за коммунальные услуги. В связи с этим суд Октябрьского района г. Могилева пришел к выводу, что между А. и жилищно-эксплуатационной организацией имелись фактические договорные отношения по обслуживанию и эксплуатации жилого помещения, а соответствующий договор с А. не был заключен по вине ответчика. Суд взыскал в пользу А. понесенные расходы по устранению недостатков выполненной работы, а также денежную компенсацию морального вреда [6].

Реализацию прав и обязанностей потребителей, закрепленных в законодательстве и заключаемых договорах, обеспечивает государство через уполномоченные на это органы власти: Президент Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь, Национальный банк Республики Беларусь, Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, Министерство юстиции Республики Беларусь, а также местные исполнительные и распорядительные органы, суды и другие государственные органы.

Кроме государственных органов возможность осуществлять защиту прав потребителей имеется у общественных объединений. Полномочия данных организаций закреплены в гл. 6 Закона о защите прав потребителей. Например, общественное объединение «Белорусское общество защиты потребителей» (БОЗП), основанное в 1989 г., является общественной, неправительственной, некоммерческой организацией, основная деятельность которой направлена на консультационно-правовую и экспертную помощь потребителям, совершенствование законодательства по защите прав потребителей, обеспечение информацией потребителей о качестве товаров и услуг, защиту правовых гарантий при возникновении конфликтных отношений с организациями торговли, сферой различных видов услуг. БОЗП является членом Международной конфедерации обществ потребителей стран СНГ КонфОП – Москва, членом-корреспондентом Всемирной организации потребителей Consumers International, сотрудничает с Германским институтом информации для потребителей «Штифтунг Варентест», Институтом потребителя (Украина), Национальной Лигой потребителей Казахстана, другими потребительскими организациями стран ближнего и дальнего зарубежья. БОЗП осуществляет разностороннюю деятельность в сфере защиты прав потребителей: информирование, просвещение, образование потребителей; оказание помощи для потребителей в виде товароведческой экспертизы товаров народного потребления; оказание юридической помощи; представление интересов потребителей и др. [7].

Таким образом, развитие эффективной защиты прав потребителей является объективной необходимостью, обусловленной стремительным развитием экономических отношений. Сфера правового регулирования защиты прав потребителей носит межотраслевой характер, однако основными источниками правовой регламентации рассматриваемых отношений являются акты гражданского законодательства, принятые с учетом общепризнанных принципов международного права. Функции защиты прав потребителей выполняет система государственных органов и общественных объединений. Дальнейшее совершенствование существующей системы правового регулирования защиты прав потребителей следует осуществлять с учетом современных наработок юридической науки по таким направлениям: законодательное закрепление разработанных понятий и категорий, конкретизация прав и обязанностей участников правоотношений, создание дополнительных правовых гарантий защищенности прав потребителей.

Список использованных источников

1. Доўнар, Т.І. Самы знакаміты помнік права Беларусі / Т.І. Доўнар // Юстыцыя Беларусі. – 2008. – № 3. – С. 74–75.

2. Кейта-Станкевич, Т.Г. Эволюция защиты прав потребителей (мировой и отечественный опыт) [Электронный ресурс] / Т.Г. Кейта-Станкевич // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2001. – № 2. – Режим доступа: <http://www.evolutio.info/ru/beljournal/2001-2/2001-2-kejta-stankevich>. – Дата доступа: 20.01.2020.

3. Бурак, В.В. Общие положения защиты прав потребителей в Республике Беларусь / В.В. Бурак // 25 лет Конституции Республики Беларусь : респ. науч.-практ. конф., Минск, 15 марта 2019 г. : тез. докл. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск, 2019. – С. 14–15.

4. Царук, И.М. Защита прав потребителей: зарубежный опыт и уроки для Украины [Электронный ресурс] / И.М. Царук, Ю.Б. Шпилевая // Вісн. Маріупол. держ. ун-ту. – 2014. – № 7. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-potrebiteley-zarubezhnyy-opyt-i-uroki-dlya-ukrainy/viewer>. – Дата доступа: 20.01.2020.

5. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 39/248 «Защита интересов потребителей» [Электронный ресурс] / Кодекс – профессиональные справочные системы. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902300274>. – Дата доступа: 20.01.2020.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь: рассмотрение в судах гражданских дел о защите прав потребителей [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. Общественное объединение «Белорусское общество защиты потребителей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bozp.by>. – Дата доступа: 20.01.2020.

УДК 347.615 + 347.91/95

А.О. Шаран, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Пашкев*

Рецензент – кандидат юридических наук, профессор *Д.А. Колбасин*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ УПЛАТЫ АЛИМЕНТОВ В ДОБРОВОЛЬНОМ ПОРЯДКЕ И В СЛУЧАЕ ВЫЕЗДА В ИНОСТРАННОЕ ГОСУДАРСТВО НА ПОСТОЯННОЕ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА

В статье анализируются основания и порядок добровольной уплаты алиментов obligанными лицами, порядок удержания алиментов, приводятся примеры рассмотрения судами вопросов о взыскании алиментов, а также характеризуется порядок уплаты алиментов лицами, выезжающими на постоянное место жительства в иностранное государство.

Добровольный порядок уплаты алиментов основан на правовой и моральной ответственности лиц, обязанных по закону принимать участие в содержании своих детей, родителей и супругов (бывших супругов), и предполагает уплату алиментов obligанным лицом в отсутствие судебного постановления о взыскании алиментов.

Реализация алиментной обязанности в добровольном порядке может быть формализованной и неформализованной. Неформализованная уплата алиментов предполагает непосредственное участие obligанного лица в расходах по содержанию получателя алиментов либо предоставление такого содержания посредством периодической уплаты денежных средств. В последнем случае денежные средства могут передаваться получателю алиментов самим плательщиком алиментов непосредственно либо с помощью услуг почтовой связи или банковских учреждений.

Формализованная уплата алиментов предусматривает удержание сумм алиментов из заработной платы или пенсии, пособия, стипендии плательщика на основании его письменного заявления. При этом обязанность удержания сумм алиментов из заработной платы, пенсии, пособия, стипендии и других выплат, следующих плательщику алиментов, и своевременного направления их получателю алиментов лежит на нанимателе или организации, производящей выплаты (ст. 105 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (КоБС)).

Алименты, уплачиваемые добровольно, могут не покрывать необходимые расходы на содержание лиц, имеющих право на их получение. В целях защиты их прав и законных интересов законодателем установлено, что уплата алиментов в добровольном порядке не исключает права взыскателя алиментов в любое время обратиться в суд с заявлением о взыскании алиментов (ч. 2 ст. 104 КоБС). Возможность такого обращения не оговорена какими-либо условиями. Лицо, имеющее право на алименты, вправе обратиться с таким требованием в суд независимо от поведения лица, obligанного к уплате алиментов, а также независимо от причин, по которым противоположное лицо обращается в суд с заявлением. Вопрос о взыскании алиментов в таких случаях судом решается на общих основаниях.

Приведем пример. Районный суд, рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по иску К. к З. о взыскании алиментов, установил, что в заявлении суду истица К. указала, что она с ответчиком З. состояла в зарегистрированном браке с 27 января 2001 г. до 27 апреля 2005 г. Решением районного суда от 27 апреля 2005 г. их брак был расторгнут. От брака имеют несовершеннолетнего сына И., 2001 г. р. На протяжении 14 лет она не подавала исковое заявление о взыскании

алиментов, так как между нею и ответчиком была договоренность о том, что ответчик добровольно будет выплачивать ей 25 % от своего заработка на содержание сына. Однако когда у ответчика родились в новой семье двое детей, ответчик стал выплачивать ей добровольно на содержание сына от 11 до 16 % от своей заработной платы. Считает, что ответчик недостаточно оказывает ей материальной помощи на содержание сына. Просила взыскать с ответчика 3. в ее пользу алименты в размере 25 % со всех видов его заработка ежемесячно до совершеннолетия ребенка. В суде истица К. исковое требование поддержала [1, с. 93].

Ответчик 3. иск признал частично. Согласен выплачивать истнице алименты в размере 12,5 % на содержание сына И., 2001 г. р.

Выслушав стороны, исследовав письменные доказательства дела, суд находит иск обоснованным и подлежащим удовлетворению в полном объеме, так как доводы ответчика 3. о том, что размер алиментов должен составлять не 25 %, а 12,5 % с учетом его троих несовершеннолетних детей в новой семье суд находит несостоятельными, поскольку в судебном заседании с достоверностью установлено, что с ответчика по другим исполнительным документам не взыскиваются алименты, он постоянно проживает в своей новой семье и вместе со своей супругой воспитывают своих детей, семья материально обеспеченная, всю полученную заработную плату ответчик тратит на свою семью.

В судебном заседании не добыто доказательств и не представлено таковых доказательств со стороны ответчика, подтверждающих наличие оснований для удовлетворения иска частично, в размере 12,5 %. При удовлетворении искового требования истицы дети ответчика не окажутся менее обеспеченными, чем ребенок истицы [1, с. 93].

Наличие действующих Брачного договора, Соглашения о детях, Соглашения об уплате алиментов, предусматривающих регулирование алиментных обязанностей, исполнение которых осуществляется в добровольном порядке, лишает взыскателя алиментов права на обращение в суд о взыскании алиментов. В таком случае взыскателю алиментов может быть выдан исполнительный лист, направляемый нанимателю (организации) для принудительного выполнения указанных соглашений.

Надлежащее выполнение алиментных обязанностей является сферой интереса не только взыскателей алиментов, но и всего общества в целом, поскольку формирует социальную ответственность и обеспечивает необходимый уровень жизни лиц с наименьшими доходами. Таким образом, государство как инструмент реализации общественных интересов посредством правовых норм определяет меры должного поведе-

ния не только субъектов алиментных правоотношений, но и других лиц в целях обеспечения условий для реализации прав граждан на получение и предоставление содержания.

Частью 1 ст. 105 КоБС установлено, что удержание алиментов из заработной платы, пенсии, стипендии и других выплат, следующих плательщику алиментов, является обязанностью нанимателя или организации, производящих указанные выплаты. Основанием для выполнения такой обязанности являются:

письменное заявление плательщика алиментов;

определение суда о судебном приказе о взыскании алиментов;

исполнительный лист, выданный на основании судебного постановления о взыскании алиментов (в том числе Соглашения о детях), Брачного договора или Соглашения об уплате алиментов.

Письменное заявление плательщика об удержании алиментов является достаточным основанием для возникновения у нанимателя, выплачивающего заработную плату, или организации, выплачивающей пенсии, пособия, стипендии, юридической обязанности производить удержания и переводить (выплачивать) их получателю.

Лицо, подавшее заявление о добровольной уплате алиментов, имеет право в любое время изменить их размер либо подать заявление по месту удержания алиментов о прекращении выплат. Удержание алиментов прекращается также в случае, если лицо, подавшее заявление, меняет место работы (службы) либо место жительства, по которому ему выплачивается пенсия или пособие. О прекращении выплат бухгалтерия организации, где производились удержания, немедленно извещает взыскателя алиментов. Удержание может быть возобновлено по заявлению, которое вновь подается плательщиком алиментов по его новому месту работы (службы), месту начисления пенсии (пособия), либо в судебном порядке по заявлению взыскателя. Образовавшаяся задолженность взыскивается также по заявлению плательщика либо в судебном порядке (ч. 2, 3 ст. 105 КоБС).

Размер алиментов определяется заявителем самостоятельно в соответствии с требованиями соответствующих норм КоБС в зависимости от того, на содержание кого предназначены алименты. В случаях если размер алиментов, условия, порядок и продолжительность их выплаты были определены в Брачном договоре или Соглашении об уплате алиментов, то заявление в этой части должно соответствовать условиям указанных соглашений.

На основании определения о судебном приказе, исполнительного листа алименты удерживаются в размерах и порядке, указанных в этих документах.

Установленный трехдневный срок, в течение которого наниматель, организация обязаны перечислять на счет взыскателя, переводить ему по почте алименты, преследует цель обеспечить своевременное поступление средств на содержание управомоченного лица. Течение срока исчисляется со дня выплаты заработной платы, пенсии, пособия, стипендии либо осуществления других выплат лицу, с которого взыскиваются алименты. При этом имеется в виду день, установленный нанимателем для выплаты работникам заработной платы либо организацией для выплаты пенсии, пособия, стипендии либо иных выплат, независимо от того, выданы в этот день эти выплаты плательщику алиментов или по каким-либо причинам он лишен возможности их получить.

Контроль за правильным и своевременным удержанием алиментов осуществляется судами по месту взыскания алиментов.

Под невыполнением обязанности по удержанию алиментов (ч. 4 ст. 105 КоБС) следует понимать виновное действие или бездействие работников нанимателя или организации, повлекшее неправильное или несвоевременное их удержание, задержку в их пересылке взыскателю, невыполнение требований судебного исполнителя о сообщении сведений о должнике, размере его заработка (дохода) и т. п. За невыполнение обязанности по удержанию алиментов на виновное лицо может быть наложен штраф в размере до сорока базовых величин (ч. 3 ст. 24.10 КоАП) [2].

Статья 106 КоБС устанавливает исключения из общего правила о безусловной обязанности нанимателя, организации удерживать алименты на основании письменного заявления плательщика (ст. 105 КоБС). Нормы ст. 105 КоБС вследствие внесения в нее последующих изменений и дополнений сформулированы довольно противоречиво, однако из них можно заключить следующее.

Во-первых, удержание алиментов на основании заявления не может производиться, если алименты с плательщика уже взыскиваются на основании исполнительных документов (определения о судебном приказе, исполнительного листа, исполнительной надписи нотариуса) и при удержании алиментов на основании заявления общая сумма, подлежащая взысканию, превысит 50 % заработка и (или) иного дохода, из которых производится удержание алиментов. Эта норма согласуется с требованиями трудового (ч. 1, 2 ст. 108 ТК) и гражданского процессуального законодательства (ч. 1, 2 ст. 523, ч. 1 ст. 524 ГПК), ограничивающими аналогичным образом максимальный размер удержания из заработной платы или пенсии должника.

Во-вторых, удержание алиментов по заявлению не может производиться в отношении алиментов на детей, если с плательщика уже взыскиваются алименты на детей от другой матери на основании судебного постановления. В данном случае законодатель имеет в виду взыскание

алиментов на несовершеннолетних детей, при котором уплата алиментов на основании заявления в пользу несовершеннолетних детей от другой матери может поставить детей плательщика алиментов в неравные финансовые условия. Для того чтобы исключить подобное неравенство, законодателем предусмотрен судебный порядок решения вопросов взыскания алиментов с такого родителя (ч. 2 ст. 106 КоБС).

Особые условия законодателем установлены в отношении уплаты алиментов на несовершеннолетних детей. В этом случае удержание алиментов на основании заявления плательщика алиментов может производиться в случае, если общая сумма удержаний на основании такого заявления и исполнительных документов не превышает 70 % заработка и (или) иного дохода лица, обязанного уплачивать алименты (ч. 3 ст. 106 КоБС).

Статья 107 КоБС устанавливает обязанность сообщать о перемене места работы лица, уплачивающего алименты на основании судебного постановления (в том числе Соглашения о детях). Такая обязанность возложена на нанимателя, который должен сообщать судебному исполнителю и лицу, получающему алименты, об увольнении с работы лица, обязанного уплачивать алименты на детей, а также о новом месте его работы, если оно известно, в трехдневный срок со дня увольнения плательщика алиментов (ч. 1 ст. 107 КоБС), а также на самого плательщика алиментов во всех случаях их уплаты, который должен уведомить судебного исполнителя об изменении места работы или жительства, а также о возникших у него дополнительных доходах в трехдневный срок со дня возникновения таких обстоятельств (ч. 2 ст. 107 КоБС).

Указанные в ст. 107 КоБС обязанности распространяются и на случаи взыскания алиментов по исполнительным листам, выданным на основании Брачного договора или Соглашения об уплате алиментов.

Пунктом 97 Инструкции по исполнительному производству, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 26 октября 2018 г. № 198, конкретизировано, «что при увольнении должника-гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, с работы или в случае, когда отпали основания для выплаты ему доходов, приравненных к заработной плате, наниматель в трехдневный срок обязан возвратить исполнительный документ взыскателю с отметкой, скрепленной подписью и печатью нанимателя, о произведенных удержаниях с указанием удержанной суммы, остатка задолженности, а также проинформировать об этом судебного исполнителя, направившего исполнительный документ» [3].

Невыполнение нанимателем или лицом, обязанным уплачивать алименты, установленных ст. 107 КоБС обязанностей, влечет администра-

тивную ответственность в виде штрафа в размере до 40 базовых величин (ч. 3 ст. 24.10 КоАП).

Статья 108 КоБС устанавливает обязанность нанимателей обеспечивать сохранность заявлений об удержании алиментов, об изменении их размера или о прекращении взыскания алиментов, являющихся основаниями для осуществления или прекращения алиментных платежей или изменения их размера. Соответствующие заявления должны храниться в порядке, установленном для хранения исполнительных документов. Безусловно, такая обязанность распространяется и на организации, выплачивающие пенсии, пособия, стипендии и осуществляющие другие выплаты.

Порядок хранения исполнительных документов определен Инструкцией по исполнительному производству, согласно которой «полученные юридическими лицами исполнительные документы для взыскания алиментов, расходов по содержанию детей регистрируются не позднее следующего дня их поступления, передаются в бухгалтерию (расчетный отдел) под расписку ответственному лицу. Бухгалтерия (расчетный отдел) регистрирует исполнительные документы в специальном журнале или картотеке и в трехдневный срок извещает судебного исполнителя о поступлении исполнительного документа путем направления обратного уведомления. При неизвестности адреса лица, в пользу которого взыскиваются алименты, удержанные суммы переводятся на депозитный счет суда» [3].

Должностные лица, виновные в утрате заявления об удержании алиментов, несут административную ответственность в виде штрафа в размере от 10 до 30 базовых величин (ст. 23.37 КоАП).

Согласно ст. 114 КоБС порядок уплаты алиментов лицами, выезжающими на постоянное место жительства в иностранное государство, определяется актами законодательства Республики Беларусь о порядке выезда из Республики Беларусь и международными договорами Республики Беларусь.

Порядок выезда из Республики Беларусь на постоянное место жительства в иностранное государство определяется Законом Республики Беларусь от 20 сентября 2009 г. № 231-З «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь» (далее – Закон № 231-З) [4].

В соответствии со ст. 20 Закона № 231-З «граждане, заявившие о своем желании постоянно проживать за пределами Республики Беларусь, до оформления постоянного проживания за пределами Республики Беларусь обязаны в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь, исполнить алиментные обязательства в отношении

физических лиц, на которых распространяется юрисдикция Республики Беларусь, либо урегулировать свои отношения с указанными лицами» [4].

Согласно п. 11.3 Перечня административных процедур среди документов, которые гражданам необходимо представить в подразделение по гражданству и миграции органа внутренних дел для получения паспорта для постоянного проживания за пределами Республики Беларусь, указано «письменное согласие лиц, находящихся на содержании заявителя, либо законного представителя несовершеннолетнего ребенка заявителя на выезд заявителя из Республики Беларусь на постоянное проживание за пределами Республики Беларусь, засвидетельствованное нотариально либо должностным лицом подразделения по гражданству и миграции органа внутренних дел – в случае наличия указанных лиц, на которых распространяется юрисдикция Республики Беларусь (при отсутствии такого согласия – копия решения суда о возможности выезда заявителя из Республики Беларусь на постоянное проживание за пределами Республики Беларусь без согласия указанных лиц)» [5]. Аналогичное требование предусмотрено п. 11.4 Перечня административных процедур для оформления постоянного проживания за пределами Республики Беларусь гражданину Республики Беларусь, выехавшему из Республики Беларусь для временного пребывания за пределами Республики Беларусь.

Таким образом, лица, обязанные уплачивать алименты, могут получить документы для постоянного проживания за пределами Республики Беларусь лишь в случае получения на это письменного согласия взыскателей алиментов либо вынесения судом решения о возможности выезда заявителя на постоянное проживание за пределами Республики Беларусь при отсутствии согласия взыскателей алиментов.

Несомненно, наилучший способ исполнения алиментных обязательств в данном случае – заключить с взыскателем алиментов Соглашение об уплате алиментов, в котором предусмотреть уплату алиментов одновременно путем внесения твердой денежной суммы или предоставления имущества. Выполнение условий такого соглашения позволит получить письменное согласие или решение суда, необходимое для выезда на постоянное место жительства в иностранное государство [6].

Порядок исполнения алиментных обязательств в случае выезда граждан на постоянное место жительства в иностранные государства определяется многосторонними и двусторонними международными договорами Республики Беларусь.

В частности, в случаях выезда гражданина Республики Беларусь на постоянное место жительства в страну – участницу СНГ, алиментные

обязательства могут продолжаться в силу Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. В отношении исполнения решений судов государств, которые не являются членами СНГ, следует учитывать нормы Конвенции о взыскании за границей алиментов (принята в рамках ООН 20 июня 1956 г.).

Правила о принудительном исполнении решений судов Республики Беларусь предусматриваются в двусторонних международных договорах о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенных Республикой Беларусь с Республикой Польша, Латвийской Республикой, Литовской Республикой, Китайской Народной Республикой, Социалистической Республикой Вьетнам, Исламской Республикой Иран, Республикой Болгария, Сирийской Арабской Республикой. Республикой Беларусь подтверждено правопреемство в отношении договоров о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам между СССР и Финляндией, Венгрией, Чехословакией, Республикой Куба [6].

Подводя итог вышеизложенному, сделаем следующие выводы:

добровольный порядок уплаты алиментов не исключает права взыскателя в любое время обратиться с заявлением о взыскании алиментов в суд. В случае судебного порядка уплаты алиментов судебный исполнитель направляет исполнительный документ юридическому лицу или гражданину, у которого должник работает либо получает заработную плату и другие приравненные к ней доходы, с предложением, в котором указываются размер и периодичность их удержания, а также задолженность по ним в твердой денежной сумме (если имеется). В организации данный исполнительный документ должен регистрироваться не позднее дня, следующего за днем поступления, и передаваться ответственному лицу бухгалтерии под расписку. Бухгалтерия также регистрирует данный документ в специальном журнале или картотеке и в трехдневный срок извещает судебного исполнителя о его поступлении, направив обратное уведомление. Следует отметить, что законодательством предусмотрена ответственность за утрату исполнительных документов, поэтому в организации должен быть установлен четкий порядок их хранения;

выезд за границу лиц, обязанных платить алименты, регулируется Законом Республики Беларусь от 23 июля 2019 г. № 231-3 «О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь». Согласно ст. 20 вышеназванного закона плательщик алиментов может выехать за рубеж при исполнении своих обязательств по уплате алиментов.

Список использованных источников

1. Гритченко, Е. Алгоритм юридических действий по удержанию алиментов из заработной платы работника / Е. Гритченко // Юрист. – 2014. – № 11. – С. 92–96.
2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : с изм. и доп. от 12 дек. 2019 г. № 276-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Об утверждении Инструкции по исполнительному производству и признанию утратившими силу некоторых постановлений Министерства юстиции Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва юстиции Респ. Беларусь, 7 апр. 2017 г., № 67 : с изм. и доп. от 26 окт. 2018 г. № 198 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. О порядке выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 сент. 2009 г., № 49-3 : с изм. и доп. от 23 июля 2019 г. № 231-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Об административных процедурах, осуществляемых государственными органами и иными организациями по заявлениям граждан [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 апр. 2010 г., № 200 : с изм. и доп. от 30 дек. 2019 г. № 492 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Рагойша, П.В. Постатейный комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-3 [Электронный ресурс] / П.В. Рагойша // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 34

П.И. Шевчик, А.Н. Меркуль,

курсанты следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *С.В. Кузьменкова*

Рецензент – кандидат юридических наук *И.Г. Мухин*

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В данной статье рассмотрены и проанализированы важность и актуальность обеспечения информационной безопасности подразделений органов внутренних дел, а также предложены варианты по совершенствованию и развитию обеспечения информационной безопасности подразделений органов внутренних дел.

Эффективное управление различными социальными организациями и системами немыслимо без использования информации. Такая ситуация предопределяется тем, что управление в своей сущности есть подготовка, принятие и осуществление цепи последовательных решений управляющей системой на основе информации, отражающей состояние управляемого объекта и окружающей среды, а также степень исполнения (или невыполнения) принятых управленческих решений.

Огромная роль в противодействии угрозам криминогенного характера принадлежит органам внутренних дел (ОВД), выполняющим целый комплекс задач, жизненно важных для каждого гражданина, общества и государства в целом.

Вопросы обеспечения информационной безопасности в настоящее время становятся все более и более актуальными, затрагивая интересы широкого круга субъектов.

При написании данной статьи были использованы нормативные материалы, учебные пособия, которые наиболее широко освещают характер избранной темы.

Эффективность борьбы с преступностью определяется уровнем организации оперативной, профилактической работы, проводимой органами внутренних дел. В свою очередь, результаты этой работы зависят от качества информационной поддержки, поскольку основные усилия практических работников в расследовании, раскрытии и предотвращении преступлений так или иначе связаны с получением необходимой информации. Именно эти функции и призвана обеспечить система информационного обеспечения ОВД, которая поддерживает в настоящее время значительный объем информации.

Вместе с тем широкое внедрение и применение в ОВД новых информационных технологий приводит к увеличению числа угроз и различных каналов утечки информации, что, в свою очередь, существенно влияет на оперативность и конфиденциальность их работы.

В связи с этим особую важность и актуальность приобретают вопросы обеспечения информационной безопасности подразделений ОВД. От того, насколько грамотно и комплексно организована защита информации в подразделениях ОВД, зависит качество, эффективность, оперативность и, наконец, безопасность осуществления ими своих функций по защите прав, свобод и интересов граждан от сил и проявлений криминального характера [1, с. 4].

Очевидно, что особое значение приобретает информационная безопасность в связи с проникновением технических средств обработки и передачи данных практически во все сферы человеческой деятельности [2, с. 67]. Трактовка существует, однако единого подхода в настоящее

время не определено. В соответствии с Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1, информационная безопасность – состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере [3].

Информационная безопасность государства предполагает такое состояние, при котором обеспечивается сохранность информационных ресурсов государства и защищенность законных прав личности и общества в информационной сфере [4, с. 121].

В науке информационного права существуют различные взгляды на определение понятия «информационная безопасность». Раскрытие информационной безопасности в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь имеет существенное значение. Данное понятие является первичным и основным для определения компетенции государственных органов по обеспечению информационной безопасности, а также установлению государственной политики в информационной сфере.

Следует отметить, что интересы личности, общества и государства должны быть уравновешены и дополнять друг друга.

К основным объектам информационной безопасности следует отнести личность (ее права и свободы), общество (его материальные и духовные ценности) и государство (его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность).

Субъектами обеспечения безопасности могут выступать государство (осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной власти), юридические лица, а также граждане (обладающие в соответствии с законодательством правами и обязанностями по участию в обеспечении безопасности государства), причем главную роль при этом играет государство, которое в соответствии с действующим законодательством должно обеспечивать безопасность каждого гражданина и юридического лица, их социальную и правовую защиту [5, с. 72].

Обеспечение информационной безопасности в рамках системы подразделений ОВД представляет собой организационное объединение сил и средств, механизмов, способов и методов, функционирующих под контролем жесткого соблюдения действующих нормативных правовых актов в области защиты информации. При этом проблема обеспечения информационной безопасности теснейшим образом связана не только с решением научно-технических задач, но и с вопросами правового регулирования отношений информатизации, развитием законодательной

базы. В связи с этим можно сделать вывод о том, что защита информации – комплекс правовых, организационных и инженерно-технических мер (мероприятий), направленных на предотвращение утечки охраняемой информации, несанкционированного доступа к ней.

Подразделения ОВД в процессе своей деятельности обрабатывают большие объемы служебной и оперативной информации, а также персональные данные и сведения, составляющие государственную тайну. Обеспечение информационной безопасности – одна из актуальнейших проблем.

Целью обеспечения информационной безопасности подразделений ОВД является достижение необходимого уровня защиты от специальных программно-технических воздействий, технических средств разведки, несанкционированного доступа, а также от утечки информации по техническим каналам.

Система обеспечения информационной безопасности подразделений ОВД предназначена для реализации государственной политики в данной сфере.

Полагаем, что основными функциями системы обеспечения информационной безопасности являются дальнейшая разработка нормативной правовой базы в области обеспечения информационной безопасности Республики Беларусь; создание условий для реализации прав граждан и общественных объединений на разрешенную законом деятельность в информационной сфере; определение и поддержание баланса между потребностью граждан, общества и государства в свободном обмене информацией и необходимыми ограничениями на распространение информации; развитие отечественной информационной инфраструктуры; организация фундаментальных и прикладных научных исследований в области обеспечения информационной безопасности подразделений ОВД.

Система обеспечения информационной безопасности является частью системы обеспечения национальной безопасности страны. Она строится на основе разграничения полномочий органов законодательной, исполнительной и судебной власти в данной сфере [1, с. 21].

По нашему мнению, основными задачами обеспечения информационной безопасности подразделений ОВД являются реализация комплекса организационных и технических мероприятий, направленных на обеспечение защиты информации, информационных систем от утечки, хищения, несанкционированного доступа, уничтожения, модификации, подделки, блокирования; совершенствование системы мониторинга состояния информационной безопасности подразделений ОВД.

Для достижения требуемого уровня защиты информации подразделений ОВД в планируемый период необходимо создать эффективную

систему информационной безопасности на основе использования административных, технических, аппаратно-программных средств.

Выполнять поставленные задачи, по нашему мнению, можно только четко зная угрозы безопасности информации, владея средствами их предотвращения, нейтрализации и снижения ущерба от их осуществления. Для подразделений ОВД характерны угрозы информации криминального характера: несанкционированный доступ (во всех проявлениях), вредоносные программы, съем информации с различных каналов передачи информации, хищение носителей информации и др. [6, с. 69–72]. Есть и естественные угрозы (стихийные бедствия и иные чрезвычайные ситуации), и внутренние (отказы техники, ошибки и халатность сотрудников, разглашение и утечка информации).

Важными условиями обеспечения безопасности являются законность, достаточность, профессионализм представителей службы безопасности, подготовка пользователей и соблюдение ими всех установленных правил сохранения конфиденциальности. С позиций системного подхода для реализации приведенных принципов процесс, да и сама система защиты информации должны отвечать некоторой совокупности требований. Защита информации, по нашему мнению, должна быть:

централизованной – процесс управления всегда централизован, в то время как структура системы, реализующей этот процесс, должна соответствовать структуре защищаемого объекта;

плановой – планирование осуществляется для организации взаимодействия всех подразделений объекта в интересах реализации принятой политики безопасности; каждая служба, отдел, направление разрабатывают детальные планы защиты информации в сфере своей компетенции с учетом общей цели организации;

конкретной и целенаправленной – защите подлежат абсолютно конкретные информационные ресурсы, которые могут представлять интерес для конкурентов;

надежной и универсальной, т. е. охватывать весь технологический комплекс информационной деятельности;

нестандартной (по сравнению с другими организациями), разнообразной по используемым средствам;

открытой для изменения и дополнения мер обеспечения безопасности информации.

Для обеспечения безопасности государственным органам и организациям следует проводить более тщательные проверки кандидатов на должности. В Российской Федерации, например, практика проверки кандидата на должность и членов его семьи реализуется в соответствии с приказом МВД России от 19 мая 2009 г. № 386 «О порядке отбора

граждан на службу (работу) в органы внутренних дел Российской Федерации», в соответствии с которым в отношении проверяемого лица и его семьи проводятся четыре вида проверок, в процессе которых выясняются мотивы поступления на службу, наличие опыта работы по специальности, сведения о привлечении его к административной, уголовной ответственности, а также другие сведения, необходимые для принятия решения о проведении проверки гражданина для приема на службу в ОВД [7]. В связи с чем считаем, что перенятие такого эффективного опыта Союзного государства в виде более тщательной проверки кандидатов на должность положительно скажется на обеспечении безопасности ОВД.

Исходя из вышеизложенного можем сделать выводы о том, что в настоящее время одной из глобальных проблем общества является проблема обеспечения информационной безопасности. Особую значимость она приобретает в деятельности органов, имеющих непосредственное отношение к задачам обеспечения защиты государства от угроз внешнего и внутреннего характера. Важное место в этой проблеме занимают подразделения ОВД, обеспечение информационной безопасности которых осуществляется в соответствии с государственной политикой в данной области, которая включает в себя формирование, совершенствование и реализацию организационных, правовых, научно-технических, правоохранных, экономических мер обеспечения национальной безопасности в информационной сфере и, в свою очередь, именно через развитие этой сферы главным образом обеспечивается и ее безопасность.

Список использованных источников

1. Баранов, С.А. Основы информационной безопасности : учеб. пособие / сост. С.А. Баранов [и др.]. – Иркутск : ВСИ МВД России, 2015. – 100 с.
2. Теоретические и прикладные проблемы информационной безопасности : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 21 июня 2012 г.) / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 331 с.
3. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Веруш, А.И. Национальная безопасность Республики Беларусь : курс лекций / А.И. Веруш. – Минск : Амалфея, 2012. – 204 с.
5. Лазовский, С.В. Понятие информационной безопасности государства и ее место в правовой системе Республики Беларусь / С.В. Лазовский // Юрид. журн. – 2008. – № 3. – С. 70–73.

6. Флоря, Д.Ф. Средства обнаружения организованного противодействия расследованию / Д.Ф. Флоря // Юрид. наука и правоохран. практика. – 2010. – № 1. – С. 69–73.

7. О некоторых вопросах поступления граждан Российской Федерации на службу в органы внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ М-ва внутр. дел Рос. Федерации, 18 июля 2014 г., № 595 // Консультант-Плюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.

УДК 342.9

В.В. Шугов, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.С. Кривонощенко*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *В.В. Коляго*

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕТОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ ГРАЖДАН И ГАРАНТИЙ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

В статье подвергаются анализу методы деятельности органов внутренних дел, реализуемые ими в рамках обеспечения административно-правового статуса граждан. Подвергается анализу порядок обеспечения административно-правовых гарантий граждан в рамках административного процесса. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства в части предоставления гражданам права на информирование близких родственников и заинтересованных лиц в случае их задержания и в связи с участием в административном процессе.

Органы внутренних дел являются основополагающим органом государственного управления, обеспечивающим административно-правовой статус граждан, в связи с этим от качества правовой регламентации и эффективности применения органами внутренних дел методов своей деятельности, а также реализации ими гарантий прав и свобод граждан, напрямую зависит уровень защищенности прав, свобод и законных интересов личности. В связи с этим представляется важным рассмотреть некоторые аспекты реализации органами внутренних дел методов своей деятельности по обеспечению административно-правового статуса граждан.

Метод управления можно определить, как совокупность способов и средств воздействия, применяемых органами внутренних дел в целях практической реализации возложенных на них задач и функций [1, с. 36].

Основными и наиболее применяемыми методами в административной деятельности органов внутренних дел по праву признаются убеждение и принуждение, причем они могут применяться как в чистом виде, так и в рамках одной формы в различных соотношениях. Это так называемые общие методы, на основе которых формируются более узконаправленные методы административной деятельности органов внутренних дел.

Убеждение является средством выработки сознательного и добровольного использования правовых предписаний, предметом и способом воздействия на сознание и поведение личности. Его основными целями является:

формирование правового сознания граждан, их убежденности в целесообразности выполнения правовых предписаний;

воспитание внутренней потребности и привычки соблюдать закон;

воздействие на правонарушителей;

профилактика правонарушений.

Часто метод убеждения принимает одну из форм:

воспитательно-профилактическая работа;

правовое просвещение граждан;

индивидуальная профилактика правонарушений;

обучение общественных формирований приемам и навыкам борьбы с правонарушениями;

информирование государственных органов, общественных организаций о состоянии охраны общественного порядка, причинах и условиях, способствующих правонарушениям;

популяризация и поощрение граждан, активно участвующих в охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

Общепризнанно, что в современном демократическом обществе основным методом управления является убеждение. Эффективность и социальная значимость данного метода заключается в том, что «во-первых, оно используется систематически, можно сказать, круглосуточно и в отношении всех граждан. Во-вторых, оно обеспечивает добровольное выполнение норм, команд, а, в конечном счете, воспитывает убежденность, привычку законопослушания» [2, с. 447]. Метод убеждения проявляется в воспитании, поощрении, стимулировании деятельности управляемых субъектов с целью формирования в их сознании направленности на должное поведение, отвечающее целям управления.

В деятельности органов внутренних дел убеждение может реализовываться в таких формах, как воспитание законопослушного поведения участников данной сферы правоотношений путем разъяснения норм законодательства, пропаганды и агитации необходимости правомерного

поведения, информирование населения о состоянии преступности, поощрение участия в деятельности по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, развитие системы образования и воспитания в рамках формирования правовой культуры населения и др.

Таким образом, сущность метода убеждения в деятельности органов внутренних дел состоит в создании условий и предпосылок для формирования у участников правоотношений, складывающихся в данной области, устойчивого мировоззрения, основанного на убежденности в необходимости правомерного поведения.

Вместе с тем эффективное осуществление государственного управления невозможно без применения государственного принуждения. Как отмечает Л.Л. Попов, «при воздействии на сознание людей путем убеждения у личности создаются внутренние моральные стимулы, потребность правомерного поведения, принуждение же заставляет гражданина изменить свое поведение в удобную для общества сторону, поскольку оно связано с ограничением некоторых прав и интересов лиц, совершивших противоправные поступки, а также обеспечивает предупреждение правонарушений со стороны других граждан» [3, с. 283–284]. Если убеждение признается основным, первичным методом управления, то принуждение применяется как вспомогательный метод, «используемый тогда, когда средства убеждения оказываются нерезультативными, т. е. когда нарушаются требования правил, действующих в сфере государственного управления» [4, с. 158].

Однако, по справедливому мнению Ю.А. Дмитриева, И.А. Полянского и Е.В. Трофимова, именно принуждение является центральным методом государственного управления, сообщаям свойство императивности методу правового регулирования административного права. Ученые указывают, что на принуждении основано построение и функционирование всего государственного организма, а его наиболее ярким проявлением является административная ответственность как негативное последствие неправомерных действий, нарушающих властные предписания административного законодательства и субъектов государственного управления [5, с. 269].

Административное принуждение – применение в сфере государственного управления органами государства и их должностными лицами предусмотренных административно-правовыми нормами мер, направленных на неукоснительное выполнение гражданами и должностными лицами юридических обязанностей, в целях предупреждения и прекращения противоправных действий, привлечения к ответственности за правонарушения.

Указанный метод носит административно-правовой характер и должен применяться в установленном порядке в соответствии с требова-

ниями закона, может выражаться в психическом, физическом и материальном воздействии на сознание и поведение личности.

Психическое принуждение воздействует на волю, разум, эмоции, т. е. на психику личности, формирует ее волю. Склоняет к требуемому общественному поведению путем угрозы применения насилия или каких-либо других мер воздействия, могущих повлечь невыгодные последствия для личности. К психическому принуждению относятся официальное предупреждение сотрудником гражданина, нарушающего общественный порядок, о недопустимости антиобщественного поведения; официальное требование сотрудника о прекращении противоправного поведения.

Материальное принуждение воздействует на поведение личности через принадлежащие ей денежные средства и имущество. Оно выражается в определенных ограничениях владения и пользования имуществом, лишении некоторых материальных благ, имеющих в распоряжении их владельца, и др.

Физическое принуждение включает в себя меры, которые непосредственно воздействуют на личность, ограничивая ее свободу действий, пресекая противоправное поведение. Посредством этих мер вопреки воле личности уполномоченный сотрудник органов внутренних дел совершает действия, направленные на достижение целей административной деятельности. К физическому воздействию относятся применение специальных средств, боевых приемов, задержание лица, совершившего административное правонарушение.

В соответствии с мнением специалистов в области административного принуждения, исходя из целей применения, способов охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, специфики возникающих при этом правоотношений и особенностей применяемых мер административного принуждения можно выделить четыре группы мер:

- меры административного предупреждения (административно-предупредительные меры);
- меры административного пресечения;
- меры обеспечения административного процесса;
- меры административной ответственности (административные взыскания) [6, с. 87].

Таким образом, в рамках своей деятельности по обеспечению административно-правового статуса граждан органы внутренних дел реализуют меры убеждения и принуждения в их комплексе, причем, несмотря на бесспорность первичности метода убеждения, именно принуждение выступает в качестве центрального средства достижения стоящих перед органами внутренних дел задач.

В этой связи в механизме административно-правового регулирования данной сферы правоотношений необходимо добиться разумного сочетания, баланса частных и публичных интересов. Как справедливо отмечает А.В. Малько, «для повышения эффективности правового регулирования необходимо сочетание стимулирования и торможения. В связи с этим основные усилия в правовом регулировании необходимо направить на упорядочение связей «интересы – ценности», поскольку главными для человека являются его собственные интересы» [7, с. 61].

На этом основании в рамках исследования проблем деятельности органов внутренних дел по обеспечению административно-правовых гарантий прав граждан представляется важным обратить внимание на реализацию такой важной административно-правовой гарантии как право гражданина на телефонный звонок своим родственникам или иным лицам в случае его задержания. Данная мера является общепринятой в практике большинства развитых стран, так как выступает в качестве существенного средства защиты прав и свобод. Однако в рамках административного процесса, осуществляемого в соответствии с законодательством Республики Беларусь, такое право задерживаемому гражданину не предоставляется. Во-первых, это лишает возможности гражданина уведомить родственников о задержании, во-вторых, препятствует реализации его права на самостоятельную защиту.

В соответствии с ч. 2 ст. 2.8 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь (ПИКоАП) орган, ведущий административный процесс, обязан принять все меры к тому, чтобы физическое лицо, в отношении которого ведется административный процесс, имело фактическую возможность использовать все установленные данным кодексом средства и способы для своей защиты. Однако законодательство не устанавливает, какие именно меры должны приниматься, из чего не следует, что должностные лица органа, ведущего административный процесс, должны сами по просьбе задержанного уведомить указанных им лиц о его задержании.

Введение в перечень гарантий прав и свобод граждан, в отношении которых ведется административный процесс, права на самостоятельный телефонный звонок позволит им самостоятельно реализовать свое право на защиту путем уведомления о факте задержания защитника либо представителя.

Кроме того, требует четкой правовой регламентации и порядок предоставления такого права органом, ведущим административный процесс, способы, формы, средства реализации задержанным права на звонок,

процессуальное оформление данного факта в протоколе задержания, ответственность должностных лиц за обеспечение данной гарантии.

Думается, что данное право должно предоставляться задержанному гражданину незамедлительно после составления протокола о задержании, о чем должна делаться отметка в соответствующей графе указанного протокола.

Таким образом, предлагаем п. 3 ст. 8.2 ПиКоАП дополнить абзацем следующего содержания «При задержании физического лица за совершение административного правонарушения, сотрудник органов внутренних дел, осуществивший задержание, обязан предоставить указанному лицу возможность уведомить либо лично уведомить о месте его нахождения совершеннолетних членов его семьи, близких родственников, защитника, представителя, нанимателя, с которым задержанный состоит в трудовых отношениях, администрацию учреждения образования, учащимся которого он является либо иных лиц по усмотрению задержанного. Уведомление осуществляется непосредственно после составления протокола об административном задержании, о чем делается отметка в соответствующей графе указанного протокола».

Представляется, что реализация данных предложений будет способствовать совершенствованию правовой регламентации административной деятельности органов внутренних дел Республики Беларусь по обеспечению прав и свобод граждан, а также повлечет повышение уровня гарантированности правового статуса личности в рамках административного процесса.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что административно-правовые средства охраны и защиты прав и свобод граждан в сфере внутренних дел могут быть подразделены на две большие группы: стимулирующие средства административно-правового характера; административно-правовые средства принудительного характера. Полагаем, было бы вполне оправданно развивать в дальнейшем систему поощрительных норм административного права, потенциал которых можно использовать в самых разных сферах государственного управления, поскольку они могут весьма эффективно воздействовать на волю и сознание людей. Вместе с тем совершенствованию правового регулирования должны подвергаться и административно-правовые гарантии прав граждан, реализуемые органами внутренних дел в рамках применения мер принуждения. Данный процесс должен происходить в векторе повышения уровня гарантированности административно-правового статуса личности на основе содействия со стороны органов внутренних дел гражданам в реализации ими своих прав.

Список использованных источников

1. Постникова, А.А. Административная деятельность органов внутренних дел / А.А. Постникова, И.Л. Федчук. – Минск : Академия МВД, 2016. – Ч. 1. – 454 с.
2. Бахрах, Д.Н. Административное право : учеб. для вузов / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма, 2008. – 816 с.
3. Административное право : учеб. для вузов / Ю.М. Козлов, Д.М. Овсянко, Л.Л. Попов ; под ред. Л.Л. Попова ; Моск. гос. юрид. акад. – М. : Юристъ, 2002. – 697 с.
4. Козлов, Ю.М. Административное право : учебник / Ю.М. Козлов. – 2-е изд., перераб. и доп. / Ю.М. Козлов. – М. : Юристъ, 2003. – 318 с.
5. Дмитриев, Ю.А. Административное право : учебник для юрид. вузов / Ю.А. Дмитриев, И.А. Полянский, Е.В. Трофимов. – М. : Эксмо, 2009. – 927 с.
6. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел : учеб. для студентов вузов / под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева. – М., 2009. – 496 с.
7. Малько, А.В. Эффективность правового регулирования / А.В. Малько // Правоведение. – 1990. – № 6. – С. 61–67.

УДК 343.8

Д.А. Якунина, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – *С.Л. Гайкович*

Рецензент – кандидат юридических наук, доцент *Н.В. Кийко*

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В данной статье анализируются основные положения нормативных правовых актов Республики Беларусь, применительно к правовой регламентации получения образования осужденными к лишению свободы. Раскрывается содержание дефиниции «образование осужденных к лишению свободы» с последующим его анализом и раскрытием особенностей. Наряду с вышеперечисленным выявлен ряд направлений, требующих развития, в целях оптимизации процесса получения образования осужденными к наказанию в виде лишения свободы. Намечены пути решения указанных проблем.

Право на образование является одним из основных прав человека. Оно способствует духовному и интеллектуальному развитию личности, ее социализации и самореализации. Право на образование провозглашается в ст. 49 Конституции Республики Беларусь, которая гарантиру-

ет доступность и бесплатность общего среднего и профессионально-технического образования, доступность среднего специального и высшего образования в соответствии со способностями каждого [1]. Государственные гарантии обеспечения прав всех граждан на получение образования также закреплены в ст. 3 Кодекса Республики Беларусь об образовании. Статья 2 данного кодекса провозглашает обеспечение равного доступа к получению образования в качестве одного из принципов государственной политики [2]. Вышеперечисленное означает, что каждый гражданин нашей страны имеет право на получение образования любого уровня в соответствии со своими возможностями и способностями.

Образование осужденных, как мера воспитательного воздействия, наряду с режимом и общественно полезными работами является одним из основных средств исправления лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Для осужденных к лишению свободы реализация данного права имеет большое значение, поскольку получение ими образования в соответствии с ч. 3 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК) является одним из основных средств предупреждения преступлений, факторов, способствующих социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных [3].

Ранее организацию получения образования осужденных к лишению свободы регулировало постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Министерства образования Республики Беларусь от 8 сентября 2005 г. № 276/77, утвердившее Инструкцию об организации общеобразовательного обучения осужденных в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы МВД Республики Беларусь, однако в связи с принятием Кодекса Республики Беларусь об образовании данное постановление утратило свою силу. В настоящий момент получение осужденными образования регулируется нормами УИК, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Кодексом Республики Беларусь об образовании.

В уголовно-исполнительной системе Республики Беларусь организации получения образования осужденными к лишению свободы, прежде всего профессионально-технического, уделяется большое внимание. Тем не менее только лишь профессионально-техническое образование не способно в полной мере обеспечить применение образования как средства достижения целей уголовной ответственности, так как не способно охватить всех осужденных к лишению свободы. В связи с этим актуальными остаются проблемы правового обеспечения доступности образования на всех уровнях, непрерывности и преемственности образования в местах лишения свободы, привлечения осужденных к получению образования, повышения эффективности управления образованием осужденных.

Правовое и организационное обеспечение образования в местах лишения свободы во многом зависит от того, как мы определяем понятие образования осужденных к лишению свободы. Это понятие имеет свои отличительные черты, поскольку осужденные к лишению свободы имеют особый правовой статус, отличающийся от правового статуса других граждан государства.

Сущность получения образования осужденными к лишению свободы наиболее полно отражена в определении, данном Т.М. Катцовой: «Образование осужденных к лишению свободы – это обучение и воспитание лиц, находящихся в местах лишения свободы, организованные с учетом специфики функционирования исправительного учреждения и направленные на усвоение знаний, умений, навыков, формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающихся, их исправление, последующую социальную адаптацию и социальную реабилитацию, а также предупреждение преступлений» [4, л. 35].

Таким образом, проанализировав данное определение, можно выделить ряд особенностей, присущих образованию осужденных, таких как тесная взаимосвязь с механизмом исправительного воздействия, установленным порядком исполнения и отбывания наказания (режимом), воспитательной работой, общественно полезным трудом и общественным воздействием.

Наряду с перечисленными особенностями получения образования осужденными существует ряд проблем, требующих разрешения.

Во-первых, в Республике Беларусь в недостаточной степени организовано получение образования осужденными на всех уровнях. Ни в одном исправительном учреждении государства не созданы необходимые условия для того, чтобы каждый мог получить желаемый уровень образования, что противоречит нормам Кодекса Республики Беларусь об образовании. Отсутствует также комплексный подход к получению образования (например, наличие возможности получения наряду с базовым образованием, средне-специального и высшего образования). В Республике Беларусь получение базового образования организовано лишь в двух исправительных учреждениях в ИК № 4 г. Гомеля и ВК № 2 г. Бобруйска. Такое количество учреждений является недостаточным для удовлетворения потребностей осужденных в получении ими базового образования, а в последующем – профессионально-технического. Кроме того, немаловажное значение имеет регулирование получения среднего специального и высшего образования. В современном обществе получение высшего образования открывает множество возможностей и путей для раскрытия человеком своего потенциала, социальной самореализации. На данный момент получение высшего образования возможно в дистанционной форме в четырех исправительных учрежде-

ниях республики, что является недостаточным для получения образования всеми осужденными, заинтересованными в обучении.

Помимо этого, нормами законодательства Республики Беларусь не предусмотрено обязательное получение осужденными к лишению свободы наряду с базовым средне-специального, профессионально-технического образования. В соответствии с чем никто не может принудить осужденных к получению вышеуказанных видов образования. Это порождает проблему в сфере обеспечения занятости осужденных, обязательного привлечения к труду (необходимость подбора работы в соответствии с навыками осужденных). Для устранения данного пробела в законодательстве необходимо внести в УИК ряд норм, которые будут способствовать урегулированию и регламентации сферы обеспечения занятости осужденных к лишению свободы.

Следует отметить, что существенной проблемой в сфере получения образования осужденными является нежелание определенной категорией лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, получать образование. Осужденных можно условно подразделить на четыре самостоятельные группы: актив, резерв, пассив и осужденные с отрицательной направленностью. Если с первыми двумя группами проблем в отношении получения образования почти не возникает, то последние две отличаются высокой степенью негативного отношения к порядку отбывания наказания, в том числе и к получению образования. В большинстве случаев это объясняется тем, что они привыкли к жизни в асоциальной, криминальной среде и не желают исправляться. Для устранения данной проблемы необходимо разработать комплексную систему мер по стимулированию осужденных к правопослушному образу жизни, по формированию мотивационных побуждений. Полагаем, что мотивировать осужденных к обучению можно посредством внесения изменений в УИК, создающих благоприятные условия для осужденных, получающих образование и стимулирующих их стремление к обучению.

Целесообразно подчеркнуть, что требования, предъявляемые к педагогам, обучающих лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, должны существенно отличаться от требований к специалистам, обучающим другие категории граждан. В практическом руководстве по эффективному применению международных тюремных правил подчеркивается, что в исправительных учреждениях «необходимо участие специалистов по коррективному образованию и обучению взрослых». Полагаем, педагогам, работающим с осужденными, необходимо не только иметь дополнительные знания в сфере пенитенциарной психологии, пенитенциарной педагогики, андрагогики, но и знать положения УИК, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, относящиеся к образованию осужденных к лишению свободы. Такие знания они могли

бы приобрести, например, в рамках повышения квалификации, на специально организованных подготовительных курсах, для чего нужна образовательная программа повышения квалификации педагогических работников, осуществляющих педагогическую деятельность в учреждениях образования, расположенных на территории исправительных учреждений, освоение которой было бы обязательным для таких служащих. Полагаем, в квалификационных требованиях к должностям служащих, занятых в образовании (учитель, мастер производственного обучения учреждения образования, педагог дополнительного образования и др.), необходимо учесть специфику образования осужденных к лишению свободы и внести соответствующие изменения в Единый квалификационный справочник должностей служащих (выпуск 28 «Должности служащих, занятых в образовании») [5], закрепив обязательное прохождение образовательной программы повышения квалификации для таких педагогических работников. Кроме педагогических работников субъектом образования осужденных к лишению свободы являются администрация и сотрудники исправительного учреждения, отвечающие за организацию исправительного процесса и осуществляющие деятельность по применению получения образования как средства достижения целей уголовной ответственности. Полагаем, что целесообразной является разработка образовательной программы повышения квалификации для сотрудников, задействованных в организации исправительного процесса, которая бы предполагала изучение международных правовых стандартов в сфере обеспечения права на образование, зарубежного опыта организации и осуществления получения образования в местах лишения свободы.

В свою очередь, немаловажной проблемой в процессе получения образования в местах лишения свободы является нехватка педагогических кадров, а также нежелание преподавателей работать со спецконтингентом. Стоит отметить, что оплата труда преподавателей осуществляется на низком уровне, а условия работы являются опасными и напряженными. Исходя из этого для решения данной проблемы необходимо проводить психологические тренинги с преподавателями, организовывать профилактические мероприятия, а также повысить уровень заработной платы.

Уместно обозначить также, что образовательные программы, методы и средства обучения осужденных к лишению свободы должны учитывать специфику обучающихся (например, методов обучения осужденных к лишению свободы старше 18 лет, не имеющих общего базового и общего среднего образования).

Актуальной проблемой получения осужденными образования является недостаточная материально-техническая учебная база исправительных учреждений. К данной проблеме можно отнести недостаточную оснащенность учебных помещений, отсутствие новой научной и

учебной литературы, а также нехватку оборудования для дистанционного получения высшего образования осужденными. Это связано, в первую очередь, с недостаточным финансированием указанной сферы.

Принимая во внимание тот факт, что свобода передвижения лиц, находящихся в местах лишения свободы, ограничена, не все формы получения образования, указанные в Кодексе Республики Беларусь об образовании (согласно ч. 1 ст. 17 данного кодекса «образование может быть получено в очной, заочной формах получения образования и в форме соискательства»), приемлемы для осужденных к лишению свободы. В связи с этим следует регламентировать формы получения образования осужденными к лишению свободы в соответствующих нормативных правовых актах.

Таким образом, для более перспективного развития института образования осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях Республики Беларусь, достижения его целей и качественной реализации задач необходим детальный пересмотр специфики особенностей получения образования в исправительных учреждениях, внесение новых конкретизирующих норм в УИК и в иные соответствующие нормативные правовые акты. Кроме того, стоит установить методы стимулирования осужденных к получению образования и создать необходимые условия для получения образования на всевозможных уровнях.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 62 с.
2. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г., № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Катцова, Т.М. Правовое и прикладное обеспечение образования осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.М. Катцова. – Минск, 2016. – 118 л.
5. Единый квалификационный справочник должностей служащих [Электронный ресурс] : [в 30 вып.] / М-во тр. и соц. защиты Респ. Беларусь. – Минск : Амалфея, 2014. – Вып. 28 : Должности служащих, занятых в образовании : утв. постановлением М-ва тр. и соц. защиты Респ. Беларусь, 28 апр. 2001 г., № 53 : в ред. постановления М-ва тр. и соц. защиты Респ. Беларусь от 31.10.2013 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

**Научно-практическая конференция
«Совершенствование уголовно-процессуального законодательства
Республики Беларусь и практики его применения»
(24 апреля 2019 г.)**

УДК 342.565.2

Н.И. Багулин, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *П.В. Мытник*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Конституционное судопроизводство в нашей стране прошло долгий путь. Идея создать специализированный орган конституционного надзора зародилась еще в советское время.

27 октября 1989 г. в Конституцию БССР 1978 г. были внесены изменения, целью которых было создание Комитета конституционного надзора. Однако в силу ряда обстоятельств они так и не были воплощены в реальность.

27 июля 1990 г. Верховный Совет Белорусской Советской Социалистической Республики принял Декларацию «О государственном суверенитете Республики Беларусь (БССР)», которая закрепляла верховенство Конституции, а также принцип разграничения властей на судебную, исполнительную и судебную.

В то же время на рассмотрение в парламент выносятся подготовленный проект Закона «О Комитете конституционного надзора», который был снят с рассмотрения в связи с поступившим предложением о необходимости проведения судебной реформы, а также разработки и принятия Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь».

23 апреля 1992 г. Верховным Советом Республики Беларусь была одобрена Концепция судебной реформы [1], согласно которой особое место в судебной системе Республики Беларусь отводилось Конституционному Суду Республики Беларусь, который был обязан

обеспечить соответствие законов и иных нормативных правовых актов Конституции Республики Беларусь и международным договорам Республики Беларусь.

Основные положения данной концепции практически без изменений были закреплены в Конституции Республики Беларусь, принятой 15 марта 1994 г. Изменению подвергся лишь вопрос о месте Конституционного Суда Республики Беларусь в системе органов государственной власти: в соответствии с Концепцией судебной реформы он относился к органам судебной власти, а в соответствии с Конституцией Республики Беларусь – к контрольно-надзорным органам.

Впоследствии для улучшения качества работы Конституционного Суда Республики Беларусь, а также для закрепления его задач, функций и полномочий 30 марта 1994 г. был принят Закон Республики Беларусь № 2914-ХІІ «О Конституционном Суде Республики Беларусь» [2].

В апреле 1994 г. в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и Законом Республики Беларусь «О Конституционном Суде Республики Беларусь» создан Конституционный Суд Республики Беларусь, призванный осуществлять контроль за конституционностью нормативных правовых актов в государстве.

Таким образом, Конституционный Суд в Республике Беларусь функционирует уже на протяжении 26 лет.

В настоящее время Конституционный Суд формируется в количестве 12 судей из высококвалифицированных специалистов в области права. Шесть судей назначаются Президентом Республики Беларусь, а шесть судей избираются Советом Республики Национального собрания. Конституционный Суд Республики Беларусь правомочен осуществлять свою деятельность при наличии восьми судей.

Судьи Конституционного Суда назначаются (избираются) на 11 лет и могут быть назначены (избраны) на новый срок. Предельный возраст пребывания в должности судьи Конституционного Суда – 70 лет.

Председатель Конституционного Суда назначается Президентом Республики Беларусь с согласия Совета Республики Национального собрания из числа судей Конституционного Суда сроком на пять лет. С момента образования Конституционный Суд возглавляли В.Г. Тихиня, Г.А. Василевич и П.П. Миклашевич (31 января 2018 г. назначен на третий срок).

Заместитель Председателя Конституционного Суда избирается Конституционным Судом из состава судей Конституционного Суда по представлению Председателя Конституционного Суда сроком на пять лет.

Предложения в Конституционный Суд Республики Беларусь о проверке конституционности акта вправе вносить:

Президент Республики Беларусь;

Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь;

Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь;

Верховный Суд Республики Беларусь;

Совет Министров Республики Беларусь [3].

Важным является тот момент, что напрямую ни граждане, ни индивидуальные предприниматели, ни юридические лица не могут обратиться в Конституционный Суд Республики Беларусь. Однако они вправе направить *инициативное обращение* в уполномоченный орган с инициативой о внесении в Конституционный Суд Республики Беларусь предложения о проверке конституционности нормативного правового акта, примененного в конкретном решении государственного органа или постановлении суда общей юрисдикции, в результате чего, по мнению гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, организации, нарушаются их права, свободы и законные интересы.

Стоит отметить, что данные инициативные обращения представляют лишь косвенный доступ к конституционному правосудию.

Статистика показывает, что за период 2014–2018 гг. уполномоченные государственные органы, наделенные правом внесения в Конституционный Суд Республики Беларусь предложений о проверке конституционности нормативных правовых актов, получили 376 инициативных обращений. Из них 362 обращения от граждан и 14 обращений от организаций, в их числе 78 обращений – в 2018 г. При этом лишь однажды в 2014 г. на основании инициативного обращения гражданина Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь внесла предложение о проверке отдельных положений УПК. В 2018 г. уполномоченные госорганы не направляли предложений в Конституционный Суд Республики Беларусь [4]. В этой связи представляет опыт Союзного государства – Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации состоит из девятнадцати судей, назначаемых на должность Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации правомочен осуществлять свою деятельность при наличии двух третей от общего числа судей.

Полномочия судей Конституционного Суда Российской Федерации не ограничиваются определенным сроком.

Предложения о кандидатах на должности судей Конституционного Суда Российской Федерации могут вноситься Президенту Российской Федерации членами (депутатами) Совета Федерации и депутатами Государственной Думы, а также законодательными (представительными)

органами субъектов Российской Федерации, высшими судебными органами и федеральными юридическими ведомствами, всероссийскими юридическими сообществами, юридическими научными и учебными заведениями.

Совет Федерации рассматривает вопрос о назначении на должность судьи Конституционного Суда Российской Федерации в срок не позднее четырнадцати дней с момента получения представления Президента Российской Федерации.

Каждый судья Конституционного Суда Российской Федерации назначается на должность в индивидуальном порядке тайным голосованием. Назначенным на должность судьи Конституционного Суда Российской Федерации считается лицо, получившее при голосовании большинство от общего числа членов Совета Федерации.

Сравнивая конституционное судопроизводство Республики Беларусь и Российской Федерации, стоит отметить, что в Республике Беларусь присутствует лишь один субъект конституционного контроля, в то время как в Российской Федерации наряду с Конституционным Судом Российской Федерации имеется еще шестнадцать органов конституционного контроля. Помимо главного Конституционного Суда, туда входят конституционные суды республик и областей, а также Уставный Суд Санкт-Петербурга.

В соответствии с Федеральным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» гражданин или объединение граждан вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод [5]. Такая жалоба признается допустимой, если законом, примененным или подлежащим применению в деле заявителя, затрагиваются его конституционные права и свободы.

В 2017 г. Конституционный Суд Российской Федерации после проверки конституционности норм различных нормативных правовых актов принял 40 постановлений по жалобам граждан.

Представляется, опыт Российской Федерации (в части возможности обращения граждан непосредственно в суд) следует позаимствовать. Возможно, и полномочия судьи Конституционного Суда Республики Беларусь не следует ограничивать определенным сроком.

Имеющаяся в Республике Беларусь конституционно-правовая база дает возможность дальнейшего развития конституционного контроля, продолжения активного поиска оптимального сочетания различных форм конституционного контроля, совершенствования конституционного судопроизводства и повышения его эффективности.

Список использованных источников

1. О Концепции судебной реформы [Электронный ресурс] : постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 23 апр. 1992 г., № 1611-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О Конституционном Суде Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 марта 1994 г., № 2914-ХП // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 29 июня 2006 г., № 139-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. № 132-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году : послание Конституц. Суда Респ. Беларусь, 14 марта 2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. О Конституционном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон Рос. Федерации, 21 июля 1994 г., № 1-ФКЗ : в ред. ФЗ от 29.07.2017 г. № 1-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2020.

УДК 343.1

Н.А. Демьянов, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Ю.С. Климович*

РЕФОРМИРОВАНИЕ ФУНКЦИИ МИЛИЦИИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В настоящее время деятельность милиции в уголовном процессе в своих основных чертах соответствует советской организации данного института власти. Вместе с тем существует проблема, связанная с взаимодействием органов милиции и следственных подразделений: первые страдают от значительного объема процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела, превратившейся, по мнению многих процессуалистов, в квази расследование. Обозначенная проблема может быть разрешена только за счет механического упразднения указанной стадии. Необходимо переосмыслить роль и функциональное предназначение полицейских органов в уголовном процессе, которые в силу исторических обстоятельств в Республике Беларусь приобрели название «милиция».

Как отмечает Л.В. Головкин, «реформаторам необходимо сначала концептуально унифицировать уголовно-полицейскую деятельность на институциональном, процессуальном и материально-правовом уровнях для того, чтобы затем иметь возможность на тех же уровнях технически дифференцировать эту деятельность» [1, с. 25]. Из этого следует, что реформа должна касаться трех уровней: институционального, процессуального и материально-правового как на концептуальном, так и на техническом направлении.

Взяв за ориентир предложенные автором векторы реформирования полиции, все изменения можно представить следующим образом. Во-первых, деятельность полиции весьма многогранна и охватывает широкую сферу общественных отношений, в которых реализуются ее функции. В связи с этим необходимо условно разграничить полицейские функции на административные и уголовные. Административные функции связаны с деятельностью полиции до совершения преступления (охрана общественного порядка, предупреждение, пресечение и т. п.), в то время как уголовная функция охватывает все те отношения, которые возникли после совершения преступления. Подлинная модернизация деятельности полиции возможна только в рамках уголовной полиции, а вместе с ней и досудебного производства в уголовном процессе.

Во-вторых, на институциональном уровне необходимо разграничить функции государственных органов, участвующих в уголовном процессе: полиции, прокуратуры и суда, что отражает теорию разделения властей. Уголовно-полицейская деятельность не должна быть связана с юридической оценкой деяния (в виде возбуждения уголовного дела, квалификации, вынесения постановлений о привлечении в качестве обвиняемого и т. п.), принятием решений о применении уголовно-процессуального принуждения, за исключением задержания. В уголовном процессе полиция должна сосредоточиться на регистрации заявлений и сообщений, задержании лиц, совершивших преступления, поиске доказательств, выполнении оперативно-розыскных мероприятий, а также проведении проверочных мероприятий по поручению прокурора и суда. В то же время прокурор в рамках уголовного процесса должен выступать в качестве «фильтра», принимающего решения о начале уголовного преследования и движении дела. Суд на досудебном производстве необходимо наделить правомочием принимать решения о применении мер процессуального принуждения и совершении иных действий, связанных с ограничением прав личности.

Говоря о полиции, нужно иметь в виду, что это не одно ведомство в лице МВД, но и иные государственные органы, выполняющие уголовно-полицейские функции, в том числе и Следственный комитет.

Особое внимание следует уделить такому участнику уголовного процесса, как следователь, обратившись к опыту зарубежных государств (Франции, Германии и др.). По мнению С.А. Шейфера, «целесообразно придать предварительному следствию характер предварительного судебного исследования и возложить эту функцию на судебного следователя, который в результате станет, как и в прежние времена, носителем следственно-судебной власти, в значительной мере отделенной от уголовного преследования» [2, с. 119]. В настоящий момент следователь как участник уголовного процесса не обладает процессуальной самостоятельностью, в отличие от руководителя следственного подразделения, что с точки зрения объективности собирания доказательств неприемлемо [3, с. 108].

На процессуальном уровне требуется осуществить объединение норм, регулирующих оперативно-розыскную деятельность, с Уголовно-процессуальным кодексом. Дело в том, что советская правовая доктрина создала искусственное разделение полицейской деятельности на «процессуальную» и «непроцессуальную», однако существенных оснований для выделения «непроцессуальной деятельности» в автономный закон нет. В странах романо-германской правовой семьи «оперативно-розыскная деятельность» давно входит в состав уголовно-процессуальных кодексов в виде отдельных глав под названием «специальные меры расследования» [1].

Помимо этого в настоящее время в УПК содержится искусственное разделение дознания и предварительного следствия, которым чаще всего занимаются органы, по своей природе осуществляющие одну и ту же уголовно-полицейскую деятельность, с едиными целями и процессуальными средствами. Единое полицейское дознание смогло бы охватить деятельность органов дознания, следователя и органов, осуществляющих ОРД, а также включить в себя широкий комплекс гласных и негласных мер по собиранию доказательств совершенного преступления.

На материально-правовом уровне в деятельности полиции существует процессуальный дуализм, который зависит от вида юридическое проступка: административное правонарушение или преступление. Данное явление наблюдается во многих зарубежных странах романо-германской правовой семьи, однако в большинстве случаев административные и уголовно-процессуальные нормы сведены в один кодифицированный акт. Наличие единой, или во всяком случае сходной, терминологии, мер принуждения, сроков и других положений общих частей ПИКсАП и УПК свидетельствуют о их единых началах. В связи с этим идея создания единого уголовного законодательства, способного унифицировать положения административного и уголовного законодательства, становится перспективным направлением.

Список использованных источников

1. Головкин, Л.В. Реформа полиции в контексте модернизации предварительного производства в российском уголовном процессе / Уголовная юстиция: связь времен : избр. материалы Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 6–8 окт. 2010 г. / сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – М. : ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. – С. 24–32.
2. Шейфер, С.А. Следственная власть: история и современность / Уголовная юстиция: связь времен : избр. материалы Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 6–8 окт. 2010 г. / сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – М. : ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. – С. 111–119.
3. Щадрин, В.С. Желаемое и действительное в досудебном производстве российского уголовного процесса / Уголовная юстиция: связь времен : избр. материалы Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 6–8 окт. 2010 г. / сост. А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – М. : ЗАО «Акцион-Медиа», 2012. – С. 106–110.

УДК 343.98

В.И. Каралёк, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Г.А. Павловец*

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Исторически возникновение и развитие правовой системы государства, включая институты обвинения и защиты, можно проследить, изучая историю любого народа в эпоху, когда от бесклассового родового строя он шел к первому классовому расслоению. Это выражается в таких памятниках права, как законы Хаммурапи, законы Ману, законы 12 таблиц. Например, право стран Древнего Востока открыто закрепляло социальное неравенство, которое являлось показателем правовой незащищенности низших слоев населения [1, с. 33]. В Римской империи, которая считается страной зарождения адвокатуры, первоначальное судебное представительство было выражением аристократического устройства государства: богатые и знатные патроны оказывали судебную помощь подвластным им клиентам [2, с. 216]. Только дальнейшее историческое развитие привело к падению этой монополии на судебную защиту, и в республиканском Риме развилась адвокатская деятельность как свободная профессия, доступная каждому гражданину. Становление института защиты в условиях существования ранних правовых форм регулирования общественных отношений происходило на фоне норматив-

ного закрепления неравенства между социальными слоями населения. Так, при рабовладельческом строе важнейшей политической задачей государства было обеспечение возможности всесторонней, в том числе и самой жестокой, эксплуатации рабов свободными гражданами и подавления их сопротивления.

В эпоху феодализма уголовное судопроизводство было одним из эффективных орудий в проведении политики феодального государства, направленной на поддержание режима жестокой эксплуатации крестьян со стороны помещиков-феодалов. По мере экономического развития феодального общества менялись формы государства и права, а вместе с ними и формы уголовного судопроизводства. Совершенствовался механизм защиты. Так, в период расцвета феодализма в связи с централизацией государственной власти и сосредоточением ее в руках абсолютных монархов обвинительную частно-исковую форму уголовного процесса сменила розыскная. В.В. Момотов в своей монографии «Формирование русского средневекового права» изложил, что она открыла широкие возможности для применения пыток и других методов психического и физического воздействия на допрашиваемых. О защите человека не могло быть и речи [3, с. 386].

Пришедший на смену феодализму капиталистический способ производства привел к значительным изменениям в государственно-правовой надстройке, в том числе и в системе уголовно-процессуальных норм и форм защиты в уголовном судопроизводстве. Типичный для буржуазного общества является состязательная форма любого судопроизводства, начала устности, гласности, непосредственности, независимости судей, наличия защиты и т. д. Это внешне создавало впечатление демократичности правосудия, которое якобы одинаково плодотворно воздействует на все слои общества. Однако какими бы демократическими не были формы того буржуазного процесса, главным оставалось его содержание. Оно заключалось во всесторонней защите интересов буржуазии и других собственников, подавлении противников эксплуататорского строя. Фактическая деятельность судей диктовалась классовыми интересами буржуазного государства и права, а не потребностью защиты прав любого гражданина [2, с. 324].

Необходимо обратить внимание на некоторые моменты развития защиты по законодательству, имеющему непосредственное отношение к нашему государству, в период вхождения современной территории Беларуси в состав Российской империи, общественные отношения, в том числе, касающиеся уголовного судопроизводства, регулировались таким древнейшим памятником права, как Русская Правда, которая не упоминает вообще ни о каких формах существования института за-

щиты. К тому же в этот период и до него действовал принцип «личной явки». Суть данного принципа заключается в том, что участники не могли пользоваться услугами представителей в суде и защищали и представляли свои интересы самостоятельно. Однако постепенно начало зарождаться судебное представительство, основной формой которого первоначально было родственное. Согласно Уложению 1649 г. дети, братья, племянники и даже дворовые люди и друзья выступали в роли представителей [4, с. 14]. Справедливости ради нужно отметить, что это была не первая попытка основания института защиты. Так, еще в XVI в. в Великом Княжестве Литовском защищать интересы лица в суде, согласно положениям Статута Великого княжества Литовского 1529 г., могли как родственники и члены семьи, так и профессиональные адвокаты (прокураторы) [5].

Статут Великого княжества Литовского 1566 г. сформулировал правила адвокатской этики, установил ответственность за нарушение адвокатом своих обязанностей, а также уполномочил суд назначать адвокатов тем, кто в этом нуждается. Наиболее полную регламентацию института защиты получил в Статуте Великого княжества Литовского 1588 г., в котором были достаточно четко и подробно определены права и обязанности адвокатов [6]. Такое положение существовало в Великом Княжестве Литовском вплоть до вхождения в состав Российской империи, где на тот момент и вплоть до 1864 г., адвокатов не существовало.

К началу проведения судебной реформы 1864 г. в России уже сформировалось убеждение, что состязательный процесс – самый древний, естественный и единственный способ судопроизводства и учреждения сословия присяжных поверенных является необходимым условием для его существования. Данные изменения базировались на основе идеи законодателя предоставления *суда скорого, правого, милостивого, равного для всех*. Вопреки прогрессивным идеям Судебных уставов 1864 г. присяжная адвокатура не имела надлежащих гарантий свободы слова. Были серьезно ограничены ее процессуальные права. К тому же следует отметить такие отрицательные черты, характеризовавшие дореволюционную адвокатуру, как оторванность от народа, дороговизна юридических услуг, корыстолюбие многих адвокатов. При этом по бесплатным делам адвокат мог судом не назначаться, несмотря на ходатайство обвиняемого [7, с. 20].

Переломным для института защиты стал 1917 г., появилась возможность развития указанного института в новом прогрессивном направлении. С этого времени начали активную разработку и принятие ряда нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность защитника в уголовном процессе. В 1922 г. были созданы коллегии адвокатов,

которыми признавались добровольные объединения лиц, занимающихся адвокатской деятельностью. Лица, не являвшиеся членами коллегии адвокатов, также допускались к адвокатской практике, но только с разрешения Наркомата юстиции РСФСР [8, с. 425].

С принятием Конституции СССР 1936 г. начался новый этап развития советской адвокатуры – была создана конституционная база для института защиты, введены положения по обеспечению обвиняемому права на защиту. С этого момента заметно укрепилась автономия защиты, защитники освободились от административного контроля судов, тем самым укрепили свою независимость, авторитет и роль в обеспечении законности, охраны прав и законных интересов граждан. Впервые в истории уголовного процесса защитник был допущен к участию на предварительном следствии только в 1959 г. УПК БССР, как и УПК других союзных республик, в соответствии с Законом «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» 1958 г. допускался защитник к участию по уголовному делу с момента объявления, обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявления ему уголовного дела для ознакомления [9].

Определенным рубежом в развитии института защиты советского периода явилось принятие Конституции СССР 1977 г. и, соответственно, Конституции БССР 1978 г. Историческим моментом заложения основ правового положения защитника в уголовном процессе стала Конституция БССР 1978 г., в которой впервые были закреплены общие права и обязанности адвокатских коллегий как в гражданском, так и в уголовном процессе. С образованием суверенной Республики Беларусь начался новый исторический период в развитии института защиты, связанный с его совершенствованием и созданием новых законодательных норм. Следует отметить, что значительным достижением явилось закрепление в ст. 62 Конституции Республики Беларусь положения, что каждый имеет право на юридическую помощь для осуществления защиты прав и свобод. В дальнейшем наиболее полная регламентация процессуального положения защитника была закреплена в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь, принятом в 1999 г. (УПК). Принятие УПК 1999 г. – важный шаг в защите прав и законных интересов граждан, утверждении справедливости, укреплении законности и правопорядка, повышении правовой культуры на пути продвижения нашей страны к правовому государству. Вместе с тем необходимо отметить, что, несмотря на достаточно длительную эволюцию развития норм, касающихся защиты в уголовном процессе, остается достаточное количество нерешенных проблем, относящихся к рассматриваемому институту.

Список использованных источников

1. Курс советского уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / под ред. М.А. Чельцова-Бебутова. – СПб. : Равенна : Альфа, 1995. – 354 с.
2. Всеобщая история государства и права : учеб. для вузов : в 2-х т. / под ред. В.А. Томсинова. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2011. – Т. 1: Древний мир и средние века. – 640 с.
3. Момотов, В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. : монография / В.В. Момотов. – М. : ИКД «Зерцало-М», 2003. – 416 с.
4. Басецкий, И.И. Защитник в уголовном процессе / И.И. Басецкий, В.Л. Василевская. – Минск : Тесей, 2002.
5. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / К.И. Яблонскис, П.Ф. Крапивин, Ю.И. Чернецкая ; под ред. К.И. Яблонскис. – Минск : Изд. Акад. наук БССР, 1960.
6. Мартинович, И.И. Адвокатура Беларуси: история и современность / И.И. Мартинович. – Минск : Тесей, 2002.
7. Адвокатура в Республике Беларусь / И.И. Мартинович [и др.] ; под общ. ред. И.И. Мартинович, Н.В. Калмыковой. – Минск : Тесей, 2011. – 458 с.
8. Собрание законодательства РСФСР. – 1922. – № 36. – 425 с.
9. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс] : Закон СССР, 25 дек. 1958 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 343.985

Д.В. Ковалевич, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *С.И. Бординович*

РОЛЬ И УЧАСТИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализ действующего законодательства Республики Беларусь побуждает к более глубокому переосмыслению и оценке места и роли следователя, осуществляющего в пределах своей компетенции уголовное преследование, в оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

В частности, в интересах выполнения задач уголовно-процессуального законодательства ст. 16 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) устанавливает норму, согласно которой обязательные для исполнения поручения, указания, постановления органа уголовного преследования (ОУП) по уголов-

ному делу, рассматриваемому заявлению или сообщению о преступлении являются основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Таким образом, следователь наделен правом инициировать проведение ОРМ, в том числе, как оговорено в части девятой ст. 19 Закона об ОРД, без необходимости ведения оперативно-розыскного производства в рамках соответствующего дела оперативного учета (ДОУ). В ряде случаев, установленных законодательством, исключительно постановление ОУП является основанием для заведения либо прекращения определенного вида ДОУ органом, осуществляющим ОРД.

Согласно нормам ст. 49 и 50 Закона об ОРД по письменному запросу следователя материалы ОРД могут быть представлены либо предоставлены ОУП для изучения в целях оценки достаточности содержащихся в них сведений для принятия процессуального решения, подготовки и проведения следственных и иных процессуальных действий, доказывания в уголовном процессе. В свою очередь, согласно требованиям ст. 101 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) материалы, полученные в ходе ОРД, могут быть признаны следователем в качестве источников доказательств при условии, если они получены и предоставлены в соответствии с законодательством Республики Беларусь, проверены и оценены в порядке, установленном УПК. Таким образом, следователь в ходе осуществления уголовного преследования опосредованно наделяется полномочиями контроля исполнения законодательства об ОРД в части изучения и проверки материалов ОРД на предмет наличия в них сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а также указания на то, где и каким образом в ходе ОРД были получены эти сведения или предметы, которые могут быть признаны источником доказательств.

Допустимы ситуации, когда на основе изучения и анализа материалов ОРД следователь во взаимодействии с органом, осуществляющим ОРД, принимает решение о целесообразности и тактических особенностях проведения дальнейших ОРМ в интересах надлежущей правовой процедуры осуществления уголовного процесса, обеспечение законных прав и интересов физических и юридических лиц, которым преступлением причинен физический, имущественный ущерб или моральный вред, а также уголовного преследования и защиты лиц, которые подозреваются, обвиняются в совершении предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний. Соответственно, следователь, наряду с соблюдением норм УПК, обязан в процессе реализации функций уголовного преследования учитывать закрепленные в Законе об ОРД принципы.

Так, несмотря на то что специальным принципом уголовного процесса является всестороннее, полное и объективное исследование об-

стоятельств уголовного дела, в процессе осуществления своих должностных полномочий следователь не должен нарушать принцип конспирации ОРД, который в определенных обстоятельствах может создавать ему препятствие всесторонне и полно исследовать материалы ОРД.

Большинство научных исследований не относит следователя к участникам ОРД. Однако вопреки этой позиции необходимо отметить, что это вовсе не означает того, что следователь не может быть привлечен к ответственности в случае нарушения норм Закона об ОРД. Так, например, если следователь разгласит ставшие ему известными в процессе реализации функций уголовного преследования сведения об организации и осуществлении ОРД, а также сведения о гражданах, оказывающих или оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД, либо должностных лицах органов, осуществляющих ОРД, которые участвуют или участвовали в оперативном внедрении, штатных негласных сотрудниках, то он должен быть привлечен к ответственности в соответствии с законодательством.

Вышеуказанное – всего лишь некоторая часть, позволяющая проследить роль и участие следователя в ОРД, а непосредственно в процессе осуществления следователем своей деятельности различных моментов гораздо больше. Очевидно, что исходя из своих должностных полномочий и норм законодательства следователь хоть и не является напрямую субъектом ОРД, но в то же время играет достаточно важную роль в ходе осуществления ОРД. Соответственно, при этом помимо требований уголовно-процессуального законодательства он обязан соблюдать требования, установленные Законом об ОРД, соблюдать принципы, закрепленные в Законе об ОРД, иначе при наличии таких обстоятельств следователь будет привлечен к ответственности в соответствии с установленным законодательством.

УДК 343.98

В.Н. Ковчик, выпускник уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Г.А. Павловец*

МУСУЛЬМАНСКАЯ МОДЕЛЬ ДОКАЗЫВАНИЯ

В современном мире существуют различные правовые системы и правовые семьи, отражающие особенности соответствующих эпох, цивилизаций, стран и народов. Исторически принято выделять три основ-

ные правовые семьи: англосаксонскую, романо-германскую и мусульманскую соответственно. Вышеуказанные правовые семьи имеют свои особенности, отражающиеся во всех правовых институтах, в том числе и характеризуются наличием специфических особенностей в рамках доказывания по уголовным делам [1, с. 5].

Примечательно построение данного процесса в странах мусульманского мира. Стоит отметить, что в большинстве государств данной модели доказывание тесно переплетено с религией, что отражается посредством ссылки в уголовно-процессуальном законе на нормы религиозных канонов. Несмотря на данное обстоятельство, уголовно-процессуальное право стран мусульманского мира основывается на таких демократических принципах, как презумпция невиновности, равенство перед законом, защита чести и достоинства, защита частной собственности, право обвиняемого на защиту и других общепризнанных принципах международного права.

Процесс доказывания в суданском уголовном процессе состоит в устранении разумных сомнений по делу или спору путем собирания сведений, устанавливающих, или отрицающих факт противоправности, также проверки и оценки собранных доказательств. Доказывание осуществляется как в стадии предварительного расследования, так и в стадии судебного разбирательства.

В этой связи следует подчеркнуть, что процесс доказывания является постоянным и не ограничивается временными рамками той или иной стадии. Так, сбор доказательств, их проверка и оценка могут осуществляться на любой стадии процесса, повторяться до тех пор, пока не будет раскрыто преступление. Необходимо отметить, что в ряде случаев может происходить перепроверка и переоценка собранных доказательств, что не характерно для законодательства других правовых семей.

Относительно субъектов доказывания ч. 2 ст. 44 УПК 1991 г. гласит, что доказывание в стадии предварительного расследования осуществляется прокурором или дознавателем по поручению прокурора [2].

Однако имеет место исключение. Так, в соответствии со ст. 52 УПК 1991 г. по делам об убийстве, самоубийстве или несчастных случаях доказывание может осуществляться народным администратором, под которым понимается лицо, которое было назначено главой округа или района с целью осуществления и обеспечения безопасности и порядка [2].

Кроме того, особенностью данной модели служит сохранение черт формальной теории доказательств, где закон предписывает количество и заранее определенную силу доказательств в зависимости от категории дел. Так, например, доказательство прелюбодеяния лежит целиком на

стороне обвинения, которая должна представить четырех правомочных свидетелей, клятвенно заявляющих перед судом, что видели сам акт прелюбодеяния, не ссылаясь на косвенные улики и подозрение, иначе обвинение расценивается как клевета [2].

Подводя итог вышеизложенному, можем сделать вывод о том, что мусульманская модель доказывания, рассмотренная на примере Судана, обладает рядом специфических особенностей, не характерных для государств англосаксонской и романо-германской правовых семей:

- рассредоточенность доказывания на различных стадиях;
- отсутствие указания следователя как субъекта доказывания;
- выделение народного администратора в качестве субъекта доказывания в случаях, предусмотренных ст. 52 УПК;
- сохранение формальной теории доказательств при расследовании и раскрытии преступлений.

Список использованных источников

1. Егоров, А.В. Правовая семья как объект сравнительного правоведения / А.В. Егоров // Правоведение. – 2005. – № 2. – 200 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Судана [Электронный ресурс] : 20 февр. 1991 г. – Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/10737>. – Дата доступа: 20.04.2019.

УДК 343.1

С.Е. Фадеенков, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *А.В. Самко*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДОКАЗЫВАНИЯ И ПОНЯТИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Чтобы определить предмет доказывания в уголовном процессе, необходимо разобраться в чем сущность данного понятия. Мнения по этому вопросу в теории уголовного процесса разделяются. М.А. Черельцов и Н.В. Черельцова считают, что доказывание есть не что иное, как умственный процесс [1, с. 24]. По мнению П.И. Люблинского, А.Ф. Клейнмана, М.А. Гурвича, доказывание – это определенная совокупность процессуальных действий [1, с. 24]. Третья группа авторов в процессуальном понятии доказывания объединяет и совокупность процессу-

альных действий, и мыслительную деятельность судей (и следователя в уголовном процессе) по собиранию, проверке и оценке доказательств [1, с. 24–25].

Отечественный законодатель придерживается третьей точки зрения, что закреплено в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (УПК). Согласно ст. 102 УПК доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения уголовного дела.

Анализируя данную статью, законодатель справедливо указывает на три составных элемента доказывания: собирание доказательств, их проверку и оценку доказательств.

Полномочия защитника законодательно закреплены в положениях Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», права как лица, защищающего представляемые права, регламентированы в ст. 44–48 УПК, при этом в п. 9 и 10 ч. 1 ст. 48 УПК законодателем предусмотрено право защитника «представлять доказательства» и «собирать по своей инициативе сведения, относящиеся к обстоятельствам совершенного преступления, и представлять их органу дознания, лицу, производящему дознание, следователю, суду, участвовать в следственных действиях, проводимых в связи с представлением названных сведений».

Несмотря на то что защитник свободен в выборе некоторых правовых вопросов, о его полной самостоятельности говорить трудно, поскольку это создает конфликт между защитником и подзащитным и противоречит самой идее защиты, что не может быть оправданно ни с этической стороны, ни со стороны правозащитной функции.

Но властный субъект в лице следователя, определяющего ход расследования, чаще всего отклоняет любые ходатайства защитника. Единственный выход для защитника видится в обжаловании таких действий в органы прокуратуры, куда защитник обращаться не будет, потому что такие действия могут вызывать агрессию со стороны следователя и еще больше усугубить положение подзащитного.

На этапе сбора доказательств защитник имеет неравный статус с другими субъектами уголовного процесса. Лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд наделены правом не только собирать доказательства, но и оценивать, а также проверять их. Это говорит о нарушении принципа состязательности, равноправия сторон и ущемлении процессуального статуса защитника.

В правоприменительной практике возможны случаи, когда следственные действия проводятся следователями с нарушениями требо-

ваний норм УПК. Защитникам почти всегда приходится участвовать в следственных действиях вместе с подзащитным, чтобы следить за законностью и правомерностью действий следователя и, самое главное, вовремя отреагировать на нарушения норм закона. В протоколе результата следственного действия полнота и правильность фиксации подтверждаются подписью участвующего адвоката-защитника. Если он не проявит настойчивости или принципиальности либо по какой-то другой причине не отразит в протоколе неполноту установленных обстоятельств или допущенные нарушения, фактически в последующем он утрачивает возможность оспаривания результатов проведенного следственного действия [2, с. 128–129].

Другая проблема, касается предоставления защитнику сведений, составляющих охраняемую законом тайну. В частности, рассмотрим лечебно-профилактические учреждения, в которые, в рамках Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», часто отправляются запросы о предоставлении информации о состоянии здоровья лиц, о сроках нахождения в учреждении и т. д. Защитник не входит в круг субъектов, которым может быть предоставлена данная информация без согласия пациента, поскольку эти сведения составляют врачебную тайну. Доступ к таким сведениям без согласия пациента открыт только органам дознания и следствия, а также суду [2, с. 128–129].

Однако на практике реализация собирания доказательств самим защитником представляется трудноразрешимой, поскольку проблема заключается в правовом характере получаемой защитником информации и возможности ее фиксации (закрепления) в порядке, позволяющем использование в качестве полноценного доказательства [3, с. 12].

Таким образом, несмотря на то, что защитник является самостоятельным участником уголовного процесса, выполняющим уголовно-процессуальную функцию защиты лица и охраны его законных интересов, полностью определить его правовое положение в уголовном процессе невозможно. Эта проблема, как и проблема нереализованных в полной мере полномочий защитника, должна решаться совершенствованием соответствующих уголовно-правовых норм. В частности, связь с недопустимостью нарушения принципа состязательности и равенства сторон, редакция ст. 48 УПК нуждается в уточнении. Только обладание реальными полномочиями защитника приведет к эффективному осуществлению защиты прав подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе.

Стоит отметить, что обнаруженные доказательства необходимо процессуальным образом закрепить, для того, чтобы они в итоге имели

юридическую силу и могли использоваться в качестве доказательств при рассмотрении дела судом. Полученные доказательства в результате следственных действий закрепляются путем составления соответствующего протокола, а затем приобщаются к делу путем их осмотра, его отражения в протоколе осмотра, а также путем вынесения постановления (определения) о приобщении их к делу.

Полагаем, законодателю необходимо наделить его дополнительными правами о проведении им самостоятельных процессуальных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, либо право инициировать у следователя определенное процессуальное действие, а также возможностью самостоятельного использования и предоставления доказательств в суде.

Оценка допустимости доказательства производится путем определения соответствия уголовно-процессуальному закону источника фактических данных и порядка их получения.

В соответствии с УПК доказательства, полученные с нарушением законности, юридической силы не имеют. Таким образом, буквально толкуя указанную норму, можно прийти к выводу о безоговорочном признании доказательства, полученного с нарушением закона, недопустимым, не вдаваясь при этом в оценку существа нарушения. Любое, пусть даже формальное, упущение в формировании доказательства уже означает отсутствие свойства допустимости. Такое изложение закона ограничивает усмотрение судьи в оценке доказательств и «размывает» принцип оценки по внутреннему убеждению, «подмешивая» к нему свойства формальной оценки. В результате важнейшие для аргументации судебного решения доказательства исключительно по формальным основаниям нередко оказываются вне уголовного процесса [4, с. 229].

Кроме того, нормативно не урегулирован вопрос о недопустимых доказательствах, полученных с нарушением процессуальной формы. Например, отсутствие подписи одного понятого, участвовавшего в осмотре места происшествия, может при таком подходе свести на нет результат всего следственного действия. Между тем этот процессуальный дефект еще не есть свидетельство того, что понятой в осмотре места происшествия не участвовал. Для признания обстоятельств, установленных при осмотре места происшествия, достоверными и допустимыми имеет значение не столько наличие или отсутствие подписи понятого, сколько его участие в осмотре и подтверждение в протоколе результатов осмотра. Нередко доказательства, установленные при первичном осмотре места происшествия, становятся главными доказательствами обвинения или, наоборот, оправдания невиновного. Следовательно, формальное отсутствие подписи понятого в протоколе осмотра места происшествия мож-

но компенсировать его допросом в суде по тем обстоятельствам, которые позволили бы принять решение о допустимости или недопустимости, а затем и достоверности сведений о фактах, указанных в этом протоколе.

Исходя из вышеизложенного законодателю следует расширить норму ч. 5 ст. 104 УПК: «Доказательства полученные с существенным нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения либо защиты, а также использоваться для доказывания любого обстоятельства, указанного в статье 89 настоящего Кодекса», а также добавить норму, в которой будет указан конкретный перечень нарушений требований УПК, ведущих к признанию доказательств недопустимыми при их собирании, проверке и оценке.

В мире происходит интеграция электронного документооборота в различные сферы общества, в том числе и в правовую, по нашему мнению, законодателю необходимо разработать и внедрить систему уголовного дела и электронного документооборота в уголовный процесс. В качестве аргументов в пользу можно указать на ненадежность бумажного носителя (его ветхость и легкое уничтожение), объемность и тяжеловесность томов уголовного дела, а также упрощение процедуры собирания доказательств и составления процессуальных документов.

Электронная форма уголовного дела должна представлять собой компьютерную программу, содержащую шаблоны процессуальных документов, предусматривающую алгоритм последовательных действий с момента возбуждения уголовного дела и до исполнения приговора суда. Отмечая, что изготовление процессуальных документов с помощью компьютерной техники успешно применяется в следственной деятельности без каких-либо специальных программ, полагаем, что переход на электронную форму уголовного дела требует предварительного решения ряда проблем законодательного и практического характера [5].

Список использованных источников

1. Курьлев, С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С.В. Курьлев. – Минск : Изд-во БГУ, 1969. – 203 с.
2. Сойма, Т.В. Защитник в уголовном процессе: проблемы уголовно-процессуальной регламентации и практики // Молодой ученый. – 2018. – № 39. – С. 128–129.
3. Замураева, А.А. Проблема доказывания в уголовном судопроизводстве // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2011. – № 3 (19). – С. 12–19.
4. Саенко, Е.В. Проблемы оценки доказательств по уголовному делу // Молодой ученый. – 2017. – № 19. – С. 226–230.
5. Савчук, Т.А. Электронная форма уголовного дела как элемент информатизации следственной деятельности: предпосылки и проблемы внедрения

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.institutemvd.by/components/com_chronoforms5/chronoforms/uploads/20160713093354_Savchuk.pdf. – Дата доступа: 22.03.2019.

Круглый стол «Проблемы применения и совершенствования уголовного законодательства» (24 апреля 2019 г.)

УДК 343.846

С.А. Афанасенко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.А. Тум*

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ К ПОЖИЗНЕННОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В настоящее время в исправительных учреждениях Республики Беларусь отбывают наказание в виде пожизненного заключения более 165 осужденных к пожизненному заключению. При этом специалисты в области исполнения наказаний отмечают, что достижение целей уголовной ответственности в совокупности с оптимизацией института наказания, направленной на экономии уголовной репрессии, ставит перед законодателем новые вопросы, связанные с исполнением наказания в виде пожизненного заключения. Так, в свете растущего в исправительных учреждениях количества осужденных к пожизненному заключению поднимаются вопросы стимулирования правопослушного поведения указанной категории осужденных в процессе отбывания ими наказания. Причем отмечается, что наиболее эффективно и целесообразно указанные вопросы разрешить не только путем усиления контроля и надзора за поведением осужденных. Данная цель может быть достигнута также и путем установления системы поощрений при положительном поведении осужденного в процессе отбывания наказания. Уголовно-исполнительное законодательство для указанной категории лиц предусматривает достаточно малый список поощрений. По сути их два: в соответствии с ч. 3 ст. 173 УИК осужденный к пожизненному заключению может быть переведен из помещения камерного типа в обычные жилые помещения исправительной колонии особого режима при отсутствии

взысканий за нарушение установленного порядка отбывания наказания и при добросовестном отношении к труду при отбытии им не менее десяти лет пожизненного заключения; в соответствии с ч. 4 ст. 58 УК по отбытии двадцати лет пожизненного заключения суд, учитывая поведение осужденного, состояние его здоровья или возраст, может заменить дальнейшее отбывание пожизненного заключения лишением свободы на определенный срок, но не свыше пяти лет.

Отметим, что в последнем случае для данной категории осужденных предусматривается, по сути, безусловная форма освобождения. В ч. 4 ст. 58 УК не указано, имеет ли право осужденный к пожизненному заключению, в случае замены ему пожизненного заключения на лишение свободы с отбыванием оставшегося срока наказания, право на условно-досрочное освобождение от наказания. Исходя из формулировки данной нормы, полагаем, что нет. Вместе с тем указанное правовое регулирование освобождения осужденного к пожизненному заключению поднимает вопросы относительно интеграции данной категории лиц после досрочного освобождения. Представляется, что условная форма освобождения от пожизненного заключения предпочтительнее безусловной, так как общественная опасность преступлений, совершенных досрочно освобождающимися осужденными к пожизненному заключению, высокая, а условная форма освобождения позволяет контролирующим органам вернуть в места лишения свободы осужденного на те условия содержания, что и до освобождения, при нарушении последним условий досрочного освобождения. В случае с безусловной формой досрочного освобождения такого сделать нельзя.

Установка перспективы условно-досрочного освобождения данной категории осужденных позволит оказать положительное влияние на их поведение в процессе отбывания наказания. Возможность освободиться досрочно будет способствовать и процессу восстановления прав потерпевших. Несмотря на столь противоречивое утверждение, отметим, что согласно уголовному законодательству, определяющему порядок применения условно-досрочного освобождения от наказания для того, чтобы осужденный мог претендовать на условно-досрочное освобождение от наказания, ему необходимо помимо доказательства своего исправления также возместить (полностью или частично) ущерб, причиненный преступлением. Соответственно, если будут созданы соответствующие условия для работы, то в процессе отбывания пожизненного заключения и при наличии возможности трудиться и зарабатывать деньги для погашения ущерба, причиненного преступлением, осужденный к пожизненному заключению, если у него будет такая возможность и желания, постарается возместить причиненный преступлением ущерб. Та-

ким образом, установление в уголовном законодательстве возможности условно-досрочного освобождения для осужденных к пожизненному заключению позволит оптимизировать процесс исполнения наказания без усиления карательной составляющей, достигая при этом целей уголовной ответственности, установленных УК.

Указанный факт позволяет сделать вывод о том, что для уголовного законодательства Республики Беларусь целесообразно разработать правовой механизм реализации условно-досрочного освобождения для лиц, осужденных к пожизненному заключению.

УДК 343.575

В.Э. Дятлов, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Ю.Е. Духовник*

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ

Состав преступления, предусмотренный в ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК), имеет формальный характер и считается оконченным с момента совершения действий, указанных в его диспозиции. Последствия лежат за пределами состава преступления и влияют лишь на индивидуализацию ответственности.

В ч. 2–5 ст. 328 УК содержится ряд признаков, повышающих степень общественной опасности деяний. Квалифицирующие признаки, перечисленные в указанных уголовно-правовых нормах, которые не входят в совокупность признаков основного состава, необходимых для признания содеянного преступлением, позволяют более четко дифференцировать степень общественной опасности преступления.

Наиболее опасной формой распространения (реализации) наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов является их незаконный сбыт. Сбыт предмета преступления, предусмотренного ст. 328 УК, следует считать оконченным преступлением с момента получения его другим лицом.

Незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов представляет собой как возмездную, так и безвозмездную их передачу другим лицам, которая может быть осуществлена посредством продажи, дарения, обмена, уплаты долга, дачи

взаимы и иным способом. Понятие «сбыт» охватывает как случаи однократного (разового) отчуждения наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, так и случаи систематического отчуждения одному и тому же лицу либо нескольким лицам в любых целях: дальнейшего потребления, передачи, хранения, уничтожения и т. д.

Для понимания содержания действий, представляющих собой сбыт наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, а также правильного определения момента окончания таких преступлений представляется правильным использовать категорию «реализация», а не «передача». С позиции реализации сбыт может пониматься не только как передача, но и как переход прав на наркотические средства, психотропные вещества либо их прекурсоры или аналоги приобретателю без непосредственного участия лица, сбывающего такие вещества посредством сообщения сведений о месте нахождения предмета преступления.

Следует отметить, что незаконным сбытом не признается инъекция одним лицом другому лицу наркотического средства или психотропного вещества, в том случае, когда указанное средство или вещество принадлежит самому потребителю. О наличии умысла на сбыт могут указывать такие обстоятельства, как предварительная договоренность о поставке наркотических средств, дача обязательства оплатить оказанную услугу наркотиками, значительный объем наркотических средств, приобретение этих средств лицом, их не употребляющим. При этом не имеет значения, предназначались ли приобретенные или похищенные наркотические средства для реализации на территории Республики Беларусь или других государств [1, с. 454].

Стоит обратить внимание на необходимость дополнительной квалификации действий сбытчика по совокупности преступлений как пособника в совершении иного преступления в тех случаях, когда он заведомо знает, что указанный предмет преступления используется покупателем для осуществления иных преступных действий (например, для склонения к потреблению или для продажи посетителям притона).

Повторными следует признавать действия лица, ранее совершившего хотя бы одно из незаконных действий, указанных в диспозиции ч. 2 ст. 328 УК, независимо от того, было ли оно за это осуждено и являлось ли ранее совершенное деяние оконченным преступлением или покушением на преступление. Стоит учитывать, что повторность не будет учитываться, а следовательно, деяние не будет квалифицироваться как повторное, в тех случаях, когда судимость за ранее совершенное преступ-

ление снята в порядке амнистии или помилования либо она погашена или снята в соответствии с УК. Аналогично следует поступать в тех случаях, когда истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности за ранее совершенное преступление.

Важно обратить внимание на то, что необходимо распространить признак однородной повторности на все преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, так как считаем, что единичные незаконные действия в отношении наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов с уверенностью позволяет судить об осознанном понимании виновным противоправности своих действий, что, соответственно, при совершении последующих действий повышает степень их общественной опасности.

Для признания преступления как совершенного группой лиц необходимо хотя бы два лица, которые совместно участвовали в совершении данного преступления в качестве его исполнителей (ч. 1 ст. 17 УК). Согласно сложившейся практике квалификация преступления как совершенного группой лиц не исключается и в том случае, когда уголовную ответственность несет только одно лицо, а другие участники хищения не привлекаются к уголовной ответственности в соответствии со ст. 27 УК, т. е. ввиду недостижения надлежащего возраста, что, как представляется, не является бесспорным и в научной литературе вызывает справедливую дискуссию [2, с. 77–79].

При решении вопроса о крупном размере в отношении сбыта либо незаконного изготовления, переработки, приобретения, хранения, перевозки или пересылки с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов необходимо исходить из количественных показателей, установленных в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 9 сентября 2019 г. № 606 «Об установлении крупного размера наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов» для каждого вида таких средств и веществ.

Рассматривая квалифицирующий признак в виде количественного показателя предмета преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров или аналогов, нельзя обойти вниманием недостаточную детализированность определения размера предмета рассматриваемых преступлений. Наличие только одного понятия «крупный размер» позволяет говорить, что вне сферы законодательного регулирования остаются вопросы, связанные с оптовым сбытом наркотических средств, психотропных ве-

ществ либо их прекурсоров или аналогов, когда их размер исчисляется килограммами.

Таким образом, рассмотрено содержание отдельных квалифицирующих признаков, предусмотренных в ст. 328 УК. Понимание содержания некоторых из них не вызывает больших затруднений как в теории, так и на практике. В то же время данное нельзя применить ко всем квалифицирующим признакам и отдельные из них требуют дальнейшего изучения, исследования и совершенствования с целью выработки единого их понимания.

Список использованных источников

1. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е.А. Авраменко [и др.] ; под общ. ред. В.А. Кашевского. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 734 с.
2. Марчук, В.В. Квалификация преступлений : учеб. пособие / В.В. Марчук. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 210 с.

УДК 366.7

А.А. Исаков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *Ю.Ф. Мацталер*

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МЕР ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТ. 174 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Эффективность уголовно-правовой борьбы с преступлениями определенного вида зависит от ряда факторов, в том числе от оптимальности назначаемых видов и размеров наказаний с учетом особенностей личности преступников. В этой связи можно вести речь об эффективности различных видов наказаний применительно к категориям преступников, обладающих определенными особенностями личности. Если говорить о лицах, совершивших преступления, предусмотренные ст. 174 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК), то проведенное нами криминологическое исследование показало, что их особенности, наиболее значимые для учета при выборе вида наказания и осуществления исправительного и предупредительного воздействия заключаются:

в высокой доле имеющих алкогольную зависимость, которая является основной внутренней причиной противоправного поведения и особенно остро проявляется у женщин;

низкой профессиональной квалификации и отсутствии мотивации трудовой деятельности;

высокой доле ранее судимых за преступления, предусмотренные ст. 174 УК, а также иные преступления, которые в большей мере носят корыстный характер (преобладает совершение краж) [1].

Учитывая эти личностные особенности, первоочередной задачей применения мер уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 174 УК, является мотивирование осужденных осуществлять трудовую деятельность для уплаты средств на содержание детей и обеспечение условий, при которых ее систематическое осуществление будет возможным.

Наряду с этой задачей особое значение имеет предупреждение пьянства при отбывании осужденными наказания, не связанного с лишением свободы, что позволит обеспечить соблюдение ими режима его отбывания и систематическую трудовую деятельность.

Важное значение также имеет организационное обеспечение качественного принудительного лечения осужденных от алкоголизма и наркомании (соответствующего клиническим протоколам).

Конечным результатом эффективного применения мер уголовной ответственности является формирование у осужденных готовности систематически трудиться и исполнять обязанность по уплате средств на содержание детей или возмещению расходов государства на их содержание, а также вести в целом законопослушный образ жизни. Решению этих задач должно способствовать оптимальное применение видов наказаний, предусмотренных в санкциях ст. 174 УК. Для его обеспечения необходимо оценить возможности видов наказаний по решению указанных задач. Такая оценка была получена путем проведения интервью со 117 экспертами, в качестве которых выступали сотрудники органов и учреждений, исполняющих наказания, имеющие опыт работы с лицами, осужденными по ст. 174 УК: УИИ, ИУОТ, арестных домов, исправительных колоний. С их помощью выяснялось мнение экспертов об эффективности видов наказаний, предусмотренных в санкциях ст. 174 УК, по следующим критериям:

возможность полноценной трудовой занятости с заработной платой, позволяющей уплачивать алименты или возмещать государственные расходы на содержание детей;

возможность осуществления принудительного лечения от алкоголизма, наркомании или токсикомании осужденных, которым такое лечение назначено;

возможность материально обеспечивать свое существование;

возможность осуществления и качественный уровень исправительного влияния;

степень устрашающе-предупредительного влияния наказания в плане частного предупреждения.

Наиболее эффективным, по мнению экспертов, были признаны такие виды наказания, как лишение свободы, ограничение свободы с направлением в ИУОТ, арест.

Эксперты в основу их оценки положили в обеспечение дисциплинированности осужденных. Однако, по данным Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь за 2011–2014 гг., осужденные, содержащиеся в исправительных колониях, возмещали от 15–27 % государственных расходов на содержание детей, а отбывающие ограничение свободы с направлением в ИУОТ, – 36–45 %, что показывает более высокую возможность реализации возместительной функции этого вида наказания. Малоэффективным эксперты считают ограничение свободы без направления в ИУОТ. К нецелесообразным отнесены такие виды наказаний, как общественные работы и исправительные работы [3].

Учитывая более высокие возможности достижения целей уголовной ответственности применительно к лицам, осужденным по ст. 174 УК, такого наказания, как ограничение свободы с направлением в ИУОТ, необходимо законодательное решение проблемы его назначения при применении принудительного лечения от хронического алкоголизма, наркомании и токсикомании. В соответствии с п. 6 ч. 5 ст. 55 УК назначение этого наказания не допускается лицам, которым применены принудительные меры безопасности и лечения. Это ограничение не оправданно в отношении лиц, которым в соответствии со ст. 107 УК применены принудительные меры лечения, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией. Организация их принудительного лечения при содержании в ИУОТ более возможна, по сравнению с организацией такого лечения при исполнении иных видов наказания, не связанных с содержанием в исправительных учреждениях. В этой связи целесообразно внести следующие изменения в УК:

п. 6 ч. 5 ст. 55 УК после слов «меры безопасности и лечения» дополнить словами «за исключением их назначения в соответствии со статьей 107 настоящего Кодекса»;

ч. 2 ст. 107 УК после слов «к аресту» дополнить словами «ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа».

Исходя из оценки возможностей рассмотренных видов наказания в достижении целей уголовной ответственности к лицам, осужденным по

ст. 174 УК, можно определить более оптимальные варианты их применения в отношении отдельных категорий указанных лиц.

Опираясь на результаты экспертных оценок, можно считать, что при осуждении за преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 174 УК, наиболее приемлемым является применение ограничения свободы. При этом для лиц, которым назначено принудительное лечение от алкоголизма, лиц, допускающих семейное насилие, проживая совместно с детьми, а также для лиц, которые длительное время не работали, – было наиболее приемлемым назначение ограничения свободы с направлением в ИУОТ на срок, приближающийся к максимальному. Для лиц, которые длительное время не работали, скрывались, в том числе выезжая за пределы страны, – лишение свободы на максимальный срок. При положительном поведении в период отбывания ограничения свободы с направлением в ИУОТ, в том числе при добросовестном прохождении принудительного наркологического лечения, целесообразно применять в порядке меры поощрения (ч. 1² ст. 54 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь) перевод осужденных на условия ограничения свободы без направления в ИУОТ. Это будет способствовать трудоустройству и социальной адаптации по месту жительства под надзором УИИ до окончания срока наказания. Замена наказания в виде ограничения свободы более мягким нецелесообразна в связи с указанными выше отрицательными факторами этих более мягких наказаний для данной категории осужденных [2].

При осуждении по ч. 3 ст. 174 УК целесообразно назначение ограничения свободы с направлением в ИУОТ, если ранее к виновному применялись менее строгие наказания, а если он ранее осуждался к ограничению свободы, то более оправданным является назначение лишения свободы.

Важным условием обеспечения исправительного влияния на осужденных рассматриваемой категории является применение принудительного лечения от хронического алкоголизма (наркомании и токсикомании), учитывая, что большинство из них имеют соответствующую зависимость. Применение такого лечения в большей мере определяется судами при назначении наказания в виде лишения свободы, однако значительно реже при назначении иных видов наказаний, что является неоправданным. Осуществление такого принудительного лечения в совокупности с назначением наказаний, не связанных с содержанием в исправительных учреждениях, не имеет отработанной организационной практики, поэтому важной задачей является разработка нормативных основ организации такого лечения в связи с исполнением указанных наказаний.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г., № 131-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 11 янв. 2000 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Возмещение государственных расходов осужденными [Электронный ресурс] / Департамент исполнения наказаний. – Режим доступа: <https://www.mvd.gov.by>. – Дата доступа: 28.04.2019.

УДК 343.265

А.М. Кайко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Ю.Е. Духовник*

ИНСТИТУТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬЕ

Наиболее яркими представителями англосаксонской правовой семьи выступают системы Великобритании и США.

Своеобразие уголовного права Великобритании заключается в том, что оно не кодифицировано и основано на многочисленных уголовных законах. Для Великобритании характерны несколько видов освобождения от наказания, среди которых можно увидеть такую, как пробация. Институт пробации регламентируется Законами «Об уголовной юстиции» 1948, 1967, 1991 и 2003 гг., «О полномочиях уголовных судов» 1973 г.

Пробация представляет собой такое явление, при котором наказание не применяется при условии, что лицо будет соблюдать определенные требования. Если виновный выдерживает условия пробации, то наказание в отношении его не исполняется и все правовые последствия осуждения аннулируются (такие условия пробации сближают ее с такой мерой уголовной ответственности, как условное неприменение назначенного наказания, предусмотренной в Уголовном кодексе Республики Беларусь).

Суд может применить пробацию согласно требованиям Закона «Об уголовной юстиции» 1948 г., если посчитает, что при всех обстоя-

тельствах совершенного преступления разумно не применять лишение свободы или иную меру наказания [1].

Следующим и немаловажным видом освобождения от наказания является условная отсрочка, которая введена Законом «Об уголовной юстиции» 1967 г. [2]. В соответствии с данным законом суд, которым назначается наказание в виде лишения свободы на срок не более двух лет, вправе постановить, что приговор вступает в силу с отсрочкой на срок от одного года до трех лет, если будет установлено, что лицо, в отношении которого принято такое решение, не совершит в пределах Великобритании нового преступления. Иными словами, суд считает, что освобождаемое лицо обладает невысокой степенью общественной опасности. Если лицо совершит преступление, то суд может оставить отсрочку неизменной или заменить ее на реальное отбывание оставшегося срока наказания.

Закон «О полномочиях уголовных судов» 1973 г. предоставляет судам право применить к лицу такую меру наказания, как отсрочка приговора (на срок до шести месяцев, если отсрочка предусматривается на срок более чем шесть месяцев, то суд может дополнительно установить надзор за осужденным, который осуществляется специально уполномоченным на то должностным лицом [3]). Подобная отсрочка возможна только при согласии виновного лица.

Данные виды освобождения от наказания сходны с такой мерой уголовной ответственности, как отсрочка исполнения назначенного наказания, предусмотренной в Уголовном кодексе Республики Беларусь.

Законом «Об уголовной юстиции» 2003 г. предусматриваются три вида досрочного освобождения от наказания, которые зависят от фактически назначенного срока наказания, определенного в виде лишения свободы: досрочное освобождение для лиц, отбывающих лишение свободы сроком менее чем 12 месяцев (они должны отбыть от 2 до 13 недель срока наказания). Подобный вариант освобождения от наказания в Великобритании имеет общие черты с условно-досрочным освобождением от наказания, предусмотренным уголовным законодательством Республики Беларусь.

Таким образом, законодательство Великобритании в сфере освобождения от наказания в большей степени носит формализованный характер и не всегда учитывает такие аспекты, как личность осужденного, характер и тяжесть совершенного преступления.

Представителем рассматриваемой правовой семьи также являются Соединенные Штаты Америки, уголовное законодательство которых возникло на основе английской правовой системы, но имеет свои особенности.

Основным направлением уголовной политики США в настоящее время является изменение ее карательного характера на восстановительный [4, с. 66].

Пробация представляет собой самый распространенный вид освобождения от наказания в американском уголовном законодательстве и представляет собой так же, как и в Великобритании, условное неисполнение наказания с учетом возложения судом и исполнения осужденным некоторых обязанностей. При назначении probation в США, в отличие от Великобритании, более глубоко и широко изучаются все обстоятельства совершенного преступления и личность обвиняемого. При probation на лицо могут возлагаться дополнительные обязанности: относящиеся к поведению и социальному восстановлению и относящиеся к надзору. Срок probation может быть досрочно прекращен или продлен, а также она может быть отменена до истечения срока.

По законодательству США практически во всех штатах Америки также предусмотрено досрочное и условно-досрочное освобождение от наказания, которое возможно при выполнении следующих требований: отсутствие законодательного запрета на условно-досрочное освобождение лиц, которые совершили определенные виды преступлений; фактическое отбытие определенного срока или части наказания; положительное поведение осужденного и реальная возможность выполнения им определенных предписаний после освобождения.

По результатам исследования законодательств государств-представителей англосаксонской правовой семьи, регламентирующих освобождение от наказания, можно сделать следующие выводы:

нормы, предусматривающие освобождение от наказания, в уголовном законодательстве указанных государств не систематизированы, а рассредоточены по различным нормативным правовым актам;

уголовные законы государств англосаксонской правовой семьи предусматривают в качестве видов освобождения от наказания probation, досрочное освобождение и отсрочку отбывания наказания, которые практически все основаны на обязательном учете степени общественной опасности осужденного;

наиболее распространенным видом освобождения от наказания в законодательстве англосаксонской правовой семьи выступает представляющая собой условное неприменение назначенного наказания с возложением определенных обязанностей probation;

уголовное законодательство Республики Беларусь содержит сходные виды освобождения от наказания с теми видами, которые рассмотрены в законодательствах рассмотренных государств.

Список использованных источников

1. Criminal Justice Act 1948 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/11-12/58/contents>. – Date of access: 14.04.2019.
2. Criminal Justice Act 1967 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/80/contents>. – Date of access: 17.04.2019.
3. Powers of Criminal Courts Act 1973 (repealed 25.8.2000) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1973/62/contents>. – Date of access: 18.04.2019.
4. Бабина, С.А. Особенности применения условного осуждения в зарубежных странах (на примере США) / С.А. Бабина // Бизнес в законе. – 2010. – № 4. – С. 66–68.

УДК 343.8

В.С. Магнушевский, курсант факультета милиции

Научный руководитель – *Ю.Ф. Маишталер*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПРИ ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Необходимая оборона является одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния, соответственно, для начала следует понимать, что это за обстоятельства и каковы их виды. Под обстоятельствами, исключающими преступность деяния, понимаются такие обстоятельства, наличие которых превращает внешне сходные с преступлениями деяния в правомерные, а некоторые – даже в общественно полезные. По мнению Э.А. Саркисовой, под обстоятельствами, исключающими преступность деяния, понимаются такие ситуации, предусмотренные в уголовном законе, при возникновении которых причинение существенного вреда правоохраняемым объектам признается правомерным, вследствие чего совершенное деяние не считается преступным [1, с. 283].

Согласно гл. 6 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) к перечню таких обстоятельств относится необходимая оборона; крайняя необходимость; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию; деяние, связанное с риском; исполнение приказа или распоряжения [2].

Стоит отметить, что в теории уголовного права до сих пор ведутся оживленные дискуссии по поводу института необходимой обороны.

Природа рассматриваемых выше обстоятельств в теории уголовного права оценивается различными способами: как обстоятельства, исключая общественную опасность, обстоятельства, исключая уголовную ответственность и наказуемость, исключая противоправность деяния.

Соответственно, для того чтобы выяснить было ли превышение необходимой обороны или нет, следует понять следующие моменты: имело ли место несоответствие защиты характеру и опасности посягательства; было ли несоответствие явным для обороняющегося; выражалось ли данное несоответствие в том, что посягающему без необходимости причинялись тяжкие телесные повреждения либо смерть.

Так, в ст. 34 Уголовного кодекса Республики Беларусь под необходимой обороной понимается защита жизни, здоровья, прав обороняющегося или другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему [2].

В настоящее время в Республике Беларусь за превышение пределов необходимой обороны предусмотрена уголовная ответственность. Она выражается в ст. 143 «Убийство при превышении пределов необходимой обороны» УК, а также в ст. 152 «Умышленное причинение тяжкого телесного повреждения при превышении мер необходимой обороны» УК. В свою очередь, за убийство при превышении пределов необходимой обороны уголовным законом предусмотрена альтернативная санкция, выражающаяся в назначении лицу такого наказания, как исправительные работы, ограничение свободы, лишение свободы до двух лет [2].

Рассмотрим назначение наказания при превышении мер необходимой обороны в зарубежных странах на примере Российской Федерации (РФ). В РФ ситуация обстоит следующим образом. Превышение пределов необходимой обороны регулируется такими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), как ст. 108 «Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление», а также ст. 114 «Причинение тяжкого или средней тяжести телесного вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление» [3].

Первое отличие заметно исходя из названия указанных выше норм. Так, в РФ в диспозицию статьи, помимо необходимой обороны, добавляется и задержание лица, совершившего преступление. Однако если посмотрим на санкции статей, то они примерно одинаковы. Например,

ст. 108 УК РФ за убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, предусматривает альтернативную санкцию, а именно включает в себя следующие виды наказаний: исправительные работы, ограничение свободы, принудительные работы, лишение свободы на срок до двух лет. Здесь отличием является наличие в санкции статьи такого вида наказания, как принудительные работы. Принудительные работы были введены в качестве альтернативного наказания за совершение преступления небольшой и средней тяжести в первый раз и при раскаянии преступника – Особенная часть УК РФ. Основная цель – перевоспитать преступника в условиях, наиболее подходящих для психологической стороны вопроса [4].

Касаемо ст. 114 «Причинение тяжкого или средней тяжести телесного вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление» УК РФ, то санкция данной статьи аналогична со ст. 108 УК РФ, за исключением того, что наказание назначается на срок до одного года, а не до двух лет, как было в санкции предыдущей статьи. Важным отличием является то, что, по сравнению с УК Республики Беларусь, санкция за данный вид преступления является жестче, так как не предусматривает в себе такие виды наказаний, как общественные работы и штраф.

Рассмотрим назначение наказания при превышении пределов необходимой обороны в Украине. Так, данный вид преступлений представлен ст. 118 «Умышленное убийство при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания преступника» УК и ст. 124 «Умышленное причинение тяжких телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания преступника» УК. Здесь уже в названии статьи фигурирует слово «умышленное», что также является отличием [5].

При рассмотрении санкций статей можно сказать, что они практически сходны с предыдущими санкциями. Так, санкция за убийство при превышении пределов необходимой обороны – исправительные работы на срок до двух лет, ограничение свободы до трех лет, лишение свободы на срок до двух лет. Отличием здесь является срок ограничения свободы. Если в предыдущих санкциях он составлял два года, то в данной санкции – три. Причинение тяжких телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны наказывается общественными работами на срок от 150 до 240 часов или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом на срок до шести месяцев, или ограничением свободы на срок до двух лет. Стоит отметить, что здесь уже, в

отличие от уголовного законодательства РФ, появляется такой вид наказания, как общественные работы и арест, также присутствует различие и в сроках.

Таким образом, проанализировав вышеизложенный материал, можно сделать следующие выводы:

в Республике Беларусь, РФ и Украине существуют два вида преступлений при превышении пределов необходимой обороны: при причинении смерти; при причинении тяжких телесных повреждений;

наказания за такие виды преступлений в указанных выше странах является практически одинаковым. Это обусловлено тем, что в XX в. эти государства шли по одной модели развития, имели сходное законодательство. Так, например, УК Республики Беларусь и УК РФ образовались от Уголовного кодекса СССР (в 1996 г. был разработан модельный уголовный кодекс);

в Республике Беларусь наказания, назначаемые за преступления, совершенные при превышении пределов необходимой обороны, являются наиболее оптимальными. Это обусловлено тем, что, исходя из материалов дела, характеристики личности осужденного, а также характера и степени тяжести преступления, суд может вынести наиболее гуманное и правильное решение, соблюдая такие принципы уголовного закона, как неотвратимость ответственности, личной виновной ответственности, справедливости и гуманизма.

Список использованных источников

1. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учебник / Э.А. Саркисова ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд., пересмотр. и доп. – Минск : Академия МВД, 2017. – 559 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW>. – Дата доступа: 22.04.2019.

4. Что такое и где проходят принудительные работы? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruadvocate.ru/vidy-nakazaniy/prinuditelnye-raboty/>. – Дата доступа: 22.04.2019.

5. Уголовный кодекс Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://urist-ua.net/кодекси/кримінальний_кодекс_україни/. – Дата доступа: 22.04.2019.

М.О. Макаренко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.А. Тум*

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В ОБЩЕСТВО ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ОТ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Исполнение наказания в отношении лица, совершившего преступление, направлено на достижение целей уголовной ответственности, предусмотренных ст. 44 УК Республики Беларусь. Вместе с тем большинство ученых и практических работников правоохранительных органов полагают, что в настоящий момент практика исполнения наказаний ориентирована в основном на карательное воздействие на осужденного без социально-адаптационного постпенитенциарного сопровождения. По мнению ученых и практических работников, такая форма реализации наказания прямо или косвенно обуславливает высокий уровень рецидивной преступности. Специалистами в области исполнения наказаний отмечено, что отбытие наказания должно сопровождаться не только карательно-воспитательным воздействием на осужденного. Указанный процесс должен сопровождаться и комплексом социально-адаптационных мероприятий, призванных решить проблему успешной интеграции осужденного в общество после отбытия наказания. Актуальность представленной проблемы подтверждает проведенное представителями управления надзорно-исполнительной деятельности МВД Республики Беларусь масштабное анкетирование содержащихся в исправительных учреждениях лиц, имеющих две и более судимости, которое показало, что в большинстве случаев рецидива можно было бы избежать при условии успешной интеграции в общество осужденных после первого освобождения. Немаловажное значение имеет и тот факт, что освободившись условно-досрочно из исправительного учреждения, лицо сталкивается с иной социальной реальностью, которая могла измениться, иногда и существенно, поднимая перед лицом проблему восстановления утраченного социального положения в обществе. Например, найти работу, жилье, восстановить утраченные социальные связи.

Говоря о периоде неотбытой части наказания лица, освобожденного условно-досрочно, необходимо отметить, что приоритетным для государства должно стать установление системы правовых норм, устанав-

ливающих помимо контроля также и обязанности заинтересованных органов системы мер, оказывающих помощь после условно-досрочного освобождения из исправительного учреждения для интеграции лица в социум. Не подлежит сомнению и тот факт, что испытательный срок лица, освобожденного условно-досрочно, не может проходить без контроля со стороны уполномоченных государственных органов. Представляется, что процессу интеграции в общество лиц, освобожденных условно-досрочно, должен способствовать симбиоз правовых норм как контрольно-надзорной направленности, так и социально-адаптационной. Таким образом, под интеграцией в общество понимается совокупность мероприятий контрольно-надзорного и социально-адаптационного характера, применяемых в отношении лица, освобожденного от наказания, для предотвращения с его стороны противоправного поведения. Вместе с тем законодательство Республики Беларусь на данный момент не предусматривает комплексного подхода к интеграции в общество лиц, освобожденных условно-досрочно.

Если провести анализ законодательства, регулирующего постпенитенциарную стадию неотбытой части наказания при условно-досрочном освобождении (от момента освобождения из исправительного учреждения и до окончания срока неотбытой части наказания), то можно сделать вывод, что правовое поле Республики Беларусь испытывает «вакуум» в вопросе регулирования интеграции в общество лиц, в отношении которых было применено условно-досрочное освобождение. Обостряет проблему также и отсутствие единого органа, который отвечал бы за интеграцию в общество лиц, освобожденных условно-досрочно.

Законодательство, определяющее правила предоставления условно-досрочного освобождения в Республике Беларусь, на данный момент устанавливает только один орган, занимающийся постпенитенциарным сопровождением лица, освобожденного условно-досрочно, до окончания срока неотбытой части наказания – уголовно-исполнительные инспекции, осуществляющие профилактические мероприятия по контролю за поведением указанной категории лиц. Однако основная проблема, связанная с постпенитенциарной адаптацией, заключается в том, что данные органы, по сути, выполняют только одну задачу – контроль за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, не решая при этом актуальной проблемы постпенитенциарного периода, – интеграция в общество лица, освобожденного условно-досрочно. Правильно отмечается в научной литературе, что при реализации уголовной политики много внимания и работы направлено на исправление осужденных, но

вместе с тем недостаточно много проводится мероприятий по социальной адаптации лиц, освобождаемых условно-досрочно. Таким образом, исходя из вышеизложенного следует констатировать, что одна лишь ориентация на осуществление надзорных функций за лицами, освобожденными условно-досрочно, не даст результата, необходимого для интеграции данных лиц в общество.

Научное сообщество Республики Беларусь обоснованно поднимает вопрос о преобразовании нынешнего правового регулирования прав и обязанностей лица, освобожденного условно-досрочно, в период неотбытой части наказания, а также переработки законодательства для выстраивания качественно новой системы, ориентированной в первую очередь на ресоциализацию лица. Обращаясь к термину «ресоциализация», следует отметить, что в настоящее время он недостаточно разработан в отечественной научной литературе. По данному вопросу отсутствует единый подход.

Обозначенные проблемы осложняют правотворческую и правоприменительную деятельность, связанную с проведением мероприятий, необходимых для интеграции осужденного в общество.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что существует необходимость разработки правовых норм для комплексной координации действий должностных лиц, участвующих в социальной адаптации осужденных, освобожденных от наказания условно-досрочно. Представляется, что указанную проблему наиболее целесообразно решить посредством принятия Закона Республики Беларусь «О социальной адаптации лиц, освобожденных от наказания в виде лишения свободы». В предложенном законодательном акте необходимо заложить основы, руководящие начала деятельности субъектов социальной адаптации как государственной, так и негосударственной (частной) формы собственности. При этом общее руководство процессом социально-адаптационных мероприятий целесообразно установить за уголовно-исполнительными инспекциями ввиду того, что в настоящее время именно у этих органов накоплен значительный опыт сопровождения лиц, состоящих у них на учете, а также взаимодействие с субъектами, уполномоченными проводить мероприятия по интеграции осужденного в общество после условно-досрочного освобождения.

И.Л. Нечаев, выпускник факультета милиции
 Научный руководитель – *Ю.Ф. Маиталер*

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЗНАКОВ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ АНГЛИИ

Несмотря на то что Англия является «колыбелью» общего права, она до сих пор сохранила равноценность прецедента и статутного законодательства как источников права. Указанное обстоятельство обусловило большое обилие и запутанность источников, оперировать которыми не всегда под силу даже специалистам.

Основная масса оценочных признаков обязана своим появлением законодателю, намеренно отказавшемуся от определения используемых им понятий и предоставившему право соответствующего толкования суду. При этом, с точки зрения Е.В. Кобзеевой, в английском уголовном праве существуют две группы созданных судебной практикой оценочных признаков:

те, которые с успехом отражают сущность того или иного законодательного термина, пользуясь стабильностью в единообразном их понимании и имея более или менее устойчивое содержание, и без труда конкретизируются в процессе применения соответствующей нормы права;

те, которые лишь в незначительной степени способствуют уяснению смысла того или иного законодательного термина, не создавая постоянства в практике его применения, и содержание которых (а значит и содержание толкуемого законодательного термина) устанавливается специально применительно к конкретному казусу [1].

К оценочным признакам первой группы можно отнести выработанное судебной практикой понятие, с помощью которого, в числе прочих, определяется содержание термина «неосторожность». Речь идет о понятии «разумный человек». Неизвестное ни законодательству, ни судебной практике стран СНГ, данное понятие имеет общепризнанно среди британских судей и широко используется ими при определении формы вины преступника, практически не вызывая трудностей в своей конкретизации. Сущность указанного понятия, с точки зрения практики его применения, заключается в том, что «неосторожными признаются как те деяния, когда лицо предвидит последствия своего поведения, так и те деяния, когда оно не предвидит, но должно предвидеть их, поскольку это под силу «разумному человеку» [2, с. 77].

Само понятие «разумного человека», будучи определенным лишь спустя несколько столетий его использования, не содержит постоянных пра-

вил об осведомленности, физическом состоянии, возрасте, а также других субъективных характеристиках привлекаемого к ответственности лица, расшифровывается путем употребления исключительно оценочных признаков и обязывает, поэтому суд «исследовать вопрос об интеллекте или зрелости подсудимого» в каждом конкретном случае [2, с. 18]. «Разумный человек – это обычное лицо любого пола, не сильно впечатлительный и не сильно агрессивный, но имеющий такое самообладание, проявление которого в соответствии с уровнем развития современного общества от него вправе ожидать другие люди» [3, с. 271–272].

Олицетворением второй обозначенной нами группы оценочных понятий могут, на наш взгляд, выступить такие признаки, как «безответственность», «грубость» небрежности как самостоятельной формы вины в английском уголовном праве. Нагляднее всего вышеуказанные особенности данной группы оценочных признаков (на примере небрежности) проявляются в суждении Б. Стэнтона: «Небрежность, чтобы стать уголовно наказуемой, должна быть грубой или безответственной. Что представляет собой такая небрежность, должно определяться по каждому конкретному делу. Она может состоять в неосторожной невнимательности при совершении действия, которое при иных условиях было бы правомерным, либо в безответственном бездействии, при условии, что существовала явно выраженная обязанность по отношению к лицу, которому причинен вред» [2, с. 78]. На наш взгляд, подобное разъяснение сущности уголовно наказуемой небрежности вносит немного ясности в процесс осуществления соответствующей правоприменительной деятельности, не говоря уже о том, что несведущему в праве человеку в данной формулировке вообще трудно что-либо понять.

Таким образом, основные особенности использования оценочных признаков при регулировании уголовно-правовых отношений в Англии заключаются:

во-первых, в разнообразии источников их появления – они могут как изначально использоваться законодателем и судебной практикой при создании норм статутного и общего права, так и быть следствием толкования, конкретизации имеющихся норм уголовного права, т. е. новые оценочные признаки могут появиться «по решению самого судьи»;

во-вторых, в почти неограниченных полномочиях суда по их толкованию, последующему применению и изменению в необходимых случаях сущности ранее данного толкования;

в-третьих, в огромной роли выработанных судебной практикой оценочных признаков при уяснении смысла и содержания многих законов.

Список использованных источников

1. Кобзеева, Е.В. Оценочные признаки в уголовном законе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Кобзеева. – Саратов, 2002.
2. Крылова, Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право современных зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии) : учеб. пособие / Н.Е. Крылова, А.В. Серебренникова. – М. : Зерцало, 1997. – 379 с.
3. Малиновский, А.А. Оценочные понятия в законодательстве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сб. ст. Т. 1 / под ред. В.М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – 423 с.

УДК 343.2

В.В. Павлович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Н.И. Козелецкая*

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, СУЩНОСТЬ

Среди многочисленных задач уголовного права важнейшей является предупреждение преступлений. Для ее решения созданы различные уголовно-правовые средства и механизмы. Одним из таких механизмов является институт добровольного отказа от преступления. В широком понимании он означает, что при осуществлении преступного посяательства лицо может прекратить начатую противоправную деятельность, отказаться от доведения ее до конца. Если это происходит по его собственной воле и желанию, а не под влиянием объективных препятствий и иных обстоятельств, то возникает вопрос о наличии в его поведении признаков добровольного отказа от преступления.

Однако стоит отметить, что признака добровольности для признания прекращенной противоправной деятельности добровольным отказом недостаточно. В науке уголовного права также выделяют окончательность отказа и своевременность осуществления добровольного отказа [1, с. 249]. Вместе с тем в науке уголовного права существуют другие точки зрения: одни исследователи перечень указанных признаков дополняют, другие – выделяют иные признаки, присущие добровольному отказу [2, с. 51–57].

Уголовно-правовой институт добровольного отказа от совершения преступления, по мнению М.А. Шаминой, представляет собой определенную совокупность правовых норм, запрещающих привлечение лица к уголовной ответственности при условии, что оно, выполняя действия по подготовке преступления или уже совершая преступление, по соб-

ственной воле отказывается от продолжения дальнейших действий по его совершению [3, с. 66].

Белорусское уголовное законодательство содержит легальное определение добровольного отказа от преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 15 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) «добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовительных действий либо прекращение действия или бездействия, непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо знавало возможность доведения преступления до конца» [4].

В ранних работах ученых существовала позиция, согласно которой основное значение института добровольного отказа от преступления состоит в том, что он «побуждает лицо воспользоваться возможностью отказаться от преступления, то есть стимулирует общественно полезное поведение» [5, с. 80]. Интересным представляется суждение А.И. Коробеева, А.В. Усс и Ю.В. Голика, утверждавших, что человек, попавший в сферу действия уголовного закона, должен иметь возможность при соблюдении определенных условий в любой момент выйти из сферы его действия [6, с. 189]. Некоторые авторы связывают понятие юридического отказа со значением слова «отказаться», «перестать продолжать что-либо» [7, с. 71]. О таком отказе можно говорить только тогда, когда налицо определенные действия, уже выполненные кем-то на «пути» к совершению преступления.

В уголовно-правовой доктрине добровольный отказ от совершения преступления рассматривается в узком и широком смысле [8, с. 18].

В узком смысле добровольный отказ от преступления – непосредственно сам акт отказа, т. е. прекращение лицом развития начатой им же преступной деятельности. Об этом свидетельствует, в частности, ч. 1 ст. 15 УК, устанавливающая признаки добровольного отказа, которые характеризуют именно поведенческий акт лица, выразившийся в его отказе от продолжения преступления [1].

Вместе с тем добровольный отказ от преступления может пониматься и в *широком смысле* – как деяние в целом. Иными словами, под добровольным отказом в широком смысле понимается деяние, представляющее изначально реализацию лицом преступного умысла (подготовка к совершению преступления или исполнение деяния), и последующее за ней прекращение данных действий (бездействия) до момента окончания преступления по собственной воле [8, с. 18].

В целом можно утверждать о том, что понятие «добровольный отказ от преступления» в широком смысле применяется в основном наукой уголовного права. Законодатель при конструировании норм ч. 1 ст. 15 УК использует данный термин в узком смысле.

По причине отсутствия в ранее действовавших уголовных законах легального определения добровольного отказа многими учеными выдвигались собственные его определения.

Весьма качественным следует считать определение, сформулированное Н.В. Лясс: «добровольный отказ есть окончательный, по собственной воле, по любым мотивам отказ лица от продолжения и доведения до конца задуманного преступления при осознании объективной возможности продолжения начатой преступной деятельности» [9, с. 17]. Данное определение отличается завершенностью за счет полноты перечисления признаков. Особенностью определения является указание на безразличность мотивов отказа. С одной стороны, данное утверждение по своей сути верно, а с другой, если мотивы не имеют значения, то соответствующий признак при его включении в дефиницию выглядит бессодержательно. Но главный изъян остается все тем же – отказ определяется через отказ.

В современной учебной литературе обычно воспроизводится определение добровольного отказа от преступления, закрепленное в уголовном законе.

Так, Н.А. Бабий считает, что добровольный отказ от преступления – добровольное окончательное прекращение преступления, совершаемого на стадии приготовления или неоконченного покушения, при осознании лицом возможности доведения преступления до конца [10, с. 192].

Существование разнообразных подходов к определению понятия добровольного отказа от совершения преступления обуславливает его большую роль в современной науке уголовного права и тем самым определяет важность дальнейшего изучения.

Таким образом, институт добровольного отказа по своему социальному предназначению является поощрительным. Данный институт уголовного права считается безоговорочным основанием освобождения от уголовной ответственности за неоконченное преступление и стимулирует лицо к отказу от продолжения начатой преступной деятельности, гарантируя ему освобождение от уголовного преследования.

Список использованных источников

1. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. пособие / Н.А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 663 с.
2. Хатеневич, Т.Г. Признаки и формы добровольного отказа от совершения преступления / Т.Г. Хатеневич // Весн. ГРДУ. Серія 4, Правазнаўства. – 2010. – № 2 (99). – С. 51–57.
3. Шамина, М.А. Дискуссионные подходы к определению понятия «добровольный отказ от совершения преступления» / М.А. Шамина // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Право. – 2011. – № 35. – С. 66–68.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : текст по состоянию на 1 февр. 2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

5. Сахаров, А.Б. Предупредительная функция советского уголовного закона / А.Б. Сахаров // Актуальные проблемы уголовного права : сб. ст. – М. : ИГПАН, 1988. – С. 80–81.

6. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы / А.И. Коробеев, А.В. Усс, Ю.В. Голик. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1991. – 240 с.

7. Арпентьев, В.О. Понятие, уголовно-правовое значение, признаки добровольного отказа / В.О. Арпентьев // Наука и образование сегодня. – 2016. – № 3. – С. 71–73.

8. Орлова, А.И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики : автореф. дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.И. Орлова ; Сиб. федер. ун-т. – Красноярск : КрГУ, 2007. – 22 с.

9. Лясс, Н.В. Добровольный отказ от совершения преступления / Н.В. Лясс // Сов. юстиция. – 1963. – № 22. – С. 16–17.

10. Уголовное право. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий [и др.] ; под ред. В.М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002. – 496 с.

УДК 343.64

А.С. Часнок, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – *Ю.Ф. Маушталер*

НАКАЗАНИЯ ЗА УБИЙСТВО В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА

В международном праве жизнь человека признана высшей ценностью и охраняется нормами, которые служат важнейшей гарантией обеспечения безопасности человека в современном мире. Опираясь на международно-правовые предписания, практически все современные государства закрепили в своих законах неотъемлемое право человека на жизнь и объявили неприкосновенность личности.

Законодательство различных стран включает такое преступление, как убийство, ответственность за совершение которого сосредоточена как в уголовных кодексах, так и в отдельных законах.

Убийство, как умышленное преступление, представляет повышенную опасность для общества и требует незамедлительного вмешательства со стороны правоохранительных органов для выявления и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности.

Для достижения целей уголовной ответственности необходимо применение к лицу, совершившему убийство, соответствующих мер.

Такой мерой уголовной ответственности является наказание. Под наказанием следует понимать принудительную меру уголовно-правового воздействия, применяемую по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающуюся в предусмотренных законом лишениях или ограничениях прав и свобод осужденного [1, с. 341].

Прежде чем перейти к наказаниям в странах мира, необходимо осветить ответственность за убийство в Республике Беларусь. Согласно ст. 139 «Умышленное противоправное лишение жизни другого человека» Уголовного кодекса Республики Беларусь, включая 16 отягчающих обстоятельств, влечет за собой наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 25 лет, или пожизненное заключение, или смертную казнь [2].

Проведем сравнительный анализ с рядом стран.

Ответственность за убийство в Австрии. Уголовный кодекс Австрии сосредоточил в первом разделе «Преступные деяния против жизни и здоровья» ряд параграфов, посвященных охране жизни человека. Стоит отметить § 75 («Тяжкое убийство»), который гласит: «Кто убивает другого человека, наказывается лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет или пожизненным лишением свободы» [3].

Ответственность за убийство в Аргентине. Уголовный кодекс Республики Аргентина включает такое преступление, как убийство. Необходимо обратиться к ст. 80, где указаны убийства с отягчающими обстоятельствами. Уголовный кодекс Республики Аргентина в указанной статье гласит, что тот, кто причинил смерть:

своему родственнику по восходящей или нисходящей линии либо супругу, заведомо зная о существовании родственных связей;

с особой жестокостью, вероломством, использованием яда или применением другого коварного способа;

за плату или по обещанию денежного вознаграждения;

ради удовольствия, вследствие жадности либо расовой или религиозной ненависти;

средством, способным создать общественную опасность;

по преднамеренному сговору двух или более лиц;

с целью подготовки, облегчения совершения, исполнения или сокрытия другого преступления либо для того, чтобы гарантировать его эффективность или обеспечить собственную или иного лица безнаказанность, либо потому что не удалось добиться желаемого результата при покушении на другое преступление, будет наказан пожизненными каторжными работами или пожизненным тюремным заключением [4].

Ответственность за убийство в Болгарии. Уголовный кодекс Республики Болгария в ст. 115 закрепил понятие «убийство» как умышленное лишение жизни другого лица. В качестве отягчающих обстоятельств могут выступать убийства (ст. 116):

должностного лица, представителя общественности, а также военнослужащего, в том числе военнослужащего союзного или дружественного государства или армии при исполнении, или в связи с исполнением им служебных обязанностей или функций, или лица, пользующегося международной защитой;

совершенное должностным лицом, представителем общественности или лицом из полиции при исполнении или в связи с исполнением им своих служебных обязанностей или функций;

отца или матери либо родного сына или родной дочери;

беременной женщины, малолетнего лица или более одного лица;

лица, находящегося в беспомощном состоянии;

способом или средствами, опасными для жизни многих, особо мучительным для убитого способом или с особой жестокостью;

с корыстной целью;

с целью облегчения совершения или сокрытия другого преступления;

совершенное преднамеренно;

совершенное из хулиганских побуждений;

представляющее опасный рецидив или совершенное лицом, ранее совершившим другое умышленное убийство, предусмотренное предыдущей или настоящей статьей, по которому не был вынесен приговор.

Убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах, влечет за собой наказание в виде лишения свободы от 15 до 20 лет, пожизненное заключение или пожизненное заключение без замены [5].

Ответственность за убийство в Польше. В гл. XIX «Преступления против жизни и здоровья» Уголовного кодекса Республики Польша устанавливается уголовная ответственность за убийство при отягчающих обстоятельствах. К отягчающим обстоятельствам уголовный закон в § 2 ст. 148 относит убийство, совершенное:

с особой жестокостью;

в связи с захватом заложника, изнасилованием либо разбоем;

в результате мотивации, заслуживающей особого суждения;

с использованием огнестрельного оружия или взрывчатых веществ.

Стоит заострить внимание и на § 3 ст. 148, в котором содержится еще одно отягчающее обстоятельство – убийство двух или более лиц одним действием либо лицом, которое ранее было правомочно осуждено за убийство. Данные виды убийств наказываются лишением свободы на срок не менее 12 лет, лишением свободы на срок в 25 лет либо пожизненным лишением свободы [6].

В Российской Федерации умышленное причинение смерти другому человеку наказывается лишением свободы на срок от 6 до 20 лет с возможным ограничением свободы на срок до двух лет, либо пожизненным лишением свободы.

В Германии за убийство может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти лет и до пожизненного лишения свободы. Великобритания закрепила наказание в виде лишения свободы до 10 лет. В Японии – от 10 до 30 лет лишения свободы. В ЮАР – пожизненное лишение свободы. В Китае убийство наказывается лишением свободы на срок от 10 лет до пожизненного заключения либо смертной казнью, а при наличии смягчающих обстоятельств – от 3 до 10 лет лишения свободы. В Бразилии предусмотрено лишение свободы до 20 лет. Такие страны, как Иран, Нигерия, Саудовская Аравия, Сингапур выбрали в качестве наказания исключительную меру – смертную казнь [7].

Таким образом, мировое уголовное законодательство рассматривает убийство как одно из особо тяжких преступлений против личности. Лишение жизни другого человека не только свидетельствует о бесчеловечности, но вызывает большой общественный резонанс и активную дискуссию как в средствах массовой информации, так и в научных изданиях.

Список использованных источников

1. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учебник / Э.А. Саркисова ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд., пересмотр. и доп. – Минск : Академия МВД, 2017. – 559 с.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г., № 131-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Уголовный кодекс Австрии / науч. ред. и вступ. ст. д-ра юрид. наук, проф. С.В. Милукова ; предисл. Генер. прокурора Австрии, д-ра Э.О. Фабрици ; пер. с нем. Л.С. Вихровой. – СПб. : Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2004. – 352 с.
4. Уголовный кодекс Аргентины / науч. ред. и вступ. ст. д-ра юрид. наук, проф. Ю.В. Голика ; пер. с исп. Л.Д. Ройзенгурта. – СПб. : Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003. – 240 с.
5. Уголовный кодекс Болгарии / науч. ред. и предисл. канд. юрид. наук, проф. А.И. Лукашова ; пер. с болгар. Д.В. Милушева, А.И. Лукашова ; вступ. ст. Й.И. Айдарова. – СПб. : Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. – 298 с.
6. Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред., канд. юрид. наук, доц. А.И. Лукашов, д-р юрид. наук, проф. Н.Ф. Кузнецова ; вступ. ст. канд. юрид. наук, доц. А.И. Лукашова, канд. юрид. наук, проф. Э.А. Саркисовой ; пер. с пол. Д.А. Барилевич. – СПб. : Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2001. – 234 с.
7. Слободян, Е. Как отличаются наказания за преступления в разных странах мира. Инфографика [Электронный ресурс] / Е. Слободян // Ежедневник «Аргументы и Факты». – 2017. – № 31. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/dontknows/infographics>. – Дата доступа: 28.04.2019.

Научно-практическая конференция «Актуальные вопросы совершенствования правового регулирования экономических отношений в Республике Беларусь» (12 июня 2019 г.)

УДК 338

В.В. Бачинский, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
А.Г. Сачек

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

В настоящее время во всем мире происходят кардинальные социально-экономические, военно-политические и другие изменения, которые служили причиной политического и социально-экономического реформирования во всех странах СНГ в последние десятилетия. В основном это связано с такими процессами, как рационализация и глобализация, происходящие в мире. Беларусь, выступая как один из субъектов, указанных выше, не может находиться в стороне от этих изменений.

Высказывание о том, что основной угрозой экономической безопасности в Республике Беларусь выступают коррупционные проявления в центральных сферах жизнедеятельности государства, подтверждается национальным законодательством, так согласно абз. 12 п. 27 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, коррупционные проявления являются одной из основных угроз национальной безопасности. В связи с этим борьба с коррупцией является центральным звеном внутренней политики Республики Беларусь [2].

Проведенный анализ обобщенных статистических данных за последние три года свидетельствует о высокой степени «зараженности» коррупцией большинства социальных систем: система здравоохранения – 19,1 %, сельское хозяйство – 7,6 %, транспорт – 3,8 %, образование – 13 %, торговля – 6,6 %, промышленность – 10,7 %, финансы, страхование – 1,3 %, строительство – 12,2 %, культура, спорт – 2,2 %, социальные услуги – 13,8 %, государственное управление – 9,7 %. Следует также обратить внимание на достаточно высокую степень коррупционных проявлений в органах исполнительной власти.

В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь понятие коррупции, как угрозы экономической безопасности нашли широ-

кое правовое закрепление. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией», коррупция – умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой работы в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного [3].

В целом вопрос понимания коррупции, как антисоциального явления, получил свое развитие в различных научных исследованиях. Ввиду того, что коррупция относится к числу сложных, комплексных явлений, нет единого сформировавшегося мнения по поводу определения такого термина, как «коррупция» [4].

Анализ различных подходов к проблеме коррупции позволяет выделить ряд признаков, характеризующих рассматриваемое явление:

неразрывная связь коррупции с государственной властью, наличие у одного из субъектов коррупционных отношений соответствующего правового статуса государственного служащего, уполномоченного принимать юридически значимые решения;

интерактивный характер коррупционного воздействия на властную систему;

возможность посредством коррупционных проявлений существовать и успешно функционировать для получения не только личной выгоды, но и в коллективных интересах различных групп лиц;

неформальный характер деятельности участников коррупционных отношений;

обязательное наличие властных полномочий у лиц, совершающих действия коррупционной направленности;

возможность извлечения коррупционером не только имущественной, но и иной выгоды для себя или для третьих лиц.

Постановлением Генеральной прокуратуры, Комитета государственного контроля, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел, Следственного комитета и Комитета государственной безопасности Республики Бела-

русь от 27 декабря 2013 г. № 43/9/95/571/57/274 был утвержден перечень коррупционных преступлений, который включает в себя 10 следующих составов:

хищение путем злоупотребления служебными полномочиями (ст. 210 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК));

легализация («отмывание») средств, полученных преступным путем, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (ч. 2 и 3 ст. 235 УК);

злоупотребление властью или служебными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и 3 ст. 424 УК);

бездействие должностного лица из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 425 УК);

превышение власти или служебных полномочий, совершенное из корыстной или иной личной заинтересованности (ч. 2 и 3 ст. 426 УК);

незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 429 УК);

получение взятки (ст. 430 УК);

дача взятки (ст. 431 УК);

посредничество при взяточничестве (ст. 432 УК);

злоупотребление властью, превышение власти либо бездействие власти, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 455 УК) [5, с. 8].

Существует эффективная система нормативных правовых актов, направленных на борьбу с коррупцией. Непосредственное противодействие коррупции осуществляют органы прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности, в которых создаются специальные подразделения по борьбе с коррупцией. Следственный комитет Республики Беларусь, органы Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Государственный таможенный комитет Республики Беларусь и таможни, Государственный пограничный комитет Республики Беларусь и иные органы пограничной службы Республики Беларусь, Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь и его инспекции, Министерство финансов Республики Беларусь и его территориальные органы, Национальный банк Республики Беларусь, другие банки и небанковские кредитно-финансовые организации, а также другие государственные органы и иные организации участвуют в борьбе с коррупцией в пределах своей компетенции в соответствии с актами законодательства.

Особое место в системе органов, обеспечивающих экономическую безопасность и осуществляющих противодействие коррупции, занимают правоохранительные органы. Анализ статистических данных свидетельствует о высокой эффективности работы правоохранительных органов Республики Беларусь по противодействию коррупции.

За 2017 г. правоохранительными органами на территории Республики Беларусь выявлено 3 359 коррупционных преступлений, совершенных 1 456 лицами, 2018 г. – 3 356 коррупционных преступлений, совершенных 1 744 лицами.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что органы внутренних дел и органы финансовых расследований занимают ведущее место в рамках системы органов, обеспечивающих экономическую безопасность, по противодействию коррупционным проявлениям.

Список использованных источников

1. Абрамов, В.С. Коррупция и чиновничий рэкет / В.С. Абрамов // Мир безопасности. – 2001. – № 9. – С. 20–25.
2. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 (ред. от 24.01.2014 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 ; 21 июля 2015 г., № 2/2303 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Хилюта, В.В. К вопросу о понятии коррупции от 5 февраля 2016 г. [Электронный ресурс] // В.В. Хилюта / Ч. 2 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Василевич, Г.А. Противодействие коррупции – одна из главных задач государства и общества / Г.А. Василевич // Право.by. – 2014. – № 5. – С. 5–11.

УДК 342.9

В.А. Буйницкий, выпускник магистратуры

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.П. Семенюк*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА, ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ДЕПАРТАМЕНТА ОХРАНЫ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Проблемы обеспечения безопасности государства, личной и имущественной безопасности общества и граждан были актуальными во все времена. Решались данные проблемы в различных общественно-экономических формациях по-разному.

В настоящее время важным субъектом, обеспечивающим стабильность экономической безопасности в стране, является Департамент

охраны Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – Департамент).

Правовой статус Департамента определен в Положении о Департаменте охраны Министерства внутренних дел Республики Беларусь, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 4 июня 2004 г. № 268.

В соответствии с п. 1 данного положения Департамент уполномочен осуществлять функции в сфере охранной деятельности. В указанном положении определены основные задачи Департамента: осуществление охранной деятельности, в том числе охрана объектов, подлежащих обязательной охране Департаментом. В перечень задач также входит осуществление охраны общественного порядка на охраняемых подразделениями объектах, в зонах постов и маршрутов патрулирования. В контрольно-надзорной сфере это обеспечение соблюдения технических требований проектирования и производства средств и систем охраны, осуществление контроля за их внедрением и эксплуатацией; осуществление контроля за охранной деятельностью организаций. Исключением является охранная деятельность Службы безопасности Президента Республики Беларусь, Министерства обороны, Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности, Государственного пограничного комитета, подчиненных им юридических лиц, а также органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, таможенных органов. Данные государственные органы осуществляют охранную деятельность самостоятельно.

На основании перечисленных задач функциями Департамента по обеспечению экономической (имущественной) безопасности являются охрана физических лиц, охрана объектов (имущества) юридических и физических лиц, в том числе грузов, перемещаемых транспортом.

В рамках исследования правовых и организационных основ деятельности подразделений Департамента охраны МВД Республики Беларусь в сфере обеспечения имущественной безопасности целесообразно определение данного понятия, как теоретической основы формирования цели, задач и функций Департамента.

Официальные взгляды на сущность и содержание деятельности Республики Беларусь по обеспечению баланса интересов личности, общества, государства и их защите закреплены в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575. Национальная безопасность определена как состояние защищенности национальных интересов государства от внутренних и внешних угроз. Концепция выделяет ее основные виды, к которым относит экономическую, политическую,

научно-технологическую, социальную, демографическую, информационную, военную и экологическую безопасность.

В интересах развития системы законодательства нашей страны возможно и более детальное выделение других видов безопасности, что позволит на научной основе сформировать подсистемы ее обеспечения, определить правовой статус субъектов страны, реализующих свои полномочия в данной сфере.

Представляется, что по своей правовой природе имущественная безопасность является составной частью экономической безопасности. Она непосредственно пересекается с другими видами безопасности. Данное утверждение основывается на том, что в соответствии с Конституцией Республики Беларусь наша страна является социальным государством, которое обязано соблюдать и защищать права и свободы человека, его имущественную безопасность и неприкосновенность собственности.

Таким образом, можно определить, что имущественная безопасность – состояние защищенности имущества государства, граждан и юридических лиц от угроз различного характера, достигаемое путем реализации комплекса мероприятий правового, организационного, специального, инженерно-технического, воспитательного характера, направленных на обеспечение соблюдения имущественных прав.

Сущность имущественной безопасности составляют состояние и качество реально сложившихся социальных отношений в государстве и обществе, которые обеспечивают необходимый уровень безопасности имущества и позволяют государству прогнозировать, предупреждать, выявлять и устранять угрозы имущественным интересам.

Одной из основных задач Департамента предлагаем определить «обеспечение имущественной безопасности государства, граждан и юридических лиц», закрепив ее в п. 7 Положения о Департаменте охраны Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

УДК 347.73

В.А. Ковтун, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БОРЬБЫ С НАЛОГОВЫМИ ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ И ИХ РЕШЕНИЯ

Первостепенное значение в борьбе с налоговыми правонарушениями следует уделять оптимизации налоговой политики и повышению эффективности правового регулирования отношений по поводу взимания налогов и сборов.

Считаем, необходимо обратить особое внимание на совершенствование налогового законодательства, а также на устранение пробелов и коллизий в правовом регулировании налогообложения, существование которых не только провоцируют и способствуют совершению налоговых правонарушений, но в то же время и позволяют избежать юридической ответственности за их совершение [1, с. 24].

Немаловажным представляется и тот факт, что в настоящее время в рамках ЕАЭС весьма успешно функционирует постоянно действующий наднациональный регулирующий орган – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). В обязанности ЕЭК входит выработка предложений в сфере интеграции в рамках ЕАЭС, а также непосредственно вопросы финансовой сферы, в том числе и налоговые [2, с. 34].

Эффективность деятельности ЕЭК повышает ее возможность взаимодействия с многими профильными международными организациями, в числе которых следует отметить Межевропейскую организацию налоговых администраций, Международный центр по налогам и инвестициям, Международную налоговую ассоциацию, Европейскую конфедерацию налоговых консультантов и др. Основным международным актом в данной сфере является Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам от 25 января 1988 г. [3]. Участницами данной конвенции являются Казахстан, Россия (подписаны соответствующие законы о ратификации).

Наличие общих документов позволяет налоговым органам государств в осуществлении контроля за деятельностью компаний, зарегистрированных в офшорных зонах, в том числе в сборе и подготовке доказательной базы в случае выявления нарушений.

Поддерживаем мнение о том, что применение договоров об обмене информацией, а также их наличие и реализация на практике в странах – участницах ЕАЭС подразумевают существование следующих проблемных вопросов:

наличие актуальных проблем обмена информацией в рамках соглашений государств – участников ЕАЭС об избежании двойного налогообложения;

наличие недобросовестной налоговой конкуренции, а также разнообразных методов борьбы с ней: рекомендации ОЭСР и Организации Объединенных Наций (ООН) в контексте реализации принципа транспарентности и обмена различной информацией [4, с. 25].

Отметим также, что создание единого экономического пространства в рамках ЕАЭС способствует деятельности различных преступных сообществ в целях создания трансграничных схем по отмыванию кри-

минальных доходов. Вместе с тем следует указать, что в ЕС происходит рост мошенничества в сфере НДС.

В качестве существенного недостатка сложившейся ситуации можно назвать то, что положениями Договора о ЕАЭС в настоящее время не регламентируется какой-либо специальный правовой режим налогообложения добавленной стоимости для государств-членов [5, с. 146].

Так как в условиях современных реалий присутствуют многочисленные коллизии в национальных нормах налогового законодательства, можно смело утверждать, что государствам – участникам ЕАЭС необходимо в обязательном и срочном порядке работать в нескольких направлениях, в частности:

четко регламентировать законодательно компетенцию ЕАЭС в сфере организации согласованной политики в налогообложении, а также в отношении добавленной стоимости;

разработать проект налогово-правовых установлений по налогообложению добавленной стоимости в ЕАЭС, которые будут предусматривать постепенную многоступенчатую гармонизацию национальных правил в целях полной унификации элементов и процедур НДС;

сформировать специальный орган ЕАЭС в целях практической реализации и координации налоговой политики в сфере НДС [6, с. 172].

Полагаем, заслуживает внимания и предложение о создании наднационального уголовного законодательства, а также законодательства об административных правонарушениях. Отметим, что уже совершены конкретные действия в данном направлении.

Так, был принят Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза [7].

Вместе с тем проблема противодействия указанной легализации на практике далека от окончательного разрешения.

Но несмотря на это, таких мер недостаточно. Исходя из этого следует утверждать, что в качестве нового направления правовой политики в области налогообложения должно выступить развитие целой системы законодательных актов, которые будут унифицированы для Таможенного союза и направлены на предупреждение преступлений, в частности, налоговых преступлений международного характера.

Поддерживаем мнение о целесообразности принятия кодекса правоохранительной деятельности ЕАЭС (КПД ЕАЭС), цель которого заключается в консолидировании нормы различных отраслей права. Данный документ позволит обеспечить эффективное взаимодействие правоохранительных служб стран ЕАЭС.

Особое внимание следует уделить внедрению автоматического обмена информацией на всех уровнях. Это будет способствовать ликвидации института офшорных юрисдикций в Европе с точки зрения схем уклонения, однако не минимизации налогообложения.

Таким образом, направлений совершенствования борьбы с налоговыми правонарушениями может быть столько, сколько объектов для непрерывного мониторинга исполнения Договора в целях своевременного устранения недостатков в правовом регулировании данного вопроса, которые могут повлечь замечания международных экспертов. Полагаем, следует более эффективно работать над созданием наднационального уголовного законодательства, а также законодательства об административных правонарушениях в целях предупреждения и выявления налоговых правонарушений.

Список использованных источников

1. Макевнина, Д.Ю. Законодательство о налоговых правонарушениях: недостатки и направления реформирования / Д.Ю. Макевнина, Н.А. Филиппова // *Вопр. экономики и права.* – 2012. – № 9. – С. 24–27.

2. Волова, Л.И. Роль норм и институтов международного налогового права в предотвращении налоговых правонарушений / Л.И. Волова // *Северо-Кавказ. юрид. вестн.* – 2018. – № 2. – С. 36–45.

3. Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам от 25 января 1988 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. – Дата доступа: 05.04.2019.

4. Зарипов, В.М. Предложения по совершенствованию законодательства об ответственности за налоговые правонарушения / В.М. Зарипов // *Налоги и налогообложение.* – 2005. – № 5. – С. 25–32.

5. Васкевич, К.Н. Систематизация международного опыта формирования системы юридической ответственности за налоговые правонарушения / К.Н. Васкевич // *Соврем. о-во и право.* – 2016. – № 3 (24). – С. 145–151.

6. Николаев, А.М. Актуальные проблемы борьбы с налоговыми преступлениями международного характера в новых интеграционных объединениях / А.М. Николаев, Е.Ч. Мурзагалиев // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Серия 5, Юриспруденция.* – 2016. – Т. 15. – № 4 (33). – С. 169–176.

7. Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза [Электронный ресурс]: [подписан в г. Астане 5 июля 2010 г.]: (с изм. от 10 окт. 2014 г.). – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. – Дата доступа: 05.04.2019.

В.С. Кулик, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

ВЛИЯНИЕ ОПАСНЫХ ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ НА ЛЕСНЫЕ РЕСУРСЫ

Территория Беларуси расположена в центре Европы, имеет важное стратегическое и геополитическое значение, является неотъемлемой частью большого европейского региона, который подвержен влиянию глобальных климатических процессов. Современные глобальные изменения климата осложняются антропогенными воздействиями, и прежде всего возрастающей ролью парниковых газов, крупномасштабных стихийных бедствий и эпизодических аномальных явлений [2, с. 266].

В Беларуси, по данным инструментальных наблюдений, за последние двадцать лет увеличилась неравномерность выпадения осадков и среднегодовая температура на 1,1 °С от климатической нормы. В свою очередь, уменьшение и неравномерность осадков в стране, особенно в сочетании с повышенным температурным режимом, приводит к возникновению засушливых явлений. По наблюдениям гидрометеорологов, в результате изменения климата на территории Республики Беларусь участилось возникновение опасных гидрометеорологических явлений. По оценкам экспертов Всемирного банка (2005 г.), ежегодный ущерб от воздействия гидрометеорологических явлений в Беларуси составляет около 90 млн долл. Согласно прогнозным оценкам на ближайшие 60 лет, на территории Республики Беларусь ожидается дальнейший рост среднегодовой температуры на 1,0–2,9 °С. Прогнозируется, что рост среднегодового количества осадков будет незначительным и упадет только в зимние месяцы, когда их роль в качестве источника влаги для вегетационного периода текущего года не столь велика [3, с. 55].

Рост повторяемости опасных гидрометеорологических явлений (паводки и наводнения, ураганы и шквалы и др.), а также увеличение неблагоприятных внезапных изменений погоды приносят огромный вред лесному хозяйству. Изменение климата и состояние лесных ресурсов находятся в прямой взаимосвязи. Во-первых, изменение климата, рост среднегодовых температур, частые экстремальные погодные явления оказывают негативное влияние на лесные ресурсы. Во-вторых, леса поглощают и удерживают углекислый газ, смягчая тем самым последствия глобального потепления. Обратная сторона – образуется углекислый газ, способствующий парниковому эффекту.

Белорусские ученые разработали национальную программу адаптации к изменению климата до 2050 года. Эта программа одна из первых в Европе и создана в рамках Государственной научно-технической программы «Управление лесами и рациональное лесопользование», направлена на формирование устойчивых к внешним воздействиям лесных насаждений. Сохранение естественного биологического разнообразия экосистем – одна из ее важнейших задач. Страна располагает широким спектром природных ресурсов. Необходимость рационального использования природных ресурсов обусловили запросы современного общества и требования к направлениям научных исследований, которые должны быть ориентированы на поддержание устойчивого развития нашего государства, что подразумевает, в свою очередь, внедрение принципов «зеленой экономики» [1, с. 95].

В Беларуси наблюдаются более 20 гидрометеорологических явлений, которые обусловлены большой интенсивностью или продолжительностью. Метеорологические явления – сильные ветры, буреломы, изменение уровня грунтовых вод, пожары и их последствия – оказывают существенное влияние на распространение вредителей и болезней леса и представляют наибольшую опасность для ведения лесного хозяйства. В результате изменяется видовой состав и структура лесов, породы, которые находятся в Беларуси на границе ареала (ель европейская, граб, ольха), смещаются к северу, поскольку эти виды находятся в условиях, близких к экстремальным температурам и сухому климату.

Повышение температуры приводит к тому, что вегетационный период растений начинается значительно раньше, и поэтому увеличивается вероятность повреждения морозом деревьев, которые уже начали рост. Основной прирост древесины происходит весной и в первой половине лета и уменьшается во второй половине вегетационного периода из-за недостатка влаги в почве. Отсутствие дождей и жаркой погоды в летний период влияют на пожарную обстановку в лесах и устойчивость насаждений. Если не предпринять своевременные меры в настоящее время, то в будущем естественно появится угроза быстрого роста экологического и экономического ущерба в результате засух, что может отразиться на устойчивом развитии лесного хозяйства Республики Беларусь.

Перспективу для решения изученной проблемы открывает Стратегия адаптации лесного хозяйства к изменениям климата до 2050 года. С 2010 г. реализуются положения Стратегии за счет разработки новых проектов организации и ведения лесного хозяйства, проведения рубок ухода, восстановления лесов и лесоразведения. Таким образом, если реализовать комплекс мероприятий, изложенных в Стратегии, то уже к 2040–2050 гг. значительно повысится устойчивость лесных экосистем к климатическим изменениям, что предотвратит массовую гибель лесов и

укрепляются позиции белорусской лесной промышленности на внешних рынках. В связи с тем, что лесные экосистемы довольно медленно реагируют на изменения климата, сдвиг в районах распространения лесов будет отставать от текущих относительно быстрых изменений климата.

Следует также отметить, что основой для совершенствования правового регулирования климата выступают международные договоры, так как еще не принят нормативный правовой акт, прямо регулирующий климат в Республике Беларусь.

Как правило, последствия от катастроф имеют долгосрочный характер, поэтому очень важно не допустить экологического ущерба в лесном хозяйстве. Теоретический анализ данных позволяет выделить перспективные направления по адаптации к изменению климата, влияющего негативно на лесные ресурсы:

разработка планов по управлению рисками и кризисными ситуациями, а также их профилактика;

анализ экономических последствий стихийных бедствий с учетом социально-экологических факторов в течение более длительных периодов, при этом учесть и периодические колебания;

проведение мероприятий по восстановлению лесных массивов (оптимизация видового состава древесных пород с учетом условий произрастания леса);

внедрение быстрорастущих пород;

внедрение способов рациональной лесозаготовки;

совершенствование системы защиты и охраны от пожаров и вредителей;

повышение устойчивости лесов к пожарам (образование огнеупорных участков);

восстановление осушенных торфяников;

сохранение и защита биологического разнообразия;

оптимизация сети охраняемых природных территорий путем создания в будущем заповедников и национальных парков;

своевременно осведомление общественности по вопросам изменения климата, тесное взаимодействие со службами МЧС;

внедрить принцип сохранения и рационального использования биологического разнообразия, узаконенный в Лесном кодексе Республики Беларусь, в качестве обязательного элемента лесной политики.

Список использованных источников

1. Герменчук, М.Г., Мельник, В.И. Оценки экономической эффективности обслуживания гидрометеорологической информацией отраслей экономики в Республике Беларусь / Природ. ресурсы. – 2007. – № 3. – 95 с.

2. Логинов, В.Ф. Радиационные факторы и доказательная база современных изменений климата / В.Ф. Логинов. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 266 с.

3. Положение о государственном климатическом кадастре [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 4 окт. 2006 г., № 1301 (с изм. и доп.) // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

УДК 347.73

М.А. Мартинкевич, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ В ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В современном мире при помощи развития и повсеместному использованию информационных технологий стало возможным появление новых финансовых объектов, в полном объеме находящихся в информационном пространстве. Изначально использовавшиеся наличные денежные средства требовали определенных затрат при их использовании. Таким деньгам необходимо обеспечивать эмиссию, перевозку, хранение, обеспечение безопасности. С появлением электронных денег стало возможно совершение банковских и иных операций, не принимая во внимание расстояние, на которое их необходимо передать и количество денежных средств, которые нужно использовать. В настоящее время количество электронных денег значительно превышает количество находящихся в обороте наличных денежных средств.

Современным этапом стало использование цифровых денег, выраженных в криптовалюте. Стремительный рост популярности привел к привлечению все новых пользователей и потребовал правового регулирования. Так, в Республике Беларусь был издан Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», при помощи которого определяются права физических и юридических лиц на приобретение и использование криптовалюты. Определяется и само понятие криптовалюты, как биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена. Теперь физические лица вправе владеть токенами и с учетом особенностей, установленных указанным выше декретом, совершать следующие операции: майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен токенов на иные токены, их приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту,

электронные деньги, а также дарить и завещать токены. Юридические лица вправе владеть токенами и с учетом особенностей, установленных названным декретом, совершать следующие операции: через резидента Парка высоких технологий, осуществляющего соответствующий вид деятельности, создавать и размещать собственные токены в Республике Беларусь и за рубежом; хранить токены в виртуальных кошельках; через операторов криптоплатформ, операторов обмена криптовалют, иных резидентов Парка высоких технологий, осуществляющих соответствующий вид деятельности, приобретать, отчуждать токены, совершать с ними иные сделки (операции) [1].

Сама природа криптовалют близка к природе денег, но поскольку ни одна страна не может выступать в качестве эмитента, гарантировать безопасность их использования не представляется возможным.

Необходимо отметить, что вызывает настороженность факт неустойчивой ценовой оценки криптовалют. С одной стороны, это и является основанием для их использования с целью обогащения. Но устойчивость экономики – изначальная и одна из главных целей, которая стоит перед любым государством. При помощи вложения денежных средств на современном этапе возможно прогнозирование увеличения капитала при использовании криптовалюты, но возникает несоизмеримый риск потери денежных средств. Так, при массовом использовании как гражданами, так и организациями при осуществлении валютно-денежных операций цифровых денег создается возможность причинения значительного ущерба при наступлении обстоятельств отсутствия доступа к криптовалютам. Так, в 2013 г. торговая платформа для биткоинов внезапно закрылась 26 октября 2013 г. Лица, которые ее использовали, не имели возможности войти в систему, потеряли биткоинов на сумму около 5 млн долл. Если золото или фиатные деньги представляют собой объекты материального мира, то криптовалюты – это строки кода, которые становятся недоступными при отсутствии подключения к сети Интернет. Однако страны с развитой экономикой не запретили использование криптовалют, а ввели необходимые ограничения для недопущения использования крипты в мошеннических целях.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы: криптовалюты – новый объект финансовых отношений;

с популяризацией использования криптовалюты в денежном обороте необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в этой части;

создается необходимость более детального изучения криптовалюты для безопасности ее использования.

Список использованных источников

1. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 343.9

К.С. Марченко, курсант уголовно-исполнительного факультета
Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент
М.А. Кравцова

ПОНЯТИЕ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОРРУПЦИИ

Для того чтобы более детально рассмотреть явление коррупции, следует обратиться к истории ее происхождения и причинам, ее порождающим.

В античных обществах различные подношения и подати были нормой. Дорогой подарок всегда выделял человека среди других просителей и способствовал, чтобы его просьба была выполнена. Упоминание об этом явлении встречается в сочинениях по искусству государственного управления, религиозной и юридической литературе Египта, Месопотамии, Иудеи, Индии и Китая – во всех центрах древневосточных цивилизаций.

Процветала коррупция и в период существования Российской империи. Мздоимство упоминается в русских летописях XIII в. Первое законодательное ограничение коррупционной деятельности в России было осуществлено в царствование Ивана III.

А.В. Гусева, рассматривая возникновение коррупции, указывает, что «...в Европе коррупция в больших масштабах начинает распространяться в эпоху Раннего Средневековья, когда денежные отношения начали стремительно развиваться, когда наблюдался значительный рост численности государственного аппарата и сращивание ветвей государственной власти вопреки принципам римского права. В тот период коррупцию отождествляют с грехом, обольщением дьявола, что влечет за собой новое понимание коррупции как антисоциального явления, пронизывающего все общество сверху донизу. Коррупция становится первоосновой любого отступления от закона. Однако, как бы ни была распространена коррупция, с ней удавалось бороться – коррупционеров сжигали на кострах или лишали конечностей» [1].

При правлении Петра I был отмечен рост коррупционных проявлений, в связи с этим велась жестокая борьба с ними. В коррупции был обвинен и публично казнен сибирский губернатор Гагарин [2].

В начале XIX в. революция в России также не смогла побороть коррупцию. Однако уже тогда был принят Декрет РСФСР «О взяточничестве». Следует отметить, что ответственность по коррупционным преступлениям предусматривалась в Уголовных кодексах РСФСР.

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» «Коррупция – умышленное использование государственным должностным или приравненным к нему лицом либо иностранным должностным лицом своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного получения имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для себя или для третьих лиц, а равно подкуп государственного должностного или приравненного к нему лица либо иностранного должностного лица путем предоставления им имущества или другой выгоды в виде работы, услуги, покровительства, обещания преимущества для них или для третьих лиц с тем, чтобы это государственное должностное или приравненное к нему лицо либо иностранное должностное лицо совершили действия или воздержались от их совершения при исполнении своих служебных (трудовых) обязанностей, а также совершение указанных действий от имени или в интересах юридического лица, в том числе иностранного» [3].

Основными причинами коррупции являются несовершенство антикоррупционного законодательства; увеличение государственного аппарата; низкооплачиваемая государственная служба; отсутствие контроля за исполнением своих полномочий органов государственной власти; социально-экономические причины.

Анализ уголовных дел и материалов о преступлениях, связанных с коррупцией, свидетельствует, что такие проявления имеют место во всех сферах жизнедеятельности общества и государства. Взяточничество, хищения путем злоупотребления служебными полномочиями распространены в сферах промышленности, образования, здравоохранения, торговли, строительства, сельского хозяйства и т. п. В действительности граждане под влиянием исторически сложившихся стереотипов не имеют в сознании иных вариантов и моделей решений ни общественных, ни личных проблем.

Как видится, неприятие коррупционных проявлений на любом уровне должна начаться в сознании каждого человека, однако, к сожалению, наше гражданское общество к такому пониманию еще не пришло. Причиной тому служит присутствие личного интереса в решении различных жизненных ситуаций.

Таким образом, следует отметить, что именно коррупция является одной из важнейших проблем современного общества. Коррупция оказывает большое влияние на экономические, политические и иные сферы

государства, нарушает их стабильное функционирование и увеличивает финансовую разницу между слоями населения. Кроме того, коррупция – сложное и многогранное явление, которое не всегда можно выявить ввиду высокой степени латентности.

Список использованных источников

1. Гусева, А.В. Внимание: коррупция, или Как математика поможет в борьбе со взяточничеством / А.В. Гусева, М.А. Симатова // *Опыты Выездных школ : сб. лекций учеб.-науч. конф. ЭМШ / сост. Т.А. Воротникова, В.В. Красков.* – М., 2001. – С. 3.

2. Причины возникновения коррупции [Электронный ресурс] // Учебно-научный юридический институт. – Режим доступа: <http://law.nau.edu.ua/ru/molod-i-zakon/650-causes-of-corruption>. – Дата доступа: 28.06.2019.

3. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

УДК 343.9

Н.В. Фурс, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *А.В. Дешук*

КОРРУПЦИЯ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Основной правовой основой при борьбе с коррупцией выступает Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-3 «О борьбе с коррупцией». Настоящий закон устанавливает правовые основы государственной политики в сфере борьбы с коррупцией, направлен на защиту прав и свобод граждан, общественных интересов от угроз, вытекающих из проявлений коррупции, обеспечение эффективной деятельности государственных органов, иных организаций, государственных должностных и приравненных к ним лиц путем предупреждения, выявления, пресечения правонарушений, создающих условия для коррупции, и коррупционных правонарушений, устранения их последствий [1].

Данному закону предшествовал Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией», принятый в 2006 г. Но в связи с изменениями в различных сферах государства, а также для более детального установления правовых норм для реализации мер по противодействию коррупции в 2015 г. Закон «О борьбе с коррупцией» был принят в новой редакции. В последующем были изданы также иные нормативные правовые акты,

которые реализовывали мероприятия программ по усилению борьбы с коррупцией.

В Основном Законе Республики Беларусь прямо не указаны права и обязанности граждан по борьбе с коррупцией, но смысл можно найти и в других обязанностях. Например, ст. 57 Конституции Республики Беларусь предусматривает: «защита Республики Беларусь – обязанность и священный долг гражданина Республики Беларусь» [2].

Принципами борьбы с коррупцией являются законность, справедливость, равенство граждан перед законом, гласность, неотвратимость ответственности, гуманизм.

Органы прокуратуры, внутренних дел и государственной безопасности осуществляют борьбу с коррупцией. Стоит также отметить, что в Республике Беларусь существуют и органы финансовых расследований, которые призваны обеспечивать экономическую безопасность.

Основной задачей таких органов является профилактика, выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений в экономической сфере, в том числе коррупционных правонарушений [3].

Один из основных методов борьбы с коррупцией – декларирование доходов. Декларирование доходов и имущества обязаны представлять лица, которые поступают на государственную службу. Стоит указать, что и члены их семьи также должны представлять декларацию. Декларированию подлежат все доходы, полученные в течение календарного года как от источников в Республике Беларусь, так и от источников, которые находятся за пределами Республики Беларусь. Декларируется также и имущество: транспортные средства, земельные участки, драгоценные металлы и камни, иное имущество, если оно превышает 2 000 базовых величин.

В своих трудах О.А. Хотько отмечает, что «непредставление декларации о доходах и имуществе или умышленное внесение в нее неполных, недостоверных сведений являются основанием для отказа в приеме на государственную службу, назначении государственного служащего на другую государственную должность либо для привлечения его к дисциплинарной ответственности, в том числе освобождения от занимаемой государственной должности, в порядке, установленном законодательными актами Республики Беларусь» [4]. Из этого следует, что в Республике Беларусь применяется целый комплекс мер для борьбы с коррупцией [5].

Однако декларирование не является совершенным способом борьбы с коррупцией. Безусловно, он снижает уровень коррупции в государстве, но этого недостаточно. На основании вышеизложенного следует попробовать на практике ввести новые способы и методы борьбы с кор-

рупцией, соответственно, с внесением изменений в законодательство. Предлагаем выделить несколько способов привлечения к ответственности за нарушения антикоррупционного законодательства.

Одним из них можно выделить, как у нас уже практикуется, назначение госслужащего для восстановления предприятий, которые находятся в убытке. Однако к этому следует добавить такие наказания, как лишение всех социальных льгот, которые предоставляет госслужба, – пенсионное и социальное обслуживание. Этот способ наказания предлагается предусмотреть за коррупционные действия, которые не повлекли значительного ущерба государству.

В случае если государство понесло большие убытки из-за коррупционных действий того или иного должностного лица, то это следует рассматривать как особо тяжкое преступление. Согласно ст. 24 Конституции Республики Беларусь гражданам Республики Беларусь смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда [2]. Столь радикальные меры будут применяться в исключительных случаях для тех госслужащих, у которых низкий уровень правового воспитания. Справедливо задаться вопросом: «А как воспитать у госслужащих это правовое воспитание?» Перед назначением на должность им нужно будет пройти определенную систему обучения, посредством которой им будут разъяснять, что такое политический и общественный вред коррупции. Следовательно, необходимо внести в контракты госслужащих пункт о мерах возможного применения к ним наказания.

Как было отмечено ранее, осуществить борьбу с коррупцией с помощью одних госорганов проблематично и малоэффективно. Важно участие граждан в борьбе с коррупцией. Считаем, следует наделить граждан правом участвовать в общественном контроле в случае подозрения или обнаружения факта коррупции.

Таким образом, можно сделать вывод, что только при слаженном и добросовестном выполнении антикоррупционных мер, а также участии граждан в предотвращении коррупции и соблюдении ими законодательства Республики Беларусь возможно добиться уменьшения выявления коррупционных правонарушений (преступлений). Надо учитывать, что именно от граждан зависит развитие коррупции, а также и борьба с ней, что, в свою очередь, будет положительно сказываться на функционировании всех сфер государства, поднятии доверия к государственной власти.

Список использованных источников

1. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 2008 г., № 414-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. № 408-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

4. Хотько, О.А. Противодействие коррупции : учеб.-метод. комплекс / О.А. Хотько [и др.]. – Минск : БНТУ, 2017. – С. 16.

5. Правовые основы борьбы с коррупцией в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/pravovye-osnovy-borby-s-korruptsiey-v-respublike-belarus>. – Дата доступа: 28.06.2019.

УДК 343.9

А.И. Яроцкий, Н.В. Фурс,

курсанты уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Кравцова*

ПРОБЛЕМА ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Одной из глобальных проблем в мире на данный момент является загрязнение атмосферного воздуха. Так, мобильные источники загрязнения атмосферного воздуха составляют более 72 %. Наиболее характерными для города загрязняющими веществами являются диоксид азота, бензапирен, формальдегид, а также пыль и сажа. Однако для указанной проблемы органы местного самоуправления в соответствии с Законом «Об охране атмосферного воздуха» могут исполнять в данной области лишь делегированные государством полномочия [1, 2]. Таким образом, в виду сложившейся ситуации, на наш взгляд, необходимо в развитие законодательства издать нормативные правовые акты, которые позволят уменьшить поток автомобильного транспорта в главных городах края, так как согласно подсчетам уровень бензапирена на главных улицах городов в 20–40 раз превышает предельно допустимый; обязать руководителей предприятий менять устаревшее оборудование на новое, которое позволит фильтровать выбросы химикатов; проводить два раза в год проверки на соответствие нормам оборудование заводов и ТЭЦ; про-

верить не реже трех раз в год состав воздуха в разных точках на предмет содержания примесей, с немедленным реагированием на возникающие проблемы; создавать лесополосы возле главных городов, для обеспечения заграждения от примесей и их переработку; систематически высаживать деревья в городах и селах для фильтрации воздуха.

В настоящее время в Республике Беларусь мониторинг качества атмосферного воздуха осуществляет Государственное учреждение «Республиканский центр по гидрометеорологии, контролю радиоактивного загрязнения и мониторингу окружающей среды» (далее – Белгидромет). Кроме того, Белгидромет Министерства природы Республики Беларусь готовит аналитические сведения о состоянии окружающей среды, а также негативном воздействии на нее, разрабатывает карты радиационной обстановки на территории Республики Беларусь, тем самым снабжая органы государственного управления, а также местные исполнительные и распорядительные органы оперативной, режимной и прогностической информацией о состоянии и загрязнении окружающей среды. Белгидромет также систематически публикует информацию для общественности и граждан в периодических изданиях о состоянии окружающей среды и ее загрязнении [3].

В последние годы вопросам изменения климата уделяется большое внимание как на национальном, так и на международном уровнях. Основная теория причин изменения климата состоит в том, что происходит увеличение количества выбросов парниковых газов, которые задерживают и поглощают тепловое излучение поверхности Земли, создавая тем самым в атмосфере парниковый эффект, и это влечет ряд негативных последствий для разных стран мира.

Чтобы не допустить глобального изменения климата Земли из-за продолжающихся выбросов парниковых газов в атмосферу, почти четверть века назад (1992) была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН). Она исходила из того, что основной вклад в антропогенную эмиссию (выброс) парниковых газов вносит углекислый газ, доля которого в общей эмиссии газов, имеющих парниковый эффект и подпадающих под действие РКИК ООН, составляет более 75 %. Еще 16 % составляет метан, около 6 % – закись азота и около 2 % – прочие парниковые газы [4].

Целью данной конвенции являлась стабилизация концентрации парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не представлял бы угрозы для климатической системы Земли. Основными направлениями сотрудничества в области охраны климата являются сокращение выбросов парниковых газов (смягчение последствий изменения климата) и адаптация к изменениям климата. РКИК ООН ратифицировала 194

государства, и она продолжает и в настоящее время являться основополагающим международным документом в области противодействия изменениям климата. Вместе с тем указанные в ней цели имеют рекомендательный характер и не влекут юридических последствий для стран-нарушителей.

Список использованных источников

1. Агафонов, А.В. Доктринальные основы конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / А.В. Агафонов ; Саратов. юрид. ин-т МВД РФ. – Саратов, 2007. – С. 7–8.
2. Бараташвили, Д.Т. Принципы официального юридического толкования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.Т. Бараташвили ; Нижегород. акад. МВД. – Нижний Новгород, 2005. – С. 8.
3. Демичев, А.А. Позитивистская классификация принципов гражданского процессуального права // Арбитр. и гражд. процесс. – 2005. – № 7. – С. 6.
4. Об изменении климата [Электронный ресурс] : Рамочная конвенция Орг. Объед. Наций // Организации Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml. – Дата доступа: 01.06.2019.

IX курсантские научные чтения

«Актуальные проблемы теории и истории государства и права» (10 декабря 2019 г.)

УДК 351.74(09)

М.А. Асадчук, курсант факультета милиции

Навуковы кіраўнік – кандыдат гістарычных навук,
дацэнт *С.Ф. Лапановіч*

УКЛЮЧЭННЕ ГАЛОЎНАГА ЎПРАЎЛЕННЯ МІЛІЦЫ І СТРУКТУРУ МІНІСТЭРСТВА ДЗЯРЖАЎНАЙ БЯСПЕКІ ЯК ВОПЫТ РЭФАРМАВАННЯ ПРАВААХОЎНАЙ СІСТЭМЫ І КАНЦЫ 1940-х – ПАЧАТКУ 1950-х гг.

Перамога ў кровапралітнай Вялікай Айчыннай вайне адкрыла новую старонку ў гісторыі СССР. Яна спарадзіла ў народзе надзеі на лепшае жыццё, на паслабленне ўплыву таталітарнай дзяржавы на асобу. З'явілася патэнцыяльная магчымасць перамен у палітычным рэжыме, эканоміцы, культуры, але дадзеных надзеям супрацьстаяла створаная І.В. Сталіным сістэма аднаасобнай улады. Яе пазіцыі не толькі не былі паслаблены ў гады вайны, але яшчэ больш адужэлі ў пасляваенны перыяд.

Яшчэ з 1943 г. функцыі кіравання ў галіне аховы дзяржаўнай бяспекі і грамадскага парадку ажыццяўлялі Народны камісарыят дзяржаўнай бяспекі (НКДБ) СССР і Народны камісарыят унутраных спраў (НКУС) СССР. У 1946 г. яны былі перайменаваны адпаведна ў Міністэрства дзяржаўнай бяспекі (МДБ) СССР і Міністэрства ўнутраных спраў (МУС) СССР. Уплыў гэтых структур на ўнутрыпалітычнае жыццё краіны ў 40-я – пачатку 50-х гг. XX ст. быў велізарным і ўсёабдымным, існавала наладжаная сістэма татальнага шпіянажу, падаўлення найменшых праяў іншадумства. Метады працы рэпрэсіўнага апарата змяніліся ў параўнанні з перыядам 1920–1930-х гг., ператварыўшы яго ў адладжаны карны механізм, найважнейшы рэгулятар адносін у грамадстве, паслухмяную прыладу вярхоўнай улады.

Існуючы палітычны рэжым меў патрэбу ў пастаянным нагнятанні і падтрыманні абстаноўкі ўзаемнага недаверу, пошуку ўнутраных ворагаў у партыйна-адміністрацыйным апарате. Для гэтага існавала некалькі прычын. Па-першае, вялікую ролю адыгрывала барацьба за ўладу сярод бліжэйшага акружэння І.В. Сталіна. Па-другое, за гады вайны павысілася адказнасць, самастойнасць і мясцовых кіраўнікоў. Пераход да мірнага жыцця суправаджаўся імкненнем цэнтра падаўляць любую ініцыятыву на мясцовым узроўні. Па-трэцяе, перамога над нацызмам абвастрыла ў савецкіх людзей пачуццё нацыянальнай і асабістай годнасці, змяніла маральна-псіхалагічную атмасферу ў грамадстве. Гэта супярэчыла сутнасці таталітарнай дзяржавы, якая з дапамогай рэпрэсій спрабавала аднавіць ідэалагічны кантроль над грамадствам. Па-чацвёртае, цяжкія пасляваеннага часу і пралікі палітычнага кіраўніцтва ўлады зручна было тлумачыць дзеяннямі «ворагаў народа». Усё гэта абумовіла ўзрастанне ў дзяржаве ролі карных органаў. Уплыў гэтых структур на ўнутрыпалітычнае жыццё краіны ў 40-х – пачатку 50-х гг. было велізарным [1].

Структура МДБ складалася ў асноўным як структура органа, які мае ўсе неабходныя аператыўныя і дапаможныя падраздзяленні для выканання сваіх функцый – забеспячэння бяспекі Савецкай дзяржавы. Паступова яму падпарадкоўваліся ўжо ўсе часткі і падраздзяленні, якія былі закліканы ахоўваць парадак унутры краіны, уключаючы ўнутраныя і пагранічныя войскі [2, с. 4].

У структуры МУС СССР у пасляваенны перыяд дзейнічалі ўпраўленні: міліцыі, па барацьбе з бандытызмам, пажарнай аховы, шашэйных дарог, па справах ваеннапалонных і інтэрніраваных, папраўча-працоўных лагераў і калоній, турэмнае, гаспадарчае, архіўнае, пагранвойскаў, а таксама аддзелы – кадраў, контрвыведкі, фінансавы, сакрэтнага справаводства, па барацьбе з дзіцячай безнагляднасцю і бес-

прытульнасцю, «Дынама» і інш. Найважнейшым структурным органам МУС БССР з'яўлялася ўпраўленне міліцыі (УМ). Гэта ўпраўленне вызначала асноўныя напрамкі, формы, метады і сродкі барацьбы са злачыннасцю, аховы правапарадку, абароны правоў і інтарэсаў грамадзян. Яно ажыццяўляла агульнае кіраўніцтва дзейнасцю ўсіх службаў міліцыі рэспублікі, кантралявала працу перыферыяльных органаў, распрацоўвала статуты, палажэнні, загады і інструкцыі па пытаннях працы, вывучала і распаўсюджвала перадавы вопыт, кіравала службовай падрыхтоўкай супрацоўнікаў. УМ МУС БССР складалася з аддзелаў: палітычнага, крымінальнага вышуку, па барацьбе з крадзяжамі сацыялістычнай уласнасці, вонкавай службы, ДАІ, аператыўнага, віз і рэгістрацыі і загса, пашпартнага, а таксама аддзяленняў навукова-тэхнічных сродкаў, прапаганды і агітацыі, камсамольскай і культурна-выхаваўчай работы і рэдакцыі газеты «На страже Октября» [3, с. 110–111].

У кастрычніку 1949 г. па рашэнні Савецкага ўрада міліцыя была перападнаначалена з МУС у МДБ. Гэтая мера тлумачылася як часовае пашырэнне функцый міліцыі па забеспячэнні дзяржаўнай бяспекі [3, с. 114–115]. Сярод станоўчых наступстваў гэтага рашэння варта адзначыць, што пераход органаў міліцыі ў падпарадкаванне МДБ у БССР у значнай ступені паспрыяў працы па ліквідацыі рэшткаў палітычнага бандытызму на тэрыторыі рэспублікі. Паколькі павысілася дысцыпліна і палітычная пільнасць работнікаў міліцыі, то гэта спрыяла паспяховай барацьбе са злачыннасцю і ўзмацненню аховы грамадскага парадку [4, с. 230].

У жніўні 1950 г. адбылася рэарганізацыя ГУМ МДБ СССР. У яго склад уваходзілі ўпраўленне міліцэйскай службы, упраўленне крымінальнага вышуку, упраўленне БХСС, палітадзел, Навукова-даследчы інстытут крыміналістыкі [5, с. 101]. Кампетэнцыя міліцыі працягвала пашырацца – рашэннем Савета Міністраў СССР у кастрычніку 1952 г. на яе была ўскладзена ахова аб'ектаў гандлю, некаторых устаноў і прадпрыемстваў прамысловасці [6, с. 6].

Смерць І.В. Сталіна ў сакавіку 1953 г. істотна змяніла развіццё Савецкай дзяржавы, у тым ліку і праваахоўнай сістэмы. Ужо 5 сакавіка 1953 г. на сумесным пасяджэнні Пленума ЦК КПСС, Савета Міністраў СССР і Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР было прынята рашэнне аб аб'яднанні МДБ СССР і МУС СССР у адно міністэрства – МУС СССР.

У выніку барацьбы сярод «спадчыннікаў» І.В. Сталіна найбольшай уладай завалодалі Старшыня Савета Міністраў Г.М. Маленкоў; Н.С. Хрушчоў, які ўзначаліў апарат партыі; Л.П. Берыя, які заняў пасаду першага намесніка Старшыні Савета Міністраў і ўзначаліў адзінае МУС СССР.

Ліпеньскі Пленум ЦК КПСС у 1953 г. разгледзеў пытанне аб дзеяннях Л.П. Берыі і выключыў яго з шэрагаў партыі як “ворага народа”. Пасля ён і яго бліжэйшыя прыхільнікі былі асуджаны і па прыгаворы суда расстраляны. У чэрвені 1953 г. міністрам унутраных спраў СССР зноў быў прызначаны С.Н. Круглоў [3, с. 115–116].

Пасля расстрэлу Л.П. Берыі палітычная сістэма Савецкай дзяржавы пачала змяняцца, з'явіліся намеры на лібералізацыю дзяржаўнага і грамадскага ладу. Улетку 1953 г. скасавалі Асобую нараду пры міністры ўнутраных спраў, ліквідавалі трыбуналы ў войсках МУС, быў адноўлены нармальны парадак расследавання і судовага разгляду спраў. 13 сакавіка 1954 г. адбылося разубуйненне функцый МУС СССР – быў утвораны Камітэт дзяржаўнай бяспекі. У падпарадкаванні МУС СССР засталася ў асноўным ахова грамадскага парадку – адміністрацыйны нагляд, міліцыя, пажарная ахова, загс і г. д.

Такім чынам, у канцы 40-х гг. ва ўмовах таталітарнага рэжыму І.В. Сталіна адбывалася зліццё сілавых ведамстваў па сутнасці ў адзін орган – Міністэрства дзяржаўнай бяспекі. У 1949 г. міліцыя была выдзелена з МУС і таксама ўключана ў склад МДБ. Навукоўцы ў савецкі час і ў сучасны перыяд па-рознаму трактуюць матывы такога рашэння. Пасля смерці І.В. Сталіна адбылося аб'яднанне МДБ СССР і МУС СССР у адно міністэрства – МУС СССР. Пасля вылучэння з сістэмы МУС органаў дзяржбяспекі міліцыя заняла прырытэтнае месца ў гэтым ведамстве.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Правоохранительные органы. Репрессивный аппарат [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.examen.ru/add/manual/school-subjects/social-sciences/history/istoriya-rossii/sss-r-1945-1955-gg/pravooxranitelnyie-organyi-repressivnyij-apparat/>. – Дата доступа: 24.04.2019.
2. Бондарь, В.А. Министерство государственной безопасности СССР в первые послевоенные годы / В.А. Бондарь // Документ. Архив. История. Современность. – Вып. 13. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. – С. 3–11.
3. История органов внутренних дел Беларуси : курс лекций / А.Ф. Вишневский [и др.] ; под ред. А.Ф. Вишневого ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2010. – 218 с.
4. Милиция Беларуси: 100 лет. История и современность / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. И.А. Шуневича. – Минск : Беларусь, 2016. – 191 с.: ил.
5. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987 / В.Н. Савичев, А.Ф. Вишневский, Г.И. Балашова [и др.] ; под ред. В.А. Пискарева. – Минск : Беларусь, 1987. – 535 с.
6. Емелин, С.М. Органы внутренних дел на Южном Урале в 1939–1953 годы: основные этапы развития и деятельности / С.М. Емелин. – М. : АЭБ МВД России, 2009.

Д.А. Богатов, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат философских наук,
доцент *А.А. Козел*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ФРЭНСИСА БЭКОНА

Фрэнсиса Бэкона (1561–1626) знаем как крупного философа Нового времени и историка, основоположника эмпиризма и английского материализма. Вместе с тем он оставил заметный след и в политической истории Англии XVII в. Родился в семье будущего первого министра Елизаветы I Николаса Бэкона и рано остался без отца, с шестнадцатилетнего возраста работал в английском посольстве в Париже. Не получив наследства как младший сын, с целью обеспечения своего материального благополучия начал изучать право в юридической академии Грейс-инн, после окончания которой начал работать в судах. Первой значимой ступенькой в его политической карьере стала должность экстраординарного советника королевы. Однако поддержав парламент в его противостоянии с королевой, попал в опалу. Восхождение по служебной лестнице Ф. Бэкона связано с эпохой правления Якова I Стюарта, при коронации которого он получил звание рыцаря. В 1607 г. он становится генеральным солиситором (адвокатом), спустя шесть лет – генеральным прокурором, а через четыре года – лордом-хранителем Большой печати, лордом-канцлером и правителем Англии в отсутствие короля. Политическая карьера Бэкона завершилась в шестидесятилетнем возрасте обвинением его во взяточничестве, судом, штрафом в 40 000 фунтов и тюремным заключением. Правда, через несколько дней он был прощен королем и выпущен на свободу.

Политические концепции Бэкона изложены в «Истории Генриха VII», «Новая Атлантида», «Нравственных и политических очерках». Произведения носят антифеодальный характер. Мыслитель в них выступал сторонником парламентской монархии. В парламенте он видел посредника между королем и народом, советовал королю чаще его созывать, не давая ему излишней воли. Бэкон, как родоначальник опытной философии, придавая большое значение воплощению политических идей в политическую практику, давал практические советы английской политической элите, сформулировал модели ее политического поведения.

Рассмотрим, например, его очерк «О высокой должности». Бэкона здесь интересует, что дает высокая должность и как вести себя, чтобы

на ней удержаться. Он предупреждает претендента на властную должность разного рода неудобствами – она лишала человека свободы, превращала в невольника государя, людской молвы и дела, которым ему предстояло заниматься. Кроме того, занимающий должность, должен быть внутренне готовым к политическому забвению в будущем. Чтобы избежать такой участи обладателю должности необходимо изучать опыт его предшественников. Понимая, что предшествующий опыт не всегда может быть применим в новых условиях, советовал постоянно анализировать свою управленческую деятельность. Свое высокое положение во власти должностному лицу необходимо подтверждать делом и результатами. Для этого он обязан соблюдать права подначальных, определять главное в работе и следовать ему, избегая мелочей. Деятельность учреждения, выполнение конкретных дел должно регламентироваться временными рамками и сроками, тщательным контролем за их исполнением. Бэкон указывал на четыре порока, свойственные власти: промедление в принятии решений, взяточничество, грубость и податливость. Преодолеть взяточничество (подкупность) можно, полагал Бэкон, связав руки себе, подчиненным и просителям. Вместе с тем он писал, что и этого недостаточно. Так, должностное лицо всем своим поведением не должно давать даже повода для взяточничества. Что касается податливости должностного лица, то этот порок даже хуже взяточничества, так как тот, кто поддается лести и похвалам со стороны просителей, предаст забвению истину. В очерке «Об искусстве властвовать» Бэкон писал, что монарху надо избегать экспромта и необдуманности в управлении, а анализировать и прогнозировать события в государстве. По мнению Бэкона, успешное правление держится на религии, правосудии, совете и казне. Рассматривая способы и методы правления, советовал придерживаться правила золотой середины, избегая как чрезмерной строгости, так и чрезмерных послаблений, которые в одинаковой мере ведут к негативным последствиям. В очерке «О партиях» он давал монархам совет не связывать себя интересами какой-либо одной партии, быть вне межпартийной борьбы, сохранять свою независимость, ориентируясь на общегосударственные интересы или на интересы отдельных влиятельных лиц, ибо чрезмерное усиление партий и раздоров между ними ослабляет власть государя, вредит его престижу и государству. В очерке «О смутах и мятежах» он писал об условиях, поводах и причинах возникновения мятежей и указывал пути их предотвращения. Главными причинами возможного мятежа являются голод, народное недовольство, религиозные нововведения, непосильные налоги, частые изменения законов, неурожай и ничем не занятая армия.

Рассматривая социальную структуру тогдашней Англии, он выделял высшее и простое дворянство, купечество и остальной народ. Высшее

дворянство монарх должен держать на известном расстоянии от верховной власти и в этом случае оно не будет представлять опасности для монарха. Не представляет также опасности и рядовое дворянство, более того оно усмиряет народ. Наибольшую опасность для государства, по Бэкону, представляет народ, когда в его среде появится вождь, когда задеты его верования и существенно ограничены средства к существованию. Благополучие граждан и государства во многом зависит от торговли, поэтому он указывал на необходимость защиты и поощрения купечества.

Он полагал, что монарху следует заручиться расположением простого народа, даровав ему некоторые вольности, возможность приносить жалобы, умеренно излив свое негодование и надеяться. Он писал, что мудро то правительство, которое умеет убаюкивать людей надеждами, когда оно не может удовлетворить их нужды. Если оппозиция образовалась, надо постараться привлечь на свою сторону ее лидера, либо противопоставить ему в той же партии другого, чтобы ослабить его популярность. Вообще следует всячески разделять и раскалывать враждебные правительству группы и партии, срабатывать их между собой и создавать в их среде и среди их предводителей взаимное недоверие дворянству, взвешивая по своему обыкновению здесь все и «за», и «против». В очерке «О знати» делает замечание, что демократиям она не нужна: потому что там, где исторически не сформировалась знать, государство более устойчиво, там отсутствуют склонности к смутам; а внимание людей устремляется тогда на конкретные дела, а не на отдельные личности. В качестве примера он приводит Швейцарию и Соединенные Провинции.

Говоря о правосудии, он подчеркивал, что высшим законом для английских судей является благо народа. Главным нравственным качеством судьи является неподкупность, а профессиональными – способность выносить справедливые решения на основе мудрого применения законов. Примечательно, что Англия является родиной прецедентного права, а Бэкон придерживался нормативистского подхода к праву, утверждая что судьи должны толковать, а не создавать законы.

Вывод: творчество Фрэнсиса Бэкона оказало большое влияние на последующую европейскую политико-правовую мысль. Его идеи о ведущей роли экспериментальной науки и эмпирических методов в исследовании государства и права помогли ему создать своеобразную практическую политологию для государственных деятелей Нового времени и сыграли значительную роль в формировании и развитии юридического позитивизма и социологии права.

О СТРУКТУРЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Эффективность реализации политики государства в различных направлениях связана прежде всего с действующими правовыми нормами, которые в настоящее время являются основным регулятором общественных отношений. Безусловно, государство, осуществляя правотворческую функцию, проводит анализ восприятия гражданами устанавливаемых правовых норм, оценивает предыдущий опыт и социально-психологический климат в обществе, который формируется путем введения общеобязательных правил поведения. Такое восприятие правовых норм, перевод их во внутренние мотивы и установки личности в общей теории государства и права опосредуется через правосознание. Интерес к теоретической разработке правового сознания как юридической категории, отысканию его характерных черт и признаков обусловлен динамичностью развивающихся в обществе отношений, которая изменяет восприятие человеком явлений, происходящих в сфере права. Появляются новые принципы правового регулирования, основанные на международно-правовых началах, которые государство санкционирует. Вопрос о структуре правосознания также обусловлен междисциплинарным характером его изучения. Некоторые составные компоненты правового сознания рассматриваются в большей степени с точки зрения психологии, а не юриспруденции, и поэтому возникают проблемные стороны данного вопроса. В этой связи возникают и трудности в выработке единого понятия правосознания, содержания которого раскрывается через структурные элементы.

Правовое сознание представляет собой одну из форм общественного сознания и коррелирует с иными формами общественного сознания.

В юридической науке выработалось несколько мнений насчет понятия правосознания. Так, по мнению А.Ф. Вишневого, правосознание – это одна из форм общественного сознания, представляющая собой систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к действующему и желаемому праву, правовым явлениям, поведению людей в сфере права. Оно охватывает отношение людей к действующему праву, его оценку как справедливого или несправедливого, пожелания совершенствования права, принятия правовых норм, отвечающим потребностям общества [1, с. 284].

И.И. Иванов утверждает, что правосознание представляет собой сферу или область сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение людей в юридически значимых ситуациях [2, с. 159].

Исходя из двух приведенных точек зрения следует выделить общие признаки, присущие правосознанию. Во-первых, правосознание – определенная форма общественного сознания. Во-вторых, через правовое сознание отражается отношение человека к правовой действительности посредством идей, юридических знаний, оценок. В-третьих, совокупность имеющихся у конкретного человека идей, взглядов и оценок, в которых выражается отношение к правовой системе государства, принципам, формам и методам правового регулирования общественно значимых отношений, непосредственно регулируют поведение индивида в правовой сфере.

Таким образом, считаем, что правовое сознание – форма сознания, представляющая собой совокупность идей, концепций, взглядов, оценок и чувств, в которых выражается отношение как общества в целом, так и конкретной личности к преимущественно действующим нормам права и правовой системе в целом.

Правосознание, как и другие формы общественного сознания, имеет свою структуру. Говоря в общем о структуре общественного сознания, следует отметить, что прежде всего сюда входит восприятие личностью экономической, политической, социальной сфер жизни общества, нравственных, моральных и религиозных устоев, которые складываются в конкретном государстве. Сложилось мнение, что в структуру правового сознания входят такие компоненты, как правовая идеология, правовая психология и правовая мораль. Однако необходимо учитывать, что это не исчерпывающий перечень элементов, входящих в структуру правосознания. Некоторые ученые выделяют и иные элементы данного правового явления, например, юридические мотивы поведения, внутренние установки к конкретному действию. Каждый компонент правосознания также имеет свои характерные и самостоятельные составляющие.

Итак, правовую идеологию следует понимать, как совокупность правовых концепций, идей, взглядов на право, научных оценок, представлений о праве. Содержание правовой идеологии конкретного человека зависит от ряда факторов, которые, как правило, формируются в конкретном государстве. К числу этих факторов следует отнести уровень социального, экономического и культурного развития общества, правовую систему государства, принципы и правила правотворчества,

политику государства в области правовой подготовки и правового просвещения населения и, безусловно, самостоятельное стремление личности углубить теоретические знания в юриспруденции, освоить основополагающие начала, на которых строится работа правотворческих, правоприменительных и правоохранительных органов.

В правовой идеологии основное место среди ее составляющих занимают правовые идеи, через которые выражается отношение личности к действующему и желаемому праву, правовой системе в целом, путям и способам совершенствования нормотворческой деятельности. В целом отношение общества к действующей правовой системе может зависеть от основополагающих направлений деятельности государства. Так, например, в соответствии со ст. 1 Конституции Республики Беларусь Республика Беларусь – унитарное демократическое правовое социальное государство [3]. В этой связи и правовая система будет строиться на социальных, демократических началах.

Правовая идеология, как составной компонент правового сознания, неразрывно связан с таким компонентом, как правовая психология. Под правовой психологией понимают различного рода чувства, эмоциональные оценки, настроения, переживания, касающиеся действующего права, справедливого или несправедливого применения правовых норм, нарушения законодательных актов, их соблюдения и т. п. В этих чувствах, настроениях, как правило, выражается настоящее отношение личности к функционирующему праву. В частности, данный компонент рассматриваемого нами явления характеризуется эмоциональным восприятием права, которое может быть присуще как отдельной личности, так и обществу в целом. Следует отметить, что правовая психология является компонентом, который носит в большей степени субъективный характер. При характеристике правовой психологии внимание стоит уделять субъективному отношению каждого человека к праву. Например, будут разнообразными мнения двух юристов с точки зрения психологии по поводу действующих правовых норм, несмотря на то, что теоретический комплекс знаний о праве у этих людей будет относительно одинаков. Это связано с тем, что потребности человека, его интересы и ценности сугубо индивидуальны.

В качестве составного элемента правосознания необходимо также выделить правовую мораль, под которой понимается представление общества, отдельной личности о действующем праве, его реализации и развитии с точки зрения моральных убеждений. В большинстве случаев общество оценивает действующие нормы права с точки зрения нравственности. У каждого человека с раннего возраста вырабатываются нравственные представления о добром и злом, справедливом и неспра-

ведливым. Следует отметить, что представления человека о моральных ценностях первичны по отношению к правовым представлениям, которые вырабатываются в более позднем возрасте. Нравственные оценки оказывают весьма сильное воздействие как на процесс формирования потребностей в правовой регламентации определенных общественных отношений, так и на поведение людей в сфере права.

Таким образом, правосознание является весьма многогранной правовой категорией, в отношении которой имеются различные точки зрения и не выработано в юридической науке единых мнений, касающихся определения понятия и структуры этого явления. Правосознание в целом определяют как одну из форм общественного сознания, представляющую собой систему правовых взглядов, теорий, идей, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества преимущественно к действующему праву и правовой системе в целом. Считаем, что основными компонентами структуры правового сознания являются правовая идеология, правовая психология и правовая мораль, посредством которых государство может анализировать отношение общества к действующей правовой системе.

Список использованных источников

1. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под ред. В.А. Кучинского ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел. Респ. Беларусь». – 3-е изд., пересмотр. – Минск : Акад. МВД, 2019. – 478 с.
2. Афанасьев, В.С. Общая теория государства и права : учебник / В.С. Афанасьев [и др.] ; под ред. В.В. Лазарева. – М. : Юрист, 1994. – 360 с.
3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 62 с.

УДК 34(09)

Д.А. Вербинов, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.А. Семенова*

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

С середины 1980-х гг. изменения в политической и экономической жизни Союза Советских Социалистических Республик привели к кризисным моментам, которые вылились в серьезные противоречия между

общесоюзными органами власти и союзными республиками, которые стали выражать стремление стать самостоятельными. Так, 27 июля 1990 г. Верховным Советом БССР была принята Декларация о государственном суверенитете, которая стала тем первым правовым документом, определившим самостоятельный путь во внешнеполитическом курсе страны [1, с. 536].

События развивались стремительно и уже 8 декабря 1991 г. лидерами РСФСР, Украины и Беларуси в правительственной резиденции Вискули (Беловежская Пуца, Беларусь) было подписано Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ) и ликвидации СССР. Этот акт, вошедший в историю как «Беловежское соглашение», стал следующим шагом на пути к независимости.

В результате распада СССР Республика Беларусь вышла на международную арену в качестве суверенного государства. После обретения независимости Беларусь стала полноправным участником мировой политики. Несмотря на то что у Беларуси был уже опыт участия в международных организациях (БССР была членом и учредителем Организации Объединенных Наций), а также наличие квалифицированных кадров, республика столкнулась с рядом серьезных проблем. В декабре 1991 г. молодой республике пришлось преодолевать различные трудности, связанные с распадом СССР и разрывом прежних экономических связей между союзными странами. В первые годы своей независимости Республике Беларусь необходимо было зарекомендовать себя на международной арене и показать мировому сообществу, что представляет собой республика как суверенное государство, как полноправный субъект международных отношений.

После прихода к власти в 1994 г. А.Г. Лукашенко в качестве президента обозначил основные приоритеты дальнейшего развития Беларуси, которые заключались в возрождении белорусской экономики и создании сильного процветающего государства, способного проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику и защищать свои интересы. В середине 1990-х гг. это было звучало смело, так как даже огромная Россия ориентировалась на Запад, а Соединенные Штаты и страны Западной Европы рассматривались бывшими союзными республиками, а ныне независимыми государствами, в качестве важнейших стратегических партнеров [2, с. 19–25].

В результате распада СССР перед белорусским государством стала задача создать условия для безопасного развития экономической, энергетической, социальной сфер. Белорусское государство объявило курс на многовекторную внешнюю политику и провозгласила себя последовательным сторонником формирования многополярной системы

международных отношений. Республика Беларусь сделала ставку на проверенных партнеров, возникших на постсоветском пространстве, стран-соседей. Речь идет о образовавшемся в этот период Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), в который вошли Россия, Казахстан, Беларусь, Армения и Киргизия. По мнению многих экспертов, ЕАЭС способен был дать новую жизнь единому экономическому организму, унаследованному от Советского Союза. Он должен был удовлетворить потребности государств – участников ЕАЭС в развитии общего рынка, движении товаров, людей, финансов, привлечений иностранных инвестиций и укреплении их независимости. В центре этого объединения стран находилась Российская Федерация, вынужденная противостоять многочисленным попыткам Запада оторвать от нее ряд государств на постсоветском пространстве, помешать начавшимся там процессам интеграции.

Россия долгое время являлась основным торговым партнером и источником широкой поддержки Беларуси на международной арене. Для Республики Беларусь сотрудничество с Российской Федерацией имело стратегически важное значение. Выстраивая свои отношения на союзнической основе, Беларусь и Россия сохраняли свой суверенитет, оставаясь полноправными субъектами международного права.

Провозглашение курса на ускоренное сближение с Россией стало одним из важных факторов победы А.Г. Лукашенко на первых в Беларуси президентских выборах в 1994 г. На фоне тяжелого экономического положения и нестабильной военно-политической обстановки интеграция России и Беларуси была необходима.

21 февраля 1995 г. был заключен Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Беларусь. После его подписания 26 мая 1995 г. был торжественно демонтирован пограничный столб, обозначавший границу между двумя государствами. Это была символическая акция, повлекшая за собой дальнейшие мероприятия в направлении сближения двух государств. В 1995 г. между Российской Федерацией и Республикой Беларусь был подписан Договор о Таможенном союзе. После этого было унифицировано тарифное законодательство, налогово-бюджетная и денежно-кредитная политика российского и белорусского государств, что облегчило дальнейшее торгово-экономическое сотрудничество между странами.

2 апреля 1996 г. был подписан Договор об образовании Сообщества Беларуси и России. Дата его подписания с тех пор и отмечается как День единения российского и белорусского народов и День создания Союзного государства.

Официально целью соглашения было провозглашено объединение интеллектуального и материального потенциалов Беларуси и России в обоюдных интересах двух государств. В первую очередь Сообщество предполагало формирование единого экономического пространства, постепенный переход к единому законодательству. С этого времени Россия и Беларусь договорились согласовывать свою внешнюю политику, прежде всего позиции обеих стран по ключевым вопросам международного положения, а также формировать единую политику в направлении обеспечения безопасности, борьбы с преступностью, охраны государственных границ. 29 апреля 1996 г. руководителями парламентов обоих государств было подписано соглашение о создании Парламентского Сообщества России и Беларуси.

Но на этом интеграционные процессы не закончились. 2 апреля 1997 г. был подписан Договор о Союзе Беларуси и России. Таким образом появилось надгосударственное образование – Союз России и Беларуси (Союз Беларуси и России). 23 мая 1997 г. был подписан Устав Союза Беларуси и России, в соответствии с которым в 1997 г. были созданы Высший Совет и Исполнительный комитет Союза России и Беларуси.

Каждое государство – участник Союза, тем не менее сохраняет собственную государственность, суверенитет, независимость, территориальную целостность. Россия и Беларусь сохранили собственные Конституцию, герб, Государственный флаг и иные атрибуты государственности, собственные вооруженные силы. Тем не менее с этого времени каждый гражданин Российской Федерации и Республики Беларусь одновременно является и гражданином Союза России и Беларуси. Отсюда вытекают следующие права граждан Союза: свободное перемещение и постоянное проживание в пределах территорий двух государств, право на защиту в тех государствах, где нет представительств России или Беларуси, со стороны дипломатических учреждений одного из членов Союза. Особенно ценным решением стало предоставление права свободного перемещения и проживания граждан стран – членов Союза на территории обоих государств. Это значительно облегчило возможности ведения бизнеса и миграции трудовых кадров, в первую очередь из Беларуси в Российскую Федерацию [3]. Кроме того, граждане обоих государств получили возможность занимать должности в системе исполнительных органов Союза.

Следующим шагом к объединению России и Беларуси стало решение о начале подготовки к созданию Союзного государства. Главной особенностью создаваемого Союзного государства России и Беларуси стала модель нового типа объединения, не являющаяся ни унитарной,

ни федеративной. Федеративное государство и унитарное объединялись в уникальное государственное образование, в рамках которого сохраняли свой государственный суверенитет и особенности политической системы.

8 декабря 1999 г. Российская Федерация и Республика Беларусь заключили Договор «О создании Союзного государства». Главы России и Беларуси были убеждены в том, что образование Союзного государства позволит, объединив усилия, создать условия для социального и экономического прогресса обоих государств, продолжить развитие объединительных процессов, заложенных Договором «Об образовании Сообщества России и Беларуси» от 2 апреля 1996 г., Договором «О Союзе Беларуси и России» от 2 апреля 1997 г., Уставом Союза Беларуси и России от 23 мая 1997 г., а также реализовать положения Декларации «О дальнейшем единении России и Беларуси» от 25 декабря 1998 г.

Союзное государство России и Беларуси вызывало интерес у других государств постсоветского пространства. Однако единственные государства, принявшие участие в интеграционных процессах, были Абхазия и Южная Осетия, которые 17 октября 2008 г. получили официальный статус постоянных наблюдателей при Парламентском собрании Союза Беларуси и России [4, с. 20–26].

Таким образом, объявив курс на многовекторную внешнюю политику и провозгласив себя приверженцем формирования многополярной системы международных отношений, а также выбрав в качестве основного стратегического партнера Российскую Федерацию Республика Беларусь смогла восстановить баланс экономики и создать условия для дальнейшего развития.

Список использованных источников

1. Декларация «О государственном суверенитете Республики Беларусь» Верховного Совета Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1991. – № 31.
2. Дейко, А.К. Союзное государство: реалии интеграционных процессов / А.К. Дейко // Евраз. интеграция: экономика, право, политика. – 2013. – № 13. – С. 19–25.
3. Шумский, Н.Н. Региональные экономические объединения постсоветских государств / Н.Н. Шумский. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 164 с.
4. Лapidус, В.М. Союзное государство России и Белоруссии в контексте интеграции / В.М. Лapidус // Науч.-аналит. журн. «Обозреватель». – Observer. – 2013. – № 3 (278).

Р.В. Герасименко, выпускник факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.А. Воронаев*

О ВЛИЯНИИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ ГРАЖДАН

С появлением современных средств передачи данных, таких как радио, телевидение и интернет, мир становится все более информативно насыщенным. Широко известен тезис о том, что объем информации увеличивается ежегодно в арифметической или даже геометрической прогрессии. Массовая коммуникация или, другими словами, средства массовой информации (СМИ) стали своего рода индикатором, маркером уровня развития информационной среды общества, а также, что более важно в рамках нашего исследования, инструментом в руках заинтересованных субъектов политической системы общества – государства, правящих элит, политических партий и др. Не вызывает сомнений, что СМИ оказывают существенное влияние на правосознание людей, их правовую культуру. Более того, часто целевая аудитория такого воздействия его не рефлексирует и даже не замечает.

В самом широком смысле под СМИ принято понимать учреждения, созданные для открытой, публичной передачи с помощью специального технического инструментария различных сведений любым лицам.

Следует также обозначить, что в рамках нашей работы под правовой культурой будем понимать уровень развитости правовых ценностей как общества в целом, так и отдельных индивидов, уровень их способности качественно создавать и эффективно применять правовые средства для достижения своих целей [1, с. 26].

Для наиболее точного понимания способов влияния СМИ на правовую культуру граждан рассмотрим их формы. Так, в зависимости от формы выделяют следующие виды СМИ: периодические печатные издания; радио-, теле-, видеопрограммы, кинохроникальные программы. К средствам массовой информации необходимо отнести группы в социальных сетях, которые распространяют информацию о политике и иных сферах жизнедеятельности человека в массы, также интернет, в котором широко распространяется информация [2, с. 146].

Исходя из вышеизложенного можно говорить о том, что возможности СМИ могут быть использованы для повышения уровня правовой культуры населения. Данный тезис реализуется и на практике. Так, например, Правительством Республики Беларусь утвержден и реализуется План мероприятий по правовому просвещению граждан на 2016–2020-е гг.

[3]. В данном документе предусмотрен перечень мероприятий в различных сферах функционирования общества и государства, направленных на правовое просвещение граждан. Практически третью часть документа занимают мероприятия именно в информационной сфере. Приведем некоторые из них: п. 26 организация выступлений в СМИ, в том числе в глобальной компьютерной сети Интернет, работников государственных органов и иных организаций, адвокатов, нотариусов по правовым вопросам, направленных на повышение правовой культуры населения; п. 27 подготовка и размещение в СМИ и глобальной компьютерной сети Интернет актуальной правовой информации и разъяснений по вопросам применения принимаемых (издаваемых) нормативных правовых актов, регулярное проведение мониторинга востребованности правовой информации гражданами; п. 29 проведение мероприятий по правовому просвещению граждан с использованием при необходимости Национального правового Интернет-портала Республики Беларусь, Детского правового сайта, сайта «Правовой форум Беларуси», тематических банков данных «В помощь идеологическому работнику», «Образование», «Права несовершеннолетних», «Правоприменительная практика» и других банков данных, распространяемых в составе информационно-поисковых систем «ЭТАЛОН» и «ЭТАЛОН-ONLINE», а также реализация мероприятий, направленных на обеспечение доступа граждан и организаций к эталонной правовой информации, и др.

В то же время СМИ оказывают не только положительное, но и негативное влияние на правосознание и уровень правовой культуры населения. Например, в 2009 г. в Российской Федерации два 16-летних школьника были задержаны в связи с тем, что совершили 6 убийств, подражая телевизионному персонажу. Здесь можно вспомнить и печально известные «группы смерти» в популярных социальных сетях.

Думается, что с целью положительного влияния на правосознание граждан, повышение уровня их правовой культуры СМИ должны выполнять следующие функции: распространение правовых знаний; демонстрация методов правового регулирования и правоприменительной деятельности; привитие уважения к закону; порицание и осуждение противоправного поведения.

Таким образом, СМИ в современном мире, являясь одним из основных источников информации, оказывают существенное влияние на сознание и, как следствие, поведение людей. Соответственно, своевременное распространение актуальной правовой информации будет способствовать повышению уровня правовой культуры граждан, формированию у них убежденности в необходимости правомерного поведения.

Список использованных источников

1. Ахметов, А.С. Правовое воспитание как важнейшее условие формирования правовой культуры / А.С. Ахметов // Юрид. образование и наука. – 2014. – № 3. – С. 25–27.

2. Сивохин, М.Е. Средства массовой информации в механизме формирования правовой культуры: понятие и правовая природа / М.Е. Сивохин // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – № 7. – С. 146–147.

3. План мероприятий по правовому просвещению граждан на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 20 янв. 2016 г., № 37 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

УДК 92(476) «1914/1918» + «1941/1945»

Л.С. Зданович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.Ф. Лапанович*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН

Испокон веков людям практически во всех регионах мира нередко приходилось в поисках безопасности покидать свои дома и устремляться в другие места, чтобы избежать преследования, вооруженных конфликтов или политического насилия. Проблема беженцев продолжает оставаться вызовом для международного сообщества и в XXI в. В настоящее время мир является свидетелем масштабного перемещения населения, вынужденного покинуть свои дома в результате конфликтов и преследований. В данной работе будет рассмотрен исторический опыт оказания помощи беженцам на территории Беларуси в годы Первой мировой и Великой Отечественной войн.

В годы Первой мировой войны на территории Российской империи, в чей состав входила территория современной Беларуси, превращение беженства в глобальную проблему общегосударственного масштаба связано со следующими обстоятельствами. С началом войны местное население и гражданские власти фронтовых и прифронтовых территорий были фактически переподчинены армейскому командованию, которое получило чрезвычайные полномочия [1]. Военные и гражданские власти в первоначальный период войны и особенно в 1915 г., когда боевые действия активно развернулись уже на территории западных

губерний, интенсивно проводили эвакуацию групп населения, жизнь и служба которых считались наиболее полезными с точки зрения интересов государства. Фактором увеличения числа беженцев также являлись условия жизни на фронтовых и прифронтовых территориях в военное время, которые активизировали стремление населения направиться в более безопасные, внутренние районы империи.

Российское армейское командование, стремясь остановить немецкое наступление 1915 г. любой ценой, пошло на такую чрезвычайную и неоднозначную меру, как создание своеобразной «полосы опустошения» на собственной территории. Это предусматривало выселение мужского населения военного возраста и вывоз или уничтожение продуктов питания и всякого имущества [2]. Власти объясняли принудительное выселение заботой о безопасности мирных жителей в преддверии наступления врага. На наш взгляд, главной причиной являлось недопущение возможного использования населения противником. В результате количество беженцев возросло.

Поскольку в начале войны количество первых беженцев на территории Беларуси было невелико (от нескольких сотен до нескольких тысяч человек), органы государственной власти в первый год войны – до лета 1915 г. непосредственно не участвовали в оказании помощи беженцам, а только контролировали или частично финансировали деятельность благотворительных учреждений в данном деле. При этом с первых месяцев войны повышенный интерес к участию в оказании помощи беженцам проявили общественные организации [3].

Образование миллионной массы беженцев летом 1915 г. заставила органы государственной власти обратить самое пристальное внимание на оказание помощи этой категории пострадавших от войны. Правительство решило разработать и закрепить в законодательном порядке принципы государственной политики в деле оказания помощи беженцам. В качестве главного руководящего органа было определено Министерство внутренних дел, которое разработало Закон «Об обеспечении нужд беженцев», подписанный царем 30 августа 1915 г. В данном законе беженцами были признаны фактически все категории населения, которые принудительно или добровольно выселялись в глубину империи, за исключением подданных воюющих с Россией государств и политически неблагополучных подданных. Важнейшим решением государства для активизации помощи беженцам было определение в законе финансирования этой деятельности средствами из казны. Деятельность всех организаций была подчинена МВД, которое руководило беженским делом через Особое совещание по устройству беженцев. Последнее координировало деятельность различных организаций и занималось распределением денежных средств на общегосударственном уровне [4].

Таким образом, в годы Первой мировой войны (в большинстве случаев) беженцы не покидали страну, а перемещались по ее территории. Отметим, что такое определение времен Первой мировой войны отличается от закреплённого позже в международном праве понятия «беженец» и близко к современному понятию «вынужденный переселенец». Отметим, что превращение мирного населения в беженцев имело последствиями частичное разрушение социальной структуры общества, были нарушены семейные отношения и традиционные связи [3].

Великая Отечественная война в современности прежде всего рассматривается как война советского народа с нацизмом. Но эта война разворачивалась не только на полях сражений, а в тылу и в цехах заводов, фабриках, мастерских. Велика роль тех граждан Советского Союза, которые обеспечивали фронт всем необходимым. Ключевым значением для СССР в условиях внезапного нападения имела максимально быстрая эвакуация материальных и людских ресурсов из западных регионов СССР. Огромную роль в организации этих мероприятий принадлежало высшим чрезвычайным органам, созданным в начальный период Великой Отечественной войны [5].

Вопрос о необходимости экстренной эвакуации материальных и людских ресурсов с западных регионов СССР был поднят органами власти уже в первые дни войны. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли 24 июня 1941 г. постановление о создании Совета по эвакуации при СНК СССР. Данный чрезвычайный орган был создан «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей».

30 июня 1941 г. совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) был создан ГКО во главе с И. Сталиным [6]. Именно ГКО принимало все основные решения по началу и проведению эвакуации, а Совет по эвакуации руководил и контролировал их реализацию. Почти сразу после образования ГКО переподчинил Совет по эвакуации, и произвел в его составе кадровые изменения и перестановки, причины и смысл которых в исторической литературе трактуются по-разному. 3 июля 1941 г. председателем Совета по эвакуации был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК Н.М. Шверник.

Для советского руководства важнейшей задачей, наряду с вывозом материальных ресурсов, была эвакуация населения. В условиях войны невозможно было эвакуировать всех людей, поэтому были определены категории населения, являющимися приоритетными. Эвакуация проводилась на основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов

и ценного имущества» и директивы ГКО от 7 августа 1941 г. Общее руководство эвакуацией населения страны на первом этапе (лето – осень 1941 г.) осуществлял специальный отдел при Совете по эвакуации при СНК СССР [7]. Особенно большие трудности были у советского правительства при эвакуации материальных и людских ресурсов с территории БССР. Из-за быстрого продвижения армии вермахта оказалось невозможным организовать широкую эвакуацию из западных областей БССР. Тем не менее в тяжелейших условиях, в восточной части республики эвакуация в целом была проведена. Всего из БССР (преимущественно из Витебской, Гомельской и Полесской областей) в тыловые районы страны было эвакуировано около 1 млн человек, 109 крупных и средних промышленных предприятий (из них 39 союзного и 70 республиканского значения) [8].

Проведение эвакуации материальных и людских ресурсов с западных регионов стало еще одним примером мужества и самопожертвования в годы войны СССР в тяжелейших условиях начального периода Великой Отечественной войны. В короткий срок вглубь страны удалось эвакуировать из фронтовой и прифронтовой полосы миллионы человек, тысячи промышленных предприятий, ряд научных институтов, лабораторий, школ, библиотек, уникальные произведения из музеев и т. д. В целом эффективные и умелые действия Совета по эвакуации и Управления по эвакуации населения позволили военной экономике СССР успешно противостоять «третьему Рейху», на обеспечение которого работала значительная часть оккупированной Европы.

Список использованных источников

1. Ростунов, И.И. Русский фронт Первой мировой войны / И.И. Ростунов. – М., 1976. – С. 112–115.
2. Нелипович, С.Г. Репрессии против подданных «центральных держав». Департации в России 1914–1918 гг. / С.Г. Нелипович // Воен.-ист. журн. – 1996. – № 6. – С. 32–42.
3. Лапанович, С.Ф. Оказание помощи беженцам в годы Первой мировой войны (на примере Беларуси) / С.Ф. Лапанович // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918 : материалы Междунар. науч. конф. (30 сент. – 3 окт. 2014 г., Москва, Рос. ист. о-во, Ин-т рос. истории РАН, Гос. ист. музей, Федер. архив. агентство). – М. : ИРИ РАН, 2014. – С. 277–283.
4. Законы и распоряжения о беженцах. – Вып. 1. – Изд. 2. – М., 1916. – С. 2–5.
5. Лапанович, С.Ф. Создание высших чрезвычайных органов по эвакуации материальных и людских ресурсов с западных регионов СССР в начальный период Великой Отечественной войны : в 2-х ч. / С.Ф. Лапанович // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь : науч.-практ. журн. – Ч. 1. – 2013. – № 2. – С. 133–135; Ч. 2. – 2014. – № 1. – Ст. 163–166.

6. Горьков, Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы / Ю.А. Горьков. – М., 2002. – 575 с.

7. Микоян, А.И. В Совете по эвакуации / А.И. Микоян // Воен.-ист. журн. – 1989. – № 3. – С. 31–38.

8. Куманёв, Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы / Г.А. Куманёв // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7–27.

УДК 340.114(09)

В.С. Колтаков, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *В.А. Данилов*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕТСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (1945–1953 гг.)

После октября 1917 г. наблюдаются концептуальные, по сравнению с царской Россией, изменения в уголовно-правовой политике государства в отношении несовершеннолетних. Это выразилось в замещении идеи смягчения ответственности несовершеннолетних правонарушителей на применение к ним воспитательных мер воздействия. Декретом СНК РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних» от 14 января 1918 г. отменялись суды и тюрьмы для несовершеннолетних. Основная идея декрета – исправление малолетних правонарушителей мерами воспитательно-го характера. С этой целью создавались специальные комиссии, которые рассматривали все преступления и правонарушения несовершеннолетних. Наказанием служили меры воспитательного характера [1, с. 21].

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. [2] установили, что несовершеннолетние до 14 лет и лица переходного возраста (14–18 лет), действовавшие без «разумения» не подлежали и суду, к ним применялись только воспитательные меры. Остальные несовершеннолетние нарушители в возрасте от 14 до 18 лет несли ответственность в судебном порядке на общих основаниях. Рост преступности несовершеннолетних требовал применения более эффективных методов.

В УК РСФСР 1922 г. к несовершеннолетним предусматривались медико-педагогические меры и условное осуждение, не применялось наказание к лицам до 14 лет. Лица старше 16 лет подлежали уголовной ответственности на общих основаниях. Позднее в УК РСФСР были приняты нормы о смягчении наказания несовершеннолетним (в ст.18 в возрасте от 14 до 16 лет – наполювину) [3].

В 1924 г. в уголовное право Союза ССР введены понятия «малолетний и несовершеннолетний» правонарушитель. К ним можно было применять лишь меры медико-педагогического характера. Однако возраст уголовной ответственности не был указан. Новым шагом в развитии уголовной ответственности несовершеннолетних стало постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 октября 1929 г. По нему наказание не применялось к несовершеннолетним до 16 лет [4]. Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в конце 20-х гг. в праве вырабатывается гуманистическая концепция уголовной ответственности несовершеннолетних.

Однако социально-экономические изменения в стране привели к тому, что в начале 30-х гг. наметилась тенденция к усилению уголовной ответственности несовершеннолетних. Это особо проявилось в постановлении ЦИК и СНК от 30 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» [1, с. 182]. В нем значительно понижен возраст наступления уголовной ответственности несовершеннолетних – лица, виновные в совершении краж, причинении насилия, телесных повреждений, увечий, в убийстве, подлежали уголовной ответственности с 12 лет, а ст. 8 «Начал уголовного законодательства» была отменена. Лиц-подстрекателей несовершеннолетних к преступлениям карали тюремным заключением не ниже пять лет. Постановление значительно расширило круг уголовно-правовых методов борьбы с преступностью несовершеннолетних, одновременно ужесточая их.

20 апреля 1935 г. появился циркуляр Прокуратуры и Верховного суда СССР, который отменял действие ст. 13 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик», по которым ВМН к лицам, не достигшим 18 лет, не применяется. Практически сразу постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О мерах ликвидации беспризорности и безнадзорности» были ликвидированы комиссии по делам несовершеннолетних. К ведению НКВД (вместо НК Просвещения) были отнесены детские приемники-распределители [1, с. 183]. Органам милиции поручалось организовать и обеспечить систематическое изъятие с улиц беспризорных, безнадзорных и заблудившихся детей и подростков, борьбу с их хулиганскими проявлениями в общественных местах, а также нищенством, спекуляцией, приставанием к гражданам, привлекать к административной ответственности родителей и опекунов за оставление без присмотра. Статья 12 УК РСФСР согласно п. 1 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 25 ноября 1935 г. гласила «Несовершеннолетние, достигшие двенадцатилетнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, в убийстве или попытке к убийству, привлекаются к уголовному суду с применением всех мер наказания» [5].

Основной проблемой явилось отсутствие в тексте постановления ЦИК СНК СССР от 7 апреля 1935 г. четкого указания на то, подлежит ли 12-летнее лицо уголовной ответственности за неосторожное причинение смерти и телесных повреждений, или имеется в виду только совершение умышленных деяний [1, с.182]. На установление уголовной ответственности с 12-летнего возраста скорее всего повлияла господствующая в то время точка зрения о принуждении как универсальном средстве борьбы с преступностью. Работники суда и прокуратуры, не имея возможности применять к несовершеннолетним преступникам меры воспитательного характера, часто назначали наказания, связанные с лишением свободы. Это нередко приводило к негативным последствиям. Осужденные подростки, общаясь со взрослыми преступниками, подвергались отрицательному влиянию.

Следующим шагом на пути ужесточения ответственности несовершеннолетних явилось снижение общего возрастного порога уголовной ответственности Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних» за преступления, не названные в рассмотренных выше нормативных актах. За их предусматривалось установление уголовной ответственности для лиц, достигших 14 лет [1, с. 371]. Этот указ можно рассматривать двояко: роль уголовного наказания в борьбе с преступностью несовершеннолетних преувеличена; определение возрастного критерия уголовной ответственности не обоснованы, как полагают некоторые исследователи проблемы, научно. Существует мнение, что законодательные акты 1935–1941 гг. были направлены на повышение ответственности несовершеннолетних за свои поступки, а не на расширение репрессий в отношении несовершеннолетних. Однако лица в возрасте от 12 до 16 лет еще не приступали либо только приступали к трудовой деятельности, поэтому, соответственно, нельзя было рассматривать случаи хищения ими как проявление преступных склонностей.

Приказом Народного комиссариата юстиции СССР от 19 июня 1943 г. № 50 судам приказывалось уделять особое внимание рассмотрению уголовных дел на несовершеннолетних правонарушителей, не достигших 15 лет, привлеченных к уголовной ответственности за мелкое хулиганство, мелкие кражи и другие незначительные преступления. Суды получили право прекращать уголовные дела перечисленных категорий за нецелесообразностью привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности с передачей его на попечение родителей, опекунов или, в случае необходимости, направлением его в трудовую воспитательную колонию.

В период Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы законодательство об уголовной ответственности несовершеннолетних, в общем, не изменялось. Что касается несовершеннолетних в возрасте от

16 до 18 лет, то в соответствии с Указами Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. они осуждались на более длительные сроки. С 1941 по 1945 г. ответственность несовершеннолетних наступала с 14 лет, а по незначительному количеству преступлений – с 12 лет. Таким образом, как следует из вышеизложенного, проблема четкого установления уголовной ответственности несовершеннолетних с 1917 по 1945 г.

Список использованных источников

1. Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / под ред. А.Н. Яковлева ; сост. С.С. Виленский [и др.]. – М. : МФД, 2002 (Россия. XX век. Документы). – 631 с.
2. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. [Электронный ресурс] : постановление Наркомюста РСФСР, 12 дек. 1919 г. // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4859#03435106506808534>. – Дата доступа: 22.06.2020.
3. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР. (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР») [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, 1 июня 1922 г. // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#04622361605829972>. – Дата доступа: 22.06.2020.
4. Об изменении ст. ст. 12 и 50 Уголовного кодекса и ст. ст. 47 и 174 Исправительно-тюремного кодекса РСФСР [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, СНК РСФСР, 30 окт. 1929 г. // Сейчас.ру – новости России и мира. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/sss/15864>. – Дата доступа: 22.06.2020.
5. Об изменении действующего законодательства РСФСР о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних, с детской беспризорностью и безнадзорностью [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК, СНК РСФСР, 25 нояб. 1935 г. // Некоммерческая интернет-версия КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14250#01962553023714091>. – Дата доступа: 22.06.2020.

УДК 34(09)(476)

Е.М. Камков, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *В.А. Данилов*

СУД И СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В ДОСТАТУОВЫЙ ПЕРИОД

Современная Республика Беларусь имеет сложную судебную систему и четко прописанный порядок судопроизводства, которые берут свое начало со времен Великого княжества Литовского Русского и Жа-

мойтского. Основным источником норм судопроизводства в период зарождения ВКЛ служила Русская Правда. В ней было достаточно четко прописано, как вести рассмотрение уголовных и гражданских дел. В рассматриваемый период суды были не отделены от администрации, действовали различные инстанции, от суда княжеского до общинного [1, с. 24]. Суды были: княжеских съездов (снемов), местных князей, вотчинные, вечевые, общинные и должностных лиц местной администрации. Высшей судебной инстанцией являлся суд Великого князя, куда мог обращаться любой свободный человек.

Сложилась основная система судебного процесса – он был гласный, устный, состязательный, при равенстве сторон. Гражданский и уголовный процесс не разграничивались. Согласно Русской Правде судебный процесс начинался с заявления истца либо по общеизвестному факту преступления (по факту поимки преступника с поличным). Одним из оснований судебного разбирательства являлся «заклич» – публичное заявление потерпевшего о факте преступления. Если похищенное отыскивалось потерпевшим по истечении трехдневного срока, ответчиком считалось лицо, у кого находили похищенное. Вещь изымали, взыскивался штраф. Если похищенное не отыскивалось за три дня после объявления о краже, то начиналась процедура «свода» – поиска виновного лица. «Свод» – древний процесс отыскания преступника и похищенного, очной ставки и разбирательства, в тексте Русской Правды описан схематично из-за своей общеизвестности. Другая форма процесса – гонение следа, преследование преступника населением по горячим следам. В особых случаях община становилась ответственной за поиск преступника и несла уголовную ответственность за его отыскание, т. е. в судопроизводстве можно выделить принцип коллективной ответственности. На наш взгляд, этот принцип был не только присущ средневековому правопониманию, но и повышал юридическую ответственность членов сельской общины, что способствовало укреплению правопорядка.

В Русской Правде представлена обширная система доказательств. Важнейшими из них являлись показания «видоков», т. е. очевидцев, непосредственных свидетелей факта происшествия и «послухов», своего рода свидетелей добродетельности обвиняемого. Количество потребных для суда послухов зависело от личности ответчика и тяжести обвинения (от 2 до 14). Послухами выступали только свободные люди. В исключительных случаях закон позволял привлечение в качестве послухов холопов.

Обвинение, которое не поддержали послухи, рассматривалось судом как ложный донос. Для этого требовалось не менее 7 послухов. При их отсутствии к обвиняемому надлежало применение ордалий (испытание железом и водой). Важнейшим доказательством была присяга-

рота, клятва перед богом, приносившаяся или обеими сторонами, или одним ответчиком. В процессе предусматривались донос, «поличное» и поручительство. Важную роль играло наличие следов избиения, «знаков», что не требовало очевидцев [1, с. 25]. Как видим, процессуальные нормы в Русской Правде образовывали достаточно развитую систему принципов судопроизводства, а также содержали определенные права и обязанности участников процесса.

Период феодальной раздробленности (XIII–XIV вв.) в Древнерусском государстве отразился на процессуальном праве в белорусских землях. Это связано с образованием Великого Княжества Литовского и с усилившимся влиянием в ВКЛ польского права. Имплементирующее значение имела Польская Правда. Судопроизводство действовало в двух, не характерных для Русской Правды, видах – арбитражном и подготовительном.

Арбитражное основывалось на принципе, когда Великий князь не опирался на общую практику судопроизводства, а выносил приговор на основании осведомления о преступлении либо судя по результатам предварительного расследования, тем самым лишая обвиняемого права на защиту. Наказание зависело только от воли монарха. Арбитражное судопроизводство простиралось на государственные преступления – против князя и его интересов и предоставляло обвиняемому право на защиту. В XIII в. в основном был распространен обвинительный процесс. Начинался на основании жалобы истца, присутствовало так называемое контрдикторное судопроизводство, или процесс в виде спора, протекающий в присутствии суда. Характерной его чертой являлся формализм, он выражался в использовании определенных символов, жестов, словесных формул, а также соблюдении предписанных форм [2, с. 159]. Одной из них была присяга. Присягающий обязан был воспроизвести определенные жесты и предписанную формулу. Нарушение процедуры делало присягу недействительной. Формальный характер имело и предъявление иска. Но неспособность лица четко произнести присягу не приводило его к проигрышу, как в зарубежных государствах.

Одной из прогрессивных черт средневекового процесса являлась диспозитивность. Ее сущность заключалась в том, что стороны – участники могли заранее договориться о форме судопроизводства в ограниченных рамках. Это способствовало минимизации формализма и увеличению самостоятельного судопроизводства, что вело к появлению новых норм права.

Сущность подготовительного судопроизводства заключалась в том, что государственная власть, у которой еще не было собственных органов преследования, обязывала общину выполнять ополье (феодалную повинность) в виде данной функции. Она заключалась в институте, рецепирированном из Русской Правды – гонение следа. Население общины обязывалось преследовать преступника. Данная процедура налага-

ла коллективную ответственность на всех участников преследования. С усилением феодального гнета и укрепления государственного аппарата появились элементы инквизиционного процесса в уголовных делах, в частности в судопроизводстве оправцев-юстициариев, соединивших в своих руках функции преследования, обвинения и осуждения в сфере квалифицированных преступлений: разбоя и краж. Но расширению применения инквизиционного процесса противилась шляхта, желавшей ликвидации должности оправца. Важно отметить, что не сформировались такие черты инквизиционного процесса, как тайность и письменность судопроизводства. Процесс был устным, в редких случаях использовали письменность [2, с. 161]. Наличествовала и возможность приостановки или прекращения судебного преследования. Она предоставлялась, когда лицо воспользовалось правом убежища во дворе монарха или в костеле. Убежище охраняло обвиняемого от мести, пока он не докажет свою невиновность или не добьется прощения у потерпевшего.

При Казимире Великом наблюдалось усиление арбитражного судопроизводства, часто влекшее смертные приговоры для шляхты. Шляхта отреагировала на это возобновлением древнего института воеводского убежища. Шляхтич имел право схорониться под опекой воеводы в убежище на 4–8 недель. Если за это время обвиняемый не получал гарантию нормального судопроизводства, он подлежал изгнанию из государства воеводой. В течение года если он вел себя подобающе, то он не подлежал наказанию. За это время его родственники могли добиться нормального судопроизводства. Если обвиняемый совершал бесправный побег, то он подлежал наказанию лишением чести и конфискации имущества. Воеводское право убежища исчезло в XV в., когда привилегии охраняли шляхту от конфискации имущества без суда. Обстоятельствами, исключавшими уголовное преследование, была амнистия или помилование от короля.

В средневековом судебном разбирательстве четко отличали судебную правоспособность и процессуальную. Судебная – право быть стороной в процессе, процессуальная – право выступать в процессе лично. Женщины выступали через опекуна или мужа, это не касалось вдов. Разбирательство осуществлялось в утренние часы, так как послеобеденная еда с напитками могли отрицательно повлиять на ход судебного процесса. Форма осуществления процессуальных действий была преимущественно состязательной. Письменные доказательства были важнее свидетельских показаний, а свидетельства имели преимущество над клятвами, что выражало тенденцию развития формальной теории доказательств. Основными доказательствами служили присяга, соприсяжничество, ордалии, свидетельства и документы. Поводами отмены приговора являлись ремиссия и порицание судьи. Важную роль в процессе играл ряд норм канонического права [2, с. 159].

Значительно влияние на развитие белорусского права оказал Судебник Великого князя Казимира 1468 г. – первый кодекс уголовного и уголовно-процессуального права на территории современной Беларуси. Его основой было обычное право и нормы, выработанные судебно-административной практикой [3, с. 74]. Впервые законодательное закрепление получило запугивание как цель наказания. Ранее осужденный к смертной казни мог откупиться или быть переданным потерпевшему. Сейчас это запрещалось. Артикул 12 гласил: «А над злодеем милости не надобе» [3, с. 75]. Одной из новелл Судебника была обязанность жителей поддерживать дороги и мосты в надлежащем состоянии. За нарушение предусматривался штраф в 10 рублей. Судебник Казимира, несмотря на небольшой объем, заложил основы в развитие правовой теории, новых принципов процессуального феодального права. Можно сделать вывод: с XIII по XVI в. белорусское право имело синтетический характер, так как соединяло нормы обычного местного права, Русской Правды и польского права. Существовали и другие источники права (статуты, привилеи, великокняжеские грамоты и др.), но существенного влияния они не оказывали. Новый этап в развитии судопроизводства наступил с появлением в XVI в. Статутов Великого княжества Литовского.

Список использованных источников

1. Основные памятники права славянских народов эпохи феодализма / авт. сост. В.А. Данилов. – Минск : БГАТУ, 2005. – 132 с.
2. Бардах, Ю. История государства и права Польши / Ю. Бардах, Б. Леснодорский, М. Пиетрчак. – М. : Изд. «Юрид. лит.», 1980. – 560 с.
3. Юхо, I.A. Крыніцы беларуска-літоўскага права / I.A. Юхо. – Мінск : Беларусь, 1991. – 238 с.

УДК 340.122

С.В. Крылов, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат философских наук,
доцент *А.А. Козел*

ГЕГЕЛЬ О СООТНОШЕНИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Рассматривая проблемы государства и права, нельзя не уделить внимания труду немецкого философа Г. Гегеля «Философия права», опубликованной в 1820 г. Эта работа является наиболее развернутой его концепцией права, общества, государства и политики. Исходя из своей

философии абсолютного идеализма он полагал, что основой всего сущего является Абсолютная идея, которая порождает на определенном отрезке истории сначала природу, затем общество и государство, право, философию, искусство и т. д. Поскольку Абсолютная идея представляет, по Гегелю, единство мышления и бытия, то весь мир рационален и разумен. Разумеется, право и государство также рациональны и разумны, так как они детерминированы Абсолютной идеей (Абсолютным разумом). Хотя Гегель и признавал возможность нерационального (неразумного, дурного) государства, оно у него существовало как исключение из правила рациональности, не обладало внутренней необходимостью и, соответственно, оставалось вне его концепта философии права, в которой действительность государства всегда должна была совпадать с его разумностью.

Фундамент государства – народный дух, носителем которого являются граждане. Отсюда мыслитель выводил невозможность участия церкви в делах государства. Политический строй, выражая внутреннюю сущность государства и процесса его функционирования, реализуется, полагал Гегель, в деятельности различных ветвей власти. Само разделение властей государства понималось Гегелем как логическая необходимость и практическая полезность. Он писал, что существование отдельных властей в государстве обеспечит ему необходимую прочность и устойчивость.

Тремя властями в государстве, по Гегелю, являются законодательная власть, правительственная власть и власть государя (монарха). Судебная власть относится у него к исполнительной власти. Момент единичности у Гегеля представлен властью монарха. Сложившийся подход в политических науках культивирования самостоятельности властей и их взаимного ограничения представляется Гегелю ложным, поскольку предполагал недоверие одной власти к другим, взаимный страх и, как следствие, противодействие. Результатом этого, писал Гегель, получается лишь абстрактное равновесие, а не живое единство. Выход из этого положения Гегель находит в диалектическом понимании власти монарха, как содержащей в себе три аспекта государства как целостного организма: аспекта всеобщности (участие в законодательной работе), аспекта отношения особенного ко всеобщему (участие в правительственной власти) и аспект единичности – право монарха на окончательное решение и абсолютное самоопределение, так как в его власти объединены все другие власти в индивидуальное единство.

По Гегелю, из известных и наиболее распространенных политических форм государства нравственная идея получает полное развитие только в конституционной монархии. Такие формы, как монархия, ари-

стократия, демократия – Гегель квалифицировал как низшие этапы политического развития, где эта идея еще не получила полного развития. Монарх получает власть по наследству и она принадлежит ему в полном объеме. Конституционный монарх ограничен Конституцией и поэтому не должен вмешиваться во все дела. Вместе с тем окончательное решение принимает только он.

Рассматривая сущность законодательной власти, Гегель был не согласен с господствующей в правоведении точкой зрения, что она и только она выражает интересы всего народа. Гегель отмечал в этой связи, что народ в принципе не может знать, чего он хочет. Он объяснял это незнание тем, что такое знание может быть только результатом специального и глубокого познания, что, на его взгляд, не является собственно его задачей. Чтобы решить проблему участия народа в государственной жизни, он взамен народного представительства предложил представительство сословий. Сословия, согласно Гегелю, находясь между правительством и народом, образуют середину между монархическим началом и народом. Сословия выполняют задачу примирения противоположающихся интересов в обществе.

Законодательная власть, по Гегелю, состоит из двух сословных элементов, которые представляют две формы представительства в законодательном органе. Функции у них разные: одна примиряет монарха с гражданским обществом или народом, а другая – исполнительную власть с народом. Первый сословный элемент законодательной власти формируется из дворянства. Данное сословие предназначено от рождения на занятие политической деятельностью.

Второй элемент образуется, по Гегелю, из активистов гражданского общества: ремесленников, торговцев, фабрикантов, из чиновников и т. д. Они становятся депутатами благодаря своему образованию и доверию общества.

Таким образом, Гегель в своей политико-правовой философии исходил из идеи разумности государства, которое функционировало у него как целостный рациональный (разумный) организм. Все власти должны не уравновешивать друг друга, а представлять собой единое политическое целое. Идеальным государственным устройством для него являлась прусская монархия. Именно в ней он видел воплощение Абсолютного духа. В разумном государстве исполнительная и законодательная власти функционируют на основе разумности. Все возникающие противоречия между властями снимаются монархом. Как и у мыслителей античности, государство выступало у него главным фактором и условием порядка и благополучия граждан.

Н.Д. Манько, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.А. Воронаев*

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОТРУДНИКОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ

В современной юридической науке существует значительно количество аспектов, по поводу которых ученые не пришли к единой точке зрения. Это обстоятельство затрудняет использование соответствующих правовых категорий не только на теоретико-правовом, но и прикладном уровне. Одной из таких сложных для дефинирования и операционализации категорий является «правовая культура».

Так, в самом широком смысле правовая культура представляет собой своего рода юридическое богатство человечества, выраженное в достигнутом уровне развития регулятивных качеств права, юридической техники, которые относятся к духовной культуре, правовому прогрессу.

Один из авторов категории «социалистическая правовая культура» А.П. Семитко понимал под ней обусловленное социально-экономическим и политическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне юридических актов и иных текстов правового характера, уровне правовой деятельности, правосознания и правового развития субъекта, а также степени гарантированной государством свободы поведения личности в единстве с ответственностью ее перед обществом [1, с. 28].

По мнению Е.В. Аграновской, правовая культура – это система взглядов, оценок, убеждений, установок относительно важности, необходимости, социальной ценности юридических прав и обязанностей, которые формируют позитивное отношение к праву, законности, правопорядку, обеспечивают социально полезное поведение в правовой сфере [2, с. 6].

В.В. Загородский под правовой культурой понимает сферу общественной культуры, отражающую правозначимые явления и обусловленную правовыми ценностями, представлениями о должных правах и свободах человека и гражданина [3, л. 15].

Как видно из приведенных понятий, ученые расходятся во мнении о том, что такое правовая культура. Одни указывают на то, что правовая культура связана с социальной составляющей жизни общества, другие указывают на духовное развитие общества, третьи говорят о правовой деятельности государства. По нашему мнению, следует рассматривать

данный феномен с учетом трех вышеизложенных аспектов. В частности, речь идет о том, что правовая культура есть часть общей культуры, являющаяся ценностью человечества; правовая культура есть ни что иное, как социальная составляющая жизни общества; правовая культура отражает уровень развития права в обществе в современных условиях функционирования государства.

Мы согласны с тем, что культура в самом широком смысле представляет собой совокупность достижений человечества в результате духовной и практической деятельности. В этом смысле не вызывает сомнений, что право и есть та самая ценность, созданная человечеством.

Социальная сторона правовой культуры рассматривается современными учеными через призму ее составляющих. К таковым относятся уровень развития правосознания общества, демократизм правотворческого процесса, уровень развития законодательства, реализация права, правовое закрепление и реальное обеспечение прав и свобод личности, уровень законности и правопорядка в обществе, правовая активность всех субъектов права, состояние правовой науки и юридического образования.

Несомненно, право должно находиться и находится в постоянном развитии. Важнейшую роль в этом процессе играет нормотворческая деятельность государства. Так, государство, создавая правовые нормы, отражающие изменяющиеся общественные и политические процессы, влияет и на порядок деятельности граждан, что отражается на правовой культуре. Нормотворческая деятельность логично продолжается деятельностью по реализации правовых предписаний, результаты которой также находят отражение в правовой культуре общества. На формирование правовой культуры также воздействует деятельность по толкованию норм права, т. е. уяснению и разъяснению смысла правовых норм с целью их правильного понимания и реализации адресатами.

Таким образом, говоря о понятии правовой культуры, необходимо использовать комплексный подход, позволяющий рассматривать ее как часть общечеловеческой культуры, как социальную составляющую жизни общества и как результат нормотворческой и правореализационной деятельности государства.

Современные проблемы правовой культуры коснулись буквально всей правовой сферы деятельности человеческого общества, в том числе отразились и на деятельности пенитенциарных органов.

Современное развитие уровня уголовно-исполнительного законодательства рассматривается с точки зрения тех общесоциальных целей, для которых оно было создано. Например, достижение цели исправления

осужденных на основе принципов гуманизма и уважения прав и свобод человека выступает фундаментальным аспектом социальной стороны правовой культуры уголовно-исполнительного законодательства.

Так, согласно ст. 6 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь основывается на принципах законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказания и иных мер уголовной ответственности, рационального применения мер принуждения и средств исправления осужденных, стимулирования их правопослушного поведения, сочетания принудительных мер с воспитательным воздействием [4].

Современное уголовно-исполнительное законодательство Республики Беларусь характеризуется также тем, что применение наказания и иных мер уголовной ответственности имеет целью исправление осужденных и предупреждение совершения преступлений как осужденными, так и другими лицами. По нашему мнению, исправление осужденных – формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни.

В свою очередь, реализация уголовно-исполнительного законодательства возложена на сотрудников пенитенциарной системы. Последние, в свою очередь, являются профессиональными юристами, которые не только обладают глубоким знанием права, но и способны применять его в своей повседневной профессиональной деятельности. Следовательно, в данном случае имеет место говорить о правовой культуре с точки зрения ее профессионального уровня.

Е.Б. Кониченко рассматривал профессиональную правовую культуру сотрудника уголовно-исполнительной системы как социокультурное образование, проявляющееся на мировоззренческом, поведенческом уровнях и выступающее как совокупность ценностей, норм, профессионально значимых качеств, мировоззренческих установок, а также степень их освоения сотрудником пенитенциарной системы, позволяющая эффективно выполнять задачи по совершенствованию пенитенциарной системы [5, л. 122].

Несомненно, правовая культура сотрудника уголовно-исполнительной системы, с точки зрения общесоциальных целей уголовно-исполнительного законодательства, должна воспитывать в нем ориентации на высокие духовные ценности. Так, ведущую роль в формировании профессиональной правовой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы играют профессиональная этика и профессиональная эстетика.

Профессиональная этика сотрудника пенитенциарной системы, в первую очередь, должна характеризоваться с учетом объективных тре-

бований профессиональной морали и переход их в личные убеждения сотрудника, а также развития у него способности к саморегуляции поступков и регуляции общественного поведения в отношении лиц, отбывающих наказание, которое основано на принципах порядочности, гуманности, справедливости и т. п.

Несомненно, сотрудник пенитенциарной системы, будучи профессиональным юристом, обладает признаками эстетической культуры юриста, однако с учетом специфических особенностей, присущих данной профессии. *Профессиональная эстетика* – один из факторов формирования и развития правовой культуры сотрудника уголовно-исполнительной системы – должна быть направлена на нравственно-эстетическое воспитание личности, обеспечение всестороннего обогащения духовного мира сотрудника, а также к форме и содержанию его поступков в процессе осуществления пенитенциарной деятельности.

В заключение необходимо отметить, что изучение профессиональной правовой культуры сотрудников пенитенциарной системы носит не только теоретический, но и практический характер, который заключается в работе с сотрудниками подразделений в части формирования и развития данного социально-правового феномена.

Список использованных источников

1. Семитко, А.П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс / А.П. Семитко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.
2. Аграновская, Е.В. Правовая культура как фактор укрепления социалистического образа жизни : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.В. Аграновская. – М., 1982. – 16 с.
3. Загородский, В.В. Правовая культура в контексте прав человека : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В.В. Загородский. – Краснодар, 2010. – 204 л.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Кониченко, Е.Б. Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы в современном российском обществе (общеправовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.Б. Кониченко. – Владимир, 2005. – 182 л.

УДК 34(09)

Н.А. Могила, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.В. Шабельцев*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БССР В БОРЬБЕ С АНТИСОВЕТСКИМ ПОЛЬСКИМ ПОДПОЛЬЕМ (1945–1947 гг.)

1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война: на Польшу напала нацистская Германия, а вскоре Красная Армия заняла территорию Западной Беларуси, которая вошла в состав Белорусской ССР. 22 июня 1941 г. нацистский Рейх напал на Советский Союз, и на оккупированной территории БССР зародилось партизанское движение – знаменитые белорусские красные партизаны. Но помимо них в Западной Беларуси в леса шли и представители польской национальности – идейные сторонники Речи Посполитой.

14 февраля 1942 г. на базе польских подпольных и партизанских формирований была образована Армия Крайова, которая подчинялась эмигрантскому правительству Польши в Лондоне. Армия Крайова действовала на территории бывлой II Речи Посполитой, в том числе и в Западной Беларуси. Первоначально она сотрудничала с советскими партизанами, а летом 1944 г. аковцы предприняли попытки освободить некоторые населенные пункты Западной Беларуси и Вильно до прихода Красной Армии. Но силы польских формирований были недостаточны для изгнания нацистов, основная заслуга в освобождении БССР принадлежала советским войскам. После освобождения в Западной Беларуси продолжали действовать многочисленные националистические формирования, среди которых было около 20 тыс. аковцев [1, с. 44], считавших вновь пришедшую сюда Советскую власть противником.

19 января 1945 г. по решению польского эмигрантского правительства Армия Крайова была распущена, однако сопротивление бывлых аковцев не прекратилось. Польские организации составляли в БССР основную часть антисоветского подполья в послевоенные годы. Об этом свидетельствуют следующие цифры: с осени 1944 г. по июнь 1946 г. было ликвидировано 914 антисоветских националистических организаций и групп, при этом арестовано 17 870 человек, из которых польскими являлись 767 организаций и 13 329 арестованных [2, с. 128].

Постаковские формирования представляли собой организованного и хорошо вооруженного противника, стремящегося вернуть Западную Беларусь в состав Польши. Они проводили диверсии, нападения на

представителей компартии и советских органов власти, особенно в период проводимых в СССР выборных компаний. За период 1944–1947 гг. польскими антисоветскими формированиями было совершено 575 терактов, 39 диверсий, 252 нападения на госучреждения, в результате которых погибло 96 сотрудников МВД-МГБ, 107 служащих Советской Армии, 290 человек партийно-советского актива, 1 031 мирный житель [3, с. 73]. Приведенные цифры и многочисленные факты свидетельствуют о том, что помимо борьбы с сотрудниками НКВД-НКГБ (МВД-МГБ) и военнотрудовыми постаковскими формированиями занимались и террором против мирного населения. Так, на судебном заседании в Лиде подсудимый Козловский свидетельствовал о том, как Тыркин – командир одного из польских подразделений – расстреливал в деревне Дайнова и ее окрестностях мирных женщин и детей, многие из которых погибли только из-за того, что приехали из Центральной или Восточной Беларуси [4, с. 82].

После освобождения Беларуси Советская власть начала восстанавливать на ранее оккупированных территориях структуры НКВД, которым принадлежит главная роль в ликвидации постаковских формирований. Численный состав местных отделов, занимавшихся борьбой с бандитизмом в западных областях БССР, был небольшим. В конце 1944 г. аппараты по борьбе с бандитизмом насчитывали по 2–3 сотрудника. Так, в Видзовском, Глубокском, Браславском районах Полоцкой области в аппарате по борьбе с бандитизмом работало по два человека, в Плиском, Миорском, Шарковщинском, Докшицком и Дисненском районах – только по одному человеку. В марте 1946 г. НКВД БССР был переименован в МВД БССР, и в нем важное место было отведено управлению по борьбе с бандитизмом, которое и занималось ликвидацией антисоветских формирований [4, с. 125–126]. Деятельность лиц, участвовавших в постаковском подполье, чаще всего квалифицировалась по ст. 63 «Измена Родине» и 76 «Организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению измене Родины» УК БССР. Наказание предусматривало как высылку и заключение, так и смертную казнь.

Против постаковских формирований проводились войсковые операции, но после перехода польских боевиков на более конспиративную деятельность решающее значение приобрела следственная работа, а войсковые операции осуществлялись после агентурных разработок. Вербовка осведомителей и агентов осуществлялась как из числа проверенных людей, которые жили на хуторах и в деревнях, так и на основе так называемых «компроматериалов» (среди последних наиболее распространенной была принадлежность к антисоветским организациям) [5, с. 132–133].

Агенты, внедренные в антисоветские формирования, являлись не только ценным источником информации. Агент «Левкович» получила задание «разложить с тем расчетом, чтобы сдались Советской власти...» отряд численностью 25 человек, который действовал на территории Порозовского района Брестской области под руководством «Бужи». После отказа «Бужи» сдаться, при помощи «Левкович» его отряд был обнаружен и в ходе чекистско-войсковой операции 17 сентября 1945 г. уничтожен [5, с. 138].

Примеров успешных действий НКВД (МВД) БССР на основе сведений агентуры много. Однако случалось, что польские боевики использовали свою агентуру против представителей органов внутренних дел. Например, группа из восьми милиционеров после прочесывания местности у деревни Банцевичи остановилась на ночлег у одного из крестьян, который в этот момент укрывал часть разыскиваемого отряда. В результате, когда милиционеры потеряли бдительность, их всех расстреляли, а трупы затопили в реке [6, с. 222].

Основные организационные структуры польского сопротивления были ликвидированы к концу 1947 г. На существенное снижение активности постаковских формирований оказали как работа МВД БССР, так и объявленные амнистии участникам бандформирований в 1945 и 1947 гг. Сужало социальную поддержку антисоветского подполья и массовое переселение польского населения из Западной Беларуси в Польшу. Однако вооруженная борьба после этого не окончилась: отдельные группы и одиночки совершали нападения и диверсии вплоть до 1954 г. Последнего боевика советские правоохранительные органы уничтожили в Западной Беларуси 26 апреля 1954 г. [6, с. 243–244]. Тем самым завершилось многолетнее противостояние польских националистов и Советской власти, точное число жертв которого не будет известно никогда.

Таким образом, органы внутренних дел проводили системную работу по противодействию польскому националистическому подполью: устраивали засады, проводили поисковые операции по выявлению боевиков, внедряли агентов в состав бандформирований. Благодаря этим мероприятиям, к 1948 г. организационно польское антисоветское подполье было разгромлено, а работа по противодействию оставшимся боевикам-одиночкам требовала использования несколько иных методов борьбы.

Список использованных источников

1. История белорусской государственности : в 5 т. Т. 4. Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоен-

ного восстановления (1939–1953 гг.) / А.А. Коваленя [и др.] – Минск : Беларус. навука, 2019. – 567 с.

2. Валаханович, И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944–1953 гг. / И.А. Валаханович. – Минск : БГУ, 2002. – 146 с.

3. Вялікі, А.Ф. Адносіны паміж цывільным насельніцтвам і польскім падполлем у перыяд са студзеня 1945 па 1948 год на тэрыторыі Беларусі / А.Ф. Вялікі, Я.А. Задруцкі // Актуальныя праблемы в изучении и преподавании общественно-гуманитарных наук (дисциплин). – Витебск : Витеб. фил. УО ФПБ «МИТСО», 2010. – С. 72–73.

4. Ермолович, В.И. Огнем и мечом: Хроника польского националистического подполья в Белоруссии (1939–1953 гг.) / В.И. Ермолович, С.В. Жумарь. – Минск : БелНИЦДААД, 1994. – 112 с.

5. Рыбак, Н.А. Деятельность Армии Крайовой и постаковских формирований на территории западных областей БССР (1944–1954 гг.) / Н.А. Рыбак. – Гродно : ГГАУ, 2015. – 195 с.

6. Сямашка, Я.І. Армія Краёва на Беларусі / Я.І. Сямашка. – Мінск : Беларус. выд. т-ва «Хата», 1994. – 270 с.

УДК 34(09)

А.О. Протасевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.В. Шабельцев*

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В КОНЦЛАГЕРЕ В БЕРЕЗЕ-КАРТУЗСКОЙ (1934–1939 гг.)

Западная Беларусь с 1921 по 1939 г. находилась в составе II Речи Посполитой. Национальная политика польских властей на «крэсах восточных» включала в себя широкий спектр мер по полонизации национальных меньшинств. Поскольку «культурное подавление» местного населения вызывало протест и сопротивление белорусов, то по отношению к ним применялись меры репрессивного характера с применением армии и полиции. В первой половине 1920-х гг. в восточных воеводствах вводилось военное положение, проводились массовые аресты. После государственного переворота в 1926 г. была закрыта самая массовая легальная национальная организация – «Беларуская сялянска-работніцкая грамада». В восточный регион II Речи Посполитой направлялись тысячи польских колонистов-осадников, которые становились опорой авторитарного режима. В начале 1930-х гг. власти инициировали «пацификацию» (умиротворение) «крэсов восточных», в ходе которой репрессии достигли таких размеров, что вызвали в 1932 г. осуждение со стороны Лиги Наций [1, с. 185].

После убийства 15 июня 1934 г. в Варшаве министра внутренних дел страны уже 17 июня президент Польши издал распоряжение о создании в Березе-Картузской лагеря, предназначенного для содержания «угрожавших безопасности» лиц. Как результат – на территории Западной Беларуси появился концлагерь, через который с 1934 по 1939 г., по официальным данным, прошло около 3 тыс. человек. При этом, по мнению некоторых белорусских историков, за все время существования лагеря в нем содержались около 10 тыс. заключенных [2, с. 22]. Этнический состав трех тысяч официально зарегистрированных узников выглядел следующим образом: поляки – 43 %, евреи – 33 %, украинцы – 17 %, белорусы – 6 %, немцы – 1 %. Вероятно, доля белорусов среди заключенных была большей, поскольку в польских переписях многие белорусы-католики фигурировали как «поляки», а некоторая часть населения называлась «полешуками». Исследователь О.И. Лицкевич считает, что в общем числе узников Березы-Картузской белорусы составляли никак не меньше половины от общего числа заключенных и интернированных в 1939 г. [3, с. 16].

Решение об отправке человека в единственный концлагерь во II Речи Посполитой принималось гражданской администрацией без всякого суда. Кроме того, данное решение не могло быть обжаловано, а срок заключения составлял до трех месяцев и мог быть продлен еще на такой же срок. Произвол польских властей проявлялся и в установленных правилах, которые предусматривали жестокое обращение с заключенными.

Атмосфера морального и физического подавления устанавливалась сразу по прибытии арестанта в концлагерь. Каждого из новоприбывших остригали наголо, его облачали в специально клейменую индивидуальным номером лагерную форму. Новичков на две-три недели размещали в «карантине» – помещении без какой-либо мебели, где днем узники не имели права отдыхать даже сидя. Для того чтобы лишить их самой возможности сесть, пол периодически поливался холодной водой, что приводило к дополнительным мучениям, особенно зимой. Находившиеся в «карантине» принуждались к выполнению упражнений, и такое дневное испытание физическими нагрузками продолжалось на протяжении нескольких часов.

Все заключенные должны были выучить наизусть распорядок дня и правила поведения, а в случае невыполнения предписаний по отношению к ним широко применялось физическое насилие, а также такая мера, как отправка в карцер. После «карантина» узников размещали в камерах основного блока, рассчитанных на 20–40 человек.

По существовавшему распорядку дня заключенные работали не более девяти часов в сутки, около получаса отводилось на каждый прием пищи, остальное время выделялось на отдых. Однако данный режим ад-

министратией лагеря не выполнялся. Ночной отдых мог прерваться проверками, а с 1938 г. такие побудки стали завершаться часовыми упражнениями. Процесс приема пищи был превращен в каждодневное издевательство: во время завтрака, обеда и ужина узник должен был в течение нескольких минут, вбежав в зал, взять свою порцию и съесть ее. У тех, кто вбегал последним, часто не оставалось времени на прием пищи. К слову, ее качество было крайне низким. По воспоминаниям Н.Ф. Лысюка, утром и вечером рацион состоял из так называемого «журика» – «это немножко ржаной муки, разболтанной в воде, а на обед поллитра супу, в котором плавало несколько перловых крупинок» [4, с. 194].

Отправление естественных надобностей было превращено для узников в еще одну физическую и психологическую пытку. Уборная представляла собой комнатку площадью 12 м², где находился умывальник и три дырки в полу. Во время оправки сюда загоняли узников целой камерой, т. е. 20–30 человек. Многие оправлялись прямо на пол, дежурные из числа заключенных, не имея никаких подручных средств, должны были убирать это голыми руками.

Субботний день обычно предназначался для посещения бани. Каждый человек должен был оставить одежду во дворе, затем все по очереди подбегали под струю воды, намыливались, а затем бежали в душ, чтобы смыть мыло. Полицейские, следившие за процедурой, часто с садистским азартом били заключенных резиновыми палками по мокрым телам.

Распространенными видами работ для заключенных были пашня и боронование земли, изготовление в мастерской бетонной плитки, выбирание компоста из выгребных ям. Находившемуся в лагере в 1936 г. И. Кунцевичу запомнилось, как заключенных «запрягали в телеги для перевозки различных грузов, в бочку для подвозки воды, даже в каток для укатывания булыжной мостовой, площадок, дорожек в парке и т. д.» [5, с. 192]. Некоторые работы носили откровенно издевательский характер: например, копать рвы, а потом засыпать их обратно. Все это сопровождалось побоями.

Самым тяжелым наказанием был карцер – «каторга внутри каторги» [6, с. 184]. Здесь заключенному в течение семи дней не давали ни еды, ни отдыха. Не было даже нар, только ледяной бетонный пол, который, к тому же, регулярно поливался водой. Спать узник тоже не мог, поскольку каждые два часа обязан был отвечать на вопрос дежурного полицейского.

За пять лет существования лагеря от жестокого обращения погибли 13 заключенных. Большинство из них были доведены в лагере до физического и психологического истощения, а затем направлены умирать в Кобринский госпиталь. Так поступили с Мозырко, а заключенного Германицкого забили до смерти, и остальным сообщили, что так будет со всеми, кто нарушает лагерный распорядок [5, с. 191].

Таким образом, условия содержания в лагере в Березе-Картузской можно охарактеризовать как пыточные. Узники были лишены элементарных условий, которые бы способствовали сохранению человеческого достоинства. Представители обслуживающего персонала лагеря использовали малейший повод для того, чтобы унижать и оскорблять заключенных. Такие условия содержания могли привести к безнаказанной смерти любого, кто не понравился администрации, вели к психологическим проблемам бывших узников. Само существование концлагеря в Западной Беларуси вызывало негативную реакцию местного населения, способствовало еще большему неприятию польской власти среди белорусов.

Список использованных источников

1. Мельтюхов, М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. / М.И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2001. – 185 с.
2. Трус, М. У пошуках гістарычнай праўды. «Бяроза-Картузская» ў міфалагізаваных уяўленнях і дакументальных сведчаннях / М. Трус // Род. слова. – 2013. – № 7. – С. 20–22.
3. Лицкевич, О.И. Концлагерь по-польски / О.И. Лицкевич // Беларус. думка. – № 3. – 2010. – С. 78–85.
4. Лысюк, Н.Ф. Воспоминания о заключении в концлагере Картуз-Береза / Н.Ф. Лысюк // Польша – Беларусь, 1921–1953. – Минск : Беларус. навука, 2013. – С. 193–196.
5. Кунцевич, И.И. Воспоминания о заключении в концлагере Картуз-Береза / И.И. Кунцевич // Польша – Беларусь, 1921–1953. – Минск : Беларус. навука, 2013. – С. 188–193.
6. Бурак, И.С. Воспоминания о заключении в концлагере Картуз-Береза / И.И. Кунцевич // Польша – Беларусь, 1921–1953. – Минск : Беларус. навука, 2013. – С. 182–187.

УДК 34(03)

Н.Д. Стулевич, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.И. Павлов*

ПОНЯТИЕ СУВЕРЕНИТЕТА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ КАРЛА ШМИТТА

Проблема соотношения правопорядка и суверена, а в частности определение первичного из данных политико-правовых категорий, восходит к проблемам суверенитета. Понимание суверенитета и его роли

рассматривалось различными мыслителями разных эпох, но особенно интересным для более глубокого взгляда на проблему суверенитета является учение Карла Шмитта, одного из ярких и спорных ученых в теории права. Наиболее важными вопросами суверенитета являются две проблемы: соотношение источника суверенной власти и носителя суверенитета; фактическое существование суверенитета как политико-правовой категории, определение пределов суверенитета как социального факта, что было актуальным на момент жизни Карла Шмитта.

Для большего понимания контекста следует понять, какие имеются общие подходы к определению понятия суверенитета. Классическое определение суверенитета дает Жан Боден, понимая под ним способность повелевать и понуждать таким образом, чтобы тот, кто повелевает и понуждает, не являлся объектом повеления и понуждения [1, с. 91]. В рамках этого определения следует выделить ряд ключевых признаков суверенитета: это власть, которая характеризуется постоянством, абсолютностью и неделимостью. Подобное понимание суверенитета базировалось прежде всего на суверенитете монарха, т. е. его носителем был конкретно определенный субъект, физическое лицо (суверен). Впоследствии, по мере течения исторического процесса и развития политико-правовой мысли данные признаки распространялись на систему публично-правовых органов (государство) через народ, а позже – и на надгосударственные структуры. Подобная тенденция к «распылению» суверенитета от конкретного персонифицированного субъекта к коллективным образованиям раскрывается более явно в либеральном понимании суверенитета – народном суверенитете. Это связано во многом с эпохой просвещения и периодом буржуазных революций, с формированием понятия «нация». Народный суверенитет определил Жан-Жак Руссо в XVIII в., понимая под носителем суверенитета (сувереном) коллективное образование, состоящее из частных лиц, именуемое народом [2]. Монарх в данном случае выступал в качестве антагониста, который являлся носителем самодержавной власти. Акцент в данной концепции смещался не на определение верховной власти в самом государстве, но к верховенству государственной власти как таковой. Таким образом, вышеназванные различия в трактовке суверенитета порождают проблему определения сущности суверенитета, а в этом контексте – и сущность самого суверена и его соотношение с правом как средством регулирования общественных отношений. Именно эти вопросы и составляли учение Карла Шмитта о суверенитете, которое целесообразно рассматривать вместе с учением другого видного представителя юридической науки – Ганса Кельзена.

Период, на который пришлось изучение К. Шмиттом данной проблемы, характеризовался определенными тенденциями в юриспруденции, связанными с редукцией понятия государства к понятию правопорядка и понятием суверенитета государства к суверенитету права (или верховенству права). Раскрывая сущность последнего, следует обратиться к «чистой теории права» другого виднейшего правоведа XX в. – Ганса Кельзена, который концептуализировал суверенитет права как универсальный, глобальный правопорядок, при этом постулируя, что суверенитет выступает лишь характеристикой права, отражая его логическое единство [3]. Шмитт в данном случае выступал в качестве защитника суверенитета как важнейшей политико-правовой категории. Соглашаясь с Боденом, Шмитт, однако, произвел акцентуализацию аспектов его учения. На первое место вместо постоянства, неделимости и абсолютности у исследователя выходит политическое решение как правомочие суверена. Если у Бодена суверенитет лишь иллюстрирует возможность принятия политического решения, то Шмитт предлагает считать его в качестве основного критерия определения суверена, т. е. «решение» приходит на смену формуле Бодена. Проблема суверенитета, по Шмитту, – сочетание фактической и правовой власти. В рамках этой проблемы Г. Кельзен отождествлял право и государство, считая последнее частным случаем права. Государство обладало верховенством потому, что представляло собой правопорядок, который стоит выше иных порядков (семейного, обязательственного и т. п.). Логическое единство правопорядка, охватывающегося понятием суверенитета права, представляет собой сведение к единой точке вменения, которая не выводится из факта – основной нормы.

«Основная норма», по Кельзену, – это самополагающаяся норма, не являющаяся смыслом акта, но управомачивающая субъектов на создание конституции после революции. Для ее действия не требуется вышестоящей нормы. Таким образом, Кельзен не разделял политической и правовой власти, потому что исходил из господства права *argiōi*, что дополняется его стремлением очистить правовую науку от различных неюридических рудиментов, привнесенных другими областями гуманитарного знания. Шмитт в противовес этому поставил вопрос предопределения и определения правопорядка следующим образом: наличие абстрактной точки вменения не может иметь какого-либо основания, кроме как позитивистского, т. е. приказа (решения). Именно решение суверена и учреждает порядок, создавая необходимую основу для последующей системы. Основной лейтмотив – «суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [4]. Раскрывая суть данного тезиса, следует определить понятие чрезвычайного положения, понимаемо-

го как объективная необходимость установления нового правопорядка, поскольку нормы старого уже не действуют. Суверен не нуждается в праве, для создания права, поскольку при появлении на политической арене новых сил, они не используют старые нормы для создания основ нового правопорядка, что подтверждается и историческими примерами. Всяческая революционная деятельность, как правило, противозаконна, однако с победой революционных сил начинает формироваться новый правопорядок, который ликвидирует старый, отсюда появляются такие понятия, как «правосудие переходного периода», «люстрация». Действие права основывается на том, что суверенное политическое решение уже принято. В поздних работах и сам Кельзен писал, что сущность права и конституируемого правом сообщества раскрывается со всей очевидностью тогда, когда существование права ставится под угрозу, что отражает сходство подходов рассматриваемых исследователей [5]. Однако проблема основной нормы в том, что она не называет конкретного субъекта и характер его действий, поэтому становится невозможным определить, кто является ответственным лицом за принятые решения. Шмитт высказывается, что за основной нормой как раз и скрывается суверен, который проявляет себя в чрезвычайном положении.

Таким образом, рассмотрев учение Карла Шмитта, можно сделать вывод о существовании суверенитета как политико-правовой категории, что обусловлено политическими, социально-культурными и историческими факторами. Согласно его учению, источником правопорядка является волевое решение легитимного суверена, обладающее особым характером, возникающее вследствие развития политического процесса в ситуацию, когда старый правопорядок уже не может быть действенной правовой основой для общественных отношений, что и вызывает необходимость определения новой основы для формирования общественного порядка.

Список использованных источников

1. Федорова, М.М. Классическая политическая философия / М.М. Федорова. – М. : Изд-во «Весь Мир», 2001. – 224 с.
2. Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.Ж. Руссо ; пер. с фр. – М. : КАНОН-пресс : Кучково поле, 1998. – 416 с.
3. Мухисин, Г.И. Концептуальная неоднозначность понятия «суверенитет» / Г.И. Мухисин // Обществ. науки и современность. – 2009. – № 3. – С. 64–74.
4. Шмитт, К. Политическая теология : сборник / К. Шмитт ; пер. с нем., заключит. ст. и сост. А. Филиппова. – М. : КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 336 с.
5. Кельзен, Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Г. Кельзен. – СПб., 2015. – 168 с.

Н.А. Сумароков, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук *Д.А. Воронаев*

О НЕТИПИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПРАВА

В изучении особенностей правового регулирования общественных отношений в различных странах исследование источников права, несомненно, занимает важное место. Источники (формы) права отражают саму суть правовой системы того или иного государства, позволяют установить причины и обстоятельства, оказавшие влияние на ее формирование. Однако из-за сложности и многогранности понятия «источник права» до сих пор не прекращаются споры среди ученых-юристов о том, что следует относить к этому понятию. Источник права – это то, из чего возникает и развивается право. Источники права носят объективный характер. В теоретико-правовой науке сложилась следующая система источников права, которые принято считать традиционными: правовой обычай, нормативный правовой акт, договор с нормативным содержанием, юридический прецедент, религиозная доктрина и юридическая доктрина.

Однако некоторые ученые выделяют и другие источники права, которые можно обозначить как нетипичные. Так, например, С.В. Бошно выделяет следующие, сохранившиеся по сей день, нетрадиционные формы права: правосознание, программное право, принципы права, включая справедливость, добросовестность и разумность, право юридической экспертизы [1, с. 85]. Тезис о существовании и иных источников права разделяют и другие ученые. Полагаем, необходимо рассмотреть некоторые точки зрения более подробно.

Начнем с такого «нетипичного» источника права», как общие принципы права. В целом под принципами права принято понимать общие начала права, его исходные положения, образующие соответствующую аксиологическую основу. Отдельные принципы права могут закрепляться в текстах нормативных правовых актов, однако исчерпывающий их список в настоящее время остается дискуссионным. Есть мнение, что в таком случае неверно будет указывать на нормативный акт как на источник права, отрицая данное качество за принципами права, так как между ними есть существенные различия. В частности, нормативные правовые акты содержат предписания общего характера, направленные на ряд вполне конкретных ситуаций. В свою очередь, принципы права такой конкретикой не обладают. Таким образом, принципы права при некоторых обстоятельствах могут приобретать некоторые свойства ис-

точника права. Впрочем, как говорилось выше, в литературе отмечается различное понимание принципов права, равно как и невозможность дать их четкий перечень.

Рассмотрим следующий «нетипичный» источник права, а именно правосознание. Правосознание – сложный феномен, в общем виде его можно определить как совокупность социально-психологических реакций и чувств, представлений, понятий и идей, выражающих отношение людей, социальных общностей к действующему или желаемому праву, правовым отношениям, правовой деятельности людей. Отметим, что специфика правового сознания состоит в том, что оно воспринимает, а затем и воспроизводит жизненные реалии через призму справедливого, праведного, свободного. Оно требует установления общеобязательных норм поведения. Правосознание очерчивает границы правового и неправового, правомерного и противоправного. Оно требует юридических мер для обеспечения права. Особое значение для характеристики функций правосознания имеют его признаки, позволяющие раскрыть сущность данного явления. Обобщив мнения отдельных теоретиков, можно выделить следующие существенные признаки правосознания: правосознание является частью общественного сознания; правосознание отражает правовую действительность; правосознание включает совокупность знаний, теорий, взглядов, идей, представлений, убеждений, установок, ценностных ориентаций, оценок, настроений, эмоций, переживаний, чувств, привычек; правосознание определяет отношение субъекта к действующему праву; правосознание регулирует поведение в юридически значимых ситуациях; правосознание формирует представления о желаемом праве и в дальнейшем находит конкретное выражение в нормах права [2, с. 21].

Как следствие, для эффективного регулирования общественных отношений в определенный период законодатель в ходе осуществления правотворческой деятельности должен учитывать не только требования юридической техники, догмы права, господствующей правовой идеологии, но и реально существующие на данном конкретном историческом отрезке времени материальные и духовные потребности и интересы индивидов и социума. Это относится и к перспективному прогнозированию развития права. Законодатель должен осознать, что нормы права только тогда эффективны, когда они добровольно соблюдаются большинством членов общества, что, в свою очередь, возможно, если содержание норм права не расходится с жизненными интересами и потребностями людей.

По мнению некоторых исследователей, еще одним «нетипичным» источником права является политико-программный документ [3, с. 71].

Государственное значение таких документов, как правило, подчеркивается в науке управления и политологии, в свою очередь, в юриспруденции различные виды политико-программных документов становятся предметом рассмотрения ученых-административистов. Среди наиболее распространенных актов данного вида чаще всего упоминаются государственные программы и различные концепции. По мнению ученых, данные документы являются формой государственного управления и обладают юридическим значением. Однако анализ последнего чаще всего сводится к констатации факта, состоящего в том, что данные акты утверждаются правовыми актами либо выступают в качестве основы для принятия соответствующих правовых актов, направленных на реализацию таких программ и концепций [4, с. 466]. Правовые акты, содержащие отдельные политико-программные компоненты, отличаются от собственно политико-программных документов, включающих в себя преимущественно или полностью их цели, направления государственной политики и (или) положения о конкретных политико-управленческих задачах и мероприятиях. Политико-программные документы могут быть разделены на общие, затрагивающие значительную часть сфер жизни общества, и специальные (отраслевые), которые распространяются только на некоторые сферы функционирования социума.

Полагаем, что акты вида государственных концепций, программ, стратегий, основных направлений и иных подобных документов с некоторой долей условности следует считать самостоятельным источником права, для обозначения которого может быть использован термин «политико-программный документ». Данные акты предназначены для определения целей, направлений деятельности государства и нередко закрепляют механизмы их реализации [5, с. 314].

Подводя итог, следует отметить, что в общетеоретической юридической науке сложилось устоявшаяся система источников права: правовой обычай, судебный прецедент, нормативный правовой акт, нормативный договор, правовая доктрина, религиозные тексты. Вместе с тем некоторые ученые выделяют и иные источники права, например, правосознание, программное право, принципы права и др.

Вопрос о том, следует ли относить последние к источникам права, остается открытым, так как вышеперечисленные нетипичные источники права, хоть и обладают рядом признаков источника права, однако полноправного места среди таковых в правовой науке не занимают.

Список использованных источников

1. Бошно, С.В. Доктринальные и другие нетрадиционные формы права / С.В. Бошно // Журнал рос. права. – 2003. – № 1. – С. 82–91.

2. Батуркин, В.Г. Понятие и структура правового сознания / В.Г. Батуркин // История государства и права. – 2004. – № 5. – С. 19–21.

3. Пляхимович, И.И. Юридическая природа концепций совершенствования законодательства и иных политико-программных документов / И.И. Пляхимович // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2007. – № 2. – С. 71–81.

4. Алехин, А.П. Административное право Российской Федерации : учебник / А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий, Ю.М. Козлов. – М. : Зерцало, 1997. – 671 с.

5. Тихомиров, Ю.А. Административное право и процесс: полный курс / Ю.А. Тихомиров. – М. : Изд-во г-на Тихомирова М.Ю., 2001. – 652 с.

УДК 340.1

А.Д. Суханова, студентка факультета права

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.В. Григорьев*

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Принять считать, что право справедливо и должно служить интересам людей. Кроме того, нормы права должны быть научно обоснованными, логичными и понятными. Так ли это на самом деле? Обратимся к истории. Например, вспомним фашистскую Германию, где в основе законопроекта о защите немецкой крови лежала теория так называемой «Импрегнации» Штрейхера, в соответствии с которой половой контакт немецкой девушки с чистокровным евреем ведет к осквернению и порче немецкой крови. Обсуждался также вопрос о стерилизации «полукровок», так как было доказано, что смешение расово чуждой крови ведет к слабоумию». В результате гражданином Рейха мог быть лишь тот, кто обладал «германской или родственной ей кровью и своим поведением доказывал желание и способность преданно служить германскому народу и рейху».

Но на самом деле такая формулировка фактически означала лишение немецкого гражданства множества людей, в первую очередь евреев и цыган. Среди ряда запретов запрещены как «осквернение расы» брак и внебрачное сожитие между евреями и «гражданами германской или родственной ей крови».

В этих примерах прослеживается явное противоречие между естественно-правовой школой и нормативизмом. Ведь получается, что самый антидемократический закон также является правом. Неслучайно после Второй мировой войны теория возрожденного естественного права получила большое развитие.

В чем социальный аспект правотворчества? Ответ кроется в социальной обусловленности права. С одной стороны, право влияет на общество, с другой стороны – общество влияет на право, в том числе и на правотворческий процесс. На наш взгляд, можно узаконить самую бредовую идею, правильно ее обосновав, есть возможность убедиться в этом на примере Нюрнбергских законов.

Что еще можно узаконить, правильно это обосновав? Рассмотрим несколько примеров зарубежных законодателей. Например, фитосанитарный контроль всех ввозимых в Российскую Федерацию подержанных автомобилей под предлогом поиска опасных жуков. В Аризоне серьезным преступлением считается срубить кактус – нарушителям закона грозит до 25 лет тюрьмы. В Дании заключенные могут смело убежать из тюрьмы, их за это не накажут. Но если поймают, то им придется досидеть срок до конца. В Сент-Луисе пожарным нельзя спасать обнаженных женщин, а также женщин, одетых в халат или ночную рубашку. В Индиане в соответствии с законом число пи равно 4, а не 3,14. В Пенсильвании закон не разрешает, чтобы в доме жило более 16 женщин, однако позволяет совместно жить 120 мужчинам. В Монтане 7 индейцев, собравшихся вместе, считаются бандой, грозящей мирным жителям, в них можно стрелять без предупреждения. В Алабаме женщине грозит тюрьма, если она вскроет почту мужа. В Китае спасать тонущего человека противозаконно, поскольку это является вмешательством в его судьбу.

Представляют интерес также некоторые юридические прецеденты. Например, в Айдахо запрещено рыбачить сидя на верблюде. В Балтиморе не разрешается приходит в театр со львами. В Нью-Орлеане нельзя привязывать крокодилов к гидрантам.

Таким образом, социальные аспекты правотворчества выражаются в социальной обусловленности права. С одной стороны, право влияет на общество, с другой – общество влияет на право, в том числе и на правотворческий процесс. Следует отметить, что белорусский законодатель достаточно логичен и последователен в этом процессе. В первую очередь это связано с тем, что Республика Беларусь одна из немногих стран на постсоветском пространстве, где принят Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах», который достаточно эффективно регулирует отношения в части создания нормативных правовых актов.

Н.А. Хомянок, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.Ф. Лапанович*

**ВИТЕБСКОЕ ГОРОДСКОЕ ПРАВО
В СИСТЕМЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРАВА
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО**

В XI–XIII вв. в Европе начиналось активное развитие городов. Они не только были освобождены от феодальных повинностей, но и стали политическими культурными и экономическими центрами, противостоящими средневековому укладу. Большинство экономически сильных городов сумели отвоевать для себя более или менее широкий круг вольностей в общих рамках средневековой государственности. Горожане, став экономически сильным социальным строем, обособились в структуре средневекового общества, что оказало большое влияние на дальнейшее развитие феодального государства. Оно вынуждено было считаться с горожанами, предоставив им определенное место в политической системе страны [1, с. 40].

В Западной Европе первоначально появились статуты итальянских городов, затем грамоты городам-коммунам Франции. Данные процессы в форме закрепления прав и вольностей нашли свое логическое завершение и в отношении немецких городов. Конец XI в. в Германии отмечен сильным подъемом городской жизни, что выступило стимулом в формировании городского права. Наибольшее развитие в период Позднего Средневековья получило право городов Германии, законы которых являлись образцами для других городов. Это были Любек, Кёльн, Гамбург и Магдебург. Наиболее распространенным образцом городского самоуправления, ставшим основой для правопреemptивных процессов, было самоуправление на основе магдебургского права. В соответствии с ним экономическая деятельность, имущественные права, общественно политическая жизнь, а также государственное положение горожан регулировалось собственной системой юридических норм, что отвечало роли городов, как центров производства и товарно-денежных отношений. С одной стороны, это подчеркивало важность роли городов в общественной и политической жизни страны, а с другой – был новый этап в развитии института местного управления и самоуправления [2, с. 36].

В XIII–XIV вв. Магдебургское право широко распространилось в Восточной Европе. Действие Магдебургского городского права зафиксировано в Силезии, Малопольше, Великопольше, Куявии, Мазовии, на землях Тевтонского ордена, в Ливонии, на литовских, белорусских и украинских землях Великого Княжества Литовского, на русских землях, а также в Богемии, Моравии и Словакии. В Малопольше и Галиции, например, Магдебургское городское право было даровано 650 городам и деревням, в Великопольше – 150, а на белорусских землях ВКЛ – 52 населенным пунктам [3, с. 38].

Первым белорусским городом ВКЛ, который получил Магдебургское право, был в 1390 г. Брест. В 1496 г. его получило Гродно, в 1498 г. – Полоцк, в 1499 г. – Минск, в 1503 г. – Каменец, в 1511 г. – Новогрудок, в 1577 г. – Могилев и т. д. [4, с. 34]. До второй половины XVII в. Магдебургским правом владели почти все более или менее значительные города и местечки. Этому способствовало то, что ВКЛ постоянно подвергалось нападениям, и государство было заинтересовано в преобразовании городов в форпосты своей обороны. Получая Магдебургское право, мещане, в случае войны, выходили охранять не только государство, но и свою «городскую независимость», личные свободы [5, с. 15].

Однако на территории Беларуси действовали иные формы городского самоуправления, отличные от магдебургского права. Наиболее ранние из них зафиксированы в Подвинье. Вызвано это прочными вековыми традициями Полоцкой земли. Так, витебская модель самоуправления складывалась на протяжении XVI в. вследствие постепенного отделения города от волости. При Сигизмунде Старом бояре и мещане получили копии привилегии 1541 г. (подтверждения грамоты Александра от 16 июля 1503 г.), подтверждавшей затем в 1561, 1582 и 1592 гг. [6, с. 44].

Привилегия содержит нормы, которые сложились в результате договоров витебских бояр, мещан и волощан с князьями. В грамоте широко освещены вопросы суда. Установлены размеры змиричины, децкования, помильного и иных оплат в пользу властей. По всем судебным делам витебляне должны были направляться в Витебск, где их судили князья, бояре и мещане. Однако разделение с волостью было неполным. Так, в 1531 г. совместно с князьями и боярами витебские мещане приняли постановление относительно вольных похожих людей: «...держати по Полоцкому» [6, с. 44].

Витебский войт мог судить только дела нижнего уровня, вместе со «старшими» мещанами распоряжаться финансами города, о чем

ежегодно давал отчет. Войта выбирали совместно посполитые и конные мещане. Вместе с ним до последней четверти XVI в. существовали «старшие мещане» от отдельных частей города в количестве 21. Они представляли Витебск перед властями, подписывали финансовые обязательства, наряду с войтом участвовали в суде воеводы по делам мещан. В последней четверти XVI в. территориальный принцип сменяется сословным: при войте было шесть представителей конных и шесть – посполитых мещан. В первой половине XVI в. был городской дьяк, которого выбирали сами мещане. Важные вопросы решало общее собрание горожан – «всоп». От Сигизмунда Вазы 28 декабря 1551 г. Витебск получил подтверждение права на проведение медовых «складов», когда мещане варили мед и доход от этого направляли на благотворительные цели [6, с. 44–45].

В последней трети XVI в. сложившуюся в Витебске модель самоуправления под названием «витебское право» использовали некоторые местечки в северо-восточной части ВКЛ. Так, Сигизмунд Август 5 июня 1570 г. дает его Суражу по просьбе войта Ивана Химы и суражских мещан. Самоуправление возглавлял войт, которого избирали мещане и утверждал король. Судить мещан витебский воевода мог только в присутствии войта и нескольких старших мещан. Разрешалось построить отдельную городскую тюрьму для должников, распоряжался которой войт. Судебные правила и нормы наследственного права устанавливались аналогично витебским. Производилось разделение доходов: воскобойное должно было направляться замку, а важнее и постригальное – городскому. У мещан не могли отнять имения, полученные за службу. Местечку передавались земли, сенокосы и леса на милю вокруг него. За эти земли мещане должны были нести конную службу, «как в Витебске». Мещане освобождались от барщины и сопровождения королевских охот. Сураж получал право на вольные торги, ярмарки, а также герб – «Замок и три башни» [6, с. 45].

Стефан Баторий 26 января 1577 г. по просьбе войта Ходана Беляя даровал привилегию «по примеру города нашего Витебского такое право и вольности, которые подданные наши мещане города Витебского и местечка Сурожского используют», мещанам Уллы. Практически все положения данной грамоты аналогичны привилегии Суража [6, с. 45].

«Витебское право» от Стефана Батория 20 мая 1585 г. получил также Велиж. Однако данная привилегия отличается от суражской и улльской. Во-первых, городу сразу дали герб. Во-вторых, войт назначался королем

из велижских мещан по его воле, а не избирался. Точно описаны границы городских земель. Местечко могло не только проводить ярмарки, но и построить гостинный дом и иметь в нем городские весы. Доходы от них шли на городские нужды. Велижские горожане освобождались от замковых работ, станции, ловов и подвод. Купцы должны были иметь безмены с городской печатью. Замок мог использовать ремесленников для работ лишь за плату. В велижской грамоте отмечено, что витебские обычаи вводятся при отправлении суда [6, с. 45–46].

Новый этап в развитии витебского средневекового права связан 1597 г., когда король Польши и Швеции, великий князь литовский Сигизмунд III Ваза даровал жителям Витебска, который территориально входил тогда в состав Речи Посполитой, Магдебургское право.

Таким образом, витебское городское право является самостоятельной моделью городского самоуправления на территории Беларуси, которая существовала на территории ВКЛ, а потом и в Речи Посполитой наравне с Магдебургским правом. Витебская модель самоуправления использовалась также и в других городах на Беларуси, таких как Улла, Велиж и Сураж. Ее особенностью было наличие общегородского и территориального уровней самоуправления, а также достаточно развитого судебного-процессуального права.

Список использованных источников

1. Орловская, Е.И. Магдебургское право и города Беларуси / Е.И. Орловская // Право Беларуси: истоки, традиции, современность : материалы Междунар. практ. конф., 21–22 мая 2004 г. – Новополоцк, 2004. – Ч. 1. – С. 40–41.
2. Мисаревич, Н.В. Магдебургское право в истории белорусской государственности / Н.В. Мисаревич // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Серыя 4, Правазнаўства. – 2013. – № 3. – С. 34–41.
3. Келлер, О.Б. Из истории магдебургского городского права / О.Б. Келлер // Выш. шк. – 2013. – № 4. – С. 38–42.
4. Келер, В.Б. Асноўныя віды гарадскога права на беларускіх землях ВКЛ / В.Б. Келер // Беларус. гіст. часопіс. – 2013. – № 7. – С. 33–37.
5. Кузнецов, И.Н. История государства и права Беларуси : пособие для студентов высш. учеб. заведений / И.Н. Кузнецов, В.А. Шелкопляс. – Минск : Тесей, 2004. – 320 с. – (История государства и права).
6. Стренковский, С.П. Региональные модели самоуправления городов Великого Княжества Литовского, не имевших немецкого права, в XVI–XVII веках // Вестн. Балт. федер. ун-та им. И. Канта. – 2011. – Вып. 12. – С. 43–49.

V курсантский научный круглый стол
«Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права,
криминологии и противодействия коррупции»
(8 января 2020 г.)

УДК 343.8

Д.А. Якунина, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – *С.Л. Гайкович*

ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ
К НАКАЗАНИЮ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Получение образования наряду с общественным воздействием, воспитательной работой, режимом и общественно полезным трудом является одним из основных средств достижения уголовной ответственности и исправления осужденных. Право на образование провозглашается в ст. 49 Конституции Республики Беларусь, которая гарантирует доступность и бесплатность общего среднего и профессионально-технического образования, доступность среднего специального и высшего образования в соответствии со способностями каждого [1].

Государственные гарантии обеспечения прав всех граждан на получение образования также закреплены в ст. 3 Кодекса Республики Беларусь об образовании. Статья 2 указанного нормативного правового акта устанавливает обеспечение равного доступа к получению образования в качестве одного из принципов государственной политики [2]. Вышеперечисленное означает, что каждый гражданин нашей страны имеет право на получение образования любого уровня в соответствии со своими возможностями и способностями.

Сущность получения образования осужденными к лишению свободы наиболее полно отражено в определении, данном Т.М. Катцовой: «Образование осужденных к лишению свободы – это обучение и воспитание лиц, находящихся в местах лишения свободы, организованные с учетом специфики функционирования исправительного учреждения и направленные на усвоение знаний, умений, навыков, формирование гармоничной, разносторонне развитой личности обучающихся, их исправление, последующую социальную адаптацию и социальную реабилитацию, а также предупреждение преступлений» [3, л. 10].

Таким образом, проанализировав данное определение, можно выделить ряд особенностей, присущих образованию осужденных, таких как тесная взаимосвязь с механизмом исправительного воздействия, уста-

новленным порядком исполнения и отбывания наказания (режимом), воспитательной работой, общественно полезным трудом и общественным воздействием.

Наряду с перечисленными особенностями получения образования осужденными существует ряд проблем, требующих разрешения.

Во-первых, в Республике Беларусь в недостаточной степени организовано получение образования осужденными на всех уровнях. Ни в одном исправительном учреждении государства не созданы необходимые условия для того, чтобы каждый мог получить желаемый уровень образования, что противоречит нормам Кодекса Республики Беларусь об образовании. Отсутствует комплексный подход к получению образования (например, наличие возможности получения наряду с базовым образованием, среднего специального и высшего образования).

Во-вторых, требования, предъявляемые к педагогам, обучающихся лиц, содержащихся в исправительных учреждениях, должны существенно отличаться от требований к специалистам, обучающим другие категории граждан. Педагогам, работающим с осужденными, необходимо иметь не только дополнительные знания в сфере пенитенциарной психологии, пенитенциарной педагогики, андрагогики, но и знать положения Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (УИК), Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, относящихся к образованию осужденных к лишению свободы. Такие знания они могли бы приобрести, например, в рамках повышения квалификации, для чего нужна образовательная программа повышения квалификации педагогических работников, осуществляющих педагогическую деятельность в учреждениях образования, расположенных на территории исправительных учреждений, освоение которой было бы обязательным для таких служащих.

В-третьих, образовательные программы, методы и средства обучения осужденных к лишению свободы также должны учитывать специфику обучающихся (например, методов обучения осужденных к лишению свободы старше 18 лет, не имеющих общего базового и общего среднего образования).

В-четвертых, поскольку свобода передвижения лиц, находящихся в местах лишения свободы, ограничена, не все формы получения образования, указанные в Кодексе Республики Беларусь об образовании (согласно ч. 1 ст. 17 Кодекса Республики Беларусь об образовании «образование может быть получено в очной, заочной формах получения образования и в форме соискательства»), приемлемы для осужденных к лишению свободы. В связи с этим следует регламентировать формы получения образования осужденными к лишению свободы в соответствующих нормативных правовых актах.

В-пятых, необходимо установить методы стимулирования осужденных к получению образования и создать необходимые условия для получения образования на всевозможных уровнях. Полагаем, что мотивировать осужденных к обучению можно посредством внесения изменений в УИК, создающих благоприятные условия для осужденных, получающих образование, и стимулирующих их стремление к обучению.

Таким образом, для более перспективного развития института образования осужденных к лишению свободы в исправительных учреждениях Республики Беларусь, достижения его целей и качественной реализации задач необходим детальный пересмотр специфики особенностей получения образования в исправительных учреждениях, внесение новых конкретизирующих норм в УИК и в иные соответствующие нормативные правовые акты.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 11-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2020. – 62 с.
2. Об образовании [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 29 окт. 1991 г., № 1202-ХП : в ред. Закона Респ. Беларусь от 23.07.2019 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Катцова, Т.М. Правовое и прикладное обеспечение образования осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Т.М. Катцова. – Минск, 2016. – 118 л.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

<i>Андрева И.И.</i> Междисциплинарный подход к уяснению сущности оперативно-розыскных правоотношений	3
<i>Антонова Ю.В.</i> Актуальные проблемы правового регулирования кредитного договора в современных условиях	9
<i>Артюх Е.А.</i> Правовое регулирование оказания туристических услуг в Республике Беларусь: общие положения	15
<i>Асадчук М.А.</i> Аднаўленне дзейнасці органаў унутраных спраў на тэрыторыі БССР у першыя пасляваенныя гады (1943–1946 гг.).....	22
<i>Барсук Д.С.</i> Понятие, содержание и роль мониторинга как общей функции государственного управления	29
<i>Бачинский В.В.</i> Возможности проверки информации о первичных учетных документах при помощи информационных сервисов Республики Беларусь.....	36
<i>Белаканыцкий П.С.</i> Современные методы борьбы с киберпреступностью в Республике Беларусь	42
<i>Букшта Н.Г.</i> Виды дефектных административно-правовых актов: характеристика и критерии классификации	47
<i>Бурак А.С.</i> Совершенствование деятельности органов внутренних дел по обеспечению экономической безопасности Республики Беларусь	56
<i>Гнилякевич В.Л.</i> Проблемы проведения оперативного эксперимента в Республике Беларусь	62
<i>Гнилякевич В.Л., Дятлов В.Э.</i> Правовые и организационные проблемы проведения оперативного эксперимента в Республике Беларусь	68
<i>Дементей О.А.</i> Принцип неприкосновенности собственности как средство обеспечения права собственности	74
<i>Дементей О.А., Борисенок К.А.</i> Становление принципа неприкосновенности собственности в исторической ретроспективе	82
<i>Демьянов Н.А., Соха Н.А.</i> Некоторые аспекты причинения вреда охраняемым интересам при проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативное внедрение»	89
<i>Дяков Р.В.</i> О противодействии наркоторговле в сети Интернет	95
<i>Дятлов В.Э.</i> Анонимное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность	100
<i>Жук М.А.</i> Особенности собирания и исследования следов биологического происхождения	107
<i>Иванов В.В.</i> Теоретико-правовые аспекты защиты прав потребителей при возврате товара продавцу	112
<i>Карпицкий К.В.</i> Генезис белорусского законодательства об участии понятых в уголовном процессе	122
<i>Карпук А.С.</i> Оперативно-розыскная характеристика коррупционных преступлений	127
<i>Ковалевич Д.В.</i> Проблемные аспекты действующего законодательства в сфере защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность	134

Ковалевич Д.В., Диковицкий Д.А. Статус, роль и место следователя и прокурора как участников оперативно-розыскной деятельности	140
Ковалевский Е.С. Обязательства из неосновательного обогащения как гражданско-правовой институт и его обеспечительная функция	145
Козырь С.Е. Некоторые аспекты противодействия торговле людьми	151
Король Н.И. О связи наук оперативно-розыскная деятельность и криминалистика	158
Король Н.И., Андреева И.И. О связи наук оперативно-розыскная деятельность и уголовный процесс	166
Король С.В., Шоломицкий Е.М. О привлечении граждан к конфиденциальному сотрудничеству с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность	174
Кулаковский В.П. Некоторые аспекты раскрытия грабежей, разбоев	180
Кулаковский В.П., Тарасов Н.М. Раскрытие преступления: сущность и содержание	185
Курпиенко В.В. Особенности правового регулирования находки в Республике Беларусь	191
Кураш Д.И. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудников органов внутренних дел	196
Левчук А.Н. Актуальные проблемы законодательного регулирования криптовалюты в Республике Беларусь	203
Лемешенок В.В. Субъекты и участники оперативно-розыскной деятельности	209
Майсинович И.А. Контроль и надзор в системе механизмов обеспечения прав и свобод граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности	217
Мартинкевич М.А. Состояние и перспективы правового регулирования криптовалюты как объекта гражданских прав по законодательству Республики Беларусь	223
Мискевич В.А. Теоретические аспекты исследования холодного оружия	229
Молчан Н.Д. Организационные аспекты взаимодействия оперативных подразделений с другими подразделениями и службами органов внутренних дел	235
Олякевич С.В. Средства и методы органов внутренних дел по раскрытию краж и угонов автотранспорта	241
Петрусевич Е.М. Профилактическая деятельность инспекций по делам несовершеннолетних: современное состояние и пути совершенствования	247
Пинчук К.О. Исторические аспекты взяточничества	255
Пинчук К.О., Винников П.М. Взяточничество – психологический анализ взяточничества	262
Рустаки Р.П. О некоторых аспектах разграничения смежных преступлений, связанных с торговлей людьми	268
Серебряков Д.А. Использование системы профайлинга при проведении оперативного опроса	276
Скоробогатый А.В. Отдельные теоретико-прикладные аспекты классификации способов сокрытия преступлений	282
Соха Н.А. Оперативное внедрение: актуальные проблемы и способы их решения	289

Стосуй И.П. Клевета: вопросы уголовно-правовой оценки	297
Стулевич Н.Д. Уголовная ответственность юридических лиц: анализ аргументов «за»	303
Сумароков Н.А. Источники права в правовом регулировании общественных отношений	311
Тарасенко Д.А. Генезис понятия института признания гражданина безвестно отсутствующим	318
Тарасов Н.М. Сущность оперативно-розыскного противодействия наркопреступности в сети Интернет	325
Тютюхин В.О. Поиск оперативно-розыскной информации в сети Интернет	331
Храменков В.В. О структурных элементах правоохранительного профайлинга	338
Чечко Д.Ю. Становление и современное состояние системы правового регулирования защиты прав потребителей	344
Шаран А.О. Актуальные проблемы правоприменительной практики уплаты алиментов в добровольном порядке и в случае выезда в иностранное государство на постоянное место жительства	350
Шевчик П.И., Меркуль А.Н. Особенности обеспечения информационной безопасности подразделений органов внутренних дел	359
Шузов В.В. Административно-правовые методы деятельности органов внутренних дел по обеспечению прав граждан и гарантий их реализации	365
Якунина Д.А. Системный анализ института получения образования осужденными к лишению свободы в Республике Беларусь	371

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

*Научно-практическая конференция
«Совершенствование уголовно-процессуального законодательства
Республики Беларусь и практики его применения»
(24 апреля 2019 г.)*

Багулин Н.И. О некоторых аспектах конституционного судопроизводства в Республике Беларусь	377
Демьянов Н.А. Реформирование функции милиции как необходимое условие совершенствования досудебного производства	381
Каралёк В.И. Возникновение и развитие института защиты в уголовном процессе Республики Беларусь	384
Ковалевич Д.В. Роль и участие следователя в оперативно-розыскной деятельности	388
Ковчик В.Н. Мусульманская модель доказывания	390
Фадеенков С.Е. О некоторых вопросах доказывания и понятия доказательств в отечественной и зарубежной правоприменительной практике	392

*Круглый стол
«Проблемы применения и совершенствования
уголовного законодательства»
(24 апреля 2019 г.)*

Афанасенко С.А. Условно-досрочное освобождение осужденных к пожизненному заключению в Республике Беларусь: постановка проблемы и пути решения	397
--	-----

Дятлов В.Э. Характеристика отдельных квалифицирующих признаков незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов	399
Исаков А.А. Оптимизация применения уголовно-правовых мер за преступления, предусмотренные ст. 174 Уголовного кодекса Республики Беларусь	402
Кайко А.М. Институт освобождения от наказания в англосаксонской правовой семье	406
Магнушевский В.С. Сравнительно-правовой анализ назначения наказания при превышении пределов необходимой обороны в Республике Беларусь и зарубежных странах	409
Макаренко М.О. Проблемы интеграции в общество лиц, освобожденных условно-досрочно от наказания в виде лишения свободы	413
Нечаев И.Л. Особенности использования оценочных признаков в уголовном праве Англии	416
Павлович В.В. Добровольный отказ от преступления: понятие, содержание, сущность	418
Часнок А.С. Наказания за убийство в разных странах мира	421

Научно-практическая конференция

«Актуальные вопросы совершенствования правового регулирования экономических отношений в Республике Беларусь»

(12 июня 2019 г.)

Бачинский В.В. Пути преодоления коррупции в системе государственного управления	425
Буйницкий В.А. Обеспечение имущественной безопасности государства, граждан и юридических лиц как основная задача Департамента охраны Министерства внутренних дел Республики Беларусь	428
Ковтун В.А. Проблемы международной борьбы с налоговыми правонарушениями и их решения	430
Кулик В.С. Влияние опасных гидрометеорологических явлений на лесные ресурсы	434
Мартинкевич М.А. Отдельные проблемы использования криптовалюты в денежной системе Республики Беларусь	437
Марченко К.С. Понятие и история развития коррупции	439
Фурс Н.В. Коррупция как угроза экономической безопасности Республики Беларусь	441
Яроцкий А.И., Фурс Н.В. Проблема загрязнения атмосферного воздуха в Республике Беларусь	444

IX курсантские научные чтения

«Актуальные проблемы теории и истории государства и права»

(10 декабря 2019 г.)

Асадчук М.А. Уключэнне Галоўнага ўпраўлення міліцыі ў структуру Міністэрства дзяржаўнай бяспекі як вопыт рэфармавання праваахоўнай сістэмы ў канцы 1940-х – пачатку 1950-х гг.	446
Богатов Д.А. Политическая деятельность и политическая теория Фрэнсиса Бэкона	450
Вацумирский С.О. О структуре правосознания	453

Вербинов Д.А. Внешняя политика Республики Беларусь: историко-правовой анализ	456
Герасименко Р.В. О влиянии средств массовой информации на правовую культуру граждан	461
Зданович Л.С. Деятельность по оказанию помощи беженцам на территории Беларуси в годы Первой мировой и Великой Отечественной войн	463
Колпаков В.С. Юридическая ответственность несовершеннолетних в советском законодательстве послевоенного времени (1945–1953 гг.)	467
Комков Е.М. Суд и судебный процесс в Великом Княжестве Литовском в достатутный период	470
Крылов С.В. Гегель о соотношении исполнительной и законодательной власти	474
Манько Н.Д. Правовая культура сотрудников пенитенциарной системы	477
Могила Н.А. Деятельность органов внутренних дел БССР в борьбе с анти-советским польским подпольем (1945–1947 гг.)	481
Протасевич А.О. Условия содержания заключенных в концлагере в Березе-Картузской (1934–1939 гг.)	484
Студевич Н.Д. Понятие суверенитета в политико-правовой концепции Карла Шмитта	487
Сумароков Н.А. О нетипичных источниках права	491
Суханова А.Д. Социальные аспекты правотворчества	494
Хомянок Н.А. Витебское городское право в системе средневекового права на территории Беларуси в период Великого Княжества Литовского	496

V курсантский научный круглый стол

«Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права, криминологии и противодействия коррупции»

(8 января 2020 г.)

Якунина Д.А. Особенности получения образования осужденными к наказанию в виде лишения свободы	500
--	-----

Научное издание

КУРСАНТСКИЙ ВЕСТНИК

Сборник научных статей обучающихся

Выпуск 5

Подписано в печать 30.09.2020. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 29,53. Уч.-изд. л. 30,48.
Тираж 30 экз. Заказ 248.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.